ВОЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ

ЗИМНЯГО ДВОРЦА.

ВОЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ

ЗИМНЯГО ДВОРЦА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
1847.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ Iй

И

ЕГО СПОДВИЖНИКИ

ВЪ 1812, 1813, 1814, 1815 ГОДАХЪ.

ВОЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ ЗИМНЯГО ДВОРЦА,

ИЗДАВАЕМАЯ

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

И ПОСВЯЩЕННАЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ

СОЧИНЕНІЯ

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА А. И. МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО

БЫВШАГО ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТОМЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА 1-ГО.

ПОРТРЕТЫ СЪ ПОДЛИННИКОВЪ ДОВА РИСОВАНЫ ХУДОЖНИКАМИ Г-ми КЛЮКВИНЫМЪ, ДОЛЛЕ, Е. РОБИЛЬЯРОМЪ и И. РОБИЛЬЯРОМЪ.

ИЗДАНІЕ

И. ПЕСОЦКАГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1846.

Печатано съ разрѣшенія Военно-Цензурнаго Комитета.

Въ типографіи Карла Крайя.

СОДЕРЖАНІЕ 3го ТОМА.

КНЯЗЬ

М. Л. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ-СМОЛЕНСКІЙ.

Михаилъ Ларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, Россійской Имперіи Князь, съ титуломъ Свѣтлѣйшаго и названіемъ Смоленскаго, Генералъ-Фельдмаршалъ, Главнокомандовавшій Россійскою, Австрійскою и Прусскою арміями, Членъ Государственнаго Совѣта, и орденовъ: Россійскихъ, Св. Апостола Андрея Первозваннаго, съ брилльянтами, Св. Александра Невскаго, Св. Георгія, Св. Владимира и Св. Анны 1-хъ степеней, Св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста, Австрійскаго Маріи Терезіи 1-й степени, и Прусскихъ Чорнаго и Краснаго Орла первыхъ степеней кавалеръ, имѣвшій портретъ Императора Александра, брилльянтами украшенный, и золотую шпагу, съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ, родился въ Петербургѣ, Сентября 5-го 1745 года. Родъ Кутузовыхъ принадлежитъ къ старинньмъ дворянскимъ Русскимъ родамъ. Лѣтописи повѣствуютъ, что въ XIII-мъ вѣкѣ, къ Великому Князю Александру Ярославичу выѣхалъ «мужъ честенъ и добръ изъ Прусскія земли», принялъ Св. крещеніе, нареченъ Гавріиломъ, и былъ храбрымъ воеводою Невскаго героя. Праправнукъ Гавріила, Өеодоръ Александровичъ первый назвался «Кутузовымъ». Доблестно служили Кутузовы Царямъ Россіи, и были награждаемы чинами, жалованьемъ и помѣстьями. Племянникъ Өеодора Александровича, Василій Ананьевичъ, для отличія отъ другихъ, прибавилъ къ родовому имени своему прозваніе Голенищева. Его потомки были небогатыми помѣщиками въ Псковской области, въ нынѣшнихъ Опочковскомъ и Торопецкомъ уѣздахъ. Въ первомъ изъ сихъ уѣздовъ, въ сельцѣ Матюшкинѣ, находятся могилы дѣда нашего великаго полководца, Матвѣя Ивановича, и бабки, урожденной Бедринской, а во второмъ, Тербенскаго прихода, въ сельцѣ Ступинѣ, отца, Ларіона Матвѣевича, и матери, урожденной Беклемишевой. Матвѣй Ивановичъ служилъ Отечеству на поляхъ ратныхъ, во времена Самозванцевъ, защищая дѣло законныхъ Государей. Ларіонъ

Матвѣевичъ началъ службу при Петрѣ Великомъ, и былъ однимъ изъ образованныхъ людей своего времени. Уважаемый современниками за умъ, свѣдѣнія и поучительную бесѣду, онъ пріобрѣлъ особенно большія познанія въ Инженерномъ искуствѣ, и представилъ Императрицѣ Елисаветѣ проэктъ Петербургскаго канала, названнаго въ послѣдствіи «Екатерининскимъ», ибо, по проэкту Кутузова, онъ былъ исполненъ уже въ Царствованіе Екатерины, отличавшей Ларіона Матвѣевича. Онъ находился въ первой Турецкой войнѣ, подъ знаменами Задунайскаго, тридцать лѣтъ служилъ въ Инженерномъ Корпусѣ, и скончался въ чинѣ Генералъ-Поручика и въ званіи Сенатора.

Михаилъ Ларіоновичъ былъ его единственнымъ сыномъ. Отецъ находился въ дальнемъ отсутствіи по дѣламъ службы, когда скончалась мать юнаго Михаила Ларіоновича. Сирота принятъ былъ на воспитаніе бабкою, и провелъ первые годы младенчества въ ея патріархальномъ, благочестивомъ семействѣ. Любимецъ бабки, онъ былъ добръ, остроуменъ, но горячъ, вспыльчивъ, и въ то же время безпеченъ, лѣнивъ на ученье, любилъ долго спать и нѣжиться. Отличительными свойствами его въ дѣтствѣ были необыкновенное любопытство и страсть слушать сказки и разсказы. Распрашивая о чемъ нибудь неизвѣстномъ ему, или заслушиваясь разсказа, онъ забывалъ игры и сонъ; съ юныхъ лѣтъ самъ онъ отличался даромъ слова. Съ пріѣздомъ умнаго, стараго отца, переѣхавшаго на службу въ Петербургъ, прекратилось безпечное дѣтство Михаила Ларіоновича. Онъ былъ опредѣленъ въ учрежденную Петромъ Великимъ Инженерную Школу, откуда, въ 1737-мъ году, и отецъ его былъ выпущенъ Кондукторомъ. Михаилъ Ларіоновичъ находился въ сей школѣ, когда, въ 1758-мъ году, она была соединена съ Артиллерійскою, подъ общимъ названіемъ Артиллерійской и Инженерной Школы, и состояла «подъ «особенною дирекціею» Генералъ Фельдцейгмейстера Графа Петра Ивановича Шувалова, помощникомъ коего былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени, Полковникъ — въ послѣдствіи Генералъ-Инженеръ — Михаилъ Ивановичъ Мордвиновъ. Онъ первый обратилъ на Кутузова вниманіе Графа Шувалова. Въ началѣ 1759-го года, Кутузовъ былъ произведенъ въ Унтеръ-офицеры, 28-го Октября того же года, «За прилежность къ наукамъ», въ Каптенармусы артиллеріи, а 10-го Декабря въ Инженеръ-Кондукторы 1-го класса, съ оставленіемъ при Школѣ въ помощь офицерамъ, о чемъ данъ былъ Графомъ Шуваловымъ Артиллерійской и Инженерной Школѣ слѣдующій ордеръ: «По «представленію оной Школы, Артиллеріи Каптенармусъ Михаилъ Кутузовъ, за его особенную «прилежность, и въ языкахъ и математикѣ знаніе, «а паче что принадлежитъ для Инженера имѣетъ «склонность, въ поощреніе прочимъ, сего числа «произведенъ мною въ Инженерный корпусъ «перваго класса Кондукторомъ, о чемъ Артил-«лерійская и Инженерная школа будучи извѣстна, «имѣетъ ему Кутузову сей кондукторскій чинъ «объявя, въ вѣрности службы привесть къ при-«сягѣ и оставить по прежнему при Школѣ, къ «вспоможенію офицерамъ для обученія прочихъ; «а о томъ же отъ меня Гг. Артиллерійскому и «Инженерному Генералитету ордировано, и о «учиненіи оклада жалованья въ канцелярію гла-«вной Артиллеріи и Фортификаціи предложено.» Продолжая совершенствовать себя въ высшихъ военныхъ наукахъ, Кутузовъ преподавалъ кадетамъ Ариѳметику и Геометрію. Марта 5-го 1761-го года былъ онъ произведенъ въ Инженеръ-Прапорщики, а черезъ два мѣсяца отчисленъ отъ Школы, для опредѣленія въ дѣйствительную службу. Въ выданномъ ему тогда свидѣтельствѣ сказано: «Сверхъ математическихъ наукъ, Пра-«порщикъ Кутузовъ знаетъ хорошо Нѣмецкій и «Французскій языки, а на Латинскомъ разумѣетъ «автора.» Кутузову было тогда 15-ть лѣтъ. «Особеннымъ счастіемъ моимъ», говорилъ онъ въ послѣдствіи, «было оказываемое мнѣ въ то «время покровительство и совѣты родственника «моего, Директора Морскаго Корпуса Ивана Ло-«гиновича Голенищева-Кутузова». Во всю жизнь свою Михаилъ Ларіоновичъ питалъ къ нему сыновнюю благодарность, называя его, въ разговорахъ и письмахъ, отцемъ своимъ. Будучи въ чинѣ Генерала отъ Инфантеріи, писалъ онъ Ивану Ло-

тиновичу, при пожаловании его Президентомъ Адмиралтействъ Коллегіи—званіе, считавшееся въ 1-мъ классѣ Государственной службы, — слѣдующее: «Вы можете себѣ представить, батюшка, «какъ меня порадовало Фельдмаршальство ваше. «Я въ одинъ день получилъ о семъ увѣдомленіе «отъ разныхъ лицъ, а безцѣнное письмо ваше «наградило меня на долго за всѣ скучныя бесѣды въ Выборгѣ. На ваше замѣчаніе о Торопецкомъ дворянинѣ, въ сиротствѣ и безъ покровителей теченіе начавшемъ, я сдѣлаю свое «замѣчаніе: ежели такой дворянинъ дошелъ до «Фельдмаршала, такой видно родился необыкновеннаго покроя; до сей степени не дослужиться въ двадцать лѣтъ; а на продолжительномъ пути службы, сколько препятствій случается, которыхъ обыкновенный ѣздокъ не «преодолѣетъ, кольми паче прямо и все прямо «ѣдучи. Простите, батюшка! Ручки ваши цѣлую, «и надѣюсь васъ долго, долго Фельдмаршаломъ «видѣть.»

По счастливому случаю, Кутузовъ былъ замѣченъ Императрицею Екатериною. Какъ будто угадывая въ молодомъ Прапорщикѣ будущаго полководца и посла своего, Монархиня желала открыть ему видное служебное поприще. По прозьбѣ ея Кутузовъ былъ опредѣленъ, Марта 22-го 1762-го года, Императоромъ Петромъ Ѳеодоровичемъ въ Адъютанты къ Ревельскому Генералъ Губернатору, Генералъ-Фельдмаршалу, Принцу Голштейнъ-Бекскому, и въ Августѣ мѣсяцѣ того же года, переименованъ изъ Адъютантовъ въ Капитаны. Во время двухълѣтняго пребыванія Кутузова въ Ревелѣ, Императрица Екатерина посѣтила сей городъ и удостоила Кутузова разговоромъ. Отвергая обольщенія свѣтской жизни, коими наслаждался, находясь при Голштейнъ-Бекскомъ Принцѣ, Кутузовъ выпросился, въ 1764-мъ году, волонтеромъ въ войска, вступившія въ Польшу. Здѣсь началъ онъ воинское поприще, которое почти полвѣка суждено ему было провесть въ бояхъ, достигнувъ на немъ высшихъ почестей воинскихъ и должностей государственныхъ. Въ первый разъ находился Кутузовъ въ сраженіи, происходившемъ 28 Іюня 1765-го года, близъ Варшавы, съ Воеводою Княземъ Радзивиломъ; въ 1769-году разсѣялъ многочисленную толпу Конфедератовъ, разбилъ мятежниковъ при Орынѣ и въ окопахъ при рѣкѣ Овручѣ, потомъ одержалъ поверхность надъ Поляками и Турками, и взялъ въ плѣнъ 63 человѣка, нанесъ, вмѣстѣ съ Маіоромъ Паткулемъ, рѣшительный ударъ Конфедератамъ въ областяхъ Великой Польши, положивъ на мѣстѣ до тысячи человѣкъ и отнявъ у непріятеля нѣсколько пушекъ. О подробностяхъ дѣлъ сихъ не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній, но вотъ что о томъ времени слышалъ я отъ Кутузова: «Въ Польшѣ», сказалъ онъ однажды въ Тарутинѣ: «мы жили очень весело, дрались съ Поляками, «но войны я еще не понималъ.» Тайны войны раскрылись Кутузову въ 1770-мъ году, когда его перевели въ армію Графа Румянцова, дѣйствовавшую противъ Турковъ, съ назначеніемъ Оберъ-Квартирмейстеромъ при Генералъ Квартирмейстерѣ Боуерѣ, за годъ передъ тѣмъ поступившемъ въ Русскую службу изъ-подъ знаменъ Фридриха II-го, съ именемъ искуснаго Генерала и отличнаго инженера. Расторопный, находчивый, Кутузовъ вскорѣ пріобрѣлъ расположеніе къ себѣ Боуера, и былъ безпрерывно употребляемъ въ довѣренныхъ порученіяхъ, при обозрѣніи непріятелей, составленіи диспозицій и движеніи войскъ. Начиная наступательныя дѣйствія, Румянцовъ поручилъ Боуеру корпусъ, назначивъ Кутузова исправлять при немъ должность Оберъ-Квартирмейстера. Въ семъ званіи, требующемъ основательныхъ познаній въ военномъ дѣлѣ, особенно при Генералѣ, каковъ былъ Боуеръ, питомецъ Фридриха, Кутузовъ находился въ разныхъ авангардныхъ дѣлахъ, командовалъ иногда посылаемыми отъ арміи отдѣльными отрядами, и вдругъ шагнулъ высоко. Отличіями, оказанными имъ въ побѣдахъ при Ларгѣ и Кагулѣ, обратилъ онъ на себя вниманіе Румянцова, и до такой степени, что Румянцовъ произвелъ Кутузова изъ Капитановъ, минуя Секундъ-Маіорскій чинъ, въ Оберъ-Квартирмейстеры Преміеръ-Маіорскаго ранга. Въ слѣдующемъ 1771-мъ году большихъ военныхъ дѣйствій не происходило, и Кутузовъ не имѣлъ случая отличиться. Декабря 8-го того же года былъ онъ по старшинству

произведенъ въ Полковники, съ переводомъ въ находившійся въ арміи Румянцова Московскій Легіонъ, а вскорѣ потомъ въ бывшій тамъ же Тульскій пѣхотный полкъ. Здѣсь, въ 1772-мъ году, ждала его непріятность — неудовольствіе на него Румянцова, по слѣдующему случаю: Заслуживъ уваженіе начальниковъ, Кутузовъ жаждалъ воинской чести, но въ то же время онъ увлекался юностью и живостью своего пылкаго характера. Душа общества, разгульный товарищъ, напрашиваясь въ опасныя мѣста, какъ говорилъ объ немъ Текеллій, онъ былъ такъ нетерпѣливъ и пылокъ, что не всегда могъ смирять себя въ гнѣвѣ, и веселая шутка его иногда не знала умѣренности. Искусно подражая разговору и пріемамъ каждаго, Кутузовъ вѣрно схватывалъ забавную сторону всѣхъ, и въ кругу товарищей не щадилъ самого Главнокомандующаго. Проказы молодаго Подполковника были переданы Румянцову, и онъ перевелъ Кутузова изъ Молдавской арміи въ Крымскую, Князя Василья Михайловича Долгорукова, прославленную въ 1771-мъ году покореніемъ Крыма.

Непріятности по службѣ послужили урокомъ Кутузову и имѣли вліяніе на всю его жизнь. Онъ побѣдилъ врожденные недостатки своего характера, и предписалъ себѣ неизмѣнныя правила жизни, дѣлъ и даже рѣчей. Послѣ перехода своего изъ Дунайской арміи въ Крымскую, Кутузовъ совершенно перемѣнился. Какъ Суворовъ скрылъ себя подъ личиною Циника, Кутузовъ затаилъ свою пылкость, свои чувства, подъ неизмѣняемою наружностью свѣтской, уклончивой любезности и кроткой снисходительности. Не мѣшая ничьему честолюбію, онъ затаилъ въ глубинѣ души самобытность своего характера, заставилъ умъ свой уживаться съ другими, и вскорѣ не узнавали Кутузова. Смиряя свое воображеніе, не позволяя себѣ неосторожнаго слова, онъ давалъ дорогу всѣмъ, увѣренный, что его найдутъ, если онъ понадобится, и принимая правиломъ: «Какое намъ дѣло до другихъ, будемъ знать самихъ себя» и — «Лучше быть излишне осторожнымъ, нежели слишкомъ оплошнымъ, и допустить обмануть себя кому нибудь.» Единожды навсегда принятый Кутузовымъ планъ жизни и дѣлъ оправдался.

Военныя дѣйствія возобновились въ 1773 году. Въ Крымской арміи они ограничивались охраненіемъ Крыма и наблюденіемъ за Очаковымъ и Кинбурномъ. Кутузовъ находился въ отрядѣ Генерала Кохіуса, расположенномъ на Днѣпрѣ, въ Алешкахъ, съ Ноября 1773-го года по Апрѣль 1774-го. Время проходило въ мелкихъ сшибкахъ съ Крымцами. Въ 1774-мъ году Іюля 10-го былъ подписанъ Кучукъ-Кайнарджидскій миръ, но прежде нежели извѣстіе о мирѣ пришло въ Константинополь, часть Турецкаго флота была послана для высадки въ Крымъ и сдѣлала ее 22-го Іюля, у Алушты, между Судакомъ и Ялтою. Выйдя на берегъ, Турки окопались. Ближайшій къ сему мѣсту изъ Русскихъ начальниковъ, Генералъ-Поручикъ Графъ Мусинъ-Пушкинъ, собралъ наскоро, какія успѣлъ, войска, 24-го Іюля пошелъ на приступъ Турецкихъ окоповъ, находившихся впереди деревни Шумы, взялъ ихъ, выгналъ Турковъ и продолжалъ дѣйствія, когда получилъ извѣстіе о мирѣ и приказаніе прекратить военныя дѣйствія. Пушкинъ увѣдомилъ о томъ Кутузова, отдѣлившагося отъ Главнаго Корпуса для преслѣдованія Турковъ. Въ ту минуту Кутузовъ боролся со смертью. Съ знаменемъ въ рукахъ врывался онъ въ укрѣпленное селеніе Шумы, когда у фонтана пуля ударила его въ лѣвый високъ и вылетѣла у праваго глаза. До нынѣ фонтанъ сей, находящійся въ 10-ти верстахъ отъ Алушты, называется «Кутузовскимъ». Врачи обрекли Кутузова могилѣ, но къ удивленію врачей, онъ остался живъ — примѣръ, едва ли не единственный въ лѣтописяхъ медицины — и лишился только глаза. Для своего леченія Кутузовъ отправился въ Петербургъ. Молва о чудесной ранѣ его обращала на него общее вниманіе. Императрица Екатерина пожаловала ему Георгіевскій Крестъ 4-го класса, призывала его къ себѣ нѣсколько разъ, напоминала ему, что видѣла его въ Петербургѣ и Ревелѣ, и какъ здѣсь замѣчала въ немъ молодаго, ловкаго офицера, такъ теперь, черезъ тринадцать лѣтъ боевой службы его, увидѣла въ немъ, уже заплатившемъ

кровью за ея вниманіе, громкаго извѣстностью въ арміи. «Надобно поберечь Кутузова», сказала Великая Монархиня. Съ тѣхъ поръ неоднократно слыхали отъ нея слова: «*Мой Кутузовъ*». Для окончательнаго излеченія тяжкой раны, Императрица велѣла Кутузову ѣхать въ чужие края и посовѣтоваться съ врачами, щедро снабдивъ его деньгами на дорогу. Кутузовъ посѣтилъ Берлинъ, куда долгомъ поставляли тогда являться военные люди благоговѣть предъ Фридрихомъ, и изучать его Потсдамскіе парады и маневры. Фридрихъ встрѣтилъ Кутузова весьма ласково и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Долѣе всего прожилъ Кутузовъ въ Лейденѣ, славившемся тогда своимъ Медицинскимъ Факультетомъ. Изъ Лейдена Кутузовъ поѣхалъ въ Вѣну, къ сопернику Фридриха, Фельдмаршалу Лаудону и также удостоился его особеннаго вниманія.

По возвращеніи Кутузова въ Россію, въ 1776-мъ году, Императрица встрѣтила его милостиво, и отправила на югъ Россіи, гдѣ тогда тихо и постепенно утверждалось владычество Екатерины. На югѣ узналъ Кутузова человѣкъ, въ то время уже знаменитый — Суворовъ. Вмѣстѣ съ Кутузовымъ отправился онъ въ Крымъ, гдѣ Суворову поручено было дѣло трудное: окончить политикою начатое оружіемъ — покорить Россіи южныя области, Крымъ, берега Чернаго Моря и Нагайскія земли по Кубань. Основаніе дѣлу положено было договоромъ съ Турціею, по коему, получая обратно завоеванныя Русскими Молдавію и Валахію, Султанъ объявлялъ всѣхъ Татаръ независимыми отъ его власти, подъ покровительствомъ Россіи, для чего Россіи отданы были Азовъ, Таганрогъ, Керчь, Ениколь, Кинбурнъ и участокъ земли въ устьи Днѣпра. Для усмиренія бунтовъ въ Крыму, противъ утвержденнаго Россіею Хана, Суворовъ ввелъ въ Крымъ войска и удержалъ ихъ тамъ до 1779-го года, охраняя Крымскіе берега отъ флота и войскъ Оттоманскихъ, уничтожая противниковъ Россіи, переселяя изъ Крыма Грековъ и Армянъ, и заселяя ими Нахичевань и Маріуполь. Кутузовъ былъ его ревностнымъ помощникомъ. Суворовъ испросилъ ему за то, Іюня 28-го 1777-го года, чинъ Полковника, съ назначеніемъ въ Луганскій Пикинерный полкъ. Съ 1779-го года усилено было вліяніе Русской власти на югѣ Россіи и въ Крыму. Въ устьи Днѣпра возникъ Херсонъ, и раждающійся Русскій флотъ грозилъ Царюграду. Наступилъ 1782-й годъ. Крымъ взволновался. Покровительствуемый Россіею Ханъ былъ низверженъ. Для возведенія его на Престолъ Русскія войска должны были вторично занять Крымъ. Потемкинъ пріѣхалъ въ Херсонъ, призвалъ Суворова, съ 1780 года находившагося въ Астрахани, и совѣтовался съ нимъ въ выборѣ людей для посылки въ Крымъ, предоставляя ему самому управляться на Дону и на Кубани. Выборъ палъ на Генерала де-Бальмена, а помощникомъ его назначенъ былъ Кутузовъ. Возстаніе Крымцовъ уничтожено, и Ханъ еще разъ возведенъ на Престолъ. За участіе въ сихъ дѣйствіяхъ, Кутузова наградили Бригадирскимъ чиномъ, 28-го Іюля 1782-го года. Быстро полетѣли послѣ сего событія. Зимою вели переговоры съ Ханомъ, и 28-го Іюля 1783 года совершилось великое дѣло: Ханъ отрекся отъ Престола, добровольно передавая Россіи все свое Царство, простиравшееся отъ Буга до Кубани. Ожидали сопротивленія его подданныхъ, и не ошиблись. Возстаніе началось во всѣхъ Татарскихъ кочевьяхъ. На Кубани усмирялъ его Суворовъ, а въ Крыму Кутузовъ, пробывшій тамъ съ Мая до Октября 1783 года. Крымъ смиренно покорился Екатеринѣ, и уничтожился послѣдній остатокъ владычества Татарскаго въ Европѣ. По представленію тогдашняго двигателя Русскихъ силъ въ Новороссійскомъ краѣ, Потемкина, Кутузова наградили чиномъ Генералъ-Маіора, Ноября 24-го 1784 года, съ назначеніемъ Шефомъ ввѣреннаго формированію его Бугскаго Егерскаго корпуса. Черезъ два года потомъ Императрица предприняла свое великолѣпное путешествіе въ Тавриду. Въ Полтавѣ производили въ Ея присутствіи маневры войскъ, изображавшіе Полтавскую битву. Кутузовъ участвовалъ въ маневрахъ съ своимъ Бугскимъ Егерскимъ корпусомъ, и изъ рукъ Екатерины получилъ орденъ Св. Владиміра 2-й степени. Замѣтя, что Кутузовъ ѣздилъ во время

маневровъ на горячей лошади, Императрица съ улыбкою сказала ему: «Вы должны беречь себя. «Запрещаю вамъ ѣздить на бѣшеныхъ лошадяхъ, «и никогда не прощу, если услышу, что вы не «исполняете моего приказанія».

Черезъ три мѣсяца началась вторая Турецкая война Императрицы Екатерины съ Портою. Передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій, Августа 20-го 1787 года, Потемкинъ поручилъ Кутузову войска для охраненія границъ по Бугу. Въ корпусѣ его были полки Ольвіопольскій, Херсонскій, Александрійскій, Елисаветградскій и Полтавскій легкоконные, два Бугскіе казачьи, два Донскіе и четыре батальона егерей, при 12-ти орудіяхъ. «Ваша распорядительность и «искуство,» писалъ Потемкинъ Кутузову, «меня «совершенно обезпечиваютъ, и я съ надеждою «полагаюсь на ваше бдѣніе». Спустя нѣсколько дней, извѣщая Кутузова о нападеніи Турковъ на Кинбурнскую косу, Потемкинъ писалъ ему: «Я увѣренъ, что Турки не получатъ успѣха «тамъ, гдѣ храбрость и искуство соединенно «дѣйствуютъ, чего я ожидаю отъ васъ». Кутузовъ прикрывалъ границу по Бугу до Іюля 1788-го года, когда присоединился къ Екатеринославской арміи, веденной Потемкинымъ осаждать Очаковъ. При началѣ осады толпа Турковъ вышла изъ Очакова и открыла огонь по рабочимъ. Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ ранили Кутузова. Рана его была такъ же чудесна, какъ полученная имъ въ Крыму. Пуля попала ему въ щеку и вылетѣла въ затылокъ. Кутузовъ замертво былъ вынесенъ изъ боя. Свидѣтель происшествія, Принцъ де-Линь, писалъ Императору Іосифу: «Вчера опять прострѣ«лили голову Кутузову. Я полагаю, что сегодня «или завтра онъ скончается». Въ другой разъ медики обрекли Кутузова на смерть, и вторично, вопреки всѣмъ условіямъ врачебнаго искуства, Кутузовъ уцѣлѣлъ и выздоровѣлъ. «Если бъ мы «сами не были свидѣтелями, мы почли бы раз«сказъ о ранѣ Кутузова сказкой», говорилъ медикъ Массотъ, и прибавилъ: «Видно судьба «бережетъ голову Кутузова на что нибудь не«обыкновенное, когда она уцѣлѣла послѣ двухъ «столь чудесныхъ ранъ.» На сей разъ предвѣщанія врача не были ошибочны. Мысль его повторилъ Державинъ, вѣщая въ пророческимъ духѣ о ранахъ Кутузова:

Смерть сквозь главу его промчалась,
Но жизнь его цѣла осталась:
Самъ Богъ его на подвигъ блюлъ.

Принужденный удалиться изъ арміи для излеченія раны, въ Мартѣ 1789-го года, Кутузовъ получилъ письмо Потемкина, съ участіемъ спрашивавшаго, можетъ ли онъ, по состоянію здоровья, принять начальство надъ войсками, охраняющими Турецкія и Польскія границы? Кутузовъ отвѣчалъ готовностью, и въ Маѣ отправился онъ къ мѣсту назначенія, за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ своимъ получивъ Аннинскую ленту. Кутузову ввѣрили начальство надъ войсками, на Турецкой и Польской границахъ расположенными; потомъ командовалъ онъ отдѣльнымъ корпусомъ между Днѣстромъ и Бугомъ, гдѣ разбилъ значительный отрядъ Турковъ; послѣ того начальствовалъ за Днѣстромъ передовою конницею и частью бывшихъ въ арміи Донскихъ казаковъ; 13-го Сентября былъ съ Генералъ-Поручикомъ Потемкинымъ при разбитіи Турковъ подъ Каушанами; 3-го того же мѣсяца съ Фельдмаршаломъ Княземъ Потемкинымъ при занятіи Аккермана, а потомъ съ нимъ же, подъ Бендерами, до сдачи сей крѣпости, покорившейся 3-го Ноября. Въ слѣдующемъ 1790-мъ году долго не открывали военныхъ дѣйствій на сухомъ пути. Князь Потемкинъ и Верховный Визирь договаривались о мирѣ, но миръ не состоялся. Въ Сентябрѣ рушились переговоры. Покореніе Киліи и Измаила было первымъ предметомъ дѣйствій Потемкина. Онъ приказалъ Генералу Меллеру-Закомельскому осадить Килію, а Кутузову, съ 4-мя батальонами Бугскаго Егерскаго корпуса и двумя Троицкаго Пѣхотнаго полка, не допускать многочисленный Измаильскій гарнизонъ тревожить осаждавшія Килію войска. Флотилія Адмирала де-Рибаса должна была содѣйствовать сухопутному войску. Сентября 27-го Кутузовъ сталъ на дорогѣ изъ Измаила и Киліи, и нѣсколько разъ разгонялъ Турецкіе отряды, выходившіе изъ Измаила. Въ сіе время былъ онъ осчастливленъ особенною

Монаршею милостью, получивъ, по случаю заключенія мира съ Швеціею, вмѣстѣ съ Княземъ Платономъ Александровичемъ Зубовымъ, «За «прежнія заслуги его», орденъ Св. Александра Невскаго. Октября 18-го сдалась Килія. Осаждавшія ее войска и отрядъ Кутузова двинулись къ Измаилу, поступивъ подъ начальство Гудовича, назначеннаго преемникомъ Меллеру-Закомельскому, убитому подъ Киліею. Де-Рибасъ явился съ флотиліею. Измаилъ обложили со всѣхъ сторонъ, но крѣпкій своими валами, защищаемый 250 орудіями, сорока-тысячами гарнизона, начальниками коего были старый, храбрый Паша, и братъ прежняго Крымскаго Хана, Капланъ-Гирей, имѣвшій съ собою шесть юныхъ сыновей, Измаилъ не сдавался. Вся артиллерія Русскихъ, число коихъ было менѣе 30,000, состояла, кромѣ находившейся на флотиліи, изъ сорока 12-ти фунтовыхъ пушекъ и единороговъ. Ужасная осенняя погода развела грязи. Войско гибло отъ болѣзней и недостатковъ. Стрѣляли изъ пушекъ, отбивали вылазки и наконецъ на военномъ совѣтѣ положили оставить осаду. При началѣ отступленія, Декабря 2-го, увидѣли скачущій во весь опоръ отрядъ казаковъ, и впереди его всадника въ солдатской шинели — то былъ Суворовъ! Онъ привезъ повелѣніе Потемкина: «взять Измаилъ» — предпріятіе, въ зимнее время и съ войскомъ, уступавшимъ въ числѣ Измаильскому гарнизону, болѣе нежели отважное. «Мнѣ «дана воля: отступать и не отступать, слѣдственно, «отступать не приказано», говорилъ Суворовъ на военномъ совѣтѣ, отвѣчая между тѣмъ Потемкину: «Безъ особеннаго повелѣнія вашего безвре-«менно отступить было бы постыдно», и излагая мнѣніе свое совѣту въ слѣдующихъ словахъ: «Отступить предосудительно, спрашивать пове-«лѣній некогда, блокировать безполезно; что же «дѣлать?» — «Штурмовать», первый сказалъ Платовъ, какъ младшій, тогда бывшій Бригадиромъ — въ послѣдствіи «Вихорь-Атаманъ» Донцовъ и гроза Французовъ. «Штурмовать! Штур-«мовать!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Но различно было воззрѣніе Генераловъ на способы привести въ исполненіе приступъ. Нетерпѣливый, Суворовъ вышелъ изъ засѣданія совѣта. Черезъ часъ потомъ, извѣстный умомъ и дальновидностью, Адмиралъ де-Рибасъ представилъ Суворову свои предположенія о штурмѣ. Суворовъ показалъ ихъ Кутузову. Прочитавъ мнѣніе де-Рибаса, Кутузовъ сказалъ Суворову: «Если «вы согласитесь съ Рибасомъ, вся слава взятія «Измаила будетъ принадлежать ему». Суворовъ возразилъ: «Кутузова и Рибасъ не обманетъ!» Слова сіи обратились въ народную поговорку. Въ тотъ же вечеръ Суворовъ расположилъ приступъ съ сухаго пути шестью колоннами; шестую, крайнюю, долженствовавшую ворваться по берегу Дуная, въ Килійскія ворота, отдалъ онъ Кутузову, составя ее изъ 120-ти стрѣлковъ и трехъ батальоновъ Бугскихъ Егерей, съ двумя батальонами Херсонскихъ Гренадеровъ и тысячью пѣшихъ казаковъ. Второй колоннѣ, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Ласси, и колоннѣ Кутузова назначалось первымъ взойдти на валъ и спуститься въ крѣпость. Приступъ начался въ пять часовъ утра. Турки были предувѣдомлены бѣглецами, ждали Русскихъ и дрались отчаянно. Два раза былъ отбитъ Кутузовъ, и послалъ извѣстить Суворова о невозможности успѣха. Скажите ему», отвѣчалъ Суворовъ, «что «я донесъ уже въ Петербургъ о покореніи Из-«маила, а Кутузова назначаю Измаильскимъ Ко-«мендантомъ». Усиливъ нападеніе, Кутузовъ наконецъ ворвался въ городъ. Тогда же вторглись туда и другія колонны. Кровавая битва началась въ улицахъ, домахъ, мечетяхъ. Въ огромномъ каменномъ зданіи засѣло до двухъ тысячь Турковъ. Кутузовъ взялъ его штыками; разбилъ потомъ толпу Янычаровъ, дравшихся на одной изъ площадей; выручилъ отрядъ казаковъ, обхваченный непріятелемъ, и окончилъ подвиги сраженіемъ съ многочисленною толпою, которую собрали вокругъ себя Капланъ-Гирей и дѣти его, на главной площади. Поражаемые Кутузовымъ, Капланъ-Гирей и его дѣти, кромѣ одного младшаго, легли на грудѣ труповъ. Друзья, товарищи Кутузова, Бригадиръ Рибопьеръ и Полковникъ Глѣбовъ, пали, сражаясь подлѣ него. Свидѣтельствуя подвиги Кутузова, Суворовъ доносилъ: «Кутузовъ оказалъ новые опыты воин-«скаго искуства и личной своей храбрости. Онъ

«шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ моею «правою рукою». По собственноручному представленію Потемкина, Императрица пожаловала Кутузову, Марта 25-го 1791-го года, орденъ Св. Георгія 3-го класса. За четыре дня передъ тѣмъ, былъ онъ по старшинству произведенъ въ Генералъ-Поручики. Послѣ покоренія Измаила, Кутузовъ просилъ у Суворова объясненія на отвѣтъ, данный ему при донесеніи его о невозможности успѣха на приступъ. «Ничего!» отвѣчалъ герой Рымника: «Кутузовъ знаетъ Суворова, а Суворовъ знаетъ Кутузова. Если бы «не взяли Измаила, Суворовъ умеръ бы подъ «его стѣнами и Кутузовъ тоже!»

Оставшись Комендантомъ Измаила и начальникомъ войскъ, расположенныхъ по Дунаю до устья Прута, въ 1791-мъ году Кутузовъ поступоступилъ подъ начальство Князя Николая Васильевича Рѣпнина, временно принявшаго начальство надъ арміею, по случаю отъѣзда Князя Потемкина въ Петербургъ. Турки сбирались за Дунаемъ. Князь Рѣпнинъ хотѣлъ предупредить соединеніе непріятельскихъ силъ, и отрядилъ за Дунай Князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына, изъ Галаца, съ 2200 пѣхоты, 600 Арнаутовъ и 600 казаковъ. Кутузовъ долженъ былъ подкрѣплять его, состоя подъ его начальствомъ и имѣя 3000 пѣхоты, 800 пѣшихъ и 500 конныхъ казаковъ, Донскихъ и Черноморскихъ. Имъ велѣно переправиться за Дунай у Тульчи, слѣдовать на Мачинъ и разорить тамъ притонъ Турковъ. Марта 25-го совершили они переправу. Желая скрыть отъ Турковъ настоящую цѣль направленія своего, Князь Голицынъ медленно двинулся по Мачинской дорогѣ и отрядилъ Кутузова къ Бабадагу. На пути Кутузовъ разогналъ встрѣченные имъ Турецкіе отряды, сжегъ нѣсколько селеній, и 28-го соединился съ Княземъ Голицынымъ, послѣ чего оба пошли къ Мачину. Кутузовъ велъ авангардъ и разсѣялъ встрѣченныхъ имъ на пути непріятелей. Бригадиръ Орловъ — въ послѣдствіи знаменитый Атаманъ — преслѣдовалъ Турковъ, и распространилъ въ нихъ такой страхъ, что, не дождаясь нападенія Князя Голицына и Кутузова, Турецкая пѣхота, находившаяся въ Мачинѣ, бросилась въ суда, стараясь спастись по Дунаю въ Браиловъ, а конницу, бѣжавшую къ Силистріи, едва могли догонять казаки. Здѣсь въ плѣнъ взяты были Трехъ-Бунчужный Паша и начальникъ Янычаровъ. Забравши 9 пушекъ, знамена, порохъ, запасы и разоривъ Мачинъ, Голицынъ и Кутузовъ переправились обратно за Дунай. Въ исходѣ Мая начали доходить до Князя Рѣпнина слухи о большомъ сборѣ Турковъ у Бабадага. Кутузовъ посланъ былъ туда въ новый поискъ. Онъ переправился, 3-го Іюня, за Дунай, у Тульчи, съ 20-ю батальонами, 12-ю эскадронами и казаками. Вывѣдавъ число и расположеніе Турковъ у Бабадага, Кутузовъ узналъ, что ихъ было до 15,000, подъ предводительствомъ Сераскира, Ахмета-Паши, кромѣ 8000 Татаръ и Запорожскихъ казаковъ. Кутузовъ рѣшился на внезапное нападеніе. Опередивъ съ конницею пѣхоту, и незамѣтно отъ Турковъ подойдя къ ихъ лагерю, внезапною, дружною атакою конницы мгновенно разсѣялъ онъ Музульмановъ и гналъ ихъ на дальнее разстояніе. Трофеями Кутузова были укрѣпленный Турецкій лагерь, 8 пушекъ, знамена и обозъ. Разогнавъ Турковъ, Кутузовъ сжегъ Бабадагъ и тамошніе запасы, въ коихъ было 30,000 четвертей хлѣба и много пороха, послѣ чего возвратился въ Измаилъ, донося Князя Рѣпнину о сборѣ Великимъ Визиремъ многочисленной арміи за Дунаемъ. До 80,000 Турковъ были на маршѣ отъ Силистріи къ Мачину, и до 30,000 собиралось еще отдѣльно у Варны. Князь Рѣпнинъ рѣшился напасть на непріятелей, пока они не вполнѣ приготовились, и 23-го Іюня переправился съ арміею за Дунай, у Галаца. Черезъ четыре дня выступилъ онъ въ дальнѣйшій походъ, имѣя подъ ружьемъ до 40,000 человѣкъ, при 66-ти орудіяхъ. Кутузовъ предводилъ лѣвымъ крыломъ, составленнымъ изъ 4-хъ батальоновъ Бугскаго и 2-хъ Бѣлорусскаго Егерскихъ корпусовъ, 4-хъ батальоновъ Сибирскаго и 2-хъ Кіевскаго Гренадерскихъ полковъ, Ольвіопольскаго и Воронежскаго Гусарскихъ, Нѣжинскаго и Глуховскаго Карабинерныхъ, 6-ти Донскихъ казачьихъ полковъ, отряда Арнаутовъ, и 24-хъ орудій. Пѣхотою Кутузова командовалъ Генералъ Квартирмейстеръ

Писторъ, а конницею Генералъ Маіоръ Тормасовъ — сподвижникъ Кутузова въ 1812-мъ году. Всю ночь на 28-е Іюня продолжался походъ. Поутру Русскіе приблизились къ Турецкому лагерю подъ Мачиномъ, гдѣ находился Великій Визирь съ 80,000 человѣкъ, расположась на горѣ и въ долинѣ. Центръ Русской арміи, предводимый Княземъ Григоріемъ Семеновичемъ Волконскимъ, и правое крыло, подъ начальствомъ Князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына, начали канонаду. Кутузовъ долженъ былъ обходить правое крыло Турковъ и ударить въ тылъ имъ. Турки нѣсколько разъ атаковали Князя Волконскаго и Князя Голицына, и даже употребили стратегическій маневръ. Отряды ихъ переправились изъ Браилова, и напали въ тылъ Русскихъ. Нашъ резервъ отразилъ Турковъ. Во время сихъ дѣйствій Кутузовъ обходилъ непріятелей горами, и совершивъ обходъ, открылъ пушечный огонь. При первыхъ выстрѣлахъ его, Князь Рѣпнинъ двинулъ всѣ свои войска на приступъ Турецкаго лагеря. Атакованные съ фронта Рѣпнинымъ и обойденные Кутузовымъ, Мусульмане ударились въ бѣгство, оставя лагерь, 35 пушекъ и обозы. Донося Императрицѣ о побѣдѣ своей, Князь Рѣпнинъ писалъ: «Я «не въ силахъ достойно выхвалить искуство, «мужество и безпредѣльное усердіе главныхъ «командировъ атаки, Князя Волконскаго, Князя «Голицына и Кутузова». Императрица пожаловала каждому изъ нихъ орденъ Св. Георгія 2-го класса. Мачинская побѣда побудила Верховнаго Визиря къ начатію переговоровъ о мирѣ, но Диванъ упорствовалъ въ продолженіи войны, пока не узналъ о покореніи Графомъ Гудовичемъ Анапы, Іюля 22-го, и совершенномъ пораженіи Ушаковымъ Турецкаго флота при мысѣ Калакріи, 28-го и 29-го Августа. Видя невозможность противиться долѣе побѣдоносному оружію Екатерины, Султанъ просилъ мира. Въ Яссахъ открыли конгрессъ, и Января 9-го 1792 года подписали миръ, коимъ Турція признавала за Россіею всѣ земли на сѣверъ отъ Чернаго моря, къ западу по рѣку Днѣстръ и на востокъ по рѣку Кубань. Едва узнавъ о подписаніи мирнаго договора, Императрица Екатерина велѣла Кутузову ѣхать въ Польшу и принять начальство надъ первою частью «Украинской арміи», ввѣренной Каховскому. Кутузовъ пробылъ въ Польшѣ не долго. Екатерина готовила ему другое поприще.

Въ началѣ 1793-го года, вызванный въ Петербургъ, Кутузовъ былъ удостоенъ продолжительными бесѣдами Императрицы Екатерины о внѣшней политикѣ государствъ. Въ сихъ разговорахъ Монархиня убѣдилась въ своемъ всегдашнемъ выгодномъ мнѣніи о Кутузовѣ. Надобно было отправить торжественное посольство въ Царьградъ, утверждая Ясскій миръ. Екатерина избирала въ такихъ случаяхъ людей извѣстныхъ Оттоманамъ по своимъ подвигамъ въ битвахъ съ ними, но съ тѣмъ вмѣстѣ могущихъ быть представителями великой Имперіи, и не поддаться ухищреніямъ Европейской дипломатики, возмущавшей Диванъ. Послѣ Кучукъ-Кайнарджискаго мира въ Царьградъ ѣздилъ Князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ, а послѣ Ясскаго мира Екатерина назначила посломъ Кутузова. Ему отпущены были многочисленная свита, придворная прислуга, драгоцѣнные сервизы, богатые экипажи. Въ Дубоссарахъ, на Днѣстрѣ, Іюня 5-го 1793 года, Кутузовъ переѣхалъ на Турецкую землю, когда Посолъ Султана, Мустафа, ступалъ на Русскую. На всемъ пространствѣ отъ Днѣстра до Царяграда путешествіе Кутузова было рядомъ пріемовъ, встрѣчь, угощеній. Подъ Царемградомъ догналъ его курьеръ, и вручилъ ему письма и указы Екатерины, которыми возведенъ онъ былъ въ званіе Генералъ-Губернатора Казанскаго и Вятскаго, съ пожалованіемъ ему 2000 душъ крестьянъ на Волыни. Октября 15-го прибылъ Кутузовъ въ Царьградъ. Никогда прежде не оказывали Россійскимъ посламъ такихъ почестей, какія были оказаны Кутузову. Представитель побѣдоносной Монархини, многолѣтній участникъ побѣдъ ея надъ Турками, Кутузовъ ослѣпилъ Диванъ умомъ и любезностью, пріобрѣлъ пріязнь матери Султана, Верховнаго Визиря и Европейскихъ дипломатовъ; старый, угрюмый Рейсъ-Еффенди, никогда не смѣявшійся, развеселялся въ его бесѣдѣ. Прекративъ

недоразумѣнія, возникавшія по нѣкоторымъ статьямъ Ясскаго договора, Кутузовъ исполнилъ важное порученіе Императрицы, подвигнувъ Диванъ прервать вѣковыя связи его Франціею и скрѣпить самыя тѣсныя узы съ Россіею. Время пребыванія своего въ Царѣградѣ Кутузовъ называлъ счастливѣйшею эпохою своей жизни. Мая 24-го 1794 года, Кутузовъ, по волѣ Императрицы Екатерины, оставилъ Царьградъ, осенью прибылъ въ Петербургъ, и въ Февралѣ 1795-го года назначенъ Командующимъ сухопутными войсками, флотиліею и крѣпостями въ Финляндіи. Обозрѣвъ ввѣренныя ему войска и границы Россіи съ Швеціею, Кутузовъ представилъ Императрицѣ свои предположенія объ обоaccording to нѣ предѣловъ нашихъ и о военныхъ дѣйствіяхъ, если послѣдуетъ разрывъ съ Шведами. Въ Сентябрѣ того же года скончался Графъ Ангальтъ. Кутузовъ былъ назначенъ на мѣсто его «Генералъ Директоромъ Императорскаго Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго корпуса», который Императрица Екатерина называла «разсадникомъ великихъ людей». Оправдывая изреченіе Монархини, Кутузовъ пекся отечески о ввѣренномъ ему юношествѣ, и самъ преподавалъ кадетамъ Тактику и Военную Исторію. Вечера проводилъ онъ большею частью въ Эрмитажныхъ собраніяхъ Императрицы, куда приглашаемы были лица, отличныя по уму, образованію, заслугамъ.

Обстоятельства сблизили тогда Россію съ Швеціею, и повели не только къ тѣсному союзу, но даже къ предположенію о родствѣ дома Густава Вазы съ Императорскимъ Домомъ. Юный Король Шведскій, Густавъ Адольфъ, долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ. Императрица Екатерина поручила Кутузову встрѣтить его на границѣ и проводить до Петербурга. Отправясь въ Іюлѣ, онъ встрѣтилъ Короля и дядю его Герцога Зюдерманландскаго — въ послѣдствіи Король Карлъ XIII — путешествовавшихъ подъ именами Графа Гаги и Графа Вазы, сопровождалъ ихъ до Петербурга и находился при нихъ во все время бытности ихъ въ Петербургѣ, съ 13-го Августа до 20-го Сентября. Обязанность его сдѣлалась особенно затруднительною, когда не состоялся предполагаемый союзъ Короля Шведскаго съ внукою Екатерины. Кутузовъ умѣлъ поддержать себя въ затруднительномъ положеніи, такъ, что при сохраненіи благоволенія Шведскаго Монарха и дяди его, заслужилъ благодарность Императрицы, и получилъ ея повелѣніе сопровождать высокихъ путешественниковъ обратно до Шведской границы.

Дни Великой Царицы склонялись къ западу. На югѣ Европы поднялись новыя бури. Виною ихъ былъ человѣкъ, неизвѣстный дотолѣ, избалованное дитя счастія, которому суждено было промѣнять банникъ артиллериста на скипетръ Императорскій, и явить собою примѣры неслыханнаго дотолѣ величія, и паденія, коему также не бывало примѣра въ лѣтописяхъ Царей и царствъ. Въ Апрѣлѣ 1796 года явился въ Италіи предводителемъ Французскихъ войскъ *Наполеонъ* Бонапарте. Изумительно было начало его поприща. За три года, при осадѣ Тулона, молодой Капитанъ; въ Ноябрѣ 1796 года, онъ былъ Полководцемъ, на котораго обращались взоры всей Европы, готовымъ подъ стѣнами Вѣны предписать миръ послѣднему изъ непріятелей Франціи, Императору Римскому. Соображая слѣдствія новаго переворота дѣлъ, и мѣры, какія должно было принять, Императрица Екатерина призывала въ совѣтъ Кутузова. Онъ провелъ даже вечеръ у нея, наканунѣ постигшаго ее, въ Ноябрѣ 1796 года, удара. На другой день, утромъ, Кутузовъ услышалъ о внезапной кончинѣ Монархини, въ продолженіе 34-хъ лѣтняго царствованія своего постоянно благотворившей ему.

При восшествіи на Престолъ Императора Павла, Кутузовъ посвятилъ себя ввѣренному ему Кадетскому Корпусу, и, по волѣ Государя, занялся преобразованіемъ его. Онъ оставался какъ будто незамѣченнымъ во время происшедшихъ тогда перемѣнъ при Дворѣ, въ войскѣ и въ управленіи Государственномъ. Черезъ шесть недѣль, въ Декабрѣ 1797 года, Кутузовъ былъ уволенъ отъ званія Директора Кадетскаго Корпуса, и назначенъ Инспекторомъ Финляндской инспекціи и Шефомъ Рязанскаго Мушкетерскаго

полка. 1798-го Января 4-го, его произвели въ Генералы отъ Инфантеріи. Апрѣля 2-го того же года, Рязанскому полку велѣно было именоваться Мушкетерскимъ Генерала отъ Инфантеріи Голенищева-Кутузова полкомъ. Вскорѣ явилось Кутузову обширное поле дѣйствій. Исторія современной Европы являла событія неожиданныя. Новыя хищенія Французскихъ республиканцевъ содѣлывали Францію опасною основнымъ началамъ законнаго порядка дѣлъ въ Европѣ, болѣе, нежели когда либо прежде. Императоръ Павелъ не остался равнодушнымъ зрителемъ смутъ. Не довольствуясь поддержаніемъ совершеннаго отчужденія России отъ Франціи, начатаго при Императрицѣ Екатеринѣ, онъ рѣшился употребить силы России на утвержденіе равновѣсія силъ между Государствами, на возвращеніе чести оскорбленному величію Престоловъ. Но не принимаясь за мечъ, онъ требовалъ союза другихъ, хотѣлъ въ нихъ искренности и безкорыстія, безъ коихъ не было прочности въ договорахъ, и не вѣрны были побѣды при случайностяхъ битвъ. Ведя переговоры о томъ съ Англіею и Австріею, онъ убѣждался, что для прочности дѣла необходимо было содѣйствіе Пруссіи. Согласить Прусскаго Монарха на союзъ посланъ былъ въ Берлинъ знаменитый дипломатъ вѣка Екатерины, побѣдитель Мачинскій, и, тогда уже Фельдмаршалъ, Князь Рѣпнинъ. Безуспѣшность дѣйствій его въ Берлинѣ побудила Императора Павла назначить ему преемника, и взоръ Монарха, среди окружавшихъ Престолъ его, достойныхъ избранія мужей, обратился на Кутузова. Въ Ноябрѣ 1798 года Кутузовъ призванъ былъ изъ Финляндіи въ Петербургъ, когда Императоръ Павелъ хотѣлъ достовѣрно узнать окончательное рѣшеніе Пруссіи, и опредѣлить ея отношенія къ Россіи. Дѣло столь значительное было ввѣренно Императоромъ Павломъ Кутузову. Привѣтливо встрѣченный юнымъ Монархомъ Пруссіи, Королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, Кутузовъ удачно исполнилъ порученіе, и по возвращеніи въ Петербургъ, милостиво былъ принятъ Монархомъ. Три Русскія арміи должны были дѣйствовать въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи. Первою предводилъ Суворовъ; вторая отдана была Генералу Римскому-Корсакову, славившемуся своими военными познаніями; третья, долженствовавшая дѣйствовать соединенно съ Англичанами, была предводима Генераломъ Германомъ, извѣстнымъ со времени удачнаго похода его за Кубань, въ 1790 году. Ни онъ, ни Корсаковъ не оправдали надеждъ въ возложенномъ на нихъ дѣлѣ. Недовольный самыми первыми распоряженіями Германа, Императоръ Павелъ отправилъ на смѣну его Кутузова. Поспѣшно поѣхалъ Кутузовъ. Какъ ни спѣшилъ онъ, но по прибытіи въ Гамбургъ узналъ о пораженіи союзниковъ въ Голландіи, плѣнѣ Германа и договорѣ Главнокомандовавшаго войсками, Герцога Іоркскаго, по коему союзники очистили занятыя ими въ Голландіи мѣста. Кутузовъ возвратился въ Россію и увидѣлъ новые знаки Монаршаго благоволенія: Императоръ пожаловалъ ему, Октября 4-го, орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, 26-го Октября назначилъ его Шефомъ Псковскаго пѣхотнаго полка, и не только далъ Кутузову грамату на пожалованное ему Императрицею Екатериною Волынское имѣніе, — ибо Кутузовъ до тѣхъ поръ не имѣлъ ея, — но прибавилъ еще 1000 душъ къ подарку Императрицы, позволивъ при томъ назвать мѣстечсело Горошни, и наконецъ, Іюня 19-го 1800 года, наградилъ Кутузова орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго. «Въ ту самую мину«ту, когда Государь возлагалъ на меня голу«бую ленту», писалъ Кутузовъ своему родственнику, Ивану Логиновичу, о коемъ упоминали мы выше: «думалъ я о васъ, и живо видѣлъ, какъ «васъ, батюшка, сіе порадуетъ. Вотъ вамъ луч«шее доказательство моей привязанности и «чувствъ моихъ къ вамъ.»

Неудачи Русскихъ войскъ въ Голландіи и въ Швейцаріи, возвращеніе Суворова въ Россію, холодность съ Австріею, бывшая слѣдствіемъ всѣхъ сихъ событій, возвращеніе Бонапарте изъ Египта въ Европу, возведеніе его въ Консулы Франціи, новыя побѣды его — ничто не могло разрушить рѣшенія Императора Павла на защиту Европы. Отказываясь отъ союза съ Австріею, онъ хотѣлъ укрѣпить союзъ съ Англіею

и принудить къ соединенію съ нимъ Пруссію, если бы она отвергла его убѣжденія. Сто пятдесятъ тысячь войска собрано было на предѣлахъ Пруссіи и на Волыни. Генералъ отъ Кавалеріи Графъ Паленъ назначенъ былъ начальникомъ арміи въ Литвѣ, а Кутузовъ, въ Августѣ мѣсяцѣ опредѣленный на мѣсто Литовскаго Военнаго Губернатора, получилъ повелѣніе принять начальство надъ Волынскою арміею. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, онъ и Графъ Паленъ командовали маневрами войскъ. Императоръ Павелъ объявилъ имъ Высочайшее благоволеніе въ слѣдующемъ приказѣ: «Его «Императорскому Величеству весьма пріят«но было видѣть достиженіе войскъ Его до то«го совершенства, въ какомъ оно показало се«бя во всѣхъ частяхъ, подъ начальствомъ та«кихъ Генераловъ, которыхъ качества и талан«ты, при дѣйствіи таковыхъ войскъ и таковой на«ціи, какова Россійская, могутъ ручаться совер«шенно за утвержденіе и обезпеченіе безопас«ности и цѣлости Государства.» Кутузовъ готовился къ отъѣзду изъ Петербурга, когда узнали о намѣреніи Шведскаго Короля Густава Адольфа посѣтить Петербургъ, для утвержденія личнымъ свиданіемъ съ Императоромъ Павломъ дружбы и союза между Россіею и Швеціею, охлажденнаго послѣ событій 1796 года. Кутузовъ посланъ былъ, въ Ноябрѣ, встрѣтить Короля на границѣ, сопровождать его и находиться при его особѣ. Какъ стараго знакомаго принялъ Кутузова Король Густавъ Адольфъ, и при разставаніи съ нимъ, послѣ краткаго пребыванія въ Петербургѣ, когда Кутузовъ проводилъ его до границы, изъявилъ ему полное благоволеніе. Немедлено отправился послѣ того Кутузовъ на Волынь, и въ Январѣ 1801 года вступилъ въ предводительство ввѣренной ему арміи, состоявшей изъ 14-ти полковъ конницы, 24-хъ полковъ пѣхотныхъ, 6-ти егерскихъ, 11-ти сводныхъ гренадерскихъ батальоновъ, одного полка и батальона артиллеріи, 3-хъ ротъ піонеровъ, минернаго и сапернаго отрядовъ, и 16-ти полковъ казачьихъ. Но обстоятельства быстро перемѣнились. Старанія Бонапарте пріобрѣсть дружбу Императора Павла, Люневильскій миръ Франціи съ Австріею, особенные политическіе виды Англіи, Пруссіи, Даніи и Швеціи, были причиною начавшейся непріязни Россіи съ Англіею, и сближенія Императора Павла съ Наполеономъ. Кутузову велѣно возвратиться поспѣшно въ Петербургъ. Здѣсь, за отсутствіемъ С. Петербургскаго Военнаго Губернатора, нѣсколько времени отправлялъ онъ должность его, видя безпрерывные знаки Монаршаго къ себѣ вниманія, призываемый въ совѣты Императора Павла, гдѣ рѣшались важнѣйшіе вопросы политики Европейской, и даже вечеръ наканунѣ кончины Государя имѣлъ счастіе долго съ нимъ бесѣдовать.

Воцарился Императоровъ Александръ, и вскорѣ по восшествіи своемъ на Престолъ, назначилъ Кутузова Военнымъ Губернаторомъ С. Петербургскимъ и Инспекторомъ войскъ въ Финляндіи. Пережившій два царствованія, испытанный въ бояхъ и дворской жизни, еще не достигнувшій глубокой старости (ему было тогда 57 лѣтъ); но отягченный ранами и безпрерывною сорока-лѣтнею службою, съ офицерскаго чина, Кутузовъ рѣшился просить увольненія. Онъ получилъ его 29-го Августа 1802-го года, и удалился въ свое Волынское помѣстье. Думалъ ли тогда Кутузовъ, что судьба даетъ ему только кратковременный отдыхъ, что самый великій, самый дѣятельный періодъ его жизни только что начнется черезъ три года, и что онъ будетъ не только свидѣтелемъ, но и первымъ дѣятелемъ событій, въ коихъ, казалось, вѣка сдвигаются въ годы, событій, отъ коихъ разрушались и создавались Престолы, при битвахъ, въ сравненіи съ коими битвы Кагула, Рымника, Мачина были сшибками авангардныхъ отрядовъ! По крайней мѣрѣ ничто не проявляло думы о томъ Кутузова. Какъ прежде и всегда спокойный, хладнокровный, постоянно веселый, онъ казался теперь простымъ дворяниномъ въ кругу окрестныхъ помѣщиковъ, сосѣдей, чиновниковъ, пріѣзжавшихъ къ нему, даже духовныхъ особъ, коихъ удивлялъ онъ своими свѣдѣніями въ богословіи, когда ласковая, словоохотливая бесѣда его привлекала къ нему избранное, веселое общество. Онъ казался добрымъ семьяниномъ въ своей семьѣ, добродушнымъ бариномъ

между крестьянами, любя разговаривать съ ними, когда прогуливался по прелестнымъ окрестностямъ своего помѣстья. А между тѣмъ, что дѣлалось въ Европѣ? Наполеонъ, съ 1804-го года Императоръ Франціи и Король Италіи, укротитель революціи, на мгновеніе подарившій Европу миромъ, обнаружилъ свое безмѣрное властолюбіе, не знавшее различія въ средствахъ при достиженіи цѣли. Смерть Герцога Ангіенскаго проложила кровавую черту, раздѣлившую отъ него Императора Александра, послѣ тщетной надежды, что Наполеонъ, пресыщенный властью и величіемъ, захочетъ довершить славу свою мирнымъ счастьемъ народовъ, послѣ всѣхъ уступокъ, какія дозволили государственная честь и благо Россіи. Не колеблясь обнажить мечъ на борьбу съ непобѣжденнымъ дотолѣ, Императоръ Александръ призывалъ къ союзу Пруссію, далъ Царское слово вспомоществовать Австріи, и сдвигая войска къ предѣламъ Россіи, искалъ достойныхъ вождей, коимъ могъ поручить предводительство арміями. Одну изъ нихъ ввѣрилъ Онъ Беннигсену, другую Графу Буксгевдену, третью Графу Толстому, а Кутузова назначилъ предводить войсками, которыя, соединенно съ Австрійскими, должны были принять на грудь свою первый ударъ Наполеона. Марта 1-го 1805 года, Кутузовъ былъ призванъ въ Петербургъ. Императоръ Александръ объявилъ ему лично о новомъ назначеніи его, и снабдилъ его обширную властью, приказывая находиться въ повелѣніяхъ Австрійскаго Императора.

Армія Кутузова, въ числѣ 46,405 человѣкъ, была собрана близъ Радзивилова. Августа 9-го получилъ онъ изъ Вѣны приказаніе идти черезъ Тешенъ, Брюннъ и Браунау въ Баварію, и тамъ состоять въ распоряженіяхъ Главнокомандовавшаго Австрійскою арміею, Эрцгерцога Фердинанда. Августа 13-го Кутузовъ выступилъ въ походъ, раздѣливъ армію на 6-ть колоннъ. Сначала маршъ совершался спокойно, не торопливо, но Сентября 13-го, когда Кутузовъ былъ у Тешена, быстрый походъ Наполеоновыхъ войскъ, переброшенныхъ имъ отъ береговъ Ламанша на Дунай, показалъ опасность, грозившую Австрійской арміи, расположенной подъ Ульмомъ. Кутузову велѣно спѣшить. Онъ распорядился самымъ поспѣшнымъ слѣдованіемъ войскъ. Отъ Тешена начались усиленные марши. Пѣхота дѣлала въ день отъ 45-ти до 60-ти верстъ; половину переходовъ шла она пѣшкомъ, другую половину везли ее на подводахъ, куда сложены были ранцы, шинели, вьюки конницы и мундштуки. Офицеры ѣхали въ почтовыхъ колясахъ; конницѣ прибавили фуража. Бывшимъ при арміи драгунскимъ полкамъ Кутузовъ приказалъ спѣшиться и идти съ пѣхотою, оставя лошадей при конницѣ, и образуя изъ каждаго полка баталіонъ. Артиллерію везли на подставныхъ лошадяхъ, а нашимъ артиллерійскимъ лошадямъ давали двойную дачу фуража, отпускаемую, по приказанію Императора Франца, на счетъ Австріи. Не взирая на поспѣшность марша, Вѣнскій Дворъ не переставалъ упрашивать Кутузова объ ускореніи движенія, дѣлая роздыхи черезъ четыре дня на пятый. Кутузовъ не согласился на прозьбу, опасаясь изнурить войско въ наступившее ненастное осеннее время. Онъ дѣлалъ дневки по усмотрѣнію, соображаясь съ усталостью людей.

Въ продолженіе маршей, 24-го Сентября, Кутузовъ поѣхалъ въ Вѣну, желая переговорить съ Австрійскимъ Правительствомъ о различныхъ предметахъ, касавшихся пользы службы. Императоръ Францъ благодарилъ Кутузова за скорость марша и порядокъ, соблюдаемый войскомъ, разспрашивалъ подробно о нуждахъ нашего корпуса, изъявлялъ полную готовность во всемъ помогать, и пожаловалъ офицерамъ нашимъ, въ видѣ столовыхъ денегъ, 60,000 серебряныхъ гульденовъ. Въ первенствующемъ Министрѣ, Графѣ Кобенцелѣ, бывшемъ нѣкогда посломъ въ Петербургѣ, нашелъ Кутузовъ своего стариннаго, короткаго пріятеля, собесѣдника Эрмитажныхъ вечеровъ Императрицы Екатерины. Графъ Кобенцель представилъ ему Членовъ Военнаго Совѣта, имѣвшаго тогда сильное вліяніе на дѣла военныя. Сначала Члены опасались, что найдутъ Кутузова столь же твердымъ и настойчивымъ, какъ Суворова, когда онъ ѣхалъ въ Италію, но съ первой встрѣчи увидѣли въ Кутузовѣ готовность

во всемъ съ ними соглашаться, даже руководствоваться ихъ мнѣніями. Обладая рѣдкою способностью господствовать надъ умами и привязывать къ себѣ сердца, Кутузовъ въ нѣсколько дней устроилъ дѣла, требовавшія присутствія его въ Вѣнѣ, по части продовольствія, доставленія намъ отъ Австрійскаго Правительства снарядовъ и патроновъ, отправленія въ нашу армію Австрійскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, врачей, топографическихъ картъ. Сверхъ того Кутузовъ охотно принялъ сдѣланное ему Военнымъ Совѣтомъ предложеніе совѣщаться съ Австрійскими генералами, назначенными состоять при его главной квартирѣ. Утвердивъ совершенное единомысліе съ Вѣнскимъ Кабинетомъ, поставя себя съ нимъ въ самыя дружескія отношенія, Кутузовъ поѣхалъ, 27-го Сентября, въ Браунау, сборное мѣсто Русскихъ войскъ. Онъ былъ совершенно увѣренъ въ скоромъ соединеніи своемъ съ Австрійцами въ Баваріи, получивъ въ Вѣнѣ самыя успокоительныя изъ Ульма извѣстія. Едва пріѣхавъ въ Браунау, онъ узналъ, что Французы заняли Мюнхенъ, то есть, стояли на дорогѣ Кутузова въ Баварію, отрѣзывая ему сообщеніе съ Австрійскою арміею, бывшею подъ Ульмомъ. Разославъ во всѣ стороны разъѣзды и лазутчиковъ, узнавать объ участи ея, Кутузовъ расположился въ Браунау. Бывшіе при Кутузовѣ Австрійскіе генералы упрашивали его идти въ Баварію, но онъ не двигался впередъ, до полученія настоящихъ извѣстій о происходившемъ подъ Ульмомъ. Онъ доносилъ Императору Александру: «Содѣ«лавшись теперь, такъ сказать, единою защи«тою для самой Вѣны, если вдамся впередъ, «могу быть отрѣзанъ непріятелемъ, который «троекратно сильнѣе меня; оставаясь здѣсь, ра«вномѣрно должно ожидать, что буду атакованъ, «и легко быть можетъ, что принужденнымъ «найдусь ретироваться къ самой Вѣнѣ. Я буду «соображаться съ движеніями непріятеля и тѣми «свѣдѣніями, какія получу объ арміи Эрцгерцо«га, чтобы принять рѣшимость о движеніяхъ, «кои и мнѣ нужно будетъ учинить.» Вскорѣ одна за другую начали приходить къ Кутузову вѣсти о разгромѣ Австрійцовъ, и собираться въ Браунау отрѣзанные Наполеономъ отъ Ульма Австрійскіе отряды. Наконецъ явился къ Кутузову Начальникъ Главнаго Штаба Эрцгерцога, Маккъ, донося, что Австрійская армія уже не существуетъ, разсѣяна и полонена Наполеономъ. Маккъ и Австрійскіе генералы предложили Кутузову переправиться на лѣвый берегъ Дуная, и соединиться въ Богеміи съ бывшимъ на маршѣ корпусомъ Графа Буксгевдена. Соглашаясь въ необходимости сосредоточить наши силы, Кутузовъ отвѣчалъ, что на пути отъ Браунау до Вѣны не было ни какихъ войскъ, кромѣ его арміи, и потому, безъ разрѣшенія Императора Франца, онъ не можетъ оставить Вѣны въ добычу непріятеля, будетъ ожидать повелѣній Монарха ихъ и отступать къ Ламбаху, а оттуда къ Линцу или Энсу, судя по направленію Наполеоновой арміи. Склонивъ Австрійцовъ на свое мнѣніе, и донося Императору Францу о своемъ рѣшеніи, Кутузовъ присовокупилъ, что безъ воли Его Величества онъ не обнажитъ отъ войскъ дороги въ Вѣну, и не предастъ ее власти Французовъ. Денесеніе свое Кутузовъ заключилъ такъ: «Государь, позвольте мнѣ, «усердному слугѣ общаго дѣла, всѣмъ сердцемъ «Вамъ преданному, доложить Вамъ откровенно «мое мнѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ. Ко«нечно, неудача арміи Вашего Величества «подъ Ульмомъ весьма чувствительна, но однакожъ «не въ такой степени, чтобы нельзя было за«гладить ее твердостью и мужествомъ союзныхъ «армій.» Въ словахъ сихъ узнаемъ голосъ Полководца, который, принявъ на одного себя страшную отвѣтственность въ паденіи первопрестольной столицы Россійскаго Государства, говорилъ Александру: «Потеря Москвы не «есть потеря Россіи.» Постигая важность предстоявшихъ Кутузову дѣйствій, Императоръ Францъ почелъ необходимымъ совѣщаться съ нимъ лично, и поѣхалъ въ его армію, о чемъ предварилъ Кутузова, заключая письмо къ нему слѣдующими собственноручными строками: «Въ «тяжкія минуты, подобныя нынѣшнимъ, всего «нужнѣе твердость. Полагаюсь на васъ, на ваши »чувствованія, а вы положитесь на вѣчную мою «благодарность.»

Кутузовъ не выступалъ изъ Браунау, выжидая развитія Наполеоновыхъ предпріятій. Онъ приказалъ вывозить изъ Браунау больныхъ, Австрійскіе парки и артиллерію, и ломать мосты по Инну, на лѣвомъ берегу коего оставилъ извѣщательные отряды. Также старался онъ оживлять упадшій духъ въ жителяхъ и Австрійскихъ военныхъ и гражданскихъ властяхъ, ошеломленныхъ успѣхами Наполеона. При общемъ уныніи нашихъ союзниковъ, главная квартира Кутузова была средоточіемъ веселостей, напоминая торжественный, великолѣпный Екатерининскій вѣкъ. Кутузовъ являлся послѣднимъ представителемъ его. Предводимое имъ Русское войско нетерпѣливо хотѣло сразиться съ Наполеономъ, исполненное славныхъ воспоминаній объ одержанныхъ за шесть лѣтъ надъ Французами въ Италіи побѣдахъ.

Октября 15-го, предводя 150,000 человѣкъ, Наполеонъ двинулся изъ Баваріи, имѣя первою цѣлью разбить Кутузова. Армія Эрцгерцога Карла была въ Италіи, армія Эрцгерцога Іоанна въ Тиролѣ, Графъ Буксгевденъ былъ на маршѣ отъ Троппау къ Ольмюцу, Беннигсенъ у Варшавы, Русская гвардія только что выступила изъ Бреста. Стоя у Браунау, Кутузовъ составлялъ средоточіе разрозненныхъ союзныхъ армій, долженствовавшихъ собираться въ сердцѣ Австрійской Монархіи, и первый подвергался напору Наполеона. Бремя битвъ возлегло на Кутузова. Вообще поприще его всегда было ознаменовано тѣмъ, что онъ вступалъ въ предводительство армій, когда всѣ выгоды бывали на сторонѣ непріятелей. Въ 1805 году, онъ долженъ былъ съ 50,000 человѣкъ удерживать Наполеона; въ 1811-мъ сражаться противъ Турковъ, послѣ пятилѣтней неудачной войны предшественниковъ его; въ 1812-мъ году принять начальство надъ войскомъ, когда Наполеонъ былъ въ 150-ти верстахъ отъ Москвы. И всегда оправдывалъ Кутузовъ выборъ Александра, въ тяжкихъ обстоятельствахъ ввѣрявшаго ему честь и славу Россійскаго воинства.

Состоя въ распоряженіяхъ Вѣнскаго Двора, Кутузовъ получилъ отъ него слѣдующее предписаніе: «Избѣгать пораженій, сохранять войска «цѣлыми, невредимыми, не вступать въ сраженіе «съ Наполеономъ, но удерживать его на каждомъ «шагу, давая время явиться на театрѣ войны «Эрцгерцогамъ Карлу и Іоанну, и шедшимъ изъ «Россіи корпусамъ». Кутузовъ отвѣчалъ Императору Францу: «Ободренный довѣріемъ, коего «Ваше Величество удостоиваете меня, и привыкнувъ съ той минуты, когда я имѣлъ счастіе «представиться Вамъ въ Вѣнѣ, говорить съ Вашимъ Величествомъ откровенно, осмѣливаюсь «доложить, что я убѣжденъ въ необходимости «слѣдовать присланному мнѣ операціонному плану, но, при всей моей доброй волѣ, предвижу «великія затрудненія. Если мнѣ оспоривать у «непріятеля каждый шагъ, я долженъ буду выдерживать его нападенія, а когда часть войскъ «вступаетъ въ дѣло, случается надобность подкрѣплять ихъ, отъ чего можетъ завязаться большое сраженіе и послѣдовать неудача. Я нарушилъ бы мои обязанности, если бы не представилъ Вамъ, Государь, сего мнѣнія, внушеннаго усердіемъ вѣрнаго слуги къ пользамъ «искренняго союзника Монарха моего».

При появленіи Французовъ на лѣвомъ берегу Инна, Октября 17-го, Кутузовъ началъ отступать къ Ламбаху. Арріергардъ поручилъ онъ Князю Багратіону, назначивъ командовать конницею его Графа Витгенштейна, а артиллеріею Подполковника Ермолова; въ полумаршѣ отъ арріергарда поставленъ былъ отдѣльный, резервный отрядъ, Милорадовича. На первомъ шагу Кутузова видимъ великій даръ его въ выборѣ сотрудниковъ. Кого встрѣчаемъ? Багратіона, Милорадовича, Витгенштейна, Ермолова. Ввѣряя имъ охраненіе арміи, Кутузовъ могъ беззаботно предаваться соображеніямъ борьбы съ своимъ знаменитымъ противникомъ.

Октября 19-го Кутузовъ пришелъ въ Ламбахъ, и расположился за рѣкою Трауномъ, въ окрестностяхъ Вельса, гдѣ простоялъ два дня, ожидая Австрійскій отрядъ Генерала Кинмейера, еще не успѣвшій придти на одну съ нами высоту. Наполеонъ также не могъ слѣдовать быстро, задерживаемый на пути разломанными, по приказанію Кутузова, мостами на рѣкахъ Иннѣ и Зальцахѣ. Вскорѣ пріѣхалъ въ Вельсъ Импера-

торъ Францъ, и собранъ былъ военный совѣтъ, состоявшій, кромѣ Кутузова, изъ Австрійскихъ генераловъ. Вопрошенный Императоромъ объ его мнѣніи касательно будущихъ дѣйствій, Кутузовъ отвѣчалъ, что почитаетъ необходимымъ предложить мѣру тяжкую, но могущую возстановить дѣла: не упорствовать въ удержаніи Вѣны и отдать ее Французамъ, только дѣйствуя не торопливо. Надлежало, по мнѣнію Кутузова, сперва сильно защищать переправы на Энсѣ, потомъ перейдти на лѣвый берегъ Дуная, не перепускать за собою непріятелей, останавливая ихъ на правомъ берегу, а между тѣмъ, соединяя на лѣвомъ всѣ разрозненныя части союзныхъ армій, и собравшись съ силами, начать, такъ сказать, новый походъ. Императоръ Францъ изъявилъ готовность пожертвовать столицею, но Его Величество и Австрійскіе генералы желали, чтобы Кутузовъ, сколько можно долѣе, держался на правомъ берегу Дуная, пока подойдетъ къ нему Графъ Буксгевденъ и приблизятся Эрцгерцоги Карлъ и Іоаннъ, коимъ, послѣ военнаго совѣта, послали вторичныя повелѣнія спѣшить на соединеніе съ Кутузовымъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда Императора Франца изъ Вельса, завязалось первое арріергардное дѣло. Можно вообразить мужество, оживлявшее Русскихъ и Французовъ: ни тѣ, ни другіе, не знали дотолѣ пораженій. Совокупно съ Австрійцами наши остановили непріятеля въ теченіе пяти часовъ. По окончаніи дѣла Кутузовъ велѣлъ истребить мосты на Траунѣ, и отступилъ за быструю рѣку Энсъ. Начальникъ Наполеонова авангарда, Мюратъ, весь день напиралъ на Князя Багратіона, стараясь обойдти и отрѣзать его отъ переправы. Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, онъ почти въ одно время съ Княземъ Багратіономъ приблизился къ рѣкѣ Энсу, стремясь овладѣть мостомъ. Бывшій въ арріергардѣ отрядъ Павлоградскихъ гусаровъ спѣшился, и подъ картечными выстрѣлами зажегъ мостъ, заблаговременно покрытый зажигательными веществами. Безвредно достигнувъ рѣки Энса, Кутузовъ расположился съ Русскими войсками при ея впаденіи въ Дунай, поставилъ Австрійцовъ у Штейера, и приказалъ построить вдоль берега, въ разныхъ мѣстахъ, укрѣпленія. Заслонясь шанцами и рѣкою, надѣялся онъ здѣсь держаться, согласно волѣ Императора Франца. Его надежды не сбылись. Наполеонъ атаковалъ Австрійцовъ у Штейера, оттѣснилъ ихъ и овладѣлъ переправою. Кутузовъ поспѣшно отступилъ, видя невозможность оставаться долѣе у Энса. Угрожая его лѣвому крылу, Наполеонъ могъ припереть его къ Дунаю. Кутузовъ двинулся отъ Энса къ Амштетену. Наполеонъ быстро шелъ за нимъ, приказавъ Маршалу Мортье перейдти съ корпусомъ въ Линцѣ за Дунай, и слѣдовать лѣвымъ берегомъ его, не допуская Кутузова переправляться. Тогда же Французы собрали всѣ, какія можно было найдти на Дунаѣ суда, составили изъ нихъ флотилію и приказали ей держаться на одной высотѣ съ Мортье. Сими распоряженіями Наполеонъ хотѣлъ удержать и разбить Кутузова на правомъ берегу Дуная.

На другой день послѣ отступленія Кутузова отъ Энса, 24-го Октября, Мюратъ догналъ у Амштетена арріергардъ Князя Багратіона и атаковалъ его. Нападеніе было столь сильно, что Кутузовъ, лично пріѣхавшій въ арріергардъ, полагалъ невозможнымъ Князю Багратіону устоять, и велѣлъ Милорадовичу идти на его подкрѣпленіе, съ отрядомъ, составлявшимъ резервъ арріергарда. Милорадовичъ пришелъ на поле сраженія, когда Князь Багратіонъ отступалъ. Пропустивъ его, онъ построилъ отрядъ въ двѣ линіи, — и загорѣлся ожесточенный бой. Раненые, послѣ перевязки, спѣшили возвращаться въ огонь. Французы говорятъ, что взятые ими въ плѣнъ Русскіе кидались яростно на конвойныхъ. Къ концу дѣла Французы отступили въ безпорядкѣ, преслѣдуемые охотниками. Между тѣмъ Кутузовъ отступалъ черезъ Мелькъ къ Санктъ-Пельтену. Мюратъ настигъ Милорадовича у Мелька. Здѣсь опять произошло жаркое дѣло. Обѣ стороны приписали себѣ успѣхъ: наши потому, что, давая отпоръ, отступили въ порядкѣ, Французы, что подались впередъ.

Упорныя дѣла при Ламбахѣ, Амштетенѣ и Мелькѣ удостовѣряли Наполеона въ желаніи Кутузова выиграть время для сожданія свѣжихъ войскъ. Основываясь на сихъ заключеніяхъ, и

соображая, что Санктъ-Пельтенъ было единственное мѣсто, являвшее Кутузову возможность соединиться съ Русскими войсками, шедшими изъ Моравіи, Наполеонъ вознамѣрился не допустить соединенія и разбить Кутузова отдѣльно. Пройдя Мелькъ, онъ приказалъ Ланну и резервной конницѣ Мюрата атаковать правое крыло Кутузова, Сульту и гвардіи ударить на центръ, Бернадоту и Даву обходить наше лѣвое крыло, отрѣзывая Кутузова отъ Вѣны, Мортье спѣшить къ Кремсу лѣвымъ берегомъ Дуная, въ тылъ Кутузову. Во время приготовленій Наполеона, угрожавшихъ намъ, въ случаѣ промедленія, неминуемымъ пораженіемъ, Кутузовъ стоялъ у Санктъ-Пельтена, куда отступалъ Милорадовичъ, сражаясь съ Мюратомъ. Вскорѣ получилъ онъ извѣстіе о появленіи Мортье на лѣвомъ берегу Дуная. Проникая намѣреніе великаго противника припереть его къ Дунаю, Кутузовъ тотчасъ повелъ армію изъ Санктъ-Пельтена къ Кремсу, перешелъ тамъ черезъ Дунай и истребилъ мостъ, подъ выстрѣлами Французовъ. Такимъ образомъ Кутузовъ очистилъ правый берегъ Дуная, вопреки двухъ повелѣній Императора Франца, приказывавшаго ему, во что бы то ни стало, защищать предмостное укрѣпленіе у Кремса, которое однакожъ Австрійцы только что начали строить. Посланные заблаговременно Кутузовымъ офицеры осмотрѣли укрѣпленіе, и донесли, что оно едва было начато построеніемъ, слѣдственно, нечего было и думать о защитѣ его. Но если бы оно и было готово, то, остановясь въ немъ, Кутузовъ очутился бы, какъ будто въ западнѣ, съ обоихъ береговъ Дуная окруженный Наполеономъ, точно въ такомъ положеніи, въ какое, въ 1811-мъ году, поставилъ онъ армію Верховнаго Визиря подъ Рущукомъ.

Переходъ Кутузова за Дунай лишилъ Наполеона цѣли соображеній, съ какою устремился онъ противъ него изъ Мюнхена, совершенно измѣнилъ видъ дѣлъ, и озаботилъ Наполеона. Прозорливый, онъ тотчасъ увидѣлъ опасное положеніе Маршала Мортье за Дунаемъ, велѣлъ остановить общее наступательное движеніе арміи, а Сульту и Бернадоту идти къ Дирнштейну, и тамъ переправиться за Дунай на флотиліи, въ подкрѣпленіе Мортье, которому предписалъ принять всѣ мѣры осторожности. Самъ Наполеонъ расположился въ Санктъ-Пельтенѣ, ожидая исполненія своихъ повелѣній, но его распоряженія еще не были приведены въ дѣйствіе, когда Кутузовъ разбилъ Маршала Мортье. Переправясь за Дунай, первою заботою Кутузова было узнать о числѣ войскъ и движеніяхъ Мортье. Схваченные разъѣздами, Французы показали, что Мортье шелъ тремя колонами, съ дивизіею Генерала Газана былъ близъ Дирнштейна, на маршѣ къ Кремсу; другая дивизія, Дюпона, находилась верстахъ въ 12-ти назади, а третья, Дюмонсо, въ маршѣ за Дюпономъ. Къ такому растянутому движенію принуждало Мортье узкое прибрежье Дуная, стѣсняемое слѣва Богемскими горами. Соображая положеніе непріятелей, Кутузовъ возымѣлъ мысль разбить дивизію Газана, обойдя ее справа и отрѣзавъ отъ двухъ заднихъ дивизій. Приказывая Милорадовичу удерживать Маршала Мортье съ фронта, Кутузовъ поручилъ Дохтурову зайдти ему въ тылъ и перехватить отступленіе. Въ сихъ чертахъ заключалась сущность предположеній Кутузова къ Кремскому сраженію. Тайно распоряжаясь къ нападенію, Кутузовъ заботился только о томъ, чтобы Мортье, узнавъ о пребываніи его въ Кремсѣ, не остановился въ Дирнштейнѣ, гдѣ онъ тогда находился, ожидая свои заднія войска. Желая выманить его оттуда скорѣе въ ущелье, ведущее къ Кремсу, Кутузовъ довелъ до свѣдѣнія Мортье, посредствомъ лазутчиковъ, что мы должны спѣшить въ Моравію, только для самаго краткаго отдыха войскъ остановились въ Кремсѣ, занимаемся съ мѣстнымъ начальствомъ приготовленіями къ походу, и поставили Милорадовича впереди Кремса, у Штейна, прикрывать отступленіе. Мортье повѣрилъ ложнымъ вѣстямъ, и на другое утро, не пославъ наблюдательныхъ отрядовъ въ горы, спѣшилъ изъ Дирнштейна къ Кремсу, въ разставленныя ему Кутузовымъ сѣти.

Октября 30-го, въ 8-мь часовъ утра, завязалась перестрѣлка въ авангардѣ Милорадовича. Черезъ часъ Мортье атаковалъ его бригадою, и потомъ вводилъ въ дѣло всѣ полки дивизіи Газена, по мѣрѣ прибытія ихъ на поле сраженія.

Разгорѣлось жаркое дѣло. Мортье силился сломить Милорадовича, упорствуя въ ложномъ убѣжденіи, что необходимо занять Кремсъ и скорѣе идти оттуда за Кутузовымъ. Ежеминутно ожидая прибытія Дохтурова въ тылъ Французамъ, Кутузовъ приказалъ Милорадовичу медленно отступать. Мортье двинулся за Милорадовичемъ, но долженъ былъ вскорѣ остановиться, встрѣченный картечью, и атакованный въ лѣвое крыло отдѣльнымъ отрядомъ. Удостовѣрясь тогда, что имѣетъ дѣло съ превосходными силами, а не съ слабымъ арріергардомъ, Мортье увидѣлъ невозможность оттѣснить Милорадовича съ одною дивизіею Газана, прекратилъ нападенія, ограничился перестрѣлкою, и послалъ приказаніе Дюпону ускорять маршъ.

Скоро долженъ былъ день склониться къ вечеру, но Дохтуровъ не являлся. Австрійскіе проводники ввели его въ непроходимыя горы, покрытыя лѣсами, гдѣ два человѣка съ трудомъ могли идти рядомъ, и то встрѣчая на каждомъ шагу препятствія. Дождь увеличивалъ трудность марша. Слыша пушечную пальбу влѣво, наши рвались въ бой, но едва двигались, растянутые на большомъ пространствѣ. Дохтуровъ оставилъ наконецъ въ дефилеяхъ артиллерію и конницу, и пошелъ съ одною пѣхотою. Въ 5-ть часовъ пополудни спустился съ горъ авангардъ его, и занялъ Дирнштейнъ, разогнавъ бывшій тамъ небольшой Французскій отрядъ съ тремя пушками, защищавшій городскія ворота. Орудія были нашими отбиты. При первомъ извѣстіи о появленіи Русскихъ въ тылу его, Мортье на спѣхъ послалъ драгуновъ въ Дирнштейнъ. Они атаковали авангардъ Дохтурова но были опрокинуты. Узнавъ отъ нихъ, что обратный выходъ изъ ущелья ему запертъ, Мортье созвалъ на совѣтъ генераловъ и полковниковъ. Полагая плѣнъ неизбѣжнымъ, они предложили Мортье переѣхать въ лодкѣ на правый берегъ Дуная, представляя позоръ, если увеличатся трофеи Кутузова плѣномъ Маршала Французской Имперіи. Мортье отвергъ предложеніе, почитая долгомъ раздѣлять участь войскъ, составилъ арріергардъ удерживать Милорадовича, и пошелъ на проломъ въ Дирнштейнъ. Замѣтя отступленіе Французовъ, Кутузовъ двинулъ Милорадовича впередъ. Дохтуровъ уже стоялъ въ кровопролитномъ бою. Еще поутру, услыша канонаду въ дивизіи Газана, Дюпонъ ускорилъ маршъ, и подходилъ къ Дирнштейну въ то время, когда Дохтуровъ занималъ сей городъ. Дюпонъ рѣшился пробиваться, стремясь войдти въ связь съ своимъ корпуснымъ начальникомъ. Дохтуровъ очутился между двухъ огней. Пока Дюпонъ велъ атаку на него справа, Мортье ломился въ Дирнштейнъ съ лѣвой стороны его, самъ съ тыла тѣснимый Милорадовичемъ, взявшимъ здѣсь два Французскія орудія. Не менѣе кровопролитіе происходило на скатѣ горъ, въ тропахъ и ущельяхъ, куда Дюпонъ обратилъ часть своихъ войскъ удерживать и не допускать нашихъ идти внизъ. Тѣснота моста усугубляла жестокость сраженія. Ядра и картечи, шумя по горамъ, ссѣкали деревья, дробили камни. Людей било иверпями и сучьями. Когда Мортье ворвался въ Дирнштейнъ, рѣзались въ улицахъ штыками, дрались прикладами. Дюпонъ съ своей своей стороны усиливалъ нападеніе. Дохтуровъ находился въ трудномъ положеніи, безъ артиллеріи, въ темнотѣ, лишенный возможности распоряжаться, различать дѣйствія непріятеля, и имѣя для отступленія едва проходимые дефилеи. Потому онъ долженъ былъ наконецъ очистить путь и пропустить Мортье.

Бой въ окрестностяхъ Дирнштейна продолжался до девяти часовъ вечера, такъ, что болѣе трехъ часовъ сражались во мракѣ, освѣщаемомъ только пушечною и ружейною пальбою. Самъ Мортье, нѣсколько разъ окруженный, саблею очищалъ себѣ путь. Были минуты, когда въ ведомой имъ дивизіи Газана, Французы лишались надежды на спасеніе, и предавались паническому страху, въ чемъ они — случай рѣдкій — сознаются сами. Такъ Генералъ Грендоржъ и два полковника, для спасенія своего кинулись въ лодку, были занесены на мель близъ берега и полонены. Сверхъ того взято въ плѣнъ 1500 рядовыхъ, и отбито у непріятелей 5 орудій и штаднартъ — первые трофеи, отнятые Русскими у Наполеоновыхъ войскъ.

Наполеонъ справедливо назвалъ Кремское сраженіе «побоищемъ». Если оно не кончилось

совершеннымъ истребленіемъ дивизіи Газана, виною была неизвѣстная Кутузову мѣстность, ибо топографическихъ картъ окрестностей Кремса тогда не существовало, и Кутузову оставалось положиться на Союзниковъ нашихъ, туземцовъ, не только ручавшихся за возможность обхода, но и принявшихъ на себя вести Дохтурова въ тылъ непріятеля. Важность битвы заключалась въ слѣдствіяхъ ея. Принудивъ Наполеона возвратить Маршала Мортье на правый берегъ Дуная, Кутузовъ пріобрѣлъ полную свободу дѣйствій, и соображаясь съ движеніями Наполеона, могъ оставаться въ Кремсѣ и ожидать Графа Буксгевдена, или идти ему на встрѣчу, не опасаясь скораго преслѣдованія, или обратиться къ Вѣнѣ. Во всякомъ случаѣ онъ достигъ средствъ, въ ожиданіи свѣжихъ войскъ, оборонять переправы черезъ Дунай. Кромѣ того, Кремское сраженіе имѣло великое нравственное вліяніе въ Европѣ. Всѣ бывшія отъ Браунау до Кремса арріергардныя дѣла показывали, что прошла наконецъ Наполеону пора побѣдъ дешевыхъ, и онъ встрѣтилъ соперниковъ, оставлявшихъ ему поле битвъ не отъ принужденія непріятелемъ, но по волѣ начальниковъ. Но какъ всѣ сіи дѣла имѣли слѣдствіемъ наше отступленіе, то были изображаемы Наполеономъ побѣдами Французовъ. Кремское сраженіе впервые явило рѣшительную поверхность надъ войсками Наполеона. Потому извѣстіе о сей битвѣ было всюду принято съ неописанною радостью, какъ залогъ будущихъ успѣховъ. Императоръ Францъ тотчасъ прислалъ Кутузову орденъ Маріи Терезіи первой степени. Сію высшую награду, раздаваемую въ Австріи въ честь воинскихъ подвиговъ, прежде Кутузова имѣли только двое Русскихъ: Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Суворовъ. Въ то же время Австрійскій Императоръ приказывалъ Кутузову представить ему списки отличившихся подъ Кремсомъ генераловъ и офицеровъ, а нижнимъ чинамъ намѣренъ былъ пожаловать денежное награжденіе. Императоръ Александръ удостоилъ Кутузова слѣдующимъ рескриптомъ: «Сраженіе при Кремсѣ есть новый «вѣнецъ славы для Россійскаго воинства, и для «того, кто онымъ предводительствовалъ. Моихъ «словъ не достаетъ выразить вамъ и всему кор«пусу, подъ вашимъ начальствомъ состоящему, «то удовольствіе и ту признательность, которыя «Я ощущаю съ полученія сего пріятнаго извѣ«стія. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашихъ рапор«товъ объ отличившихся, какъ въ семъ дѣлѣ, «такъ и въ предыдущихъ. На васъ возлагаю «объявить также всему корпусу чувства, из«ясненныя въ семъ рескриптѣ Мною».

Яркими красками описываютъ Французы гнѣвъ Наполеона при извѣстіи о Кремскомъ боѣ — первой неудачѣ, постигшей его оружіе среди самаго блистательнаго похода. Тѣмъ прискорбнѣе было ему событіе, что Кутузовъ принудилъ его быть бездѣйствующимъ зрителемъ пораженія Мортье. Находясь во время Кремскаго боя въ Санктъ-Пельтенѣ, Наполеонъ слышалъ канонаду подъ Кремсомъ, зналъ, почти видѣлъ гибельное положеніе Мортье, и не могъ помочь ему. Раздраженный, тѣмъ упорнѣе устремился Наполеонъ загладить неудачу. Онъ приказалъ Мюрату, съ корпусами Ланна и Сульта и гренадерскою дивизіею Удино, спѣшить въ Вѣну, во что бы ни стало, силою или хитростью, овладѣть тамъ мостомъ черезъ Дунай, а послѣ денно и нощно идти на Цнаимскую дорогу, въ тылъ Кутузову, на путь соединенія его съ шедшими изъ Россіи войсками, и отрѣзать ему отступленіе. Корпуса Бернадота и Мортье стали у Маутерна, противъ Кремса, съ приказаніемъ готовить поспѣшно матеріалы для постройки моста, и при первомъ извѣстіи объ отступленіи Кутузова переправиться черезъ Дунай на флотиліи и тѣснить его съ тыла, поставляя его между ихъ корпусами и порученными Мюрату войсками. Черезъ два дня выхвачена была обманомъ Французами у Австрійцовъ Вѣна, и Ноября 1-го Мюратъ, Ланнъ, Сультъ и Удино двинулись черезъ Вѣнскій мостъ въ тылъ Кутузову. Щедро платя лазутчикамъ, самъ отправляя и допрашивая ихъ, Кутузовъ скоро узналъ о занятіи Французами Вѣны. Немедленно выступилъ онъ изъ Кремса, въ мрачный и бурный осенній вечеръ, и шелъ всю ночь. На слѣдующее утро, давъ арміи краткій отдыхъ, онъ продолжалъ маршъ, пославъ, боковою дорогою,

Князя Багратіона занять Голлабрунъ, гдѣ сходились дороги изъ Кремса, по коей шелъ Кутузовъ, и изъ Вѣны, которою спѣшилъ на перерѣзъ ему Мюратъ. «Я не скрываю отъ себя,» доносилъ Кутузовъ Императору Александру, «что на семъ маршѣ могу потерять до 1000 «человѣкъ, но спасти должно цѣлое, если возможно будетъ.» Спасеніе было не далеко. Поутру Ноября 3-го, Князь Багратіонъ пришелъ къ Голлабруну. Но опасность еще не миновалась, ибо потребно было время провести армію позади Багратіонова отряда. Иначе Кутузова могли принудить къ битвѣ въ невыгодномъ положеніи, противъ превосходнаго числа непріятелей. Здѣсь умъ его нашелъ средства воспользоваться счастливою случайностью. Едва Багратіонъ успѣлъ стать близъ Голлабруна, передъ нимъ явился Мюратъ, изумленный встрѣчею съ Русскими войсками на Цнаимской дорогѣ, гдѣ былъ увѣренъ предупредить ихъ. Увидя себя въ самой близи отъ Князя Багратіона, и узнавъ, что Кутузовъ въ нѣсколькихъ верстахъ, Мюратъ не рѣшился атаковать, потому что пѣхота его еще не вся пришла, и была въ полумаршѣ. Хитростью вознамѣрился онъ остановить движеніе Кутузова, пока прибудутъ заднія войска, и въ нашемъ тылу появятся Бернадотъ и Мортье. Мюратъ послалъ къ Князю Багратіону переговорщика, съ предложеніемъ перемирія на условіи оставаться арміямъ на занимаемыхъ ими мѣстахъ, говоря, что по случаю заключенія мира съ Австріею, безполезно проливать кровь. Разставляя сѣти Кутузову, и надѣясь обмануть его, Мюратъ ошибся въ разсчетѣ. Кутузовъ обратилъ хитрость противъ Мюрата, и послалъ къ нему Генерала Винценгероде, съ приказаніемъ вступить въ переговоры и заключить перемиріе, «Намѣреніе же мое было,» доносилъ онъ Государю, «паче всего, чтобы выиграть «время къ снисканію средства для спасенія ар«міи и успѣть отойдти отъ непріятеля». Винценгироде подписалъ съ Мюратомъ перемиріе на условіи: возвратиться Русской арміи изъ Австріи въ Россію, по той же дорогѣ, по которой она пришла, а Мюрату нейдти далѣе въ Моравію. Условіе положено представить на ратификацію Наполеона и Кутузова, и до утвержденія ими оставаться арміямъ Кутузова и Мюрата на занимаемыхъ ими мѣстахъ, а въ случаѣ неутвержденія договора, не начинать военныхъ дѣйствій, не предваря о томъ другъ друга за четыре часа. Такъ прошло 3-е Ноября. Перемиріе отправили къ Кутузову и въ Вѣну къ Наполеону. Мюратъ торжествовалъ, увѣренный въ признательности Наполеона за его дѣйствія. Ему казалось, что онъ совершилъ великое дѣло, однимъ почеркомъ пера принудивъ Русскую армію сперва стоять на мѣстѣ, а потомъ возвратиться, какъ будто по капитуляціи, въ Россію, отдѣливъ Императора Александра отъ союза съ Вѣнскимъ Дворомъ, и предоставивъ Австрію произволу собственныхъ, истощенныхъ силъ ея. Вмѣсто ожидаемой благодарности, Мюратъ получилъ строжайшій выговоръ. Прочитавъ актъ перемирія, Наполеонъ не только не утвердилъ условій, но въ сильныхъ выраженіяхъ укорялъ Мюрата за прекращеніе военныхъ дѣйствій, говорилъ, что Кутузовъ обманываетъ его, и приказывалъ немедленно атаковать. Опасаясь новыхъ промаховъ со стороны своихъ генераловъ, въ такомъ дѣлѣ, гдѣ предполагалъ рѣшить участь Русской арміи, Наполеонъ поспѣшилъ самъ къ Мюрату изъ Вѣны, съ гвардіею и дивизіею Кафарелли. Нетерпѣніе его загладить потерянное Мюратомъ время было столь велико, что, пройдя съ гвардіею нѣсколько верстъ, онъ сѣлъ въ карету и во всю прыть лошадей понесся въ Голлабрунъ.

Наполеонъ не ошибся. Переговоры и соглашеніе Кутузова были хитростью. «Я ни мало «не думалъ», писалъ онъ Императору Александру, «принять условій. Я удержался отвѣ«томъ 20 часовъ, между тѣмъ продолжалъ от«ступать, и успѣлъ отойдти отъ Французовъ «два марша.» Необходимость спасти армію заставила Кутузова рѣшиться на тяжкое пожертвованіе. Онъ призвалъ Багратіона, и благословилъ его стоять и умереть въ бою за спасеніе другихъ. Кутузовъ уже былъ далеко, когда Мюратъ, разочарованный гнѣвомъ Наполеона въ своихъ надеждахъ, вечеромъ Ноября 4-го, яростно напалъ на Багратіона. Бой былъ смер-

тельный. Багратіонъ бился, пока Наполеонъ прибылъ самъ и остановилъ безполезное пролитіе крови, ибо онъ увидѣлъ, что Кутузовъ ускользнулъ отъ него съ Русскою арміею. Черезъ два дня донесли Кутузову о приближеніи Багратіона. Кутузовъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу, радостно обнималъ его, и принялъ отъ него даже трофеи—плѣнныхъ и знамя. Поручивъ Багратіону арріергардъ, Кутузовъ отступилъ безпрепятственно, и Ноября 7-го соединился съ Графомъ Буксгевденомъ.

Такимъ образомъ на 400 верстномъ пространствѣ Кутузовъ избѣгнулъ пораженій, нѣсколько разъ готовимыхъ ему Наполеономъ. Преслѣдуемый и окружаемый многочисленною арміею, предводимою великимъ полководцомъ, онъ угадывалъ и предупреждалъ замыслы его, подъ Кремсомъ разбилъ непріятеля, и совершилъ отступленіе, поставляемое Военною Исторіею въ числѣ образцовыхъ. Но Исторія еще не могла оцѣнить въ полной мѣрѣ заслуги Кутузова, ибо доселѣ не было извѣстно, что на отступленіи, во время ежедневной, три недѣли продолжавшейся борьбы съ Наполеономъ, Кутузовъ принужденъ былъ часто не соглашаться съ Вѣнскимъ Военнымъ Совѣтомъ и дѣйствовать вопреки присылаемымъ ему изъ Вѣны предписаніямъ, исполненіе коихъ влекло къ неминуемой гибели предводимыя Кутузовымъ войска. При такомъ очевидномъ разномысліи съ Австрійскимъ Дворомъ, въ повелѣніяхъ коего состоялъ Кутузовъ, онъ умѣлъ однакожъ сохранить съ нимъ отношенія самыя пріязненныя.

Черезъ три дня Кутузовъ пришелъ въ Ольмюцъ, гдѣ былъ принятъ Императорами Александромъ и Францомъ съ знаками особеннаго благоволенія, и назначенъ Главнокомандующимъ соединенными въ Моравіи Русскими и Австрійскими войсками. Монархи Россіи и Австріи осматривали и благодарили приведенную Кутузовымъ армію, отличавшуюся на смотру не щегольствомъ одежды, но свѣжими воспоминаніями недавнихъ подвиговъ. Между тѣмъ разрозненныя на обширномъ пространствѣ союзныя арміи сближались къ главному театру войны, и можно было надѣяться на содѣйствіе намъ Пруссіи. Соображая тогдашнее положеніе дѣлъ, выигрышъ времени казался дороже выиграша битвы. Съ разныхъ сторонъ окруженный, Наполеонъ былъ бы принужденъ бороться съ силами, несравненно превосходнѣйшими арміи его. Побѣда надъ нимъ казалась неотъемлемою. Вышло противное. Въ Ольмюцкомъ лагерѣ открылся недостатокъ въ продовольствіи: дальнѣйшее тамъ пребываніе угрожало голодомъ. Собрали военный совѣтъ. Кутузовъ предложилъ отступить и сблизиться съ подвозами. Его мнѣніе не было принято, и рѣшено идти впередъ, не взирая на то, что два или три наступательные марша вели къ битвѣ съ Наполеономъ, казавшейся Кутузову ранновременною. Въ то же время, хваля дѣйствія Кутузова отъ Браунау до Брюнна, Австрійцы считали однакожъ нужнымъ, при соединеніи съ нимъ въ Ольмюцѣ, непосредственно руководствовать его дальнѣйшими движеніями. Императоръ Александръ полагалъ, что Австрійцы въ многолѣтнихъ походахъ противъ Французовъ изучили основательно образъ войны съ ними. Являясь только Союзникомъ Императора Франца, пришедшимъ на помощь ему, Онъ предоставилъ генераламъ его главныя распоряженія. Такимъ образомъ Кутузовъ пересталъ быть дѣйствователемъ. Нося званіе Главнокомандующаго, но видя себя безъ власти предводителя онъ покорился обстоятельствамъ, объявлялъ по арміи даваемыя ему приказанія, и оставался простымъ зрителемъ событій.

Ноября 15-го союзная армія выступила изъ Ольмюца впередъ, и 19-го расположилась близъ Аустерлица, въ виду Наполеона. У насъ опасались одного, что Наполеонъ не приметъ сраженія и отступитъ, а потому торопились распоряженіями къ нападенію на него. Въ полночь пригласили къ Кутузову всѣхъ колонныхъ начальниковъ. Онъ сказалъ имъ: «Завтра въ семь часовъ по-«утру атакуемъ непріятеля въ нынѣшней его «позиціи». Австрійскій Генералъ-Квартирмейстеръ Вейротеръ развернулъ планъ, и объяснялъ генераламъ подробности предполагаемыхъ дѣйствій. Во все время Кутузовъ молчалъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня — то былъ день Аустерлица — Кутузовъ находился при 4-й колоннѣ,

назначенной, вмѣстѣ съ первыми колоннами, обходить правое крыло Наполеона. Сначала выступленію его въ опредѣленный часъ мѣшала проходившая передъ его колонною кавалерія. Вскорѣ конница очистила ему путь, но Кутузовъ, хотя и долженъ былъ, по диспозиціи, идти впередъ, стоялъ неподвижно, какъ будто угадывая готовимое Наполеономъ прямо на него нападеніе, и не покидалъ мѣста, составлявшаго ключь позиціи. Въ 9–мъ часу прибыли на поле сраженія Императоры Александръ и Францъ. Подъѣхавъ къ Кутузову, и видя, что ружья стояли въ козлахъ, Императоръ Александръ спросилъ его: «Михайло Ларіоновичъ! Почему «не идете вы впередъ?» — «Я поджидаю», отвѣчалъ Кутузовъ «чтобы всѣ войска колонны «собрались.» Императоръ сказалъ: «Вѣдь мы «не на Царицыномъ лугу, гдѣ не начинають «парада, пока не придутъ всѣ полки.» — «Госу-«дарь!», отвѣчалъ Кутузовъ, «потому то я и не «начинаю, что мы не на Царицыномъ лугу. «Впрочемъ, если прикажете!» Приказаніе было отдано. Войско начало становиться въ ружье, и послали впередъ авангардъ.

Движеніе авангарда совершалось въ то время, когда Наполеонъ увидѣлъ, что наше лѣвое крыло совершенно отдѣлилось отъ центра, стоявшаго на Праценскихъ высотахъ. Сюда устремилъ Наполеонъ главныя силы свои. Встрѣченный жестокимъ огнемъ, нашъ авангардъ обратился назадъ. Слѣдуя за нимъ, Наполеонъ атаковалъ нашъ центръ съ фронта и фланговъ. Громады Французовъ валили на Праценскія высоты съ разныхъ сторонъ. Кутузовъ понесся впередъ и былъ раненъ пулею въ щеку. Императоръ Александръ послалъ къ нему Лейбъ-Медика Виллiе. «Поблагодари Государя», сказалъ Кутузовъ врачу, «и доложи, что моя рана «не опасна, но смертельная рана вотъ гдѣ!» прибавилъ онъ, указывая на Французовъ. Непріятели были такъ близко, что Кутузовъ могъ видѣть лица ихъ. Облитый кровью, подъ пулями, отдавалъ онъ приказанія, слабо внимаемыя въ суматохѣ. Любимый зять Кутузова, Флигель-Адъютантъ Графъ Тизенгаузенъ палъ въ его глазахъ, пронзенный насквозь пулею. Повсемѣстное наступленіе Французовъ, смерть и раны многихъ начальниковъ, привели союзное войско въ замѣшательство. Свидѣтель бѣдствія, Императоръ Александръ приказалъ собирать людей и отступать. Когда Французы опрокидывали нашихъ съ Праценскихъ горъ, откуда не являлось возможности сбить ихъ, при разстройствѣ и малочисленности союзныхъ войскъ въ центрѣ, не имѣвшемъ резервовъ, Кутузовъ поѣхалъ къ лѣвому крылу четвертой колонны. Поднимаясь на гору, онъ нашелъ тамъ бригаду Графа Каменскаго 1–го, и три раза, по приказанію Кутузова, атаковала она Французовъ, но не могла остановить ихъ. Видя невозможность устоять съ двумя полками, къ которымъ между тѣмъ присоединились два эскадрона С. Петербургскихъ Драгуновъ и сотня казаковъ Исаева 3–го полка, Кутузовъ, отрѣзанный отъ Аустерлица, близъ коего былъ Императоръ Александръ, отступилъ къ Гостіерадеку, и спустился въ долину Литавы. Такимъ образомъ, Кутузовъ остался только съ одною бригадою, и никакого дальнѣйшаго вліянія на сраженіе не имѣлъ. Не зная о постигшей Кутузова участи, Государь посылалъ во всѣ стороны отыскивать его, и увидѣлся съ нимъ уже послѣ сраженія.

Всю ночь Кутузовъ устроивалъ войско, слагая съ себя всякую отвѣтственность за пораженіе. На другой день послѣ битвы, онъ подъѣхалъ къ Измайловскому полку, и разговаривая объ ней съ офицерами, сказалъ — словамъ его есть еще свидѣтели: «Я омываю себѣ руки.» Семь лѣтъ спустя, подъ Краснымъ, обративъ Наполеонову армію въ нестройныя, безоружныя толпы одурѣлыхъ людей, Кутузовъ сѣлъ на скамью. Погода была ненастная, и надъ нимъ поставили наметъ изъ отбитыхъ въ тотъ день Французскихъ знаменъ. На одномъ было написано золотыми буквами: «За побѣду подъ Аустерлицомъ». Посмотрѣвъ на надпись, Кутузовъ сказалъ намъ: «Господа! вы молоды; переживете меня, и будете слышать разсказы о на-«шихъ войнахъ. Послѣ всего, что совершается «теперь передъ нашими глазами, одной выигран-«ной мною побѣдой, или одной понесенной «мною неудачей больше или меньше, все равно

«для моей славы, но вспомните: я не виноватъ «въ Аустерлицкомъ сраженіи.» Такъ говорилъ Кутузовъ. Однакожъ общее мнѣніе въ арміи осуждало его, за чѣмъ, видя ошибочныя распоряженія довѣренныхъ при Императорахъ Александрѣ и Францѣ лицъ, не опровергалъ онъ упорно дѣйствій ихъ всѣми доводами, почерпнутыми изъ многолѣтней опытности и глубокаго разума его. Въ такомъ же смыслѣ выражался Императоръ Александръ. Послѣ торжества надъ Наполеономъ слава нашего Монарха не могла умножиться одно одержанною Имъ побѣдою, или омрачиться однимъ претерпѣннымъ Имъ пораженіемъ. «Въ Аустерлицкомъ походѣ,» сказалъ Онъ однажды. «Я былъ мо«лодъ и неопытенъ. Кутузовъ говорилъ Мнѣ, «что намъ надобно дѣйствовать иначе, но ему «слѣдовало быть въ своихъ мнѣніяхъ настой«чивѣе.» Здѣсь опускается завѣса. Изслѣдованія не могутъ простираться за предѣлы могилъ великаго Монарха и перваго полководца Его.

Черезъ два дня послѣ Аустерлицкаго сраженія Австрійскій Императоръ заключилъ перемиріе съ Наполеономъ, и началъ договариваться о мирѣ. Предоставляя союзнику Своему дѣйствовать по усмотрѣнію, Императоръ Александръ поѣхалъ въ Петербургъ, приказавъ Кутузову возвратиться съ арміею въ Россію. Ноября 27-го тронулся Кутузовъ изъ лагеря подъ Сенницомъ въ обратный походъ, получивъ въ день выступленія слѣдующій рескриптъ отъ Императора Франца: «Сцѣпленіе несчастныхъ происше«ствій ранѣе привело то время, наступленія «коего я, вы и всѣ благомыслящіе желали по«зднѣе и при обстоятельствахъ счастливѣйшихъ — «время нашей разлуки. Пользуюсь послѣдними «минутами вашего здѣсь пребыванія, желая ска«зать вамъ, что вы уносите съ собою въ оди«наковой степени мое уваженіе и мою благодар«ность. Признаю ваши старанія и усердіе ко «мнѣ, къ вашему Монарху и къ нашимъ об«щимъ выгодамъ. Постигаю ваше прискорбіе «при мысли, что чистосердечныя усилія ваши «не имѣли слѣдствій, какихъ они заслуживали. «Желаю только, чтобы мои увѣренія въ томъ «могли быть для васъ хоть малымъ успокое«ніемъ. Опасаюсь, что воспоминаніе обо мнѣ «возбудитъ въ васъ мысли о грустныхъ часахъ, «проведенныхъ нами вмѣстѣ, но мнѣ останется «всегда радостно, если вы не забудете меня. «Прошу васъ о томъ, и заключаю увѣреніемъ «моего объ васъ памятованія, моего къ вамъ «уваженія и моей благосклонности. Передайте «слова мои подчиненнымъ вамъ генераламъ и «арміи». Кутузовъ отвѣчалъ Императору Францу: «Милостивый рескриптъ Вашего Величе«ства останется для меня и семейства моего «драгоцѣннымъ залогомъ чувствъ справедливо«сти Вашей, Государь! Смѣю повторить: я «одинъ изъ самыхъ усердныхъ слугъ праваго «дѣла, составляющаго постоянную заботу моего «Монарха и Вашего Величества. Если мои «усилія, труды и надежды не увѣнчались успѣ«хомъ, то, конечно, такъ было угодно Богу, «управляющему судьбами царствъ и народовъ. «Покоряюсь Ему съ сокрушеннымъ и огорчен«нымъ сердцемъ. Что ни произошло бы, я не «забуду благодѣяній, коими Ваше Величество «осыпали меня въ семъ походѣ, когда я имѣлъ «счастіе состоять въ повелѣніяхъ Вашихъ. Вос«поминаніе объ нихъ сохранится навсегда «въ памяти моей и моихъ позднѣйшихъ потом«ковъ. Никогда не произнесутъ они безъ жи«вѣйшей благодарности имени Вашего, вмѣстѣ «съ именемъ моего Монарха. Милостивыя чув«ствованія Ваши объявлю я всѣмъ подчинен«нымъ мнѣ генераламъ и арміи. Государь! по«вергаю къ Вашимъ стопамъ мою благодар«ность и глубочайшее почтеніе.»

Кутузовъ шелъ черезъ Венгрію и Галицію, всюду великолѣпно чествуемый. Во многихъ мѣстахъ угощали корпусъ офицеровъ его безденежно. За больными имѣли родственное попеченіе, и съ любовію покоили ихъ въ домахъ своихъ. Самъ Эрцгерцогъ Палатинъ пріѣзжалъ къ Кутузову узнавать, не имѣетъ ли армія въ чемъ либо нужды. На пятомъ переходѣ изъ Сенницъ, Императоръ Францъ прислалъ къ Кутузову Генерала Штрауха спросить: «Упол«номоченъ ли онъ возобновить дѣйствія противъ «Французовъ, если обстоятельства побудятъ «Вѣнскій Дворъ прервать перемиріе?» Вопросъ

былъ сдѣланъ потому, что во время веденныхъ въ Пресбургѣ переговоровъ, требованія Наполеона казались Австріи нестерпимыми. Кутузовъ отвѣчалъ, что онъ не властенъ возвратиться, и долженъ продолжать маршъ, имѣя приказаніе вести войска въ Россію, въ чемъ Императоръ Александръ далъ слово Наполеону посредствомъ Генерала Савари. Тогда же привезли Кутузову именной указъ, въ слѣдствіе изъявленнаго Прусскимъ Королемъ желанія отправить корпусъ Эссена въ Силезію на соединеніе съ Беннигсеномъ. Кутузовъ не исполнилъ указа, донося: «Движеніе Эссена не можно произвесть «скрытно; узнавъ объ его маршѣ, Наполеонъ, «все себѣ позволяющій, вѣроятно, пошлетъ для «преградженія ему пути войско прямою доро«гою. Новое обстоятельство сіе поставитъ Ав«стрію въ величайшее затрудненіе, и дѣла мо«гутъ принять для нея невыгодный оборотъ.» Притомъ Кутузовъ представлялъ, что удобнѣе и скорѣе отправить къ Беннигсену войска изъ резервовъ, расположенныхъ въ предѣлахъ Россіи.

Выступая изъ Венгріи въ Галицію, Кутузовъ отъ лица арміи благодарилъ Палатина за попеченіе его о нашихъ войскахъ и гостепріимство, оказываемое намъ на каждомъ шагу. Желая предупредить растрату денегъ за границею, Кутузовъ не выдавалъ войскамъ жалованье до вступленія въ Россію, а между тѣмъ кончилъ разсчеты съ Австрійскимъ Правительствомъ за продовольствіе арміи во время четырехъ-мѣсячнаго пребыванія ея во владѣніяхъ Императора Франца. Наконецъ, послѣ трудныхъ зимнихъ маршей, войска вступили, 26-го Декабря, въ Радзивиловъ. Изъ послѣдияго пограничнаго Австрійскаго мѣстечка Кутузовъ еще разъ благодарилъ Императора Франца за его милости къ Русской арміи, попеченія гражданскихъ властей и доброе расположеніе жителей, и представилъ о награжденіи находившихся при немъ съ открытія войны Австрійскихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Кутузову за войну 1805-го года пожалованы двѣ награды: Владимірскій орденъ первой степени, и для одной изъ дочерей его Фрейлинскій вензель. Вскорѣ потомъ послѣдовало новое росписаніе войскъ. Кутузова назначили Кіевскимъ Военнымъ Губернаторомъ. Но не въ Кіевѣ былъ предѣлъ поприща его. Провидѣніе берегло Кутузова на времена опаснѣйшія, когда должны были исполниться судьбы Россіи. Его ждали въ Двѣнадцатомъ Году Букарестскій миръ и Отечественная война.

Едва пріѣхавъ въ Кіевъ, Кутузовъ былъ вызванъ въ Петербургъ, и назначенъ членомъ учрежденнаго тогда Временнаго Военнаго Совѣта. Подъ личнымъ предсѣдательствомъ Монарха, Членами Совѣта, кромѣ Кутузова, были: Фельдмаршалы Князь Салтыковъ и Графъ Каменскій, Генералы Вязмитиновъ, Ласси, Сухтеленъ и Графъ Толстой, и Морской Министръ Чичаговъ, а Правителемъ дѣлъ Начальникъ Военнопоходной Канцеляріи, Графъ Ливенъ. Обязанностью Совѣта было: 1) Начертаніе операціоннаго плана на случай открытія войны съ тѣми державами, отъ которыхъ, по политическимъ обстоятельствамъ, того ожидать можно. 2) Указаніе мѣръ и распоряженій къ приведенію плана въ дѣйствіе самымъ успѣшнымъ образомъ. 3) Назначеніе числа войскъ, какое надлежитъ прибавить для угроженія зломышленныхъ намѣреній непріятелей Государства и подкрѣпленія военныхъ дѣйствій въ случаѣ войны. 4) Изысканіе способовъ къ удобнѣйшему составленію новыхъ войскъ, и средствъ для самаго скораго ихъ образованія, а равно всего того, что до сего предмета касается.

Осенью 1806-го года, по окончаніи возложенныхъ на Военный Совѣтъ дѣлъ, Кутузовъ отправился въ Кіевъ. Вскорѣ потомъ возгорѣлась вторая война Императора Александра съ Наполеономъ. Кутузовъ не принималъ въ ней участія, и только, оставаясь Кіевскимъ Военнымъ Губернаторомъ, былъ дважды посыланъ изъ Кіева въ Брестъ покупать лошадей для парковъ сражавшейся противъ Наполеона арміи. По заключеніи Тильзитскаго мира, Императоръ Александръ назначилъ Фельдмаршала Князя Прозоровскаго Главнокомандующимъ арміею, дѣйствовавшей противъ Турковъ. Семидесятипяти-лѣтній старецъ, Князь Прозоровскій

часто изнемогалъ подъ бременемъ недуговъ, по временамъ едва двигался, съ трудомъ сидѣлъ на лошади. По слабости здоровья просилъ онъ себѣ въ помощники Кутузова, и писалъ Государю: «Буду употреблять Кутузова вмѣсто себя, въ «случаѣ, когда съ силами не соберусь что либо «самъ осмотрѣть. Онъ почти мой ученикъ и «методу мою знаетъ.» Согласясь на представленіе Фельдмаршала, Императоръ Александръ велѣлъ Кутузову отправиться въ Молдавскую армію, и онъ прибылъ туда въ Октябрѣ 1807 года. Князь Прозоровскій поручилъ ему непосредственное завѣдываніе войскомъ, а самъ занимался переговорами съ Турками, продолжавшимися съ осени 1807-го года до Марта 1809-го, когда возобновились военныя дѣйствія. Князь Прозоровскій и съ нимъ Кутузовъ двинулись къ Браилову, осадили, и ночью съ 19-го на 20-е Апрѣля штурмовали его. Во мракѣ ночи однѣ изъ нашихъ колоннъ сбились съ дороги, другія, приближась къ крѣпостному рву, начали стрѣлять безъ всякой цѣли. Почти всѣ охотники, отважно взлѣзшіе на валъ, были убиты. Русское войско, постигнутое какимъ то остолбенѣніемъ, терпѣло великій уронъ. Не подавась на валъ, оно оставалось во рву, гдѣ непріятель билъ нашихъ, пускалъ противъ нихъ огромныя ядра, каменья, ручныя гранаты, а мы не могли дѣлать большаго вреда Туркамъ. Взошло солнце. Увидя ужасное зрѣлище и безнадежность успѣха, Князь Прозоровскій предался отчаянію, плакалъ, бросался на колѣни, рвалъ на себѣ волосы. Кутузовъ стоялъ подлѣ него, сохраняя свое обычное, неизмѣнное хладнокровіе. Утѣшая Фельдмаршала, онъ сказалъ ему между прочимъ: «Не такія бѣды бывали со «мной; я проигралъ Аустерлицкое сраженіе, рѣ«шавшее участь Европы, да не плакалъ.» Казалось, счастіе отвернулось тогда отъ знаменъ Александра. Во время отбитаго Браиловскаго приступа, Милорадовичъ былъ отраженъ отъ Журжи, а Исаевъ отъ Кладово. Неудачи еще болѣе разстроили слабое здоровье Князя Прозоровскаго. Онъ видимо угасалъ. Къ огорченіямъ о безуспѣшности, постигавшей всѣ его предпріятія, присоединились неудовольствія на Кутузова. Вскорѣ послѣ открытія похода, многіе генералы, видя неудовлетворительный ходъ дѣлъ, обращались для совѣта къ Кутузову. Князь Прозоровскій жаловался на то Государю, утверждая, что Кутузовъ возбуждаетъ недовѣріе къ нему, порочитъ его дѣйствія; служитъ ему не помощникомъ, но помѣхою, и просилъ объ отзывѣ его изъ арміи. Уважая представленіе Князя Прозоровскаго, Государь приказалъ заготовить рескриптъ Кутузову о назначеніи его начальникомъ резервнаго корпуса въ Молдавіи, но какъ въ то же время Генералъ Римскій-Корсаковъ просилъ увольненія отъ должности Литовскаго Военнаго Губернатора, то написанъ былъ другой рескриптъ, опредѣлявшій Кутузова на мѣсто Корсакова. Оба рескрипта были посланы къ Князю Прозоровскому, съ полномочіемъ вручить Кутузову любой. Имѣя въ виду удалить Кутузова вовсе изъ арміи, и не желая поручить ему даже резерва, Князь Прозоровскій отдалъ ему рескриптъ о назначеніи его Литовскимъ Военнымъ Губернаторомъ. Кутузовъ отправился въ Вильну, съ береговъ Дуная, куда черезъ два года потомъ суждено было ему явиться побѣдоносцомъ, рѣшителемъ войны многолѣтней.

Полтора года провелъ Ктузовъ въ Вильнѣ. Между тѣмъ наступилъ 1811-й годъ; сближался часъ роковой борьбы Александра съ Наполеономъ. Вращая въ умѣ Своемъ всѣ средства къ оборонѣ ввѣренной Ему Богомъ Имперіи, Благословенный Монархъ полагалъ однимъ изъ главныхъ условій успѣха окончаніе веденной Имъ тогда войны съ Портою. Войну сію началъ въ 1806-мъ году смиритель Пугачева, Михельсонъ. Онъ занялъ Бессарабію, Молдавію и Валахію, и по малочисленности предводимыхъ имъ войскъ долженъ былъ ограничиться дѣйствіями оборонительными. Преемникъ его, Князь Прозоровскій, съ арміею многолюдною, не только не пріобрѣлъ поверхности надъ непріятелемъ, но имѣлъ въ войнѣ неудачи; съ трудомъ рѣшился онъ перейдти за Дунай, и совершивъ переправу, умеръ. Послѣ маститыхъ лѣтами полководцовъ, Михельсона и Князя Прозоровскаго, явились Главнокомандующими Князь Багратіонъ и Графъ Каменскій, оба въ цвѣтѣ

лѣтъ, озаренные славою прежнихъ подвиговъ своихъ. Князь Багратіонъ взялъ Мачинъ, Гирсовъ и Кистенджи, разбилъ Турковъ при Рассеватѣ, обложилъ Силистрію, безуспѣшно сразился подъ Татарицею, покорилъ Измаилъ и Браиловъ, но былъ принужденъ снять блокаду Силистріи и возвратиться за Дунай. Графъ Каменскій, имѣя подъ ружьемъ болѣе 80,000 человѣкъ, грозою явился на правомъ берегу Дуная, овладѣлъ Силистріею и Базарджикомъ, истощился въ безплодныхъ усиліяхъ подъ Шумлою, претерпѣлъ кровавое пораженіе на Рущукскомъ приступѣ, отмстилъ Туркамъ подъ Батиномъ, покорилъ Рущукъ, Журжу, Систовъ, Турну и Никополь, сдѣлалъ удачный поискъ на Ловчу, и отступилъ въ Валахію. Слѣдствіемъ пяти-лѣтнихъ походовъ Михельсона, Князя Прозоровскаго, Князя Багратіона и Графа Каменскаго были только утвержденіе Русскихъ въ Княжествахъ и покореніе крѣпостей на обоихъ берегахъ Дуная, отъ устьевъ его до Никополя. Взята была важная оборонительная черта Турецкой Имперіи— Дунай, но во власти Султана оставалась другая сильная защита Государства его, Балканы, и лежащія у подошвы сихъ горъ крѣпости. Также пребыла неприкосновенною опора Турецкихъ силъ, армія Верховнаго Визиря, а доколѣ войска, ввѣряемыя сему Государственному сановнику, не потерпѣли пораженія, до тѣхъ поръ Турки не лишались надежды на благопріятный для нихъ оборотъ дѣлъ. Мы не одержали надъ Портою ни одной блистательной побѣды, не сдѣлали ни одного рѣшительнаго движенія, могущаго заставить ее принять предложенныя Императоромъ Александромъ условія. И миръ казался тѣмъ отдаленнѣе, что въ началѣ 1811-го года Молдавская армія была умалена въ половину, слѣдственно, имѣла менѣе средствъ побѣдить Турковъ и восторжествовать надъ непреклонностью Султана Махмута, объявлявшаго еще недавно, когда Молдавская армія не была ослаблена отдѣленіемъ отъ нея пяти дивизій, что онъ помирится не иначе, какъ сохраняя цѣлость своей Имперіи и оставляя Днѣстръ границею между Россіею и Портою. Въ началѣ 1811-го года, Махмутъ надѣялся, болѣе нежели когда либо, пожать плоды своего упорства въ отказѣ на требованія Россіи, ибо зналъ о близкомъ разрывѣ Императора Александра съ Наполеономъ, и часто, убѣдительно былъ упрашиваемъ завоевателемъ не мириться съ Россіею. Въ такомъ положеніи находились дѣла наши съ Портою, когда Императоръ Александръ назначилъ Кутузова Главнокомандующимъ Молдавской арміи.

Получивъ Высочайшій указъ о своемъ назначеніи, Кутузовъ отправился въ Мартѣ 1811-го года изъ Вильны въ Букарестъ, на поприще, извѣстное ему со временъ Ларги и Кагула, Очакова и Измаила, Ясскаго мирнаго договора и посольства его въ Царьградъ. Потому несравненно болѣе другихъ Русскихъ Генераловъ тогдашней эпохи зналъ онъ Турцію, образъ войны и нравственныя свойства Оттомановъ, политику и утонченныя хитрости Фанарскихъ Грековъ и Перотовъ, руководителей Дивана. Пользовался онъ давно стяжаннымъ отъ Порты уваженіемъ. Паши знали Кутузова съ страшныхъ для нихъ Екатерининскихъ временъ. Царьградъ помнилъ въ немъ Посла великолѣпнаго, политика глубокаго и краснорѣчиваго. Вся Россія, тогда еще полная свѣжихъ воспоминаній о побѣдномъ вѣкѣ Екатерины, предрекала торжество полководцу, уже знаменитому въ Ея царствованіе, праздновала выборъ Кутузова въ предводители войскъ на Дунаѣ, увѣренная въ славномъ окончаніи войны, казавшейся нескончаемою. Опредѣленіе Кутузова Главнокомандующимъ Молдавскою арміею послѣдовало какъ будто въ предвѣстіе его великаго назначенія въ Двѣнадцатомъ Году.

Апрѣля 7-го Кутузовъ пріѣхалъ въ Букарестъ. Здѣсь ожидало его Высочайшее повелѣніе, при могущихъ возникнуть переговорахъ постановить границу по Дунаю, и при согласіи Турковъ на сіе условіе, договариваться о Сербскихъ дѣлахъ, денежной дани съ Порты и Азіятской границѣ. Ввѣренная Кутузову армія состояла изъ 46,240 человѣкъ.

Первымъ дѣйствіемъ Кутузова было возвращеніе Русскихъ войскъ съ праваго берега Дуная на лѣвый; только Рущукъ оставилъ онъ за собою, дабы имѣть здѣсь переправу черезъ

Дунай, на случай дѣйствій наступательныхъ. Онъ поставилъ главный корпусъ у Букареста, лѣвое крыло у Силистріи, а правое въ Краіовѣ, расположилъ флотилію на низовьяхъ Дуная, и послалъ отрядъ въ Сербію. Занимаемая войсками черта простиралась на тысячу верстъ, отъ Бѣлграда до устьевъ Дуная. «Тщетно было бы «помышлять», доносилъ Кутузовъ Императору Александру, «такое огромное расположеніе за-«нять вездѣ сильно, съ количествомъ ввѣренной «мнѣ арміи». Онъ приготовился къ войнѣ оборонительной, имѣя цѣлью «скромнымъ поведеніемъ «своимъ ободрить Верховнаго Визиря выйдти «изъ неприступной Шумлы, и разбить его въ «чистомъ полѣ». Притомъ, Кутузовъ представилъ Императору мнѣніе, по коему, если бы онъ имѣлъ 60,000 войска, то готовъ былъ идти къ Адріанополю, ручаясь за успѣхъ. Мнѣніе сіе заключаетъ въ себѣ точное подобіе началъ, руководившихъ Графа Дибича въ походѣ его за Балканы.

Ободренный уменьшеніемъ нашей Молдавской арміи и довѣряя внушеніямъ Французскаго посольства въ Царѣградѣ о скоромъ движеніи Наполеона противъ Россіи, Султанъ рѣшился употребить величайшія усилія для перенесенія театра войны на лѣвую сторону Дуная. На мѣсто 80-ти лѣтняго Юссуфа-Паши, неспособнаго, по дряхлости, къ быстрымъ дѣйствіямъ, опредѣлили Верховнымъ Визиремъ Ахмета-Бея. Въ 1809-мъ году онъ былъ Браиловскимъ Пашею, и славился въ Турецкой арміи отбитіемъ приступа Князя Прозоровскаго къ Браилову. Подъ его начальствомъ находился Бошнякъ-Ага, мужественный защитникъ Рущука противъ Графа Каменскаго. Оба сіи военачальника пользовались глубокимъ уваженіемъ своихъ соотчичей. Сборными мѣстами для войскъ назначили Шумлу и Софію. Такимъ образомъ, со стороны Порты измѣнялась совершенно сущность войны. Пять лѣтъ ограничиваясь строжайшею обороною, Султанъ рѣшился дѣйствовать наступательно, и хотѣлъ непремѣнно завоевать обратно Бессарабію, Молдавію и Валахію. Мѣры Турецкаго Правительства къ самому поспѣшному сбору войскъ были столь дѣятельны, что онѣ поколебали вѣковую, закоренѣлую лѣнь Музульмановъ. Усиленными средствами собрали армію многочисленную: въ исходѣ Мая было въ Шумлѣ 50,000, въ Софіи 25,000 человѣкъ, и сверхъ того шли къ Шумлѣ другія войска. Узнавъ о сборѣ непріятелей, Кутузовъ оставался спокойнымъ за лѣвое крыло свое, и обратилъ вниманіе на центръ и правый флангъ. Главный корпусъ подвинулъ онъ отъ Букареста къ Журжѣ, и обезпечивая свое правое крыло, вступилъ въ тайные переговоры съ Видинскимъ Пашею, склоняя его деньгами на нашу сторону. Паша допустилъ подкупить себя, и сообщенный ему Верховнымъ Визиремъ операціонный планъ — передалъ Кутузову.

Между тѣмъ шли переговоры о мирѣ, начавшіеся такимъ образомъ: Вскорѣ послѣ пріѣзда Кутузова въ армію получили у насъ отъ Верховнаго Визиря письмо на имя Графа Ланжерона, съ прозьбою сообщить ему извѣстія объ участи полоненнаго въ Базарджикѣ Сераскира Пегливана. Отвѣчая Верховному Визирю о Пегливанѣ, Кутузовъ увѣдомилъ его о своемъ прибытіи въ Букарестъ, вспоминалъ сведенное съ нимъ за 20-ть передъ тѣмъ лѣтъ знакомство, поздравлялъ его съ званіемъ перваго сановника Турецкой Имперіи, говорилъ о нечаянномъ стеченіи обстоятельствъ, что оба они, старинные пріятели, поступили одновременно въ Главнокомандующіе, и изъявлялъ радость быть въ сношеніяхъ съ давнишнимъ другомъ своимъ и столь отличнымъ полководцомъ, каковъ Ахметъ-Бей. О начатіи мирныхъ переговоровъ Кутузовъ умышленно не упоминалъ въ письмѣ, ожидая перваго шага отъ Визиря. «Я лучше хо-«тѣлъ,» писалъ онъ Канцлеру Графу Румянцову, «прослыть во мнѣніи Порты человѣкомъ власто-«любивымъ, жертвующимъ собственной пользѣ «благомъ человѣчества для продолженія могу-«щества, съ мѣстомъ моимъ связаннаго, нежели дать Туркамъ думать, что я бѣгаю за ми-«ромъ.» Благодаря Кутузова въ самыхъ цвѣтистыхъ выраженіяхъ Азіятскаго слога, Верховный Визирь говорилъ о надеждѣ на скорое примиреніе, и отправилъ въ Рущукъ для переговоровъ Военнаго Министра Гамида-Эффенди.

Не желая имѣть его въ Рущукѣ, гдѣ онъ могъ близко видѣть наши войска и узнавать о движеніяхъ, Кутузовъ склонилъ Гамида, будто для его спокойствія, переѣхать въ Бухарестъ. Для переговоровъ съ нимъ уполномочилъ онъ бывшаго передъ войною Россійскимъ Посланникомъ въ Царѣградѣ, Тайнаго Совѣтника Италинскаго. При первомъ совѣщаніи переговоры едва не рушились. Гамидъ-Эффенди и слышать не хотѣлъ объ уступкѣ Княжествъ, твердя, что Султанъ не помирится иначе, какъ возстановя границу, утвержденную Ясскимъ миромъ. Кутузовъ отвергъ его предложеніе, и Турецкій Министръ располагалъ возвратиться за Дунай. Не желая прервать переговоры, и особенно имѣя въ виду сохраненіе возможности частыхъ сношеній съ Верховнымъ Визиремъ посредствомъ Гамида-Эффенди, Кутузовъ уговорилъ его остаться въ Букарестѣ еще мѣсяцъ, будто бы необходимый для полученія изъ Петербурга отвѣта на донесеніе объ его предложеніяхъ. Зная корыстолюбіе и сладострастіе Турковъ, онъ ничего не щадилъ при угощеніи Гамида-Эффенди, угадывалъ и преждупреждалъ всякія желанія гостя. Роскошняя жизнь и доставляемыя ему Кутузовымъ утонченныя наслажденія такъ понравились Турецкому Военному Министру, что наконецъ онъ и самъ не хотѣлъ ѣхать отъ насъ, и просилъ Кутузова оправдать передъ Верховнымъ Визиремъ промедленіе его въ Букарестѣ.

Описанныя здѣсь дѣйствія происходили въ Апрѣлѣ и Маѣ 1811-го года. Въ Іюнѣ, кончивъ приготовленія къ походу, Веховный Визирь выступилъ изъ Шумлы къ Разграду. Кутузовъ послалъ авангардъ за Дунай. «Можетъ быть», доносилъ онъ, «завлеку я тѣмъ непріятеля въ сра«женіе на равнинахъ.» Простоявъ не долго у Разграда, Ахметъ-Бей двинулся къ Рущуку. Кутузовъ перевелъ всю армію на правый берегъ Дуная, и сталъ въ 4-хъ верстахъ впереди Рущука, готовый принять сраженіе. Онъ построилъ пѣхоту двумя линіями, въ кареяхъ; конница находилась въ третьей линіи. У насъ было въ строю до 18.000 человѣкъ и 114 орудій; у Визиря 60.000 человѣкъ и 78 пушекъ. Превосходя Русскую армію слишкомъ втрое, Визирь положилъ атаковать ее въ слѣдующій день по всей линіи, въ то же время обойдти наше лѣвое крыло, захватить Рущукъ и отрѣзать Кутузова отъ Дуная. Іюня 22-го, рано поутру, Турки двинулись впередъ. Наступленіе ихъ являло видъ картинный, блескомъ дорогаго оружія, разноцвѣтными одеждами, пестрыми чалмами, безчисленнымъ количествомъ знаменъ и значковъ, осѣнявшихъ войско. Наѣздники гарцовали передъ строемъ на борзыхъ лошадяхъ. За ними ѣхалъ Верховный Визирь, окруженный Государственными сановниками и многочисленною свитою. Кутузовъ приказалъ войску стать въ ружье. Въ семь часовъ утра выѣхали передъ Турецкую армію 78 орудій и разомъ открыли огонь; за ними шла пѣхота. Русская артиллерія отвѣчала съ обычнымъ ей искуствомъ. Турецкая пѣхота остановилась; орудія продолжали дѣйствовать, стараясь поколебать наши кареи и облегчить замышляемыя Ахметомъ-Беемъ атаки. То былъ приступъ къ сраженію.

Начались смѣлые наѣзды Спаговъ на оба фланга наши. Лѣвое крыло было атаковано пять разъ, но безуспѣшно, и послѣ каждой отбитой атаки громимо картечью. Турки ходили нѣсколько разъ въ обходъ праваго фланга, рвами и виноградниками. Наши кареи встрѣчали ихъ мужественно, отражали и преслѣдовали. Всѣ усилія непріятеля сломить и обойдти фланги были тщетны. Подъ прикрытіемъ сихъ атакъ Верховный Визирь приготовлялъ ударъ, для достиженія главной предположенной имъ цѣли сраженія, овладѣнія Рущукомъ. Для сего предмета собралъ онъ 10,000 Анатольскихъ всадниковъ и поручилъ ихъ Бошняку-Агѣ, знавшему подробно окрестности Рущука, за годъ передъ тѣмъ ему подвластнаго. Было девять часовъ, когду предводимые Бошнякомъ-Агою Анатольцы двинулись съ мѣста. Черезъ нѣсколько минутъ они понеслись во всю прыть лошадей, прорвались между крайними кареями нашего лѣваго крыла, и еще лѣвѣе, между садовъ и лѣсовъ. Совершивъ прорывъ, они кинулись въ тылъ нашей конницѣ, занимавшей третью линію. Въ мгновеніе ока опрокинули и смяли они два казачьи, Кинбурнскій Драгунскій и

Бѣлорусскій Гусарскій полки, и схватили одно орудіе. Отражая Верховнаго Визиря съ фронта, Кутузовъ послалъ противъ Анатольцевъ пѣхоту и конницу, и они были обращены вспять, съ великою для нихъ потерею. Атакованные съ разныхъ сторонъ, одни стремглавъ падали во рвы и овраги, другихъ рубили, топтали, кололи. Уничтоживъ отчаянное нападеніе, и угадывая наступленіе той минуты, когда совершается переломъ сраженія, Кутузовъ повелъ впередъ всѣ три линіи. Барабанный бой и побѣдное ура! слились въ воздухѣ. Увидя стройное движеніе кареевъ, Ахметъ-Бей не рѣшился выдержать удара и началъ отступать. Кутузовъ преслѣдовалъ непріятеля до Визирскаго лагеря, и занявъ его, остановился. Вокругъ Кутузова собрались Генералы и поздравляли его съ побѣдою. Видя, что армія не двигается впередъ довершать пораженіе непріятеля, они просили его о позволеніи преслѣдовать Турковъ, ручаясь въ возможности далеко загнать непріятеля. Выслушавъ различныя предложенія, Кутузовъ отвѣчалъ: «Если «пойдемъ за Турками, вѣроятно, достигнемъ «Шумлы, но потомъ что станемъ дѣлать? На«добно будетъ возвращаться, и тогда, какъ въ «прошломъ году, Визирь объявитъ себя побѣ«дителемъ. Гораздо лучше ободрить моего дру«га Ахмета-Бея, и онъ опять придетъ къ намъ». Слова сіи объясняютъ причины остановки Кутузова на полѣ Рущукскаго сраженія, казавшейся многимъ непонятною. Здѣсь является также начало исполненія принятой Кутузовымъ при открытіи похода мысли — «скромнымъ поведеніемъ» внушить Туркамъ отвагу и привлечь на себя главныя силы ихъ. Простоявъ до 7 часовъ вечера на томъ мѣстѣ, гдѣ поутру была расположена Турецкая армія, Кутузовъ возвратился на ночлегъ въ свой лагерь, въ 4-хъ верстахъ впереди Рущука. Турки продолжали отступленіе къ Шумлѣ, наблюдаемые казаками. Такъ кончилось первое, данное въ теченіе пяти лѣтъ Русскою арміею Верховному Визирю полевое сраженіе. Трофеями Кутузова были 13 большихъ знаменъ, въ томъ числѣ нѣсколько пашинскихъ и одно корпуса Янычаровъ; малыхъ байраковъ, или значковъ, нерѣдко величаемыхъ въ реляціяхъ знаменами, Кутузовъ не приказывалъ представлять себѣ, зная ничтожность ихъ. За Рущукскую побѣду Императоръ Александръ наградилъ Кутузова портретомъ Своимъ.

Кутузовъ простоялъ три дня на полѣ выиграннаго имъ сраженія, и потомъ возвратился за Дунай, оставивъ Туркамъ самый Рущукъ. Донося о своихъ дѣйствіяхъ Государю, Кутузовъ писалъ: «Отступленіе за Дунай и упраздне«ніе Рущука могутъ нанести вредъ только лич«ной моей славѣ». — «Не въ Рущукѣ важность», говорилъ Кутузовъ, «но главное дѣло состоитъ «въ томъ, чтобы заманить Визиря на лѣвый «берегъ Дуная. Увидя наше отступленіе, онъ, «навѣрное, пойдетъ за нами».

Безмолвный свидѣтель движеній Кутузова, и не постигая причинъ его отступленія, Верховный Визирь занялъ Рущукъ черезъ два дня послѣ оставленія его Кутузовымъ, расположилъ лагерь по обѣимъ сторонамъ города, и началъ строить и собирать перевозныя суда. Отступленіе Русскихъ за Дунай и занятіе Турками Рущука праздновали въ Царѣградѣ, какъ побѣды. Верховной Визирь и Паши его получили богатыя награды. Султанъ Махмутъ торжествовалъ. Вмѣстѣ съ нимъ ликовалъ Наполеонъ, уже положившій въ умѣ своемъ скоро громить Россію, и увѣренный, что имѣетъ надежныхъ союзниковъ въ Туркахъ, ободренныхъ отступленіемъ Русскихъ. Находившійся въ Парижѣ, Флигель-Адъютантъ Чернышевъ доносилъ Государю, что онъ давно не видалъ Наполеона такъ обрадованнымъ, какъ обрадовался онъ при извѣстіи объ отступленіи Кутузова за Дунай. Веселіе Наполеона и Махмута было непродолжительно. Верховный Визирь не вдругъ послѣдовалъ за Кутузовымъ на лѣвый берегъ Дуная, и для переправы своей ожидалъ успѣховъ Измаила-Бея, имѣвшаго приказаніе вторгнуться изъ Видина въ Малую Валахію, и обратиться въ правое крыло Кутузова. Ожидая вскорѣ переправы Верховнаго Визиря, и угрожаемый на правомъ крылѣ, у Видина, Кутузовъ рѣшился на мѣру чрезвычайную. Хотя онъ не имѣлъ права распоряжаться отдѣленными, въ началѣ 1811-го года, отъ Молдавской арміи пятью дивизіями, стоявшими на Днѣстрѣ и назна-

ченными вступить въ составъ образовывавшихся противъ Наполеона армій, но разчитывая, что, вѣроятно, въ 1811-мъ году — уже былъ Августъ — войны съ Наполеономъ не послѣдуетъ, приказалъ онъ двумъ изъ сихъ дивизій возвратиться къ Букаресту. Самопроизвольная мѣра сія была одобрена Императоромъ Александромъ.

Тщетно выжидая успѣховъ Измаила-Бея у Видина, гдѣ Измаилъ-Бей постоянно былъ отражаемъ Генераломъ Зассомъ, Верховный Визирь, армія коего возрасла между тѣмъ до 70,000 человѣкъ, началъ переправляться на лѣвый берегъ Дуная, ночью съ 27-го на 28-е Августа, и къ 1-му Сентября перевезъ на лѣвый берегъ болѣе половины арміи. Сентября 2-го, ровно за годъ до вступленія Наполеона въ Москву, самъ Ахметъ-Бей перешелъ на лѣвый берегъ, оставя на правомъ болѣе 30,000 человѣкъ. Часть сихъ войскъ пошла къ Туртукаю и Силистріи, но главная оставалась на прежнемъ мѣстѣ, близъ Рущука, откуда также не перевозили на Валахскій берегъ Визирскаго стана, называемаго Турками Императорскимъ. Въ семъ станѣ возвышался огромный разноцвѣтный шатеръ Верховнаго Визиря, были раскинуты шелковыя палатки Министровъ и начальниковъ всѣхъ частей Государственнаго управленія, стояли табуны верблюдовъ, были нагромождены товары, привизенные купцами съ разныхъ странъ Востока. Какъ Наполеонъ, овладѣвъ Москвою, почиталъ успѣхъ своего нашествія на Россію упроченнымъ, такъ Ахметъ-Бей, ставъ твердою ногою на лѣвомъ берегу Дуная, предался упоенію торжества. Обоихъ, въ теченіе одного года, заставилъ Кутузовъ горько раскаяться въ преждевременныхъ побѣдныхъ грезахъ. Ахметъ-Бей отправилъ гонцовъ въ Царьградъ, съ пышнымъ описаніемъ счастливаго перехода за Дунай. Отбитое имъ на переправѣ Русское знамя было выставлено на показъ у Сераля. Всенародно славили Ахмета-Бея, а онъ не догадывался, что торжество его было сопредѣльно съ гибелью, что радость его скоро смѣнится печалью, на мѣстѣ великолѣпнаго стана его утвердятся Русскія знамена, и его армія, претерпѣвъ всѣ ужасы лютѣйшаго голода, плѣнная, издыхающая отъ изнеможенія, падетъ передъ Кутузовымъ! Когда совершалась переправа Верховнаго Визиря, Дунай отъ ранняго утра до поздняго вечера былъ покрытъ перевозными судами и паромами. «Пусть переправляются», повторялъ Кутузовъ, «только перешло бы ихъ «на нашъ берегъ поболѣе!» Между тѣмъ Кутузовъ выступилъ изъ подъ Журжи, гдѣ онъ находился со времени отступленія своего изъ за Дуная, и расположился въ трехъ верстахъ отъ Турецкаго лагеря, по правую сторону Слободзеи, прикрывая дороги въ Букарестъ. Совершивъ переправу, Верховный Визирь началъ сооружать вокругъ своего лагеря окопы, и повторялъ Измаилу-Бею приказанія опрокинуть Засса и ворваться въ Малую Валахію, послѣ чего самъ хотѣлъ напасть на Кутузова. Бездѣйствіе Визиря внушило Кутузову свѣтлую мысль отрядить корпусъ Маркова за Дунай, разогнать находившіяся тамъ Турецкія войска, схватить Визирскій лагерь, поставить въ немъ батареи, и громить армію Верховнаго Визиря съ обоихъ береговъ Дуная, отрѣзывая ей всякое сообщеніе, отступленіе и продовольствіе. Три недѣли продолжались приготовленія Маркова къ переправѣ за Дунай, хранимыя Кутузовымъ въ величайшей тайнѣ, дабы не возбудить подозрѣнія Турковъ. Кутузовъ даже не доносилъ о своемъ предположеніи въ Петербургъ, гдѣ распространялось неудовольствіе о бездѣйствіи его противъ Верховнаго Визиря. Не постигали, для чего Кутузовъ тратитъ время и не атакуетъ Турковъ. Военному Министру писалъ онъ только слѣдующее: «Нужное Зассу отправленное отъ меня «подкрѣпленіе остановитъ меня на нѣсколько «дней произвесть въ дѣйствіе намѣреніе, кото«рое я возымѣлъ противъ Визиря, не атакою «его во фронтъ, подъ пушками его батарей, на «другомъ берегу находящихся, но инымъ спо«собомъ. Какимъ бы то образомъ ни было, скоро «долженъ быть берегъ здѣшній очищенъ отъ «непріятеля».

Въ исходѣ Сентября приготовленія къ переправѣ были кончены, и Марковъ выступилъ въ походъ, имѣя подъ ружьемъ 7500 человѣкъ. Въ безлунную, освѣщенную огромною кометою — предвѣстницею Двѣнадцатаго Года — ночь, съ

1-го на 2-е Октября, совершилъ онъ переправу. Пройдя версты три, авангардъ его встрѣтилъ до 2000 конныхъ Турковъ и опрокинулъ передовыхъ. Привыкнувъ къ появленію Донцовъ на правомъ берегу Дуная, куда Кутузовъ часто посылалъ казаковъ, Турки не догадывались о настоящемъ положеніи дѣлъ, и приняли казаковъ за разъѣзды, неоднократно, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, ими ежедневно видѣнные. Они ударили на казаковъ и потѣснили ихъ до пѣхоты, построенной кареями. Донесясь до кареевъ, Турки остановились, ошеломленные ужасомъ, увидя пѣхоту. По прошествіи двухъ или трехъ минутъ остолбенѣлаго созерцанія, опрометью кинулись они назадъ, торопясь извѣстить находившихся въ лагерѣ о предстоявшей имъ бѣдѣ. Казаки и Ольвіопольскіе Гусары преслѣдовали непріятеля. Пѣхота удвоила шагъ и вскорѣ показалась на возвышеніяхъ у самаго лагеря. Здѣсь происходила невыразимая тревога. Войско, канцеляріи Верховнаго Визиря, чиновники гражданскаго и армейскаго управленій, купцы, маркитанты, муллы, погонщики, перемѣшавшись, обратились въ бѣгство. Тысячь тридцать людей вдругъ разсыпалось по всѣмъ дорогамъ къ Рущуку и Разграду; бѣжали во всѣ стороны, на лошадяхъ и пѣшіе; шли и безъ дорогъ, по рвамъ и виноградникамъ, спасая жизнь. Храбрѣйшіе, но въ маломъ числѣ и безпорядочными толпами, обратились на встрѣчу Маркову, надѣясь удержать нападеніе. Усилія были напрасны. Русская конница и пѣхота стояли уже среди лагеря, гдѣ Турки сдѣлали еще нѣсколько безполезныхъ выстрѣловъ. Испугъ, внезапность, быстрота натиска, атаки гусаровъ и казаковъ, стройное наступленіе кареевъ, съ барабаннымъ боемъ, уничтожили послѣднее, слабое сопротивленіе. Весь изобильный и роскошный лагерь Верховнаго Визиря, 8 пушекъ, множество богатаго оружія и артиллерійскихъ снарядовъ, перевозныя суда, верблюды, лошади, товары Востока, хлѣбные запасы, 22 знамя и булава Аги Янычаровъ достались побѣдителямъ. Наша потеря состояла въ 9-ти убитыхъ и 40 раненыхъ. Маловажность урона въ людяхъ объясняется нечаянностью нападенія.

Марковъ тотчасъ поставилъ батареи и открылъ огонь противъ Визирскихъ войскъ на лѣвомъ берегу Дуная, въ то же время громимыхъ изъ укрѣпленій Кутузова, откуда ясно были видны движенія Маркова. Глядя на нихъ, Кутузовъ хранилъ важное молчаніе, доколѣ Марковъ не водрузилъ нашихъ знаменъ въ Визирскомъ лагерѣ; но когда подвигъ былъ совершенъ, Кутузовъ улыбнулся, и махая фуражкою, провозгласилъ ура! тысячекратно повторенное войскомъ. И простому солдату были видны неминуемая гибель враговъ и мудрость соображеній Полководца. Поражаемые огнемъ съ фронта, тыла и фланговъ, Турки не знали, въ какую сторону отвѣчать, какъ укрыться отъ выстрѣловъ. На скоро строили они валъ противъ Маркова, но безпорядочно, не слушая повелѣній начальниковъ. Еще Верховный Визирь и Паши давали приказанія, не внимаемыя, не исполняемыя, будучи уже болѣе зрителями, нежели дѣйствователями. Голосъ начальниковъ не былъ слышанъ, какъ голосъ кормчаго во время бури, когда реветъ вѣтеръ и гремитъ громъ. Турки падали на колѣни, простирали руки къ небу, вопія: Алла! Алла! Вскорѣ въ ихъ лагерѣ воцарилась тишина ужаса.

Для совершеннаго стѣсненія Турковъ, Кутузовъ велѣлъ немедленно поставить на Дунаѣ, по обѣимъ сторонамъ непріятельскаго лагеря, 14 судовъ, вооруженныхъ орудіями большаго калибра, подвинулъ лѣвое крыло главнаго корпуса на версту впередъ, заложилъ редутъ на 4 орудія въ 250-ти саженяхъ отъ Турецкихъ укрѣпленій и началъ устроивать переправу на паромахъ, для ближайшаго сообщенія съ Марковымъ. Желая еще болѣе навести страха на Верховнаго Визиря и самый Диванъ, Кутузовъ приказалъ Генералу Гамперу перейдти черезъ Дунай, овладѣть Силистріею и Туртукаемъ, и отправить разъѣзды по разнымъ дорогамъ. Въ тотъ же вечеръ Верховный Визирь прислалъ къ Кутузову чиновника, съ прозбою о заключеніи перемирія и начатіи мирныхъ переговоровъ. Кутузовъ отвѣчалъ желаніемъ знать на какихъ условіяхъ Порта намѣрена мириться. «Пусть «Ахметъ-Бей», сказалъ онъ Турецкому послан-

ному, «объяснится откровенно со мною, своимъ «стариннымъ другомъ». Тѣмъ кончился достопамятный день 2-го Октября, называемый въ Турецкихъ лѣтописяхъ «несчастнымъ» или «днемъ «истребленія Императорскаго лагеря», а нами вписываемый въ число дней нашей воинской славы. Армія Верховнаго Визиря, въ числѣ 36,000 человѣкъ, при 56 орудіяхъ, была лишена сообщеній, продовольствія и надежды на спасеніе. Остальная часть Турецкихъ войскъ, находившаяся на правомъ берегу Дуная, у Рущука, Туртукая и Силистріи, разбѣжалась.

Ночью съ 2-го на 3-е Октября, пользуясь глубокою темнотою и дождемъ, Верховный Визирь прокрался изъ своего лагеря въ Рущукъ въ маленькой лодкѣ, мимо нашей флотиліи, оставя начальство надъ арміею Чапану-Оглу-Пашѣ, сыну одного изъ богатѣйшихъ владѣльцовъ Анатольскихъ. Когда наши Генералы узнали на слѣдующее утро о побѣгѣ Ахмета-Бея, собрались они, опечаленные сею вѣстью, вокругъ палатки Кутузова. Вскорѣ вышелъ онъ, веселый, и поздравлялъ Генераловъ съ событіемъ радостнымъ. «Что такое случилось?» спрашивали Главнокомандующаго. «Визирь ушелъ» отвѣчалъ онъ. «Его побѣгъ приближаетъ насъ «къ миру. По обычаю Турковъ, Верховный Визирь, окруженный непріятелемъ, лишается пол«номочія договариваться о мирѣ.» «Если бы Ви«зирь не ушелъ», прибавилъ Кутузовъ, «то не«кому было бы извѣстить Султана о настоя«щемъ положеніи, въ какое мы поставили ар«мію его.»

Въ ту же ночь, по приказанію Кутузова, Марковъ овладѣлъ лежавшимъ въ тылу Турковъ островомъ Голя, гдѣ были два орудія и небольшой отрядъ Запорожцовъ. Завидя приближеніе нашихъ, Запорожцы бросили пушки и знамя, и спаслись въ темнотѣ, на лодкахъ. Марковъ устроилъ на острову двѣ батареи, каждую на два орудія. На разсвѣтѣ открыли одновременно пальбу по непріятельскому лагерю съ обоихъ береговъ Дуная, съ острова Голя и съ флотиліи. Находившіяся въ Турецкихъ укрѣпленіяхъ орудія были большею частью скоро сбиты. Огромленные повсемѣстною канонадою, поражаемые выстрѣлами, Турки перестали отвѣчать на огонь нашъ; не только внѣ своихъ окоповъ, но даже внутри лагеря нигдѣ не показывались; сняли палатки, дабы не могли онѣ служить цѣлью нашимъ орудіямъ; искали себѣ убѣжища въ землѣ, вырывая ямы. Лагерь ихъ являлъ совершенное подобіе острова, окруженнаго моремъ и ежечасно угрожаемаго потопленіемъ.

Черезъ десять дней потомъ были покорены Гамперомъ Силистрія и Туртукай, укрѣпленія коихъ Кутузовъ приказъ срыть. Между тѣмъ окруженная Кутузовымъ армія Верховнаго Визиря претерпѣвала бѣдствія самой строгой осады. Голодъ, снѣгъ и заморозы породили въ Турецкомъ войскѣ повальныя болѣзни и сильную смертность. Всѣ лошади пали, или были съѣдены. Несчастные Музульмане начали питаться падалищемъ, пожирая его безъ соли, ибо ея вовсе у нихъ не было. На небольшомъ пространствѣ, отдѣлявшемъ непріятельскіе окопы отъ нашей передовой цѣпи, вся трава была выщипана и употреблена въ пищу Турками. Они вырывали изъ земли и жадно ѣли сырые коренья, часто платя жизнью за столь ничтожную пищу, поражаемые пушечными и ружейными выстрѣлами съ нашихъ редутовъ, или настигаемые проворными казаками. Къ голоду присоединился холодъ Октябрскихъ ночей, пагубныхъ здоровью, ибо въ Валахіи морозъ осенній вдругъ наступаетъ послѣ палящаго лѣтняго зноя. По недостатку дровъ, Турки топили сперва палаточными кольями, но и тѣ черезъ нѣсколько дней были сожжены. Войско осталось подъ покровомъ хладнаго, суроваго неба.

Гибельное положеніе Турецкой арміи вскорѣ сдѣлалось извѣстно въ Европѣ. Съ изумленіемъ смотрѣла она на пяти-лѣтнюю войну Россіи съ Портою, не постигая причинъ медленности нашихъ успѣховъ въ столь продолжительное время, и въ такую эпоху, когда близокъ былъ разрывъ Александра съ Наполеономъ. Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ Наполеонъ за движеніями Турецкой и Русской армій. Увѣренный, что Визирь распространитъ свои дѣйствія въ Валахіи и озаботитъ Россію во время нашествія на нее двадцати народовъ, онъ воскли-

кнулъ, узнавъ объ окруженіи Кутузовымъ Визиря: «Поймите этихъ собакъ, этихъ болвановъ «Турковъ! У нихъ дарованіе быть битыми. Кто «могъ ожидать и предвидѣть такія глупости?» Немедленно послалъ Наполеонъ курьера изъ Парижа съ письмомъ къ Султану, увѣщевая его не отчаяваться и продолжать войну, обѣщая скорое содѣйствіе. Чѣмъ сильнѣе досадовалъ Наполеонъ на Турковъ, тѣмъ болѣе возвеселилась вся Европа, когда огласились побѣды Кутузова. Впервые торжество Россіи было встрѣчено чужеземцами не завистью, но нашло въ нихъ искреннее сочувствіе, ибо нарушеніе Наполеономъ освященнаго вѣками Народнаго Права и его самовластительство въ дѣлахъ внѣшней политики достигли въ 1811-мъ году высшей степени. Отъ Кадикса до Нѣмана ярмо его тяготѣло надъ Престолами, угнѣтало просвѣщеніе, торговлю, промышленность, самостоятельность Государствъ. Всѣ Державы полагали единственный оплотъ противъ завоевателя въ Императорѣ Александрѣ, для собственнаго спасенія своего желали оружію Его возможныхъ успѣховъ и скорѣйшаго окончанія войны съ Портою, дабы Россія имѣла возможность обратить совокупныя силы свои противъ Наполеона. Ожиданія всего образованнаго міра осуществились, когда въ слѣдъ одна другой промчались вѣсти о разгромѣ 70.000-й Турецкой арміи, взятіи Туртукая и Силистріи. Трепеща предъ Наполеономъ, Европа не смѣла обнаруживать своихъ чувствованій, но тайно благословляла побѣды Кутузова. Признательный къ Кутузову, Императоръ Александръ возвелъ его въ Графское достоинство.

Великій подвигъ былъ совершенъ Кутузовымъ, но ему еще предстоялъ подвигъ важнѣйшій — заключить миръ съ Турками. По прозьбѣ Верховнаго Визиря, Кутузовъ заключилъ съ нимъ перемиріе, на условіи немедленно начать переговоры, въ продолженіе коихъ Кутузовъ обѣщалъ отпускать окруженной имъ арміи сухари и соль. «Къ заключенію перемирія,» доносилъ Кутузовъ; «побудило меня желаніе со«хранить на нѣкоторое время запертыя мною «Турецкія войска. Еслибы они сдались, или «были истреблены голодомъ или дѣйствіемъ «нашей артиллеріи, прежде начатія перегово«ровъ, то Верховный Визирь не имѣлъ бы при«чинъ спѣшить миромъ. Теперь вся цѣль его «должна состоять въ одномъ: скорымъ заключе«ніемъ мира спасти свою армію, состоящую «изъ самыхъ отборныхъ войскъ, Янычаровъ, «Анатольцовъ и Албанцовъ, ибо при возобно«вленіи войны армія сія для Порты потеряна, и «замѣнить ее новою будетъ Султану весьма «трудно».

Октября 13-го пріѣхали къ Кутузову Турецкіе уполномоченные и склонились принять главныя статьи мира, предложенныя Кутузовымъ. Дѣло казалось конченнымъ, когда Ноября 16-го привезли уполномоченнымъ отказъ Султана на счетъ сдѣланныхъ ими уступокъ. Кутузовъ вознамѣрился пріобрѣсти новое средство къ побужденію Турковъ на миръ, спасая отъ неминуемой смерти запертую имъ армію, и по условію съ Виземъ, Ноября 26-го, взялъ ее въ сохраненіе впредь до замиренія. Тѣмъ Кутузовъ заключилъ походъ 1811-го года. Зима не позволяла ему начать военныхъ дѣйствій, дабы силою принуть Султана къ уступкамъ. Бушевали непогоды, и по Дунаю шелъ ледъ. Нельзя было помышлять о переправѣ черезъ сію рѣку и наступательныхъ движеніяхъ въ Булгарскихъ, въ теченіе пяти лѣтъ разоренныхъ пустыняхъ, гдѣ не было ни жителей, ни селеній. Отъ Дуная до Балкановъ являлись одни безлюдныя пепелища, пространство земли, покрытое бездонною грязью. Въ такомъ положеніи находился Кутузовъ въ началѣ Двѣнадцатаго года, когда Наполеонъ двигалъ 700.000 человѣкъ къ предѣламъ Россіи. Императоръ Александръ вызывалъ Кутузова именемъ Отечества обратить всѣ усилія къ достиженію мира; и въ Мартѣ писалъ ему: «Слава ваша будетъ «вѣчная. Всякая потеря времени есть въ насто«ящихъ обстоятельствахъ совершенное зло. От«страните всѣ побочныя занятія, и съ тѣмъ про«ницаніемъ, коимъ вы одарены, примитесь сами «за сію столь важную работу». Кутузовъ отвѣчалъ: «Вы, Всемилостивѣйшій Государь, изво«лите вызывать меня именемъ Отечества, кото«рое конечно я люблю всѣми чувствами, но

«гдѣ имя Ваше, Государь, тамъ не надобно «мнѣ гласа Отечества». Въ то же время Кутузовъ узналъ, что Австрійскій посланникъ въ Царѣградѣ соединилъ домогательства свои съ настояніями посланника Наполеонова, и за-одно съ нимъ склонялъ Порту продолжать войну противъ Россіи. Новое обстоятельство сіе казалось неодолимымъ препятствіемъ къ заключенію мира. Трудно было полагать, что Диванъ устоитъ противъ совокупныхъ настояній Франціи и Австріи. Кутузовъ взялся за переговоры лично. Предоставляя полномочнымъ продолжать, по прежнему, офиціальныя совѣщанія, онъ имѣлъ наединѣ свиданія съ Турецкими Министрами. При обольщеніяхъ Австріи и Франціи самыя умѣренныя условія наши казались Туркамъ тягостными, но проведя нѣсколько часовъ съ Кутузовымъ, они выходили отъ него, какъ будто обвороженные его доводами, повидимому готовые подписать наши условія. Потомъ, оставшись одни и посовѣтовавшись между собою, посылали они курьеровъ изъ Букареста въ Шумлу, прося разрѣшеній Верховнаго Визиря, изъ страха, что каждая излишняя податливость, что каждый опрометчивый шагъ съ ихъ стороны могли стоить имъ жизни. Отъ безпрестанныхъ курьерскихъ посылокъ въ Шумлу и обратно въ Букарестъ переговоры продолжались еще мѣсяцъ. Наконецъ, Кутузовъ восторжествовалъ и торопился подписать предварительныя статьи мира, прежде заключенія окончательнаго договора. Турки обязались уступить Россіи Бессарабію съ крѣпостями Измаиломъ, Бендерами, Хотиномъ, Киліею и Аккерманомъ. Подписывая предварительныя статьи мира, Кутузовъ переступилъ данныя ему по нѣкоторымъ статьямъ повелѣнія, руководимый желаніемъ прекратить войну съ Портою прежде нашествія Наполеона, уже стоявшаго на границахъ Россіи. Представляя Государю о своихъ дѣйствіяхъ, онъ писалъ: «Предаюсь великодушію Вашего Императорскаго Величества. Что я ничего лучшаго сдѣлать не «могъ, тому причиною положеніе дѣлъ въ Европѣ; «что я никакихъ не упустилъ стараній и способовъ, тому свидѣтель Богъ. Уважьте, Всемилостивѣйшій Государь, что при всѣхъ лестныхъ обѣщаніяхъ, отъ Франціи Портѣ дѣлаемыхъ, и при ожиданіи непріятностей для «Порты въ случаѣ ея отказа заключить миръ, «выгоднѣйшій Ясскаго и Кайнарджискаго, ибо «Порта лишается своихъ лучшихъ пяти крѣпостей и съ немалымъ пространствомъ земли, «дѣло не пустое. Но ежели за всѣмъ тѣмъ выгоднѣе будетъ разорвать все, мною сдѣланное, «въ такомъ случаѣ приму безъ роптанія все, «что касательно меня послѣдовать можетъ; несчастіе частнаго человѣка съ пользою общею «ни въ какой разсчетъ не входитъ».

На другой день послѣ подписанія предварительныхъ статей мира, 6-го Мая, полномочные обѣихъ сторонъ приступили къ начертанію мирнаго договора. Въ тотъ же день пріѣхалъ въ Букарестъ опредѣленный вмѣсто Кутузова Главнокомандующимъ Молдавскою арміею Адмиралъ Чичаговъ. Сдавая своему преемнику армію, Кутузовъ продолжалъ составленіе мирнаго договора и заключилъ его черезъ десять дней потомъ, 16-го Мая. Тѣмъ кончилъ онъ войну съ Турками, начавшуюся въ 1806-мъ году. Если бы Кутузовъ не ознаменовалъ въ 1812-мъ году своего поприща разгромомъ Наполеоновыхъ полчищъ, то уже тѣмъ однимъ являлъ онъ необозримую въ своихъ послѣдствіяхъ заслугу, что въ бореніе за цѣлость Россіи и независимость Европейскихъ Державъ, онъ представилъ Императору Александру средство обратить противъ Наполеона войско, закаленное въ битвахъ съ Турками, шесть лѣтъ не разряжавшее ружей, и появленіемъ своимъ въ тылу непріятелей имѣвшее великое вліяніе на событіе міровое — Войну Отечественную. Вся Россія ликовала, узнавъ о примиреніи съ Портою. Необходимость окончанія Турецкой войны уже была не тайною Государственною, но потребностью, постигаемою всѣми сословіями.

Прощаясь съ Молдавскою арміею, Кутузовъ, всегда дѣйствовавшій на предводимыя имъ войска лаской и привѣтливымъ обращеніемъ, говорилъ въ приказѣ: «Дружба ко мнѣ начальниковъ, услаждая горькія минуты, нераздѣльныя «съ трудами и безпокойствіемъ военной осто-

«рожности въ продолженіе девяноста дней на «бивакахъ, способствовала къ тѣмъ событіямъ, «которыя время оправдало. Приношу мою чув-«ствительную благодарность вообще войску и за «ту любовь ко мнѣ, которая оградила меня «употребить власть мою къ обращенію кого «либо силою къ своимъ обязанностямъ, и дозво-«лила мнѣ единственно ходатайствовать для ар-«міи щедротъ Монарха». Изъ Букареста Кутузовъ отправился въ Волынскую губернію, въ свое помѣстье Горошки. Здѣсь, въ сельскомъ уединеніи дошла до него весть о переходѣ Наполеона черезъ Нѣманъ, и онъ поспѣшно поѣхалъ въ Петербургъ. Судьба влекла его, готовя ему новыя искушенія, бремя и славу предводительства всѣхъ вооруженныхъ силъ Россіи, страшную отвѣтственность за гибель Москвы, и имя для безсмертія. Его путь отъ Волыни до Петербурга уподоблялся торжеству. Всюду Кутузовъ былъ сопровождаемъ надеждами, возлагаемыми на него единогласно согражданами его въ великомъ дѣлѣ спасенія Государства Россійскаго.

Императора Александра не было въ Петербургѣ, когда въ Іюнѣ пріѣхалъ туда Кутузовъ, и онъ жилъ нѣсколько времени въ столицѣ безъ всякаго назначенія. Монархъ былъ сперва въ дѣйствовавшей противъ Наполеона арміи, а потомъ прибылъ въ Москву, гдѣ радовалъ Россію миромъ, который заключилъ Кутузовъ, и призывалъ подданныхъ ополчиться за Вѣру и Отечество. Въ Москвѣ Императоръ получилъ извѣстіе о движеніи одного непріятельскаго корпуса изъ Риги къ Петербургу, и приказалъ Кутузову принять начальство надъ всѣми войсками, бывшими въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и Финляндіи, не исключая морскихъ. Такимъ образомъ оборона Петербурга была первымъ возложеннымъ на Кутузова въ Отечественную Войну порученіемъ. Черезъ нѣсколько дней потомъ получили въ Петербургѣ Манифестъ объ Ополченіи. Іюля 17-го Дворянство приступило къ выбору начальника. Никто не колебался въ назначеніи предводителя. Не было ни бѣлыхъ шаровъ, ни черныхъ. «Кутузова! Кутузова!» загремѣло повсюду. Къ нему отправилась депутація, извѣстить его о выборѣ Дворянства и пригласить въ собраніе. Кутузовъ пріѣхалъ, остановился посреди залы, возлѣ стола, и давъ пройдти первому впечатлѣнію, произведенному его присутствіемъ, произнесъ слѣдующія слова: «Господа! я вамъ «многое хотѣлъ говорить... скажу только, что «вы украсили мои сѣдины...» Слезы полились изъ глазъ его. Онъ изъявилъ готовность принять начальство надъ Ополченіемъ, но съ ограниченіями, изложенными въ слѣдующемъ письмѣ его къ Императору, находившемуся тогда въ Москвѣ: «17-го числа сего мѣсяца Петербург-«ское Дворянское Общество призвало меня въ «свое собраніе, гдѣ объявили всеобщее желаніе, «дабы я принялъ начальство Ополченія Петер-«бургской губерніи, отъ Дворянства составляе-«маго. Дабы отказомъ не замедлить ревностныхъ «дѣйствій Дворянства, принялъ я сіе предложе-«ніе и вступилъ въ дѣйствіе по сей части, но «съ такимъ условіемъ, что, будучи въ дѣйстви-«тельной Вашего Императорскаго Величе-«ства военной службѣ, ежели я вызванъ буду «къ другой коммисіи, или какимъ либо образомъ «сіе мое упражненіе Вашему Императрскому «Величеству будетъ не угодно, тогда я дол-«жность сію оставить долженъ буду другому, «по избранію Дворянства». Въ ожиданіи Высочайшаго соизволенія, которое вскорѣ послѣдовало, Кутузовъ принялъ временное начальство надъ Ополченіемъ, занимался имъ отъ всей души, присутствовалъ при сдачѣ ратниковъ, вооруженіи и обмундированіи ихъ, дѣлалъ имъ лично наставленія и увѣщанія. Глядя на него, когда онъ съ важностью засѣдалъ въ Казенной Палатѣ и Комитетахъ Ополченія, и входилъ во всѣ подробности формированія бородатыхъ воиновъ, можно было подумать, что онъ никогда не стоялъ на высокихъ ступеняхъ почестей и славы, не бывалъ посломъ Екатерины и Павла, не предводительствовалъ арміями, и степень Начальника Земскаго Ополченія почиталъ цѣлью своего самолюбія. А между тѣмъ, какъ простой зритель, онъ издалека смотрѣлъ на борьбу народовъ, на повсемѣстное отступленіе армій, полвѣка дѣливъ съ ними на ратномъ полѣ труды, славу, неудачи, всѣ случайности перемѣнчиваго

счастія на войнѣ. Но по мѣрѣ успѣховъ нашествія Наполеона въ наше Отечество, когда одна губернія за другою переходили во власть его, и уныніе обнимало Россію при извѣстіяхъ о томъ, взоры Россіи устремлялись на Кутузова; его имя было у всѣхъ на языкѣ, изъ глубины сердца призывали его на защиту родины. Съ восхищеніемъ приняли извѣстіе, когда, по возвращеніи Императора Александра изъ Москвы въ Петербургъ, Кутузовъ былъ возведенъ въ Княжеское достоинство, съ титуломъ Свѣтлѣйшаго.

Въ то время, въ началѣ Августа, были въ Россіи четыре арміи; двѣ первыя, Барклая де-Толли и Князя Багратіона, стояли впереди Смоленска, третья, Тормасова, была на Волыни, четвертая, Чичагова, только что переходила черезъ Днѣстръ, возвращаясь съ береговъ Дуная въ Россію. Главнокомандовавшіе арміями не были подчинены одинъ другому. Сверхъ того находились отдѣльные корпуса, Графа Витгенштейна у Полоцка, Эссена въ Ригѣ, и Эртеля у Мозыря, и въ 17-ти губерніяхъ составлялось Ополченіе. Александръ возбуждалъ все Государство Свое къ оружію, и Его вѣрная Россія грознымъ исполиномъ возставала противъ завоевателя. Огромны были средства обороны Александра, войскъ было много, но не доставало главнаго надъ всѣми силами предводителя, могущаго направлять къ одной общей цѣли арміи, отдѣльные корпуса, ополченія, вооружавшійся за Вѣру и Царя народъ. Необходимость въ верховномъ вождѣ становилась ежедневно ощутительнѣе. Сужденіе объ избраніи вождя поручено было Императоромъ Александромъ Комитету, составленному изъ шести сановниковъ. Единогласно, Августа 7-го, признали они Кутузова достойнымъ предводить всѣми силами Россіи, противопоставленными Наполеону. На другой день, послѣ обѣда, Императоръ Александръ пригласилъ Кутузова въ Камено-Островскій Дворецъ, и ввѣрилъ ему арміи и ополченія, разрѣшая его дѣйствовать по усмотрѣнію. Одно строжайше запрещалъ ему Александръ: вступать въ переговоры съ Наполеономъ, и приказалъ еще, при благополучномъ оборотѣ войны, занимая нашими войсками западныя губерніи, поступать кротко съ тѣми несчастными ихъ жителями, которые въ отношеніи къ Россіи забыли долгъ вѣрноподданныхъ. Въ сихъ чертахъ кто не узнаетъ Императора Александра? Неумолимъ къ Наполеону — милосердъ къ безоружнымъ. Кутузовъ, какъ онъ самъ въ тотъ вечеръ разсказывалъ въ тѣсномъ кругу своихъ родныхъ — словамъ его есть еще свидѣтели — «принялъ по«велѣніе изъ устъ Императора съ христіан«скимъ смиреніемъ, какъ призваніе свыше». — «Я не оробѣлъ», говорилъ онъ, «и съ помощію «Божіею надѣюсь успѣть, но слушая Государя, «я былъ разстроганъ новымъ назначеніемъ мо«имъ». Тогда же Кутузовъ удостоенъ былъ слѣдующимъ рескриптомъ: «Настоящее положеніе «военныхъ обстоятельствъ Нашихъ дѣйствую«щихъ армій, хотя и предшествуемо было на«чальными успѣхами, но послѣдствія оныхъ не «открываютъ еще той быстрой дѣятельности, съ «каковою надлежало бы дѣйствовать на пораженіе «непріятеля. Соображая сіи послѣдствія и извлекая «истинныя тому причины, Я нахожу нужнымъ на«значеніе надъ всѣми дѣйствующими арміями «одного общаго Главнокомандующаго, котораго «избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основыва«лось бы и на самомъ старшинствѣ. Извѣстныя «военныя достоинства ваши, любовь къ Отечеству «и неоднократные опыты отличныхъ вашихъ «подвиговъ, пріобрѣтаютъ вамъ истинное право «на сію Мою довѣренность. Избирая васъ для «сего важнаго дѣла, Я прошу Всемогущаго Бога, «да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ Россій«скаго оружія, и да оправдаетъ тѣмъ счастливыя «надежды, которыя Отечество на васъ возла«гаетъ». Возведеніе Кутузова на степень главнаго предводителя праздновала Россія, какъ первое радостное событіе, совершившееся со времени вторженія Наполеона въ предѣлы наши. Никогда голосъ Имперіи не былъ столь единодушенъ и рѣшителенъ, какъ въ пользу Кутузова. Достоинство, признаваемое въ полководцѣ цѣлымъ народомъ, есть не ѳиміамъ лести, но изліяніе чувствъ 50-ти мильоновъ человѣкъ къ представителю ихъ славы. Поколѣніе 1812-го года выросло, возмужало въ громкое, волшебное цар-

ствованіе Екатерины; отъ вождя временъ Ея ждало оно побѣдъ, и заранѣе вѣнчало его безсмертіемъ.

Августа 11-го отправился Кутузовъ изъ Петербурга. Отъ дома его, на Гагаринской пристани, до Казанскаго собора, куда прибылъ Кутузовъ напутствовать себя молитвою, едва могъ онъ проѣхать въ толпахъ народа. Отвсюда раздавались пожеланія побѣды. На колѣняхъ молился онъ о Божіей помощи. Окропленный святою водою, возложивъ на грудь свою поднесенный ему образъ Богоматери, Кутузовъ сказалъ священникамъ: «Молитесь обо мнѣ, меня «посылаютъ на великое дѣло». На первой станціи отъ Петербурга, въ Ижорѣ, Кутузовъ встрѣтилъ курьера изъ арміи, и узнавъ отъ него о паденіи Смоленска, сказалъ: «Ключъ къ Москвѣ «взятъ». Изъ Торжка Кутузовъ поворотилъ на Старицу, Зубцовъ и Гжатскъ. На всемъ пути жители городовъ и селеній благоговѣйно встрѣчали Кутузова. По мѣрѣ приближенія его къ Гжатску болѣе и болѣе обнаруживались признаки губительной войны. Помѣщики и поселяне Смоленской губерніи тысячами спасались отъ непріятельскаго нашествія. Одни съ имуществомъ, другіе безъ всего, въ рубищѣ, тянулись ко Ржеву, Волоколамску и далѣе, кочуя подлѣ дороги, на поляхъ. Отрадно было несчастнымъ появленіе Кутузова. Нѣсколько разъ останавливался онъ, утѣшая безпріютныхъ. Старцы заставляли внуковъ лобызать стопы его; матери поднимали къ небу грудныхъ младенцовъ; только и слышно было: «Спаси насъ! Побей супо«стата!» Августа 17-го, въ 5-ти верстахъ отъ Гжатска, множество жителей, вышедшихъ Кутузову на встрѣчу, остановили его карету, выпрягли лошадей и повезли ее на себѣ въ городъ. Изъ Гжатска Кутузовъ отправился въ Царево-Займище, гдѣ въ тотъ день первыя двѣ Русскія арміи имѣли роздыхъ. Поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, для него поставленнымъ, онъ сказалъ, смотря на солдатъ: «Можно ли все «отступать съ такими молодцами?» При восклицаніяхъ восторга объѣхалъ онъ войска. На ясномъ небѣ взвился орелъ и парилъ надъ Кутузовымъ: куда онъ, туда и орелъ. Кутузовъ снялъ свою бѣлую фуражку, привѣтствовалъ царя пернатыхъ — вѣстникомъ успѣховъ, и провозгласилъ: ура! тысячекратно повторенное полками. Взоры и сердца воиновъ обратились къ полководцу съ безграничною довѣренностью, и онъ оправдалъ ее, старецъ — вождь. Пріѣздъ Кутузова въ армію, при самомъ неблагопріятномъ положеніи дѣлъ, воскресилъ упадшій духъ, оживилъ въ войскахъ самосознаніе непобѣдимости.

Найдя мѣстоположеніе при Царевомъ-Займищѣ невыгоднымъ для сраженія, и желая сблизиться съ шедшими къ нему подкрѣпленіями, Кутузовъ велѣлъ войску отступить, и занялся соображеніями военныхъ дѣйствій. Черезъ два дня соединились съ нимъ резервы, приведенные Милорадовичемъ, послѣ чего предводимыя лично Кутузовымъ двѣ арміи заключали въ себѣ 113,323 человѣка. Съ ними рѣшился онъ дать битву Наполеону, и потомъ дѣйствовать по обстоятельствамъ. Съ сею цѣлью послалъ онъ офицеровъ отыскать позицію для сраженія. Вскорѣ посланные донесли, что въ 11-ти верстахъ передъ Можайскомъ найдено ими удобное для битвы мѣсто, при селѣ, имени коего суждено жить въ памяти вѣковъ — говоримъ о селѣ Бородинѣ. Августа 22-го Кутузовъ прибылъ въ Бородино, осмотрѣлъ окрестности, приказалъ расположить на нихъ войско, и соорудить нѣсколько укрѣпленій. Узнавъ о пріѣздѣ Кутузова къ арміи, Наполеонъ началъ готовиться къ сраженію. Непривыченъ и страненъ былъ ему образъ войны, какую вели съ нимъ Русскіе. Однимъ сильнымъ, рѣшительнымъ ударомъ привыкъ до того времени и приучилъ воиновъ своихъ побѣждать Наполеонъ: одной битвой по два раза рѣшалъ онъ участь Италіи; одной битвой рѣшилъ участь Австріи; одной битвой рѣшилъ участь Пруссіи, и всегда недѣлями считалъ походы отъ Парижа до столицъ непріятельскихъ. Теперь, уже два мѣсяца съ половиною находился онъ въ Русской землѣ, восемь сотъ слишкомъ верстъ прошелъ отъ границы, а побѣды еще не было. И еще не разбита, не побѣждена была Русская армія; новыя войска готовились, вся Русь принималась за оружіе! Что могли подумать народы, трепетавшіе при имени Наполеона? На что не могли

они рѣшиться въ его отсутствіе? Битва обѣщала ему побѣду вѣрную. Крѣпко уповалъ онъ на свое счастіе, вѣрилъ въ свое умѣнье, въ свои силы. А побѣда готовила покореніе Россіи, предавала ему Москву, разрушала новыя средства защиты Россіи, и рѣшала жребій цѣлаго свѣта — царемъ надъ царями становился послѣ того Наполеонъ. Все сосредоточилось для него въ предстоявшей битвѣ, и радостно услышалъ онъ, что Кутузовъ остановился.

Давъ войскамъ два дня отдыха въ Гжатскѣ, Наполеонъ двинулся впередъ, Августа 23-го, и на другой день явился въ виду Кутузова, стоявшаго съ арміею на позиціи. Кутузовъ приказалъ стрѣлять въ правый флангъ непріятеля изъ Шевардинскаго редута. Наполеонъ быстро передвинулъ войска за Колочу, и загорѣлся сильный бой. Кутузовъ пріѣхалъ на поле сраженія. Три раза безуспѣшно непріятель врывался въ редутъ, пока смерклось. Въ полночь Кутузовъ велѣлъ оставить укрѣпленіе, не имѣя болѣе надобности удерживать его. Французы потеряли 1000 человѣкъ убитыми и двѣ пушки — первые трофеи Кутузова въ Отечественную войну. Августа 25-го, прошло спокойно. Иногда раздавались пушечные выстрѣлы по Французскимъ всадникамъ, подъѣзжавшимъ къ нашей позиціи. Два мощныя воинства провели сутки, только готовясь на битву. Распорядившись устройствомъ войскъ, Кутузовъ отдалъ слѣдующій приказъ: «Въ семъ боевомъ порядкѣ намѣренъ я привлечь «на себя силы непріятельскія, и дѣйствовать «сообразно ихъ движеніямъ. Не въ состояніи «будучи находиться во время дѣйствій на всѣхъ «пунктахъ, полагаюсь на извѣстную опытность «главнокомандующихъ и предоставляю имъ дѣ«лать соображенія дѣйствій на пораженіе не«пріятелей. Возлагаю все упованіе на помощь «Всевышняго, на храбрость и неустрашимость «Русскихъ воиновъ. При счастливомъ отпорѣ «непріятельскихъ силъ дамъ собственныя пове«лѣнія на преслѣдованіе его. Не излишнимъ «почитаю представить главнокомандующимъ, что «резервы должны быть сберегаемы сколько «можно долѣе. Тотъ генералъ, который сохра«нитъ резервы, еще не побѣжденъ. Наступа«тельныя движенія производить въ колоннахъ «къ атакѣ, и въ такомъ случаѣ стрѣльбою от«нюдь не заниматься, но дѣйствовать быстро «холоднымъ ружьемъ. На случай неудачнаго «дѣла открыто нѣсколько дорогъ, по коимъ ар«міи должны будутъ отступать. Но сей послѣд«ній пунктъ единственно для свѣдѣнія главно«командующихъ». Освящая молитвою предстоявшій подвигъ, Кутузовъ велѣлъ носить по лагерю икону Смоленской Божіей Матери, вынесенную нашими войсками изъ Смоленска, когда сей древній городъ предали Наполеону. Благоговѣйно преклонялись воины передъ святымъ образомъ, внимая усладительному возгласу: «Къ Богоро«дицѣ прилежно нынѣ притецемъ», и сердца ихъ бились надеждою при возгласѣ: «Взбранной вое«водѣ побѣдительная!» Когда умолкло священное пѣніе, Кутузовъ объѣхалъ войска и говорилъ съ ними просто, языкомъ, доступнымъ до глубины души. Ночныя облака затянули небо. Утихъ Русскій станъ, и съ безупречною совѣстью, мирно почили Русскіе воины въ шалашахъ своихъ. Сонъ Кутузова былъ кратокъ. Принявшій на рамена свои всю тяжесть нашествія Наполеона, могъ ли вождь предаваться покою за нѣсколько часовъ до битвы — *Бородинской* битвы?

Передъ зарею 26-го Августа, когда свѣтъ еще не боролся со тьмою, Кутузовъ, не предупредивъ никого въ своей главной квартирѣ, сѣлъ верхомъ на лошадь, и поѣхалъ на батарею, за деревнею Горками. Остановясь на возвышеніи, онъ обозрѣвалъ, при свѣтѣ догаравшихъ бивачныхъ огней, бранное поле и армію, становившуюся въ ружье. Вскорѣ собрались вокругъ него адъютанты, офицеры его штаба и нѣсколько генераловъ, начальствовавшихъ войсками, стоявшими близъ Горокъ. Кутузовъ говорилъ съ ними о предстоявшемъ боѣ. При первыхъ лучахъ солнца Наполеонъ одновременно атаковалъ наше лѣвое крыло и центръ. Вскорѣ сраженіе сдѣлалось общимъ. 170,000 человѣкъ, предводимыхъ Наполеономъ, ринулись на 113,000, предводимыхъ Кутузовымъ. Кутузовъ сошелъ съ лошади и сѣлъ на косогорѣ. Отсюда, ясно видя все поле битвы и движенія непріятелей, распоряжалъ онъ дѣйствіями своихъ войскъ. Въ продолженіе 15-ти

часовъ все устремлено было къ взаимному сокрушенію армій, заключавшихъ въ себѣ цвѣтъ народонаселенія отъ устьевъ Таго и подошвы Везувія до отдаленныхъ краевъ Сибири, или, по выраженію Державина:

Тутъ Сѣверъ съ Западомъ сражался
И ударялся громъ о громъ.

Мѣдь и чугунъ оказывались недостаточными къ смертельному истребленію. Раскаленныя пушки не выдерживали дѣйствія пороха, разрывались и лопались. Пальба огнестрѣльныхъ орудій, звукъ барабановъ, восклицанія побѣдителей, стенанія раненыхъ, ржаніе лошадей, вопли умирающихъ, произносимые на всѣхъ Европейскихъ языкахъ крики командованія, угрозъ, отчаянія, лютое ожесточеніе сражавшихся, превратили поле Бородинское въ обитель ада. Не помогли Наполеону великое превосходство въ числѣ войскъ, бѣшенство нападеній, неумолкавшій огонь семи сотъ орудій, противъ насъ гремѣвшихъ. Конечно, нигдѣ не показывали Русскіе болѣе равнодушія въ опасностяхъ, болѣе терпѣнія, твердости, презрѣнія смерти, какъ при Бородинѣ. Они горѣли личною ненавистью къ врагамъ, сражались съ полнымъ убѣжденіемъ, что дѣло идетъ о всей отечественной славѣ минувшихъ вѣковъ, о всей настоящей народной чести, о будущей судьбѣ и предназначеніи Россіи. Успѣхъ, долгое время сомнительный и всегда болѣе льстившій Наполеону, не ослабилъ духа Русскихъ войскъ и воззвалъ къ напряженіямъ, едва ли не превосходившимъ силы человѣческія. Въ Бородинѣ все было испытано, до чего можетъ возвыситься воинъ. Преданность къ Государю, любовь къ Отечеству никогда не имѣли достойнѣйшихъ жертвъ. Повиновеніе безпредѣльное, строгость въ соблюденіи порядка, гордое чувство быть защитникомъ святой Руси, никогда не являли болѣе славныхъ примѣровъ. Европа очами сыновъ своихъ убѣдилась въ Бородинѣ, что Русскіе могутъ скорѣе пасть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели остаться побѣжденными. И вождемъ, достойнымъ такого воинства, являлся Кутузовъ въ Бородинской битвѣ! Хладнокровіе ни на минуту не измѣняло ему. Съ великимъ искуствомъ противодѣйствовалъ онъ усиліямъ Наполеона. Куда Наполеонъ ни замышлялъ обрушиться, гдѣ ни думалъ сломить Русскихъ, вездѣ, во время, въ урочную пору, подоспѣвали подкрѣпленія нашимъ войскамъ. Удостовѣрясь, при началѣ сраженія, въ нападеніи превосходныхъ силъ на Князя Багратіона, Кутузовъ подкрѣпилъ его кирасирами, гвардіею и артиллеріею. Когда Понятовскій сталъ тѣснить Тучкова, подоспѣлъ Багговутъ. Когда Корпусъ Раевскаго былъ разстроенъ, на смѣну его явился Графъ Остерманъ. Забудемъ ли въ жизни Кутузова ту роковую минуту, когда, осадивъ наше лѣвое крыло, Наполеонъ послалъ свѣжія войска и гвардію свою нанесть намъ рѣшительный ударъ? Кутузовъ сѣлъ на лошадь и быстро взъѣхалъ на пригорокъ, желая ближе высмотрѣть движенія непріятелей. Ядра осыпали Кутузова, и тщетно уговаривали его не подвергать опасности жизни своей. Что ему было въ жизни, безъ исполненія возложеннаго на него Александромъ дѣла — спасенія Россіи? Насильно увлекли съ пригорка лошадь его, но свѣтлая мысль уже созрѣла въ умѣ Кутузова. Немедленно велѣлъ онъ Милорадовичу усилить центръ, а кавалерійскому резерву Уварова и казакамъ Платова произвесть нападеніе въ лѣвый флангъ Наполеона. Подкрѣпленный Милорадовичемъ, центръ нашъ устоялъ, а атаки Уварова и Платова произвели невыразимую тревогу на лѣвомъ крылѣ и въ тылу Наполеона. Стоявшая тамъ Французская пѣхота поспѣшно начала строиться въ карец; обозы обратились въ бѣгство. Не постигая причины происшедшаго смятенія, въ минуту, когда почиталъ побѣду за собою упроченною, Наполеонъ остановилъ войска, посланныя нанести послѣдній ударъ Русской арміи, и понесся къ своему лѣвому крылу, желая удостовѣриться лично въ замыслахъ Кутузова. Симъ превосходнымъ маневромъ Кутузовъ далъ Бородинской битвѣ совсѣмъ другой и выгодный для насъ оборотъ. Ни ужасныя потери арміи, ни остервенѣніе непріятеля, ни исполинская слава Наполеона, исполнявшая умъ и воображеніе каждаго, ничто не колебало Кутузова. Молча слѣдилъ онъ ходъ битвы, сохраняя совершенное спокойствіе духа, внимательно выслушивая

привозимыя къ нему донесенія, не торопливо отдавая повелѣнія. Не оставляла его надежда удержать, опрокинуть Наполеона, и онъ хотѣлъ даже атаковать его въ слѣдующій день, о чемъ писалъ Дохтурову и Графу Ростопчину. Приказаніе Дохтурову, диктованное мнѣ Кутузовымъ, часу въ 5-мъ по полудни, при взрывѣ лопавшихся гранатъ, было слѣдующаго содержанія: «Я «изъ всѣхъ движеній непріятеля вижу, что онъ «не менѣе насъ ослабѣлъ въ сіе сраженіе, и «потому, завязавши уже дѣло съ нимъ, рѣшился «я сегодня всѣ войска устроить въ порядокъ, «снабдивъ артиллерію новыми зарядами, завтра «возобновить сраженіе съ непріятелемъ». Еще прежде отправленія повелѣній Дохтурову, Князь Кутузовъ послалъ къ нему Раевскаго, для предупрежденія его о намѣреніи своемъ атаковать на другой день непріятеля. Слѣдующее письмо къ Графу Ростопчину писано часа два позже, когда атаки непріятельскія совсѣмъ прекратились и гудѣвшая канонада утихала: «Сегодня «было весьма жаркое и кровопролитное сраже-«ніе. Съ помощію Божіею, Русское войско не «уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель «въ весьма превосходныхъ силахъ дѣйствовалъ «противу него. Завтра надѣюсь, возлагая мое упо-«ваніе на Бога и Московскую Святыню, съ новыми «силами съ нимъ сразиться. Отъ васъ зависитъ «доставить мнѣ изъ войскъ, подъ начальствомъ «вашимъ состоящихъ, столько, сколько можно «будитъ». Тогда же Князь Кутузовъ подозвалъ къ себѣ одного изъ стоявшихъ возлѣ него офицеровъ, Граббе — нынѣ Генералъ-Лейтенантъ — и сказалъ ему: «Поѣзжай отъ лѣваго фланга «до праваго, поздравь всѣхъ съ отраженіемъ «непріятеля, и предвари, что завтра атакуемъ». Войско было восхищено вѣстью предположеннаго нападенія; отъ радости бросались въ объятія вѣстника и снимали его съ лошади.

Кутузовъ не одержалъ побѣды, но не похвалился и Наполеонъ побѣдою. Вся сила Запада ударила въ грудь Русскую, и отхлынула отъ нея, какъ отъ стѣны желѣзной. Наполеонъ оттѣснилъ насъ съ нашихъ укрѣпленій, правда, но онъ не думалъ о дальнѣйшихъ успѣхахъ, не могъ нападать, и на ночь не смѣлъ даже удержаться на отбитыхъ имъ мѣстахъ, отступилъ даже за свою прежнюю позицію. Казаки тревожили станъ его. Бородино было имъ очищено. Вмѣсто радостныхъ и побѣдныхъ кликовъ, въ лагерѣ его царствовало унылое безмолвіе. Воины Наполеоновы не зажигали огней, и провели ночь, изнеможенные потерями, усталостью и скорбью. Пройдя великое пространство земли и испытавъ множество трудовъ для принужденія Русскихъ къ сраженію, они выдержали бой на смерть, и увидѣли, что ихъ усилія и пролитая ими кровь не были увѣнчаны побѣдою, что война должна еще длиться, а съ нею нужды и лишенія всякаго рода. Непріятель, по собственному своему сознанію, былъ послѣ Бородина «пораженъ оцѣ-«пенѣніемъ».

До 11-ти часовъ вечера Кутузовъ не отмѣнялъ своего рѣшенія атаковать, но получивъ подробное донесеніе объ огромной потерѣ въ людяхъ, приказалъ отступать, дабы сблизиться съ подкрѣпленіями, формировавшимися близъ Москвы. На совѣщаніи съ Беннигсеномъ, о томъ, куда отступать, къ Москвѣ, или къ Калугѣ, въ томъ предположеніи, что и Наполеонъ свернетъ тогда вправо, остановитъ движеніе на Москву и послѣдуетъ за нашею арміею? «На-«добно идти по Московской дорогѣ», сказалъ Кутузовъ. «Если непріятель и займетъ Москву, «то онъ въ ней расплывется, какъ губка въ «водѣ, а я буду свободенъ дѣйствовать, какъ «захочу». Распорядясь отступленіемъ, отвозомъ раненыхъ, продовольствіемъ, присылкою изъ Москвы въ армію снарядовъ, Кутузовъ диктовалъ донесеніе Императору о Бородинскомъ сраженіи. Онъ не хвалился побѣдою, но говорилъ, что непріятель съ превосходными силами не выигралъ ни шага земли. Его донесеніе было получено въ Петербургѣ въ день тезоименитства Императора Александра, и принято съ радостнымъ восторгомъ. Одно то, что, наконецъ, дано сраженіе, ожиданіе коего почти три мѣсяца томило сердца, считали счастливымъ событіемъ, доказательствомъ возможности нашимъ арміямъ бороться съ Наполеономъ и отражать его нападенія. «Рука Господня, да будетъ надъ вами», писалъ Кутузову Александръ, «и надъ храбрымъ на-

«шимъ воинствомъ, отъ котораго Россія ожи- «даетъ славы своей, а вся Европа своего спо- «койствія». Чинъ Фельдмаршала, 100,000 рублей единовременно и пожалованіе супруги его Статсъ-Дамою, были наградами Кутузову.

По отступленіи Кутузова отъ Бородина, ни откуда не приходили къ нему свѣжія войска, а съ 50,000 человѣкъ, выведенныхъ имъ изъ Бородинскаго сраженія, не могъ онъ рѣшиться па сраженіе. Оставалось одно средство вступить въ бой: высматривать, не разобщитъ ли Наполеонъ своихъ силъ, и напасть на который либо изъ отдѣльныхъ его корпусовъ, но Наполеонъ держалъ войска въ совокупности, и не являлъ случая покуситься на частное, или отдѣльное пораженіе ихъ. Потому Кутузовъ продолжалъ отступленіе къ Москвѣ, занимаясь устройствомъ арміи. Сентября 1-го, рано поутру, опередивъ войско и обозрѣвъ избранную Беннигсеномъ передъ Москвою позицію, Кутузовъ остановился на Поклонной горѣ, окруженный первенствующими Генералами. Величественное было зрѣлище, когда на Поклонной горѣ защитники Россіи совѣщались въ виду Москвы, разстилавшейся, среди яснаго, осенняго утра, во всей красотѣ своей, со всѣми воспоминаніями Отечественной славы. Казалось, мысль: оставить Москву безъ боя, была еще чужда Кутузову. «Не рѣшенъ еще вопросъ», писалъ онъ 17 Августа Главнокомандовавшему въ Москвѣ, Графу Ростопчину: «потерять «ли армію, или потерять Москву. По моему мнѣ- «нію, съ потерею Москвы, соединена потеря «Москвы». Такъ думалъ Кутузовъ передъ Бородинскимъ сраженіемъ, но послѣ битвы родилась и утвердилась въ немъ мысль отдать Москву Наполеону. Мысли сей онъ никому не довѣрялъ. Выслушивая различныя, дѣланныя ему на Поклонной горѣ предложенія, Кутузовъ не произносилъ своего мнѣнія, держась правила одного древняго полководца, нехотѣвшаго, чтобы и подушка его знала о его намѣреніяхъ. Въ полдень уѣхалъ онъ съ Поклонной горы въ село Фили, сказавъ: «Въ этомъ дѣлѣ «мнѣ надобно полагаться только на самого себя, «каковъ бы я ни былъ, уменъ или простъ». День склонялся къ вечеру, но Кутузовъ не отдавалъ приказаній ни къ сраженію, ни къ оставленію Москвы. Часу въ пятомъ пригласилъ онъ въ Фили первенствующихъ Генераловъ, и предложилъ имъ вопросъ: «Выгоднѣе ли сражаться «передъ Москвою, или отдать ее непріятелю?» Изобразивъ неудобства осмотрѣнной поутру позиціи, онъ сказалъ: «Доколѣ будетъ существо- «вать армія, и находиться въ состояніи проти- «виться непріятелю, до тѣхъ поръ останется «надежда счастливо довершить войну, но по «уничтоженіи арміи, и Москва и Россія потеря- «ны. И такъ, надобно рѣшить вопросъ: ожи- «дать ли нападенія въ неудобной позиціи или от- «ступить за Москву?» Въ преніи, возникшемъ при разрѣшеніи вопроса, Генералы различествовали во мнѣніяхъ. Одни требовали битвы, другіе отступленія. Когда отобраны были мнѣнія присутствовавшихъ, Кутузовъ заключилъ засѣданіе слѣдующими словами: «Съ потерею Москвы не «потеряна Россія. Первою обязанностью поста- «вляю сохранить армію и сблизиться съ войска- «ми, идущими къ намъ на подкрѣпленіе. Са- «мымъ уступленіемъ Москвы приготовимъ мы «гибель непріятелю. Изъ Москвы я намѣренъ «идти по Рязанской дорогѣ. Знаю, отвѣтствен- «ность обрушится на мнѣ, но жертвую собою «для блага Отечества». Сказавъ, онъ всталъ со стула и присовокупилъ: «Приказываю отступать». Для принятія на себя отвѣтственности въ потерѣ столицы, надобно было имѣть болѣе мужества, чѣмъ при рѣшеніи подъ стѣнами ея дать сраженіе. Изъ всѣхъ Русскихъ Генераловъ, одинъ Кутузовъ могъ оставить непріятелю Москву, не повергнувъ Государства въ глубокое уныніе. Событіе тяжело пало на душу Русскихъ, однакожъ, послѣ перваго поразительнаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ на всѣ сословія, почитали его не малодушіемъ, не опрометчивостью, но мѣрою неизбѣжною, ибо такъ оно было признано Кутузовымъ, пользовавшимся неограниченнымъ вѣрованіемъ Россіи въ его умъ и прозорливость. При семъ случаѣ неоспоримо вновь подтвердилась великая истина, что въ Отечественной войнѣ Кутузовъ былъ сущею необходимостью для Россіи.

По окончаніи совѣта, Кутузовъ остался одинъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по избѣ, когда вошелъ къ нему офицеръ, 20 лѣтъ безотлучный спутникъ его. Пользуясь правомъ свободнаго съ нимъ разговора, онъ старался разсѣять его, и заводилъ рѣчь о разныхъ предметахъ. Слова его оставались безъ отвѣта. «Гдѣ же мы остановим-«ся?» спросилъ онъ наконецъ. Будто пробужденный вопросомъ, Фельдмаршалъ подошелъ къ столу, сильно ударилъ объ него и сказалъ съ жаромъ: «Это мое дѣло, но ужъ доведу я про-«клятыхъ Французовъ, какъ въ прошломъ году «Турковъ, до того, что они будутъ ѣсть лоша-«диное мясо!» Недолго продолжалось волненіе Кутузова. Онъ скоро успокоился и приказалъ обозамъ тотчасъ идти на Рязанскую дорогу; за ними, послѣ полуночи, слѣдовать артиллеріи, потомъ пѣхотѣ и конницѣ; Малорадовичу, по возможности, удерживать непріятеля, давая арміи время пройдти черезъ Москву. Потомъ призвалъ онъ Генералъ-Интенданта Ланскаго и сказалъ ему: «Распорядись продовольствіемъ». — «Но куда мы идемъ?» спросилъ Ланской. — «На «Рязанскую дорогу». — «Трудно подвести туда «запасы: они всѣ около Калуги». — А развѣ у «Рязани ничего нѣтъ?» спросилъ Фельдмаршалъ. — «Прикажите, такъ будетъ», отвѣчалъ Ланской, «но жаль, если продовольствіе погиб-«нетъ, или не дойдетъ до насъ». — «Подумаю», сказалъ Князь Кутузовъ, «а ты приди ко мнѣ «завтра, когда мы пріѣдемъ на мѣсто». Запрещеніе Кутузова перевозить продовольствіе на Рязанскую дорогу, куда онъ выступалъ отъ Москвы, подаетъ поводъ къ заключенію о намѣреніи его идти на Калужскую дорогу, куда, послѣ Бородина, 29-го Августа, велѣлъ онъ направлять хлѣбные запасы. Тогда же Кутузовъ извѣстилъ Графа Ростопчина объ оставленіи Москвы, о чемъ до тѣхъ поръ таилъ отъ него. Всю ночь Кутузовъ былъ чрезвычайно печаленъ и нѣсколько разъ плакалъ. Какъ полководецъ, онъ видѣлъ необходимость уступить врагамъ Москву, какъ Русскій, могъ ли онъ не болѣть о ней?

Сентября 2-го, въ 8-мъ часу поутру, Кутузовъ въѣхалъ въ Москву. Стоявшимъ у заставы жителямъ онъ сказалъ: «Головою ручаюсь, что «непріятель погибнетъ въ Москвѣ». Миновавъ заставу, онъ поѣхалъ по бульварамъ, улицами опустѣлыми. У Яузскаго моста встрѣтилъ его Графъ Ростопчинъ, и началъ было что то говорить ему. Кутузовъ не отвѣчалъ ни слова, приказывая скорѣе очищать мостъ, и отправился къ Коломенской заставѣ. Близъ Старообрядческаго кладбища сошелъ онъ съ лошади и сѣлъ на дрожки, обращенныя къ Москвѣ. Погруженный въ глубокую думу, облокотясь головой на руку, смотрѣлъ онъ на златоглавую столицу, какъ будто прислушиваясь къ послѣднему ея воздыханію. Войско становилось для привала по обѣимъ сторонамъ дороги. Отъ сонмовъ шедшаго народа и тѣснившихся экипажей и повозокъ, пыль вилась столбомъ, застилая лучи догаравшаго солнца. Москва уходила изъ Москвы. Старцы, согбенные лѣтами, брели спотыкаясь, родители, обремененные ношею дѣтей и самаго необходимаго имущества, торопились уходить отъ лютаго врага. Стороны дороги покрыты были толпами скитальцовъ, не знавшихъ къ отрадѣ своей ничего, кромѣ слезъ и рыданій. Дѣти, затерявшія родителей, отыскивали отцовъ и матерей. Вокругъ Кутузова часто слышны были восклицанія: «Что съ нами станется? Куда идемъ? Куда онъ «насъ завелъ?» Но Кутузовъ былъ неподвиженъ, какъ будто ничего не слыша. Онъ ожидалъ извѣстія отъ Милорадовича, о томъ, что дѣлалось въ арріергардѣ, и когда узналъ о заключенныхъ Милорадовичемъ съ Мюратомъ условіяхъ, обезпечивавшихъ движеніе нашего арріергарда, велѣлъ арміи продолжать маршъ къ Панкамъ, куда и самъ отправился, приказавъ жечь и топить сѣвшія на мель барки, нагруженныя коммиссаріатскими вещами и артиллерійскими снарядами. Съ трескомъ полетѣли на воздухъ снаряды. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ Московскаго пожара.

На другой день, продолжая отступленіе по Рязанской дорогѣ, Кутузовъ донесъ Императору Александру о причинахъ оставленія Москвы. Въ донесеніи видно выраженіе сердца скорбнаго, духа спокойнаго, мысли ясной, дальновидной. Кутузовъ излагаетъ неопровержимые

доводы, побудившие его отказаться отъ сраженія подъ Москвою; какъ Русскій, болѣетъ о Москвѣ, не хотѣвъ сраженіемъ подвергнуть ее гибели и разрушенію; какъ подданный, дерзаетъ утѣшать Монарха, говоря, что потеря столицы не есть потеря Отечества. Наконецъ, въ краткомъ очеркѣ, достойномъ великаго полководца, представляетъ онъ дальнѣйшія предположенія, въ послѣдствіи совершенно оправдавшія его глубоко обдуманные замыслы.

Совершивъ два перехода по Рязанской дорогѣ, имѣвшіе цѣлью скрыть отъ Наполеона цѣль будущаго своего движенія и путь, на которомъ хотѣлъ онъ поставить Русскую армію, Кутузовъ двинулся усиленнымъ, боковымъ маршемъ на Калужскую дорогу, избирая ее основаніемъ дальнѣйшихъ дѣйствій своихъ. Для прикрытія марша, онъ велѣлъ Милорадовичу пробыть еще день на Рязанской дорогѣ, и потомъ произвесть параллельное съ арміею боковое движеніе, оставя на прежде занимаемыхъ имъ мѣстахъ отрядъ, съ приказаніемъ давать видъ, будто вся армія отступаетъ къ Рязани. Сентября 5-го, передъ разсвѣтомъ, Кутузовъ повелъ армію лѣвымъ крыломъ къ Подольску, проселочною дорогою, со стороны Москвы прикрываемый рѣчкою Пахрою. Куда шли и за чѣмъ? то, по повелѣнію Кутузова, сохранялось въ величайшей тайнѣ. Кромѣ корпусныхъ командировъ, никто не зналъ цѣли настоящаго направленія арміи. Всѣ истощались въ догадкахъ о намѣреніяхъ Свѣтлѣйшаго — такъ называли Кутузова въ арміи. Поздно вечеромъ 5-го числа армія прибыла на Тульскую дорогу и расположилась у Подольска, при необъятномъ заревѣ Московскаго пожара, освѣщавшаго небосклонъ. Густые облака, гдѣ отражался пламень горѣвшей Москвы, текли, какъ потокъ лавы, по темной синевѣ небесъ. По прибытіи на Тульскую дорогу, первою заботою Кутузова было донести Государю объ удачномъ началѣ маневра его. «До сихъ поръ», писалъ онъ Императору Александру, «получаю «я свѣдѣнія объ успѣхѣ моего фальшиваго дви«женія: непріятель идетъ за казаками, оставлен«ными мною на Рязанской дорогѣ». Въ слѣдующій день Кутузовъ продолжалъ движеніе на Калужскую дорогу, и вступилъ на нее у Красной Пахры, совершивъ такимъ образомъ боковое движеніе вокругъ Москвы. Ставъ твердою ногою на Калужской дорогѣ, онъ пріобрѣлъ возможность прикрыть полуденныя губерніи, изобиловавшія запасами, угрожать пути непріятельскихъ дѣйствій отъ Москвы черезъ Можайскъ, Вязьму и Смоленскъ, пересѣкать отрядами растянутые на чрезмѣрномъ пространствѣ сообщенія Французовъ, и въ случаѣ отступленія Наполеона къ Смоленску, предупреждать его кратчайшею дорогою. «Армія», доносилъ Кутузовъ Государю, изъ Красной Пахры, «дѣлая боковое движеніе, для «скрытности сего направленія ввела непріятеля въ «недоумѣніе. Направляясь сама къ извѣстному «пункту, она маскировалась между тѣмъ фаль«шивыми движеніями легкихъ войскъ, дѣлая де«монстраціи, то къ Коломнѣ, то къ Серпухову, «за коими и непріятель слѣдовалъ большими «партіями». Догадки объ истинномъ направленіи Кутузова тревожили Наполеона. Ему надобно было употреблять всѣ средства убѣжденія, дабы успокоить Маршаловъ его. «Маршалы вообра«жали видѣть повсюду Кутузова», говоритъ Секретарь Наполеона, «особенно боялись они, что «онъ могъ намъ отрѣзать Смоленскую дорогу». «Не «удивительно», писалъ Маршалъ Бессьеръ, «что «старикъ Кутузовъ старается стать на сообще«нія наши». Невѣдѣніе Наполеона о мѣстѣ пребыванія Кутузова продолжалось девять дней, а между тѣмъ Кутузовъ, прибывъ на Калужскую дорогу, тотчасъ послалъ Дорохова съ 2000 конницы на путь непріятельскихъ сообщеній, къ Можайску, гдѣ Дороховъ дѣлалъ счастливые набѣги. Изъ Красной Пахры Кутузовъ началъ отступать къ Тарутину, имѣя въ виду собраться съ силами, дать время разгорѣться народной и партизанской войнѣ, и особенно, по любимому его выраженію, «усыпить Наполеона въ Москвѣ». Сентября 20-го Кутузовъ вступилъ въ Тарутино. Обозрѣвъ мѣстоположеніе, онъ остановился на крутомъ берегу Нары, и предрекая будущее, сказалъ: «Теперь ни шагу назадъ». Въ Тарутинскомъ лагерѣ встрѣтили Кутузова депутаты отъ Калужскихъ гражданъ, съ хлѣбомъ и солью. Они предлагали ему услуги и пожертвованія,

представляли объ опасности, угрожавшей городу ихъ, и говорили о принятыхъ ими мѣрахъ осторожности. Кутузовъ отвѣчалъ Градскому Главѣ слѣдующимъ письмомъ: «Похвальное усер«діе ваше, сопряженное съ предосторожностію, «при настоящихъ обстоятельствахъ необходимою, «поставило меня въ пріятный долгъ изъявить «вамъ мою признательность. Прошу васъ успо«коить жителей Калуги, и увѣрить, что состоя«ніе арміи нашей, какъ было, такъ и есть, въ «благонадежномъ положеніи. Силы наши не «только сохранены, но и увеличины, и надежда «на вѣрное пораженіе врага нашего никогда «не оставляла насъ. Гражданинъ вашъ, Г. Му«ромцовъ, былъ очевиднымъ свидѣтелемъ не«выгодъ непріятеля, какія встрѣчаетъ онъ на «каждомъ шагу. Истребленіе силъ его, недо«статокъ въ продовольствіи и совершенная ги«бель предстоятъ ему неизбѣжно, и за тѣмъ «лѣта мои и любовь къ Отечеству даютъ мнѣ «право требовать вашей довѣренности, силою «коей увѣряю васъ, что городъ Калуга есть и «будетъ въ совершенной безопасности». Въ тотъ же день Кутутузовъ велѣлъ отслужить въ лагерѣ молебствіе и отдалъ слѣдующій приказъ: «Да всесильная десница Божія, управляющая «судьбами Царствъ, поможетъ намъ преодолѣть «врага нашего. Приготовиться къ дѣлу, пере«смотрѣть оружіе, помнить, что вся Европа и «любезное Отечество на насъ взираютъ».

Вторгнувшись въ Москву съ полуистерзаннымъ войскомъ своимъ, свидѣтель возженнаго Кутузовымъ, Ростопчинымъ и безкорыстною доблестью Москвитянъ пожара, Наполеонъ отчаялся въ надеждѣ силою склонить Императора Александра на миръ, писалъ письмо нашему Монарху, стараясь начать сношенія съ Нимъ, и въ ожиданіи отвѣта, обратился также къ Кутузову съ предложеніями о мирѣ. Сентября 23-го поутру, Кутузову доставили письмо Маршала Бертье, извѣщавшаго о желаніи Наполеона отправить къ нашему Главнокомандующему Генералъ-Адъютанта Графа Лористона, съ важными порученіями. Кутузовъ послалъ Князя Волконскаго — нынѣ Министръ Высочайшаго Двора — въ передовую цѣпь, узнать о цѣли посольства Лористона, и если нужно, привезти Лористона въ Тарутино. Въ ожиданіи посла, Князь Кутузовъ принарядился. Обыкновенно былъ онъ въ сюртукѣ, нося черезъ плечо нагайку и портупею, но готовясь принять Наполеонова посла, онъ надѣлъ мундиръ, и выйдя на улицу, сказалъ намъ: «Господа! можетъ быть, съ Лористономъ «пріѣдутъ Французскіе офицеры; прошу васъ «ни о чемъ другомъ не говорить съ ними, кромѣ «о дождѣ и погодѣ». Арміи велѣлъ Кутузовъ разложить множество огней. Казалось, въ лагерѣ стояло 200, или болѣе тысячь человѣкъ. Нѣкоторые полки были переведены съ одного мѣста на другое, въ намѣреніи скрыть отъ Лористона настоящее положеніе войскъ, и размѣщеніемъ ихъ на обширномъ пространствѣ дать видъ многочисленности. Людямъ велѣно было варить кашу съ мясомъ и пѣть пѣсни, сопровождаемыя музыкою. Солдаты торжествовали, какъ побѣду, извѣстіе, что Наполеонъ шлетъ посла и догадывались, что врагъ принужденъ просить мира. Среди шумнаго веселія войскъ и безчисленныхъ огней, Князь Волконской и Лористонъ ѣхали мимо биваковъ въ Тарутино, куда прибыли въ $10\frac{1}{2}$ часовъ вечера. Кутузовъ пригласилъ Лористона въ избу свою и остался съ нимъ вдвоемъ. Лористонъ началъ разговоръ замѣчаніями о пожарѣ Москвы, и обвинялъ въ зажигательствѣ Русскихъ, оставшихся въ столицѣ. Потомъ онъ предлагалъ размѣнъ плѣнныхъ, въ чемъ Кутузовъ отказалъ ему. Болѣе всего распространялся онъ о жестокомъ образѣ войны съ нашей стороны, и относилъ ожесточеніе не къ арміи, но къ жителямъ, жалуясь, что они сами жгутъ домы свои и хлѣбъ, и нападаютъ на Французовъ, идущихъ по одиначкѣ, или небольшими командами. «Лористонъ сдѣлалъ», доносилъ Кутузовъ Императору Александру, «неслыханное «предложеніе, унять такіе поступки. Я увѣрялъ «его, что ежели бы и желалъ я перемѣнить сей «образъ мыслей въ народѣ, то не могъ бы въ «томъ успѣть, потому что народъ почитаетъ «настоящую войну какъ бы за нашествіе Та«таръ, и я не въ состояніи перемѣнить его вос«питанія. Наконецъ, Лористонъ дошелъ до истин«наго предмета своего посольства, то есть, сталъ

«говорить о мирѣ. Дружба, сказалъ онъ, существовавшая между Вашимъ Императорскимъ «Величествомъ и Наполеономъ, разорвалась «несчастнымъ образомъ, по обстоятельствамъ «постороннимъ, и теперь удобный случай возстановить ее. Cette guerre singulière, cette «guerre inouie doit-elle durer éternellement? «L'Empereur mon maître a un désir sincère de «terminer ce différend entre deux nations grandes «et généreuses, et à le terminer pour jamais». — «Я отвѣтствовалъ ему, что на это я не имѣю «ни какого наставленія, и что при отправленіи «меня къ арміи, и названія мира ни разу не «упомянули. Впрочемъ, всѣ сіи слова, отъ него «мною слышанныя, происходятъ ли они такъ «какъ его собствгнное разсужденіе, или имѣютъ «источникъ свыше, что я сего разговора ни въ «которомъ случаѣ и передать Государю своему «не желаю, que je serai maudit par la postérité, «si l'on me regardoit comme le premier moteur «d'un accomodement quelconque, car tel est l'es«prit actuel de ma nation. Тутъ Лористонъ по«далъ мнѣ слѣдующее письмо отъ Наполеона:» —

«Посылаю къ вамъ одного изъ моихъ Гене«ралъ-Адъютантовъ, для переговоровъ съ вами о «многихъ важныхъ предметахъ. Прошу Вашу «Свѣтлость вѣрить всему, что онъ вамъ скажетъ, «особенно когда станетъ выражать вамъ чув«ствованія уваженія и особеннаго почтенія, пи«таемыя мною къ вамъ съ давняго времени. «За симъ, молю Бога о сохраненіи васъ подъ «Своимъ священнымъ кровомъ».

«Послѣ сего», продолжаетъ Кутузовъ въ донесеніи Государю, «Лористонъ просилъ меня «испросить у Вашего Императорскаго Вели«чества согласія прибыть ему по этому пред«мету въ Петербургъ. Въ ожиданіи отвѣта, онъ «предложилъ перемиріе, въ которомъ я ему от«казалъ. Онъ съ нетерпѣніемъ разсчитывалъ «время, когда на мое донесеніе отвѣтъ придти «можетъ. Я обѣщалъ исполнить его требованіе, «то есть, донесть о семъ желаніи Наполе«она Вашему Императорскому Величеству». Разговоръ Кутузова съ Лористономъ продолжался ровно 50-тъ минутъ. Потомъ Фельдмаршалъ послалъ за Генералъ-Адъютантомъ Княземъ Волконскимъ, повторилъ ему при Лористонѣ все то, о чемъ было разсуждаемо, и присовокупилъ, обращаясь къ Французскому Послу: «Вы спрашиваете, за чѣмъ народъ нападаетъ на «ваши войска? Народомъ я не начальствую и «не могу воспрепятствовать вооруженію его. «Что жъ касается до арміи, надѣюсь, она со«блюдаетъ всѣ правила, существующія между «просвѣщенными Державами. Можетъ быть «васъ ожидаютъ еще большія несчастія со сто«ны парода. Относительно же переговоровъ, «Государь запретилъ мнѣ даже произносить «слова: миръ и перемиріе. Спросите у Князя «Волконскаго: онъ присланъ сюда подтвердить «мнѣ сію Монаршую волю».

Отправивъ Лористона въ Москву, Кутузовъ обратилъ все свое вниманіе на водвореніе въ арміи порядка, разстроеннаго безпрерывнымъ трехъ-мѣсячнымъ отступленіемъ, кровопролитными сраженіями, ежедневными сшибками, уступленіемъ Москвы, смертью, болѣзнями, ранами многихъ начальниковъ. Хотя Наполеонова армія понесла потерь не менѣе нашей, но Наполеонъ все еще превосходилъ Кутузова количествомъ войскъ. Потому Кутузовъ всячески старался уравновѣсить силы свои съ силами противника, нанося въ то же время возможный вредъ Наполеону. Выгоды были очевидно на сторонѣ Кутузова. Онъ находился въ нѣдрахъ Отечества, среди согражданъ, готовыхъ принесть въ жертву жизнь и достояніе, между тѣмъ, какъ Наполеонъ былъ въ неизмѣримомъ удаленіи отъ источниковъ подкрѣпленій, среди народа, одушевленнаго противъ него святымъ мщеніемъ. Связь военныхъ дѣйствій и сообщенія Наполеона сдѣлались чрезвычайно затруднительны со времени вступленія его въ Москву. При началѣ войны, главная армія, лично имъ предводимая, была близко отъ боковыхъ корпусовъ: влѣво, отъ Сенъ-Сира и Удино, вправо, отъ Князя Шварценберга и Ренье. До самаго Смоленска положеніе Наполеона было грозно, потому что онъ находился въ непосредственной связи съ боковыми корпусами и могъ дѣйствовать всею громадою своихъ силъ. Но положеніе дѣлъ измѣнилось, когда онъ перешелъ за Днѣпръ, и особенно,

когда занялъ Москву. Корпуса, оставленные на флангахъ и въ тылу, на Двинѣ, въ Курляндіи и на Волыни, были отъ Наполеона совершенно отдѣлены, а путь его сообщеній безъ мѣры растянутъ, и могъ быть пресѣкаемъ на протяженіи отъ Смоленска до Москвы. Желая воспользоваться столь благопріятными обстоятельствами, Кутузовъ, тотчасъ по вступленіи въ Тарутино, отрядилъ во всѣ стороны партизановъ, съ повелѣніемъ переноситься съ одного мѣста на другое, нападать внезапно и дѣйствовать, то совокупно, то порознь. Отряды рѣдко превышали 500 человѣкъ и были большею частью составлены изъ казачьихъ войскъ; иногда присоединяли къ нимъ малое число регулярной конницы. Кутузовъ обыкновенно предоставлялъ начальникамъ партій выбирать себѣ въ товарищи изъ офицеровъ кого пожелаютъ. При отправленіи, они получали отъ него только назначеніе въ какую сторону слѣдовать и гдѣ преимущественно производить поиски. Ихъ извѣщали также, какія партіи будутъ находиться къ нимъ ближе другихъ, для взаимной съ ними связи, или для совмѣстнаго дѣйствія, при встрѣчѣ съ превосходнымъ непріятелемъ, или при какомъ нибудь важномъ предпріятіи. «Губите Французовъ», говорилъ имъ Кутузовъ. Больше ничего не приказывалъ онъ партизанамъ, внушая имъ только правило, что для летучаго отряда выгоднѣйшая позиція есть безпрестанное движеніе, а лучшее руководство: налетѣть на непріятеля, какъ снѣгъ на голову и сорвать что по силамъ. Мгновенно пошли партизаны на пространство между Можайскомъ, Москвою и Тарутинымъ, къ Гжатску и Вязьмѣ, на Серпуховскую и на Коломенскую дороги. Такимъ образомъ составилась цѣпь летучихъ отрядовъ по южную сторону Москвы, проходя отъ Вязьмы до Бронницъ, когда Генералъ Винцингероде, стоя близъ Клина, посылалъ партіи, вправо къ Звенигороду, Рузѣ, Гжатску, Сычевкѣ и Зубцову, а влѣво, къ Дмитрову. Облегчая дѣйствія партизановъ на сообщеніяхъ непріятелей, Кутузовъ приказалъ Дорохову взять Верею, укрѣпленную Французами. Приказаніе было исполнено блистательно. Взятіе Вереи открыло партизанамъ столбовую Московскую дорогу. По ней тянулось изъ Смоленска въ Москву и обратно большое число непріятельскихъ обозовъ, парковъ, конвоевъ, больныхъ. Французскіе мародеры наводняли край по обѣимъ сторонамъ дороги, на пространствѣ 30-ти или 40-ка верстъ. Они состояли изъ бѣглыхъ и отсталыхъ, принадлежавшихъ пѣхотнымъ и коннымъ корпусамъ, ходили большею частью малыми шайками, а иногда колоннами, человѣкъ въ 300, предводимые офицерами и головорѣзами, избираемыми изъ среды ихъ. Пользуясь безначаліемъ, мародеры не знали мѣры насиліямъ. Пожары разливались широкою чертою опустошенія. Устрашенные грабителями, цѣлыя волости, съ остатками своего имущества, бѣжали отъ всепожирающей лавы, кочевали въ лѣсахъ или находили гостепріимный кровъ въ удаленныхъ селеніяхъ, гдѣ жители раздѣляли съ выходцами послѣдній кусокъ хлѣба. Въ такомъ видѣ былъ путь сообщеній непріятельскихъ, когда на немъ появились посланные Кутузовымъ партизаны. Они захватывали фуражировъ и бродягъ, нападали на отдѣльныя команды, транспорты, даже на провозимыя пушки, отнимали или истребляли запасы, перехватывали курьеровъ, ежедневно брали сотни плѣнныхъ, а отбитое оружіе, по повелѣнію Кутузова, раздавали крестьянамъ. Неоднократно удавалось имъ освобождать Русскихъ плѣнныхъ, ведомыхъ изъ Москвы къ Смоленску, и плѣнные поступали на усиленіе партій. Часа за два или за три до разсвѣта поднимались партизаны на поискъ. Схвативъ мародеровъ, или транспортъ, обращались они на новый ударъ, или уходили въ лѣса. По волѣ Кутузова партизаны часто перемѣняли свое мѣстопребываніе, стараясь не быть открытыми непріятелемъ и ускользнуть отъ командъ, отряжаемыхъ противъ нихъ Французскими комендантами городовъ и этаповъ.

Кромѣ вреда, ежедневно наносимаго партизанами Французской арміи, дѣйствія ихъ были особенно важны тѣмъ, что появленіемъ своимъ въ разныхъ мѣстахъ, партизаны поддерживали воспламененіе въ народѣ, единодушно возставшемъ противъ враговъ въ Великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ былъ театръ войны. Крестьяне

вооружались вилами, рогатинами, топорами, косами, и бились съ непріятелями, или одни, или вмѣстѣ съ партизанами. Появленіе нашихъ летучихъ отрядовъ бывало крестьянамъ истиннымъ праздникомъ, живымъ свидѣтельствомъ, что Русская армія недалеко отъ нихъ и помощь близка. Благословенные Синодомъ, священники увѣщевали прихожанъ стоять за Вѣру и Государя, почитать смерть противъ враговъ долгомъ христіанскимъ, гибель временную вѣчнымъ спасеніемъ. Женъ и дѣтей скрывали крестьяне въ лѣсахъ, а сами бывали на денной и ночной стражѣ, клятвенно, цѣлованіемъ Креста и Евангелія, обѣщаясь не выдавать другъ друга. Они бились съ Французами, жгли и топили ихъ, живыхъ зарывали въ землю. «Французы жгутъ и «грабятъ Москву!» перелѣтало изъ устъ въ уста, было общимъ кликомъ, и ни какія истязанія не казались достаточными противъ злодѣевъ. Зарево Москвы, видѣнное на 130 верстъ, и поруганіе Церквей довели ненависть къ Французамъ до изступленія. Французы ли жгли Москву или нѣтъ, разувѣрять было запрещено Кутузовымъ: лишь только бы рѣзали Французовъ. Всѣми силами поддерживалъ Кутузовъ возстаніе народное, раздавалъ крестьянамъ оружіе; храбрѣйшихъ награждалъ знаками отличія Военнаго ордена.

Когда на всемъ протяженіи Наполеоновыхъ сообщеній отъ Москвы до Смоленска пировала смерть, предводимая Кутузовымъ армія, огражденная въ Тарутинѣ окопами и извѣщательными отрядами, наслаждалась, впервые послѣ отступленія отъ Нѣмана, трехъ-недѣльнымъ отдохновеніемъ. Въ Тарутинѣ стала она сильнѣе числомъ, крѣпче устройствомъ. Изъ резервовъ пришли болѣе 20,000 солдатъ, обмундированныхъ и вооруженныхъ; приходили кавалерійскіе ремонты, полки съ Дона и Урала; привозились снаряды, сукна; исправили аммуничныя вещи; людей снабдили сапогами, валянками, полушубками. Въ каждой пѣхотной дивизіи Кутузовъ обратилъ одинъ егерскій полкъ на укомплектованіе прочихъ пяти полковъ. Расформированные полки, за оставленіемъ въ нихъ малаго числа людей, отправилъ онъ въ резервы для переобразованія; объявилъ награды за Бородинское сраженіе и раздалъ нижнимъ чинамъ пожалованные Императоромъ Александромъ по 5-ти рублей на человѣка; офицерамъ отпущено третное жалованье. Въ разныхъ мѣстахъ въ тылу арміи учредилъ онъ госпитали, усугубилъ мѣры для скораго доставленія къ полкамъ выздоровѣвшихъ, устроилъ слѣдованіе подводъ съ продовольствіемъ. Три раза въ недѣлю отпускали винную порцію; въ дурную погоду выдавали ее ежедневно. Изъ окрестныхъ мѣстъ Кутузовъ вызвалъ маркитантовъ, съ изобильными всякаго рода товарами. Простые шалаши, сначала неметанные наскоро, становились обширнѣе, красивѣе; въ иныхъ были даже камины. Для освѣженія солдатъ послѣ четырехъ-мѣсячнаго кочеванья на бивакахъ, Кутузовъ приказалъ устроить бани въ деревняхъ и на берегахъ рѣкъ. Дни проходили въ обученіи молодыхъ солдатъ и рекрутовъ, особенно стрѣльбѣ въ цѣль. У генераловъ и офицеровъ бывали роскошные обѣды. По вечерамъ въ полкахъ гремѣла музыка, раздавались пѣсни, и среди ихъ веселыхъ перекатовъ зажигались огни биваковъ. Кутузовъ часто посѣщалъ лагерь, разговаривалъ съ генералами, офицерами и солдатами, поселяя во всѣхъ надежду скораго счастливаго оборота войны. Происшествія отъ Нѣмана до Тарутина стали казаться тяжелымъ сномъ; размыкалось прежнее горе; тускло въ душахъ недавнее зарево Москвы; все оживало новою жизнью; воспрянуло убѣжденіе, что наконецъ достигнули крайней точки отступленія, что непріятель не перешагнетъ за Нару, и близокъ часъ кровавой расплаты за оскорбленную честь Державы Александра. «Война только что «начинается», говаривалъ Кутузовъ, стараясь дѣлать мысль сію общею.

Для успокоенія Россіи, Кутузовъ приказалъ разсылать во всѣ губерніи печатныя извѣстія изъ арміи. Увѣренность всего Государства въ его умъ и прозорливость, о чемъ ходило много поговорокъ и анекдотовъ, породила въ арміи и народѣ заключеніе, что онъ держитъ Наполеона въ Москвѣ, какъ лютаго звѣря въ западнѣ. Пребываніе въ Тарутинѣ было блистательною эпохою достославной жизни Кутузова. Со временъ Пожарскаго,

никто не стоялъ такъ высоко въ виду всей Россіи. На тѣсный уголокъ Калужскаго горизонта, Тарутино, были обращены взоры Россіи, съ теплою мольбою къ Всевышнему. Духовные присылали Кутузову благословеніе, образа, и извѣщали его о молитвахъ, возсылаемыхъ ими объ успѣхѣ его предначинаній. Изъ Казанскаго женскаго монастыря доставлены были деньги для раздачи часовымъ, поставленнымъ у дверей Кутузова. Граждане города Курска, по общему приговору, поднесли ему списокъ съ чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери, нѣкогда защитившей городъ ихъ отъ враговъ Отечества. Кутузовъ получалъ письма, съ убѣдительными прозьбами: увѣдомлять, что наиболѣе нужно арміи. Изъ губерній являлись къ нему дворянскаго и купеческаго сословій нарочные, изъявляя совершенную готовность на всякія пожертвованія. «Требуйте», говорили они, «Свѣтлѣйшій Князь, требуйте! Вы увидите по-«спѣшность въ исполненіи вашихъ приказаній. «Имѣніе и жизнь, все Царю въ ноги!» Съ обворожительною ласкою принимая депутатовъ, Фельдмаршалъ обыкновенно отвѣчалъ, что повелѣніями Государя и общимъ усердіемъ готовы уже силы и средства обезопасить Отечество, «но», присовокуплялъ онъ, «если встрѣ-«тится надобность, я увѣренъ, что ваша предан-«ность Государю поставитъ врагу тысячи неодо-«лимыхъ для него препонъ». Въ избѣ Кутузова встрѣчались и дѣти лѣтъ 10-ти, 12-ти. Не бывъ въ состояніи, по слабости возраста, владѣть ружьемъ, они просили Фельдмаршала, называя его «дѣдушкою», снабжать ихъ пистолетами. Нѣсколько разъ пріѣзжали изъ Калуги депутаты къ Кутузову, узнавать о положеніи дѣлъ, и вызывались на пожертвованія. Успокоенные его увѣреніями, возвращались они въ свои общества, съ письмами Фельдмаршала. Вотъ одно изъ нихъ къ Градскому Главѣ, отъ 30-го Сентября. «Съ «сердечною признательностью, сопряженною съ «полнымъ удовольствіемъ, вижу я усердіе ваше «къ любезнѣйшему Отечеству нашему, и присо-«вокупляя теплыя молитвы мои къ вашимъ, «прошу Всевышняго о ниспосланіи помощи ору-«жію нашему на пораженіе и конечный ударъ «коварному врагу, вступить на землю Русскую «дерзнувшему. Въ настоящее время мы видимъ «въ изобиліи къ намъ милость Божію: злодѣи «наши со всѣхъ сторонъ окружены; свободный «выѣздъ изъ стана, партіями, отъ насъ вездѣ «посланными, совершенно воспрещенъ; люди и «лошади изнуряются голодомъ, и каждый день «во всѣхъ мѣстахъ убитыми и плѣнными теря-«ютъ они до 500 человѣкъ, что подтвердить «могутъ и граждане ваши, Гг. Елисѣевъ и Ле-«бедевъ. Послѣ чего вы видите, что молитвы «наши услышаны, и что Всевышняго Десница «ниспосылаетъ намъ благословеніе Свое, ко-«торое, при непрерывныхъ восклицаніяхъ на-«шихъ къ Царю Царей, усиляясь, доставитъ «намъ новое доказательство, сколь много Отече-«ство наше Имъ хранимо, и сколь мало непрія-«тель найдетъ случая гордиться долговремен-«ною поверхностію надъ войсками Богомъ дан-«наго намъ Всеавгустѣйшаго Монарха».

Для большаго обложенія непріятелей въ Москвѣ и окрестностяхъ, и обезпеченія сосѣднихъ губерній отъ вторженія непріятельскихъ шаекъ и грабителей, Кутузовъ велѣлъ Ополченіямъ выступить къ предѣламъ ихъ губерній. Тверское стало между Клиномъ и Тверью; Ярославское при Переславлѣ-Залѣсскомъ, прикрывая Ярославскую дорогу; Владимірское, у Покрова, заслоняя путь во Владиміръ; Рязанское, при Коломнѣ, наблюдая дороги въ Рязань и черезъ Егорьевскъ на Касимовъ; Тульское было расположено отъ Каширы до Алексина, а Калужское въ уѣздахъ пограничныхъ съ Московскою и Смоленскою губерніями, дѣлая разъѣзды къ Ельнѣ и Рославлю. Пяти-тысячный отрядъ Калужскаго ополченія былъ посланъ охранять Брянскъ. Отъ всѣхъ ополченій Кутузовъ разставилъ ближе къ Москвѣ цѣпи, называвшіяся кордонами. Окруживъ такимъ образомъ Наполеона, Кутузовъ не полагалъ, что Наполеонъ атакуетъ Тарутинскія укрѣпленія. Онъ говорилъ (это собственныя его слова): «Bonaparte ne viendra pas ici se casser «le nez. Il est plus intéressé à manoeuvrer, qu'à «livrer bataille». При всей безопасности Тарутинскаго лагеря, Кутузовъ не пренебрегалъ мѣрами осторожности. Онъ писалъ начальнику сво-

его авангарда, Милорадовичу: «По случаю тепе«решняго бездѣйствія, можно заключить, что «непріятель дѣлаетъ нѣкоторыя скрытныя при«уготовленія, а какъ позиція наша окружена «большею частію обширнѣйшими лѣсами, то «желаю, чтобъ вы подтвердили казачьимъ пол«камъ, содержащимъ передовую цѣпь и дѣлаю«щимъ разъѣзды вправо и влѣво, сколь можно «дѣлать оные далѣе, подслушивая ночью, не «прорубается ли непріятель лѣсами, дѣлая себѣ «сквозь оные новыя дороги». Одной изъ дочерей своихъ Кутузовъ писалъ, 1-го Октября: «Мы стоимъ на одномъ мѣстѣ, и съ Наполео«номъ смотримъ другъ на друга; каждый вы«жидаетъ время. Между тѣмъ маленькими ча«стями деремся и понынѣ вездѣ удачно. Всякій «день беремъ въ полонъ по нѣскольку сотъ че«ловѣкъ».

Со всѣхъ сторонъ, отъ Смоленска до Москвы, обхваченный пламенемъ, вооруженнымъ народомъ, летучими отрядами, Наполеонъ видѣлъ себя болѣе осажденнымъ въ развалинахъ Москвы, нежели обладающимъ ими. Продовольствіе скудѣло. Слабыхъ партій нельзя уже было посылать на фуражировку; надлежало назначать для того большіе отряды, съ пушками, и сражаясь, силою добывать клокъ сѣна, снопъ овса и ржи. Отряды, наряженные искать не побѣдъ, но пропитанія, встрѣчая повсюду сопротивленіе крестьянъ и пики Донцовъ, принуждены были возвращаться съ пустыми руками и ждать съ поникшею головою рѣшенія судьбы своей на тлѣющемъ пеплѣ столицы. Между тѣмъ Наполеону доносили объ усиленіи Русской арміи въ Тарутинѣ, и не получалъ онъ отвѣта отъ Императора Александра. Уста Благословеннаго Монарха разверзались только на призывъ къ оружію и отомщенію за оскорбленную честь Его Державы. Къ молчанію Александра и ополченію народа Его и воинства — грознымъ намекамъ бѣдъ, висѣвшихъ надъ Наполеономъ — присовокупились измѣненія въ воздухѣ. Долго длилась теплая осень. Просыпался ли Наполеонъ въ Кремлѣ? Утро Сентябрское, занявъ прелесть дней Майскихъ, привѣтствовало его. Но къ концу Сентября заморозы становились по ночамъ чувствительны для непривыкшихъ къ холоду, легко одѣтыхъ непріятельскихъ войскъ. Небо задергивалось сѣрыми тучами, заморосими дожди, задули осенніе вѣтры, выпалъ мелкій снѣгъ, предвѣстникъ непогодъ, и все еще не было отвѣта отъ Императора Александра. Наполеонъ рѣшился не медлить долѣе, и 1-го Октября началъ готовиться къ выступленію изъ Москвы.

Пока Наполеонъ сосредоточивалъ армію вокругъ Москвы, у насъ открыли оплошное расположеніе Французскаго авангарда, стоявшаго, подъ начальствомъ Мюрата, у Винкова, верстахъ въ семи отъ Тарутина. Беннигсенъ предложилъ Кутузову воспользоваться оплошностью Мюрата и атаковать его. Кутузовъ не вдругъ согласился съ Беннигсеномъ, держась другихъ мнѣній о способахъ восторжествовать надъ Наполеономъ. Довольный положеніемъ, въ какое поставилъ онъ Французскую армію, Кутузовъ не хотѣлъ выводить Наполеона изъ бездѣйствія, считалъ полезнѣе не вызывать на бой, не будить усыпленнаго въ Кремлѣ льва. «Чѣмъ долѣе оста«нется въ Москвѣ Наполеонъ», говорилъ Кутузовъ, «тѣмъ вѣрнѣе наша побѣда». Наконецъ Кутузовъ склонился на мнѣніе Беннигсена, когда узналъ о движеніи корпуса Маршала Виктора изъ Минска къ Смоленску. Полагая, что Викторъ идетъ въ Москву, онъ рѣшился, прежде его прихода, разбить Мюрата. Атаку положилъ онъ произвесть 5-го Октября, но въ тотъ день она не состоялась, по несвоевременному полученію приказаній, почему отложилъ нападеніе на сутки. Въ вечеру 5-го Октября Кутузовъ пріѣхалъ въ лагерь. При немъ переправлялись колонны черезъ Нару. Смерклось; облака покрыли небо. Погода была сухая, но земля влажна, такъ, что войска шли безъ шума, даже не слышно было движенія артиллеріи. Кутузовъ запретилъ разговаривать громко, курить трубки, высѣкать огонь; приказалъ лошадей удерживать отъ ржанья. Все приняло видъ таинственнаго предпріятія. Наконецъ, при свѣтломъ заревѣ огней непріятеля, показавшихъ Кутузову мѣсто расположенія Французовъ, онъ остановилъ колонны на ночь тамъ, откуда въ слѣдующее ут-

ро надлежало вести атаку; поставили ружья въ козлы и улеглись на холодной землѣ. Передъ зарею войска стали въ ружье. Кутузовъ былъ въ центрѣ арміи. Вскорѣ потомъ Графъ Орловъ-Денисовъ атаковалъ Французовъ съ тыла и разбилъ ихъ, но пѣхотныя колоны наши, долженствовавшія ударить во флангъ Мюрата, въ потьмахъ сбились съ дороги въ лѣсу и не могли поспѣть въ урочный часъ на назначенныя мѣста. Обстоятельство сіе прогнѣвило Кутузова, и онъ остановилъ наступательное дѣйствіе центра. Находившіеся вокругъ Кутузова Генералы просили его о позволеніи идти впередъ. Рѣшительный отказъ былъ отвѣтомъ Кутузова. Наконецъ онъ сказалъ: «У васъ только «на языкѣ атаковать, а вы не видите, что мы «еще не созрѣли для сложныхъ движеній и ма«невровъ!» Примѣтя, что наше правое крыло начало подаваться впередъ и непріятель отступаетъ, Кутузовъ велѣлъ стоявшимъ въ центрѣ пѣхотнымъ корпусамъ, предшествуемымъ конницею, двинуться впередъ. Неоднократно покушался Мюратъ останавливаться, не для отпора, но для устройства войскъ и удаленія тяжестей, но каждый разъ былъ опрокидываемъ. Нѣсколько полковъ его обратились въ бѣгство; всадники, безъ сѣделъ и мундштуковъ, мчались туда и сюда по произволу своихъ тощихъ клячь. Преслѣдованіе продолжалось 7 верстъ, до Спасъ-Купли, гдѣ Кутузовъ велѣлъ остановиться, получивъ отъ зятя своего, партизана Князя Кудашева, перехваченное предписаніе Маршала Бертье къ одному Французскому Генералу объ отправленіи всѣхъ тяжестей на Можайскую дорогу. Прочитавъ предписаніе, Кутузовъ заключилъ о намѣреніи Наполеона выходить изъ Москвы, но куда? когда? съ какою цѣлью пойдетъ Наполеонъ? было неизвѣстно. Кутузовъ ходилъ нѣсколько минутъ взадъ и впередъ, и въ тайномъ совѣщаніи, одинъ съ самимъ собою, рѣшилъ не преслѣдовать Французовъ, возымѣвъ въ виду не одно пораженіе Мюрата, но начало, такъ сказать, зародышъ новаго похода, долженствовавшаго воспослѣдовать въ самомъ скоромъ времени. Онъ предвидѣлъ, что съ часу на часъ ему придется выдержать противъ главной непріятельской арміи рядъ кровопролитныхъ сраженій, въ которыхъ, конечно, Наполеонъ будетъ биться на жизнь и смерть. Неудовольствіе, что нейдутъ далѣе пожинать плодовъ одержанной надъ Мюратомъ побѣды, было на всѣхъ лицахъ, но въ присутствіи Кутузова никто не смѣлъ подавать мнѣнія, не бывши имъ спрошенъ. Когда опять стали просить у него дозволенія преслѣдовать непріятелей, онъ отвѣчалъ: «Если не умѣли мы поутру взять «Мюрата живьемъ и придти во время на мѣста, «то преслѣдованіе будетъ безполезно. Намъ «нельзя отдаляться отъ Тарутинской позиціи».

Трофеи Кутузова заключались въ 38 орудіяхъ, одномъ знамени, 40 зарядныхъ ящикахъ, 1500 плѣнныхъ, большомъ количествѣ обоза и множествѣ награбленныхъ Французами въ Москвѣ вещей. Взглядъ на Мюратовъ лагерь удостовѣрилъ Кутузова въ крайнемъ недостаткѣ въ жизненныхъ припасахъ непріятеля. Вокругъ биваковъ валялись заколотыя для пищи, или уже объѣденныя лошади и ободранныя кошки. На дымившихся очагахъ стояли чайники и котлы съ конскимъ отваромъ; кое-гдѣ видны были крупа и горохъ, но и слѣдовъ не находилось муки, хлѣба и говядины. Вина, головы сахара и другія лакомства, привезенныя изъ Москвы, брошены были подлѣ жареной конины и пареной ржи. Больные, лишенные всякаго призрѣнія, лежали на холодной землѣ. Около шалашей разметаны были иконы, похищенныя изъ сосѣднихъ церквей и употребляемыя святотатцами вмѣсто дровъ. Въ находившихся близъ стана непріятельскаго церквахъ престолы были разрушены, лики святыхъ ниспровергнуты, попираемы лошадьми, которыя даже стояли въ алтаряхъ; оглашая ржаніемъ священныя стѣны, гдѣ искони возносились хвалебныя пѣсни Божеству.

Тарутинское сраженіе, стоившее намъ 500 убитыхъ и раненыхъ, имѣло на воевавшія войска великое нравственное вліяніе. Съ самаго начала похода было оно первымъ наступательнымъ дѣйствіемъ нашей главной арміи и увѣнчалось, хотя и не совершеннымъ, какъ слѣдовало ожидать, но, по крайней мѣрѣ, значительнымъ успѣхомъ. Непріятелей лишило оно отрадной наде-

жды на миръ, составлявшій, со времени занятія ими Москвы, предметъ любимой мечты ихъ арміи, отъ Наполеона до послѣдняго солдата. Сраженіе сіе провело рѣзкую черту между пошедшимъ и будущемъ, показавъ, что Русскіе не помышляли о прекращеніи войны.

Подъ вечеръ армія возвратилась въ Тарутино. На половинѣ дороги, близъ отбитыхъ непріятельскихъ орудій, сидѣлъ Кутузовъ на крыльцѣ полуразрушенной избы. Указывая на трофеи, онъ привѣтствовалъ колонны сими словами: «Вотъ «сегодня вашъ подарокъ Государю и Россіи. «Благодарю васъ именемъ Царя и Отечества!» Ура! перемѣшанное съ веселыми пѣснями, долетало эхомъ радости къ нашему лагерю. Шумно и весело вступали въ него войска. Покой не шелъ имъ на умъ, какъ будто праздновалось воскресеніе умолкнувшей на время Русской славы. Императоръ Александръ наградилъ Кутузова золотою шпагою, съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ, и удостоилъ его слѣдующимъ собственноручнымъ рескриптомъ: «Побѣда, одер«жанная вами надъ Мюратомъ, обрадовала не«сказанно Меня. Я льщу Себя надеждою, что «сіе есть начало, долженствующее имѣть за со«бою еще важнѣйшія послѣдствія. Слава Россіи «нераздѣльна съ вашею собственною и съ спа«сеніемъ Европы».

Когда 7-го Октября Тарутинскій лагерь оглашался молебнымъ пѣніемъ за побѣду надъ Мюратомъ, выступилъ Наполеонъ въ обратный походъ изъ Москвы, покореніе коей долженствовало быть вѣнцемъ его славы, залогомъ рѣшительнаго первенства его надъ Александромъ. Наполеонъ пошелъ сперва по старой Калужской дорогѣ, надѣясь встрѣтить Кутузова, ибо полагалъ, что нашъ полководецъ преслѣдуетъ Мюрата, но узнавъ о возвращеніи Кутузова въ Тарутино, повернулъ на новую Калужскую дорогу, въ намѣреніи отступать черезъ Калугу. Желая скрыть отъ Кутузова сіе движеніе, особенно выходъ свой изъ Москвы, Наполеонъ вздумалъ войдти съ нимъ въ переговоры. Онъ приказалъ Маршалу Бертье отправить къ Кутузову слѣдующее письмо, умышленно выставивъ на немъ, будто оно писано изъ Москвы: «Генералъ Ло«ристонъ имѣлъ порученіе предложить Вашей «Свѣтлости о принятіи мѣръ, могущихъ дать «войнѣ ходъ, сообразный съ установленными «правилами, и избавить край отъ всѣхъ бѣдствій, «кромѣ тѣхъ, какія неизбѣжны въ военное время. «Въ самомъ дѣлѣ, опустошеніе собственной «земли столь же вредно для самой Россіи, сколь «прискорбно Императору Наполеону. Ваша Свѣт«лость легко постигнете, сколь важно для меня «узнать окончательное рѣшеніе вашего Прави«тельства по сему предмету». Отвѣтъ Кутузова: «Полковникъ Бертеми, принятый лично мною, «вручилъ мнѣ ваше письмо, содержаніе коего «уже представлено Государю моему, и, какъ «безъ сомнѣнія вамъ извѣстно, отправлено съ «Княземъ Волконскимъ. По дальности разстоянія «и дурнымъ дорогамъ въ настоящее время года, «нельзя еще было получить отвѣта. И такъ, мнѣ «остается только сослаться на сказанное мною «Генералу Лористону, относительно сего дѣла. «Здѣсь позвольте повторить истину, которую, «конечно, вы сами уважите: ту, что хотя я и «желалъ бы, но очень трудно удержать народъ, «раздраженный всѣмъ совершающимся въ его «глазахъ, народъ, уже 200 лѣтъ не знавшій вой«ны внутри своего Государства, готовый жертво«вать собою за Отечество, и неспособный раз«личать, что именно принято или воспрещается «въ войнахъ обыкновенныхъ. Касательно же ввѣ«ренныхъ мнѣ армій, надѣюсь, что въ образѣ дѣй«ствія ихъ, всѣ признаютъ правила, отличающія «народъ храбрый, доблестный и великодушный. «Я никогда не зналъ иныхъ правилъ въ моей «долговременной военной службѣ, и надѣюсь, «что непріятели, съ которыми я сражался, «всегда въ семъ отношеніи отдавали мнѣ спра«ведливость».

Въ слѣдующій день, находившійся съ летучимъ отрядомъ на новой Калужской дорогѣ, Дороховъ донесъ Кутузову о появленіи на ней Французовъ въ значительномъ числѣ. Кутузовъ послалъ Дохтурова съ корпусомъ, подкрѣпить Дорохова и удостовѣриться въ замыслахъ Наполеона. Дохтуровъ не замедлилъ донести, что вся непріятельская армія идетъ къ Боровску, и Наполеонъ очистилъ Москву. Была глубокая

ночь, когда посланный Дохтурова явился къ Кутузову. Радостно спросилъ его Кутузовъ: «Не «уже ли во истину Наполеонъ оставилъ Москву «и отступаетъ? Говори скорѣй, не томи сердца, «оно дрожитъ!» Когда посланный кончилъ разсказъ, Кутузовъ захлипалъ отъ слезъ и, обратясь къ образу Спасителя, произнесъ слѣдующія слова: «Боже, Создатель мой! Наконецъ ты внялъ мо-«литвѣ нашей, и съ сей минуты Россія спасена». Онъ приказалъ Дохтурову и Платову, со всѣми казачьими полками спѣшить къ Малоярославцу, и арміи быть готовой выступать. Черезъ часъ Милорадовичъ подтвердилъ изъ авангарда справедливость донесенія Дохтурова. Когда такимъ образомъ не осталось и тѣни сомнѣнія въ умыслахъ Наполеона, Кутузовъ двинулся на перерѣзъ его пути, изъ Тарутина къ Малоярославцу. Октября 11-го опустѣлъ Тарутинскій лагерь. Не обагрились кровію твердыни, заслонявшія собою избраннѣйшихъ защитниковъ Россіи, но подъ кровомъ ихъ отдохнуло войско, собралось съ силами, первое «Ура!» возвѣтило бѣгство непріятеля, первое выраженіе радости блеснуло на лицахъ полковъ, привѣтствовавшихъ въ Тарутинѣ зарю освобожденія Отечества. Выходя изъ Тарутина, Кутузовъ писалъ помѣщицѣ сего села, Оберъ-Гофмейстеринѣ Нарышкиной: «Рѣка Нара будетъ «для насъ такъ же знаменита, какъ Непрядва, на «берегахъ которой погибли безчисленныя опол-«ченія Мамая. Покорнѣйше прошу васъ, чтобы «укрѣпленія, сдѣланныя нами близъ Тарутина, «укрѣпленія, которыя устрашили полки непрія-«тельскіе и были твердою преградою, близъ «коей остановился быстрый потокъ разорителей, «грозившій наводнить всю Россію, чтобы сіи «укрѣпленія остались неприкосновенными. Пус-«кай время, а не рука человѣческая ихъ уничто-«житъ; пускай земледѣлецъ, обработывая вокругъ «нихъ мирное свое поле, не трогаетъ ихъ своимъ «плугомъ; пускай и въ позднее время будутъ «они для Россіянъ священными памятниками «ихъ мужества; пускай наши потомки, смотря «на нихъ, будутъ воспламеняться огнемъ сорев-«нованія, и съ восхищеніемъ говорить: вотъ «мѣсто, на которомъ гордость хищниковъ пала «предъ неустрашимостью сыновъ Отечества! Со-«сѣдъ вашъ, Князь Волконской, вызывается по-«ставить памятникъ Русскимъ воинамъ на землѣ «принадлежащаго ему селенія Леташевки, но «вы не имѣете нужды воздвигать памятниковъ. «Тарутинскія укрѣпленія, грозно возвышающіяся «между спокойными вашими нивами, будутъ са-«ми по себѣ неизгладимыми слѣдами Русскаго «мужества и Русской славы».

Благодарность современниковъ превзошла скромныя желанія Кутузова, и Тарутино, гдѣ былъ первый разсвѣтъ побѣды, украсилось и первымъ, сооруженнымъ во славу Отечественной Войны, памятникомъ. Сынъ Фельдмаршала Графа Румянцова-Задунайскаго, получивъ Тарутино въ наслѣдство отъ Госпожи Нарышкиной, испросилъ, въ 1828-мъ году, позволеніе отпустить крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, желая, чтобы сіе село никогда не переходило въ руки частнымъ лицамъ. Крестьяне возчувствовали, что за такое пожертвованіе помѣщика обязаны они случаю, приведшему въ 1812-мъ году Русскую армію на ихъ пажити, и изъявили готовность воздвигнуть монументъ на собственный свой счетъ. Императоръ Николай Павловичъ соизволилъ на желаніе Графа Румянцова и прозьбу крестьянъ. На памятникѣ, оконченномъ и освященномъ въ 1834-мъ году, находится слѣдующая надпись: «На семъ мѣстѣ Россійское воинство, «предводительствуемое Фельдмаршаломъ Куту-«зовымъ, укрѣпясь, спасло Россію и Европу».

Настало 12-е Октября, день обильный величайшими послѣдствіями, когда Кутузовъ поставилъ преграду наступательнымъ дѣйствіямъ Наполеона, и началось сокрушеніе исполинскаго могущества его. Отъ ранняго утра, Дохтуровъ стоялъ въ жаркомъ бою у Малоярославца. Въ полдень прибылъ туда Наполеонъ, и распорядился боемъ, но его главное вниманіе было обращено не столько на сраженіе, сколько на дорогу изъ Тарутина, откуда могъ придти Кутузовъ. Вскорѣ собственными глазами удостовѣрился онъ въ приближеніи Русской арміи — обстоятельство самое неблагопріятное, какое только могло случиться въ его положеніи. Изъ-за пыльныхъ облаковъ, обыкновенно поднимающихся впереди громады движущихся войскъ, блеснули штыки

и ружейные стволы. Наполеонъ не могъ долѣе сомнѣваться, что Кутузовъ подоспѣвалъ заградить ему желанный путь въ Калугу. Всю ночь, съ 11-го на 12-е, шелъ Кутузовъ съ арміею изъ Тарутина къ Малоярославцу. Во мракѣ казалось войскамъ, что ихъ ведутъ не противъ Французовъ, но назадъ. На разсвѣтѣ услышали они гулъ выстрѣловъ со стороны Малоярославца. Къ неизъяснимой радости арміи, она увидѣла, что не назадъ идетъ, но приближается къ полю битвы. Не доходя до Малоярославца 5-ти верстъ, Кутузовъ велѣлъ сдѣлать привалъ и сѣлъ посреди колоннъ на скамейку, приказавъ корпусу Раевскаго подкрѣпить Дохтурова, а Коновницыну подробно узнать о происходившемъ въ Малоярославцѣ. Вскорѣ Коновницынъ возвратился. Основываясь на его донесеніи, Кутузовъ двинулъ армію впередъ и построилъ ее позади Малоярославца на Калужской дорогѣ. Непріятельскія ядра перелетали черезъ Кутузова; вокругъ него свистѣли даже пули. Тщетно упрашивали его удалиться изъ-подъ выстрѣловъ. Онъ не внималъ прозьбамъ, желая удостовѣриться собственными глазами въ намѣреніяхъ Наполеона, ибо дѣло шло объ оборотѣ всего похода. Между тѣмъ бой въ Малоярославцѣ кипѣлъ самый ожесточенный. Нѣсколько разъ городъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Вечерній мракъ не прекращалъ стрѣльбы. Она длилась въ улицахъ, вокругъ обгорѣлыхъ трубъ, посреди пламени, пожиравшаго уцѣлѣвшіе домы, и кончилась въ 11-мъ часу. Въ Русской и непріятельской арміяхъ выбыло изъ строя тысячь по пяти человѣкъ. Ночью Наполеонъ призвалъ на совѣтъ Бертье, Мюрата и Бессьера, и сказалъ имъ: «Прибытіе Кутузова на Калужскую дорогу со«всѣмъ перемѣнило положеніе дѣлъ!» Послѣ сихъ словъ онъ взялся руками за голову и, опершись локтями на столъ, неподвижно вперилъ глаза въ лежавшую передъ нимъ карту. Приглашенные на совѣщаніе, Маршалы съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга, въ ожиданіи, что Наполеонъ прерветъ безмолвіе, живо выражавшее его недоумѣніе касательно будущихъ дѣйствій. Послѣ долгаго молчанія Наполеонъ отпустилъ Маршаловъ, не объявивъ имъ своего мнѣнія. Вскорѣ потомъ Наполеонъ рѣшился пробиваться. И Кутузовъ имѣлъ твердое намѣреніе не уклоняться отъ сраженія. Донося Государю въ краткихъ словахъ о происшествіяхъ дня, онъ писалъ: «Завтра, полагаю, должно быть гене«ральное сраженіе, безъ котораго я ни подъ ка«кимъ видомъ Наполеона въ Калугу не пущу».

На разсвѣтѣ 13-го Октября, готовый принять Наполеона, Кутузовъ ожидалъ извѣстій объ его движеніяхъ отъ Платова, имѣвшаго приказаніе Кутузова сдѣлать ночное нападеніе на Французовъ. Съ 20-ю казачьми полками атака была произведена удачно. Казаки едва не полонили Наполеона, и возвратились съ поиска, везя съ собою 11 Французскихъ орудій и богатую добычу деньгами. Большую часть дня, 13-го, Наполеонъ провелъ въ обозрѣніяхъ и не принялъ предложеннаго ему Кутузовымъ сраженія. Бездѣйствіе Наполеона повело Кутузова къ заключенію, что Наполеонъ возымѣлъ новые замыслы, что не успѣвъ открыть себѣ въ Малоярославцѣ пути въ Калугу и далѣе въ изобильныя Русскія губерніи, вѣроятно, хочетъ онъ идти туда черезъ Мядынь и Юхновъ. Еще болѣе утвердился онъ въ семъ мнѣніи, получивъ отъ казачьяго отряда, бывшаго на Мядыньской дорогѣ, донесеніе о появленіи тамъ Поляковъ, у коихъ казаки отбили 5 пушекъ. Тогда же доставили Кутузову перехваченную Донцами собственноручную записку Маршала Бертье, заключавшую въ себѣ приказаніе одному Генералу собрать свѣдѣнія о дорогахъ, ведущихъ въ Мядынь, Масальскъ и Ельну. Желая предупредить Наполеона со стороны Мядыни, и въ то же время не обнажить новой Калужской дороги, Кутузовъ отошелъ, ночью съ 13-го на 14-е Октября, къ Детчину, откуда разстояніе къ Мядыньской дорогѣ вдвое ближе, нежели отъ Малоярославца. Вся цѣль дѣйствій Кутузова состояла въ стараніи вынудить Наполеона отступать по Смоленской дорогѣ, по пепелищамъ сожженныхъ городовъ и селеній.

Когда Кутузовъ съ арміею подходилъ къ Детчину, 14-го Октября, Наполеонъ отправился опять изъ Городни къ Малоярославцу. На половинѣ дороги привезли ему изъ авангарда до-

несеніе объ отступленіи передовыхъ постовъ нашихъ отъ Малоярославца. Наполеонъ остановился, и сѣлъ возлѣ разложеннаго на полѣ огня. «Съ какою мыслью», сказалъ онъ, «отступилъ «Кутузовъ отъ Малоярославца?» и, помолчавъ, присовокупилъ: «Онъ хочетъ заградить намъ «пути на полдень». Не рѣшаясь вступить въ бой съ Кутузовымъ, Наполеонъ приказалъ войскамъ обратиться на Смоленскую дорогу, предпочитая бороться на ней съ недостаткомъ въ продовольствіи, нежели на другой быть поставленнымъ въ необходимость пробиваться силою туда, куда замышлялъ идти, выступая изъ Москвы. Такъ совершился переломъ похода и счастія Наполеона! Отъ Малоярославца до Ватерло поприще завоевателя представляетъ уже не что иное, какъ цѣпь пораженій, изрѣдка освящаемую проблесками побѣды. Въ молчаніи, съ видомъ унылымъ, какъ будто предчувствуя свой тяжкій жребій, ибо они были уже обреченными жертвами судьбы, тронулись непріятели въ обратный путь къ Смоленску. Посреди печальныхъ полковъ ѣхалъ Наполеонъ, задумчивый, разсчитывая съ Маршаломъ Бертье огромное, предстоявшее ему разстояніе, и время, когда можно будетъ достигнуть Смоленска и Минска, единственныхъ на пути до Вильны городовъ, гдѣ были заготовлены запасы и снаряды.

Узнавъ 14-го Октября объ отступленіи Наполеона отъ Малоярославца, Кутузовъ немедленно передвинулъ армію на Мядыньскую дорогу, къ Полотнянымъ Заводамъ, и послалъ Платова съ 15-ю казачьими полками и множество летучихъ отрядовъ для извѣщенія его о движеніяхъ Наполеона. Черезъ день получилъ онъ отъ нихъ удостовѣреніе въ отступленіи Наполеона на Смоленскую дорогу. Такъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ маневры Кутузова. Ровно черезъ два мѣсяца послѣ принятія имъ, 17-го Августа, въ Царевомъ-Займищѣ предводительства надъ арміями, были обращены назадъ орлы завоевателя. Боковымъ движеніемъ изъ Тарутина къ Малоярославцу и отсюда къ Полотнянымъ Заводамъ, уничтожилъ онъ замыслы Наполеона, заградилъ ему путь на Калугу и Юхновъ, и принудилъ его идти дорогою, въ теченіе 2-хъ мѣсяцовъ до конца разоренною, пустынею, самимъ Наполеономъ себѣ приготовленною. Правда, сто-тысячная непріятельская армія сохраняла еще въ то время видъ грознаго ополченія, но недостатокъ продовольствія и готовившіяся на нея нападенія должны были съ каждымъ днемъ разрушать силу и составъ ея. Голодъ, какъ ненасытный червь, долженъ былъ подточить враговъ, а мечь Русскихъ довершить пораженіе. Ближайшіе Французскія магазины находились въ Смоленскѣ, въ 300 верстахъ. Безъ огромныхъ потерь проходить такое разстояніе, съ скудными запасами, бывшими при войскахъ, подверженныхъ безпрерывнымъ нападеніямъ — вотъ подвигъ, предстоявшій Наполеону, и положеніе, въ какое поставилъ его Кутузовъ!

Представились вопросы: какимъ образомъ преслѣдовать Наполеона? Куда вести армію, чтобы извлечь изъ его отступленія возможную пользу? Идти столбовою дорогою по пятамъ непріятельскимъ было невозможно, не подвергнувъ войскъ голоду. «Думаю», говорилъ Кутузовъ, «нанести Наполеону величайшій вредъ «параллельнымъ преслѣдованіемъ, и наконецъ «дѣйствовать на его операціонномъ пути». Вотъ свѣтлая мысль, послужившая основаніемъ дальнѣйшихъ движеній Кутузова. Онъ приказалъ арміи идти къ Вязьмѣ черезъ Кузово, Сулейку, Дуброву и Быкову; Милорадовичу съ двумя пѣхотными и двумя кавалерійскими корпусами слѣдовать между арміею и Смоленскою дорогою, сблизиться къ сей дорогѣ около Гжатска, и потомъ, идучи подлѣ нея въ направленіи къ Вязьмѣ, пользоваться всѣми случаями, удобными для нападенія на непріятеля; Платову, усиленному дивизіею Паскевича, преслѣдовать Французовъ съ тыла, и наконецъ, партизанамъ дѣлать набѣги въ головѣ и во флангѣ непріятельскихъ колоннъ. Распорядясь, Кутузовъ отдалъ слѣдующій приказъ по арміи: «Наполеонъ, «не усматривая впереди ничего другаго, кромѣ «продолженія ужасной народной войны, способ«ной въ краткое время уничтожить всю его «армію, видя въ каждомъ жителѣ воина, общую

«непреклонность на всѣ его обольщенія, рѣшимость всѣхъ сословій грудью стоять за любезное Отечество, постигнувъ наконецъ всю суетность дерзкой мысли: однимъ занятіемъ Москвы поколебать Россію, предпринялъ поспѣшное отступленіе вспять. Теперь мы преслѣдуемъ силы его, когда въ то же время другія наши арміи снова заняли край Литовскій и будутъ содѣйствовать намъ къ конечному истребленію врага, дерзнувшаго угрожать Россіи. Въ бѣгствѣ своемъ оставляетъ онъ обозы, взрываетъ ящики съ снарядами и покидаетъ сокровища, изъ храмовъ Божіихъ похищенныя. «Уже Наполеонъ слышитъ ропотъ въ рядахъ своего воинства, уже начались тамъ побѣги, голодъ и безпорядки всякаго рода. Уже слышенъ намъ голосъ Всеавгустѣйшаго Монарха, который взываетъ: *Потушите кровію непріятельскою пожаръ Московскій!* Воины! потщимся выполнить сіе, и Россія нами будетъ довольна, и прочный миръ водворится въ неизмѣримыхъ ея предѣлахъ. Богъ поможетъ намъ въ томъ, добрые солдаты Русскіе!»

Немедленно началось общее, предписанное Кутузовымъ движеніе войскъ за непріятелемъ. Французы кидали на дорогѣ раненныхъ, больныхъ, тяжести. Конница ихъ перестала показываться въ арріергардѣ; по недостатку въ кормѣ и подковахъ, лошади такъ ослабѣли, что конницу отвели за пѣхоту, безпрестанно ускорявшую отступленіе. Поспѣшность была непріятелю единственнымъ средствомъ скорѣе миновать пустыню, обнаженную отъ средствъ пропитанія, достигнуть Днѣпра, гдѣ Французы надѣялись найдти хлѣбные запасы, и вступить въ соединеніе съ корпусами Виктора и Сенъ-Сира, маршевыми батальонами, разными находившимися тамъ командами, депо и множествомъ солдатъ, отставшихъ отъ арміи и бродившихъ въ тылу ея. Постигая необходимость спѣшить, начиная отъ Маршаловъ до послѣдняго солдата, всѣ торопились. Между тѣмъ погода съ каждымъ днемъ становилась суровѣе. Холодный осенній вѣтеръ дѣлалъ непріятелямъ бивакн нестерпимыми, и рано, гораздо прежде зари выгонялъ ихъ изъ ночлеговъ. Въ потьмахъ снимались они съ лагеря и освѣщали путь свой фонарями. Всѣ роды войскъ старались обгонять другъ друга. При переходахъ черезъ плотины и мосты не было соблюдаемо ни какого порядка, и они загромождались обозами, препятствовавшими движенію войскъ. Взятые изъ Москвы и находившіеся на людяхъ запасы были скоро съѣдены; начали употреблять въ пищу лошадиное мясо. Цѣны на жизненные припасы, теплую одежду и обувь увеличивались съ каждымъ днемъ и часомъ. Сворачивать съ дороги для добыванія продовольствія было невозможно: казаки рыскали по сторонамъ, кололи и брали всѣхъ, кто ни попадался. Къ Донцамъ и авангарду Милорадовича присоединялись сосѣднихъ селеній крестьяне, не рѣдко во Французскихъ плащахъ, киверахъ, каскахъ съ лошадиными хвостами; стальныхъ кирасирскихъ нагрудникахъ. Иной былъ съ косою, другой съ большимъ гвоздемъ, утвержденнымъ въ дубинѣ, третій съ рогатиною, немногіе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Они выѣзжали изъ лѣсовъ, гдѣ скрывались ихъ семейства, привѣтствовали появленіе Русскаго войска, поздравляли его съ бѣгствомъ супостата, и изливали на враговъ, въ послѣдній разъ, на прощанье, свое праведное мщеніе. Страхъ попасть въ руки казакамъ и крестьянамъ превозмогалъ въ непріятеляхъ чувство голода и удерживалъ ихъ отъ мародерства. Враги начинали бросать оружіе, чему первые подали примѣръ спѣшенные всадники, получившіе въ Москвѣ вооруженіе пѣхотныхъ солдатъ. Мѣшаясь между полками, они положили корень страшному злу — неподчиненности. Изъ безоружныхъ составились сперва небольшія толпы. Тащась за войскомъ, онѣ увеличивались подобно катящемуся снѣжному клубу. Больные и усталые безъ малѣйшаго состраданія были покидаемы на дорогѣ. Опасаясь потерять знамена, полковые командиры стали снимать ихъ съ древковъ, и вручали на сохраненіе надежнымъ и крѣпкаго сложенія солдатамъ, приказывая имъ прятать знамена въ ранцы или подъ мундиръ, обвязывая ихъ вокругъ тѣла. Ослѣпленные не предвидѣли, что ни какая сила человѣческая не возможетъ спасти не только знаменъ, но и всего ополченія, грозившаго

разгромить Россію! Миновавъ Гжатскъ, Наполеонъ не ѣхалъ болѣе верхомъ среди войскъ и сѣлъ въ карету, надѣвъ соболью шубу, покрытую зеленымъ бархатомъ, теплые сапоги и шапку.

Поспѣшность отступленія непріятелей не дозволила Милорадовичу догнать ихъ прежде Вязьмы. Здѣсь, Октября 22-го, онъ атаковалъ и разбилъ ихъ. Трофеями побѣды были 3 орудія, 2 знамя и 2.000 плѣнныхъ. Миновавъ Вязьму, Кутузовъ приказалъ Милорадовичу идти по пятамъ непріятелей и тѣснить ихъ сколько можно больше; Платову стараться съ правой стороны дороги опережать ихъ, и нападать на головы Французскихъ колоннъ; то же самое исполнять Графу Орлову-Денисову съ лѣвой стороны дороги; партизанамъ спѣшить къ Смоленску. Подтвердивъ всѣмъ симъ войскамъ приказаніе безпрестанно тревожить Французовъ, не давать имъ покоя ни днемъ, ни ночью, Кутузовъ пошелъ съ главною арміею влѣво, параллельно и на одной высотѣ съ Милорадовичемъ, намѣреваясь кратчайшимъ путемъ достигнуть Орши, если непріятель на нее станетъ отступать, а если Наполеонъ обратится на Могилевъ, то пресѣчь ему туда путь, и прикрыть край, доставлявшій Русской арміи запасы. Кутузовъ былъ непоколебимъ въ намѣреніи удержать Наполеона на разоренной Смоленской дорогѣ, выморить его на ней голодомъ и не пускать въ полуденныя губерніи, гдѣ онъ могъ найдти продовольствіе. Озабочиваясь, не свернетъ ли Наполеонъ влѣво, черезъ Ельню и Мстиславль, на Могилевъ, Кутузовъ не ограничился тѣмъ только, что самъ хотѣлъ вести армію путемъ, на которомъ могъ воспрепятствовать движенію Наполеона на Могилевъ, но велѣлъ заблаговременно ополченіямъ: Калужскому, усиленному казачьими и нѣсколькими полками регулярной конницы, идти изъ Калуги и Рославля къ Ельнѣ; Тульскому въ Рославль; Смоленскому въ Ельню, а Малороссійскому употребить всѣ средства для скорѣйшаго занятія Могилева. Таково было общее, послѣ Вяземскаго сраженія данное Кутузовымъ направленіе войскъ, когда непріятелямъ пришлось бороться съ новою, имъ дотолѣ неизвѣстною бѣдою — стужею. Забушевали вѣтры и поднялись метели. Ослѣпительною пеленою разостлался глубокій снѣгъ, и не переставалъ идти пять дней. Неподкованныя на шипы, Французскія лошади падали подъ пушками, обозами и сѣдоками. Французы валялись по дорогамъ мертвые и умиравшіе, ползали, какъ гады, по пепелищамъ селеній, вокругъ опрокинутыхъ фуръ, взорванныхъ пороховыхъ ящиковъ. Иные теряли разсудокъ. Въ такомъ положеніи привелъ армію Наполеонъ, Октября 31-го въ Смоленскъ, куда она спѣшила, какъ въ обѣтованную землю, не сомнѣваясь, что остановится тамъ. Мысль зимовать въ Смоленскѣ поддерживала утомленныхъ, согрѣвала замерзавшихъ; каждый напрягалъ послѣднія силы, для достиженія города, гдѣ должны были кончиться злоключенія. Завидя издали верхи Смоленска, непріятели ликовали, забывали голодъ и стужу, въ безпорядочныхъ толпахъ, тысячами, ломились въ городъ. Отъ тѣсноты въ воротахъ убивали другъ друга, бѣжали къ мнимымъ запасамъ, на теплыя жилья; но, внезапно, какъ громовой ударъ, поразила ихъ вѣсть, что нѣтъ припасовъ и помѣщенія въ домахъ, что въ Смоленскѣ не останавливаются и надобно идти дальше. Къ усугубленію ихъ бѣдствій, сдѣлался сильный морозъ, болѣе нежели въ 20-ть градусовъ. По несчастію, стужа была непродолжительна, и на другой день оттеплѣло, безъ чего немедленная погибель враговъ была неотвратима. Смоленскъ представлялъ ужасное зрѣлище. Отъ Московской заставы до Днѣпра дорога была усѣяна человѣческими трупами и падалищемъ. Московское предмѣстіе отъ пожаровъ сдѣлалось полемъ. На немъ и на снѣжной поверхности Днѣпра стояли фуры, зарядные ящики, лазаретныя кареты, пушки, понтоны, лежали ружья, пистолеты, штыки, барабаны, кирасы, кивера, медвѣжьи шапки, музыкальные инструменты, шомпола, тесаки, сабли. На набережной, между мертвыми тѣлами, стоялъ длинный рядъ фуръ, еще съ невыпряженными, но упавшими лошадьми, и едва дышавшими на козлахъ погонщиками. Индѣ лежали лошади съ выпущенною внутренностью и разрѣзанными животами, куда вполза-

ли непріятели согрѣться, или кониной утолить голодъ. Гдѣ оканчивается набережная, по дорогѣ около городовой стѣны, въ 6 и болѣе рядовъ, слишкомъ на 5-ти верстахъ, брошены были зарядные и патронные ящики, Московскія коляски, кареты, дрожки, военныя кузницы. Непріятели кутались отъ холода въ священническія рясы, стихари, женскіе салопы, обертывали ноги соломою, на голову надѣвали капоры, жидовскія шапки, рогожи. Большая часть проклипали Наполеона, изрыгали богохуленія, а иные, съ отчаянія разстегнувъ мундиръ и обнажа грудь, призывали смерть и падали подъ ея косою.

Доведя Наполеона до столь бѣдственнаго положенія и вѣдая о каждомъ шагѣ его посредствомъ летучихъ отрядовъ, Кутузовъ умѣлъ скрыть отъ Наполеона движенія свои. Наполеонъ думалъ, какъ видимъ изъ его предписаній Маршаламъ, что Кутузовъ шелъ не параллельно съ Французскою арміею, но позади нея, а Кутузовъ продолжалъ между тѣмъ свое боковое движеніе вокругъ Смоленска, получая ежедневно донесенія отъ передовыхъ войскъ о пораженіяхъ непріятеля. Уже отъ Москвы до Смоленска были взяты у Французовъ сотни пушекъ и десятки тысячь плѣнныхъ. Поздравляя армію съ успѣхами, Кутузовъ говорилъ войску въ приказѣ: «Послѣ чрезвычайныхъ успѣховъ, одерживаемыхъ нами ежедневно и повсюду надъ непріятелемъ, остается только быстро его преслѣдовать, и тогда, можетъ быть, земля Русская, которую мечталъ онъ поработить, усѣется костьми его. И такъ, мы будемъ преслѣдовать неутомимо. Настаютъ зима, вьюги и морозы; но вамъ ли бояться ихъ, дѣти Сѣвера? «Желѣзная грудь ваша не страшится ни суровости непогодъ, ни злости враговъ: она есть «надежная стѣна Отечества, о которую все сокрушается. Вы будете умѣть переносить и «кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и «терпѣніемъ; старые служивые дадутъ примѣръ «молодымъ. Пусть всякій помнитъ Суворова: «онъ научалъ сносить и голодъ и холодъ, когда «дѣло шло о побѣдѣ и славѣ Русскаго народа. «Идемъ впередъ! Съ нами Богъ! Передъ нами «разбитый непріятель! Да будутъ за нами ти«шина и спокойствіе!»

Не найдя возможности остановиться въ Смоленскѣ, Наполеонъ выступилъ, Ноября 2-го, изъ Смоленска къ Красному. Въ тотъ же день двинулся туда Кутузовъ съ Мстиславльской дороги, предшествуемый Милорадовичемъ. Къ изумленію Наполеона, Ноября 3-го, Русскіе стояли во флангѣ Французской арміи. Начались четырехъдневныя Красненскія битвы: 3-го числа разбитъ арріергардъ ведомой Наполеономъ передовой колонны Французской арміи; 4-го разсѣянъ корпусъ Вице-Короля Италійскаго; 5-го Кутузовъ поразилъ корпусъ Даву и предводимыя лично Наполеономъ войска, а 6-го уничтоженъ корпусъ Маршала Нея. Трофеями Красненскихъ сраженій были 26,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 6 Генераловъ, 116 пушекъ, знамена, штандарты и несмѣтный обозъ. Убитымъ и погибшимъ отъ ранъ Французамъ счета свести нельзя: вражескіе трупы лежали кучами на поляхъ и дорогахъ, въ лѣсахъ, и на Днѣпрѣ. Съ нашей строны выбыло изъ строя 2000 человѣкъ. Малочисленность нашей потери объясняется искусными дѣйствіями Кутузова подъ Краснымъ. Онъ не становился съ арміею на перерѣзъ пути Наполеона, но довольствовался истребленіемъ по одиначкѣ корпусовъ его, разсчитывая, что каждый день дальнѣйшаго отступленія непріятелей, по причинѣ голода, морозовъ и безпрестанныхъ нападеній на нихъ, будетъ Наполеону истиннымъ пораженіемъ, влача за собою гибель множества людей, а между тѣмъ Русскія войска оставались цѣлы. Въ Бородинѣ, гдѣ Императоръ Александръ и честь Россіи требовали битвы, Кутузовъ не усомнился помѣрять силъ своихъ съ Наполеономъ, озареннымъ лучами непобѣдимости и имѣвшимъ войско многочисленнѣйшее противъ нашего. Подъ Малоярославцомъ Кутузовъ предлагалъ завоевателю бой, необходимый для преграждения Наполеону пути въ Калугу, но въ Красномъ Кутузовъ не пошелъ въ тылъ Наполеону, слабѣйшему числомъ, почитая такое дѣйствіе безполезною растратою Русскихъ войскъ. Не подлежало сомнѣнію, что полки Наполеона,

лично имъ предводимые, увидѣвъ себя отрѣзанными, предпочли бы скорѣе смерть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели плѣнъ. Отчаяніе придало бы имъ новыя силы, и пролилось бы много Русской крови для полученія того, что можно было пріобрѣсть безъ потерь. До прихода къ Красному, войска Наполеона претерпѣвали страшныя бѣдствія, долженствовавшія увеличиваться съ каждымъ шагомъ и часомъ. Стоило только запастись терпѣніемъ на *нѣсколько дней*, и тогда, безъ принесенія особенныхъ жертвъ, можно было ожидать разрушенія главной арміи Наполеона. Въ сраженіи 5-го Ноября, замѣтя неудовольствіе окружавшихъ его, за чѣмъ не становится онъ на путь отступленія Наполеона, Кутузовъ сказалъ: «За десятерыхъ Французовъ не отдамъ я «одного Русскаго. Непріятели скоро всѣ про«падутъ, а если мы потеряемъ много людей, то «съ чѣмъ придемъ на границу?» А за сею границею, куда указывалъ Кутузовъ, была еще вся противъ Россіи вооруженная и Наполеону раболѣпно повиновавшаяся Европа. Соображенія Кутузова сбылись. Послѣ Красненскихъ сраженій рушился составъ Наполеоновой арміи. Она обратилась въ нестройныя, безобразныя кучи одурѣлыхъ людей, помышлявшихъ только о личномъ спасеніи. Столь огромно было количество забираемыхъ ежедневно Кутузовымъ плѣнныхъ и орудій, что — примѣръ въ военныхъ лѣтописяхъ не бывалый — пушки и плѣнниковъ перестали полагать въ числѣ трофеевъ. Въ одной Смоленской губерніи найдено послѣ изгнанія изъ нея непріятелей, 423 Французскія пушки. Въ награду за пораженія, нанесенныя Наполеону въ сей губерніи, Императоръ Александръ повелѣлъ Кутузову именоваться Смоленскимъ.

Нанеся подъ Краснымъ смертельный ударъ Наполеоновой арміи, Кутузовъ послалъ Милорадовича съ тремя корпусами и Платова съ 20-ю казачьими полками преслѣдовать ее, а самъ пошелъ на Копысъ, гдѣ намѣревался переправиться черезъ Днѣпръ и быть на кратчайшей чертѣ къ Борисову. Здѣсь, по распоряженіямъ Императора Александра, на берегахъ Березины должны были Чичаговъ и Графъ Витгенштейнъ встрѣтить и уничтожить остатки разбитой Кутузовымъ Французской арміи. Восторжествовавъ надъ Наполеономъ, побѣдитель подъ Краснымъ знаменовалъ каждый шагъ свой добромъ. Многочисленнымъ плѣннымъ оказывалъ онъ возможное пособіе; генераловъ и полковниковъ Французскихъ приглашалъ къ своему обѣденному столу, хвалилъ мужество ихъ и славилъ прежнія побѣды Наполеона. На границѣ Смоленской губерніи, входя въ Могилевскую, требовалъ онъ отъ арміи дружелюбнаго обращенія съ жителями, введенными въ заблужденіе провозглашеніями Наполеона. «Воспрещаю», говорилъ онъ въ приказѣ по арміи, «всякій духъ мщенія, «даже нареканія въ чемъ либо жителямъ Бѣло«русскимъ, тѣмъ паче причиненіе имъ обидъ и «притѣсненій. Да встрѣтятъ они въ насъ братьевъ, «защитниковъ отъ общаго врага и утѣшителей «въ томъ, что потерпѣли они въ кратковремен«ную бытность подъ игомъ насильственной «власти. Съ пришествіемъ нашимъ да водво«рится между ними тишина и спокойствіе». Императора Александра просилъ Кутузовъ удостоить Монаршаго благоволенія поселянъ Московской и Калужской губерній. «Непріятель», говорилъ онъ въ донесеніи своемъ Государю, «употребилъ всѣ усилія, которыми можно обольстить другіе народы; разливалъ серебро, чтобы «привлечь ихъ на свою сторону и тѣмъ сихъ мир«ныхъ людей противопоставить Правительству, «но ничто не могло поколебать ихъ христолю«бивыхъ сердецъ, одушевленныхъ любовію къ «Высочайшему Престолу. Съ мученическою твер«достью переносили они всѣ удары, сопряжен«ные съ нашествіемъ непріятеля, скрывали въ «лѣса свои семейства и малолѣтныхъ дѣтей, «а сами, вооруженные, искали пораженія въ мир«ныхъ жилищахъ своихъ появляющимся хищни«камъ. Нерѣдко самыя женщины хитрымъ обра«зомъ уловляли сихъ злодѣевъ и наказывали «смертію ихъ покушенія; нерѣдко вооруженные «поселяне, присоединяясь къ нашимъ парти«занамъ, весьма имъ способствовали въ истре«бленіи врага. Можно безъ увеличенія сказать, «что многія тысячи непріятеля истреблены «крестьянами. Подвиги сіи столь велики, много«численны и восхитительны духу Россіянина,

«что единственно торжественное изъявленіе Вы«сочайшаго Вашего Императорскаго Величества Отеческаго благоволенія къ симъ гу«берніямъ можетъ имъ воздать, что я всепод«даннѣйше и испрашиваю».

Отслуживъ въ Копысѣ, на берегахъ Днѣпра, благодарственный молебенъ Богу Побѣдодавцу, Кутузовъ двинулся къ Березинѣ. На пути огорчила его вѣсть о переправѣ Наполеона черезъ сію рѣку. Сначала Кутузовъ не повѣрилъ извѣстію, ибо принятыя имъ мѣры, казалось, долженствовали поставить Наполеону неодолимую преграду на берегахъ Березины. Не долго продолжалось сомнѣніе Кутузова: подтвердительныя донесенія о переправѣ Наполеона приходили одни за другими. Досада Кутузова была чрезвычайная. Когда миновались первыя вспышки гнѣва его, онъ сказалъ: «Богъ довер«шитъ то, чего не умѣли сдѣлать наши генера«лы. Немногаго не доставало, и нашъ братъ, «Псковской дворянинъ взялъ бы Наполеона въ «плѣнъ!» Еще не изгладилось изъ памяти современниковъ великое тогда значеніе Наполеона, а потому понятно прискорбіе Кутузова при извѣстіи о прорывѣ Наполеона черезъ Березину; но тѣнь нашего Полководца должна утѣшиться тѣмъ, что онъ первый нанесъ смертельный ударъ неукротимому завоевателю. Спрашивали: почему не лежалъ Кутузовъ на плечахъ Наполеона у Березины? Два дня удержанный подъ Краснымъ необходимостію выждать пораженія Нея, Кутузовъ не могъ выступить оттуда прежде 8-го Ноября, когда Наполеонъ уже переправлялся черезъ Днѣпръ, въ Оршѣ. Непріятели были далеко впереди нашей главной арміи, на дорогѣ кратчайшей, гдѣ нельзя было идти Кутузову, по причинѣ совершеннаго ея разоренія, и потому обратился онъ влѣво, на Копысъ, отправивъ впередъ Милорадовича съ третьею частью арміи, предшествуемаго посланными къ Копысу отрядами, для разогнанія находившихся тамъ непріятельскихъ командъ и наведенія моста на Днѣпрѣ. Слѣдовательно, для переправы Милорадовича, а за нимъ Кутузова съ главною арміею, надлежало предварительно поставить мостъ, между тѣмъ, какъ Наполеонъ переходилъ черезъ Днѣпръ по готовому, существовавшему въ Оршѣ мосту. Такова была главная причина, почему ни Кутузовъ съ главною арміею, ни Милорадовичъ, не поспѣли на Березину во время переправы Наполеона. Полагая спасеніе въ одной быстротѣ движенія, Наполеонъ, не взирая на тьму людей, падавшихъ отъ усталости при усиленныхъ переходахъ, шелъ такъ скоро, что нашей главной арміи не возможно было догнать его. Но силясь нанесть Наполеону возможный вредъ при Березинѣ, гдѣ должны были встрѣтить его Чичаговъ и Графъ Витгенштейнъ, Кутузовъ отрядилъ за Французами всѣхъ партизановъ, Платова съ 13-ю Донскими полками, и Милорадовича съ однимъ кавалерійскимъ корпусомъ и 54-мя батальонами пѣхоты. Такимъ образомъ, по распоряженіямъ Кутузова, должно было находиться у Березины столько войскъ, что побѣда казалась неотъемлемою. Чичаговъ съ Дунайскою арміею стоялъ впереди Наполеона; Графъ Витгенштейнъ вправо отъ него; по пятамъ непріятеля шли Платовъ и Милорадовичъ. Назначивъ такое большое количество силъ на встрѣчу, въ правое крыло и тылъ Французовъ, Кутузову съ другими войсками не оставалось инаго пути, какъ идти влѣво, дабы ударить на Наполеона, если онъ обратится къ нижней Березинѣ, или Бобруйску. Вынужденный ожидать подвозовъ продовольствія и построенія моста въ Копысѣ, Кутузовъ не могъ скоро переправиться черезъ Днѣпръ. Кромѣ того, Русскую армію, шедшую безостановочно изъ Тарутина, и на пути выдержавшую сраженія подъ Малоярославцомъ, Вязьмою и Краснымъ, надобно было сохранить въ возможномъ устройствѣ, какъ надежный оплотъ, «дабы,» говоря словами Кутузова, «было съ чѣмъ придти на границу.» Вотъ еще его слова, тогда же сказанныя: «Европа должна видѣть, что наша главная ар«мія дѣйствительно существуетъ, не есть при«зракъ, или тѣнь. Правда, она уменьшается на «маршѣ, но мѣсяцъ покоя и хорошія квартиры «оправятъ ее. Только сильная армія можетъ «дать намъ вѣсъ въ дѣлахъ политическихъ и «склонить Германію на нашу сторону». Если Чичаговъ и Графъ Витгенштейнъ такъ мало

успѣли задержать Наполеона на Березинѣ, что изъ всѣхъ войскъ, отряженныхъ съ Милорадовичемъ, котораго самъ Суворовъ называлъ «крылатымъ», поспѣлъ къ Стаховскому сраженію только авангардъ его, то тѣмъ менѣе возможно было главной арміи придти туда въ урочное время, и когда? въ глухую осень, проселками, среди вьюгъ и метелей. Кутузовъ не хотѣлъ раскидать по дорогамъ основной силы Русской арміи, преимущественно носившей на себѣ всю тягость необычайнаго похода. Война далеко не была кончена. За Березиною стояли корпуса Макдональда, Князя Шварценберга и Ренье, а между Одеромъ и Нѣманомъ былъ корпусъ Маршала Ожеро. Соединивъ сіи корпуса, находившіеся въ полномъ числѣ людей, Наполеонъ могъ еще имѣть грозное ополченіе, противъ котораго надобно было сохранить достаточно силъ. Принимая въ соображеніе свойства и могущество Наполеона, часто говаривалъ Кутузовъ, что и по изгнаніи его изъ Россіи война не прекратится, и намъ будетъ предстоять новая, можетъ быть, ужаснѣе первой, борьба съ Европою. Онъ полагалъ недостаточнымъ отбить нашествіе Наполеона, и нося на своихъ плечахъ оборону Царства Русскаго, распространялъ виды на будущее, представлявшее еще длинный рядъ усилій для окончанія того, что началъ онъ съ необычайнымъ успѣхомъ, разсѣявъ въ прахъ главную армію Наполеона. Впрочемъ, если Наполеонъ избѣгнулъ на Березинѣ конечнаго пораженія и плѣна, то черезъ нѣсколько дней послѣ переправы, боковые корпуса его, еще сохранявшіе нѣкоторый порядокъ, смѣшались съ безоружною, растерзанною главною Французскою арміею, и съ нею вмѣстѣ побѣжали къ Вильнѣ, на встрѣчу лютѣйшихъ бѣдствій.

Безмолвный свидѣтель гибели войскъ, чувствуя свое безсиліе отвратить ее, Наполеонъ убѣдился въ необходимости бѣжать изъ Россіи, оставляя на жертву Кутузову остатки издыхавшихъ армій своихъ. Передъ отъѣздомъ своимъ хотѣлъ отъ предварить Европу о постигшемъ его злополучіи, и обнародовалъ свой знаменитый 29-й бюллетень, слагая въ немъ потерю армій на лютость мороза. По случайному стеченію обстоятельствъ, Наполеонъ издавалъ 29-й бюллетень въ тотъ самый день, когда Кутузовъ разослалъ во всѣ губерніи печатное извѣстіе о торжествѣ Россіи. Онъ говорилъ: «Успѣхи Россійской арміи въ преслѣдованіи непріятеля «часъ отъ часа становятся разительнѣе и быстрѣе. Каждый шагъ ея впередъ есть побѣда, «гибельная для враговъ нашего Отечества, для «враговъ Европы. Теперь Россія представляетъ «вселенной зрѣлище величественное. Смѣло можно сказать, что всѣ племена, не выключая и «тѣхъ несчастныхъ рабовъ самовластія, которые вооружены противъ нея робостью и безсиліемъ, ожидаютъ побѣдъ ея, въ надеждѣ «пріобрѣсть отъ нихъ миръ и благоденствіе. Съ «одной стороны мы видимъ мужественную армію: полки ея не разстроены, воиновъ ея оживляетъ возвышенное чувство мщенія за родину, за расхищеніе отеческихъ городовъ и селъ, «мщеніе за человѣчество; ихъ оживляетъ слава. «Они не знаютъ изнуренія, не терпятъ нужды, «а если иногда и ощущаютъ нѣкоторый недостатокъ, почти неизбѣжный при стремительномъ преслѣдованіи врага, то сносятъ оный «бодро, ибо имѣютъ въ виду побѣду. Съ другой являются развалины страшнаго ополченія, «въ которомъ многочисленныя націи иноплеменниковъ соединены были во едино, дабы уничтожить могущественный народъ въ нѣдрѣ «его отчизны. Ихъ ободрялъ успѣхъ, но этотъ «успѣхъ былъ обманъ. Одинъ сильный ударъ «привелъ въ разстройство сильную громаду: «бѣгутъ, преслѣдуемые ужасомъ; имъ сопутствуетъ голодъ; не имѣя пищи, принуждены, «въ бѣшенствѣ отчаянія, пожирать мертвыхъ «лошадей, принуждены, чему едва повѣрятъ «современники, какъ дикіе съѣдать своихъ изнуренныхъ братій! Тѣ дороги, по коимъ мечтали они возвратиться съ добычею и торжествомъ, усѣяны мертвыми ихъ трупами. Раненые и больные брошены на пути въ жертву голоду и холоду. Всѣ сіи несчастные, «осужденные погибнуть вдали отъ своего отечества, на разныхъ языкахъ проклинаютъ «властолюбіе, причиняющее ихъ погибель. А «тѣ, которые остались еще подъ знаменами раз-

«строенныхъ полковъ, слѣдуютъ за ними безъ «мужества и надежды, слабы, потеряли довѣ-«ренность къ фортунѣ своего военачальника. «Пушки ихъ достаются въ добычу сотнями; «они сами сдаются цѣлыми отрядами, бросаютъ «оружіе при первомъ выстрѣлѣ, или сражаются «изъ одного отчаянія. Таково положеніе двухъ «армій, коими теперь рѣшится судьба толикихъ «народовъ.

Для скорѣйшаго рѣшенія столь великаго вопроса, Кутузовъ распорядился неослабнымъ преслѣдованіемъ непріятелей къ Вильнѣ. Онъ поручилъ главную армію Тормасову, а самъ отправился въ средоточіе отдѣльныхъ армій, для личнаго руководства ими на конечное истребленіе Французовъ, уже не предводимыхъ болѣе Наполеономъ. Ноября 23-го, при 28-ми градусахъ мороза, онъ помчался изъ Сморгонъ въ Ковно, и проведя въ Россіи 5 мѣсяцовъ и 14 дней, на зарѣ 26-го, въ день Св. Георгія Побѣдоносца, вырвался бѣглецомъ изъ нашихъ границъ, недавно мечтавши отодвинуть ихъ за Днѣпръ, можетъ быть и далѣе. Жалкіе остатки полчищъ его, порученные Наполеономъ Мюрату, продолжали бѣгство къ Вильнѣ. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ Кутузовымъ, они не могли остановиться въ Вильнѣ, и устремились за Нѣманъ. Кутузовъ немедленно отправился въ Вильну, коль скоро получилъ донесеніе о занятіи сего любимаго имъ города, гдѣ дважды былъ онъ Военнымъ Губернаторомъ. Ноября 30-го пріѣхалъ онъ въ Вильну. Мгновенно произошла въ главной квартирѣ его разительная перемѣна противъ того, что привыкли мы видѣть въ ней со времени прибытія его къ арміи, въ Царевомъ-Займищѣ. Вмѣсто разоренной деревушки, наполненной одними кочевавшими въ ней военными и должностными людьми, вмѣсто крестьянской избы, куда входъ бывалъ прямо изъ сѣней, и въ которой видали Кутузова на складныхъ креслахъ, облокоченнаго на планы и карты, борющагося съ первымъ полководцомъ нашего вѣка, явился замокъ, вокругъ заставленный каретами, колясками, санями. Толпы дворянъ и чиновниковъ, въ губернскихъ Русскихъ мундирахъ, плѣнные генералы и офицеры всѣхъ Державъ, иные на костыляхъ, страждущіе, блѣдные, другіе бодрые, веселые, депутаты университета, города, Еврейскихъ кагаловъ, поэты съ одами, всѣ тѣснились на крыльцѣ, на лѣстницѣ и въ залахъ Кутузова. Въ театрѣ давали представленіе, гдѣ на сценѣ сіяло ярко освѣщенное изображеніе Кутузова, съ надписью: «Избавителю Отечества». Начальники театральнаго управленія просили Кутузова удостоить театръ посѣщеніемъ своимъ, готовя ему торжественную встрѣчу. Онъ не принялъ приглашенія, остался въ замкѣ, и въ тотъ же вечеръ разослалъ въ арміи и отдѣльные корпуса заблаговременно составленныя имъ распоряженія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Они имѣли цѣлью преслѣдовать Мюрата и вытѣснить изъ Россіи отдѣльные корпуса, Князя Шварценберга, Макдональда и Ренье.

Погоня за Мюратомъ представляла зрѣлище невиданное. Армія, за 5-ть мѣсяцовъ состоявшая болѣе чѣмъ изъ полумилльона людей, во всей воинской силѣ и красотѣ, озаряемая блескомъ славы, одушевленная воспоминаніями чудесныхъ успѣховъ, бѣжала безъ оглядки, преслѣдуемая горстью казаковъ! Донцы напирали, сколько позволяли силы людей и лошадей, и настигая Французовъ, ударяли въ дротики, или били въ нихъ изъ пушекъ, везомыхъ на полозьяхъ. Всѣ желанія Мюрата, Маршаловъ и скопищъ ихъ, состояли въ поспѣшномъ достиженіи предѣловъ Россіи, всѣ ихъ военныя соображенія сосредоточились въ быстротѣ ногъ. Ноября 30-го Мюратъ прибылъ въ Ковно, гдѣ надѣялся сколько нибудь собрать людей подъ защитою еще лѣтомъ сдѣланныхъ Французами укрѣпленій, между тѣмъ вывезть изъ города часть запасовъ, а прочее сжечь. «Но», доносилъ Маршалъ Бертье Наполеону, «едва пришла «гвардія и съ нею безоружныя толпы, какъ всѣ «мѣры, принятыя для сохраненія порядка, ока-«зались тщетными. Гвардія вмѣстѣ съ толпами «начали грабить, въ городѣ вспыхнули пожары, «и люди предались всякаго рода насильствамъ. «Я долженъ доложить Вашему Величеству, что «армія совершенно разсѣяна, и распалась даже «ваша гвардія; въ ней подъ ружьемъ отъ 400 «до 500 человѣкъ. Генералы и офицеры поте-

«ряли все свое имущество. Почти у каждаго «отморожены руки, или ноги, или уши, или носъ. «Дороги покрыты трупами; корчмы и домы ими «завалены. Армія составляетъ одну длинную «колонну въ нѣсколько лье; въ безпорядкѣ высту-«паетъ она поутру, и въ безпорядкѣ приходитъ «на ночлегъ». Донцы гнали передъ собою Французскій арріергардъ, какъ безпорядочную кучу одурѣвшихъ, замерзавшихъ людей. Французы не помышляли болѣе объ обязанностяхъ службы, оживляемые только чувствомъ самосохраненія. Наконецъ враги начали переходить въ разныхъ мѣстахъ по льду черезъ Нѣманъ. Генералы и солдаты, офицеры и слуги, покрытые тряпьемъ, блѣдные, съ потухшими глазами, небритою бородою, ускоряли бѣгство, толкая другъ друга и торопясь выбраться скорѣе изъ Россіи, осыпаемой ими всевозможными проклятіями. Издыханіе главной арміи Наполеона было страшно, какъ гнѣвъ Божій, наказующій злодѣянія и святотатство. Мятели, морозъ, голодъ, казаки гнали войско иноплеменное въ челюсти неслыханной смерти. Люди являлись тутъ лежащіе на ободранной падали, сосали изъ нея кровь, рвали изъ нея сырое мясо, умирали въ мученіяхъ, стиснувъ зубами собственную свою руку, или комъ земли, смѣшанный съ снѣгомъ, или оледенѣвшій кусокъ конскаго кала. Они тащились къ огнямъ и погибали въ пламени, или на каленыхъ угляхъ; у инаго горѣли ноги; у другаго голова. Полунагіе зарывались въ горячій пепелъ, обжигали все тѣло, и за минутную теплоту платили жизнью; устремлялись къ огню, торопились отогрѣвать лица, но головы ихъ обнимались пламенемъ, волоса загарались, трещали, и враги съ безсильными воплями оканчивали земное страданіе. Отъ голода кусали они лежавшихъ на землѣ людей, въ которыхъ иногда тлѣла еще искра жизни, не давали имъ времени испустить духъ; и съ видомъ ослабляющагося удовольствія рѣзали умиравшихъ, пожирали соратника, друга, можетъ быть брата, и вскорѣ въ свою очередь содѣлывались добычею до изступленія доведенныхъ товарищей. Иной, хрипящимъ голосомъ жаловался, что онъ весь хладѣетъ, мерзнетъ, уже не чувствуетъ ни ногъ, ни рукъ. И вдругъ, среди вздоховъ, визга и скрежета зубовъ раздавался дикій хохотъ. Иной обезумѣвшій, воображая армію Наполеона въ прежней силѣ, сзывалъ товарищей бить Русскихъ, мечталъ, что онъ въ пылу сраженія, произносилъ побѣдные клики. Другой сумасшедшій испускалъ самый горестный плачъ, или, представляя себѣ, что находится въ родительскомъ домѣ, обращался съ рѣчами къ матери, отцу, дѣтямъ. За мгновеннымъ перелетомъ мысли къ прежнимъ семейнымъ радостямъ слѣдовало предмогильное оледенѣніе отъ яростной стужи, бореніе души съ гробовымъ хладомъ. Стоны страдальцовъ раздавались на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, и пришлецы засыпали на Русской землѣ съ такими муками, что казалось, смерть не мирила Творца съ твореніемъ. Въ остаткахъ главной арміи Наполеона, выброшенной Кутузовымъ изъ границъ Россіи, было строевыхъ до 1500 человѣкъ и 9-ть пушекъ, то есть, сотая доля орудій, находившихся при сей арміи, когда она вломилась въ Россію. Донесеніе Кутузова Императору Александру о столь великомъ событіи заключается слѣдующими выраженіями: «Исполнились «слова Вашего Императорскаго Величества: «усѣяна дорога костями непріятельскими! Да воз-«несетъ всякій Россіянинъ благодарственныя «молитвы ко Всевышнему, а я почитаю себя «счастливѣйшимъ изъ подданныхъ, бывъ избранъ «благодѣтельною Судьбою исполнителемъ Высо-«чайшей воли Вашего Императорскаго Вели-«чества».

«Изгнаніе главной арміи Наполеона изъ Рос-«сіи должно имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ «отступленіе отдѣльныхъ непріятельскихъ кор-«пусовъ», доносилъ Князь Кутузовъ Государю. Въ самомъ дѣлѣ, Макдональду, Князю Шварценбергу и Ренье оставалось одно — скорѣе уходить: имъ нечего было дѣлать въ Россіи, развѣ только искать безплодныхъ битвъ, вѣрнаго пораженія. Кутузовъ направилъ войска въ обходъ сихъ непріятельскихъ корпусовъ, и они поспѣшно отступили за предѣлы наши. Тѣмъ заключилъ Кутузовъ дѣйствія свои въ Отечественной Войнѣ. Изъ 700,000 непріятелей вооруженныхъ и нестроевыхъ, при началѣ и въ продолженіе Оте-

чественной войны введенныхъ Наполеономъ въ Россію, не возвратилось назадъ и десятой части. Слишкомъ 600,000 человѣкъ погибли въ сраженіяхъ, отъ болѣзней, ранъ, голода, стужи, убиты поселянами, взяты въ плѣнъ съ бою, или сдались добровольно, предпочитая временную неволю неизбѣжной смерти. Плѣнныхъ осталось въ Россіи до 200,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 48 генераловъ и болѣе 4000 офицеровъ. Много человѣческихъ тѣлъ находилось въ рѣкахъ, озерахъ и болотахъ, было съѣдено хищными звѣрями и сгнило въ лѣсахъ, пещерахъ и разсѣлинахъ горъ, куда во время бѣгства своего укрывались враги. Растерявъ людей, Наполеонъ утратилъ все огнестрѣльное и бѣлое оружіе, казну, армейскія тяжести, лошадей и награбленную въ Россіи добычу. Хотя, въ бѣгствѣ своемъ, онъ сожигалъ, ломалъ и топилъ знамена, штандарты, оружіе и обозы, однакожъ за всѣмъ тѣмъ отбито у непріятелей силою, или покинуто ими на дорогахъ великое количество казны, коммиссаріатскихъ и провіантскихъ запасовъ, артиллерійскихъ снарядовъ, обозовъ, болѣе ста знаменъ и штандартовъ и болѣе 1000 пушекъ. Таковы были трофеи Отечественной войны, по количеству своему не имѣвшіе равныхъ себѣ въ Исторіи. Пространство отъ Москвы до Нѣмана, покрытое обломками Наполеоновыхъ армій, уподоблялось морскому берегу, на который разъяренныя волны выбрасываютъ остатки разбитыхъ бурею и потонувшихъ кораблей. Непріятельскія орудія свезены были въ Москву и сложены тамъ въ Кремлѣ, а знамена и штандарты поставлены въ Санктъ-Петербургскомъ Казанскомъ Соборѣ, гдѣ признательность Александра указала мѣсто вѣчнаго успокоенія Полководцу, подъ предводительствомъ коего пріобрѣтены тьмочисленные трофеи.

Подвигъ былъ совершенъ, но среди побѣдителей не доставало присутствія Александра, источника побѣды. Узнавъ о занятіи Кутузовымъ Вильны, Императоръ отправился туда изъ Петербурга. Декабря 11-го, Кутузовъ, въ полномъ генеральскомъ мундирѣ, котораго не видали мы на немъ во весь походъ, съ шарфомъ черезъ плечо, держа въ рукѣ строевой рапортъ, стоялъ у подъѣзда замка. Блѣдные лучи догаравшаго солнца, ударяя прямо на маститаго вождя, освѣщали величавое лицо его, побагровѣвшее отъ стужи. Вокругъ него всѣ сохраняли молчаніе, а онъ готовился къ торжественной для него минутѣ, когда могъ лично донести Монарху о спасеніи Отечества. Въ исходѣ 5-го часа по полудни раздались по улицамъ народныя восклицанія, и въ слѣдъ за тѣмъ примчалась на дворъ замка тройка запыхавшихся лошадей, запряженныхъ въ открытыя дорожныя сани, гдѣ, занесенный снѣгомъ и инеемъ, сидѣлъ Александръ. Кутузовъ поспѣшилъ ему на встрѣчу. Монархъ сжалъ его въ объятіяхъ, принялъ отъ него рапортъ и пошелъ во дворецъ рука объ руку съ побѣдоносцомъ. Первымъ дѣйствіемъ Императора была награда Архистратига Русскихъ силъ. По выходѣ Князя Кутузова изъ Государева кабинета, Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Толстой поднесъ на серебряномъ блюдѣ пожалованный ему орденъ Св. Георгія 1-й степени. На другой день Государь обѣдалъ у Кутузова. Во время стола палили изъ Наполеоновыхъ пушекъ Французскимъ порохомъ. Вечеромъ Государь присутствовалъ на балѣ у Кутузова. Получивъ за полчаса передъ баломъ отъ Платова непріятельскія знамена, Кутузовъ повергъ ихъ къ стопамъ Императора, при вступленіи Его Величества въ бальную залу. Праздникъ украшался воспоминаніемъ минувшихъ золъ, чувствомъ настоящей славы, убѣжденіемъ въ неодолимости Россіи.

Ежедневно удостоиваемый посѣщеніями и самымъ милостивымъ вниманіемъ къ нему Императора Александра, Кутузовъ стоялъ на верхнихъ ступеняхъ славы. Россія именовала его своимъ Избавителемъ. Мало осталось чертоговъ и хижинъ въ Имперіи, которыя не украсились изображеніемъ его. Со всѣхъ концовъ Государства обращались въ Петербургъ и Москву, прося о доставленіи его портретовъ. Не знали мѣры признательности; придумывали средства изъявить ему благодарность. Калужане хотѣли просить Императора Александра о дозволеніи поминать на эктеніяхъ имя Кутузова послѣ Императорской Фамиліи. «Оставьте это»,

отвѣчалъ Кутузовъ, «усердная служба наша «Отечеству не даетъ намъ права желать почестей, равныхъ съ тѣми, какія издревле предоставлены одной только фамиліи нашихъ Государей». Да, и что могло быть справедливѣе признательности согражданъ къ Полководцу? Августа 17-го принялъ онъ начальство надъ арміями противъ непобѣдимаго дотолѣ Наполеона, ломившагося въ Москву, а черезъ четыре мѣсяца уже не существовало Наполеоновой арміи. Въ сердцѣ каждаго Русскаго находили созвучіе краснорѣчивые слова, которыми изобиловали донесенія Кутузова Императору, приказы его къ войскамъ, печатныя извѣстія, разсылаемыя имъ по губерніямъ. Исполненный духомъ смиренія, какимъ Императоръ Александръ знаменовалъ всѣ дѣйствія Отечественной войны, Кутузовъ, на пути славы и побѣдъ, обратясь къ Престолу, чтобы повѣдать о чудесахъ брани, повергалъ славу земнаго вождя передъ вождемъ небеснымъ и восклицалъ: «Великъ Богъ!» Державинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій гремѣли ему на лирахъ; проповѣдники сравнивали его съ вождемъ Израиля. «Не минута нечаянности сближаетъ предъ нами память безсмертнаго Маккавея», говорилъ въ здѣшнемъ Казанскомъ Соборѣ знаменитый духовный витія Филаретъ — нынѣ Митрополитъ Московскій и Коломенскій — «Церковь предварила сей союзъ ихъ, своимъ «желаніемъ и предчувствіемъ: Промыслъ оправдалъ ея желанія событіемъ. Вы помните оный «благознаменитый день вѣры и любви къ Отечеству, когда, подвигнутая опасностью его, «Церковь взывала къ вамъ, именитые Россіяне, «предъ симъ самымъ алтаремъ, *да воздвигнетъ «изъ васъ Господь новыхъ Маккавеевъ* (*), и кто, «кромѣ Провидѣнія, или управилъ желаніе Церкви къ предопредѣленному событію, или устроилъ «событіе по ея мольбѣ? Кто, на гласъ сего желанія и сей мольбы, воздвигнулъ мужа, котораго дѣянія и судьба не могутъ точнѣе быть «изображены, какъ дѣеписаніемъ Маккавея? Кто «повелѣлъ, чтобы даже имя сего мужа соотвѣтствовало имени Маккавея, и оба имена сіи, подобно, какъ оба сіи мужи, возглашали единое «славословіе: Кто яко Богъ?»

Сознавая великость содѣяннаго имъ подвига, убѣжденный жить въ памяти вѣковъ, Кутузовъ былъ равнодушенъ къ мірской славѣ. Занявъ Вильну, онъ писалъ одной изъ дочерей своихъ: «Ты нѣсколько правду говоришь, опасаясь, «чтобъ Вильна не была для меня Капуею Аннибала. Я въ первый разъ постлалъ постель и «сталъ раздѣваться, чего не дѣлалъ во весь походъ. Я не могъ спать первую ночь въ Вильнѣ, въ томъ же домѣ, съ тѣми же мебелями, «которыя тутъ находились, когда я отсюда «выѣхалъ; комнаты были вытоплены для Бонапарте, но онъ не смѣлъ остановиться и, объѣхавъ вокругъ города, перемѣнилъ лошадей. «И такъ, этотъ Бонапарте, этотъ гордый завоеватель, бичъ человѣчества, или, лучше сказать, «бичъ Божій, бѣжитъ отъ меня нѣсколько сотъ «верстъ, какъ дитя отъ школьнаго учителя. Но «я не хочу болѣе объ этомъ распространяться— «боюсь возгордиться. Я могъ бы величаться, «бывъ первымъ Генераломъ, предъ которымъ «надменный Наполеонъ бѣжитъ, но Богъ смиряетъ гордыхъ, а потому не хочу впасть въ «грѣхъ». Другой дочери своей Кутузовъ писалъ: «Чѣмъ болѣе живу, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, «что слава — дымъ. Я всегда любилъ философствовать, но нынѣ болѣе, нежели когда либо. «Говорятъ, всякій возрастъ имѣетъ свои страсти; моя теперешняя страсть состоитъ въ безпредѣльной любви къ моимъ дѣтямъ. Я смѣюсь надъ собою, размышляя, съ какой точки «зрѣнія я смотрю на званіе мое, на мою власть, «и почести, меня окружающія; я въ то время «воспоминаю Катиньку (*), когда она сравнивала меня съ Агамемномомъ, и спрашиваю: «былъ ли Агамемнонъ счастливъ?»

(*) Воззваніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода къ Россійскому народу, въ началѣ войны 1812-го года, въ Казанскомъ Соборѣ, при собраніи Членовъ Синода, произнесенное первенствующимъ изъ нихъ Амвросіемъ, Митрополитомъ Новгородскимъ и Санктпетербургскимъ.

(*) Одна изъ внукъ Князя Михаила Ларіоновича, Графиня Катерина Ѳедоровна Тизенгаузенъ — нынѣ Фрейлина Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

По изгнаніи непріятелей изъ Россіи, Кутузовъ только часть войскъ послалъ преслѣдовать ихъ до Вислы, намѣреваясь дать арміямъ кратковременное отдохновеніе. Но Императоръ Александръ разсчитывалъ, что первымъ ручательствомъ успѣха новой брани долженствовали быть быстрота и обширность объема дѣйствій. Онъ хотѣлъ захватить, вырвать изъ цѣпей Наполеоновыхъ, сколько возможно, большую часть земель Европы, и не уставалъ поражать остатки полчищъ вражескихъ, разрушая тѣмъ и средства, и замыслы Наполеона, пока приготовлялъ онъ свои новыя силы. Въ слѣдствіе Высочайшей воли о немедленномъ перенесеніи войны за границу, Кутузовъ приказалъ арміямъ выступить впередъ изъ окрестностей Вильны. 1-го Января 1813-го года перешли онѣ черезъ Нѣманъ. Переступая рубежъ отечественной земли, Кутузовъ, въ приказѣ по арміи, отъ имени Россіи привѣтствовалъ каждаго воина избавителемъ Отечества, и говорилъ: «Надобно довершить «пораженіе непріятелей на собственныхъ поляхъ «ихъ». Въ сихъ словахъ заключалась вся цѣль начинавшагося похода. Потомъ, по волѣ Императора Александра, Кутузовъ издалъ слѣдующее печатное, на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, объявленіе: «При вступленіи предводи-«мыхъ мною армій въ границы Пруссіи, Импе-«раторъ повелѣваетъ мнѣ объявить, что движе-«ніе наше есть только слѣдствіе военныхъ дѣй-«ствій. Вѣрный всегдашнему своему правилу, «Его Императорское Величество не побу-«ждаемъ ни какими видами завоеванія. Даже по-«слѣ великихъ успѣховъ, коими Провидѣніе бла-«гословило Его праведныя усилія, умѣренность «Его остается неизмѣнна, имѣя цѣлью незави-«симость Государствъ и миръ. Императоръ «предлагаетъ ихъ и содѣйствіе свое всѣмъ на-«родамъ, которые, бывъ нынѣ вооружены про-«тивъ Россіи, оставятъ Наполеона и послѣду-«ютъ своимъ собственнымъ выгодамъ. Призы-«ваю ихъ воспользоваться настоящимъ благо-«пріятнымъ случаемъ и соединиться съ Русски-«ми арміями для преслѣдованія непріятеля, бѣг-«ство коего доказываетъ его безсиліе. Особенно «обращаюсь къ Пруссіи. Его Императорское «Величество намѣренъ положить конецъ ея «несчастіямъ, явить Королю доказательство «Своей дружбы, и возстановить Монархію Фри-«дриха въ прежнемъ ея блескѣ и пространствѣ. «Надѣюсь, что одушевленный чувствованіями, «которыя произведетъ въ душѣ его сіе откро-«венное объявленіе, Монархъ Пруссіи не при-«метъ ничего во уваженіе, кромѣ пользъ и же-«ланій подданныхъ своихъ. Въ семъ убѣжденіи, «Императоръ повелѣлъ мнѣ не поступать не-«пріязненно съ Прусскими областями, и, сколь-«ко военныя обстоятельства допускаютъ, облег-«чать участь Пруссаковъ».

Главная армія шла изъ Мереча къ Плоцку, гдѣ назначено было переправляться ей черезъ Вислу. Торжественно было шествіе Русскаго воинства по Пруссіи. Народонаселеніе городовъ и деревень встрѣчало Императора Александра съ глубокимъ, благоговѣйнымъ чувствомъ благодаренія. Кутузова привѣтствовали восклицаніями: «Да здравствуетъ великій старецъ! Да «здравствуетъ дѣдушка Кутузовъ!» Сопротивленія не встрѣчали. Добиваемые передовыми войсками нашими, полузамерзшіе остатки Наполеоновыхъ армій бѣжали за Вислу; Прусскія войска оставляли Наполеона; Князь Шварценбергъ съ Австрійцами спѣшилъ въ Галицію, сдавъ Милорадовичу Варшаву; Ренье съ своими Саксонцами былъ разбитъ подъ Калишемъ Генераломъ Винценгероде. Съ разрѣшенія Императора, Кутузовъ приказалъ обложить крѣпости Данцигъ, Ченстоховъ, Замостье и Модлинъ, и начать осаду Торна. Ежедневно получая донесенія объ успѣхахъ передовыхъ войскъ, Императоръ Александръ благодарилъ Кутузова за каждую побѣдную вѣсть. По случаю покоренія крѣпости Пиллау и Варшавы, Кутузовъ писалъ въ частномъ письмѣ: «Сегодня было у насъ «молебствіе. Когда Государь прибылъ къ разво-«ду и объявилъ, что Варшава взята, Ему про-«возгласили ура! Скоро и я пришелъ, и донесъ о «взятіи Пиллау. Государь меня обнялъ и сказалъ: «Мнѣ сей часъ кричали ура! должно и для те-«бя сдѣлать то же. Государь опять меня об-«нялъ; гвардейцы были симъ очень тронуты».

Февраля 1-го, Императоръ Александръ перешелъ съ Кутузовымъ черезъ Вислу, направляя главную армію къ Калишу; всѣ другія Русскія войска подвигались къ Одеру. Февраля 12-го, Александръ и Кутузовъ прибыли въ Калишъ. Черезъ четыре дня Кутузовъ подписалъ союзный договоръ Пруссіи съ Россіею — первое звѣно великой цѣпи дипломатическихъ дѣйствій, предшествовавшихъ низложенію Наполеона, и одно изъ основаній новому политическому бытію, уготованному Европѣ Императоромъ Александромъ. Король Прусскій назначилъ Кутузова Главнокомандующимъ Прусской арміи. Почетнѣйшіе изъ Прусскихъ Генераловъ спѣшили изъявлять письменно Кутузову, сколь для нихъ лестно служить подъ его предводительствомъ. Знаменитый въ послѣдствіи Блюхеръ, бывшій тогда корпуснымъ начальникомъ, писалъ ему собственноручно: «Къ искренней «радости моей, Король подчинилъ меня Вашей «Свѣтлости. Мнѣ предстоитъ двоякая честь: «сражаться вмѣстѣ съ побѣдоносною Россійскою «арміею и состоять въ повелѣніяхъ полководца, «стяжавшаго удивленіе и признательность наро«довъ. Ожидаю вашихъ приказаній.» Кутузовъ отвѣчалъ Блюхеру: «Съ живѣйшею благодарностью «усмотрѣлъ я изъ вашего письма чувствованія «ваши. Почитаю за особенную честь начинать «походъ вмѣстѣ съ такимъ Генераломъ, какъ «вы. Уже давно обратили вы на себя вниманіе «Европы, и Отечество ваше возлагаетъ на васъ «справедливыя свои надежды. Да увѣнчается «начинаемая нами борьба столь же счастливымъ «успѣхомъ, сколь справедливы и священны по«будительныя къ ней причины».

По утвержденіи договора съ Пруссіею, Императоръ Александръ ѣздилъ изъ Калиша въ Бреславль, для свиданія съ Прусскимъ Королемъ. Король встрѣтилъ Императора близъ Эльса, на большой дорогѣ. Молча, нѣсколько минутъ Монархи прижимали одинъ другаго къ сердцу. Глубоко тронутые умилительнымъ зрѣлищемъ, тысячи стекшагося изъ окрестностей народа сперва безмолвствовали, а потомъ поколебали воздухъ восклицаніями. «Пріемъ, сдѣланный «Императору въ Бреславлѣ,» писалъ Кутузовъ, «исторгъ слезы изъ глазъ Его Величества. «Cela m'a valu un compliment bien doux de la «part de Sa Majesté». Вскорѣ потомъ, Февраля 21-го, Прусскій Король пріѣхалъ въ Калишъ. Государь ожидалъ его на послѣдней почтовой станціи къ Калишу. Не доѣзжая до города, на полѣ, Монархи были встрѣчены Кутузовымъ. Онъ стоялъ передъ войсками пѣшкомъ, не бывъ въ состояніи сѣсть на лошадь. Послѣ привѣтствія вождю побѣдоносцу, Король смотрѣлъ главную армію, проходившую мимо него церемоніяльнымъ маршемъ. При началѣ марша, Кутузовъ стоялъ подлѣ Монарховъ, но черезъ полчаса, ослабѣвъ, возвратился въ Калишъ. Въ тотъ же вечеръ, удостоивъ Кутузова посѣщеніемъ, Прусскій Король пожаловалъ ему ордена Чернаго Орла и Краснаго Орла, и табакерку въ 20.000 рублей. Въ слѣдующее утро пріѣхалъ къ Кутузову Канцлеръ Князь Гарденбергъ, и сказалъ ему, что если Богъ поможетъ кончить войну благополучно, то Король пожалуетъ ему помѣстье въ Пруссіи. Благодаря за такое обѣщаніе, Кутузовъ отвѣчалъ: «Императоръ Але«ксандръ не оставитъ меня и дѣтей моихъ.»

Не только труды, лѣта, раны, самое величіе торжества должны были ослабить тѣлесныя силы Кутузова. Въ Калишѣ началъ онъ чувствовать болѣзненные припадки. Когда здоровье не позволяло ему выѣзжать, Императоръ Александръ посѣщалъ его ежедневно, и заставая иногда неодѣтымъ маститаго старца, занимался съ нимъ дѣлами въ его кабинетѣ. Картина ничтожества земнаго величія представлялась воображенію моему каждый разъ, когда, удрученный недугами, Кутузовъ отдавалъ мнѣ приказанія, лежа на постелѣ, такимъ изнемогающимъ, слабымъ голосомъ, что едва бывало можно расслушать слова его. Однакожъ память его была очень свѣжа, и неоднократно диктовалъ онъ мнѣ по нѣскольку страницъ безостановочно. За шесть дней передъ выступленіемъ нашимъ изъ Калиша, въ исходѣ Марта, поднесъ я ему для подписанія бумагу. Къ обыкновенной подписи своего имени, прибавилъ онъ двѣ буквы, и смотря на нихъ, сказалъ мнѣ: «Кажется, я «ошибся». — «Вы написали двѣ лишнія литеры»,

отвѣчалъ я, «но я ихъ выскоблю». — «Нѣтъ», прервалъ онъ, «эту бумагу я самъ уничтожу, а «ты вели приготовить другую: вѣдь Богъ знаетъ, «что обо мнѣ подумаютъ». Какое то предчувствіе сказало мнѣ, что мы скоро лишимся Кутузова, и — черезъ три недѣли его не стало. Закатъ дней Кутузова былъ прекрасенъ, подобно закату солнца, озарившаго въ теченіи своемъ великолѣпный день. При тѣлесныхъ недугахъ сохранялъ онъ всю силу умственныхъ способностей своихъ, готовился къ грознымъ битвамъ съ Наполеономъ, но готовился къ новому состязанію съ нимъ, наблюдая свою неизмѣнную осторожность, всячески стараясь остановить неукротимое, общее тогда стремленіе нашихъ Генераловъ идти поспѣшно впередъ и перенесть войну за Эльбу. Часто надлежало Кутузову бороться съ доводами, противными его убѣжденію, перечитывать и опровергать предположенія, сулившія, при быстромъ наступленіи, несомнѣнныя побѣды. «Самое легкое дѣло», сказалъ онъ однажды съ негодованіемъ, «идти теперь за «Эльбу, но какъ воротимся? Съ рыломъ въ «крови!»

Передовыя Русскія войска распространяли свои успѣхи въ Германіи: Февраля 20-го вступили въ Берлинъ, Марта 6-го заняли Гамбургъ, 10-го Любекъ, 15-го Дрезденъ, 21-го Люнебургъ, 25-го сдался Ченстоховъ. Лично поднося Императору Александру ключи покоряемыхъ столицъ и городовъ, Кутузовъ каждый разъ удостоивался новаго изъявленія Монаршей признательности. Марта 26-го выступилъ онъ съ главною арміею изъ Калиша въ Дрезденъ, и 3-го Апрѣля перешелъ черезъ Одеръ, въ Штейнау. На переправѣ поднесли Императору Александру лавровый вѣнокъ. Государь отослалъ его Кутузову, приказавъ сказать ему, что лавры суть его достояніе. То была послѣдняя, полученная Кутузовымъ въ здѣшнемъ мірѣ, Монаршая награда! Черезъ три дня, по приходѣ въ Бунцлау, онъ простудился и слегъ въ постелю. Императоръ Александръ поспѣшилъ къ нему. Кутузовъ встрѣтилъ Монарха, поднося ему ключи крѣпости Торна. То были послѣдніе изъ безчисленныхъ трофеевъ, повергнутыхъ Кутузовымъ къ стопамъ Александра! Предсмертная болѣзнь изнуряла Кутузова. Трое сутки Императоръ Александръ и Король Прусскій навѣщали его по нѣскольку разъ въ день. Апрѣля 9-го, отправляясь въ Дрезденъ, Государь, послѣ долгой бесѣды съ Кутузовымъ, простился съ нимъ, и надѣясь на выздоровленіе его, приказалъ присылать изъ арміи на его разрѣшеніе бумаги, заключавшія въ себѣ особенную важность. Для леченія Кутузова, Король Прусскій призвалъ изъ Берлина въ Бунцлау, знаменитаго врача Гуфеланда. Но съ каждымъ днемъ Кутузовъ близился ко гробу. И тихій ангелъ смерти ниспосланъ былъ Богомъ смежить очи Полководца въ минуты его торжества. Апрѣля 16-го, на вѣки почилъ Кутузовъ. Ему было 67 лѣтъ, 7 мѣсяцовъ, 11 дней отъ рожденія.

На верхнихъ славы ступеняхъ
Ему рука судьбины,
При блескѣ молній, при громахъ,
Постлала одръ кончины;
На немъ простертъ, онъ угасалъ,
Какъ вечеръ свѣтозарный,
И угасающій, внималъ
Отчизнѣ благодарной.

Императоръ Александръ узналъ о кончинѣ Кутузова наканунѣ Люценскаго сраженія и приказалъ содержать въ тайнѣ извѣстіе объ его смерти, не объявляя о томъ прежде конца битвы. Овдовѣвшую Княгиню удостоилъ Онъ слѣдующимъ рескриптомъ: «Судьбы Вышняго, кото«рымъ никто смертный воспротивиться не мо«жетъ, а потому и роптать не долженъ, опре«дѣлили супругу вашему, Свѣтлѣйшему Князю «Михаилу Ларіоновичу Кутузову-Смоленскому, «посреди громкихъ подвиговъ и блистательной «славы своей, переселиться отъ временной жи«зни къ вѣчной. Болѣзненная не для однѣхъ «васъ, но и для всего Отечества потеря! Не вы «одна проливаете о немъ слезы: съ вами плачу «Я, и плачетъ вся Россія. Богъ, позвавшій его «къ себѣ, да утѣшитъ васъ тѣмъ, что имя и «дѣла его остаются безсмертными. Благодарное «Отечество не забудетъ никогда заслугъ его. «Европа и весь свѣтъ не престанутъ ему удив«вляться, и внесутъ имя его въ число знамени-

«тѣйшихъ полководцевъ. Въ честь ему воздви«гнется памятникъ, при которомъ Россіянинъ, «смотря на изваянный образъ его, будетъ гор«диться; чужестранецъ же уважать землю, по«раждающую толь великихъ мужей».

Когда дружины, дотолѣ предводимыя Кутузовымъ, шли къ новымъ побѣдамъ, въ Россію возвращались бренные останки Кутузова. Съ прибытіемъ ихъ въ предѣлы Россіи, народъ выпрягалъ лошадей изъ погребальной колесницы и везъ ее на себѣ. На тысяча-верстномъ пространствѣ возносились благословенія усопшему. Въ началѣ Іюня толпы жителей Петербурга спѣшили, шли, ѣхали въ Сергіевскую пустынь, на встрѣчу погребальной колесницѣ, на коей былъ гробъ Кутузова. Нѣсколько дней находился онъ въ пустынѣ, въ ожиданіи Высочайшаго повелѣнія о мѣстѣ погребенія Кутузова. На докладѣ о томъ С. Петербургскаго Главнокомандовавшаго Вязмитинова, Императоръ Александръ собственноручно написалъ: «Мнѣ кажется приличнымъ положить «его для почести въ Казанскомъ Соборѣ, укра«шенномъ его трофеями». Торжественное зрѣлище явилось, когда гробъ Кутузова повезли изъ Сергіевской пустыни къ могилѣ. Не вытерпѣли сердца Русскія! «Повеземъ его на себѣ!» раздались клики тысячей народа. За двѣ версты отъ заставы лошадей выпрягли, и народъ повлекъ погребальную колесницу на раменахъ своихъ. Забыты были чины, званія, отличія. Сановники тѣснились на ряду съ бѣдными, нищими братіями, брались за веревки, укрѣпленныя у колесницы, и среди непроходимой толпы народа, при общей горести, везли Кутузова къ тому священному храму, гдѣ за десять мѣсяцовъ прежде видѣли его грядущимъ «на великое дѣло», спасать Отечество. Народная скорбь была исполненіемъ словъ Императора Александра, писавшаго супругѣ Кутузова: «Не вы одна про«ливаете объ немъ слезы: съ вами плачу Я, и «плачетъ вся Россія!» Надъ гробомъ Кутузова, вмѣсто балдахина, вѣялись знамена двадцати народовъ, приходившихъ въ Россію. Іюня 13-го, черезъ годъ по вторженіи Наполеона на правый берегъ Нѣмана, земля приняла въ нѣдра свои бренные останки побѣдителя Наполеонова. Храмъ не вмѣщалъ множества тысячь, пришедшихъ воздать послѣдній долгъ праху Кутузова. Дивное поученіе человѣку было въ словахъ: «Земля еси, «и въ землю пойдеши!» Будущій Царь Россіи, тогда Великій Князь Николай Павловичъ и Августѣйшій братъ Его, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, присутствовали при погребеніи Кутузова, подъ знаменами коего рвались Они стать въ ряды защитниковъ Россіи, но въ пламеннѣйшемъ желаніи летѣть на бранное поле, были, по молодости лѣтъ Своихъ, удержаны материнскою заботливостью объ Нихъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и нѣжною попечительностью Императора Александра. Во время похоронъ Кутузова, день былъ пасмурный, но когда гробъ сняли съ катафалка и понесли въ могилу, яркое солнце прорѣзало облака, освѣтило храмъ, и лучи его пали на гробъ Кутузова. «Вѣчная память!» загремѣло подъ сводами храма, и все смолкло въ обители Божіей, но никогда не смолкнетъ въ сердцахъ Русскихъ «Вѣчная память» тебѣ, Князь Михаилъ Смоленскій! Мѣсто памятника на могилѣ его замѣняютъ гербъ и имя Кутузова. Всякій памятникъ былъ бы здѣсь лишній. Можно повторить, стоя у гробницы Кутузова, и смотря на трофеи Отечественной Войны окрестъ могилы его: «Хо«чешь ли знать, кто погребенъ здѣсь? Оглянись «кругомъ!» Памятникъ на полѣ Бородинскомъ, воздвигнутый Императоромъ Николаемъ, напоминаетъ великую битву Кутузова вблизи Москвы. Другіе памятники, въ Тарутинѣ и Малоярославцѣ, знаменуютъ мѣста тѣхъ битвъ, въ коихъ Кутузовъ началъ спасеніе Россіи и гибель Наполеона. Императоръ Александръ предполагалъ воздвигнуть памятникъ Кутузову въ Петербургѣ; мысль Его исполнилъ Августѣйшій Преемникъ, и бронзовая статуя Кутузова поставлена въ Петербургѣ, передъ Казанскимъ Соборомъ. Императоръ Николай повелѣлъ Псковскому пѣхотному полку навсегда именоваться полкомъ Фельдмаршала Кутузова-Смоленскаго. По волѣ Короля Прусскаго, въ Бунцлау воздвигнутъ обелискъ, съ Нѣмецкою надписью и съ слѣдующимъ Русскимъ съ нея, сдѣланнымъ мною, по желанію Прусскаго Монарха, переводомъ: «До

«сихъ мѣстъ Князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ «побѣдоносныя войска, но здѣсь смерть поло«жила предѣлъ славнымъ днямъ его. Онъ спасъ «Отечество и отверзъ путь къ избавленію Евро«пы. Да будетъ благословенна память Героя!»

Князь Михаилъ Ларіоновичъ былъ женатъ, съ 1778-го года, на дочери почтеннаго заслугами Отечеству, Генералъ-Поручика Ильи Александровича Бибикова, дѣвицѣ Катеринѣ Ильиничнѣ. Онъ имѣлъ отъ нея сына, умершаго въ младенчествѣ, и пять дочерей. Изъ нихъ старшая вышла за Тайнаго Совѣтника М. Ѳ. Толстаго; вторая за Генералъ-Маіора Н. О. Хитрова; третья за Графа Тизенгаузена, а потомъ за Генералъ-Маіора Н. Ѳ. Хитрова; четвертая за Генералъ-Маіора Князя Кудашева, а во второмъ бракѣ за Генералъ-Маіора Сорочинскаго, и младшая за Ѳ. П. Опочинина, нынѣ Оберъ-Гофмейстера. Родъ Князя Смоленскаго прекратился съ нимъ.

Кутузовъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей, имѣлъ обширныя познанія, обладалъ языками Французскимъ, Нѣмецкимъ и Польскимъ, слѣдилъ за успѣхами просвѣщенія, и даже среди походовъ любилъ отдыхать за чтеніемъ. Не рѣдко, въ тяжкія минуты Отечественной Войны, распорядясь дѣлами, онъ ложился на походную кровать, и приказывалъ мнѣ читать ему произведенія новѣйшей словесности, особенно Французской. Ничто не могло сравниться съ его любезностью въ обществѣ, съ его умѣньемъ обходиться съ людьми. При Дворѣ Екатерины, Павла, Александра, Франца, Фридриха, Густава-Адольфа, Селима, въ воинскихъ станахъ, въ кругу женщинъ, коихъ до конца жизни своей былъ онъ обожателемъ, въ совѣщаніяхъ съ Турецкими Министрами, въ засѣданіяхъ Вѣнскаго Гофъ-Кригсъ-Рата, въ городахъ, гдѣ бывалъ онъ правителемъ, всюду Кутузовъ умѣлъ быть на своемъ мѣстѣ, уживался со всѣми, очаровывалъ собесѣдниковъ своихъ. Распаявая сердца силою обдуманнаго краснорѣчія, онъ владѣлъ искуствомъ привлекать офицеровъ и солдатъ, и внушать къ себѣ безграничную довѣренность ихъ. Врагъ совѣтовъ, онъ спрашивалъ иногда мнѣнія своихъ сподвижниковъ, но дѣйствовалъ всегда по своему. Обыкновенно привѣтливый, ласковый, въ сраженіяхъ Кутузовъ хранилъ молчаніе, казался недоступнымъ. Горе бывало тому, кто, во время боя, безъ вызова Кутузова, подавалъ ему совѣты: тогда гнѣвъ Кутузова изливался въ выраженіяхъ рѣзкихъ на непризваннаго совѣтника. Въ мирное время угодливый царедворецъ, на войнѣ Кутузовъ поступалъ по собственному убѣжденію, не подчинялъ себя постороннимъ побужденіямъ, дѣйствовалъ самостоятельно, всякую отвѣтственность принимая на одного себя. Такъ, въ 1805-мъ году, не исполнялъ онъ повелѣній Вѣнскаго Двора; въ 1811-мъ распоряжался въ Молдавіи войсками, не принадлежавшими къ предводимой имъ арміи; при подписаніи Букарестскаго мира переступилъ данное ему полномочіе; въ 1812-мъ не упорствовалъ въ защитѣ Москвы, и при отступленіи Наполеона изъ Россіи, не преграждалъ ему пути битвами, которыхъ алкали Генералы и солдаты Русскіе. Въ тайнѣ непроницаемой содержалъ онъ предположенія свои, зрѣло и долго обдумывалъ замыслы, и подвергалъ разсчету каждый шагъ на войнѣ, стараясь ничего не предоставлять удачѣ, слѣпому случаю. Онъ не гонялся за побѣдою, но извлекалъ ее изъ «скромнаго «поведенія», и былъ готовъ, какъ говорилъ онъ, «симъ или онымъ способомъ», но только бы побѣдить. Не презирая судьбы и смерти, онъ безстрашно взиралъ на опасность, если она придетъ, но не вызывалъ на битву ни судьбы, ни случайностей смерти. Чрезвычайная осторожность была отличительною чертою дѣйствій его. Въ началѣ походовъ распоряженія Кутузова являлись медленными, даже робкими, но потомъ изумляли огромностью послѣдствій. Не торопливый, всегда дожидаясь, онъ покупалъ побѣду неистощимымъ, глубоко обдуманнымъ терпѣніемъ, и когда наступала минута дѣйствій, грозою обрушался на враговъ. Удары его были вѣрны, не тяжки Русской арміи, гибельны противнику. Не побѣждать только, но истреблять непріятелей хотѣлъ Кутузовъ, и успѣлъ въ двухъ, одинъ за другимъ слѣдовавшихъ, походахъ совершенно уничтожить двѣ арміи: въ 1811-мъ году Турецкую, а въ 1812-мъ году Наполеонову, прину-

дивъ къ постыдному бѣгству и Верховнаго Визиря, и самого Наполеона. И подвиги свои совершалъ онъ, дѣйствуя на предводимыя имъ войска любовью, ласкою, громя непріятелей болѣе обманомъ, хитростью, маневрами, нежели битвами, силою оружія. «Разбить можетъ меня «Наполеонъ», говорилъ Кутузовъ, «но обма- «нуть — никогда!» Къ воинскому генію Наполеона Кутузовъ былъ исполненъ глубокаго уваженія. Въ 1812 году, вселяя въ вооруженный народъ непримиримую, кровавую ненависть къ врагамъ, наводнившимъ Русскую землю, въ тѣсномъ кругу своихъ приближенныхъ почтительно говаривалъ онъ о дарованіяхъ Наполеона. Однажды, въ Тарутинѣ, читалъ я Кутузову составленное мною, по его приказанію, «Извѣстіе изъ «арміи», назначенное для разсылки по губерніямъ. Увлеченный молодостью лѣтъ, употребилъ я нѣсколько укорительныхъ выраженій противъ Наполеона. Кутузовъ остановилъ меня, сказавъ: «Молодой человѣкъ, кто далъ тебѣ «право издѣваться надъ однимъ изъ величай- «шихъ полководцовъ? Уничтожь неумѣстную «брань!» Терпѣливый въ несчастіи, Кутузовъ былъ скроменъ въ успѣхахъ. Побѣды и пораженія не колебали его. Одинаково хладнокровнымъ видѣли его среди бѣдствій Аустерлица и торжества подъ Краснымъ, при заревѣ Московскаго пожара и послѣ побѣдъ въ Двѣнадцатомъ Году.

Вообще жизнь Кутузова представляетъ величавое, постоянное, стройное теченіе, отъ первыхъ чиновъ до высшихъ степеней отличія, отъ эполетовъ прапорщика до жезла Фельдмаршальскаго, отъ чести храбраго офицера до славы полководца, побѣдителя перваго изъ современныхъ полководцовъ. Кромѣ блистательной службы его при Императрицѣ Екатеринѣ, въ Польшѣ, Турціи и Крыму, когда онъ шпагою добылъ себѣ чинъ Генералъ-Поручика и Георгіевскую звѣзду, кромѣ посольствъ его въ Царѣградѣ и Берлинѣ, кромѣ многихъ возложенныхъ на него тремя Монархами важныхъ порученій, Кутузовъ совершилъ четыре огромныя дѣла, такъ, что вся отвѣтственность ихъ лежала на немъ одномъ: отступленіе отъ войскъ Наполеона въ 1805-мъ году, окруженіе Турецкой арміи въ 1811-мъ году, Букарестскій миръ и разгромъ Наполеона въ Россіи. Разсчеты его при отступленіи отъ Браунау въ Моравію, сраженіе подъ Кремсомъ и переговоры при Голлабрунѣ, гдѣ перехитрилъ онъ Французовъ; отступленіе послѣ Рущукской побѣды за Дунай, и уничтоженіе арміи Верховнаго Визиря; миръ съ Турками, заключенный почти при самомъ вторженіи Наполеона въ Россію; битва Бородинская, уступленіе Москвы; движеніе на Рязанскую и Калужскую дороги; боковой маршъ къ Малоярославцу; бой при семъ городѣ; маршъ къ Вязьмѣ и Красному; четырехъ-дневныя Красненскія битвы — всѣ сіи дѣла и соображенія принадлежатъ къ высшимъ задачамъ военнаго и дипломатическаго искуствъ, разрѣшаемымъ только великимъ полководцомъ и Государственнымъ мужемъ. Безспорно, въ дѣлѣ судебъ, какимъ была Отечественная Война, безразсудно не благоговѣть къ Провидѣнію Божіему, явно осѣнившему Державу Александра покровомъ Своимъ, и омрачившему умъ Наполеоновъ, какихъ немного представляютъ лѣтописи міра. Безспорно и то, что первымъ виновникомъ побѣды былъ Императоръ Александръ, Своею твердостью отстранившій уничиженіе Россіи, изготовившій ей свѣтлую жизнь. Рѣшаясь на всякія пожертвованія, готовый перенесть столицу въ Казань, даже на берега Иртыша, Онъ двигалъ всевозможныя средства для погибели Наполеона, постоянно превозглашая: «Нѣтъ мира съ Наполео- «номъ!» Слово Русскаго Царя было свято и непоколебимо, какъ свята и непоколебима Россія. Здѣсь истинный источникъ торжества 1812-го года. Земная слава избавленія Россіи есть достояніе Александра. Ему вѣнецъ, восторгъ современниковъ и потомства! Безспорно, велико было участіе всѣхъ сподвижниковъ Императора Александра: мужественныхъ воиновъ, вѣрныхъ подданныхъ, Россіи Его, въ основаніи подвигнутой и павшей на врага всею силою любви къ Отечеству и Государственной чести. Наконецъ, безспорно, что походъ Наполеона представлялъ рядъ ошибокъ, при необыкновенныхъ событіяхъ, какихъ не могъ постигнуть даже и его геній. Но благословляя Россію Монархомъ,

не усомнившимся въ ея спасеніи, доблестнымъ воинствомъ, вѣрнымъ Богу и Престолу народомъ, Провидѣніе сохранило ей и Полководца, поспѣшника спасенія. Развѣ не безсмертная заслуга, не доказательство чрезвычайныхъ дарованій политика и полководца: умѣть сосредоточить на себѣ пятидесяти-лѣтнею боевою жизнью довѣренность Государя и упованіе Отечества, воспользоваться ошибками Наполеона, принять на свою отвѣтственность развалины Москвы, умѣть искусно выжидать, соединить мудрую медленность съ непобѣдимою самостоятельностью, и увѣнчать походъ совершенною гибелью несмѣтной, дотолѣ всегда побѣдоносной арміи Наполеона? Здѣсь открывается цѣна дѣлъ Кутузова.

Почій же въ славѣ, нашъ Герой!
Да при твоей гробницѣ
Архистратигъ, соратникъ твой,
Съ мечемъ небесъ въ десницѣ,
Стражъ пепла твоего сѣдитъ!
Предъ ней, неугасимый,
Да пламенникъ любви горитъ,
Отчизною хранимый!
И будь сей огнь священный знакъ,
Что свыше Провидѣнье
На Русь сквозь самый бѣдствій мракъ
Сіяетъ во спасенье!

ОПЕЧАТКИ

ВЪ БІОГРАФІИ КНЯЗЯ ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАГО.

			Напечатано:	Читай:
Страница 4	столбецъ 1-й	строка 1	въ Полковники,	въ Подполковники
— 10	— 1	— 4	связи его Франціею,	связи его съ Франціею.
— 11	— 2	— 27	мѣстеч,	мѣстечкомъ
— 35	— 1	— 12	весть,	вѣсть,
— 37	— 2	— 6	Пріѣздъ, Кутузова,	Пріѣздъ Кутузова
— 40	— 1	— 8	лопавшихся гранатъ,	лопавшихся надъ нимъ гранатъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Генералъ отъ Кавалеріи

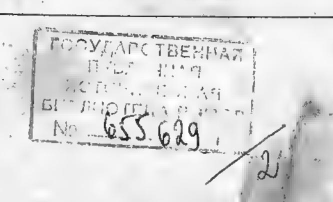
Князь Дмитрій Владиміровичъ

ГОЛИЦЫНЪ.

КНЯЗЬ

Д. В. ГОЛИЦЫНЪ.

Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, Россійской Имперіи Князь, съ титуломъ Свѣтлѣйшаго, Генералъ отъ Кавалеріи, Членъ Государственнаго Совѣта, состоявшій при Особѣ Его Императорскаго Величества, числившійся Лейбъ-Гвардіи въ Конномъ полку, Шефъ Орденскаго Кирасирскаго полка, Московскій Военный Генералъ Губернаторъ, управлявшій и гражданскою частью, имѣвшій портретъ Государя Императора Николая Павловича, алмазами украшенный, кавалеръ орденовъ: Россійскихъ: Св. Андрея Первозваннаго, съ алмазными украшеніями, Св. Александра Невскаго, съ алмазами, Св. Владиміра 1-й степени, Св. Георгія 3-го класса, Св. Анны 2-го класса, Австрійскаго Маріи Терезіи 3-й степени, Прусскихъ Чернаго Орла и Краснаго Орла 1-й степени, Баварскаго Максимиліана, Персидскаго Льва и Солнца 1-й степени, съ бриллiантами, Командоръ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, награжденный золотою шпагою съ алмазами и надписью: «За храбрость,» имѣвшій двѣ серебряныя медали, въ память 1812-го года и взятія Парижа, и знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ, родился Октября 29-го, 1771 года, въ родовомъ помѣстьи Графовъ Чернышевыхъ, Московской Губерніи, Волоколамскаго Уѣзда, въ мѣстечкѣ Ярополъцѣ. Родъ Князей Голицыныхъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ родамъ Русскихъ Князей, ознаменовавшихъ себя доблестями воинскими и гражданскими. Родоначальникъ ихъ, потомокъ Литовскаго Князя Гедимина, Князь Булгаковъ-Голица, былъ воеводою Великаго Князя Василія Іоанновича. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, потомокъ его въ шестомъ колѣнѣ, былъ дядькою и хранителемъ дѣтства и юности, а потомъ однимъ изъ первыхъ вельможъ, совѣтникомъ и другомъ Петра Великаго. Князь Дмитрій Владиміровичъ, жизнеописаніе коего здѣсь представляемъ, сынъ Бригадира Князя Владиміра Борисовича и внукъ Адмирала Князя Бориса Васильевича, былъ праправнукъ Князя Бориса Алексѣевича. Въ колыбели предназначенный къ военной службѣ, онъ, трехъ лѣтъ отъ рожденія, былъ записанъ въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ, въ 1774 году; черезъ три года произведенъ въ Сержанты; въ 1785 году переведенъ Вахмистромъ въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ; въ 1786 году, Января 1-го, получилъ чинъ Корнета, въ 1788 Подпоручика, въ 1789 Поручика,

но не находился въ дѣйствительной службѣ, а только считался въ Гвардіи, подобно другимъ молодымъ людямъ знатнаго рода того вѣка. Но время Князя Д. В. Голицына не было потеряно. Богатство и положеніе въ обществѣ его родителей, находившихся въ родствѣ съ знатнѣйшими домами, требовали воспитанія блестящаго, и родители Князя Д. В. Голицына ничего не щадили для образованія его и старшаго брата его, Князя Бориса Владиміровича. Приготовленные домашнимъ ученіемъ, въ 1781 году, подъ надзоромъ опытнаго наставника, Француза Оливье, оба брата были отправлены въ Страсбургъ, гдѣ славилась тогда тамошняя Военная Академія. Замѣчательно, что переѣзжая изъ С. Петербурга до Любека моремъ, Князь Д. В. Голицынъ пристрастился къ морской службѣ, и по примѣру дѣда, просилъ позволенія служить во Флотѣ. Пять лѣтъ провели братья въ Страсбургѣ. Въ 1786 году, родители Князя Дмитрія Владиміровича прибыли въ Страсбургъ, и отправились съ обоими сыновьями путешествовать по Европѣ. Обозрѣвъ Германію и Англію, они поселились на время въ Парижѣ, и прожили тамъ нѣсколько лѣтъ. Юный красавецъ, отлично образованный, Князь Д. В. Голицынъ имѣлъ случай видѣть Версальскій Дворъ, среди грозныхъ бурь, угрожавшихъ ему, являвшійся въ полномъ блескѣ роскоши, бывшій образцомъ вкуса и свѣтской жизни. Въ домѣ Голицыныхъ собиралось все, что считалось тогда знаменитымъ по роду, богатству, уму и славѣ. Князь Д. В. Голицынъ вблизи видѣлъ и наблюдалъ начинавшіяся тогда волненія Франціи. Среди обольщеній столицы и Двора, часто уединялся онъ въ свой кабинетъ и посвящалъ себя въ тайны науки, и особенно военнаго дѣла. Памятью тогдашнихъ занятій его остались замѣчанія его на извѣстную книгу Вегеція (De re militari). Замѣчанія молодаго *Русскаго Офицера и Князя* показались столь любопытными, что ихъ помѣстили въ лучшемъ тогдашнемъ журналѣ Французскомъ (Journal des Savans, 1790 года, Августъ, стр. 530), и они обратили на юнаго сочинителя вниманіе знатоковъ.

Когда бури революціи загремѣли окрестъ Престола Людовика XVI-го, Князь Д. В. Голицынъ, съ родителями и братомъ, возвратился въ Россію. Онъ поступилъ въ дѣйствительную службу, и двадцати лѣтъ отъ роду былъ пожалованъ Секундъ-Ротмистромъ. Началась послѣдняя война Императрицы Екатерины съ Польшею. Суворовъ, отдыхавшій съ самаго Измаильскаго приступа, помчался «показать, какъ бьютъ Поляковъ». Князь Д. В. Голицынъ, пожалованный въ 1794 году Ротмистромъ, просилъ позволенія «имѣть честь обнажить саблю подъ знаменами Суворова» (собственныя, слышанныя нами слова его). Получивъ желаемое позволеніе, онъ успѣлъ явиться къ Прагѣ, и былъ участникомъ кроваваго штурма Прагскаго, Октября 24-го 1794 года. Въ первыхъ Русскихъ рядахъ взошелъ онъ на валы крѣпости, и, по представленію Суворова, удостоенъ былъ *первой* награды — *Георгіевскаго* креста.

Продолжая службу въ Конно-Гвардейскомъ полку, въ 1797 году получилъ Князь Д. В. Голицынъ чинъ Полковника, и въ томъ же году, «за отлично ревностную службу», награжденъ орденомъ Св. Анны 4-й степени; въ 1798 году произведенъ въ Генералъ-Маіоры; въ 1800-мъ, «За отлично ревностную службу», пожалованъ Почетнымъ Командорствомъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго; въ томъ же году назначенъ Шефомъ Кирасирскаго полка (вмѣсто Генералъ-Маіора Гампера), который и именовался *Кирасирскимъ Князя Голицына 5-го* полкомъ до восшествія на Престолъ Императора Александра, когда переименованъ былъ по прежнему Кирасирскимъ Военнаго Ордена, или Орденскимъ Кирасирскимъ. Августа 21-го 1800 года, Князь Д. В. Голицынъ произведенъ былъ въ Генералъ-Лейтенанты.

Въ 1805 году Русскія войска выступили въ первый походъ противъ Наполеона. Князь Д. В. Голицынъ находился въ корпусѣ Генерала Беннигсена, совершившемъ походъ въ Силезію, но не участвовавшемъ въ битвахъ. Лѣтомъ 1806 года, оставаясь въ корпусѣ Беннигсена, Князь Д. В. Голицынъ, былъ назначенъ командиромъ 4-й дивизіи, составленной изъ 7-ми пѣхотныхъ и

3-хъ кавалерійскихъ полковъ, трехъ гарнизонныхъ батальоновъ, семи ротъ артиллеріи и роты понтонной. Дивизія его раздѣлялась на четыре бригады, коими командовали Генералъ-Маіоры Сомовъ, Арсеньевъ, Баронъ Корфъ и Барклай де-Толли, въ послѣдствіи Фельдмаршалъ. Въ Ноябрѣ 1806-го, когда возгаралась вторая война Императора Александра съ Наполеономъ, Князь Голицынъ выступилъ съ своею дивизіею изъ Гродно къ Пултуску. Декабря 9-го начались наступательныя дѣйствія Русской арміи, предводимой Фельдмаршаломъ Графомъ Каменскимъ. По стеченію обстоятельствъ, отъ него не зависѣвшихъ, Князь Голицынъ былъ съ частью своей дивизіи отрѣзанъ отъ арміи, и съ разныхъ сторонъ обойденъ Французами. Среди бездонной грязи, искусными движеніями ускользнулъ онъ отъ непріятелей, присоединилъ къ себѣ нѣсколько полковъ, принадлежавшихъ къ другимъ дивизіямъ, равномѣрно отрѣзанныхъ непріятелемъ, чѣмъ спасъ ихъ отъ вѣрнаго пораженія, и со всѣмъ сборнымъ корпусомъ симъ благополучно прибылъ въ Голиминъ. Сюда устремлены были главныя силы Наполеона, намѣревавшагося обойдти Русскую армію черезъ Голиминъ. Князь Голицынъ расположилъ войска свои передъ симъ городомъ, и 14-го Декабря выдержалъ упорную битву противъ соединенныхъ силъ Маршаловъ Ожеро, Даву и Мюрата, къ коимъ, къ концу сраженія, прибылъ Наполеонъ. Изнуренныя тяжкими переходами въ предшествовавшіе дни, измокшія отъ снѣга и дождя, войска Князя Голицына, вспомоществуемыя двумя полками Дохтурова, мужественно сражались при жестокой вьюгѣ, не дозволявшей по временамъ различать предметы въ нѣсколькихъ шагахъ. Князь Голицынъ являлся въ мѣстахъ опаснѣйшихъ, и до вечера удержался на занятой имъ позиціи. Столь блистательный подвигъ поставилъ Князя Голицына, какъ воина, высоко во мнѣніи Императора Александра и арміи, и заслужилъ ему орденъ Св. Георгія 3-го класса.

Данный Княземъ Голицынымъ Наполеону подъ Голиминомъ отпоръ, и одержанный въ тотъ же день Беннигсеномъ успѣхъ подъ Пултускомъ, остановили наступательное движеніе Наполеона. Онъ расположилъ свою армію на кантониръ-квартирахъ, но Беннигсенъ, Января 1-го 1807 года заступившій мѣсто Фельдмаршала Каменскаго, продолжалъ дѣйствія, поручивъ Князю Голицыну всю конницу лѣваго крыла арміи. Января 13-го, придя въ Либштадтъ, Князь Голицынъ послалъ Генералъ-Маіора Графа Палена (нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта) съ коннымъ отрядомъ, для обозрѣній по дорогѣ къ Морунгену, близъ коего въ тотъ день происходило сраженіе между Маршаломъ Бернадотомъ и Генераломъ Марковымъ. Бой склонялся въ пользу Французовъ, и Марковъ уже отступалъ, когда въ тылу непріятелей появился Графъ Паленъ, вторгнулся въ Морунгенъ, занятый Французами, и симъ неожиданнымъ для нихъ нападеніемъ принудилъ Бернадота прекратить преслѣдованіе за Марковымъ. Хотя честь сего дѣла принадлежитъ Графу Палену, но виновникомъ успѣха былъ Князь Д. В. Голицынъ, отрядившій его къ Морунгену. Черезъ двѣ недѣли потомъ, Января 27-го, въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, Князь Голицынъ производилъ съ ввѣренною ему конницею множество атакъ на пѣхоту и кавалерію Французскую. Наградами его за сію кровопролитную битву были ордена Св. Владиміра 2-й степени и Прусскій Краснаго Орла 1-й степени. При возобновленіи военныхъ дѣйствій, въ исходѣ Мая 1807-го года, продолжая начальствовать конницею лѣваго крыла арміи, Князь Голицынъ участвовалъ въ пораженіи Маршала Нея между Гутштатомъ и рѣкою Пассаргою, и способствовалъ побѣдѣ, одержанной 29-го Мая надъ Наполеономъ подъ Гейльсбергомъ. Спустя день, Главнокомандовавшій Беннигсенъ послалъ Князя Дмитрія Владиміровича съ коннымъ отрядомъ къ Фридланду, приказывая ему предупредить здѣсь Французовъ, и собрать свѣдѣнія о движеніяхъ Наполеоновой арміи. Подходя къ Фридланду, Князь Голицынъ встрѣтилъ бѣжавшихъ оттуда нашихъ маркитантовъ, фурлейтовъ и другихъ обозныхъ служителей. Они извѣстили его, что Французская конница заняла Фридландъ. Князь Голицынъ приказалъ бывшему въ головѣ отряда его Уланскому Цесаревича Константина Павловича полку

выгнать Французовъ изъ города. Приказаніе было исполнено мужественно, и послѣ кровавой рубки, уланы, одушевляемые присутствіемъ Князя Д. В. Голицына, выбили непріятелей изъ города, полонивъ 4-хъ офицеровъ и 56 рядовыхъ. Очистивъ такимъ образомъ Фридландъ, Князь Голицынъ послалъ разъѣзды и лазутчиковъ развѣдывать о движеніи Наполеона. Въ слѣдующій день произошло Фридландское сраженіе, въ коемъ Князь Голицынъ поддержалъ громкую военную извѣстность, стяжавшую имъ въ семъ походѣ. Императоръ Александръ пожаловалъ ему тогда золотую шпагу съ алмазами и надписью: «За храбрость», а Прусскій Король орденъ Чернаго Орла.

По возвращеніи въ Россію послѣ Тильзитскаго мира, Князь Д. В. Голицынъ оставался съ своею дивизіею близъ Вильны. Черезъ годъ потомъ, когда веденная Императоромъ Александромъ противъ Шведовъ война приняла невыгодный для насъ оборотъ, Князь Дмитрій Владиміровичъ получилъ повелѣніе идти поспѣшно въ Финляндію. Усиленными походами двинулся онъ изъ Вильны къ новому назначенію; Іюля 22-го представлялъ свою дивизію Государю въ Петербургѣ, въ Августѣ вступилъ въ Финляндію и вскорѣ потомъ расположился въ Тавастгусѣ, откуда въ Ноябрѣ пошелъ къ Вазѣ и принялъ начальство надъ Вазскимъ Корпусомъ, состоявшимъ изъ 8554 человѣкъ. Между тѣмъ побѣдами Графа Каменскаго Финляндія была очищена отъ Шведскихъ войскъ; наступили лютые морозы: Императоръ Александръ вознамѣрился двинуть войска по льду въ Швецію. Какъ будто предугадывая свѣтлую мысль Монарха, Князь Д. В. Голицынъ, еще прежде полученія имъ повелѣнія о переходѣ черезъ Ботническій заливъ, посылалъ изъ Вазы, сперва Преображенскаго полка Капитана Графа Толстаго и потомъ Войсковаго Старшину Киселева 2-го, каждаго съ десяткомъ отборныхъ казаковъ, для развѣдыванія о пути черезъ Кваркенскій проливъ, и о силахъ непріятельскихъ на противномъ берегу. Оба доходили до Гадденскаго маяка, и донесли, какъ о возможности перехода, такъ и о томъ, что въ Веcтроботніи Шведскихъ войскъ немного. Вскорѣ потомъ получено было повелѣніе Императора Александра перейдти Ботническій Заливъ въ трехъ мѣстахъ. Но Князь Дмитрій Владиміровичъ не имѣлъ чести совершить дѣло, для коего были уже имъ готовимы средства, и исполненіе подвига досталось Барклаю де-Толли, который награжденъ былъ за то чиномъ Генерала отъ Инфантеріи. Возникшія по сему случаю недоумѣнія заставили Князя Голицына просить объ увольненіи отъ службы, и онъ былъ уволенъ, Апрѣля 8-го 1809 года, съ мундиромъ.

Болѣе двухъ лѣтъ провелъ послѣ сего Князь Д. В. Голицынъ среди своего семейства, въ обществѣ друзей и родныхъ, и путешествовалъ по Германіи, гдѣ слушалъ курсы въ разныхъ Университетахъ. Возвратясь въ Россію, большею частію жилъ онъ въ своихъ деревняхъ и въ Москвѣ, посвящая время наукамъ, словесности и попеченіямъ о благѣ своихъ крестьянъ. Здѣсь можно замѣтить, что Князь Д. В. Голицынъ былъ однимъ изъ споспѣшествовавшихъ введенію въ Россіи благодѣтельной коровьей оспы, и еще въ 1803 году, получилъ Высочайшую признательность за распространеніе ея въ Орловской Губерніи, гдѣ находились его главныя помѣстья. Москва оживлена была въ то время какою-то удвоенною дѣятельностію, какъ будто предчувствуя, что ей вскорѣ должно искупить Отечество великою жертвою. Въ Москвѣ находились еще тогда многіе памятники вѣка Екатерины. Среди нихъ почетнымъ лицомъ являлась родительница Князя Д. В. Голицына — нѣкогда украшеніе Двора Екатерины — которой поднесъ вѣнокъ старый Фельдмаршалъ Минихъ на каруселе 1776 года, признавая ее первою изъ всѣхъ красавицею (*). Достигнувъ

(*) Родительница Князя Д. В. Голицына, дочь Графа Петра Григорьевича Чернышева, была Штатсъ-Дамою и Кавалерственною Дамою ордена Св. Екатерины. Она скончалась въ глубокой старости, въ 1837 году, почти 97 лѣтъ отъ рожденія. Чтя и обожая ее, Князь Д. В. Голицынъ ежегодно пріѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ на дни ея рожденія, праздновать сей день съ своею сестрою, супругою Графа П. А. Строганова, Графинею Софьею Владиміровною, и многочисленными родными и друзьями. Другая сестра

преклонныхъ лѣтъ, Княгиня Наталья Петровна, почтенная уваженіемъ при Дворѣ трехъ Императоровъ, до кончины своей была законодательницею вкуса и свѣтскихъ приличій. У брата Князя Д. В. Голицына, Князя Бориса Владиміровича, собиралось тогда въ Москвѣ избранное Общество, гдѣ къ забавамъ большаго свѣта допущено было просвѣщенное покровительство наукѣ, художествамъ и словесности. Ветераны Москвы помнятъ тѣ вечера въ домѣ Голицына, когда Мерзляковъ читалъ, зимою 1811 года, свои литературныя бесѣды.

Отдыхъ Князя Д. В. Голицына не былъ однакожъ продолжителенъ. Буря войны 1812-го года неслась на Россію съ полчищами Наполеона. Продолжавшіяся послѣ увольненія отъ службы Князя Д. В. Голицына недоумѣнія препятствовали вступленію его въ воинскіе ряды, при самомъ пламенномъ усердіи его стать въ числѣ защитниковъ Отечества. Назначеніе Кутузова Главнокомандующимъ рѣшило всѣ сомнѣнія. Князь Д. В. Голицынъ и старшій братъ его немедленно послали прозьбу о принятіи ихъ въ службу, и не дожидаясь извѣстія объ исполненіи прозьбы своей, спѣшили явиться въ станъ вождя Русскихъ силъ въ Двѣнадцатомъ Году. Кутузовъ принялъ ихъ съ распростертыми объятіями, и поручилъ Князю Дмитрію Владиміровичу начальство надъ всею конницею 2-й арміи, Князя Багратіона. Такимъ образомъ онъ былъ опять среди старыхъ товарищей своей боевой службы, числясь еще въ отставкѣ, потому что опредѣленіе его въ службу послѣдовало не прежде 31-го Августа 1812 года. При распоряженіи войскъ къ Бородинскому бою, Кутузовъ подчинилъ Д. В. Голицыну 1-ю и 2-ю Кирасирскія дивизіи, соединенно составившія Кирасирскій Корпусъ, а до того времени находившіяся раздѣльно при 1-й и 2-й арміяхъ. Ихъ составляли, 1-ю, подъ начальствомъ Генерала Депрерадовича, полки Лейбъ-Гвардіи Кавалергардскій и Конногвардейскій, Кирасирскіе: Его Величества, Ея Величества и Астраханскій; 2-ю Дивизію, подъ начальствомъ Генерала Дуки, полки Кирасирскіе: Орденскій, Екатеринославскій, Глуховской, Малороссійскій и Новгородскій. Ввѣряя Князю Голицыну отборныя войска, Кутузовъ приказалъ ему, Августа 23-го, поставить ихъ въ колоннахъ за Гвардіею, потому что еще не могъ знать, на какое мѣсто нашей позиціи Наполеонъ поведетъ главное нападеніе. Въ слѣдующій день, при атакѣ Французами Шевардинскаго редута, Кутузовъ приказалъ лично Князю Голицыну отправить туда 2-ю Кирасирскую дивизію. Прибывъ къ назначенному мѣсту, Князь Голицынъ поставилъ дивизію въ резервъ, выжидая удобнаго случая для нападенія. Когда послѣ упорной битвы съ нашею пѣхотою, Французы уже во мракѣ ночи двинулись въ послѣдній разъ на редутъ, и были разбиты дивизіею Невѣровскаго, атака Кирасировъ довершила ихъ разстройство; пять орудій было схвачено Кирасирами; оставя 3 подбитыя, они вывезли 2 другія. Убѣдясь, изъ нападенія на Шевардинскій редутъ и движеній, произведенныхъ Наполеономъ 25-го Августа, въ намѣреніи его обрушиться на наше лѣвое крыло, Кутузовъ велѣлъ Князю Голицыну поставить 2-ю Кирасирскую дивизію за второю Гренадерскою дивизіею, сзади Семеновскаго, а 1-ю за Гвардейскимъ Корпусомъ, сзади Князькова. Начался великій бой Бородинскій. Даву, Ней, Жюно устремились на Багратіона, и были принуждены уступить непобѣдимой твердости его полковъ. Подкрѣпленные Неемъ и Мюратомъ, они возобновили нападенія, но между тѣмъ и Князь Багратіонъ былъ усиленъ свѣжими войсками. Въ числѣ сихъ войскъ находились всѣ Кирасирскіе полки, состоявшіе подъ начальствомъ Князя Голицына, кромѣ Кавалергардскаго и Конногвардейскаго, ибо Кутузовъ велѣлъ сберегать ихъ до послѣдней крайности. Едва Князь Голицынъ явился съ своими полками къ Багратіону, начались страшныя атаки Наполеона, подъ прикрытіемъ 400 орудій и при от-

---

Князя Д. В. Голицына была, за блиставшимъ въ Москвѣ роскошью и гостепріимствомъ, Ст. Ст. Апраксинымъ, сыномъ Фельдмаршала. Три двоюродныя сестры его, дочери Князя Алексѣя Борисовича, были за Графомъ Петромъ Александровичемъ Толстымъ — въ 1807 году Посолъ Александра при Наполеонѣ — за Графомъ Остерманомъ — герой Кульма — и за Графомъ Сенъ-При, нынѣ Перъ Франціи.

вѣтѣ изъ 300 Русскихъ. Лѣвое крыло наше явило позорище неслыханнаго боя. Пѣхота смѣшалась съ конницею. Багратіонъ былъ раненъ и удалился съ поля сраженія. Русскіе уступили свои укрѣпленія передъ Семеновскимъ. Мюратъ хотѣлъ довершить пріобрѣтенныя выгоды ударомъ громаднаго числа конницы, но всѣ усилія его сломить Русскихъ были тщетны. Отраженію непріятелей во многомъ помогли предводимые Княземъ Голицынымъ Кирасиры. Они устремлялись на Французскую конницу, врѣзывались въ пѣхоту, кидались на батареи. Въ одной изъ безчисленныхъ атакъ нашихъ Кирасировъ, успѣли они отбить два Французскія орудія. Во время кровавой, безпримѣрной битвы, Князь Голицынъ распоряжалъ отборнымъ войскомъ съ обычнымъ хладнокровіемъ своимъ. По окончаніи сраженія, поступивъ съ Кирасирами въ резервъ, довелъ онъ ихъ до Тарутина, пройдя черезъ сиротѣвшую, предаваемую врагамъ Москву, которую черезъ семь лѣтъ потомъ суждено ему было великолѣпно воздвигать изъ развалинъ. Онъ былъ свидѣтелемъ Тарутинской и Малоярославецкой битвъ, состоя подъ начальствомъ Тормасова. При походѣ отъ Малоярославца командовалъ онъ среднею колонною, состоявшею изъ 5-го, или Гвардейскаго, и 7-го пѣхотныхъ корпусовъ и 2-й Кирасирской дивизіи. Потомъ, въ Детчинѣ, при раздѣленіи арміи на двѣ колонны, Кутузовъ ввѣрилъ ему обѣ Кирасирскія дивизіи и два пѣхотные Корпуса, съ коими онъ слѣдовалъ къ Вязьмѣ. Когда, Октября 22-го, Милорадовичъ напалъ здѣсь на Французскую армію, Кутузовъ послалъ Князя Голицына подкрѣплять его. Ноября 4-го Князь Д. В. Голицынъ съ Кирасирами прикрывалъ главную армію со стороны Краснаго. Когда на другой день Кутузовъ рѣшился заградить Наполеону путь изъ Краснаго, раздѣлилъ онъ армію на три части. Одну поручилъ онъ Милорадовичу, другую Тормасову, а третью, долженствовавшую атаковать Наполеона съ фронта, ввѣрилъ Князю Голицыну. Такимъ образомъ довелось Князю Дмитрію Владиміровичу въ другой разъ въ жизни сражаться лично противъ Наполеона. Важное возложенное на него порученіе было исполнено искусно, за что, по представленію Кутузова, Императоръ Александръ пожаловалъ ему Александровскую ленту. Послѣ Красненскихъ сраженій Князь Дмитрій Владиміровичъ болѣе не участвовалъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ, ибо съ ввѣреннымъ ему войскомъ находился при главной арміи Кутузова, который, обративъ подъ Краснымъ Наполеона въ бѣгство, предоставилъ Милорадовичу, Чичагову и Графу Витгенштейну окончательное истребленіе войскъ его, а самъ шелъ съ главною арміею путями, на коихъ не встрѣчалъ Французовъ.

При выступленіи Русскихъ войскъ за границу, въ Январѣ 1813-го года, Князь Голицынъ продолжалъ командовать Кирасирами и состоялъ подъ главнымъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича, во всю жизнь свою къ нему особенно благоволившаго. Князь былъ ежедневнымъ собесѣдникомъ Цесаревича и довѣрителемъ мыслей его. Вмѣстѣ съ Его Высочествомъ находился онъ въ сраженіяхъ подъ Люценомъ и Бауценомъ, гдѣ Кирасиры его были въ резервѣ. Во время Пойшвицкаго перемирія, изъ Кирасировъ составили три дивизіи, Генераловъ Депрерадовича, Кретова и Дуки, порученныя Князю Д. В. Голицыну, и къ нимъ приданы Легкая Гвардейская Кавалерійская дивизія, Шевича, три полка армейскихъ Улановъ, и три полка Казачьихъ. Все сіе войско образовало Кавалерійскій резервный Корпусъ, состоявшій, вмѣстѣ съ пѣхотными резервами, подъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича. Съ предводимыми имъ войсками Князь Голицынъ былъ въ сраженіи подъ Дрезденомъ и принялъ блистательное участіе въ Кульмской битвѣ, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 1-й степени. Въ сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ, 4-го и 6-го Октября, ввѣренныя Князю Голицыну войска были расположены на разныхъ мѣстахъ поля битвъ, и Князь находился тамъ, гдѣ обстоятельства наиболѣе требовали присутствія его. Въ одной кавалерійской атакѣ убита была подъ нимъ лошадь. Императоръ Францъ пожаловалъ ему за Лейпцигскія сраженія орденъ Маріи Терезіи 3-й степени. Въ Январѣ 1814-го года, перейдя съ резервами Цесаревича Константина Павловича черезъ

Рейнъ, Князь Д. В. Голицынъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Бріенномъ, Арсисомъ сюръ-Объ, Фершампенуазомъ и Парижемъ, за которыя, Апрѣля 2-го, былъ произведенъ въ Генералы отъ Кавалеріи.

По возвращеніи Русскихъ армій изъ Франціи въ Россію, Августа 9-го 1814 года, Князь Голицынъ назначенъ былъ командиромъ 1-го резервнаго Кавалерійскаго Корпуса; Сентября 2-го поручены были начальству его 1-я и 2-я Гвардейскія пѣхотныя дивизіи, а 2-го Марта 1815 года, присовокуплено къ тому начальство надъ Легкою Гвардейскою Кавалерійскою дивизіею. Въ 1818 году, Іюля 12-го, Князь Д. В. Голицынъ назначенъ командиромъ 2-го пѣхотнаго Корпуса. Въ 1820 году кончилось его воинское служеніе, назначеніемъ его, послѣ скончавшагося въ то время Графа Тормасова, Военнымъ Генералъ Губернаторомъ Москвы, съ управленіемъ и по гражданской части. Грустно было Князю Д. В. Голицыну разставаться съ боевымъ поприщемъ, начатымъ съ Суворовымъ подъ Прагою и конченнымъ съ Императоромъ Александромъ подъ Парижемъ. Ничто не выражаетъ тогдашнихъ мыслей и чувствъ его лучше слѣдующаго письма, которое писалъ онъ къ своей родительницѣ, когда извѣстился о своемъ новомъ назначеніи: «Не могу скрыть скорби моей, «оставляя поприще, по коему слѣдовалъ около «тридцати лѣтъ. Всегда исключительно посвя«щалъ я себя военному ремеслу, и мои по«нятія никогда не совращались съ сей точки «зрѣнія. Не могу безъ чувства робости вступить «на поприще Правителя, не довѣряя моимъ си«ламъ. Могу приступить къ нему только съ ру«ководствомъ здраваго смысла и опытности, ко«торую лѣта могутъ передать вообще объ обя«занностяхъ Правителя. Только, страшась не «повиноваться Государю, я не отказываюсь «отъ принятія обязанности, мнѣ неизвѣстной. «Слова мои не лицемѣрство, но голосъ истины «и душевнаго сознанія предлежащихъ обязан«ностей».

Такое откровенное признаніе собственныхъ недостатковъ, такое недовѣріе къ силамъ своимъ, при взглядѣ на дѣло, возлагаемое Монархомъ, были слѣдствіемъ только благоразумной осторожности новаго Начальника Москвы. Принявъ на себя должность, Князь Д. В. Голицынъ вскорѣ умѣлъ дополнить свою неопытность тщательнымъ изученіемъ дѣлъ, и свѣтлый умъ, при обширной образованности, при безкорыстномъ желаніи добра, при неутомимомъ трудѣ, поставилъ имя Князя Д. В. Голицына въ числѣ именъ тѣхъ градоначальниковъ, которые навсегда останутся въ памяти жителей древней Столицы Русскихъ Царей. Сказать, что Князь Д. В. Голицынъ былъ судія правосудный, исполнитель обязанностей, хранитель порядка, значило бы сказать, что онъ только исполнялъ обыкновенныя условія своего назначенія. Мы означимъ здѣсь, напротивъ, не многія изъ тѣхъ многочисленныхъ чертъ, коими заслужилъ онъ особенную признательность Москвы.

Князь Д. В. Голицынъ принялъ управленіе Москвою не въ обыкновенное время, ибо только семь лѣтъ прошло тогда со времени пребыванія въ Москвѣ Наполеона, оставившаго взорванный Кремль, среди обширнаго Московскаго пожарища. Надлежало возстановлять и возсоздать, примиряя требованія порядка съ нуждами жителей, необходимость улучшеній съ пожертвованіями людей, потерпѣвшихъ гибельное разореніе. Прямое усердіе къ дѣлу Князя Д. В. Голицына все примирило. Не чувствуя тягостей и жертвъ, Москва ожила, увеличилась, украсилась стараніями ея попечительнаго Начальника. Изглажены были слѣды разоренія, и народонаселеніе, промышленность и богатства жителей Москвы увеличились. Не теряя своей оригинальности, Москва обновилась изящнымъ вкусомъ въ зодчествѣ. Кремль явился въ обновленномъ видѣ, когда прежнія непроходимыя топи по теченію Неглинной, и засыпанные рвы его, замѣнились садами и бульварами; Красная площадь, съ изумительною церковью Василія Блаженнаго, была очищена, и особенно украсилась, когда торговые ряды и ветхое зданіе присутственныхъ мѣстъ были передѣланы. При возобновленіи огромнаго Петровскаго Театра, грязный пустырь около Китая-города закрылся великолѣпными домами, и безобразный Кузнецкій мостъ замѣнился кра-

сивою улицею. Пески и рытвины за Петербургскою заставою превратились въ роскошный Петровскій паркъ, гдѣ воздвиглись Тріумфальныя врата, на мѣстѣ заставы, и цѣлое населеніе дачь, съ воксаломъ, лѣтнимъ театромъ, и Тверскою ямскою, въ коей лачуги замѣнились каменными домами, образовало въѣздъ изъ Петербурга, достойный столицы. Улицы были выправлены. На мѣстѣ пустырей и хижинъ явились красивые домы; на мѣстѣ уродливыхъ валовъ протянулись бульвары; нечистота города отвращена мостовыми и тротуарами; безопасность жителей увеличена освѣщеніемъ улицъ, и устройствомъ Полиціи и превосходной пожарной команды. Недостатокъ воды для продовольствія жителей былъ дополненъ великолѣпнымъ водопроводомъ, по которому была проведена въ Москву чистая ключевая вода изъ Мытищъ, изъ за 30-ти верстъ, и освѣжила городскія площади фонтанами. Дороговизна дровъ, при вырубкѣ окрестныхъ лѣсовъ, была замѣнена стараніемъ отыскать турфъ и усилить выдѣлку его. Благотворительныя заведенія являлись предметомъ безпрерывныхъ попеченій Князя Д. В. Голицына, и при немъ открыты были домы призрѣнія, богадѣльни, пріюты, на которыя, по его слову, жители не щадили пожертвованій и Правительство пособій. Заботясь о промышленности Москвитянъ, онъ посѣщалъ фабрики и заводы, совѣтовался съ ихъ хозяевами, привелъ въ порядокъ учрежденіе цеховъ, ревностно старался о выставкахъ произведеній промышленности, объ устройствѣ особеннаго магазина Русскихъ издѣлій, о безопасности и красотѣ торговыхъ рядовъ Московскихъ, гдѣ прежде милльонныя складки товаровъ подвергались безпрерывной опасности. Мысль его послужила въ основаніе Земледѣльческаго Общества въ Москвѣ, коего до кончины своей онъ былъ предсѣдателемъ и ревностнымъ членомъ. Обществами Овцеводства и выдѣлки Свекловичнаго сахара, присовокупленными къ Земледѣльческому, Школою Агрономическою, Опытнымъ Хуторомъ, изданіемъ Земледѣльческаго Журнала, распространеніемъ полезныхъ книгъ и практическихъ свѣдѣній, возбужденіемъ дѣятельности членовъ Обществъ, распространеніемъ плодоперемѣнной системы, принесены были огромныя пользы Отечеству. При Князѣ Д. В. Голицынѣ, его заботою, заведено было также Общество Садоводства, учреждены Конскія Скачки, столь важныя для коннозаводства Государственнаго. Не было ни одного благотворительнаго и полезнаго предпріятія, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, гдѣ не былъ бы онъ вкладчикомъ, начальникомъ, сподвижникомъ. Принявъ на себя предсѣдательство въ училищѣ молодыхъ людей купеческаго сословія, Практической Коммерческой Академіи, онъ возвелъ его малыми средствами въ цвѣтущее состояніе, и возбудилъ охоту купцовъ къ наукѣ. Его умѣнье въ обхожденіи съ людьми, его искуство возбудить усердіе, согласить противорѣчія, были изумительны. Москва полюбила его, свыклась съ нимъ. Каждый смѣло шелъ къ нему, каждый, безъ различія чиновъ и званій, находилъ въ немъ покровительство, привѣтъ и ласку. За то, довольно было одного слова его, и Москва, громадная, шумная, своенравная Москва повиновалась его волѣ. Самовидцы помнятъ удивленіе, какое возбуждали во всѣхъ порядокъ, тишина и стройность при многихъ случаяхъ, грустныхъ и радостныхъ, во время управленія Москвою Княземъ Д. В. Голицынымъ. Таковы были: печальное шествіе при встрѣчѣ и провожаніи гроба Императора Александра, и радостное торжество коронованія Императора Николая, когда Дворъ, сановники, послы, тысячи иностранцовъ, десятки тысячь иногородныхъ посѣтителей и множество войскъ наполнили Москву. Настало бѣдственное время холеры, и Голицынъ забывалъ себя въ самопожертвованіи, какъ будто удвоивъ силы при видѣ Царя, представшаго въ бѣдствовавшей тогда Москвѣ. Онъ являлся среди страждущихъ, присутствовалъ въ Комитетахъ, довольствовалъ Москву, оцѣпленную кордонами, молился съ жителями ея, не давалъ имъ чувствовать, ни ужасовъ болѣзни, ни недостатка въ продовольствіи, оживилъ духъ жителей, и Москва безмолвно и кротко повиновалась ему; нигдѣ не было нарушено спокойствіе, и неисчилимы были благословенія Москвичей ихъ доброму Начальнику. Руководимая Княземъ Д. В. Голицынымъ, Мо-

сква первая убѣдилась въ незаразительности холеры — истина, которой долго потомъ не вѣрили въ Европѣ, и незнаніе коей возбуждало почти всюду волненія. Въ 1834-мъ году неурожай угрожалъ Москвѣ голодомъ, но своевременными благоразумными распоряженіями, Голицынъ не допустилъ возвыситься цѣнамъ на хлѣбъ.

Въ томъ же 1834 году, при необычайно знойномъ лѣтѣ, начались въ Москвѣ опустошительные пожары. Князь Д. В. Голицынъ бодрствовалъ днемъ и ночью, первый являлся среди бѣдствующихъ, послѣдній уходилъ съ пожарищъ, подавалъ примѣръ отваги, и его дѣятельности обязана была Москва прекращеніемъ бѣдствія. Замѣтимъ прекрасную черту его характера: послѣ холеры, голосъ людей, считавшихъ необходимымъ карантинное очищеніе города, склонилъ мнѣніе Князя Д. В. Голицына, и онъ отправилъ донесеніе Государю Императору, объясняя необходимость очищенія. Явились другіе, и положительно доказали безполезность и вредъ, какой нанесетъ очищеніе благосостоянію жителей. Послѣ долгихъ соображеній, Князь Д. В. Голицынъ убѣдился доводами противниковъ очищенія, и вопреки прежнему донесенію своему, спѣшилъ отправить другое, гдѣ искренно сознавался въ своей ошибкѣ. Очищеніе было отмѣнено, и тѣмъ сохранены миллионы капиталовъ. Вопросъ о лажѣ на деньги возбуждалъ его особенное вниманіе. Онъ собиралъ у себя комитеты, выслушивалъ мнѣнія, входилъ во всѣ подробности, и былъ однимъ изъ виновниковъ удаленія сего гибельнаго для торговли и промышленности зла. По его ходатайству приведены въ порядокъ запретительныя книги, до того времени стѣснявшія свободный переходъ собственности отъ одного лица къ другому, и развитіе кредита.

Среди заботъ по должности и свѣтской жизни, Князь Д. В. Голицынъ находилъ время заниматься наукою и литературою. Членъ всѣхъ ученыхъ обществъ Московскихъ и многихъ иностранныхъ, онъ бывалъ постояннымъ посѣтителемъ засѣданій, курсовъ, читаемыхъ учеными людьми, актовъ и собраній ученыхъ. Онъ собиралъ также у себя ученыхъ и литераторовъ, и находилъ услажденіе въ бесѣдѣ съ ними. По его предначертаніямъ производимы были статистическія занятія разныхъ ученыхъ людей, дѣланы ученыя изслѣдованія и хозяйственные опыты, при чемъ Князь Д. В. Голицынъ не щадилъ собственнаго иждивенія. На счетъ его начато было составленіе и изданіе великолѣпныхъ «Памятниковъ Московской древности», Журнала «Bulletin du Nord», которымъ хотѣлъ онъ распространять свѣдѣнія о Россіи въ чужихъ земляхъ, находя недостойными нашего вѣка невѣрныя извѣстія иностранцовъ о Россіи. Мы говорили о литературно военныхъ трудахъ его въ юности. И въ послѣдствіи онъ не оставлялъ ихъ. Въ 1794 году издалъ онъ *Руководство для волонтеровъ*, а въ 1804 году, въ Орлѣ, и потомъ, въ 1805 году, въ С. Петербургѣ, *Опытъ наставленій, касающихся до экзерциціи и маневровъ кавалерійскаго полка.*

Раздѣляя горести и бѣдствія Москвичей, Князь Д. В. Голицынъ являлся участникомъ радостей и увеселеній ихъ, заботился объ удовольствіяхъ народныхъ, былъ радушнымъ гостемъ гражданъ, и всегда видали его, ласковаго и привѣтливаго, на гуляньяхъ и увеселеніяхъ народныхъ. Подъ управленіемъ его находился нѣсколько лѣтъ Московскій театръ, и онъ заботился объ устройствѣ и совершенствѣ его, заведеніи балета, Русской оперы, усовершенствованіи театральной школы и обезпеченіи участи артистовъ театра. Музыка была однимъ изъ любимыхъ его наслажденій, и частными пожертвованіями, подъ распоряженіемъ его, нѣсколько лѣтъ содержалась въ Москвѣ Итальянская опера. Представитель Царя въ древней Столицѣ, онъ великолѣпно и радушно угощалъ Москву въ торжественные дни, и обладатель 14,000 душъ крестьянъ, являлся вельможею въ жизни своей, не щадя расходовъ на благотворенія и на великолѣпіе въ образѣ жизни, изъ коего изгнана была, нѣкогда прелестная, но уже съ понятіями XIX-го столѣтія несовмѣстная, барская, Азіятская роскошь. На праздникахъ въ подмосковномъ селѣ его Рождественскомъ, онъ былъ гостепріимнымъ хозяиномъ, и — велича-

вымъ вельможею при торжественныхъ случаяхъ. Великолѣпные праздники его во время коронованія Императора Николая обращали вниманіе иностранцовъ, когда на перерывъ отличались роскошью Послы и Русскіе богачи, Девонширъ, Мармонъ, Голицыны, Юсуповы, Орловы. Отправленный посломъ въ Петербургъ, Хозревъ Мирза такъ былъ восхищенъ пріемомъ Князя Голицына въ Москвѣ, что испросилъ ему у дѣда своего, Фетъ-Али-Шаха Персидскаго, орденъ Льва и Солнца 1-й степени, бриллiантами украшенный, который и присланъ былъ Князю Д. В. Голицыну въ Іюлѣ 1833 года, съ Высочайшимъ соизволеніемъ принять его.

Служба и труды Князя Д. В. Голицына удостоились многихъ Высочайшихъ наградъ. Императоръ Александръ и Императоръ Николай, посѣщая Москву и при ежегодныхъ поѣздкахъ Голицына въ Петербургъ, всегда изъявляли ему Свое особенное милостивое благоволеніе. Въ 1821-мъ году онъ назначенъ былъ Членомъ Государственнаго Совѣта, а Декабря 25-го 1825-го года, награжденъ орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, «въ ознаменованіе «постояннаго уваженія, коимъ онъ пользовался «отъ Императора Александра, и въ знакъ «Собственнаго вниманія Его Императорскаго «Величества къ новымъ опытамъ отличнаго «служенія Государству, въ сохраненіи, во ввѣ«ренной управленію его первопрестольной сто«лицѣ Москвѣ, примѣрнаго порядка, сопряжен«наго съ истинною пользою Отечества». Марта 19-го 1830-го года, пожалованы ему были, «въ «ознаменованіе совершенной признательности къ «отличной службѣ и ревностному попеченію о «благоустройствѣ ввѣренной ему первопрестоль«ной столицы Москвы», алмазные знаки Андреевскаго ордена. Послѣ прекращенія холеры въ Москвѣ, Князь Д. В. Голицынъ награжденъ былъ, Ноября 8-го 1831-го года, вензеловымъ изображеніемъ имени Государя Императора на эполеты, «въ знакъ особеннаго уваженія и полной «признательности къ заслугамъ, за неусыпную «дѣятельность по обширнѣйшему управленію сто«лицею». Октября 21-го 1834 года, «въ знакъ «особенной признательности Государя Императора, Князь Д. В. Голицынъ назначенъ былъ «Шефомъ Орденскаго Кирасирскаго полка». Декабря 6-го 1837 года, удостоился онъ, «при «изъявленіи полной и совершенной Монаршей «признательности», награды портретомъ Императора, алмазами украшеннымъ, для ношенія въ петлицѣ, «за долговременную и всегда от«личную службу, постоянно ознаменованную «опытами неизмѣннаго усердія къ пользѣ, бла«гу и славѣ Отечества, примѣрно ревностные «труды при управленіи столицею, благоразум«ную попечительность, неусыпную дѣятельность, «и приведеніе всѣхъ частей многосложнаго упра«вленія до возможной степени благоустройства». Наконецъ, при торжествѣ бракосочетанія Государя Наслѣдника Престола, Апрѣля 16-го 1841-го года, «въ доказательство постояннаго «благоволенія Его Императорскаго Величе«ства и совершенной признательности за долго«временное, всегда полезное служеніе Престолу «и Отечеству, ознаменованное подвигами отлич«наго мужества и храбрости во время войны, и «многими опытами пламеннаго усердія и при«мѣрной попечительности на пользу и благо«устройство первопрестольной столицы въ про«долженіе 24-хъ лѣтняго управленія его въ зва«ніи главнаго Начальника», Государь Императоръ «соизволилъ присвоить къ носимому Кня«земъ Голицынымъ, съ нисходящимъ отъ него «потомствомъ, Княжескому достоинству, титулъ «*Свѣтлости*». Въ томъ же году, Мая 14-го, «за «найденныя въ день торжественнаго въѣзда, «14-го Мая, въ Первопрестольную столицу «Имперіи, Государя Наслѣдника Цесареви«ча, съ Супругою, благоустройство города, по«рядокъ, всѣми въ немъ наблюдаемый, при мно«гочисленномъ стеченіи народа, и въ особенности «за изъявленіе нелицемѣрной любви, искренняго «восторга и сердечнаго радушія жителей Мо«сквы», Высочайше изъявлена Князю Голицыну признательность «за достохвальное служеніе его». Въ 1842 году, Марта 25-го, Государь Императоръ повелѣлъ числиться Князю Д. В. Голицыну въ Лейбъ-Гвардіи Конномъ полку. Въ 1837 году, Ноября 19-го, объявлена была ему «особенная признательность, за примѣрную и

«постоянную попечительность, которая всегда ока-«зываема была имъ, при всякомъ общеполез-«номъ предпріятіи», по случаю устройства въ Москвѣ военной богадѣльни для призрѣнія отставныхъ нижнихъ чиновъ неимущаго состоянія, «доведенной благотвореніями до столь удовле-«творительнаго устройства, что имѣетъ на бу-«дущее время достаточныя средства къ испол-«ненію благодѣтельныхъ видовъ своего предна-«значенія».

Послѣ бѣдствій холеры, Москва изъявила чувства свои Князю Д. В. Голицыну: единодушно положено было въ Домѣ Московскаго Градскаго Общества испросить Высочайшее позволеніе на поднесеніе ему памятника, который сохранилъ бы въ потомствѣ благодарность къ нему Москвы. По полученіи Высочайшаго позволенія, даннаго «не въ примѣръ другимъ, «и какъ особенное исключеніе», Домъ Московскаго Градскаго Общества заказалъ знаменитому ваятелю Витали мраморный бюстъ Князя Д. В. Голицына. Поставленный на великолѣпномъ подножіи, съ надписями, гербомъ и богатыми украшеніями, бюстъ сей торжественно представленъ былъ Князю Д. В. Голицыну. Князь могъ изъявить благодарность свою Москвичамъ не многими словами, которыя прерваны были слезами умиленія его, при изъявленіи единодушнаго восторга всѣхъ присутствовавшихъ.

Счастливый вниманіемъ Монарха, любовью жителей Москвы и сознаніемъ исполненія своей обязанности, Князь Д. В. Голицынъ съ 1838 года началъ чувствовать болѣзненные припадки. Дотолѣ бодрый, не смотря на преклонныя лѣта, онъ принужденъ былъ провесть годъ за границею, съ Октября 1838-го по Октябрь 1839 года, и въ 1841 году также провелъ за границею нѣсколько мѣсяцовъ. Отдыхъ и путешествіе, казалось, поправили его здоровье. Но Москва, радостно встрѣчавшая оба раза его возвращеніе, вскорѣ грустно замѣтила, что болѣзнь добраго Начальника ея усилилась. Въ 1843-мъ году, Князь Д. В. Голицынъ принужденъ былъ вновь просить отпускъ. Бодръ и веселъ прощался онъ съ Москвичами, обѣщая имъ пріѣхать *Января 6-го 1845 года*, праздновать двадцатипяти-лѣтній юбилей своего Градоначальства въ Москвѣ. Онъ отправился въ Парижъ, гдѣ нѣкогда провелъ нѣсколько лѣтъ своей юности, и куда потомъ вступалъ подъ побѣдоносными знаменами Александра. Болѣзнь его видимо усиливалась, но посреди страданій въ Парижѣ, онъ не переставалъ заботиться о разныхъ благотворительныхъ и общеполезныхъ заведеніяхъ въ Москвѣ; собиралъ всѣ книги, выходившія о новыхъ открытіяхъ и улучшеніяхъ; за нѣсколько дней до своей кончины писалъ наставленія врачу, находившемуся въ больницѣ, устроенной передъ отъѣздомъ его изъ Москвы. Пособія врачей и попеченія двухъ сыновей, бывшихъ при немъ, не могли отвратить неумолимой смерти. Съ смиреніемъ Христіанина, Князь Д. В. Голицынъ скончался въ Парижѣ, Марта 27-го 1844 года, на 73-мъ году отъ рожденія и на 67-мъ отъ вступленія въ службу. Онъ завѣщалъ похоронить себя въ Москвѣ. Вся Москва подвиглась встрѣтить бренные останки его, и съ скорбію проводила ихъ до могилы въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

Супруга Князя Д. В. Голицына, за нѣсколько лѣтъ прежде него скончавшаяся, была Татьяна Васильевна Васильчикова, сестра Князя Ларіона Васильевича — нынѣ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта. Отъ нея имѣлъ Князь Д. В. Голицынъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. Старшій сынъ, *Князь Владиміръ Дмитріевичъ*, Флигель-Адъютантъ и Гвардіи Ротмистръ; младшій, *Князь Борисъ Дмитріевичъ*, Камеръ-Юнкеръ; дочери: *Екатерина Дмитріевна*, супруга Оберъ-Шенка Князя Николая Васильевича Долгорукаго; *Наталья Дмитріевна*, супруга Генералъ-Адъютанта и Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Графа Николая Александровича Протасова.

Добрый сынъ, попечительный отецъ, вѣрный другъ, усердный вѣрноподданный, мужественный воинъ, величавый бояринъ, просвѣщенный человѣкъ — таковъ былъ Князь Д. В. Голицынъ въ жизни и дѣлахъ своихъ, и всѣ высокія качества его высказывали мужественный видъ и выраженіе прекраснаго, благороднаго лица, гдѣ видны были вмѣстѣ умъ и доброта. Красавецъ

въ юности, на 30-мъ году онъ совершенно посѣдѣлъ, но до конца жизни сохранялъ бодрость и прелесть выраженія. Близорукость зрѣнія не лишала свѣтлые глаза его быстроты взора, и не большая остановка въ произношеніи придавала какое-то особенное добродушіе его разговору и его бесѣдѣ, легко переходившей отъ воинскихъ подвиговъ къ анекдотамъ прежняго Версальскаго Двора, отъ вѣка Екатерины къ вопросамъ агрономіи и промышленности, отъ ученаго предмета къ легкой свѣтской шуткѣ. Храбрость, доказанная имъ въ многочисленныхъ битвахъ, была соединена въ немъ съ рапорядительностью Полководца, чему видимъ свидѣтельство подъ Голиминымъ и Краснымъ, гдѣ онъ сражался съ Наполеономъ — предметъ любимаго имъ воспоминанія. Ничто не могло сравниться съ его внимательностью, кротостью, терпѣніемъ при обращеніи съ подчиненными, при выслушиваніи иногда неловкой и многословной рѣчи простолюдима. Объ немъ можно было повторить, что «если кто и уходилъ отъ него безъ удовлетворенія, за то уносилъ въ сердцѣ чувство благодарности за участіе и привѣтъ». Въ трудахъ былъ онъ неутомимъ. Перечитавъ поутру всѣ бумаги, и изложивъ на каждую свое рѣшеніе, онъ ежедневно принималъ просителей, выѣзжалъ обозрѣвать городъ, являлся всюду, и успѣвалъ находить время для ученыхъ занятій, свѣтской жизни, участія въ забавахъ гражданъ и народа, быть на балѣ, въ засѣданіи ученаго Общества, въ театрѣ, концертѣ, на Земледѣльческомъ Хуторѣ и въ засѣданіи Общества Сельскаго Хозяйства. Память у него была необычайная; въ старости онъ наизусть могъ прочитать отрывки изъ лучшихъ произведеній блестящаго вѣка Французской словесности, не увлекаясь однакожъ исключительнымъ предубѣжденіемъ въ пользу ихъ, и такъ же вполнѣ сочувствовалъ произведеніямъ современной поэзіи, какъ сочувствовалъ онъ всему изящному, благородному, прекрасному.

Генералъ-Лейтенантъ

Николай Мартемьяновичъ С

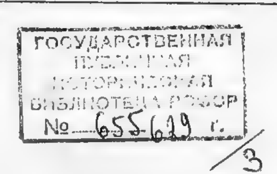
СИПЯГИНЪ.

Н. М. СИПЯГИНЪ.

Николай Мартьяновичъ Сипягинъ, Генералъ-Лейтенантъ и кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Георгія 3-го класса, Св. Владиміра 2-й степени, Св. Анны 1-й степени, съ алмазами, и 4-й степени, Австрійскихъ Маріи-Терезіи меньшаго креста и Св. Леопольда 2-го класса, Прусскихъ Краснаго Орла 2-го класса и «За заслуги», Баварскаго Св. Максимиліана, Французскаго Св. Людовика и Шведскаго Меча 1-го класса, имѣвшій золотую шпагу, съ надписью: «За храбрость,» серебряныя медали въ память 1812-го и 1814-го годовъ и Прусскій Желѣзный Крестъ, родился въ 1785-мъ году, въ Костромской губерніи. Въ 1790-мъ году былъ онъ записанъ Лейбъ-Гвардіи въ Измайловскій полкъ, Сержантомъ, а въ 1795-мъ, по желанію отца его, бывшаго въ то время, въ чинѣ Генералъ-Маіора, Командиромъ Московской Адмиралтейской Конторы, опредѣленъ въ Морской Кадетскій Корпусъ. Въ слѣдующемъ году поступилъ онъ опять Сержантомъ въ Измайловскій полкъ. При восшествіи на Престолъ Императора Павла, повелѣно было всѣмъ, записаннымъ въ военную службу, явиться для дѣйствительнаго исправленія ея, почему Сипягинъ, тогда 11-ти лѣтній отрокъ, принужденъ былъ перейдти въ гражданское вѣдомство. Его записали въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, но въ юной душѣ его кипѣла страсть къ войнѣ. Онъ рѣшился оставить статскую службу, и 22-го Февраля 1800-го года опредѣлился «рядовымъ съ галуномъ» въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ, гдѣ въ томъ же году, Августа 15-го, получилъ чинъ Подпрапорщика, а 30-го Января 1804-го года произведенъ былъ въ Прапорщики.

Въ Августѣ 1805-го года, Сипягинъ выступилъ съ Семеновскимъ полкомъ въ походъ, предпринятый Императоромъ Александромъ противъ Наполеона, и Ноября 20-го участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, гдѣ былъ раненъ пулею въ руку и ядромъ оконтуженъ въ бокъ. За оказанное имъ подъ Аустерлицомъ отличіе былъ онъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ Апрѣлѣ 1806-го года, произведенный въ Подпоручики, выступилъ онъ опять въ походъ, въ Пруссію, участвовалъ, 25-го и 26-го Мая, въ арріергардныхъ дѣлахъ между Гутштадтомъ и рѣкою Пассаргою, 29-го былъ свидѣтелемъ Гейльсбергскаго сраженія, но въ битвѣ не принималъ участія, на-

ходясь съ гвардіею въ резервѣ; Іюня 2-го, подъ Фридландомъ, находился въ самомъ убійственномъ огнѣ. Наградами его за походъ 1807-го были: золотая шпага съ надписью: «За храбрость», и орденъ Св. Анны 3-го (нынѣ 4-й) класса. По заключеніи Тильзитскаго мира, Сипягинъ былъ назначенъ батальоннымъ Адъютантомъ, Ноября 3-го 1807-го произведенъ въ Поручики, а черезъ годъ назначенъ полковымъ Адъютантомъ. Здѣсь открылось поле врожденной ему кипучей дѣятельности. Онъ завелъ образцовый порядокъ въ полковой канцеляріи, устроилъ полковую библіотеку и составилъ историческій обзоръ Семеновскаго полка, изображенный на большомъ листѣ, съ рисунками. Нося въ душѣ своей общее тогда почти всѣмъ Русскимъ убѣжденіе въ непрочности Тильзитскаго мира и неминуемомъ разрывѣ съ Наполеономъ, Сипягинъ приготовлялъ себя наукою къ предстоявшей кровавой войнѣ, и прилежно занимался изученіемъ военнаго искуства. Императоръ Александръ, къ коему, по званію полковаго Адъютанта Семеновскаго полка, Сипягинъ являлся почти каждое утро, замѣтивъ его познанія и расторопность, пожаловалъ его, уже тогда Штабсъ-Капитана, Іюля 11-го 1811 года, Флигель-Адъютантомъ. Въ томъ же году произвели его въ Капитаны.

Въ Апрѣлѣ 1812-го года, при выступленіи Гвардіи изъ Петербурга въ Вильну и во время ея движенія отъ Вильны къ Смоленску, Сипягинъ находился при особѣ Великаго Князя Цесаревича Константина Павловича, а въ началѣ Августа, по отбытіи Его Высочества изъ Смоленска въ Петербургъ, поступилъ къ Князю Багратіону, и находился съ нимъ, Августа 24-го, при защитѣ Шевардинскаго редута, и въ Бородинскомъ сраженіи. Нѣсколько разъ посылаемый Княземъ Багратіономъ къ Кутузову съ донесеніями, Сипягинъ до такой степени снискалъ благорасположеніе Кутузова, что послѣ раны, полученной Княземъ Багратіономъ, Кутузовъ оставилъ его при себѣ, и потомъ приглашалъ его къ своему обѣденному столу, за коимъ краснорѣчіе и любезность Кутузова были неистощимы. За обѣдомъ Кутузовъ забывалъ и бранныя, вокругъ него шумѣвшія тревоги, и громадное бремя предводительства всѣхъ вооруженныхъ силъ Россіи противъ Наполеона. Хозяинъ самый гостепріимный, онъ очаровывалъ гостей своимъ разговоромъ, съ величайшею легкостью переходя отъ предметовъ самыхъ возвышенныхъ къ предметамъ забавнымъ, шутливымъ. Сдѣлавшись ревностнымъ почитателемъ Кутузова, Сипягинъ состоялъ при немъ, отъ битвы Бородинской до сраженія при Малоярославцѣ, и часто былъ употребляемъ въ разныхъ посылкахъ. Когда, послѣ Малоярославецкаго сраженія, Наполеонъ началъ отступать, Сипягинъ, желая ближе участвовать въ преслѣдованіи непріятеля, выпросился у Кутузова къ Милорадовичу, и находился съ нимъ въ сраженіяхъ подъ Вязьмою и Краснымъ, и во многихъ авангардныхъ дѣлахъ. Наградою его за отличіе, оказанное въ Отечественную войну, былъ чинъ Полковника.

Первое порученіе, возложенное на Милорадовича по переходѣ за границу Россіи, состояло въ понужденіи Князя Шварценберга отступить съ Австрійскимъ Корпусомъ изъ Варшавскаго Герцогства въ Галицію. Переговоры о томъ велъ Кутузовъ съ Княземъ Шварценбергомъ, черезъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Анстетта, а Сипягинъ неоднократно былъ посыланъ Милорадовичемъ къ Австрійскому полководцу, съ порученіемъ условиться о движеніяхъ корпуса его, такимъ образомъ, чтобы не произошло столкновенія между Русскими и Австрійскими войсками. Полный успѣхъ увѣнчалъ переговоры съ Княземъ Шварценбергомъ. Вступя въ Варшаву, Милорадовичъ отправилъ Сипягина къ Императору Александру съ ключами ея. Государь наградилъ его за оказанныя имъ заслуги при занятіи Русскими Варшавскаго Герцогства, орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. Вскорѣ потомъ Сипягинъ былъ назначенъ Начальникомъ Штаба ввѣренныхъ Милорадовичу войскъ, называвшихся Авангарднымъ Корпусомъ. Въ семъ званіи былъ онъ съ Милорадовичемъ при обложеніи крѣпости Глогау, откуда пошелъ къ Люцену. Въ происшедшемъ здѣсь, Апрѣля 20-го, сраженіи Императора Александра съ Наполеономъ, Сипягинъ не участвовалъ. Корпусъ Милорадовича, оберегавшій лѣвое кры-

ло нашей армiи, находился тогда въ 15-ти верстахъ отъ поля битвы, въ Цейцѣ. На другой день, Апрѣля 21-го, началось отступленiе наше отъ Люцена къ Бауцену. Милорадовичъ составлялъ арьергардъ армiи, и двѣ недѣли сражаясь почти ежедневно съ Наполеоновыми Маршалами, а иногда и съ самимъ Наполеономъ, покрылъ себя славою. Сипягинъ являлся самымъ ревностнымъ помощникомъ его. Апрѣля 23-го онъ былъ въ дѣлѣ при Вальдгеймѣ, 24-го при Атсдорфѣ, 25-го у Вильсдруфа, 27-го при переправѣ черезъ Эльбу, 29-го у селенiя Вейсига, 30-го у Бишофсверде, 3-го Мая близъ Бауцена, гдѣ командовалъ двумя егерскими полками и отрядомъ казаковъ. Отъ утра до вечера находясь въ пылу битвъ, Сипягинъ проводилъ ночи за письменными дѣлами. Въ двухъ-дневномъ сраженiи подъ Бауценомъ, Мая 8-го и 9-го, исполняя приказанiя Милорадовича, дѣйствовавшаго передъ глазами Императора Александра, Сипягинъ находился въ жестокомъ огнѣ. Фуражка и сюртукъ его были прострѣлены многими пулями. По отступленiи союзныхъ армiй отъ Бауцена, Сипягинъ былъ въ упорныхъ арьергардныхъ дѣлахъ: Мая 10-го при Рейхенбахѣ, гдѣ убитъ наперсникъ Наполеона, Дюрокъ, 11-го близъ Герлица и 12-го у Лаубана. Вскорѣ потомъ заключено было Пойшвицкое перемирiе. Сипягинъ, чувствуя ослабленiе своего здоровья, отправился на Теплицкiя воды, гдѣ оставался до возобновленiя военныхъ дѣйствiй. Они начались въ первыхъ дняхъ Августа. Сипягинъ явился къ Милорадовичу. По прежнему исправляя при немъ должность Начальника Штаба, онъ участвовалъ въ сраженiяхъ 14-го и 15-го Августа подъ Дрезденомъ, и 17-го и 18-го подъ Кульмомъ. Брилльянтовые знаки къ ордену Св. Анны 2-го класса и чинъ Генералъ-Маiора были наградами Сипягина за его новыя отличiя. Потомъ онъ былъ съ Милорадовичемъ въ трехъ-дневной Лейпцигской битвѣ, 4-го, 6-го и 7-го Октября; въ сраженiяхъ при Арсисъ сюръ-Обѣ, 9-го Марта 1814-го года, и наконецъ подъ Парижемъ, 18-го Марта, гдѣ ему порученъ былъ особый отрядъ. Свидѣтель распорядительности его, Императоръ Александръ назначилъ его Своимъ Генералъ-Адъютантомъ и пожаловалъ ему орденъ Св. Георгiя 3-го класса. Почти всѣ Союзные Монархи наградили Сипягина орденами.

По возвращенiи Гвардiи въ Россiю, Сипягинъ былъ назначенъ, Сентября 1-го, Начальникомъ Штаба Гвардейскаго Корпуса, и пять лѣтъ неусыпно занимался приведенiемъ его въ отличное устройство, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й степени. Въ 1819-мъ году онъ былъ назначенъ Начальникомъ 6-й пѣхотной дивизiи, стоявшей сначала въ Ярославлѣ, а потомъ въ Моршанскѣ, и принадлежавшей къ 2-му Пѣхотному Корпусу. И въ семъ новомъ званiи Сипягинъ всячески старался усовершенствовать всѣ части ввѣренной ему дивизiи. Онъ довелъ ее до самаго блестящаго состоянiя, за что, на бывшемъ близъ Пензы, въ 1824 году, Высочайшемъ смотру 2-го Корпуса, удостоился получить благоволенiе Императора Александра и вскорѣ потомъ алмазные знаки ордена Св. Анны 1-й степени. Въ день коронованiя Государя Императора Николая Павловича, Сипягинъ былъ произведенъ, за отличiе, въ Генералъ-Лейтенанты, съ назначенiемъ Начальникомъ Сводной дивизiи 5-го пѣхотнаго корпуса, и вскорѣ послѣ того, при открытiи войны съ Персiею, опредѣленъ Военнымъ Губернаторомъ въ Тифлисъ.

По прибытiи къ мѣсту своего назначенiя, Сипягинъ началъ украшать Тифлисъ, провелъ нѣсколько улицъ, склонялъ Грузиновъ прикрывать сакли красивыми заборами, плѣнныхъ Персiянъ заставлялъ уравнивать улицы и площади, заботился объ учрежденiи богоугодныхъ заведенiй и Института для образованiя дѣвицъ, учредилъ Школу Земледѣлiя, поощрялъ воздѣлыванiе винограда и шелководства, представлялъ объ учрежденiи въ Тифлисѣ Кадетскаго Корпуса, былъ однимъ изъ виновниковъ преобразованiя Тифлисской Гимназiи и вообще устройства учебной части въ Закавказскомъ краѣ. Постоянное Монаршее благоволенiе сопровождало труды Сипягина. Въ бытность его, въ теченiи двухъ лѣтъ, Тифлисскимъ Военнымъ Губернаторомъ, онъ получилъ ордена Св. Владимiра 2-й степени и Св. Александра Невскаго, аренду въ 3000 рублей се-

ребромъ на 50 лѣтъ, а супруга его пожалована Кавалерственною Дамою ордена Св. Екатерины. Среди многочисленныхъ занятій по гражданской части, участіе Сипягина въ военныхъ дѣйствіяхъ не могло быть велико. Оно заключалось въ слѣдующемъ: Въ Августѣ 1827 года, когда часть нашихъ войскъ, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Красовскаго — въ послѣдствіи Генералъ отъ Инфантеріи—дѣйствовала въ Эриванскомъ Ханствѣ, Сипягинъ повелъ на усиленіе ихъ отрядъ изъ Грузіи. Прибывъ, 8-го Августа, въ Джелалъ-Оглу, сборное мѣсто прибывшаго изъ Россіи осаднаго парка, онъ пошелъ съ нимъ на соединеніе съ Красовскимъ, стоявшимъ въ лагерѣ, при урочищѣ Джингули. Пославъ партіи казаковъ въ разныя стороны и обезпечивая слѣдованіе осадной артиллеріи черезъ Безобдалъ, онъ распорядился такъ удачно, что 12-го Августа уже была она за симъ хребтомъ. Продолжая маршъ къ Судагенту, Сипягинъ узналъ, что дорога туда занята Персіянами, въ числѣ 4000 человѣкъ конницы и пѣхоты. Онъ устроилъ свою пѣхоту въ выгодномъ положеніи, а съ конницею двинулся впередъ. Толпы непріятельскихъ всадниковъ кинулись на нашу пѣхоту. Встрѣченные пушечнымъ огнемъ, онѣ разсѣялись, и потомъ еще нѣсколько разъ повторяли нападенія, но всегда неудачно. Обезохоченные неуспѣхомъ, Персіяне отступили за рѣку Абарань, и расположились между горою Алагезомъ и лагеремъ Красовскаго, куда между тѣмъ безпрепятственно привелъ Сипягинъ осадную артиллерію. Желая предупредить непріятеля, Красовскій выступилъ ему на встрѣчу, завязалъ съ нимъ дѣло, и опрокинулъ его. Сипягинъ послалъ для преслѣдованія бѣгущихъ прибывшую съ нимъ Борчалинскую Татарскую конницу. Сіе дѣло, и особенно приведенная Сипягинымъ артиллерія, развязали Красовскому руки, дозволивъ ему идти на спасеніе богатаго монастыря Эчміадзинскаго. Вскорѣ потомъ Сипягинъ возвратился въ Тифлисъ, къ прежнимъ занятіямъ своимъ. Вспыхнувшая лѣтомъ 1828-го года, въ Турецкихъ владѣніяхъ, чума вызвала опять Сипягина изъ Тифлиса. Предупреждая вторженіе моровой язвы въ Грузіи, онъ отправился въ Гумры, и устроилъ здѣсь карантинъ. Ежедневно посѣщалъ Сипягинъ чумное отдѣленіе карантина, даже входилъ въ разговоры съ зачумленными. По возвращеніи его въ Тифлисъ, получилъ онъ извѣстіе о скоромъ прибытіи туда Главнокомандующаго. Здоровый, бодрый, веселый, какъ всегда, Сипягинъ занялся приготовленіями къ торжественной встрѣчѣ покорителя Карса и Ахалцыха. За нѣсколько часовъ до пріѣзда Графа Паскевича, Октября 4-го, поѣхалъ онъ осматривать военный госпиталь и производившіяся въ Тифлисѣ и за городомъ работы. Не смотря на предостереженіе окружавшихъ его, онъ былъ въ одномъ мундирѣ и простоялъ на мосту черезъ Куру около получаса, во время пронзительнаго вѣтра. Возвратясь домой, онъ почувствовалъ сильный лихорадочный припадокъ, лишившій его возможности встрѣтить Графа Паскевича. Къ утру болѣзнь усилилась; потомъ ходъ ея нѣсколько разъ измѣнялся, то подавая надежду на облегченіе, то предвѣщая скорую кончину. Главнокомандующій неоднократно навѣщалъ больнаго. Октября 9-го нашли его въ довольно хорошемъ состояніи и веселомъ расположеніи духа, но смерть уже витала надъ страдальцомъ. Онъ самъ чувствовалъ приближеніе кончины, пріобщился Св. Таинъ, простился со всѣми приближенными, изъявилъ желаніе быть похороненнымъ въ Россіи и тихо скончался, поутру 10-го Октября, на рукахъ роднаго брата первой своей супруги, Камеръ-Юнкера (нынѣ въ должности Егермейстера) Никиты Всеволодовича Всеволожскаго, за два дня передъ тѣмъ пріѣхавшаго въ Тифлисъ.

Николай Мартьяновичъ Сипягинъ былъ женатъ два раза. Первая его супруга, Марья Васильевна, была дочь Дѣйствительнаго Камергера Всеволода Андреевича Всеволожскаго; вторая, Марья Сергѣевна, дочь Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Сергѣя Сергѣевича Кушникова, скончалась въ Москвѣ, черезъ три недѣли послѣ своего супруга, не узнавъ о его кончинѣ. Отъ перваго брака Николай Мартьяновичъ имѣлъ двухъ сыновей, а отъ втораго сына и двухъ дочерей.

Неутомимый въ дѣлахъ служебныхъ, Сипягинъ любилъ словесность и покровительствовалъ

просвѣщенію. Выше упоминали мы о составленной имъ исторической таблицѣ Семеновскаго полка. Будучи Начальникомъ Штаба Гвардейскаго Корпуса, онъ завелъ въ немъ отборную библіотеку, учредилъ типографію, литографію, Ланкастерскую школу для обученія нижнихъ чиновъ чтенію, письму и ариѳметикѣ, и школы фектованья и берейторскую. Онъ составилъ Общество Любителей военныхъ наукъ, издававшее, подъ его руководствомъ, въ 1817, 1818 и 1819 годахъ, Военный Журналъ, богатый любопытными статьями. Между ними находятся статьи, сочиненныя Сипягинымъ, напримѣръ: «О военныхъ дѣйствіяхъ съ Декабря 1812-го года до «заключенія перемирія въ Іюнѣ 1813-го». Долго занимала его мысль составить исторію Отечественной войны. Тщательно собиралъ онъ матеріялы для сего сочиненія, и уже начиналъ приводить ихъ въ порядокъ, когда смерть застигла его. Командуя 6-ю пѣхотною дивизіею, онъ собиралъ по зимамъ въ свою дивизіонную квартиру юнкеровъ и подпрапорщиковъ для учебныхъ занятій. Знакомясь съ молодыми людьми, онъ поощрялъ ихъ къ наукамъ, приглашалъ къ своему столу, и отечески заботился объ нихъ. Въ Тифлисѣ Сипягинъ учредилъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, Комитетъ Изданія Тифлисскихъ Вѣдомостей, нашедшихъ себѣ пространный кругъ читателей въ Россіи. Одаренный чувствомъ изящнаго, Сипягинъ особенно любилъ зодчество. Не рѣдко указывалъ онъ инженернымъ офицерамъ и архитекторамъ ошибки въ планахъ и смѣтахъ ихъ, и предлагалъ имъ улучшенія въ постройкахъ, обличавшія вкусъ и свѣдѣнія его въ архитектурѣ. Любилъ онъ также живопись, и хотѣлъ казаться знатокомъ въ картинахъ, за то музыкальнаго слуха вовсе не имѣлъ, хотя и увѣрялъ въ своей страсти къ музыкѣ. Поэзія составляла истинное наслажденіе Сипягина. Онъ зналъ наизустъ множество стиховъ и прекрасно читалъ ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ. Щедрость Сипягина не имѣла границъ. Подобно своему прежнему начальнику, Милорадовичу, Сипягинъ былъ врагъ денегъ. Но тратя ихъ на прихоти и роскошную жизнь, онъ не щадилъ своего достоянія на пользу общую. Такимъ образомъ, командуя дивизіею въ Ярославлѣ, устроилъ онъ тамъ, на собственное свое иждивеніе, казарму и госпиталь съ великолѣпною церковью.

Сипягинъ былъ высокаго роста, сложенія крѣпкаго и стройнаго, имѣлъ голосъ пріятный и обладалъ примѣчательнымъ даромъ слова. Съ подчиненными своими обращался онъ чрезвычайно ласково, но въ отношеніи къ старшимъ велъ себя съ холодною вѣжливостью. Онъ свято соблюдалъ обряды Церкви. Отъ семи часовъ утра до ночи былъ онъ въ трудахъ. Гибкій и образованный умъ его не зналъ покоя. Вездѣ находилъ Сипягинъ пищу дѣятельности своей. Новыя предположенія, преобразованія, улучшенія безпрестанно роились въ его головѣ. Коротко знавшіе Сипягина, въ томъ числѣ многолѣтній другъ его и нѣкогда сослуживецъ по Семеновскому полку, Фельдмаршалъ Графъ Дибичъ-Забалканскій, искренно жалѣли о рановременной кончинѣ его. Дибичъ почиталъ смерть Сипягина потерею государственною.

Генералъ отъ Артиллеріи

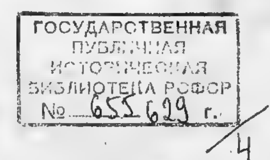
Баронъ Карлъ Федоровичъ

ЛЕВЕНШТЕРНЪ.

БАРОНЪ

К. Ѳ. ЛЕВЕНШТЕРНЪ.

Баронъ Карлъ Ѳедоровичъ Левенштернъ, Генералъ отъ Артиллеріи, Кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго, съ алмазными украшеніями, Св. Владиміра 1-й степени, Св. Георгія 3-го класса, Св. Анны 1-й степени, съ алмазными украшеніями, Австрійскаго Леопольда 2-й степени и Баварскаго Максимиліана-Іосифа, имѣвшій золотую шпагу, съ алмазами и надписью: «За храбрость» и серебряныя медали въ память: 1812 года, вступленія въ Парижъ и Турецкой войны 1828 и 1829 годовъ, происходилъ изъ Виртембергскихъ дворянъ и родился въ 1770 году. Малолѣтнаго привезли его въ Россію, и по ходатайству Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, урожденной Принцессы Виртембергской, помѣстили Кадетомъ въ Артиллерійскій и Инженерный (нынѣ 2-й) Кадетскій Корпусъ, процвѣтавшій тогда подъ управленіемъ одного изъ виновниковъ Кагульской побѣды, Генерала Мелиссино. Въ Маѣ 1788 года перевели Левенштерна въ Морской Кадетскій Корпусъ Гардемариномъ, съ назначеніемъ на фрегатъ Подражиславъ, состоявшій подъ командою Капитана 2-го ранга Ломана. Черезъ мѣсяцъ, фрегатъ сей поступилъ во флотъ Адмирала Грейга, назначенный дѣйствовать въ Балтикѣ. Левенштернъ участвовалъ въ сраженіи, происходившемъ, 6-го Іюля, у острова Гогланда, между флотами Русскимъ и Шведскимъ, ввѣреннымъ брату Короля Густава III, Герцогу Зюдерманландскому — въ послѣдствіи Король Карлъ XIII. Морской походъ 1788 года продолжался до глубокой осени, но Левенштернъ не имѣлъ болѣе случая участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Изъ кратковременнаго служенія своего во флотѣ онъ убѣдился, что онъ не былъ рожденъ морякомъ. Ему невозможно было переносить такъ называемую «морскую болѣзнь». Онъ просилъ отставки, и 27-го Марта 1789 года былъ уволенъ отъ службы Поручикомъ. Бездѣйствіе его было непродолжительно. Менѣе нежели черезъ мѣсяцъ, Апрѣля 20-го того же года, онъ вступилъ опять въ службу, Поручикомъ, въ Нарвскій Пѣхотный полкъ, находившійся въ отрядѣ Инженеръ Генералъ-Маіора Фонъ-Сухтелена — въ послѣдствіи Инженеръ-Генералъ и Графъ — и былъ въ жаркихъ дѣлахъ съ Шведами 21-го, 24-го и 28-го Іюля, у деревни Скоби, 24-го

Августа, при переправѣ через Кюмень, у Мемеля, и 20-го, при вытѣсненіи непріятеля изъ укрѣпленной позиціи у Гекфорса. За оказанную въ сихъ дѣлахъ храбрость, Левенштернъ, по окончаніи войны, былъ произведенъ въ Капитаны, и вслѣдъ за тѣмъ переведенъ Квартермистромъ во 2-й Канонерскій полкъ, гдѣ 26-го Августа 1797 получилъ чинъ Капитана, а 1-го Января 1797, при сравненіи Императоромъ Павломъ Артиллерійскихъ чиновъ съ Армейскими, переименованъ въ Маіоры. Черезъ нѣсколько дней потомъ послѣдовало преобразованіе Артиллеріи, и Левенштерна перевели въ Осадный Артиллерійскій батальонъ Генерала отъ Артиллеріи Вульфа, расположенный въ Ригѣ. Въ продолженіе службы своей въ семъ батальонѣ, отъ Вульфа перешедшемъ къ Ламсдорфу, и потомъ къ Рѣзвому, Левенштернъ, 27-го Января 1798 года, былъ произведенъ въ Подполковники, 21-го Февраля 1799 въ Полковники, а 7-го Марта 1800, по соединеніи Артиллерійскихъ батальоновъ въ полки, поступилъ въ полкъ Генералъ-Маіора Рѣзваго, въ томъ же году названный 2-мъ Артиллерійскимъ полкомъ. Августа 27-го 1801, при раздѣленіи Артиллерійскихъ полковъ опять на батальоны, Левенштернъ былъ зачисленъ въ 4-й Артиллерійскій батальонъ, 23-го Іюля 1803 переведенъ во 2-й Артиллерійскій полкъ, въ 1804 назначенъ Командиромъ, а въ 1805, передъ началомъ первой войны Императора Александра съ Наполеономъ, Шефомъ 1-го Артиллерійскаго полка, и въ семъ званіи, 11-го Сентября 1806 года, произведенъ въ Генералъ-Маіоры. Въ сіе время послѣдовало раздѣленіе Артиллеріи, вмѣсто полковъ, на бригады, и Левенштерну, Сентября 25-го того же года, ввѣрили начальство надъ 2, 3, 4 и 6-ю Артиллерійскими бригадами. Черезъ два мѣсяца потомъ возгорѣлась вторая война Императора Александра съ Наполеономъ. Съ своими четырьмя бригадами Левенштернъ поступилъ въ армію, назначенную дѣйствовать противъ Французовъ, и былъ въ арріергардныхъ дѣлахъ съ ними: Декабря 12-го при Новомѣсто, 1807 года Января 21-го подъ Янковымъ и 24-го подъ Ландсбергомъ. Въ кровопролитной Эйлауской битвѣ, Января 27-го, Левенштернъ командовалъ всею Артиллеріею центра нашей арміи. Послѣ Эйлаускаго сраженія военныя дѣйствія прекратились почти на четыре мѣсяца. При возобновленіи ихъ, Левенштернъ находился, Мая 24-го и 25-го, въ дѣлахъ при Гейлигенталѣ и Деппенѣ, за которыя былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. Потомъ участвовалъ онъ въ сраженіяхъ подъ Гейльсбергомъ, Мая 29-го, и подъ Фридландомъ, Іюня 2-го. Сіи битвы доставили ему золотую шпагу, съ алмазами и надписью: «За храбрость». По заключеніи Тильзитскаго мира, Левенштернъ былъ назначенъ Командиромъ 2, 3 и 5-й, Августа 25-го Командиромъ 2 и 3-й, Сентября 15-го 1809 Командиромъ 5 и 14-й, а Февраля 14-го 1811 года, Командиромъ 3, 11 и 13-й Артиллерійскихъ бригадъ. Въ теченіе сего времени, въ Августѣ и Сентябрѣ 1808 года, Левенштернъ командовалъ батареями, устроенными, подъ его непосредственнымъ распоряженіемъ, по берегу Балтійскаго Порта, противъ бомбардировавшихъ сей Портъ Англійскихъ кораблей.

Отличная служба Левенштерна въ походѣ 1806 и 1807 годовъ, и прямое усердіе, оказанное имъ во всѣхъ возложенныхъ на него порученіяхъ, пріобрѣли ему вниманіе Императора Александра до такой степени, что въ день переправы Наполеона на правый берегъ Нѣмана, наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій на Русской землѣ, Іюня 12-го 1812 года, Государь назначилъ Левенштерна Начальникомъ Артиллеріи 2-й Западной арміи, Князя Багратіона. Артиллерія сія состояла изъ 216-ти орудій. Трудно, да едва ли возможно описывать подробно участіе въ сраженіяхъ Артиллерійскаго Генерала. Артиллерія дѣйствуетъ не на одномъ мѣстѣ, не совокупно, но отдѣльными, иногда самыми малыми частями, разставленными на всемъ пространствѣ поля битвы. На одномъ мѣстѣ стоятъ 2, 4, 6, а на другомъ 20, 30 и болѣе орудій. Главная обязанность Начальника Артиллеріи во время битвы — объѣзжать батареи, повѣрять расположеніе и дѣйствіе ихъ, наблюдать за своевременнымъ доставленіемъ снарядовъ. Послѣ сраженія долженъ онъ заботиться о безостано-

вочномъ слѣдованіи парковъ, починкѣ орудій и принадлежностей къ нимъ, пополненіи батарей людьми и лошадьми. Сколько трудовъ и славы при успѣхахъ, но за то, сколько непріятностей при потерѣ и неисправномъ состояніи орудій падаютъ на долю Начальника Артиллеріи! Въ Отечественную войну Артиллерія всѣхъ нашихъ армій дѣйствовала самымъ блистательнымъ образомъ. Утвердительно можно сказать, что успѣшному отступленію нашему отъ Вильны до Тарутина ни одно оружіе не способствовало болѣе Артиллеріи. Во всѣхъ многочисленныхъ сраженіяхъ 1812 года одерживала она первенство надъ Французскою, превосходившею ее числомъ орудій. Непосредственнымъ участникомъ торжества Русской Артиллеріи былъ въ то время Левенштернъ. Распорядительнымъ и мужественнымъ начальникомъ ея являлся онъ въ сраженіяхъ подъ Могилевомъ, Смоленскомъ, Бородинымъ, и во многихъ арріергардныхъ дѣлахъ. Въ Бородинской битвѣ, находившаяся подъ командою Левенштерна артиллерія Багратіоновой арміи дѣйствовала съ невыразимымъ отличіемъ, за что Императоръ Александръ, по представленію Кутузова, наградилъ Левенштерна орденомъ Св. Георгія 3-го класса. Предавъ Москву на жертву Наполеону, и совершивъ славное боковое движеніе съ Рязанской дороги на Калужскую, Кутузовъ слилъ въ одинъ составъ 1-ю и 2-ю, лично имъ предводимыя, арміи и поручилъ Левенштерну главное начальство надъ всею Артиллеріею. Дѣйствія Левенштерна по сему важному званію, совершавшіяся съ утвержденія Кутузовымъ, заключались въ слѣдующемъ: Уронъ, претерпѣнный Артиллерійскими ротами во время отступленія отъ Нѣмана до Тарутина, былъ пополненъ. Прибывшими къ арміи послѣ Бородинскаго сраженія 27-ю Артиллерійскою Бригадою, съ 36-ю орудіями, и 2-ю и 3-ю Запасными Бригадами, заключавшими въ себѣ 96 орудій, укомплектованы дѣйствующія роты, поврежденную артиллерію конхъ отправили для формированія изъ Тарутина въ Орелъ, а совсѣмъ негодныя орудія посланы на судахъ по Окѣ, въ Нижній-Новгородъ. Оставшіеся отъ раскомандированныхъ запасныхъ ротъ люди и лошади образовали при арміи депо, откуда, при ожидаемыхъ тогда сраженіяхъ, можно было немедленно комплектовать дѣйствующія роты. Изъ 4-й Запасной Бригады, находившейся въ Орлѣ, въ коей формировались семь ротъ, прикомандированы три роты къ Ополченію 3-го округа, состоявшему подъ начальствомъ Графа Петра Александровича Толстаго, и взяты къ арміи 200 зарядныхъ ящиковъ. Свезли въ Калугу изъ Брянска, Шосты и другихъ заводовъ большое количество снарядовъ и патроновъ. Послѣ Тарутинскаго сраженія, въ коемъ участвовалъ и Левенштернъ, изъ числа отбитыхъ у непріятеля орудій, сформировали восемь гаубицъ, съ полнымъ числомъ людей и лошадей, и прикомандировали ихъ къ резервной Артиллеріи. Въ Орлѣ приготовили зарядовъ для 18-ти батарейныхъ ротъ, по 120, для 23-хъ легкихъ, по 60, и для 9-ти конныхъ, по 90 зарядовъ, на каждое орудіе. Въ Калугѣ, Брянскѣ и на Шостенскомъ пороховомъ заводѣ заготовляемо было большое количество снарядовъ, которые, по выступленіи Кутузова изъ Тарутина, были везены за арміею. Когда Кутузовъ началъ наступательныя дѣйствія свои, Октября 11-го, Артиллерія его находилась въ совершенной исправности, и была многочисленнѣе, нежели при открытіи войны, въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Отъ частыхъ сраженій и многихъ авангардныхъ дѣлъ, бывшихъ во время преслѣдованія непріятелей, а особливо отъ усиленныхъ маршей въ позднее, ненастное время года, Артиллерія и запасные подвижные парки потерпѣли значительную убыль въ людяхъ и лошадяхъ, почему, для избѣжанія дальнѣйшаго разстройства ихъ, при переправѣ арміи черезъ Днѣпръ, оставлено было въ Копысѣ 10 Артиллерійскихъ ротъ, коими пополнили недостатокъ въ другихъ ротахъ. Оставленная въ Копысѣ Артиллерія, укомплектовавшись резервами, соединилась въ послѣдствіи съ арміею. Всѣ запасные подвижные парки были также оставлены въ Копысѣ, гдѣ сформировали изъ нихъ шесть комплектныхъ парковъ, съ полнымъ числомъ зарядовъ, послѣ чего они выступили къ Вильнѣ. Всѣ сіи распоряженія, исполненныя подъ непосредственнымъ руководствомъ Левенштерна, имѣли слѣдствія самыя

благотворныя. Не смотря на быстрый переходъ армiи отъ Тарутина къ Нѣману, совершенный въ два мѣсяца, среди вьюгъ и непогодъ, почти безъ роздыховъ, Артиллерiя не только не пришла въ разстройство и не затруднила движенiя армiи, но всегда была въ порядкѣ. Руководимая Левенштерномъ, она дѣйствовала съ обычнымъ искуствомъ своимъ въ сраженiяхъ при Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ. Въ такомъ положенiи сдалъ Левенштернъ Артиллерiю Генералъ-Маiору Рѣзвому, назначенному начальникомъ ея, въ Декабрѣ 1812-го года. По прiѣздѣ тогда въ Вильну Императора Александра, Левенштернъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны первой степени, и назначенъ Начальникомъ Артиллерiи Гвардейскаго и Гренадерскаго Корпусовъ и всей Резервной. Въ продолженiе семи съ половиною мѣсяцовъ Левенштернъ не имѣлъ случая находиться въ сраженiяхъ. Въ началѣ Августа 1813-го года, по истеченiи Пойшвицкаго перемирiя, онъ былъ назначенъ Начальникомъ Артиллерiи въ Корпусѣ Графа Витгенштейна, и съ честью распоряжался ею подъ Дрезденомъ, Пирною, Ноллендорфомъ, Петерсвальде, Кульмомъ и Лейпцигомъ. За всѣ сiи дѣла и сраженiя получилъ онъ Высочайшее благоволенiе, алмазные знаки къ ордену Св. Анны 1-го класса и Австрiйскiй орденъ Леопольда 2-й степени. Въ 1814 году Артиллерiя Левенштерна успѣшно дѣйствовала въ сраженiи при Баръ сюръ-Обѣ и при покоренiи города Труа, за что Левенштерна наградили орденами Св. Владимiра 2-й степени и Баварскимъ Максимилiана-Iосифа. Арсисъ сюръ-Объ, Фершампенуазъ и Парижъ были послѣдними полями битвъ Левенштерна, въ войнѣ, начатой Императоромъ Александромъ на берегахъ Нѣмана и конченной на берегахъ Сены. Монаршее благоволенiе было наградою Левенштерна за три послѣднiя сраженiя, въ коихъ находился онъ во Францiи.

Въ Iюлѣ 1814-го года, при выступленiи Русскихъ войскъ изъ Францiи въ Россiю, Левенштернъ получилъ начальство надъ Артиллерiею корпуса Сакена; въ Сентябрѣ того же года назначенъ Начальникомъ Артиллерiи Южной Армiи, Беннигсена; черезъ годъ Начальникомъ Артиллерiи Резервной Армiи; въ Iюнѣ 1816-го Начальникомъ Артиллерiи 2-й Армiи, Беннигсена, и Мая 1-го 1818-го, при смотрѣ сей Армiи Императоромъ Александромъ, произведенъ въ Генералъ-Лейтенанты. Когда вскорѣ потомъ мѣсто Беннигсена занялъ Графъ Витгенштейнъ, Левенштернъ вторично поступилъ подъ начальство Героя Клястицъ и Полоцка, съ коимъ былъ неразлученъ въ Германiи и во Францiи. Въ теченiе сего времени, въ 1820 году, Левенштернъ былъ награжденъ арендою на 12 лѣтъ. Отличенный дружескимъ расположенiемъ къ нему Графа Витгенштейна, Левенштернъ, въ Апрѣлѣ 1828 года, двинулся съ нимъ въ край, для него новый, въ предѣлы Турецкихъ владѣнiй. Перешедъ границу у Фальчи, онъ участвовалъ, съ 28-го Апрѣля по 29-е Мая, въ обложенiи и осадѣ Браилова; потомъ, переправясь за Дунай, въ теченiе Iюля, Августа и Сентября, былъ подъ Шумлою, а съ половины Октября по Ноябрь находился съ Графомъ Ланжерономъ при обложенiи Силистрiи. «За отлично-усердную службу во время сего по-«хода, и за неусыпныя попеченiя и труды, спо-«собствовавшiе успѣшному дѣйствiю Артиллерiи «2-й Армiи», какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ, Левенштернъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго. При открытiи похода 1829 года, Апрѣля 21-го, за отличiе по службѣ, онъ былъ произведенъ въ Генералы отъ Артиллерiи, 25-го того же мѣсяца, опять перешелъ за Дунай, съ новымъ Главнокомандовавшимъ 2-ю Армiею, Графомъ Дибичемъ, начальствуя Артиллерiею его. Упорное дѣло 5-го Мая, подъ Силистрiею, кончившееся обложенiемъ сей крѣпости, было первымъ, гдѣ Левенштернъ находился въ походѣ 1829 года. Онъ оставался подъ Силистрiею до 24-го Мая, когда осада ея была поручена Генералу Красовскому. Выступивъ съ Графомъ Дибичемъ въ тылъ Верховному Визирю, къ селенiю Мадрѣ, распоряженiями своими содѣйствовалъ онъ Кулевчанской побѣдѣ, одержанной 30-го Мая. Продолженiе пожалованной въ 1820 году аренды, отъ истеченiя ея срока еще на 12 лѣтъ, было наградою Левенштерна за оказанныя въ сей день заслуги. Потомъ, слѣдуя съ главною армiею за

рѣку Камчикъ, онъ участвовалъ въ достопамятномъ переходѣ Русскихъ войскъ за Балканы, былъ въ сраженіи подъ городомъ Сливно, и заключилъ боевую службу свою вступленіемъ въ Адріанополь, Августа 8-го 1829 года. Послѣ Адріанопольскаго мира, Левенштернъ перешелъ съ арміею на зимнія квартиры въ Бургасъ, и оттуда, 25-го Апрѣля 1830-го, отправился въ обратный путь, въ Россію. Государь Императоръ Николай Павловичъ, изъявляя Свою Монаршую признательность къ заслугамъ посѣдѣвшаго въ службѣ Левенштерна, пожаловалъ ему алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго.

Прибывъ въ Тульчинъ, въ окрестностяхъ коего расположилась 2-я армія, Левенштернъ былъ назначенъ управляющимъ главною квартирою ея. Вскорѣ потомъ вспыхнулъ Польскій мятежъ. Вокругъ Тульчина собирались шайки мятежниковъ. Благоразумными мѣрами Левенштернъ заставилъ ихъ отказаться отъ всякаго покушенія на Тульчинъ, гдѣ при Интендантствѣ хранились тогда значительныя денежныя суммы. Изъ возвращавшихся черезъ Тульчинъ отъ дѣйствующей арміи запасныхъ драгунскихъ эскадроновъ и части конной артиллеріи, и изъ находившагося въ Тульчинѣ одного слабаго батальона егерей, онъ сформировалъ наскоро небольшой отрядъ, посылалъ разъѣзды по разнымъ дорогамъ, забиралъ подозрѣваемыхъ въ заговорѣ людей, и охранилъ Тульчинъ отъ вторженія туда мятежниковъ. Сентября 16-го 1831 года, по усмиреніи мятежа, Левенштернъ былъ назначенъ состоять по Артиллеріи, а Іюня 11-го 1832-го, при новомъ образованіи Военнаго Министерства, Членомъ Военнаго Совѣта. Въ семъ званіи получилъ онъ, въ 1835 году, орденъ Св. Владиміра 1-й степени. Въ 1839 году, во время торжественнаго открытія памятника на Бородинскомъ полѣ, посѣтилъ сіи мѣста и Левенштернъ, одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ великой битвы. Возвратясь изъ Бородина, онъ, по званію Члена Военнаго Совѣта, жилъ постоянно въ С. Петербургѣ, исправлялъ, въ отсутствіе Великаго Князя Михаила Павловича, должность Генералъ-Фельдцейхмейстера, и послѣ продолжительной болѣзни, скончался 12-го Іюля 1840 года, семидесяти лѣтъ отъ рожденія, прослуживъ Россіи болѣе пятидесяти лѣтъ. Кромѣ исчисленныхъ нами наградъ, Левенштернъ нѣсколько разъ удостоивался получать Высочайшія благоволенія, между прочимъ, 7-го Декабря 1812 года, по представленію Князя Кутузова, за отличное командованіе Артиллеріею 1-й и 2-й Западныхъ Армій; въ Апрѣлѣ и Маѣ 1818 и въ Октябрѣ 1823-го, за отличное состояніе Артиллеріи 2-й Арміи, найденное Императоромъ Александромъ при смотрѣ сей Арміи, и въ Ноябрѣ 1825 за такое же состояніе 20-й Артиллерійской бригады. Государь Императоръ Николай Павловичъ, въ 1826 году, пожаловалъ Левенштерну заимообразно, для уплаты долговъ, 60,000 рублей ассигнаціями, и въ томъ же году, въ день Своего коронованія, повелѣлъ сложить половину сего долга, облегчивъ уплату остальной суммы разсрочками на десять лѣтъ.

Баронъ Карлъ Ѳеодоровичъ Левенштернъ былъ тѣлосложенія тучнаго и нрава веселаго, но вспыльчиваго. Хлѣбосолъ, при многосложныхъ занятіяхъ своихъ, старался онъ удѣлять ежедневно часа два на лакомый, прихотливый обѣдъ. Онъ былъ ласковъ и привѣтливъ съ своими подчиненными, и поставлялъ себѣ пріятною обязанностью ходатайствовать о наградахъ имъ.

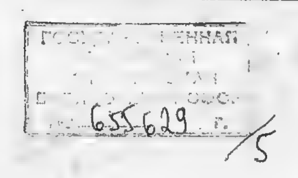
Генералъ отъ Кавалеріи

Θедоръ Петровичъ

УВАРОВЪ.

Ѳ. П. УВАРОВЪ.

Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, Генералъ отъ Кавалеріи, орденовъ: Св. Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Св. Георгія 2-го класса, Св. Владиміра 1-й степени, Св. Анны 1-й степени, Австрійскаго Маріи Терезіи меньшаго креста, Прусскихъ Чернаго Орла и Краснаго Орла, и Французскаго Св. Людовика кавалеръ, Св. Іоанна Іерусалимскаго Командоръ; имѣвшій золотую саблю, алмазами украшенную, съ надписью: «За храбрость», и серебряную медаль въ память 1812-го года, родился 11-го Апрѣля 1773-го года. По третьему году онъ былъ записанъ Сержантомъ въ Артиллерію; по восьмому перечисленъ Каптенармусомъ въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ; по девятому произведенъ въ Сержанты, а въ 1786-мъ году переведенъ Вахмистромъ въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ. Въ продолженіе сего времени Уваровъ жилъ въ небогатой деревенькѣ своихъ родителей, воспитываясь въ благочестивомъ домѣ ихъ. Когда исполнилось совершеннолѣтіе его, онъ долженъ былъ явиться въ Конно-Гвардейскій полкъ, но недостаточное состояніе родителей лишало его средствъ не только служить въ Гвардіи, но даже ѣхать въ Петербургъ. Къ несчастью, въ то время отецъ его, отставной, заслуженный Бригадиръ, жилъ въ Петербургѣ, оправдываясь передъ судомъ по несправедливому на него доносу. Собравъ послѣднія деньги, мать Ѳедора Петровича снабдила ими своего сына, благословила и отправила его въ столицу, не предупредивъ о томъ своего супруга. Въ одно утро, въ послѣднихъ числахъ Декабря 1787-го года, старый Бригадиръ Уваровъ сидѣлъ дома, занимаясь своимъ судебнымъ дѣломъ, когда неожиданно входитъ къ нему сынъ его. Послѣ радостной встрѣчи, отцу представились всѣ трудности и заботы устроить будущій жребій юноши. Онъ обратился къ старинному сослуживцу своему, тогдашнему Архангельскому и Олонецкому Генералъ-Губернатору, Генералъ-Поручику Тимофѣю Ивановичу Тутолмину — въ послѣдствіи знаменитый сановникъ. Тутолминъ принялъ живѣйшее участіе въ молодомъ Уваровѣ, и исходатайствовалъ ему переводъ въ армію Капитаномъ, съ опредѣленіемъ на эскадру, назначавшуюся въ походъ въ Средиземное море. Походъ не состоялся. Внезапное и неожиданное Императрицею Екатериною объявленіе Ей войны Шведскимъ Королемъ, побудило нашу

Монархиню не посылать флота въ Средиземное море. Тутолминъ помѣстилъ Ѳедора Петровича въ новоучрежденный Софійскій пѣхотный полкъ, употребилъ его при формированіи, въ Олонецкой губерніи, разныхъ войскъ, назначаемыхъ противъ Шведовъ, и потомъ перевелъ его въ Олонецкій Конно-Егерскій эскадронъ. По окончаніи Шведской войны, 8-го Сентября, въ первый день мирнаго торжества, Уваровъ, по старанію Тутолмина былъ произведенъ въ Секундъ-Маіоры, и переведенъ, по желанію своему, въ Смоленскій Драгунскій полкъ, находившійся на Польской границѣ. Съ симъ полкомъ Уваровъ участвовалъ въ 1793 году въ дѣлахъ противъ Польскихъ конфедератовъ: 30-го Мая подъ Столбцами, 31-го подъ Миромъ, и 29-го Іюня подъ Нацыбовымъ. Съ эскадрономъ Смоленскаго полка находился онъ въ Варшавѣ, въ тотъ кровопролитный день, когда вспыхнуло тамъ возстаніе противъ Русскихъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ, въ каждой улицѣ встрѣчая жестокое сопротивленіе, изъ каждаго дома поражаемый пулями Поляковъ, 36-ть часовъ пробивался Уваровъ сквозь мятежниковъ, и наконецъ успѣлъ съ своимъ эскадрономъ выдти изъ Варшавы и соединиться съ главнымъ корпусомъ нашихъ войскъ, Генерала Игельстрома. Отдавая справедливость мужеству и распорядительности Уварова въ бою съ Варшавскими бунтовщиками, Игельстромъ исходатайствовалъ ему чинъ Премьеръ-Маіора и оставилъ его въ своемъ корпусѣ Дежуръ-Маіоромъ. Въ семъ званіи Уваровъ сражался съ Поляками, Іюня 14-го, подъ мѣстечкомъ Сали, противъ главнаго возмутителя въ Литвѣ, Янскаго; Іюля 8-го былъ на приступѣ Виленскихъ укрѣпленій, а потомъ при взятіи Вильны, за что 14-го Мая 1795-го, по представленію Суворова, былъ произведенъ въ Подполковники. Тѣмъ заключилась служба Уварова въ царствованіе Императрицы Екатерины. Быстрое возвышеніе ожидало Уварова при Державномъ Преемникѣ Великой Монархини.

Марта 9-го 1797 года Уваровъ былъ переведенъ въ Лейбъ-Кирасирскій Его Величества полкъ, Апрѣля 12-го 1798 произведенъ въ Полковники, Августа 21-го того же года назначенъ въ новосформированный Кирасирскій Цорна полкъ и посланъ въ Петербургъ, для изученія новаго, введеннаго Императоромъ Павломъ порядка службы. За восемь лѣтъ передъ тѣмъ, безвѣстнымъ юношею отправленный изъ Петербурга въ Польшу, является теперь Уваровъ въ сѣверную столицу съ именемъ храбраго офицера, знатока фронтовой службы и пріятнаго собесѣдника въ одномъ изъ блистательнѣйшихъ тогдашнихъ обществъ. Императоръ Павелъ узналъ и полюбилъ Уварова. Сентября 3-го 1798-го перевелъ Онъ его въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ, а черезъ двѣ недѣли, Сентября 19-го, пожаловалъ его Генералъ-Маіоромъ и Генералъ-Адъютантомъ. По прошествіи трехъ недѣль, Января 11-го 1799-го, Уваровъ былъ зачисленъ во вновь учрежденный Кавалергардскій корпусъ, Августа 9-го назначенъ Шефомъ сего корпуса, въ Маѣ 1799-го переформировалъ его въ трехъ-эскадронный Кавалергардскій полкъ и Ноября 5-го 1800 года произведенъ въ Генералъ-Лейтенанты. Въ теченіе сего времени получилъ онъ орденъ Св. Анны 1-го класса и Командорственный крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго. Но величайшею наградою себѣ почиталъ Уваровъ — говоримъ собственными словами его — что, по прозьбѣ его, Императоръ Павелъ повелѣлъ ускорить ходъ судебнаго дѣла отца его, который и былъ оправданъ законами.

Въ первые четыре года царствованія Императора Александра, Уваровъ, продолжая командовать Кавалергардскимъ полкомъ, безотлучно находился при Государѣ, взысканный особенными милостями Его. Въ Сентябрѣ 1805-го года, когда началась первая война Императора Александра съ Наполеономъ, Уваровъ выступилъ въ походъ въ Моравію съ своимъ полкомъ, находившимся въ составѣ Гвардіи, предводимой Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Ноября 13-го прибылъ онъ въ лагерь подъ Ольмюцъ, гдѣ была сосредоточена Российско-Австрійская армія, подъ главнымъ начальствомъ Кутузова. Черезъ два дня армія выступила изъ Ольмюца пятью колоннами. Уваровъ былъ въ резервѣ съ гвардіею, въ третьей колоннѣ, Генерала Пржибышевскаго, при коей слѣ-

довалъ Императоръ Александръ. Ноября 19-го армія прибыла подъ Аустерлицъ. Накануне дня, ознаменованнаго кровопролитною Аустерлицкою битвою, Уварову приказали съ полками Елисаветградскимъ Гусарскимъ, и Черниговскимъ и Харьковскимъ Драгунскими, идти на усиленіе праваго крыла нашего, состоявшаго подъ начальствомъ Князя Багратіона. Во время возгорѣвшагося на другой день сраженія, Уваровъ нѣсколько разъ атаковалъ Французовъ. Спачала атаки его были удачны, но потомъ онъ былъ вовлеченъ въ общее разстройство, постигшее союзную армію. Ввечеру, при отступленіи нашемъ, Уваровъ находился въ арріергардѣ Князя Багратіона, состоявшемъ подъ начальствомъ Графа Витгенштейна. Наградами Уварова за Аустерлицкое сраженіе были ордена Св. Александра Невскаго и Св. Георгія 3-го класса. По возвращеніи Уварова изъ Моравіи въ Петербургъ, главною заботою его было приведеніе въ устройство Кавалергардскаго полка, разстроеннаго подъ Аустерлицомъ многочисленными атаками на гвардейскую конницу Наполеона. Недолго оставался Уваровъ въ Петербургѣ. Новая война Императора Александра съ Наполеономъ, вспыхнувшая въ Ноябрѣ 1806-го, вызвала его опять на поприще битвъ. Въ Мартѣ 1807-го онъ выступилъ въ походъ, подъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича, командуя бригадою, составленною изъ Кавалергардскаго и Лейбъ-Гвардіи Коннаго полковъ. По прибытіи его въ армію, Главнокомандовавшій Беннигсенъ поручилъ ему всю конницу праваго крыла арміи. Съ нею былъ Уваровъ въ авангардныхъ дѣлахъ противъ Французовъ, между Гутштадтомъ и рѣкою Пассаргою, Мая 24-го и 25-го, за что получилъ орденъ Св. Владиміра 2-й степени. Въ Гейльсбергскомъ сраженіи, Мая 29-го, Уваровъ, продолжая командовать конницею праваго крыла арміи, сначала подкрѣплялъ Князя Багратіона, сражавшагося у Беверника, а потомъ, принужденный отступить на позицію, занятую Беннигсеномъ со всею арміею, навелъ непріятеля на батареи и нѣсколько разъ былъ въ рубкѣ съ Французами. Черезъ день, по отступленіи нашемъ отъ Гейльсберга къ Бартенштейну, когда непріятели атаковали арріергардъ нашъ, Уваровъ подкрѣпилъ его и удержалъ натискъ Французовъ. Вскорѣ потомъ, Іюня 2-го, произошло Фридландское сраженіе. Уваровъ принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе и производилъ нѣсколько удачныхъ атакъ. На отступленіи арміи отъ Фридланда къ Тильзиту, Уваровъ исправлялъ должность Дежурнаго Генерала при Беннигсенѣ. Заслуги, оказанныя Уваровымъ въ сраженіяхъ при Гейльсбергѣ и Фридландѣ, доставили ему золотую, алмазами украшенную саблю, съ надписью: «За храбрость». Въ достопамятномъ свиданіи Императора Александра съ Наполеономъ, происходившемъ 13-го Іюня, на плоту, среди Нѣмана, въ числѣ немногихъ особъ, сопровождавшихъ нашего Монарха, находился Уваровъ. Послѣ окончанія свиданія представленный Наполеону, Уваровъ слышалъ изъ устъ великаго полководца похвалы дѣйствіямъ своимъ подъ Гейльсбергомъ и Фридландомъ.

Возвратясь въ Петербургъ, Уваровъ вступилъ по прежнему въ командованіе Кавалергардскимъ и Лейбъ-Гвардіи Коннымъ полками. Въ Мартѣ 1809-го года сопровождалъ онъ Императора Александра въ путешествіи по новой Финляндіи, только что покоренной тогда оружіемъ Благословеннаго. Въ семъ путешествіи, кромѣ Уварова, находились Государственный Канцлеръ Графъ Румянцовъ, Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Николай Александровичъ Толстой, Тайный Совѣтникъ Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ и Генералъ-Адъютантъ Князь Гагаринъ. Ровно черезъ годъ по возвращеніи изъ Финляндіи, въ Апрѣлѣ 1810, Императоръ Александръ, по желанію Уварова, отправилъ его въ Молдавскую армію, дѣйствовавшую противъ Турковъ, подъ начальствомъ Графа Каменскаго. Уваровъ прибылъ на берега Дуная во время движенія арміи отъ Гирсова къ Силистріи, и былъ назначенъ начальникомъ авангарда. По обложеніи Силистріи, Графъ Каменскій поручилъ Уварову отдѣльный корпусъ, назначенный прикрывать тылъ нашей арміи, осаждавшей Силистрію, и наблюдать дороги къ Шумлѣ, Разграду и Базарджику. Мая 30-го сдалась Силистрія,

и въ тотъ же день авангардъ Уварова пошелъ къ Шумлѣ. За нимъ двинулась вся армія. Іюня 10–го войска приблизились къ Шумлѣ. Намѣреваясь взять ее приступомъ, Графъ Каменскій поручилъ Уварову лѣвую колонну центра. Поутру Іюня 11–го пошли атаковать крѣпость. Главнокомандующій былъ при колоннѣ Уварова. Едва выступивъ съ лагернаго мѣста, получилъ онъ донесеніе о препятствіяхъ, встрѣченныхъ на маршѣ другими частями войскъ. Произошло кровопролитное сраженіе съ Турками, не увѣнчавшееся покореніемъ Шумли. Графъ Каменскій обложилъ ее, намѣреваясь голодомъ принудить Турковъ къ сдачѣ. При размѣщеніи войскъ вокругъ Шумли, корпусъ Уварова сталъ на дорогѣ въ Енибазаръ. Блокада Шумли не имѣла ожидаемыхъ Графомъ Каменскимъ послѣдствій, почему, Іюля 6–го, пошелъ онъ къ Рущуку. Въ числѣ находившихся съ нимъ войскъ былъ корпусъ Уварова. По прибытіи къ Рущуку, Уваровъ принялъ начальство надъ войсками лѣваго крыла нашего, а во время Рущукскаго приступа, Іюля 22–го, командовалъ одною изъ пяти колоннъ, на которыя раздѣлена была армія. Подъ его начальствомъ находились Генералъ–Маіоры Князь Щербатовъ и Бахметевъ — въ послѣдствіи Генералы отъ Инфантеріи. Ночью приблизились наши войска къ Рущуку. Колонна Уварова была первая, замѣченная Турками. Они открыли по ней жестокій огонь, но не остановили ее. Уваровъ повелъ войско на непріятельскія стѣны. Главные сподвижники его, Князь Щербатвъ и Бахметевъ, были вскорѣ ранены, но начало приступа обѣщало удачныя послѣдствія. Къ несчастію, многія лѣстницы оказались коротки. Не стѣсняясь симъ неудобствомъ, бывшіе впереди охотники взлѣзли на стѣну, опираясь штыками и подсаживая другъ друга. Отважнѣйшіе даже спустились въ крѣпость, когда вдругъ гарнизонъ сдѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ вылазки въ ровъ, черезъ проходы подъ валомъ. Большая часть Турковъ, въ числѣ коихъ находились вооруженныя женщины, была истреблена, остальные бѣжали, но вылазка произвела остановку въ приступѣ. Ободряемая Уваровымъ, колонна его, одолѣвъ Турковъ во рву, взбирались на валъ, готовясь восторжествовать надъ непріятелемъ. Турки возобновили вылазку въ ровъ. Тѣснимые съ лица и въ тылъ, Русскіе облегли верхъ разбитой контръ–эскарпы. Поражаемые ружейнымъ огнемъ, штыками, кинжалами, ятаганами, бревнами, камнями, они несли страшныя потери. Взбиравшихся на верхъ и облегавшихъ валъ, Турки притаскивали къ себѣ желѣзными крючьями и обезглавливали. Всѣ, безъ изъятія, резервы были посланы на подкрѣпленіе, но и сія мѣра не имѣла успѣха. Приступъ былъ отбитъ.

Послѣ безполезнаго кровопролитія, давая войску отдыхъ, Графъ Каменскій поручилъ Уварову наблюдать дороги, находившіяся въ тылу нашей арміи. Въ половинѣ Августа послалъ онъ его обозрѣть Турецкія силы, скоплявшіяся на берегахъ Янтры, близъ Батина. Во время обозрѣнія Уваровъ имѣлъ нѣсколько авангардныхъ дѣлъ съ Турками. Удостовѣрясь о сборѣ многочисленнаго непріятеля у Батина, Графъ Каменскій выступилъ туда отъ Рущука, и Августа 26–го атаковалъ Турковъ. Уваровъ былъ съ своимъ корпусомъ на правомъ крылѣ нашемъ, взялъ нѣсколько Турецкихъ укрѣпленій и совершенно опрокинулъ лѣвое Турецкое крыло. За блистательное участіе въ Батинской побѣдѣ, Уваровъ былъ награжденъ ордемъ Св. Георгія 2-го класса. Вскорѣ потомъ онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ провелъ весь 1811-й годъ.

При началѣ Отечественной войны, въ Апрѣлѣ 1812 года, Уваровъ поступилъ въ 1–ю Западную армію Командиромъ 1-го Резервнаго Кавалерійскаго корпуса, составленнаго изъ полковъ Лейбъ–Гвардіи Гусарскаго, Уланскаго и Драгунскаго, Курляндскаго, Казанскаго и Нѣжинскаго Драгунскихъ, и одной Конно–Артиллерійской роты. При вторженіи Наполеона въ Россію, корпусъ Уварова стоялъ въ Вилькомірѣ; вскорѣ смѣненный Графомъ Витгенштейномъ, онъ сталъ позади него. На другой день Маршалъ Удино атаковалъ авангардъ Графа Витгенштейна, бывшій подъ начальствомъ Кульнева. Уваровъ подкрѣпилъ его однимъ изъ своихъ Драгунскихъ полковъ, давая Кульневу возможность удерживать непріятеля до тѣхъ поръ, пока Витген-

штейнъ съ главными силами своего корпуса переправился черезъ рѣку Свенту. За нимъ послѣдовалъ Уваровъ, составляя собою связь между корпусами Графа Витгенштейна и Багговута. Участвуя въ отступленіи первой арміи къ Дриссѣ, Смоленску и Бородину, Уваровъ не былъ въ сраженіяхъ до 23-го Августа. Въ сей день онъ былъ посланъ Кутузовымъ на подкрѣпленіе Коновницына, сражавшагося подъ Колоцкимъ монастыремъ. Коновницынъ былъ моложе въ чинѣ Уварова, и по прибытіи его на поле битвы, явился къ нему, испрашивая приказаній: «Петръ Петровичъ», съ благороднымъ самоотверженіемъ отвѣчалъ Уваровъ, «не время считаться старшинствомъ; вамъ порученъ аррієргардъ; я присланъ на помощь вашу: приказывайте». Такія возвышенныя чувствованія должны всегда руководить истинныхъ сыновъ Отечества. Уваровъ оставался при Коновницынѣ до конца дѣла подъ Колоцкимъ монастыремъ. Потомъ онъ отошелъ на позицію, занятую арміею позади Бородина, и сталъ на назначенномъ ему въ боевой чертѣ мѣстѣ, на правомъ крылѣ, позади пѣхотнаго корпуса Багговута, имѣя въ тылу своемъ село Успенское, а вправо рѣку Москву. Корпусъ Уварова не принималъ участія въ началѣ Бородинской битвы, но тѣмъ славнѣе было его содѣйствіе въ ту рѣшительную минуту сраженія, когда Наполеонъ, оттѣснивъ наше лѣвое крыло, двинулъ войско впередъ, для упроченія за собою побѣды. Въ сіе роковое мгновеніе, когда всѣ вѣроятности успѣха были на сторонѣ Наполеона, Кутузовъ приказалъ Платову съ казаками и Уварову съ 1-мъ Резервнымъ Кавалерійскимъ корпусомъ переправиться въ бродъ черезъ рѣку Колочу, выше Бородина, и атаковать лѣвое крыло непріятеля. Мѣстоположеніе для дѣйствій Уварова было невыгодно. Ему надлежало переходить черезъ оврагъ и рѣчку, и подниматься на другой берегъ. Деревня на лѣвой сторонѣ, и лѣсъ, на правой, были заняты непріятельскою пѣхотою. Одолѣвъ мѣстныя препятствія, Уваровъ нѣсколько разъ атаковалъ Французовъ, едва не овладѣлъ непріятельскою батарею и не полонилъ Вице-Короля Италійскаго.

Дѣйствія Уварова и Платова имѣли чрезвычайно важное вліяніе на участь Бородинскаго сраженія, принудивъ Наполеона остановить войска, посланныя сломить Русскую армію. Самъ Наполеонъ понесся къ лѣвому крылу своему, желая удостовѣриться въ силахъ, отряженныхъ Кутузовымъ для обхода его. Участникамъ въ Бородинскомъ сраженіи, конечно, памятна та минута, когда по всей линіи непріятеля уменшилось упорство атакъ, огонь сталъ слабѣе, и нашимъ, какъ тогда кто-то справедливо замѣтилъ, «можно было свободнѣе вздохнуть». Здѣсь одна изъ главныхъ причинъ, лишившихъ Наполеона возможности воспользоваться побѣдою, уже склонявшеюся на его сторону. Счастливый оборотъ битвы былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ превосходнаго, повелѣннаго Кутузовымъ, а Уваровымъ и Платовымъ исполненнаго маневра.

Послѣ Бородинскаго сраженія, корпусъ Уварова вошелъ въ составъ арріергарда, ввѣреннаго сперва Платову, а потомъ Милорадовичу. Августа 29-го, когда Милорадовичъ, давая арміи время отступить, остановился при селѣ Крымскомъ, и завязалъ упорный бой съ Королемъ Неаполитанскимъ, Мюратомъ, Уваровъ много содѣйствовалъ успѣху нашему кавалерійскими атаками. Послѣдствіемъ блистательнаго дѣла подъ Крымскимъ было то, что непріятель пересталъ сильно тѣснить нашъ арріергардъ, слѣдовалъ за нимъ ощупью, и наконецъ потерялъ его изъ вида. Сентября 1-го, приглашенный Кутузовымъ въ военный совѣтъ, гдѣ рѣшался вопросъ: сражаться ли передъ Москвою, или уступить ее безъ боя? Уваровъ утверждалъ необходимость битвы. Въ сраженіяхъ подъ Тарутинымъ и Малоярославцомъ, Уваровъ не участвовалъ, находясь въ резервѣ. Когда Милорадовичъ атаковалъ Французовъ подъ Вязьмою, Октября 22-го, Кутузовъ послалъ на его помощь Уварова, съ полками Гвардейскимъ Уланскимъ, восьмью Кирасирскими и Тульскимъ казачьимъ. Около полудня Уваровъ прибылъ въ окрестности Вязьмы, но здѣсь былъ остановленъ рѣчкою Ушицею, болотистые берега коей были защищаемы корпусомъ Маршала Нея. При невозможности перейдти черезъ рѣчку, онъ открылъ по непрія-

телю пушечный огонь. Не столько канонада, сколько появленіе Уварова, озаботило непріятелей. Опасаясь быть отрѣзанными Уваровымъ отъ Вязьмы, и неослабно тѣснимые Милорадовичемъ, Французы поспѣшно начали отступать. Уваровъ возвратился къ арміи Кутузова. Вскорѣ послѣ Вяземскаго сраженія, онъ поступилъ опять съ своимъ корпусомъ въ авангардъ Милорадовича и принималъ дѣятельное участіе въ Красненскихъ битвахъ, особенно при пораженіи, Ноября 4-го, Корпуса Вице-Короля Италійскаго. Послѣ Краснаго Уваровъ не имѣлъ болѣе дѣлъ съ Французами въ 1812-мъ году. Въ Вильнѣ, Декабря 11-го, онъ явился къ Императору Александру и оставался при Его Особѣ, въ продолженіе всей войны, до покоренія Парижа, Марта 19-го 1814 года. Онъ находился съ Государемъ во всѣмъ главныхъ сраженіяхъ: при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ, Лейпцигѣ, Бріеннѣ, Арсисѣ сюръ-Обѣ, Фершампенуазѣ и Парижѣ, исполняя повелѣнія Монарха, часто въ самомъ сильномъ огнѣ битвъ. За Лейпцигское сраженіе Уваровъ былъ произведенъ въ Генералы отъ Кавалеріи, а за походъ во Францію получилъ орденъ Св. Владиміра 1-й степени. Союзные Монархи также удостоили Уварова орденами своими.

По возвращеніи въ Россію, Императоръ Александръ учредилъ, Августа 18-го 1814-го, въ память одержанной Его распоряженіями Кульмской побѣды, Комитетъ для вспомоществованія неимущимъ, изувѣченнымъ Генераламъ, Штабъ и Оберъ-Офицерамъ. «Воины!» говорилъ Благословенный, въ приказѣ по Арміямъ, «Годъ «назадъ тому, въ сей самый день, на поляхъ «Кульмскихъ, гдѣ грудь ваша остановила стре«мленіе непріятеля въ Богемію, приносилъ Я «вкупѣ съ вами торжественное благодареніе Все«вышнему за неизрѣченное къ намъ милосердіе «Его. Всегдашніе сопутники ваши: мужество, «храбрость, терпѣніе и любовь къ Вѣрѣ и Оте«честву, увѣнчали васъ новыми послѣ того ла«врами, отверзли врата Парижа, даровали миръ, «и доставили лестное воину удовольствіе воз«вратиться со славою въ свое Государство. Оно «признательно къ службѣ и трудамъ, вами пе«ренесеннымъ; именемъ его изъявляю Я вамъ «благодарность, отъ лица его привѣтствую съ «возвращеніемъ въ Отечество. Геройскіе подви«ги ваши всегда обращали вниманіе Мое; дабы «вящше ознаменовать оные, и въ особенности «день 18-го Августа, Я отверзаю нынѣ путь, удоб«нѣйшій всѣмъ увѣчнымъ въ послѣднюю, не«забвенную по громкимъ дѣламъ своимъ войну, «Генераламъ, Штабъ и Оберъ-Офицерамъ, какъ «вышедшимъ уже въ отставку, такъ и тѣмъ, «кои отъ ранъ и увѣчьевъ въ войну сію оста«вятъ службу, и неимѣющимъ другаго состоянія, «кромѣ опредѣленнаго при отставкѣ пенсіона, «прибѣгать во всѣхъ нуждахъ своихъ ко Мнѣ. «А чтобы прозьбы ихъ безъ всякаго промедле«нія были разсматриваемы, повѣряемы и под«носимы Мнѣ, учреждаю особый Комитетъ изъ «находящихся при Мнѣ Генералъ-Адъютантовъ». Уваровъ былъ назначенъ первенствующимъ членомъ благодѣтельнаго Комитета 18-го Августа. Потомъ сопутствовалъ онъ Императору Александру на Вѣнскій, Ахенскій и Лайбахскій конгрессы. Послѣ отъѣзда Императора изъ Лайбаха, Уваровъ путешествовалъ по Италіи, а по возвращеніи въ Россію, въ 1821-мъ году, былъ назначенъ Командующимъ Гвардейскимъ Корпусомъ. Въ семъ званіи повелѣно ему было, 31-го Августа 1823-го года, присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ; Декабря 12-го того же года онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Время начальства Уварова надъ Гвардейскимъ Корпусомъ было ознаменовано важнымъ событіемъ — поступленіемъ въ сей корпусъ Бригадными Командирами нынѣ царствующаго Государя Императора Николая Павловича и Августѣйшаго Брата Его, Великаго Князя Михаила Павловича.

Лѣтомъ 1824-го года здоровье Уварова начало разстроиваться, но усердіе его къ службѣ не охлаждалось. Онъ примѣтно угасалъ, въ тяжкихъ страданіяхъ утѣшаемый участіемъ Царственнаго Семейства и всего Петербурга. Императоръ Александръ неоднократно навѣщалъ страдальца. Ноября 19-го, послѣ продолжительнаго свиданія съ Монархомъ, Уваровъ ни съ кѣмъ болѣе не вступалъ въ разговоръ, падалъ

нѣсколько разъ въ обморокъ, и началъ терять память. Въ 6-ть часовъ слѣдующаго утра онъ уже не могъ узнать пришедшаго къ его постелѣ Монарха. Въ полдень Государь опять посѣтилъ больнаго, и заставъ его въ предсмертныхъ страданіяхъ, прослезился. Черезъ часъ Уварова не стало. Тѣло его было выставлено въ комнатахъ Зимняго Дворца, которыя онъ занималъ при жизни своей, въ траурной залѣ, подъ богато-убраннымъ балдахиномъ. По нѣскольку офицеровъ отъ всѣхъ Гвардейскихъ полковъ по очереди, а Кавалергардскіе постоянно, дежурили при гробѣ. Чины военные и гражданскіе, и люди разнаго званія, приходившіе проститься съ усопшимъ, безпрестанно наполняли покои. Самъ Императоръ ежедневно приходилъ ко гробу Уварова. Ноября 25-го, въ 6-ть часовъ по полудни, тѣло Уварова вынесено было изъ комнатъ и сопровождаемо до церкви Св. Захарія и Елисаветы, находящейся въ казармахъ Кавалергардскаго полка, всѣми офицерами сего полка, родственниками и многочисленными почитателями покойнаго. Въ конвоѣ былъ эскадронъ Кавалергардовъ. При выносѣ присутствовали Императоръ Александръ, Великіе Князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, Принцъ Оранскій — нынѣ Король Нидерландскій — и Наслѣдный Герцогъ Саксенъ-Веймарскій. Ноября 27-го, въ присутствіи тѣхъ же Высочайшихъ Особъ и при великомъ стеченіи посѣтителей, совершалъ въ Кавалергардской церкви Божественную литургію и отпѣваніе Митрополитъ Серафимъ. Погребеніе происходило съ подобавшею сану усопшаго пышностью. За гробомъ шли 2 батальона Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, 6 дѣйствующихъ эскадроновъ Кавалергардскаго и батарея Лейбъ-Гвардіи Конной Артиллеріи. Другихъ Гвардейскихъ полковъ нижніе чины, желавшіе отдать послѣдній долгъ своему бывшему благодѣтельному начальнику, получивъ позволеніе присутствовать при погребеніи, были выстроены по обѣимъ сторонамъ Знаменской улицы и Невскаго проспекта до Александро-Невской Лавры. Зрѣлище уподоблялось церковному параду всѣхъ войскъ Гвардейскаго корпуса, расположенныхъ въ столицѣ. Императоръ Александръ съ Великими Князьями и многочисленною свитою слѣдовали за печальною колесницею до Невскаго Монастыря, и оставались тамъ до преданія землѣ бренныхъ останковъ Уварова. Ружейная и пушечная пальба, молитвы Монарха Россіи, Августѣйшихъ Братьевъ Его и всѣхъ присутствовавшихъ объ успокоеніи души добродѣтельнаго мужа торжественно заключили печальный обрядъ.

Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ былъ красавецъ въ молодости, и сохранилъ въ преклонныхъ лѣтахъ мужественную наружность. Всегда одѣтый щеголемъ, рисуясь на статномъ конѣ, онъ былъ неустрашимъ въ бою. Вѣжливый, снисходительный, услужливый, онъ пользовался общимъ уваженіемъ въ Россіи. Приверженность къ Государю, благоговѣніе къ своимъ родителямъ, рвеніе къ службѣ, желаніе помогать ближнему совѣтомъ и дѣломъ — были въ Уваровѣ безграничны. Не получивъ отличнаго воспитанія въ родительскомъ домѣ, онъ образовалъ самъ себя глубокимъ изученіемъ свѣта. Исполненный правилъ чести, съ душею благородною, онъ былъ готовъ, чему я знаю много примѣровъ, на всякое доброе дѣло, являясь передъ Александромъ ревностнымъ защитникомъ несчастныхъ. Самъ собою, безъ покровителей, безъ знатной родни, достигнувъ высокихъ почестей, Уваровъ смѣло говорилъ истину Александру и пользовался самымъ дружескимъ расположеніемъ Благословеннаго Монарха, бывъ довѣрителемъ многихъ сокровенныхъ мыслей Его.

Ѳедоръ Петровичъ былъ женатъ на вдовѣ умершаго въ 1804-мъ году, Генерала отъ Инфантеріи, Графа Валеріана Александровича Зубова, и пережилъ супругу свою многими годами. Дѣтей отъ сего брака не осталось.

И. Д. ИВАНОВЪ.

Иванъ Дмитріевичъ Ивановъ, Генералъ-Лейтенантъ, кавалеръ орденовъ: Св. Владиміра 2-й степени, Св. Анны 1-й степени и Св. Георгія 3-го класса, командоръ Французскаго Почетнаго Легіона и Баденскаго Церингенскаго Льва, имѣвшій золотую шпагу, съ надписью: «За храб-«рость», и серебряныя медали въ память 1812 года и взятія Парижа, происходилъ изъ бѣдной, дворянской фамиліи. Въ 1779 году, имѣя пятнадцать лѣтъ отъ роду, началъ онъ службу Подпрапорщикомъ въ Новгородскомъ Пѣхотномъ полку, въ 1780 произведенъ въ Сержанты, въ 1785 перешелъ въ Тульскій Пѣхотный, въ 1786 получилъ чинъ Прапорщика, а въ 1787, съ производствомъ въ Подпоручики, переведенъ въ С. Петербургскій Гренадерскій полкъ. Съ симъ полкомъ, въ 1789 году, онъ поступилъ въ армію Князя Потемкина, и находясь въ корпусѣ Князя Николая Васильевича Рѣпнина — въ послѣдствіи Генералъ-Фельдмаршалъ — былъ въ дѣлѣ противъ Турковъ, при рѣкѣ Сальчѣ, потомъ находился при бомбардированіи Измаила, а съ 30-го Октября по 3 Ноября былъ подъ Бендерами, сдавшимися Потемкину безъ сопротивленія. По возвращеніи войскъ на зимнія квартиры, С. Петербургскій Гренадерскій полкъ былъ расформированъ, и Ивановъ поступилъ въ Бѣлорусскій Егерскій Корпусъ, съ коимъ участвовалъ въ осадѣ Измаила и кровопролитномъ приступѣ къ сей крѣпости, за что, по представленію Суворова, былъ произведенъ въ Поручики. Въ слѣдующемъ году, въ продолженіе Іюня, Іюля и Августа, Ивановъ состоялъ въ наблюдательномъ отрядѣ, расположенномъ противъ Галаца, на островѣ Канцефанѣ, но въ дѣлахъ съ непріятелемъ не былъ. Въ 1792 году, по заключеніи съ Портою Ясскаго мира, Ивановъ пошелъ въ Польшу. При вспыхнувшемъ въ Варшавѣ, въ 1794 году, бунтѣ, онъ успѣлъ наскоро собрать роту, въ которой служилъ, пробился съ нею сквозь толпы вооруженныхъ Поляковъ и примкнулъ къ Русскимъ войскамъ, уцѣлѣвшимъ отъ вѣроломнаго истребленія. Послѣ сего подвига онъ находился въ разныхъ сраженіяхъ противъ Конфедератовъ, между прочимъ при Мацеіовицахъ, гдѣ взяли въ плѣнъ главнаго предводителя Польскихъ войскъ, Костюшку. Потомъ Ивановъ участвовалъ въ приступѣ къ предмѣ-

стію Варшавы, Прагѣ, и за отличія, въ продолженіе Польскаго похода оказанныя имъ, получилъ слѣдующій чинъ, Капитана.

Императоръ Павелъ I, вскорѣ по вступленіи Своемъ на Престолъ, повелѣлъ расформировать Егерскіе Корпуса на отдѣльные Егерскіе батальоны, и Ивановъ поступилъ въ 9-й изъ нихъ, черезъ нѣсколько недѣль потомъ наименованный 9-мъ Егерскимъ полкомъ. Здѣсь, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, получилъ онъ, по старшинству, чины Маіора и Подполковника. Въ первое время Царствованія Императора Александра, 9-й Егерскій полкъ былъ переименованъ въ 8-й Егерскій. Въ Августѣ 1805 года, когда рѣшено было воевать съ Наполеономъ, 8-й Егерскій полкъ вошелъ въ составъ арміи, ввѣренной Кутузову, и Ивановъ съ однимъ батальономъ сего полка поступилъ въ колонну Дмитрія Сергѣевича Дохтурова — въ послѣдствіи герой Смоленска, Бородина и Малоярославца. Въ Сентябрѣ, Ивановъ выступилъ съ Кутузовымъ изъ Радзивилова къ Баварской границѣ. По приходѣ въ Браунау, Кутузовъ узналъ о разгромѣ Австрійской арміи подъ Ульмомъ, и черезъ нѣсколько дней началъ свое безсмертное отступленіе отъ Браунау въ Моравію. Тѣснимый и окружаемый многочисленною арміею Наполеона, Кутузовъ успѣлъ безвредно перейдти за Дунай при Кремсѣ, гдѣ, Октября 30-го, атаковалъ Маршала Мортье. Упорна и кровава была встрѣча, съ обѣихъ сторонъ ознаменованная ожесточеннымъ мужествомъ. Батальонъ Иванова имѣлъ въ Кремской битвѣ дѣятельное участіе. Черезъ три недѣли потомъ, Ивановъ, поступивъ въ колонну Графа Ланжерона, вторично сражался съ Французами при Аустерлицѣ. Въ семъ сраженіи, гдѣ Русскія войска и въ самомъ несчастіи изумили Наполеона своею храбростью, 8-й Егерскій полкъ первый изъ Ланжероновой колонны принялъ на себя огонь Французовъ. Онъ сражался на лѣвомъ крылѣ, у селенія Сокольницъ, вмѣстѣ съ Пермскимъ и Выборгскимъ Мушкетерскими полками, и послѣ разгрома нашихъ войскъ, былъ выведенъ изъ дѣла самимъ Ланжерономъ. Вмѣстѣ съ другими частями арміи, Ивановъ возвратился въ Россію, награжденный за Кремское и Аустерлицкое сраженія орденами: Св. Анны 3-го класса, на шпагу, и Св. Владиміра 4-й степени, съ бантомъ. Въ Апрѣлѣ 1806 произвели его въ Полковники. При раздѣленіи въ томъ году Россійской арміи, вмѣсто инспекцій, на дивизіи, 8-й Егерскій полкъ поступилъ въ 12-ю дивизію, Генералъ-Лейтенанта Князя Голицына 2-го. Первоначально 12-я дивизія назначена была дѣйствовать противъ Турковъ. Но едва пришелъ Ивановъ къ Днѣстру, былъ онъ помѣщенъ съ 8-мъ Егерскимъ полкомъ въ корпусъ Ивана Николаевича Эссена, отправленный съ береговъ Днѣстра въ Восточную Пруссію, гдѣ возгаралась вторая война Императора Александра съ Наполеономъ. Во время сей войны Ивановъ былъ въ разныхъ дѣлахъ противъ Французовъ: Января 22-го, при селеніи Гончаровѣ; Апрѣля 30-го, при атакѣ селенія Дронзеева, гдѣ одинъ батальонъ 8-го Егерскаго полка взялъ два орудія; Мая 30-го, при селеніи Ольшево и Іюня 1-го подъ Остроленкою. За сіи дѣла Ивановъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 2-го класса, а по окончаніи войны назначенъ Шефомъ 10-го Егерскаго полка. Званіе сіе сохранялъ онъ до упраздненія въ армейскихъ полкахъ шефовъ, послѣдовавшаго 1-го Сентября 1814 года. Въ начальствованіи 10-мъ Егерскимъ полкомъ Ивановъ смѣнилъ Евгенія Ивановича Маркова, блистательнаго участника во всѣхъ войнахъ Императора Александра. Въ 1809 году онъ поступилъ въ корпусъ Князя Сергѣя Өедоровича Голицына, и былъ съ нимъ въ безкровномъ походѣ противъ Австрійцовъ, въ Галиціи. Весною 1810 года, Ивановъ пошелъ съ 9-ю дивизіею, Князя Суворова, на усиленіе Молдавской Арміи, предводимой Графомъ Каменскимъ, и во второй половинѣ Сентября прибылъ подъ Рущукъ, вскорѣ послѣ паденія сей крѣпости, менѣе нежели за два мѣсяца передъ тѣмъ безплодно омытой Русской кровью. Въ началѣ Октября Ивановъ поступилъ въ отрядъ Графа Воронцова, назначенный дѣйствовать въ Булгаріи, по направленію къ Плевно, Ловчѣ и далѣе, съ цѣлью истреблять заготовленные тамъ Турками запасы, принудить непріятелей къ удаленію на зиму за Балканы, и распростра-

ипть въ томъ краѣ страхъ приближенія Русской арміи. Подъ начальствомъ Графа Воронцова, Ивановъ участвовалъ въ занятіи, послѣ незначительной перестрѣлки, города Плевно, въ срытіи укрѣпленій Ловчи и Сельви, и въ дѣлѣ при деревнѣ Шанкахъ, послѣ чего отрядъ возвратился къ арміи, привезя съ собою 9-ть Турецкихъ пушекъ. То были послѣднія дѣйствія Русскихъ за Дунаемъ въ 1810 году. Желая, безъ потери времени, положить начало новому походу очищеніемъ дороги на Тырново, Графъ Каменскій приказалъ, въ половинѣ Января 1811 года, Графу Сентъ-Пріесту — въ 1814 году смертельно раненный подъ Реймсомъ — занять Ловчу, послѣ поиска Графа Воронцова вновь Турками укрѣпленную. Въ составъ ввѣреннаго Графу Сентъ-Пріесту отряда вошелъ и 10-й Егерскій полкъ Иванова. Графъ Сентъ-Пріестъ, выступилъ 28-го Января изъ Никополя, 30-го, ночью подошелъ къ Ловчѣ, и пользуясь темнотою, повелъ часть своихъ войскъ на приступъ. 10-й и 38-й Егерскіе полки первые поднялись на валъ и ударили на толпы сбѣгавшихся туда полусонныхъ, въ расплохъ захваченныхъ Турковъ. Вскорѣ подоспѣли на помощь егерей нашихъ другія войска, и Ловча пала. За участіе въ семъ дѣлѣ, Иванова наградили орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. Черезъ пять дней послѣ покоренія Ловчи Ивановъ находился при занятіи Сельви. Здѣсь былъ предѣлъ наступательныхъ дѣйствій Каменскаго. Одержимый изнурительною болѣзнію, онъ просилъ увольненія отъ начальствованія Молдавскою Арміею. На мѣсто его былъ назначенъ Кутузовъ. Въ Апрѣлѣ 1811 года прибылъ онъ въ Букарестъ и возвратилъ въ Валахію почти всѣ войска, бывшія на правомъ берегу Дуная, въ томъ числѣ и отрядъ Графа Сентъ-Пріеста. Заманивъ, въ Сентябрѣ, на лѣвый берегъ Дуная армію Верховнаго Визиря, Кутузовъ приказалъ Маркову, тому самому, кого смѣнилъ Ивановъ въ командованіи 10-мъ Егерскимъ полкомъ, переправиться черезъ Дунай, и зайдти въ тылъ арміи Верховнаго Визиря. Въ числѣ порученныхъ Маркову полковъ, былъ и 10-й Егерскій. Совершивъ переправу, Марковъ напалъ, Октября 2-го, на Визирьскій лагерь, расположенный близъ Рущука. Невыразимый ужасъ овладѣлъ Турками. Весь ихъ станъ, 9-ть пушекъ, 22 знамя, множество богатаго оружія и артиллерійскихъ снарядовъ, перевозныя суда, верблюды, лошади, товары Востока, хлѣбные запасы достались побѣдителямъ. Турки бѣжали, спасаясь, кто куда могъ. На мѣстѣ непріятельскаго лагеря явились Русскія батареи и начали громить Турковъ, окопавшихся на лѣвомъ берегу Дуная. Черезъ шесть недѣль и сія часть Визирской арміи, отъ 36,000 человѣкъ уменьшенная до 12,000, положила оружіе. Наградою Иванова за Турецкой походъ были алмазные знаки ордена Св. Анны 2-го класса.

Настала 1812-й годъ. Ивановъ, съ полкомъ своимъ, былъ переведенъ въ собранную на Волыни армію Тормасова. По открытіи военныхъ дѣйствій онъ поступилъ въ составъ авангарда арміи, ввѣреннаго Графу Ламберту, и подъ начальствомъ сего отличнаго Генерала участвовалъ въ сраженіи, 15-го Іюля, подъ Кобринымъ— первомъ, въ Отечественную войну, гдѣ Русскія войска одержали побѣду надъ войсками Наполеона. Потомъ Ивановъ находился съ Графомъ Ламбертомъ въ преслѣдованіи непріятеля къ Пружанамъ и при отступленіи отъ Пружанъ къ Городечнѣ. Во время сего движенія, Австрійцы зашли лѣсами въ тылъ нашему авангарду и окружили его со всѣхъ сторонъ. Погибель авангарда казалась неминуемою, но полки, Иванова, и 14-й Егерскій, Красовскаго, штыками очистили себѣ путь. Черезъ день потомъ, Іюля 31-го, Тормасовъ былъ атакованъ Австрійцами и Саксонцами въ занятой имъ позиціи при Городечнѣ. Увидя опасность, угрожавшую лѣвому крылу его, Тормасовъ послалъ на подкрѣпленіе сражавшихся тамъ войскъ нашихъ Генералъ-Лейтенанта Маркова, съ нѣсколькими полками; въ томъ числѣ былъ 10-й Егерскій. Всѣ усилія Австрійцовъ и Саксонцовъ обойдти лѣвое крыло Тормасова не имѣли успѣха. Въ отраженіи непріятелей предводимый Ивановымъ полкъ принималъ самое дѣятельное участіе. На другой день послѣ Городечненскаго сраженія Тормасовъ началъ отступать за рѣку Стырь, поручивъ аррьергардъ Графу Ламберту, подъ начальство коего посту-

пилъ также 10-й Егерскій полкъ. Во время движенія къ Стыри, Ивановъ былъ въ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ Августа 2-го, 3-го и 4-го. Такимъ образомъ, во время всего похода Тормасова, сперва при наступательномъ движеніи его къ Кобрину, а потомъ при возвращеніи его за Стырь, Ивановъ находился безпрестанно въ огнѣ битвъ. За всѣ сіи дѣла пожалована была ему золотая шпага, съ надписью: «За храбрость».

Пять недѣль простоялъ Тормасовъ за Стырью, не тревожимый непріятелями. Сентября 1-го соединилась съ нимъ возвращавшаяся изъ Молдавіи и Валахіи Дунайская армія, предводимая Адмираломъ Чичаговымъ. Спустя десять дней, Тормасовъ и Чичаговъ начали наступательныя движенія. Ивановъ, съ 10-мъ Егерскимъ полкомъ, опять назначенный въ авангардъ Графа Ламберта, былъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ: Сентября 15-го при Турискѣ, 17-го у Городни, близъ Любомля, а 25-го и 26-го за рѣкою Мухавцомъ, на дорогѣ къ Бресту-Литовскому. Сентября 28-го, когда обѣ арміи, Чичагова и Тормасова, соединились въ одну, подъ названіемъ 3-й Западной, Ивановъ поступилъ сперва въ Корпусъ Генерала Воинова, а въ исходѣ Октября былъ назначенъ въ авангардъ сего Корпуса, порученный Генералъ-Маіору Графу Орурку — нынѣ Генералъ отъ Кавалеріи. Состоя въ авангардѣ, Ивановъ пришелъ, 14-го Ноября, въ мѣстечко Нижнее-Березино, на правомъ берегу рѣки Березины, близъ Борисова; въ ночи на 16-е присоединился къ Чичагову, а поутру 16-го поступилъ въ отрядъ Сабанѣева, посланный Чичаговымъ на помощь Чаплицу, когда Чаплицъ былъ опрокинутъ отъ деревни Брилей переправившимися черезъ Березину Французами. Въ лѣсу между Брилями и Стаховымъ загорѣлся кровопролитный бой, продолжавшійся до 11-ти часовъ вечера. Во время сего упорнаго дѣла Ивановъ былъ тяжело раненъ: пуля прошла ему въ правый бокъ и тамъ осталась навсегда. Награжденный за Стаховское дѣло чиномъ Генералъ-Маіора, онъ долженъ былъ на нѣкоторое время оставить армію. Вылечась отъ раны, отправился онъ, въ Августѣ 1813 года, въ Варшаву, гдѣ поступилъ въ распоряженіе Главнокомандовавшаго Польскою арміею, Беннигсена, при коемъ онъ служилъ до заключенія Парижскаго мира, но по спискамъ считался Командующимъ 3-ею бригадою 9-й Пѣхотной дивизіи, Удома 2-го, находившеюся въ Силезской арміи, Фельдмаршала Блюхера. Польскую армію составляли: авангардъ Маркова; корпусъ праваго фланга, Дохтурова, и корпусъ лѣваго фланга, Графа Толстаго. Назначенный состоять при Марковѣ, Ивановъ выступилъ съ нимъ, въ исходѣ Августа, изъ Варшавскаго Герцогства, черезъ Силезію и Богемію, въ Саксонію. Сентября 27-го былъ онъ въ жаркомъ дѣлѣ при мѣстечкѣ Дона, гдѣ Французы были разбиты. Преслѣдованіе за ними кончилось подъ стѣнами Дрездена, занятаго сильнымъ Французскимъ гарнизономъ, подъ начальствомъ Маршала Сенъ-Сира. Октября 1-го, Беннигсенъ, отправляясь съ большею частью своихъ войскъ къ Лейпцигу, на соединеніе съ другими дѣйствовавшими арміями, оставилъ подъ Дрезденомъ корпусъ Маркова и часть Ополченія, ввѣривъ ихъ Графу Толстому. Иванову поручили особый отрядъ, расположенный при деревнѣ Грунѣ и состоявшій изъ 4-хъ эскадроновъ Владимірскаго Уланскаго полка, 3-хъ батальоновъ 27-го Егерскаго, 3-хъ эскадроновъ Костромскаго и 3-хъ батальоновъ Рязанскаго Ополченій, и 8-ми орудій конной артиллеріи. Октября 9-го Ивановъ получилъ приказаніе идти, съ большею частію своего отряда, къ Пирнѣ и вытѣснить оттуда непріятеля. Приказаніе было исполнено удачно, и Ивановъ занялъ Пирну. На другой день смѣнили его Австрійцы. Октября 17-го, Ивановъ, получивъ значительное подкрѣпленіе, занялъ съ бою селеніе Плауенъ и оставался въ немъ до покоренія Дрездена, сдавшагося союзнымъ войскамъ 31-го Октября. Въ половинѣ Ноября Ивановъ пошелъ, съ Марковымъ, подъ Гамбургъ, занятый Французскимъ гарнизономъ, подъ начальствомъ Маршала Даву. Подъ сею крѣпостью онъ находился съ 19-го Декабря 1813, до ея сдачи, послѣдовавшей 17-го Мая 1814 года. Во время пяти-мѣсячной блокады Гамбурга, Ивановъ былъ нѣсколько разъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ: Декабря 23-го онъ содѣйствовалъ пораженію сильнаго Французскаго

отряда, шедшаго изъ Магдебурга на усиленіе Гамбургскаго гарнизона, Января 28-го находился при нападеніи на укрѣпленный островъ Вильгельмсбургъ, а 15-го Февраля сбилъ бывшіе на семъ островѣ непріятельскіе посты и батареи, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-го класса. По заключеніи Парижскаго мира послѣдовало, Сентября 1-го, новое росписаніе армій. Ивановъ былъ утвержденъ въ званіи Командира 3-й бригады 9-й Пѣхотной дивизіи, находившейся въ корпусѣ Графа Ланжерона. Бригаду его составляли 10-й и 38-й Егерскіе полки.

Корпусъ Ланжерона не успѣлъ еще возвратиться въ отечественные предѣлы, когда, вслѣдствіе побѣга Наполеона съ острова Эльбы, въ началѣ 1815 года, былъ посланъ онъ во Францію. Перешедъ Рейнъ при Мангеймѣ, Ивановъ, съ 19-го до 28-го Мая, находился при блокадѣ крѣпости Меца и имѣлъ частыя перестрѣлки съ ея гарнизономъ. Послѣ знаменитаго смотра подъ Вертю, онъ поступилъ съ своею бригадою въ корпусъ Графа Воронцова, остававшійся три года въ сѣверной Франціи, и прибылъ въ Россію въ 1818 году. Императоръ Александръ наградилъ его арендою на 12 лѣтъ, по 1000 рублей въ годъ, Король Людовикъ XVIII пожаловалъ ему орденъ Почетнаго Легіона 2-й степени, а Великій Герцогъ Баденскій орденъ Церингенскаго Льва. Черезъ пять лѣтъ по возвращеніи въ Россію, Апрѣля 18-го 1823 года, Ивановъ былъ назначенъ Начальникомъ 16-й Пѣхотной дивизіи, 1-го Января 1826 произведенъ въ Генералъ-Лейтенанты, 1-го Января 1827-го назначенъ Начальникомъ 19-й Пѣхотной дивизіи, 12-го Іюня того же года награжденъ арендою на 12 лѣтъ, по чину, а 25-го Декабря, «за долговременную и усердную службу», орденомъ Св. Анны 1-го класса. Такъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, взысканъ былъ Ивановъ Августѣйшими милостями Императора Николая Павловича.

Настала 1828 годъ. Едва окончивъ блистательную борьбу съ Персіею, Императоръ Николай нашелся вынужденнымъ поднять оружіе противъ Оттоманской Порты. Апрѣля 14-го послѣдовалъ о томъ Высочайшій Манифестъ. Графъ Витгенштейнъ назначенъ былъ Главнокомандующимъ противъ Турковъ, и въ составъ ввѣренныхъ ему войскъ поступила дивизія Иванова. Она принадлежала къ 7-му Пѣхотному Корпусу, Воинова, и состояла изъ полковъ: Азовскаго, Днѣпровскаго, Украинскаго и Одесскаго Пѣхотныхъ, и 37-го и 38-го Егерскихъ. Войска 7-го Пѣхотнаго корпуса, при коихъ находились Графъ Витгенштейнъ и Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, Графъ Дибичъ, назначены были для осады Браилова. Апрѣля 29-го началось обложеніе крѣпости. Одна бригада 19-й дивизіи стала на лѣвомъ крылѣ, а двѣ другія, при коихъ находился Ивановъ, стояли въ резервѣ, близъ селенія Казасу, гдѣ была Главная Квартира Великаго Князя Михаила Павловича. Его Высочество прибылъ подъ Браиловъ 5-го Мая, и принялъ начальство надъ всѣми осадными войсками. Съ 8-го по 13-е Мая имѣлъ пребываніе подъ Браиловымъ и Императоръ Николай Павловичъ. Ивановъ находился тамъ во все время осады, участвовалъ въ ней дѣломъ и совѣтомъ, и за оказанныя, въ продолженіе ея, «неутомимую дѣятельность и усердіе къ службѣ», былъ награжденъ, Іюня 25-го 1828 года, орденомъ Св. Владиміра 2-й степени.

Послѣ покоренія Браилова, дивизія Иванова, вмѣстѣ съ другими войсками 7-го пѣхотнаго корпуса, была направлена подъ Шумлу. Она прибыла къ сей крѣпости 8-го Іюля, и послѣ жаркаго дѣла съ Турками, происходившаго въ присутствіи Государя Императора Николая Павловича, стала на лѣвомъ крылѣ арміи, занявъ дорогу, ведущую изъ Шумлы въ Царьградъ. Спустя десять дней, Ивановъ поступилъ, съ 3-ею бригадою своей дивизіи, въ отрядъ Генерала Ридигера, посланный къ Эски-Стамбулу, дабы не допустить въ Шумлу шедшее туда подкрѣпленіе. На возвратномъ пути отъ Эски-Стамбула, Ридигеръ построилъ редутъ передъ селеніемъ Чифликъ и поручилъ защиту укрѣпленія Иванову, съ 4-мя батальонами пѣхоты, 2-мя эскадронами гусаровъ и сотнею казаковъ. Іюля 31-го Ивановъ былъ смѣненъ

другими войсками, и съ своимъ отрядомъ присоединился къ Генералу Ридигеру, получившему между тѣмъ приказаніе предпринять наступательное движеніе на путь сообщеній непріятеля. Исполняя приказаніе, Генералъ Ридигеръ занялъ выгодную позицію между Эски-Стамбуломъ и селеніемъ Осмаръ, у Малыхъ Балканъ. Черезъ нѣсколько дней получилъ онъ извѣстіе объ умноженіи Турецкихъ войскъ при Котешѣ, и предпринялъ усиленное обозрѣніе непріятелей, имѣя также намѣреніе проникнуть въ ущелье, ведущее отъ Катеши къ высотамъ Шумлы. Ночью, съ 2-го на 3-е Августа, Ридигеръ и съ нимъ Ивановъ, выступили для предположеннаго обозрѣнія, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 6-ти батальоновъ пѣхоты, 6-ти эскадроновъ гусаровъ и 12-ти орудій. Соблюдая величайшую тишину, наши, незамѣтно отъ Турковъ, приблизились къ лагерю ихъ. Мусульмане увидѣли наступленіе тогда только, когда наши колонны, миновавъ дефилей, перешли черезъ рѣку Урано, отдѣляющую Котешъ отъ Эски-Стамбула. Генералъ Ридигеръ немедленно атаковалъ Турковъ, и не смотря на отчаянное сопротивленіе, вытѣснилъ ихъ съ занятой ими выгодной позиціи, и овладѣлъ деревнею. Турки бѣжали, потерявъ пушку съ зряднымъ ящикомъ, два знамя, много оружія, палатку начальствовавшаго ими Паши, 165 человѣкъ плѣнными и до 300 убитыми. Успѣху нападенія особенно содѣйствовалъ Ивановъ, командовавшій всею пѣхотою въ отрядѣ Генерала Ридигера. Не прошло много времени, Турки, усилившись подоспѣвшимъ къ нимъ подкрѣпленіемъ, атаковали нашъ отрядъ. Генералъ Ридигеръ велѣлъ отступать, поручивъ арріергардъ Иванову. Турки неослабно напирали, обходя фланги Иванова и стараясь стать на путь отступленія его. Положеніе Иванова, окруженнаго толпами непріятельскими, было опасно, но онъ распоряжался искусно и хладнокровно, какъ на учебномъ мѣстѣ. Борясь на каждомъ шагу съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, въ порядкѣ совершилъ онъ отступленіе, стоившее намъ болѣе 400 убитыхъ и раненыхъ. Однимъ изъ послѣднихъ выстрѣловъ Ивановъ былъ раненъ пулею въ лѣвое плечо, и столь сильно, что черезъ недѣлю, Августа 10-го, умеръ, 65-ти лѣтъ отъ рожденія.

Ивановъ былъ одинъ изъ самыхъ безстрашныхъ людей своего времени. Война составляла стихію его. Не можемъ воздать доблестному мужу лучшей хвалы, какъ приведя слова изъ донесенія Генерала Ридигера командовавшему подъ Шумлою 7 Пѣхотнымъ корпусомъ, Принцу Евгенію Виртембергскому: «Армія», писалъ Ридигеръ, «лишилась въ Ивановѣ Генерала испытанной храбрости, обогащеннаго опытностію 49-ти лѣтняго «служенія, и отличавшагося усердіемъ и исполнительностью. Дивизія потеряла въ немъ попечительнаго и любимаго солдатами, какъ отца, «начальника, а Отечество истинно добродѣтельнаго гражданина и защитника».

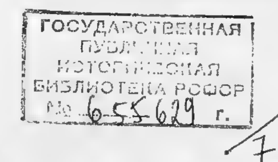
Генералъ-Маіоръ

Антонъ Петровичъ

ВЕЛИКОПОЛЬСКІЙ.

А. П. ВЕЛИКОПОЛЬСКІЙ.

Антонъ Петровичъ Великопольскій, Генералъ-Маіоръ и кавалеръ ордена Св. Владиміра 3-й степени, имѣвшій серебряную медаль въ память 1812 года, происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда. Онъ родился около 1770 года, и по тогдашнему обыкновенію малолѣтнымъ былъ записанъ въ службу, Каптенармусомъ въ Лейбъ-Гвардіи Измайловскій полкъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, въ 1778-мъ году, его произвели въ Сержанты, а въ 1789, когда возрастъ дозволялъ ему явиться на дѣйствительную службу, перевели Ротмистромъ въ Казанскій Кирасирскій полкъ. Въ то время Россія вела войну съ Швеціею, и какъ въ дѣйствовавшихъ противъ Шведовъ войскахъ нашихъ былъ некомплектъ офицеровъ, то Великопольскаго, не отправляя въ полкъ, послали въ Финляндію, гдѣ онъ участвовалъ въ жаркомъ дѣлѣ, происходившемъ 21-го Августа, на берегахъ рѣки Кюмени. По окончаніи похода, онъ поѣхалъ къ своему полку, находившемуся въ Молдавіи, въ арміи Князя Потемкина. Весною 1790 года, назначенный вступить въ Польшу, Лейбъ-Кирасирскій полкъ былъ усиленъ присоединеніемъ къ нему четырехъ полковъ: Военнаго Ордена и Казанскаго Кирасирскихъ, и Тверскаго и Софійскаго Карабинерныхъ, послѣ чего состоялъ изъ 30-ти эскадроновъ. Великопольскій поступилъ въ усиленный такимъ образомъ Лейбъ-Кирасирскій полкъ, но не пошелъ съ нимъ въ Польшу, оставаясь въ арміи Потемкина, во все продолженіе военныхъ дѣйствій съ Портою. Въ началѣ 1792 года, причисленные къ Лейбъ-Кирасирскому, два Кирасирскіе и два Карабинерные полка, были отъ него отдѣлены. Великопольскаго зачислили въ полкъ Военнаго Ордена, но вскорѣ перевели опять въ Казанскій. Въ 1793 году, Императрица Екатерина отправила въ Константинополь чрезвычайное, блестящее посольство, главою коего избрала одного изъ главныхъ дѣйствователей незадолго передъ тѣмъ кончившейся Турецкой войны, Генералъ-Поручика Михаила Ларіоновича Голенищева-Кутузова — въ 1812 году Князь Смоленскій. Великопольскій былъ назначенъ Дежурнымъ при Посольствѣ Кутузова, и въ семъ званіи провелъ годъ въ Царѣградѣ. По возвращеніи въ Россію, въ 1795 году, онъ былъ произведенъ въ Секундъ-Маіоры, съ назначеніемъ состоять при проживавшемъ въ Петербургѣ, послѣднемъ Королѣ Польскомъ Ста-

иславѣ Августѣ. Въ Царствованіе Императора Павла, Польскій Король скончался, и Великопольскій поступилъ въ Казанскій полкъ, гдѣ считался по спискамъ. Произведенный, 2-го Февраля 1798 года, въ Подполковники, онъ получилъ, 28-го Марта 1799, чинъ Полковника, а въ 1800 году былъ командированъ въ Балтійскій Портъ, для принятія начальства надъ частью войскъ, собранныхъ тамъ на случай, если бы Англичане, находясь тогда въ разрывѣ съ Россіею, предприняли противъ насъ непріязненныя дѣйствія.

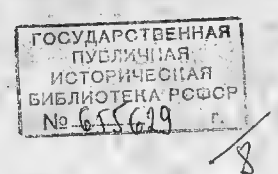
Въ первое время Царствованія Императора Александра, 18-го Мая 1803 года, Великопольскій былъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры; въ томъ же году, 10-го Іюня, назначенъ Шефомъ Сѣверскаго Драгунскаго полка — въ послѣдствіи Сѣверскій Конно-Егерскій — а черезъ два дня уволенъ, по прошенію, отъ службы, съ мундиромъ. Спустя полгода его приняли опять въ службу, съ назначеніемъ Шефомъ Сибирскаго Драгунскаго полка, въ 1812 году переименованнаго въ Уланскій. Отличное состояніе сего полка, найденное на Инспекторскомъ смотрѣ, доставило Великопольскому Высочайшее благоволеніе, но черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, въ Іюнѣ 1806 года, онъ былъ уволенъ отъ службы, и жилъ въ отставкѣ шесть лѣтъ. Когда послѣдовало вторженіе Наполеона въ Россію, Императоръ Александръ, желая усилить оборонительные способы Своего Государства, обнародовалъ, Іюля 6-го, Манифестъ о составленіи Ополченій. На голосъ Благословеннаго Монарха возстала Держава Его. Въ самое краткое время образовались огромныя ополченія, показавшія Наполеону готовность Россіи защищать Вѣру и Престолъ Царей своихъ. С. Петербургская губернія выставила два конные Казачьи полка и пятнадцать пѣшихъ дружинъ. Начальникомъ 15-й дружины и въ то же время начальникомъ 5-й бригады Ополченія, былъ избранъ и Высочайше утвержденъ Великопольскій. Назначенію сему много содѣйствовала извѣстность Великопольскаго Кутузову, тогдашнему Предводителю Петербургскаго Ополченія, и вскорѣ потомъ отозванному къ предводительствованію всѣми Русскими Арміями противъ Наполеона. По сформированіи С. Петербургскаго Ополченія, было оно раздѣлено на два отряда. Одинъ изъ нихъ поручили близкому родственнику Кутузова, Сенатору Александру Александровичу Бибикову, а другой находившемуся въ отставкѣ, заслуженному Генералъ-Маіору Бѣгичеву, въ отрядъ коего поступила бригада Великопольскаго. Поутру, Сентября 1-го, С. Петербургское Ополченіе стояло въ полномъ вооруженіи на Дворцовой, Исакіевской и Петровской площадяхъ. Императоръ Александръ объѣхалъ ряды воиновъ, изъявляя имъ особенное благоволеніе Свое, а Митрополитъ Амвросій освятилъ пожалованное Ополченію знамя. Новонабранное войско сіе было назначено на подкрѣпленіе Корпуса Графа Витгенштейна. Сентября 3-го выступилъ въ походъ отрядъ Бибикова, а 5-го оставилъ столицу отрядъ Бѣгичева. Оба отряда передъ выступленіемъ были собраны на Семеновскомъ парадномъ мѣстѣ и тамъ отслушали, въ Высочайшемъ присутствіи, церковное напутственное молебствіе. Отрядъ Бѣгичева, усиленный регулярными войсками, пришелъ, Сентября 28-го, въ Невель, гдѣ получилъ приказаніе Графа Витгенштейна прекратить въ окрестностяхъ Городни грабежи Французскихъ мародеровъ, или, какъ называли ихъ наши простолюдины, *Міродеровъ*. Въ числѣ войскъ, посланныхъ въ сей поискъ, находилась дружина Великопольскаго. По истребленіи грабителей, войска возвратились къ корпусу Графа Витгенштейна. Начались безпрерывныя сраженія съ Французами. Дружина Великопольскаго первая изъ всего Петербургскаго Ополченія приняла участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Октября 1-го находилась она при разсѣяніи непріятельскаго отряда у селенія Спротени, 3-го и 4-го въ дѣлахъ у Козянъ, 5-го при мызѣ Струйнѣ, а 6-го и 7-го на приступѣ Полоцка, за что Великопольскій награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. То былъ единственный знакъ отличія, полученный Великопольскимъ во всю службу его. Октября 16-го дружина Великопольскаго поступила въ авангардъ Графа Витгенштейна; 17-го и 19-го была въ дѣлахъ при Чашникахъ, за которыя Великопольскій полу-

чилъ Высочайшее благоволеніе; Ноября 2-го, въ сраженіи при Смольянахъ, Великопольскій былъ оконтуженъ ядромъ въ правый бокъ, но не оставлялъ своей дружины и мужественно бился съ нею при переправѣ Французовъ черезъ Березину. Здѣсь заключилъ онъ участіе свое въ Отечественной войнѣ. Тяжкая боль, происходившая отъ контузіи, истощила силы Великопольскаго. Онъ не могъ идти съ Графомъ Витгенштейномъ за границу, и по переправѣ нашихъ войскъ за Нѣманъ, былъ назначенъ Комендантомъ въ Юрбургъ, съ порученіемъ устроить тамъ госпиталь на 2400 человѣкъ и собрать отсталыхъ отъ Корпуса людей. Исполнивъ порученіе и получивъ облегченіе, Великопольскій отправился въ Кенигсбергъ. Здѣсь онъ принялъ начальство надъ частью С. Петербургскаго и Новгородскаго Ополченій, привелъ ихъ подъ Данцигъ, обложенный нашими войсками, и поступилъ въ отрядъ Генерала Левиза. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда все находившееся подъ Данцигомъ Ополченіе было раздѣлено на двѣ бригады, Великопольскому поручили вторую изъ нихъ. Вскорѣ потомъ онъ былъ отозванъ въ Главную армію, находившуюся въ Богеміи, и состоя при Главнокомандовавшемъ, Барклаѣ де-Толли, былъ въ разныхъ авангардныхъ дѣлахъ и въ трехъдневной Лейпцигской битвѣ. Сильно оконтуженный въ правую ногу, на приступѣ Лейпцига, Великопольскій не участвовалъ болѣе въ дѣлахъ противъ непріятеля. Въ Ноябрѣ 1813 года ему повелѣно было состоять по Кавалеріи, безъ должности, а 7-го Іюня 1828 онъ былъ назначенъ Презусомъ Коммиссіи Военнаго Суда при С. Петербургскомъ Ордонансъ-Гаузѣ, и въ семъ званіи скончался въ С. Петербургѣ, 22-го Января 1830 года. Жизнь и служба Антона Петровича Великопольскаго не представляютъ замѣчательныхъ случаевъ для Историка, но имя его не погибнетъ въ забвеніи. Дѣйствователь въ великой Отечественной войнѣ, онъ удостоился чести видѣть портретъ свой помѣщеннымъ въ Галереѣ Генераловъ Дванадесятаго Года.

А. А. ДЕ-СКАЛОНЪ.

Антонъ Антоновичъ де-Скалонъ, Генералъ-Маіоръ и кавалеръ орденовъ: Св. Владиміра 3-й степени, Св. Георгія 4-го класса, и Св. Анны 2-й и 3-й (нынѣ 4-й) степеней, родился Томской губерніи въ городѣ Бійскѣ, 6-го Сентября 1767 года. Прадѣдъ его, Юрій де-Скалонъ, изъ Французской дворянской фамиліи, протестантскаго вѣроисповѣданія, переселился съ семействомъ своимъ изъ Лангедокской области въ Швецію, въ Готембургъ, когда Лудовикъ XIV уничтожилъ Нантскій эдиктъ, коимъ Генрихъ IV даровалъ Протестантамъ свободу вѣроисповѣданія, доступность ко всѣмъ должностямъ и другія права. По смерти Юрія де-Скалона, сыновья его, Степанъ и Даніилъ, приглашенные вступить въ Россійскую службу, прибыли въ 1710 году въ Москву, съ матерью и тремя сестрами. Старшій братъ, Степанъ, принятъ былъ Инженеръ-Капитаномъ и вскорѣ скончался бездѣтнымъ, а младшій, Даніилъ, родоначальникъ фамиліи де-Скалонъ въ Россіи, поступилъ въ службу Кондукторомъ. Въ званіи Пажа находился онъ при посольствѣ Князя Василья Лукича Долгорукова въ Копенгагенѣ; потомъ былъ онъ Флигель-Адъютантомъ Генералъ-Фельдмаршала Князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, и въ послѣдствіи служилъ Подполковникомъ въ Кіевскомъ Драгунскомъ полку. Сынъ Даніила, Антонъ Даниловичъ, находился Пажемъ при Ландграфѣ Гессенъ-Гомбургскомъ въ Польскую войну, былъ въ походахъ съ Генераломъ Ласси и Графомъ Минихомъ, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, и переведенный въ Сибирскій корпусъ, во время Пугачевскаго бунта, въ чинѣ Генералъ-Маіора командовалъ, послѣ де-Колонга, войсками, расположенными въ Сибири. Благоразумною дѣятельностію своею сохранилъ онъ спокойствіе въ краѣ отъ волновавшихся Киргизъ-Кайсаковъ и шаекъ Пугачева, уже появлявшихся въ Ялуторовскомъ вѣдомствѣ, для обольщенія жителей къ мятежу. За сіи дѣйствія, по прекращеніи Пугачевскаго бунта и успокоеніи юго-восточнаго края Имперіи, Антонъ Даниловичъ награжденъ былъ орденомъ Св. Анны 1-й степени. Въ 1777 году, по болѣзненному состоянію, оставилъ онъ службу, съ чиномъ Генералъ-Поручика, и въ томъ же году скончался въ крѣпости Усть-Каменогорской.

Сынъ Антона Даниловича, Антонъ Антоновичъ де-Скалонъ, записанъ былъ, въ 1775 году,

въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ рядовымъ, въ 1777 произведенъ въ Подпрапорщики, въ 1782 году переведенъ въ Семеновскій полкъ, въ 1783 пожалованъ Сержантомъ, и въ томъ же году выпущенъ Поручикомъ въ Сибирскій Драгунскій полкъ, гдѣ, въ 1786, произведенъ въ Капитаны, въ 1793 въ Маіоры, а въ 1797 переведенъ въ Иркутскій Драгунскій полкъ. Въ слѣдующемъ году, прибывъ съ образцовою командою изъ Сибири въ С. Петербургъ, для узнанія новаго порядка службы, Скалонъ имѣлъ счастіе обратить на себя вниманіе Императора Павла Петровича, и въ Февралѣ того же года, въ знакъ особеннаго Монаршаго благоволенія, удостоился получить на разводѣ, изъ Собственныхъ рукъ Государя, Аннинскую шпагу. Въ Маѣ онъ былъ произведенъ въ Подполковники, съ назначеніемъ полковымъ Командиромъ Иркутскаго Драгунскаго полка, и въ Ноябрѣ того же года пожалованъ орденомъ Св. Анны 2-го класса. Неоднократно удостоивался онъ получать Высочайшія повелѣнія непосредственно на свое имя и за Собственноручнымъ подписаніемъ Государя. Однажды привезъ ему фельдъегерь, сопровождавшій посланнаго изъ Петербурга въ Иркутскій полкъ Гвардейскаго офицера, бывшаго во внутреннемъ дворцовомъ караулѣ, Собственноручное повелѣніе Императора Павла, слѣдующаго содержанія, свидѣтельствующаго о высокомъ довѣріи Монахра къ Скалону: «Сего офицера нашелъ Я у себя въ «Тронной, въ шляпѣ, судите сами».

«Павелъ».

Надпись на конвертѣ была также Собственноручная Его Величества: драгоцѣнныя строки сіи хранятся по нынѣ въ семействѣ Скалона.

Въ 1799 году Скалонъ былъ произведенъ въ Полковники, въ 1800 назначенъ Шефомъ Иркутскаго Другунскаго полка, называвшагося съ того времени, до 29-го Марта 1801, Драгунскимъ Скалона полкомъ, и въ томъ же году получилъ чинъ Генералъ-Маіора.

Семейныя обстоятельства и желаніе сблизиться съ меньшимъ, единственнымъ братомъ своимъ, съ коимъ разстался онъ еще въ дѣтствѣ, и который жилъ Курской губерніи въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, побудили Антона Антоновича проситься въ отставку. Онъ былъ уволенъ отъ службы, съ мундиромъ, 27-го Ноября 1802 года. При наступленіи первой войны Императора Александра съ Наполеономъ, Скалонъ желалъ снова вступить на военное поприще, и просилъ о принятіи его въ службу, съ назначеніемъ въ дѣйствующую армію, но пламенное желаніе его участвовать въ брани, подъятой Александромъ для спасенія Европы, осталось безъ исполненія. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ потомъ, Апрѣля 26-го 1806, Императору благоугодно было назначить Скалона, по прежнему, Шефомъ Иркутскаго Драгунскаго полка, «для «приведенія его», какъ объяснялъ Генералъ-Адъютантъ Графъ Ливенъ въ отношеніи своемъ къ Скалону, «снова въ то отличное устройство «въ какомъ онъ оставилъ полкъ сей». Такимъ образомъ, вмѣсто поля браннаго, Антонъ Антоновичъ, исполняя священную волю Государя, долженъ былъ отправиться въ Сибирь, оставленную имъ за три года передъ тѣмъ. Иркутскій Драгунскій полкъ расположенъ былъ на Сибирской линіи, въ укрѣпленіи Каряковѣ, между крѣпостями Омскою и Усть-Каменогорскою. Командиромъ Сибирскаго Корпуса былъ тогда Генералъ-Маіоръ Лавровъ — въ началѣ Отечественной войны Начальникъ Главнаго Штаба 1-й арміи, и потомъ Командующій Гвардіею. По отозваніи Лаврова въ дѣйствующую армію, въ 1807 году, Скалонъ временно заступилъ его мѣсто. Когда, въ 1808 году, командиромъ Сибирскаго корпуса былъ назначенъ Генералъ-Лейтенантъ Глазенапъ, Скалонъ получилъ Высочайшее повелѣніе вести изъ Сибири всѣ линейные полки и артиллерію къ западнымъ границамъ Имперіи. Скалонъ совершилъ зимній походъ въ концѣ 1808 года, и въ 1809 привелъ на Волынь отрядъ свой, состоявшій изъ полковъ Сибирскаго, Иркутскаго и Оренбургскаго Драгунскихъ, Ширванскаго и Селенгинскаго Мушкетерскихъ и 19 Егерскаго, съ артиллеріею. Походъ исполненъ былъ въ отличномъ порядкѣ и съ особеннымъ сбереженіемъ людей, за что Скалона наградили орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. Иркутскій и Сибирскій Дра-

гунскіе полки, съ начала сформированія своего пребывавшіе всегда въ Сибири, составили въ 1809 году, при 25-й пѣхотной дивизіи, Драгунскую бригаду, подъ начальствомъ Скалона. Въ 1810 году бригада сія была названа 8-ю кавалерійскою, съ причисленіемъ ея къ 3-му Резервному Кавалерійскому корпусу, при чемъ Скалонъ оставался шефомъ Иркутскаго Драгунскаго полка. Въ 1811 году онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени, за 25-ти лѣтнюю службу, и тогда же присягнулъ на вѣчное подданство Россіи. Въ Февралѣ 1812 года, 3-й Резервный Кавалерійскій корпусъ, бывшій подъ начальствомъ Графа Петра Петровича Палена, состоялъ изъ Оренбургскаго, Сибирскаго и Иркутскаго Драгунскихъ полковъ, Маріупольскаго Гусарскаго и Конно-Артиллерійской № 9-го роты. Тремя Драгунскими полками командовалъ Скалонъ. При вторженіи Наполеона въ Россію, корпусъ Графа Палена присоединенъ былъ къ 6-му Пѣхотному корпусу, Дохтурова, и совершилъ блистательное отступленіе отъ Лиды къ Дриссѣ, ускользнувъ отъ Французскихъ войскъ, посланныхъ Наполеономъ на перерѣзъ пути его. Непосредственный участникъ въ семъ отступленіи, Скалонъ, по оставленіи 1-ю арміею лагеря при Дриссѣ, поступилъ, съ своими полками, въ главный аррієргардъ, ввѣренный Графу Палену, и дошелъ съ нимъ до Смоленска. Августа 5-го, когда загорѣлось сраженіе подъ Смоленскомъ, Дохтуровъ поставилъ Скалона, съ Иркутскимъ, Сибирскимъ и Оренбургскимъ Драгунскими полками, и небольшимъ отрядомъ казаковъ, впереди Раченскаго предмѣстья, противъ оконечности праваго крыла Французовъ. Бывшая здѣсь Французская конная дивизія Брюера двинулась противъ отряда Скалона. Желая предупредить атаку, Скалонъ устремился на встрѣчу непріятелю, и едва проѣхавъ нѣсколько шаговъ, былъ убитъ картечью. Смерть любимаго Шефа произвела растройство въ Иркутскомъ полку. Онъ былъ обращенъ назадъ. Бездыханное тѣло Скалона осталось на мѣстѣ битвы. Поутру Августа 6-го, Наполеонъ занялъ пылавшія развалины Смоленска, а 8-го приказалъ предать землѣ тѣло Скалона, со всѣми воинскими почестями, въ Королевскомъ бастіонѣ. Великій полководецъ присутствовалъ на похоронахъ. Обратясь къ Генералъ-Маіору Павлу Алексѣевичу Тучкову, полоненному на канунѣ, въ славномъ дѣлѣ подъ Лубинымъ, Наполеонъ сказалъ: «Судя по фамиліи, «Скалонъ былъ Французъ». — «Скалоны давно «переѣхали изъ Франціи въ Россію», отвѣчалъ Тучковъ. «А! понимаю», возразилъ Наполеонъ, «вѣрно въ слѣдствіе уничтоженія Нантскаго эдикта». Такимъ образомъ, Провидѣніе, судивъ Скалонамъ переселиться изъ нѣдръ Франціи въ Россію, опредѣлило одному изъ нихъ пасть въ битвѣ съ Французами и быть ими похоронену.

При самомъ началѣ войны 1812 года, Скалонъ отправилъ супругу свою, съ пятью малолѣтными дѣтьми, черезъ Несвижъ и Бобруйскъ, къ родному своему брату, отставному Подполковнику, жившему въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ. Стремительность непріятельскаго вторженія тревожила Антона Антоновича касательно путешествія семейства его. Долго не получалъ онъ извѣстія о супругѣ и дѣтяхъ. Наконецъ, въ роковой для него день 5-го Августа, поутру, на полѣ битвы, онъ былъ обрадованъ прибытіемъ нарочнаго отъ супруги, увѣдомлявшей его о благополучномъ прибытіи ея въ Бѣлгородъ. Отвѣчая, Скалонъ писалъ ей, между прочимъ, слѣдующее: «Я тебѣ не пишу ничего о военныхъ «дѣйствіяхъ, но только скажу, что Богъ Рус«скихъ никогда не оставлялъ. Хотя врагъ и за«шелъ далеко, но онъ падетъ отъ оружія нашего!» Такая увѣренность вѣрнаго слуги Государя и Отечества въ грядущемъ торжествѣ Александра, была истиннымъ пророчествомъ въ предсмертный часъ.

Въ 1796 году Антонъ Антоновичъ женился на дочери Омскаго Коменданта, Бригадира Кеслера, дѣвицѣ Каролинѣ Христофоровнѣ, и имѣлъ съ нею десять дѣтей, изъ коихъ только пять сыновей нынѣ живы. Четыре младшіе были опредѣлены въ Пажескій Корпусъ, на казенное содержаніе, а вдовѣ его пожалована была пенсія, въ 900 рублей ассигнаціями. Безутѣшная въ своей потерѣ, она скончалась въ 1818 году. Пять сыновей Антона Антоновича служатъ нынѣ: старшій, Александръ, состоящій по Кавалеріи

Генералъ-Маіоръ, былъ въ послѣднее время, въ чинѣ Полковника Гвардейскаго Генеральнаго Штаба, Коммиссаромъ со стороны Россіи, для разграниченія Греціи съ Турціею, потомъ, въ чинѣ Генералъ-Маіора, Начальникомъ 6-го Округа Корпуса Жандармовъ, и наконецъ Грузино-Имеретинскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ; второй, Николай, Генералъ-Маіоръ, служившій въ Генеральномъ Штабѣ, нынѣ Командиръ Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка; третій, Василій, также служившій въ Генеральномъ Штабѣ, Капитанъ и Помощникъ Инспектора классовъ Петровскаго Кадетскаго Корпуса; четвертый, Антонъ, Полковникъ Генеральнаго Штаба, Начальникъ 1-го Отдѣленія Департамента сего Штаба; пятый, Даніилъ, Капитанъ Лейбъ-Гвардіи Сапернаго батальона, состоитъ при Главномъ Инженерномъ училищѣ.

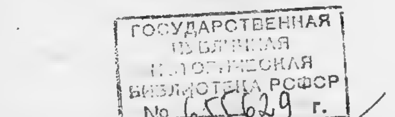
Сколонъ былъ прекрасной наружности, и росту 2-хъ аршинъ и 9-ти вершковъ. До сихъ поръ память его почтительно сохраняется въ Сибири, гдѣ онъ провелъ большую часть жизни своей. Исполненный правилъ благородства, безкорыстный, онъ ничего не оставилъ семейству своему, кромѣ драгоцѣнной памяти о честномъ служеніи и завидной смерти на ратномъ полѣ въ Двѣнадцатомъ Году.

ГРАФЪ

К. О. ДЕ-ЛАМБЕРТЪ.

Графъ Карлъ Осиповичъ де-Ламбертъ, Генералъ отъ Кавалеріи, Генералъ-Адъютантъ, Сенаторъ, Кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго, съ алмазами, Св. Владиміра и Св. Анны первыхъ степеней, Св. Георгія 3-го класса, Австрійскаго Леопольда, Прусскаго Краснаго Орла 1-й степени, Французскаго Св. Лудовика, и Баварскаго Военнаго ордена 2-й степени, имѣвшій золотую саблю съ алмазами и надписью: «За храбрость», и медали въ память 1812 и 1814 годовъ, родился во Франціи, въ 1772 году, отъ древней дворянской фамиліи, родословная коей восходитъ до 1276 года. Отецъ его былъ до революціи Генералъ-Маіромъ Французской службы, Членомъ Военнаго Совѣта и Инспекторомъ Кавалерійской дивизіи. Принужденный, во время революціи, въ 1791 году, подобно многимъ другимъ Французскимъ дворянамъ, оставить отечество, онъ состоялъ при братьяхъ злополучнаго Лудовика XVI, царствовавшихъ въ послѣдствіи подъ именами Лудовика XVIII и Карла X, и находился съ порученіями отъ нихъ въ Прусской арміи, въ продолженіе войны, веденной Пруссіею съ Франціею, въ 1792 и 1793 годахъ. Старшій сынъ его, Морицъ, съ дозволенія Французскаго Короля перешедшій въ Русскую службу, сражался противъ Турковъ и Поляковъ, и въ чинѣ Полковника убитъ въ дѣлѣ при Дубенкѣ, 7-го Іюня 1792 года. Желая почтить память падшаго воина, Императрица Екатерина II предложила отцу его вступить также въ Русскую службу, вмѣстѣ съ вторымъ своимъ сыномъ, Карломъ, бывшимъ при немъ Адъютантомъ. Съ признательностью принялъ старецъ милостивое предложеніе Монархини и немедленно отпустилъ въ Петербургъ сына, а самъ пріѣхалъ туда въ 1794 году, оставаясь до того времени при Французскихъ Принцахъ.

Передъ революціею Графъ Карлъ Осиповичъ служилъ Корнетомъ въ Королевской Французской Гвардіи. Императрица Екатерина приняла его въ Русскую службу, 3-го Февраля 1793 года, Секундъ-Маіромъ, съ опредѣленіемъ въ Кинбурнскій Драгунскій полкъ. Въ слѣдующемъ году Графъ Ламбертъ поступилъ въ армію, дѣйствовавшую въ Польшѣ, и находясь въ корпусѣ побѣдителя Костюшки, Ферзена, съ честью участвовалъ въ сраженіяхъ при Хелмѣ и Мацеіовицахъ. Поступивъ потомъ подъ начальство Суворова, онъ былъ на приступѣ

Праги, командуя охотниками, шедшими въ головѣ одной изъ штурмовавшихъ колоннъ. Украшенный, за отличіе, орденомъ Св. Георгія 4-го класса, онъ получилъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, чины Преміеръ-Маіора и Подполковника. Желаніе новыхъ случаевъ къ отличіямъ заставило его проситься подъ начальство Графа Валеріана Александровича Зубова, командовавшаго отдѣльнымъ корпусомъ противъ Персіянъ, въ коемъ находились тогда многіе будущіе дѣйствователи 1812 года: Беннигсенъ, Витгенштейнъ, Раевскій, Ермоловъ, Паленъ. Во время сего непродолжительнаго похода, Ламбертъ командовалъ казачьимъ полкомъ, но не имѣлъ встрѣчь съ непріятелемъ. Кончина Императрицы Екатерины остановила дѣйствія Русскихъ въ Азіи. Императоръ Павелъ отозвалъ въ Россію корпусъ Графа Зубова и расформировалъ многіе полки, въ томъ числѣ Кинбурнскій, почему Графа Ламберта перевели въ Стародубовскій Кирасирскій полкъ. Въ началѣ 1798 года онъ былъ произведенъ въ Полковники, и вскорѣ потомъ, по болѣзни, уволенъ отъ службы. Черезъ годъ, при началѣ войны Императора Павла съ Франціею, онъ былъ принятъ въ прежній полкъ, съ отданіемъ ему старшинства, и поступилъ въ корпусъ Генералъ-Лейтенанта Римскаго-Корсакова, долженствовавшій дѣйствовать въ Швейцаріи. Съ восторгомъ ожидалъ Ламбертъ наступленія военныхъ дѣйствій, надѣясь въ одно время сражаться за честь Русскаго оружія и возстановленіе во Франціи законнаго Престола и Христіанскихъ алтарей, ибо съ сею высокою цѣлью вооружился Императоръ Павелъ противъ Французской республики. Событія не соотвѣтствовали намѣреніямъ Монарха нашего. Отъ сцѣпленія несчастныхъ обстоятельствъ, Корсаковъ, по прибытіи въ Швейцарію, оставленный союзниками, увидѣлъ передъ собою превосходнаго въ числѣ непріятеля, и Сентября 14-го 1799 года, не смотря на храбрость Русскихъ войскъ, потерпѣлъ кровавое пораженіе подъ Цюрихомъ. Графъ Ламбертъ бился мужественно и былъ раненъ пулею, на вылетъ, въ лѣвую ногу. Императоръ Павелъ наградилъ его, Декабря 17-го, чиномъ Генералъ-Маіора и назначилъ Шефомъ Рязанскаго Кирасирскаго полка. Марта 8-го 1800 года полкъ сей былъ расформированъ, и Ламбертъ уволенъ отъ службы, съ правомъ ношенія мундира.

Черезъ двѣ недѣли по вступленіи Своемъ на Престолъ, Императоръ Александръ принялъ Графа Ламберта опять въ службу, съ состояніемъ по арміи, Марта 26-го 1802 назначилъ его командиромъ Елисаветградскаго, а Февраля 19-го 1803 года, Шефомъ Александрійскаго Гусарскаго полка. Въ 1806-мъ году, при началѣ второй войны Императора Александра съ Наполеономъ, полкъ сей состоялъ въ 6-й дивизіи, Седморацкаго, принадлежавшей къ Корпусу Беннигсена. Октября 20-го 1806 года перешелъ онъ границу въ Яловкѣ, и имѣлъ честь первый изъ Русскихъ войскъ встрѣтиться съ непріятелемъ, Ноября 14-го, у Блонья, на лѣвомъ берегу Вислы, куда одинъ баталіонъ Александрійцовъ былъ посланъ для наблюденій. Послѣ незначительнаго дѣла, наши отступили черезъ Варшаву на правую сторону Вислы, имѣя приказаніе не вступать въ бой съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ. Черезъ нѣсколько дней потомъ, Графъ Ламбертъ поступилъ съ частью своего полка въ авангардъ Графа Остермана, стоявшій у Чарново, близъ Модлина, и командовалъ передовыми постами его. Декабря 11-го Наполеонъ открылъ наступательныя дѣйствія и лично атаковалъ Графа Остермана. Первый ударъ великаго полководца палъ на Графа Ламберта, командовавшаго шестью ротами 4-го и 20-го Егерскихъ полковъ. Ударъ былъ встрѣченъ мужественно и отбитъ Ламбертомъ, послѣ чего Графъ Остерманъ приказалъ ему отступить на позицію, занятую главнымъ отрядомъ нашимъ. Сюда устремился Наполеонъ, и три раза атаковалъ позицію, или, справедливѣе, ходилъ на приступъ ея, и каждый разъ безуспѣшно. Чарновскій бой, начавшійся въ шестомъ часу пополудни, и длившійся во мракѣ бурной Декабрьской ночи, былъ самый кровопролитный. Графъ Остерманъ назвалъ Ламберта однимъ изъ главныхъ помощниковъ своихъ. Нѣсколько разъ Ламбертъ врубался въ непріятеля съ конни-

цею, и водилъ пѣхоту въ штыки. Легко раненный, онъ былъ награжденъ за Чарновское дѣло орденомъ Св. Георгія 3-го класса. Черезъ три дня потомъ, Декабря 14-го, Ламбертъ участвовалъ въ Пултускомъ сраженіи, гдѣ Беннигсенъ разбилъ Маршала Ланна. На другой день побѣды, онъ былъ посланъ преслѣдовать Французовъ, и на пути своемъ забралъ много плѣнныхъ. Также находилъ онъ брошенныя непріятелемъ орудія, но не могъ взять ихъ, не имѣя средствъ вытащить пушки изъ бездонной грязи. Въ семъ поискѣ находился при Графѣ Ламбертѣ Преображенскаго полка Капитанъ Графъ Воронцовъ — нынѣ Князь и Кавказскій Намѣстникъ. Послѣ Пултускаго сраженія не происходило большихъ военныхъ дѣйствій болѣе мѣсяца. Яростно возобновились они 23-го Января, когда Наполеонъ вознамѣрился обойдти лѣвое крыло Русской арміи, припереть ее къ Вислѣ и отрѣзать отъ Россіи. Наша армія отступала тремя колоннами къ Прейсишъ-Эйлау, стремительно преслѣдуемая Наполеономъ: три дня продолжались самыя упорныя арріергардныя дѣла. Командуя конницею въ отрядѣ Багговута, Графъ Ламбертъ мужественно бился съ Французами и покрылъ себя славою. Въ сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау, Января 27-го, онъ имѣлъ подъ начальствомъ своимъ три Гусарскіе и два Драгунскіе полка. За отличіе въ сей кровавой битвѣ Императоръ Александръ пожаловалъ ему орденъ Св. Владиміра 3-й, а Король Прусскій орденъ Краснаго Орла 1-й степени. Черезъ четыре мѣсяца, 2-го Іюня, подъ Фридландомъ, онъ спасъ во время отступленія 29 пушекъ, и за подвигъ сей былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1-го класса. Со славою отличнаго кавалерійскаго Генерала возвратясь въ Россію, Графъ Ламбертъ участвовалъ, въ 1809 году, подъ начальствомъ Генерала отъ Инфантеріи Князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына, въ походѣ противъ Австрійцовъ, въ Галицію, гдѣ военныхъ дѣйствій почти не происходило. Въ 1811 году, въ день Своего тезоименитства, Императоръ Александръ, желая явить Графу Ламберту знакъ особеннаго благоволенія Своего, назначилъ его Генералъ-Адъютантомъ, и въ томъ же году поручилъ ему начальство надъ 5-ю Кавалерійскою дивизіею.

Наступилъ *Двѣнадцатый* годъ. Графъ Ламбертъ, съ 5-ою и поступившею подъ его начальство 8-ою кавалерійскими дивизіями, назначенъ былъ состоять въ 3-й Резервной Обсерваціонной арміи, Тормасова. Корпусъ Графа Ламберта состоялъ изъ полковъ, Драгунскихъ: Стародубовскаго, Тверскаго, Житомірскаго, Арзамасскаго, Владимірскаго, Таганрогскаго и Серпуховскаго, Татарскаго Уланскаго и 9-ти Казачьихъ. Подъ начальствомъ Ламберта командовали бригадами: Бердяевъ, Хрущовъ и Кноррингъ. Александрійскій полкъ, коего Ламбертъ оставался Шефомъ, находился въ той же арміи, при корпусѣ Маркова. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, вознамѣрясь очистить отъ непріятеля Брестъ, Кобринъ, Яново и Пинскъ, Тормасовъ поручилъ Графу Ламберту отрядъ изъ 4-хъ батальоновъ, 16-ти эскадроновъ, 5-ти казачьихъ полковъ и 6-ти орудій, съ предписаніемъ идти вдоль Буга и соединиться, 13-го числа, съ Генералъ-Маіоромъ Княземъ Щербатовымъ, у Бреста. Исполняя повелѣніе, Графъ Ламбертъ, вмѣстѣ съ Княземъ Щербатовымъ, овладѣлъ Брестомъ, и двинулся къ Кобрину, занятому Саксонскимъ отрядомъ Генерала Кленгеля. Іюля 15-го, по распоряженію Тормасова, Графъ Ламбертъ первый началъ атаку, сбилъ Саксонцовъ съ позиціи, оттѣснилъ ихъ въ городъ, и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ Кобринской побѣды, первой, одержанной Русскими со времени вторженія Наполеона въ предѣлы нашего Отечества. Золотая сабля, съ алмазными украшеніями и надписью: «За храбрость», была наградою Графа Ламберта, Француза по рожденію, но Русскаго по привязанности его къ славѣ Россіи и ея обожаемаго Монарха. Съ поля Кобринскаго сраженія, Ламбертъ былъ отряженъ, вмѣстѣ съ Генераломъ Чаплицомъ, тревожить отступленіе непріятеля. Забравъ много плѣнныхъ и обозовъ, онъ сталъ у Пружанъ. Отсюда, по приказанію Тормасова, онъ былъ посланъ съ авангардомъ 3-й арміи къ Городечнѣ, на встрѣчу Австрійцамъ и Саксонцамъ. Іюля 18-го двинулся онъ къ мѣсту назначенія своего, преслѣдуемый отрядами Са-

ксонскаго Генерала Ренье. Каждый день происходили жаркія дѣла. Въ одномъ изъ нихъ, при Козьемъ-Болотѣ, Ламбертъ потерялъ пушку. «Непріятель дорого заплатитъ за нее», сказалъ онъ, и славно потомъ сдержалъ свое слово. Іюля 29-го войска его вступили на позицію при Городечнѣ, гдѣ армія Тормасова уже расположилась на отлогихъ возвышеніяхъ. Черезъ день загорѣлось сраженіе. Графъ Ламбертъ занималъ оконечность лѣваго крыла. Два непріятельскіе легко-конные полка, Саксонскій и Австрійскій Гогенцоллерна, обратились ему въ тылъ. Зорко слѣдилъ Графъ Ламбертъ за движеніемъ ихъ и увидя, что они совсѣмъ отдѣлились отъ своего боеваго корпуса, рѣшился атаковать ихъ. Павлоградскихъ Гусаровъ послалъ онъ ударить на непріятеля съ фронта, а Александрійскихъ повелъ во флангъ и тылъ ему. Движеніе сіе было исполнено съ такою быстротою, что полкъ Гогенцоллерна успѣлъ сдѣлать только одинъ залпъ, когда Графъ Ламбертъ уже обскакалъ и атаковалъ Австрійцовъ. Атака Павлоградскихъ гусаровъ была столь же блистательна. Приведенные въ совершенное разстройство, Австрійцы и Саксонцы обратились въ бѣгство; многіе бросились, не зная мѣстности, на Кобринскую дорогу, и были переловлены нашимъ коннымъ отрядомъ, заблаговременно высланнымъ туда Графомъ Ламбертомъ. Сими дѣйствіями Графъ Ламбертъ обезпечилъ наше лѣвое крыло и путь отступленія. За сей подвигъ по представленію Тормасова, былъ онъ произведенъ въ Генералъ-Лейтенанты. Давъ непріятелю кровавый отпоръ подъ Городечною, Тормасовъ отступилъ за рѣку Стырь, поручивъ Графу Ламберту аррьергардъ арміи, имѣвшій почти ежедневно дѣла съ непріятелемъ. По переходѣ черезъ Стырь, военныя дѣйствія прекратились на нѣкоторое время въ арміи Тормасова. Сентября 7-го Австрійскій Генералъ Цехмейстеръ получилъ приказаніе обозрѣть армію нашу. Съ отрядомъ, состоявшимъ изъ легко-коннаго Орелліева полка и 6-ти эскадроновъ Поляковъ и Саксонцовъ, расположился онъ, 8-го Сентября, ночевать у селенія Чарукова. Узнавъ о семъ, Графъ Ламбертъ вознамѣрился захватить непріятеля въ расплохъ. Ночью переправилъ онъ въ Красномъ часть своей конницы и казаковъ. Пятнадцать охотниковъ Татарскаго Уланскаго полка, знавшіе по Нѣмецки, надѣли Цесарскія каски и плащи, пошли къ Польскому пикету, выдавая себя за Австрійскій патруль, и захватили весь пикетъ, до послѣдняго человѣка. Одинъ Полякъ успѣлъ выстрѣлить изъ пистолета, и тѣмъ произвелъ тревогу въ лагерѣ, но быстрота нашихъ дѣйствій предупредила ея послѣдствія. Графъ Ламбертъ уже ворвался въ биваки непріятельскіе. Не успѣвъ осѣдлать лошадей, Австрійцы, Поляки и Саксонцы бросились бѣжать; 150 изъ нихъ впали въ плѣнъ, а взводъ Александрійскихъ Гусаровъ, стоявшій на окольной дорогѣ съ Поручикомъ — нынѣ Генералъ-Маіоръ — Графомъ Буксгевденомъ, отбилъ три штандарта — единственные трофеи, когда либо взятые Русскими у Австрійцевъ, и тогда же возвращенные Александромъ Императору Францу. На другой день послѣ ночнаго нападенія Ламберта на непріятеля при Чаруковѣ, армія Чичагова, возвращавшаяся изъ Валахіи, соединилась съ арміею Тормасова. Оба Главнокомандовавшіе рѣшились воспользоваться превосходствомъ силъ своихъ и начать дѣйствія наступательныя. Сентября 10-го, Дунайская армія, Чичагова, переправилась черезъ Стырь, при Берестечкѣ и Хрынникахъ, а 3-я армія, Тормасова, авангардомъ коей командовалъ Графъ Ламбертъ, перешла сію рѣку при Луцкѣ и Торговицѣ. Непріятель отступалъ поспѣшно черезъ Любомль къ Бресту, живо преслѣдуемый нашими передовыми войсками. Во время сихъ движеній прибылъ въ главную квартиру обѣихъ армій Флигель-Адъютантъ Чернышевъ — нынѣ Военный Министръ — и вручилъ Главнокомандовавшимъ рескрипты: Тормасову о назначеніи его Главнокомандующимъ 2-ю арміею, на мѣсто раненнаго подъ Бородинымъ Багратіона, а Чичагову объ исполненіи общаго обсерваціоннаго плана и принятіи подъ свое начальство арміи Тормасова. Соединенныя войска Дунайской и Обсерваціонной армій получили общее названіе 3-й Западной. Чичаговъ раздѣлилъ ее на семь корпусовъ, изъ коихъ 1-й поручилъ Графу Ламберту. Въ семъ корпусѣ были полки: Александ-

дрійскій и Бѣлорусскій Гусарскіе, Татарскій Уланскій, Козловскій, Колыванскій, Якутскій, Ряжскій и Апшеронскій Пѣхотные, 10-й, 13-й и 32-й Егерскіе, три Казачьи и одинъ Башкирскій. Намѣреваясь напасть 29-го Сентября на Князя Шварценберга у Бреста, Чичаговъ назначилъ Ламберту стать на правомъ крылѣ, у Чернавчицъ, но Австрійцы ночью снялись съ лагеря и отступили. Простоявъ девять дней подъ Брестомъ, Адмиралъ Чичаговъ пошелъ къ Березинѣ. Армію раздѣлилъ онъ на двѣ части, и поручилъ авангардъ одной изъ нихъ Ламберту, какъ Генералу опытному, на быстроту и отважность коего можно было смѣло положиться. Маршъ къ Березинѣ совершался быстро. Подходя къ Несвижу и Новосвержену, Графъ Ламбертъ узналъ, что города сіи заняты были 5000-мъ отрядомъ Генерала Косецкаго, состоявшимъ изъ полковъ, сформированныхъ, по приказанію Наполеона, въ Литвѣ и изъ маршевыхъ Французскихъ батальоновъ. Ламбертъ распорядился немедленною атакою. Онъ послалъ къ Несвижу, столбовою дорогою, кавалерійскій отрядъ, а съ остальною конницею своего авангарда и съ двумя Егерскими полками, 10-мъ, Иванова, и 14-мъ, Красовскаго, пошелъ проселками на Новосверженъ, желая нечаяннымъ нападеніемъ захватить сей городъ, гдѣ стоялъ самъ Косецкій. За два часа до разсвѣта, Ноября 1-го, наши приблизились къ Новосвержену. Графъ Ламбертъ послалъ 10-й Егерскій полкъ обойдти городъ справа, а 14-му полку приказалъ идти прямо къ заставѣ. Безъ выстрѣла, штыками проложилъ себѣ дорогу шефъ 14-го полка, Красовскій, на плечахъ непріятеля ворвался въ улицы, достигъ площади, опрокинулъ здѣсь наскоро выстроившіеся два батальона, обратилъ ихъ въ бѣгство и началъ обезоруживать разбѣжавшихся по городу Поляковъ и Французовъ. Между тѣмъ Егеря 10-го полка отрѣзали на Несвижской дорогѣ одинъ Польскій батальонъ, и съ помощію конницы разбили его на голову. По занятіи Новосверженa, Графъ Ламбертъ послалъ Казачій полкъ въ Столбцы. Донцы переплыли Нѣманъ, забрали въ плѣнъ Поляковъ, бывшихъ въ Столбцахъ, и не дали непріятелю времени истребить мостъ на Нѣманѣ. Полонивъ въ теченіе дня до 800 человѣкъ, въ томъ числѣ 13 офицеровъ, Графъ Ламбертъ былъ ввечеру обрадованъ донесеніемъ отряда, посланнаго имъ въ Несвижъ, что непріятели очистили сей городъ, гдѣ найдено нашими болѣе нежели на милльонъ драгоцѣнностей, брильянтовъ и жемчугу, награбленныхъ Французскими войсками въ Москвѣ, и присланныхъ въ Несвижъ для сохраненія.

Не давая Косецкому оправиться, Графъ Ламбертъ пошелъ за нимъ со всею своею конницею, приказавъ пѣхотѣ по возможности ускорять маршъ. Ноября 3-го, пройдя 20 верстъ, онъ настигъ Поляковъ за Кейданами. Арріергардъ ихъ, состоявшій изъ двухъ Французскихъ батальоновъ, остановился при селеніи Муровщинѣ, давая отряду время уйдти впередъ. Житомірскіе драгуны догнали Польскую конницу, разбили и взяли пушки. Потомъ Житомірцы бросились на Французскую пѣхоту, однакожь не могли врубиться въ нее. Графъ Ламбертъ послалъ на подкрѣпленіе драгуновъ 4 конныя орудія. Осыпанные картечью, Французы положили оружіе. Между тѣмъ, Стародубовскій Драгунскій полкъ, Татарскій Уланскій и казаки, посланные Ламбертомъ догонять Косецкаго, настигли Поляковъ и принудили ихъ сдаться. Съ другой стороны, Александрійскіе Гусары заставили положить оружіе послѣднюю непріятельскую колонну, спасавшуюся по топямъ. Такъ уничтоженъ былъ почти весь отрядъ Косецкаго. Въ два дня взято было Ламбертомъ въ плѣнъ болѣе 4000 человѣкъ, въ томъ числѣ 63 офицера, отбито 2 пушки, 2 знамя, много обозовъ и полный хоръ музыкантовъ, отданный имъ въ 14-й Егерскій, гдѣ виртуозы тѣшили егерей, разыгрывая Наполеоновскіе марши. Уничтоженіемъ отряда Косецкаго, Графъ Ламбертъ открылъ себѣ путь въ Минскъ, городъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ чрезвычайно важный, ибо въ немъ находились непріятельскіе склады. Не давая войску отдыха, Графъ Ламбертъ спѣшилъ въ Минскъ. Ноября 4-го, казаки его уже были въ виду города, куда наспѣхъ спасались остатки разбитыхъ войскъ Косецкаго. Бывшій въ Минскѣ Французскимъ губернаторомъ,

Брониковскій очистилъ городъ и пошелъ къ Борисову. Едва успѣлъ онъ выдти изъ заставы, явился Ламбертъ, и занялъ Минскъ, гдѣ досталось ему огромное количество хлѣба, коммисаріатскихъ вещей, пороха и свинца, свезенныхъ туда по распоряженію Наполеона. Одного сарачинскаго пшена, привезеннаго въ Минскъ изъ Тріеста, было потомъ достаточно для нашей Дунайской арміи на цѣлый мѣсяцъ. Движенія Графа Ламберта были столь быстры, что непріятели ничего изъ запасовъ своихъ не успѣли истребить. Русскихъ плѣнныхъ взято Ламбертомъ въ Минскѣ 110 человѣкъ, и найдено имъ въ лазаретахъ 2,224 больныхъ Французовъ и Поляковъ.

Благодаря Графа Ламберта за блистательныя дѣйствія его, Чичаговъ приказывалъ ему скорѣе занять Борисовъ, куда скрылся Брониковскій, усилившій свой отрядъ до 4,000 человѣкъ, и куда спѣшилъ Домбровскій съ 3,000 изъ Березина. Графъ Ламбертъ немедленно выступилъ изъ Минска, и 8-го Ноября прибылъ съ отрядомъ въ Жодинъ. Здѣсь узналъ онъ отъ плѣнныхъ Польскихъ офицеровъ, захваченныхъ его разъѣздами, что Домбровскій почти бѣгомъ идетъ въ Борисовъ, надѣясь поспѣть туда въ ту же ночь, и что къ вечеру намѣревался онъ сдѣлать привалъ. Графъ Ламбертъ рѣшился предупредить Домбровскаго, и пошелъ на Борисовъ, имѣя свѣдѣнія о тамошнихъ укрѣпленіяхъ отъ находившагося при немъ инженернаго офицера, который весною былъ въ Борисовѣ, при работахъ. Ободренные храбрымъ и опытнымъ предводителемъ, солдаты наши не чувствовали усталости, хотя прошли въ одинъ день 35 верстъ, въ позднее, осеннее время. Послѣ краткаго отдыха, среди глубокой тьмы, они весело двинулись впередъ, ночью съ 8-го на 9-е Ноября, и за часъ до разсвѣта, не примѣченные непріятелемъ, подошли на 2 версты къ Борисову. Въ ту же минуту Ламбертъ рѣшился идти на приступъ, и сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 14-му Егерскому полку атаковать правую сторону укрѣпленій; 38-му идти на лѣвую; по открытіи ими огня, 7-му Егерскому броситься на центръ. Въ резервѣ оставилъ Ламбертъ полки: 13-й Егерскій, Витебскій Пѣхотный, Александрійскій Гусарскій и Арзамасскій Драгунскій, и двѣ роты артиллеріи.

Домбровскій только въ 3 часа по полуночи вступилъ въ городъ. Не предполагая Русскихъ вблизи, онъ расположился внутри укрѣпленія походными колоннами, какъ шелъ на маршѣ. Не успѣвъ въ темнотѣ осмотрѣться, и желая дать войску отдыхъ, онъ не занялъ даже редутовъ. Опоздай Графъ Ламбертъ нѣсколькими часами, взятіе Борисова стоило бы намъ чрезвычайно дорого. Распоряженія его къ приступу были мгновенно приведены въ исполненіе. Красовскій, съ 14-мъ Егерскимъ полкомъ, вступивъ въ редутъ праваго непріятельскаго крыла, встрѣтилъ колонну Поляковъ съ 4 орудіями, шедшую занимать редутъ. Атакованные Красовскимъ, Поляки стали защищаться; наши ударили въ штыки, и непріятель побѣжалъ, оставивъ побѣдителямъ 2 пушки, съ лошадьми и прислугою. Не такъ успѣшно шло дѣло на правомъ крылѣ. 38-й Егерскій полкъ, ворвавшійся въ редутъ лѣваго крыла, былъ вытѣсненъ. По приказанію Графа Ламберта, Генералъ-Маіоръ Энгельгардтъ съ 7-мъ Егерскимъ полкомъ бросился на редутъ и палъ мертвый. При самомъ началѣ дѣла Домбровскій получилъ отъ Маршала Удино приказаніе держаться въ Борисовѣ до послѣдней капли крови. Продолжая бой въ укрѣпленіи, онъ вознамѣрился обойдти отрядъ Графа Ламберта войсками, бывшими у него внѣ укрѣпленія. Одна колонна пошла въ тылъ Красовскому; другая, состоявшая изъ пѣхоты и конницы, обратилась въ правое крыло наше. Ламбертъ двинулъ противъ обходившихъ часть своего резерва, оттѣснилъ ихъ и отрѣзалъ одну непріятельскую колонну. Обезпечивъ фланги и тылъ егерей, атаковавшихъ укрѣпленія, Графъ Ламбертъ устремилъ всѣ свои виды на ретраншаментъ, гдѣ Брониковскій и Домбровскій упорно защищались. 13-й и 38-й Егерскіе полки пошли на приступъ, но были отбиты. Графъ кинулся къ нимъ, и самъ повелъ ихъ въ бой. Въ сію рѣшительную минуту непріятельская пуля ударила его въ колѣно. Съ трудомъ сняли его съ лошади. «Я остаюсь съ вами и «здѣсь», сказалъ онъ егерямъ: «или умру, или «дождусь, пока вы для меня отведете въ Бори-

«совѣ квартиру». Громкое, единодушное ура! было отвѣтомъ, и егеря, въ то же время подкрѣпленные резервомъ, снова ударили въ штыки. Ударъ былъ рѣшительный. Опрокинутый непріятель бросилъ укрѣпленія съ 4 орудіями и побѣжалъ къ рѣкѣ Березинѣ. За нимъ устремились егеря, Арзамасскіе драгуны, конная артиллерія и Александрійскіе гусары, разъяренные раною своего любимаго, побѣдоноснаго шефа. Наши гнали враговъ по длинному мосту; у городскихъ воротъ отбили пушку, изъ которой Поляки только разъ успѣли выстрѣлить, и ворвались въ Борисовъ. Домбровскій остановился за городомъ, у мельницы, и началъ устроивать спасшіяся изъ крѣпости войска, но былъ сбитъ въ мгновеніе ока, и въ безпорядкѣ побѣжалъ по Оршанской дорогѣ. Такъ въ 4 часа по полудни увѣнчалось полнымъ успѣхомъ блистательное предпріятіе Графа Ламберта. Изъ 3,200 человѣкъ, составлявшихъ нашъ отрядъ, убито и ранено около 1,500. Трофеями были: 2 знамя, 8 пушекъ, болѣе 2,500 плѣнныхъ, и, что всего важнѣе, овладѣніе Борисовымъ, гдѣ была самая надежная переправа для Наполеона черезъ Березину. Раненный, Графъ Ламбертъ открылъ, тотчасъ, посредствомъ казаковъ, сообщеніе съ Графомъ Витгенштейномъ. Столь важна была для Французской арміи потеря Борисова, отъ котораго она находилась уже въ трехъ переходахъ, что извѣстіе о вступленіи Русскихъ въ сей городъ исторгло у Наполеона громкое восклицаніе: «Il est donc écrit là haut que nous ne «ferons plus que des fautes!» (и такъ, намъ свыше суждено дѣлать только ошибки!). Дѣйствительно, предупрежденіе Французовъ на Березинѣ занятіемъ Борисова было громовымъ ударомъ для Наполеона и однимъ изъ самыхъ блистательныхъ событій военной жизни Ламберта. Донося Императору Александру о взятіи Борисова, Адмиралъ Чичаговъ писалъ: «Сопротивле-«ніе было сильное, а сраженіе жестокое и крово-«пролитное, но Вы имѣете, Государь, въ хра-«бромъ и искусномъ Графѣ Ламбертѣ Генерала, «который не знаетъ препятствій».

Награжденный за Борисовское дѣло орденомъ Св. Владиміра 2-й степени, Графъ Ламбертъ долженъ былъ на долгое время, для излеченія раны, удалиться изъ арміи. Когда его повезли изъ Борисова, вдоль рѣки Березины, онъ внимательно всматривался въ мѣстность, и послалъ сказать Чичагову, что, по его мнѣнію, Наполеонъ непремѣнно станетъ переправляться у Студянокъ. Предположеніе его вполнѣ оправдалось, хотя мнѣнію его не повѣрили. Утвердительно можно сказать, что оставленіе Графомъ Ламбертомъ арміи было одною изъ главныхъ причинъ, облегчившихъ Наполеону прорывъ черезъ Березину, ибо болѣе всѣхъ генераловъ Дунайской арміи Графъ Ламбертъ пользовался довѣренностію Адмирала Чичагова, который часто слѣдовалъ его совѣтамъ, и еслибы Графъ Ламбертъ не былъ раненъ, вѣроятно, согласился бы съ его мнѣніемъ, поставить армію противъ Студянки, гдѣ Наполеонъ переправился черезъ Березину.

Леченіе раны Графа Ламберта продолжалось полтора года. Онъ явился подъ побѣдоносныя знамена Александра уже весною 1814 года, когда Русскія войска перешагнули за Рейнъ и были въ нѣдрахъ Наполеоновой Имперіи. Въ Мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ онъ въ главную квартиру Государя, находившуюся на берегахъ Марны, и опять увидѣлъ свое отечество, оставивъ его слишкомъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Весьма милостиво принятый Александромъ, Графъ Ламбертъ былъ назначенъ командующимъ Гренадерскаго Корпуса и 18-го Марта блистательно участвовалъ съ нимъ въ покореніи Бельвиля, послѣдней обороны Парижа съ восточной стороны. Свидѣтель распоряженій его во время битвы, Императоръ Александръ наградилъ его орденомъ Св. Александра Невскаго. Вскорѣ потомъ Ламбертъ получилъ отъ Императора Австрійскаго орденъ Леопольда, отъ Лудовика XVIII, возведеннаго на Престолъ предковъ своихъ оружіемъ Благословеннаго, орденъ Св. Лудовика, а отъ Короля Баварскаго Военный орденъ 2-й степени. Передъ возвращеніемъ въ Россію, 1-го Сентября 1814 года, Графъ Ламбертъ пересталъ считаться Шефомъ Александрійскаго Гусарскаге полка.

Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы въ Парижъ, въ Февралѣ 1815-го года, побудило Им-

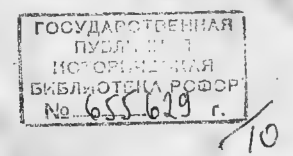
ператора Александра вторично двинуть Русскія войска во Францію. По прибытіи ихъ къ берегамъ Рейна, Графу Ламберту порученъ былъ авангардъ арміи. Кратковременный походъ нашъ въ 1815 году кончился почти безкровно, и Графъ Ламбертъ не имѣлъ случая ознаменоваться въ немъ подвигами. На блистательныхъ смотрахъ Русской арміи, происходившихъ въ исходѣ Августа, близъ Вертю, на поляхъ Шампаньи, онъ командовалъ 2-ю Гусарскою дивизіею, и подобно другимъ своимъ соратникамъ, заслуживалъ незабвеннаго отзыва, произнесеннаго Александромъ на горѣ Монтэме, откуда обозрѣвалъ Онъ войска свои: «Моя армія», сказалъ Онъ: «первая въ свѣтѣ: для нея нѣтъ ничего «невозможнаго; и по самому наружному устрой«ству, ни какія войска не могутъ сравниться съ «нею!»

По возвращеніи въ Россію, въ 1816 году, Графъ Ламбертъ былъ назначенъ Командиромъ 5-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса; въ слѣдующемъ году онъ получилъ 8,000 десятинъ земли, вмѣсто коей выдали ему единовременно 80,000 рублей ассигнаціями; въ 1820 году, 1-го Августа, онъ былъ награжденъ алмазными украшеніями къ ордену Св. Александра Невскаго; въ 1822 году арендою на 12 лѣтъ, по 3,500 руб. серебромъ ежегодно; а 12-го Декабря 1823 года произведенъ въ Генералы отъ Кавалеріи. По вступленіи Своемъ на Престолъ, Государь Императоръ Николай Павловичъ также изъявлялъ Свое вниманіе къ заслуженному воину. Декабря 6-го 1826 года Графъ Ламбертъ былъ назначенъ Сенаторомъ и получилъ заимообразно 100,000 рублей ассигнаціями, безъ платежа процентовъ. Въ 1836 году, «въ награду долговре«менной, постоянными и неутомимыми трудами «сопровождаемой службы», Графъ Карлъ Осиповичъ получилъ орденъ Св. Владиміра 1-й степени и ему былъ сложенъ казенный сто-тысячный долгъ, сдѣланный за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Послѣдніе годы жизни Графа Ламберта были отягчены продолжительными болѣзнями; наконецъ, угасли послѣднія его силы, и 30-го Мая 1843 года онъ скончался въ Полтавской губерніи, въ Константиноградскомъ уѣздѣ, въ имѣніи роднаго брата своего, также бывшаго Сенаторомъ, Тайнаго Совѣтника, Графа Ламберта. Послѣ Графа К. О. Ламберта, остались два сына. Выше упоминали мы о братьяхъ его. Старшій, Морицъ, былъ, какъ мы уже сказали, убитъ въ 1792 году; младшій, Графъ Яковъ Осиповичъ, началъ службу во Французскомъ флотѣ, ходилъ съ Адмираломъ Дантрекасто вокругъ свѣта, для развѣданій объ участи Лаперуза; потомъ вступилъ въ Русскую службу, былъ съ Графомъ Зубовымъ въ Персидскомъ походѣ, и перешедъ на гражданское поприще, заключилъ его званіемъ Сенатора и чиномъ Тайнаго Совѣтника.

Графъ Ламбертъ принадлежалъ къ числу лучшихъ кавалерійскихъ Генераловъ Александрова вѣка. Въ мирное время содержалъ онъ ввѣряемыя ему войска въ превосходномъ состояніи. Александрійскій Гусарскій полкъ, коего долгое время былъ онъ Шефомъ, довелъ онъ до возможнаго совершенства. На войнѣ Графъ Ламбертъ являлся начальникомъ самымъ распорядительнымъ и неустрашимымъ. Красавецъ въ молодости, онъ сохранилъ до старости поступь благородную и наружность пріятную, почтенную. Во всѣхъ пріемахъ его виденъ былъ въ немъ питомецъ блистательнаго Версальскаго Двора. Ласковый, чрезвычайно вѣжливый со всѣми, онъ былъ нрава самаго кроткаго, даже застѣнчивъ. Скромный въ рѣчахъ и поступкахъ, онъ былъ обожаемъ своими подчиненными, и глубоко уважаемъ Русскою арміею.

Д. В. ДАВЫДОВЪ.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, Генералъ-Лейтенантъ, кавалеръ орденовъ: Св. Владиміра 2-й степени, Св. Анны 1-й степени, Св. Георгія 4-го класса и Прусскаго За заслуги, имѣвшій золотую саблю съ надписью: «За храбрость», золотой крестъ въ память Прейссишъ-Эйлаускаго сраженія, серебряныя медали, въ память 1812 года, взятія Парижа и Персидской войны 1826, 1827 и 1828 годовъ, и Польскій знакъ отличія Военнаго Достоинства 2-й степени, родился въ Москвѣ, 16-го Іюля 1784 года. Первые годы дѣтства Давыдовъ провелъ въ родительскомъ домѣ. Ему было девять лѣтъ, когда, въ 1793 году, Суворовъ осматривалъ Полтавскій Легкоконный полкъ, находившійся подъ начальствомъ родителя Давыдова. Послѣ смотра, Суворовъ посѣтилъ домъ Давыдовыхъ, обѣдалъ у нихъ, и замѣтивъ рѣзваго и остроумнаго Дениса Васильевича, перекрестилъ его и сказалъ: «Ты «выиграешь три сраженія!» Можно представить себѣ, какое дѣйствіе произвело лестное предвѣщаніе на ребенка съ огненнымъ воображеніемъ! Слова великаго полководца рѣшили жребій Давыдова. Съ тѣхъ поръ въ душѣ его вспыхнула любовь къ военнымъ подвигамъ, угасшая только съ жизнію его. Но въ девять лѣтъ еще рано было взяться за боевую саблю. Ему дали въ руки ученическое перо и заставили учиться. «Но какъ тогда учили!» говорилъ въ послѣдствіи Давыдовъ. «Натирали ребятъ наружнымъ «блескомъ!» Не бывши въ учебныхъ заведеніяхъ, Денисъ Васильевичъ получилъ свѣтское, блестящее воспитаніе, узналъ основательно только Французскій языкъ, выучился танцовать, ѣздить верхомъ, ознакомился съ условными приличіями гостиныхъ; но дѣятельный умъ его искалъ больше существенныхъ занятій. Онъ страстно любилъ чтеніе, и когда попались ему въ руки *Аониды* Карамзина, онъ сталъ самъ писать стихи, еще не зная стихотворныхъ размѣровъ. «Мысли «толпились», говорилъ онъ, «но какъ приключе«нія во снѣ, безъ связи между собою». Такъ прожилъ онъ, въ свѣтскомъ вихрѣ и въ деревнѣ, между *порошами* и *брызгами*, до 1801 года. Въ началѣ сего года отправили его въ Петербургъ, на службу. Онъ назначался въ Кавалергардскій полкъ, но малый ростъ будущаго воина представилъ много препятствій къ поступленію въ сей полкъ, и только 28-го Сентября приняли его въ Кавалергарды, Эстандартъ-Юнкеромъ.

Явившись къ своему двоюродному брату, онъ услышалъ отъ него насмѣшки за вступленіе въ военную службу, не приготовленнымъ къ ней. Поразительный монологъ строгаго судьи былъ заключенъ словами: «Братъ Денисъ! что за сол-«датъ, который не надѣется быть Фельдмарша-«ломъ! а ты не знаешь ничего, что необходимо «Штабъ-Офицеру». Самолюбіе Давыдова было скорбно тронуто. Съ жаромъ принялся онъ за военныя книги. Вскорѣ пламенная душа его нашла въ семъ занятіи поэзію, и онъ, во всю жизнь свою не отставая отъ книгъ, особливо военныхъ, сдѣлался наконецъ однимъ изъ образованнѣйшихъ офицеровъ Русской арміи. Никогда не былъ онъ ученымъ по какой либо части военнаго искуства, но изученіе военной Исторіи обратилось у Давыдова въ страсть: онъ зналъ наизусть событія всѣхъ войнъ, особливо послѣдняго времени. Другою страстью его была, какъ говаривали тогда, бесѣда съ Музами. Часто на нарахъ солдатскихъ, на дежурствѣ въ госпиталѣ, на полу кавалерійскаго стойла, онъ писывалъ сатиры и эпиграммы, которыми началъ стихотворное свое поприще. Кровь кипѣла въ немъ и для другихъ страстей юности. Среди трудовъ по службѣ, въ ученьи, въ занятіяхъ стихотворныхъ, въ вихрѣ свѣта и въ пирахъ съ товарищами, Давыдовъ провелъ въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ. Сентября 9-го 1802-го былъ онъ произведенъ въ Корнеты, Ноября 2-го 1803-го въ Поручики, а Сентября 13-го 1804 переведенъ, за сатирическіе стихи, изъ Кавалергардскаго Ротмистромъ въ новосформированный тогда Бѣлорусскій Гусарскій — нынѣ Гусарскій Короля Нидерландскаго — полкъ. Вотъ какъ о семъ переводѣ изъ гвардіи въ армію упомянуто въ очеркѣ жизни Давыдова, напечатанномъ при Стихотвореніяхъ его въ 1832 году, когда онъ еще жилъ самъ, слѣдовательно, не допустилъ бы невѣрнаго извѣстія: «Судьба, управляющая людь-«ми, или люди, направляющіе ея удары, при-«нудили повѣсу нашего выйдти въ Бѣлорусскій «Гусарскій полкъ, расположенный тогда Кіев-«ской губерніи въ окрестностяхъ Звенигородки. «Двадцати-лѣтній гусарскій Ротмистръ закрутилъ «усы, покачнулъ киверъ на ухо, затянулся, на-«тянулся, и пустился плясать мазурку съ Поль-«ками». Въ то бѣшеное время своей жизни онъ написалъ много стиховъ, и между прочимъ извѣстный «Призывъ на пуншъ Бурцову», служившему Ротмистромъ въ одномъ полку съ Давыдовымъ и умершему въ 1813 году. Нельзя лучше характеризировать гусарской жизни того времени, и самого Давыдова въ кругу тогдашнихъ сослуживцевъ его, какъ выписавъ посланіе къ Бурцову:

Бурцовъ, ера, забіяка,
Собутыльникъ дорогой!
Ради рома и арака,
Посѣти домишка мой!
Въ немъ нѣтъ нищихъ у порогу,
Въ немъ нѣтъ зеркалъ, вазъ, картинъ,
И хозяинъ, слава Богу,
Не великій господинъ.
Онъ гусаръ — и не пускаетъ
Мишурою пыль въ глаза;
У него, братъ, замѣняетъ
Всѣ диваны — куль овса.
Нѣтъ курильницъ, можетъ статься,
За то трубка съ табакомъ;
Нѣтъ картинъ, да замѣнятся
Ташкой съ Царскимъ вензелемъ,
Вмѣсто зеркала сіяетъ
Ясной сабли полоса:
Онъ по ней лишь поправляетъ
Два любезные уса.
А на мѣсто вазъ прекрасныхъ,
Бѣломраморныхъ, большихъ,
На столѣ стоятъ ужасныхъ
Пять стакановъ пуншевыхъ!
Они полны, увѣряю —
Въ нихъ сокрытъ небесный жаръ.
Пріѣзжай — я ожидаю —
Докажи, что ты гусаръ.

Іюля 4-го 1806-го Давыдовъ былъ переведенъ изъ Бѣлорусскаго полка Лейбъ-Гвардіи въ Гусарскій Поручикомъ. Въ концѣ Сентября пріѣхалъ онъ въ Петербургъ и потомъ въ Павловскъ, гдѣ былъ расположенъ эскадронъ его. Сначала тутъ продолжалась почти такая же жизнь, какъ въ Бѣлорусскомъ полку, то есть, выражаясь словами самаго Давыдова, «было «болѣе дружбы, чѣмъ службы, болѣе разсказовъ, «чѣмъ дѣла, болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ «ташкахъ, болѣе Шампанскаго, чѣмъ печали...

«Всегда веселы и всегда на-веселѣ!.. Но», прибавляетъ онъ, «мнѣ было тогда двадцать два «года отъ роду: я кипѣлъ честолюбіемъ, уставалъ отъ бездѣйствія, чахъ отъ избытка жизни. «Сверхъ того, положеніе мое относительно къ «товарищамъ было истинно нестерпимое. Оставивъ гвардію, еще не слыхавшую боеваго выстрѣла, я провелъ два года въ полку, который «не былъ въ дѣлѣ, и поступилъ обратно въ ту «же гвардію, которая пришла изъ-подъ Аустерлица. Отъ меня пахло молокомъ; отъ нея несло «порохомъ; я говорилъ о рвеніи моемъ — мнѣ «показывали раны, всегда для меня завидныя, «или ордена, меня льстившіе. Не разъ вздохъ «ропота на судьбу мою заструивалъ чашу радости».

Такое состояніе души объясняетъ смѣлость, съ какою Давыдовъ вскорѣ обратился къ назначавшемуся Главнокомандующимъ арміи противъ Наполеона, Фельдмаршалу Графу Михаилу Ѳедотовичу Каменскому, прося у него одной милости — отправленія въ дѣйствовавшую армію. Онъ явился къ Фельдмаршалу Ноября 16-го, въ 4-мъ часу *по полуночи*, безъ рекомендацій, даже безъ доклада. Изумленный неожиданностью несвоевременнаго появленія, Фельдмаршалъ разсердился. Узнавъ, за чѣмъ обезпокоилъ его молодой поручикъ, онъ воскликнулъ: «Да что это «за мученье! Всякій молокососъ лѣзетъ проситься «въ армію, когда я еще и самъ не назначенъ «къ мѣсту! Замучили меня прозьбами!.. Да, кто «вы таковы?» «Я повторилъ мое имя» (разказъ самого Дениса Васильевича). — «Какой Давы«довъ?»—Я сказалъ имя отца моего. Туту Фельдмаршалъ смягчился, вспомнилъ о своей пріязни съ нимъ и даже съ дѣдомъ моимъ, началъ поименно называть моихъ родственниковъ, такъ, что едва не добрался до выходца изъ Золотой Орды, Минчака Касаевича, родоначальника Давыдовыхъ. Потомъ подойдя ко мнѣ ближе, съ видомъ добродушія, сказалъ: «Помнится мнѣ, «что ты противъ воли долженъ былъ однажды «выйдти изъ гвардіи. За что? Скажи мнѣ всю «правду, какъ бы ты сказалъ покойному отцу «своему». — Я разсказалъ приключеніе со всею откровенностью лѣтъ и характера моего. Когда я кончилъ, онъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «Ну, хорошо, любезный Давыдовъ! Нынче же «буду просить тебя съ собою; разскажу все, «какъ ты, ночью — слыхано ли это! — ночью «ворвался ко мнѣ въ горницу; какъ я тебя при«нялъ — прости меня! за неблагонамѣреннаго «человѣка... Право, я думалъ, что ты хочешь «застрѣлить меня». Сказавъ потомъ нѣсколько привѣтныхъ словъ, Фельдмаршалъ отпустилъ Давыдова, упоеннаго надеждами. Но надежды не сбылись: Давыдова не послали въ армію. До конца года оставался въ сокрушеніи поэтъ-поручикъ, но, наконецъ, 3-го Января 1807 года, былъ онъ назначенъ Адъютантомъ къ Князю Багратіону, начальнику авангарда дѣйствующей арміи. Немедленно поскакалъ онъ къ своему назначенію; 14-го Января былъ произведенъ, по старшинству, въ Штабсъ-Ротмистры, и на другой день прибылъ къ арміи, во время выступленія ея въ Морунгенъ. Января 24-го, въ первый разъ Давыдовъ былъ въ сраженіи, подъ Вольфсдорфомъ, «окурился порохомъ, и сабля «его поѣла живаго мяса», какъ выразился онъ самъ, описывая свои первыя впечатлѣнія на войнѣ, и юношескую отвагу, едва не стоившую ему плѣна (см. въ Сочиненіяхъ его статью: «Урокъ сорванцу»). Армія наша, а за нею и аррієргардъ Багратіона, при коемъ находился Давыдовъ, отступала черезъ Ландебергъ къ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ 26-го и 27-го Января дана была кровопролитная битва, стоившая намъ до 26,000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, а непріятелю еще болѣе. Черезъ много лѣтъ послѣ, Давыдовъ описалъ Эйлауское сраженіе; между прочимъ говоритъ: «Я тогда былъ въ самомъ раз«гарѣ жизни, слѣдственно, и любви къ слу«чайностямъ. Къ тому же, мой жребій былъ «брошенъ, предметъ указанъ и моимъ солдат«скимъ воспитаніемъ и непреклонною волею идти «боевою стезей, и душой неугомонною, стра«стною ко всякаго рода отвагѣ, порывавшеюся «на всякаго рода опасности; но, право, не разъ «въ этомъ двухъ-суточномъ боѣ проклятая Ти«булова Элегія о блаженствѣ домосѣда прихо«дила мнѣ въ голову. Чортъ знаетъ, какія тучи «ядеръ пролетали, гудѣли, сыпались, прыгали

«вокругъ меня, рыли по всѣмъ направленіямъ «сомкнутыя громады войскъ нашихъ, и какія «тучи гранатъ лопались надъ моею головою и «подъ ногами моими! То былъ широкій ураганъ «смерти, ломавшій все въ дребезги, стиравшій «съ лица земли все, что ни попадало подъ его «сокрушительное дыханіе, которое продолжалось «отъ полудня 26-го Января до 11-ти часовъ «вечера 27-го числа, и пресѣклось только шти-«лемъ ночи, раздѣлившей его свирѣпствованіе «на два возстанія».

Въ такихъ великихъ битвахъ, какою была Прейсишъ-Эйлауская, въ упорныхъ дѣлахъ при Гутштадтѣ, 25-го Мая, подъ Деппеномъ, 26-го и въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ, 29-го, гдѣ «Русскіе побѣдили оборонительно», какъ говорили въ обѣихъ арміяхъ, Давыдовъ, Штабъ-Ротмистръ и Адъютантъ, могъ отличиться только личною храбростью, и онъ вполнѣ выказалъ ту бурную, залетную храбрость, какою ознаменовалъ все свое военное поприще. Въ тяжкій день Фридландской битвы, Іюня 2-го, онъ безотлучно былъ при Князѣ Багратіонѣ, и послѣ десяти дней безпрерывныхъ арріергардныхъ дѣлъ, почти не сходилъ съ коня на окончательномъ отступленіи нашемъ къ Тильзиту и за Нѣманъ. За отличія, оказанныя Давыдовымъ въ походѣ 1807 года, онъ былъ награжденъ орденами: Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, Св. Анны 2-го класса, Прусскимъ «За заслуги», золотою саблею съ надписью: «За храбрость», и золотымъ крестомъ, установленнымъ за Прейсишъ-Эйлауское сраженіе. Въ промежутокъ времени, слѣдовавшій за сею кровавою битвою и возобновленіемъ военныхъ дѣйствій, Денисъ Васильевичъ имѣлъ случай сдѣлать доброе дѣло, вполнѣ выказывающее рыцарскій его характеръ, и потому заслуживающее хоть краткаго упоминанія. Слишкомъ за годъ передъ тѣмъ, въ Аустерлицкой битвѣ, былъ жестоко раненъ и взятъ въ плѣнъ родной братъ Дениса Васильевича, служившій Поручикомъ въ Кавалергардскомъ полку. Чудесно спасшись отъ смерти, онъ былъ порученъ, съ двумя товарищами своего плѣна, Французскому гвардейскому поручику Серюгу, племяннику Министра Маре — въ послѣдствіи Герцогъ Бассанскій. Благородный Серюгъ посадилъ тяжело раненаго на лошадь, раздѣлилъ съ нимъ кусокъ хлѣба, успокоилъ, оживилъ его сколько могъ, и сдѣлалъ все, что только можетъ внушить нѣжное, человѣколюбивое сердце. Денисъ Васильевичъ зналъ о благородныхъ поступкахъ благодѣтеля своего брата. Послѣ Эйлаускаго сраженія онъ случился въ Кенигсбергѣ, и услышалъ, что какой то Французскій офицеръ, плѣнный и тяжело раненый, спрашивалъ о Русскомъ Поручикѣ гвардіи Давыдовѣ. Узнавъ, что плѣнный былъ Серюгъ, Денисъ Васильевичъ бросился къ нему, и двое сутки не оставлялъ его ни днемъ, ни ночью. Плѣнный жилъ въ довольствѣ, и изъявилъ только одно желаніе передъ смертью, уже неизбѣжною для него отъ тяжкихъ ранъ, увидѣть хоть одного коннаго гренадера, своего однополчанина. Денисъ Васильевичъ понялъ желаніе храбраго и благороднаго непріятеля, и съ позволенія Чаплица, бывшаго Комендантомъ Кенигсберга, выбралъ изъ толпы плѣнныхъ двухъ конныхъ гренадеровъ взвода Серюга, и явился къ нему съ двумя усачами, одѣтыми во всю форму. Взглядъ на сослуживцовъ усладилъ послѣднія минуты несчастливца, скончавшагося на третьи сутки. Описавъ приключеніе свое, Денисъ Васильевичъ прибавляетъ: «За гробомъ Серюга «шли тѣ же Французскіе конные гренадеры, и «я — Поручикъ Русской гвардіи. Странное со-«четаніе людей и мундировъ! Глубокая печаль «живо выражалась на лицахъ старыхъ рубакъ, «товарищей моихъ въ процессіи... я былъ мо-«лодъ... я плакалъ».

По окончаніи войны въ Пруссіи, Давыдовъ оставался Адъютантомъ Князя Багратіона, и по возвращеніи въ Россію жилъ въ Петербургѣ; но при открытіи военныхъ дѣйствій въ Финляндіи, въ Февралѣ 1808 года, онъ былъ въ отпуску, въ Москвѣ, кружился въ веселостяхъ и былъ «влюбленъ до безумія» (собственное его выраженіе). «Первый слухъ о войнѣ съ Шве-«ціею», говорилъ онъ, «и о движеніи войскъ «нашихъ за границу, выбросилъ меня изъ Мо-«сковскихъ баловъ и сантиментальностей къ «моему мѣсту и долгу, какъ Менторъ Телемака, «и я не замедлилъ догнать армію нашу въ

«Шведской Финляндіи, на полномъ ходу ея». Багратіонъ командовалъ тамъ 21-ю пѣхотною дивизіею, и находился съ нею въ Або. Онъ объявилъ своимъ подчиненнымъ, что имъ остается покуда — только веселится. Начались балы и увеселенія, а Давыдовъ бѣжалъ отъ нихъ изъ Москвы, «жертвуя радостями сердца для ружей-«ныхъ выстрѣловъ». Онъ рѣшился проситься у Князя Багратіона на Сѣверъ, къ Раевскому и Кульневу, преслѣдовавшимъ Финскія войска къ Улеаборгу. «Тамъ еще пахло жженымъ по-«рохомъ», говоритъ онъ, «тамъ было мое мѣсто». На такого рода прозьбы Багратіонъ отвѣчалъ всегда согласіемъ и похвалами. Въ душѣ его былъ отголосокъ на удалые порывы юношей, жадныхъ къ боевымъ приключеніямъ и случайностямъ. Въ Вазѣ явился Давыдовъ къ Раевскому, а отъ него поѣхалъ въ авангардъ Кульнева, котораго догналъ въ Гамле-Карлеби, и уже не отлучался отъ него до окончанія завоеванія Сѣверной Финляндіи. Первое дѣло, гдѣ онъ находился подлѣ Кульнева, было при Пихаіоки, замѣчательное тѣмъ, что здѣсь былъ взятъ въ плѣнъ Шведскій Генералъ Графъ Левенгельмъ, Начальникъ Штаба непріятельской арміи. Потомъ Давыдовъ былъ въ дѣлахъ при Брагештедтѣ и при Сикаіоки, откуда началось отступленіе нашихъ войскъ. Апрѣля 12-го, съ эскадрономъ гусаровъ и сотнею казаковъ, онъ сдѣлалъ удачный поискъ на островъ Карлое. При возобновленіи военныхъ дѣйствій, послѣ весеннихъ наводненій, онъ сражался, подъ начальствомъ Кульнева, при Лаппо, 26-го Іюня, у Перхо, 28-го Іюня, вторично при Лаппо, 1-го и 2-го Іюля, и на отступленіи отъ Сальми до Алаво и Таммерфорса. Во время блистательнаго похода Графа Каменскаго, смѣнившаго Раевскаго, Давыдовъ участвовалъ въ дѣлѣ при Кухаламби и преслѣдованіи непріятеля до Куортанской позиціи, гдѣ, 20-го Августа, началось упорное сраженіе, продолжавшееся на другой день и заключившееся дѣломъ подъ Сальми, 22-го Августа. Сентября 2-го произошелъ кровопролитный бой подъ Оравайсомъ, гдѣ однимъ изъ самыхъ жаркихъ участниковъ былъ Кульневъ, со своимъ авангардомъ; послѣ пораженія Шведовъ, онъ преслѣдовалъ ихъ далѣе Гамле-Камлеби. Послѣ Ольківокской конвенціи, предавшей власти Русскихъ всю Финляндію, Давыдовъ возвратился къ Князю Багратіону, а потомъ опять поступилъ въ авангардъ Кульнева, когда корпусъ Багратіона, въ Мартѣ 1809 года, двинулся по льду Ботническаго Залива на Аландскіе острова. Въ семъ достопамятномъ походѣ Давыдовъ имѣлъ случай оказать особенное отличіе при сбитіи Шведскаго отряда съ острова Бене. За войну 1808 и 1809 годовъ, онъ получилъ Высочайшее благоволеніе. Особенно счастливою эпохою своей жизни почиталъ онъ Финлядскій походъ. «Я былъ молодъ», говорилъ онъ, «упоенъ военною жизнью, въ без-«прерывномъ бою съ храбрымъ непріятелемъ «и подъ руководствомъ безпримѣрнаго аван-«гарднаго начальника, Кульнева! Къ тому, я «былъ влюбленъ до поэтическаго вдохновенія, «окруженъ добрыми, славными товарищами, и «съ какимъ-то радостнымъ чувствомъ летѣлъ «на пули безстрашныхъ стрѣлковъ непріятель-«скихъ, посреди грозной Финляндской природы, «въ снѣгу по колѣно, или на раскаленныхъ «лѣтнимъ зноемъ скалахъ! Послѣ жизнь уже не «дышала для меня такою поэзіею».

Но жизнь еще обѣщала Давыдову много въ будущемъ. Когда, по окончаніи войны съ Швеціею, Багратіону была поручена Молдавская армія, Давыдовъ отправился туда вмѣстѣ съ нимъ, не переставая быть Адъютантомъ его. Онъ находился при взятіи Мачина и Гирсова, въ сраженіяхъ при Рассеватѣ и при блокадѣ Силистріи. Въ 1810 году Князь Багратіонъ былъ отозванъ отъ начальствованія арміею, и Давыдовъ испросилъ у него позволеніе остаться при дѣйствующихъ войскахъ, подлѣ своего друга, Кульнева. Вотъ собственныя слова его о дружбѣ съ симъ достопамятнымъ человѣкомъ: «Знакомство наше, «хотя онъ былъ старѣе меня ровно 21-мъ го-«гомъ, превратилось въ пріязнь въ 1807 году, «въ продолженіе войны въ Восточной Пруссіи. «Но въ 1808 и 1809 годахъ, въ Финляндіи и «въ 1810, въ Турціи, пріязнь наша достигла «истинной, такъ сказать, задушевной дружбы, «которая неослабно продолжалась до самой его

«блистательной и завидной смерти. Въ послѣд«нихъ двухъ войнахъ, Финдляндской и Турецкой, «мы были неразлучны: жили всегда вмѣстѣ, то «въ одномъ балаганѣ, то у одного куреня, подъ «крышею неба; ѣли изъ одного котла, пили «изъ одной фляжки». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Я прошелъ курсъ аванпостной слу«жбы при Кульневѣ, въ 1808 году, въ Сѣвер«ной Финляндіи, и при Кульневѣ же, въ Тур«ціи, въ 1810-мъ году, во время предводитель«ства Графа Каменскаго». Давыдовъ находился при взятіи Силистріи и въ дѣлахъ подъ Шумлою, и за отличіе получилъ алмазныя украшенія къ ордену Св. Анны 2-й степени, удостоившись за походъ при Багратіонѣ Высочайшаго благоволенія. Послѣднее участіе его въ Турецкой войнѣ было при бѣдственномъ для нашихъ войскъ Рущукскомъ приступѣ. Вскорѣ потомъ, въ Августѣ 1810 года, онъ возвратился къ Князю Багратіону, получившему тогда начальство надъ арміею, собранною на Волыни и въ Подоліи. Болѣе полутора года оставался онъ при Багратіонѣ, въ Житомирѣ и Луцкѣ, отлучаясь только по дѣламъ службы и въ кратковременные отпуски. Съ 4-го Марта 1810 года, бывши уже Ротмистромъ Гвардіи, Давыдовъ, въ началѣ 1812 года, просилъ у Князя позволенія перейдти въ Ахтырскій Гусарскій полкъ, желая стать въ ряды войскъ, готовившихся къ Отечественной войнѣ. Князь похвалилъ его рвеніе и писалъ о томъ Военному Министру. Апрѣля 8-го Давыдовъ былъ переименованъ въ Подполковники Ахтырскаго Гусарскаго полка, расположеннаго тогда близъ Луцка. Гусарскіе полки раздѣлялись на два батальона, состоявшіе изъ 5-ти эскадроновъ въ мирное и 4-хъ въ военное время. Назначенный командиромъ 1-го батальона, Давыдовъ, Мая 18-го, выступилъ въ походъ къ Бресту-Литовскому, и съ открытія военныхъ дѣйствій находился въ авангардѣ, скоро сдѣлавшемся аррьергардомъ, подъ начальствомъ шефа Ахтырскаго Гусарскаго полка, Генералъ-Адъютанта Ларіона Васильевича Васильчикова (нынѣ Князь и Предсѣдатель Государственнаго Совѣта), и былъ въ разныхъ аррьергардныхъ дѣлахъ. «Видя себя полезнымъ «Отечеству не болѣе рядоваго гусара», говоритъ онъ, «я рѣшился просить себѣ отдѣльную коман«ду, не смотря на поговорку: Никуда не про«ситься и ни отъ чего не отказываться. На«противъ, я всегда слѣдовалъ правилу, что въ «ремеслѣ нашемъ можно иногда напрашиваться «и ни отъ чего не отказываться:» Въ такихъ мысляхъ написалъ онъ Князю Багратіону письмо, къ чему поводомъ было слѣдующее обстоятельство: Кавалергардскій Поручикъ Орловъ, ѣздившій въ Смоленскъ для полученія свѣдѣній о взятомъ въ плѣнъ при Валутиной Горѣ Генералѣ Тучковѣ, возвратясь разсказывалъ о безпорядкахъ въ тылу Французской арміи. «Она походитъ на Ксерксовы толпы» прибавилъ Орловъ: «съ сотнею казаковъ можно «нанести непріятелю много бѣдъ». Воспламененный сею мыслью, Давыдовъ убѣдительно просилъ Князя Багратіона позволить ему объяснить свое мнѣніе о партизанской войнѣ. Августа 21-го Князь позвалъ его въ свою квартиру, при Колоцкомъ монастырѣ, въ овинѣ. Тамъ объяснилъ онъ знаменитому полководцу планъ свой въ слѣдующихъ словахъ: «Путь дѣйствій «непріятеля вышелъ изъ мѣры; транспорты «жизненнаго и боеваго продовольствія его по«крываютъ пространство отъ Гжати до Смолен«ска и далѣе. Между тѣмъ, обширность на югъ «отъ Московскаго пути способна для изво«ротовъ не только партій нашихъ, но и цѣлой «арміи. Что дѣлаютъ толпы казаковъ при аван«гардѣ? Пустите часть ихъ въ средину кара«вана, слѣдующаго за Наполеономъ. Они ис«требятъ источникъ силы и жизни непріятель«ской арміи. Къ тому же, появленіе нашихъ «посреди разсѣянныхъ войною поселянъ обо«дритъ ихъ и обратитъ войсковую войну въ на«родную. Князь», прибавилъ Давыдовъ: «откро«венно скажу вамъ: душа болитъ отъ вседневныхъ «параллельныхъ позицій! Пора видѣть, что онѣ «не закрываютъ нѣдръ Россіи». Багратіонъ пожалъ руку Давыдова и прервалъ его словами: «Нынче же пойду къ Свѣтлѣйшему (Кутузову) «и изложу ему твои мысли». «Весь тотъ день», говоритъ Денисъ Васильевичъ, «Свѣтлѣйшій былъ «занятъ, и потому Князь отложилъ говорить

«ему обо мнѣ до наступленія ночи. Между тѣмъ «мы подошли къ Бородину. Эти поля, это село «были мнѣ болѣе нежели другому знакомы! «Тамъ я провелъ и безпечныя лѣта дѣтства «моего, и ощутилъ первые порывы сердца къ «любви и славѣ. Но въ какомъ видѣ нашелъ я «пріютъ моей юности? Домъ отеческій одѣвался «дымомъ биваковъ; ряды штыковъ сверкали «среды жатвы, покрывавшей поля, и громады «войскъ толпились на родимыхъ холмахъ и до«линахъ. Тамъ, на пригоркѣ, гдѣ нѣкогда я «рѣзвился и мечталъ, гдѣ я съ алчностью чи«тывалъ извѣстія о завоеваніи Италіи Суворо«вымъ, о перекатахъ грома Русскаго оружія на «границахъ Франціи — тамъ закладывали редутъ «Раевскаго; красивый лѣсокъ передъ пригоркомъ «обращался въ засѣку и кипѣлъ егерями, какъ «нѣкогда стаею гончихъ собакъ, съ которыми «я носился по мхамъ и болотамъ. Все перемѣ«нилось! Завернутый въ бурку и съ трубкою въ «зубахъ, я лежалъ подъ кустомъ лѣса за Семе«новскимъ, не имѣя угла не только въ собствен«номъ домѣ, но и въ овинахъ, занятыхъ на«чальниками; глядѣлъ, какъ шумныя толпы сол«датъ разбирали избы и заборы Семеновскаго, «Бородина и Горокъ, для строенія биваковъ и «раскладыванія костровъ. Слезы воспоминанія «сверкнули въ глазахъ моихъ, но скоро осушило «ихъ чувство счастія видѣть себя и обоихъ «братьевъ моихъ вкладчиками крови и имуще«ства въ эту священную лоттерею. Вечеромъ «Князь Багратіонъ прислалъ за мною Адъютан«та своего и объявилъ мнѣ: Свѣтлѣйшій согла«сился послать для пробы одну партію въ тылъ «Французской арміи; но, полагая успѣхъ пред«пріятія сомнительнымъ, опредѣляетъ на него «только 50 гусаровъ и 150 казаковъ. Онъ хо«четъ, чтобъ ты самъ взялся за это. — Я от«вѣчалъ: «Князь, я стыдился бы предложить «опасное предпріятіе и уступить исполненіе его «другому. Вы сами знаете, что я готовъ на все, «но на пользу—вотъ главное, а для пользы 150 «человѣкъ мало — Онъ болѣе не даетъ», отвѣ«чалъ Багратіонъ. «Если такъ», продолжалъ Давыдовъ, «то я иду и съ этимъ числомъ; авось «либо открою путь большимъ отрядамъ. — Я «этого отъ тебя и ожидалъ», сказалъ Багратіонъ. «Ручаюсь честію, Князь», отвѣчалъ Давыдовъ, «что партія будетъ цѣла; для того нужны толь«ко рѣшительность въ крутыхъ случаяхъ и не«усыпность на привалахъ и ночлегахъ; за это «я берусь. Только повторяю, людей мало; дайте «мнѣ 1000 казаковъ, и вы увидите, что будетъ. — «Я далъ бы тебѣ съ перваго раза 3000, ибо не «люблю ощупью дѣла дѣлать; но объ этомъ не«чего и говорить: Фельдмаршалъ самъ назна«чилъ силу партіи — надобно повиноваться. — «Сказавъ это, Князь Багратіонъ сѣлъ писать, и «написавъ мнѣ собственною рукою инструкцію, «также письма къ Генераламъ Васильчикову и «Карпову — одному, чтобы назначилъ мнѣ луч«шихъ гусаровъ, а другому, лучшихъ казаковъ — «спросилъ меня, имѣю ли карту Смоленской гу«берніи? У меня ея не было. Онъ мнѣ далъ «свою собственную, и, благословя меня, сказалъ: «Ну, съ Богомъ! Я на тебя надѣюсь. — Слова «эти мнѣ памятны».

Такъ Давыдовъ, имѣя честь подать первую мысль о партизанской войнѣ, и первый началъ ее, губительную для непріятеля, сильно разстроившую его при своемъ развитіи. Августа 23-го, рано утромъ, Давыдовъ явился къ Генералъ-Адъютанту Васильчикову съ письмомъ Князя Багратіона. Его окружили товарищи. «Кланяйся Павлу Алексѣевичу Тучкову», говорили они: «и скажи ему, чтобы онъ уговорилъ «тебя не ходить въ другой разъ партизанить. — «Однакожъ», прибавляетъ Денисъ Васильевичъ: «если однимъ гибель моя представлялась въ лю«безномъ видѣ, то другіе соболѣзновали о моей «участи; вообще всѣ полагали, что жить посре«ди непріятельскихъ войскъ съ горстью каза«ковъ — не легкое дѣло, особенно человѣку, ко«торый почитался ими и весельчакомъ и по«этомъ, слѣдственно, ни къ чему неспособнымъ». Вмѣсто 150 казаковъ, Давыдову назначили ихъ только 80, и 50 гусаровъ, съ тремя гусарскими и двумя казачьими офицерами, такъ, что первоначально отрядъ его состоялъ изъ 136 человѣкъ. Съ сею горстью удальцовъ, Давыдовъ выступилъ къ селу Егорьевскому, на Медынь, и оттуда обогнулъ тылъ Французовъ, учредивши первый при-

тонъ въ селѣ Скугоревѣ. Появленіе его изумило вооруженныхъ противъ врага нашего поселянъ, и прежде всего надобно было удостовѣрять ихъ, что къ нимъ пришли на защиту и освобожденіе Русскіе, земляки, братья. И при сихъ удостовѣреніяхъ, нерѣдко первымъ отвѣтомъ крестьянъ бывалъ выстрѣлъ или пущенный съ размаха топоръ. Надобно было вступать въ переговоры, и когда крестьяне удостовѣрялись, что видятъ Русскихъ, то столько же оказывали радости, сколько передъ тѣмъ изъявляли недовѣрчивости; бывало и угощеніе, даже роскошное по времени. «Отъ чего же полагали вы «насъ Французами»? спрашивалъ Давыдовъ. — «Да вишь, родимый, это» (показывая на гусарскій ментикъ), «баютъ, на ихъ одежду схо«жо».—Да развѣ я не Русскимъ языкомъ гово«рю?».—Да вѣдь, у нихъ всякаго сбора люди». Послѣ многихъ такихъ опытовъ, Давыдовъ убѣдился, что въ народной войнѣ надобно примѣняться къ народу не только языкомъ, но и наружностью и обращеніемъ. Онъ надѣлъ чекмень, отпустилъ себѣ бороду, и заговорилъ языкомъ, понятнымъ всякому Русскому. Множество портретовъ изображаютъ его въ крестьянскомъ нарядѣ, съ бородою и съ нагайкою въ рукѣ. Всячески старался онъ распространить слухъ, что войска наши возвращаются, хотѣлъ утвердить крестьянъ въ намѣреніи защищаться отъ враговъ, и склонить ихъ къ извѣщенію его о непріятельскихъ шайкахъ. Такая цѣль скоро была достигнута, и начались безпрерывные успѣхи. Сентября 2-го, на разсвѣтѣ, въ тотъ самый день, когда Наполеонъ вступалъ въ Москву, въ селѣ Токаревѣ была разбита нашимъ партизаномъ первая шайка мародеровъ, и захвачено въ плѣнъ 90 человѣкъ, прикрывавшихъ обозъ съ награбленными у житетей пожитками. Черезъ нѣсколько часовъ захваченъ другой обозъ, и еще 70 человѣкъ. Давыдовъ созвалъ міръ, и ободрилъ его увѣреніемъ, что на помощь Юхновскаго и Вяземскаго уѣздовъ идетъ много Русскихъ войскъ. Раздавъ крестьянамъ отбитыя у непріятелей ружья и патроны, онъ подробно объяснилъ имъ средство подстерегать непріятелей, заманивать, нападать па слабыхъ числомъ, разстроивать многочисленныхъ, и вообще стремиться къ истребленію ихъ. Пламя возстанія народнаго скоро разлилось на окрестные уѣзды. Плѣнныхъ отправилъ Давыдовъ въ Юхновъ, въ сопровожденіи крестьянъ и нѣсколькихъ казаковъ, а самъ, съ партіею, около вечера приблизился къ Цареву-Займищу, и узнавъ, что тамъ днюетъ транспортъ подъ прикрытіемъ 250 человѣкъ конницы, напалъ на него внезапно, многихъ положилъ на мѣстѣ и захватилъ 119 рядовыхъ, 2 офицеровъ, 10 фуръ съ провіантомъ и одну съ патронами. Почти каждый день послѣ того были у него успѣхи, особенно, когда, 6-го числа, удалось ему отбить 200 нашихъ плѣнныхъ солдатъ, и потомъ, когда, узнавъ, что около Юхнова разъѣзжаютъ два слабые казачьи полка, Давыдовъ присоединилъ ихъ подъ свою команду. Усилившись людьми, онъ сталъ нападать на сильнѣйшіе отряды и транспорты, такъ, что иногда захватывалъ по 250 и болѣе рядовыхъ, съ офицерами, и притомъ всегда подводы съ продовольствіемъ, снарядами и другими вещами. Озабоченный набѣгами Давыдова, Французскій Губернаторъ Смоленской губерніи, Бараге д'Илье, составилъ двухъ-тысячный конный отрядъ, приказавъ ему очистить отъ Давыдова пространство между Гжатскомъ и Вязьмою, а самого Давыдова, примѣты коего были описаны Французскимъ Генераломъ, разстрѣлять. Узнавъ о движеніи противъ него коннаго отряда, Давыдовъ принялъ мѣры предосторожности и не переставалъ распространять поиски на сообщеніяхъ непріятеля, до того времени, когда устроенные Кутузовымъ отряды другихъ партизановъ, довершая гибель непріятеля на отступленіи его отъ Малоярославца къ Смоленску, начали соединяться съ Давыдовымъ и совокупно нападать на толпы и большія отдѣльныя команды. Такъ подъ Ляховымъ, Октября 27-го, соединенные съ Давыдовымъ, Сеславинъ и Фигнеръ, имѣвши всѣ вмѣстѣ не болѣе 1,200 человѣкъ, пригласили Графа Орлова-Денисова, стоявшаго недалеко отъ нихъ съ Псковскимъ Драгунскимъ и 6-ю казачьими полками, напасть на отрядъ Генерала Ожеро. При нападеніи Давыдовъ командовалъ передовыми войсками, и выдерживалъ жаркую схватку съ непріятелемъ, пока

не подошли войска другихъ партизановъ. До вечера продолжалось дѣло, слѣдствіемъ коего было, что Ожеро, съ 2,000 рядовыхъ и 60-ю офицерами, сдался въ плѣнъ. Поступивъ подъ начальство Графа Орлова-Денисова, Давыдовъ принималъ неотступное участіе въ дальнѣйшемъ преслѣдованіи непріятеля. Довольный дѣйствіями Давыдова, Кутузовъ усилилъ отрядъ его двумя казачьими полками. Опишемъ собственными словами нашего партизана дѣйствія его подъ Краснымъ. «На разсвѣтѣ разъѣзды наши дали «знать, что пѣхотныя непріятельскія колонны «тянутся между Никулинымъ и Стѣсною. Мы «помчались къ большой дорогѣ и покрыли ор«дою нашею все пространство отъ Аносова до «Мерлина. Непріятель остановился, дабы со«ждаться съ хвостомъ колонны, бѣжавшимъ во «всю прыть, для сомкнутія. Примѣтя это, Графъ «Орловъ-Денисовъ велѣлъ намъ идти на ударъ. «Разстройство этой части колонны непріятель«ской способствовало намъ почти безпрепят«ственно затоптать ее, и захватить въ плѣнъ «Генераловъ Альмерона и Бюрта, до 200 ни«жнихъ чиновъ, 4 орудія и множество обозовъ. «Наконецъ, подошла старая гвардія, посреди ко«торой находился самъ Наполеонъ. Было уже «гораздо за полдень. Мы вскочили на коней, «и снова явились у большой дороги. Непрія«тель, увидя шумныя толпы наши, взялъ ружье «подъ курокъ, и гордо продолжалъ путь, не «прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы «оторвать хоть одного рядоваго отъ сомкнутыхъ «колоннъ, но онѣ, какъ гранитныя, пренебрегли «всѣ усилія наши и остались невредимыми. Я «никогда не забуду свободную поступь и гроз«ную осанку сихъ, всѣми родами смерти угро«жаемыхъ воиновъ!... Осѣненные высокими «медвѣжьими шапками, въ синихъ сюртукахъ, «въ бѣлыхъ ремняхъ и съ красными султанами «и эполетами, они казались маковымъ цвѣтомъ «среди снѣжнаго поля. Командуя одними каза«ками, которые жужжали вокругъ смѣнявшихся «колоннъ непріятельскихъ, мы отбивали у нихъ «отставшіе обозы и орудія, иногда отрывали «разсыпанные или растянутые по дорогѣ взводы; «но колонны оставались неприкосновенными». Строки сіи могутъ служить образцомъ мастерскаго изложенія, какимъ отличается почти все писанное Денисомъ Васильевичемъ, и благородной справедливости его къ побѣжденному, но тогда еще грозному непріятелю. Не всегда обходились Французамъ такъ дешево нападенія нашихъ партизановъ, хотя и тутъ, посреди старой Наполеоновой гвардіи, видимъ взятыхъ въ плѣнъ Генераловъ, отхваченные у непріятеля обозы, и безпрерывные, неотступные набѣги неустрашимыхъ партизановъ.

Когда Графъ Орловъ-Денисовъ, по болѣзни, сдалъ начальство Генералу Бороздину, Давыдовъ остался опять отдѣльнымъ партизаномъ, и 9-го Ноября, быстрымъ движеніемъ на Копысъ, настигъ близь него трехъ-тысячное кавалерійское депо непріятеля, разбилъ его на голову, захватилъ весь обозъ и 285 человѣкъ плѣнныхъ. Занявъ Копысъ, Давыдовъ переправился вплавь черезъ Днѣпръ, и послалъ партіи къ мѣстечкамъ Староселью и Шклову. За блистательный подвигъ подъ Копысомъ, онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 класса. Ноября 14-го, подъ Бѣлыничами, онъ разсѣялъ другой отрядъ Французовъ, и послѣ переправы черезъ Березину получилъ отъ Кутузова приказаніе, не обращаясь на отступавшаго непріятеля, устремиться къ Гродно, для истребленія находившихся тамъ запасовъ непріятельскихъ, и вездѣ предупреждая непріятеля, дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ. Продолжая гнать и забирать малые отряды и обозы, Давыдовъ встрѣтилъ подъ Гродно четырехъ-тысячный отрядъ Генерала Фрейлиха, состоявшій изъ Венгерцовъ, и принадлежащій къ Австрійскому корпусу Князя Шварценберга. Завязалось дѣло; Фрейлихъ отступалъ городъ, а Давыдовъ имѣлъ повелѣніе Кутузова всячески изъявлять дружбу Австрійцамъ. Исполняя повѣленіе, Давыдовъ отослалъ къ Фрейлиху взятыхъ въ плѣнъ Венгерцовъ, и вызвалъ тѣмъ противника на пріязненные переговоры. Австрійскій Генералъ былъ готовъ выступить изъ Гродно, только не иначе, какъ предавши огню всѣ провіантскіе и коммиссаріатскіе запасы, которыхъ находилось тамъ на милльонъ рублей. Давыдовъ отвѣчалъ, что истребленіе за-

пасовъ надобно будетъ вознаградить поборомъ съ жителей. Полагая, что за отрядомъ Давыдова идутъ значительныя силы Русскихъ, Фрейлихъ сдалъ Гродно, со всѣми огромными запасами и потянулся къ Бѣлостоку, а Давыдовъ, 9-го Декабря, вступилъ въ городъ, гдѣ еще ничего не знали о побѣдахъ главной Русской арміи. Шляхтичи вышли на встрѣчу нашимъ войскамъ съ мрачнымъ видомъ, вооруженные саблями и пистолетами, но заблужденіе ихъ тотчасъ разсѣялось, когда узнали они о гибели Наполеоновой арміи. Давыдовъ велѣлъ сносить въ назначенное мѣсто все бывшее у жителей оружіе. Русскіе топоры свалили столбъ, воздвигнутый въ Гродно при извѣстіи о занятіи Москвы Французами. Казаки разложили костры, и кидали туда прозрачныя картины съ аллегорическими насмѣшками надъ Русскими, бывшія на нѣкоторыхъ домахъ. Давыдовъ велѣлъ ксендзу, болѣе другихъ прославлявшему Наполеона, сочинить и произнесть рѣчь съ проклятіями противъ Наполеона и его клевретовъ, и съ должными хвалами Императору Александру, Князю Смоленскому, Русскому народу и войску. Жителямъ не позволяли сбираться толпами; открыли богослуженіе въ православной церкви, поруганной врагами; поручили гражданское управленіе преданнымъ намъ Евреямъ, въ униженіе хвастливымъ рыцарямъ, изъявившимъ приверженность къ Наполеону. Изъ Гродно, Давыдовъ продолжалъ поиски до береговъ Нѣмана, въ общемъ преслѣдованіи жалкихъ остатковъ непріятельской арміи, когда труднѣе всего было нагнать бѣгущихъ и разсѣянныхъ, сдававшихся каждому, настигавшему ихъ урядннку и даже простому казаку. Отличныя дѣйствія и неутомимость Давыдова въ Отечественную войну, были награждены, кромѣ Георгіевскаго креста за дѣло подъ Копысомъ, чиномъ Полковника и орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. Онъ самъ во всю жизнь свою любилъ вспоминать о войнѣ 1812 года, и справедливо почиталъ ее счастливѣйшею эпохою своей воинской дѣятельности. Въ послѣдствіи, прочитавъ въ Запискахъ Наполеона, изданныхъ послѣ его смерти, что великій полководецъ частію отрицалъ подвиги нашихъ партизановъ, Давыдовъ написалъ опроверженіе словъ его (Разборъ трехъ статей, и проч.), гдѣ, съ одушевленіемъ истины, говоритъ онъ о себѣ: «Я одинъ изъ обвиняемыхъ. «Честь вооружаетъ меня противъ нарѣканій ужа«сныхъ, сокрушительныхъ, можетъ быть, не«отразимыхъ. Но, что дѣлать? Новый Лео«нидъ, иду на громады Ксеркса! Мнѣніе мое «о партизанской моей службѣ не равняется съ «тѣмъ вниманіемъ, коимъ почли ее мои соотчичи, «однакожь оно не упадаетъ и до презрѣнія. Я «скажу болѣе: я считаю себя рожденнымъ един«ственно для рокового 1812 года, но рожден«нымъ подобно тому рядовому солдату, который «въ дыму и сумятицѣ Бородинской битвы, стрѣ«ляя на удачу, убилъ съ десятокъ Французовъ. «Какъ ни мало употребилъ онъ на то и знанія, «и дарованія, при всемъ томъ, судьба опредѣ«лила его уменьшить непріятельскую армію де«сятью человѣками, и содѣйствовать своимъ то«варищамъ общему ея истребленію. Такъ я ду«маю о себѣ, уменьшивъ непріятельскую армію «по мѣрѣ способовъ, предоставленныхъ мнѣ на«чальствомъ, и способностей, данныхъ мнѣ при«родою. Въ волѣ Наполеона налагать, въ числѣ «прочихъ, и на меня проклятія за пролитую «кровь его воиновъ; но не отнимай онъ у меня «дѣлъ моихъ, не стирай съ сабли моей крова«выхъ обрызговъ, сихъ отпечатковъ чести, ку«пленныхъ мною трудами и ежеминутною жер«твою жизни. Это моя собственность; это мой «участокъ въ славѣ земляковъ моихъ, тѣмъ для «меня драгоцѣннѣйшій, что онъ одинъ возвы«шается на моей жизни, безплодной въ своей «юности, и въ наклонности своей ничего для «честолюбія не обѣщающей!»

По переходѣ за границу, въ Январѣ 1813 года, отрядъ Давыдова поступилъ въ составъ корпуса Генералъ-Адъютанта Винценгероде, и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ, 1 Февраля, въ пораженіи Саксонскаго корпуса подъ Калишемъ. Можно было думать, что, послѣ уничтоженія великой арміи Наполеона въ Россіи, оставалось только одерживать легкія побѣды надъ ничтожными обломками ея, разсѣянными въ Германіи, и Давыдовъ, находясь передовымъ въ авангардѣ

побѣдоносной арміи Александра, готовился рвать новые, свѣжіе лавры. «Положеніе мое», говорилъ онъ, «заключало въ себѣ еще достаточно средствъ къ удовлетворенію безпокойнаго «моего честолюбія — вышло иначе. Крутой оборотъ отъ независимыхъ, вдохновенныхъ и *напропалую* перелетовъ моихъ къ размѣреннымъ «переходамъ по маршрутамъ, доставляемымъ «мнѣ изъ корпуснаго дежурства, запретъ въ «покушеніи на непріятеля безъ особаго на то «разрѣшенія — и кипучая молодость, и какая то «безотчетная отвага, удалая, своевольная, и «соблазнительная смежность съ непріятелемъ — «произвели тотъ послѣдній наѣздъ мой, отъ «коего пострадала вся моя заграничная служба, «отъ коего рушилась вся та будущность, которой (не для чего уже теперь жеманиться) имѣлъ «я все право не бояться». Такъ начинаетъ онъ описаніе дѣйствительно *послѣдняго* своего *налета* на столицу Саксоніи, Дрезденъ, половину коей, Нейштадтъ, занялъ онъ 10 Марта, съ казачьимъ отрядомъ своимъ и нѣсколькими гусарами, безъ позволенія и разрѣшенія своего корпуснаго начальника, по капитуляціи, заключенной имъ съ Французскимъ Генераломъ Дюрютомъ. Капитуляція не была одобрена начальствомъ, ибо Императоръ Александръ запретилъ вступать съ непріятелемъ въ какіе либо переговоры, и за нарушеніе сего повелѣнія Давыдова лишили командованія отрядомъ; могло бы кончиться чѣмъ нибудь и хуже, но, какъ говоритъ самъ Давыдовъ: «Справедливость Царя покровителя «была щитомъ безпокровнаго», и его вскорѣ отправили опять въ пылъ дѣйствій, въ отрядъ Генералъ-Маіора Ланскаго. Все сіе событіе въ жизни Давыдова объясняется и тогдашнимъ расположеніемъ умовъ, и удивительными обстоятельствами, въ какихъ находились наши военные люди, и личными свойствами Давыдова. Схватить съ маху, показать отвагу и смѣлость, не всегда слушаясь холоднаго ума, иногда просто въ досаду умамъ медлительнымъ — такова была одна изъ чертъ его характера, огненнаго, самобытнаго. Обстоятельства и расположеніе умовъ объясняются лучше всего собственными его словами, приводимыми имъ въ свое оправданіе: «Какая богатая жатва» говорилъ онъ, «была «для охотниковъ до извѣстности, легко добываемой! За то какъ они и воспрянули! Все въ «союзныхъ арміяхъ начало мечтать о столицахъ, «торжественныхъ въѣздахъ въ столицы, повер«женіи ключей столицъ къ стопамъ Императора. Начиная съ Блюхера, тогда еще безъ «ореола Кацбаха, Бріенна и Ватерлоо, тогда «еще алкавшаго славы безъ разбора, какъ бы «она ни досталась, всякій начальникъ отдѣль«наго, многочисленнаго корпуса требовалъ сто«лицъ на пропитаніе честолюбію своему, потому «что для огромныхъ силъ столицы доступны «были не менѣе городковъ, предоставленныхъ на «поживу честолюбіямъ нашей братьи. Къ несчастію моему, подручныхъ столицъ было въ «то время только двѣ, изъ коихъ одну уже «захватилъ Чернышевъ, другая, Дрезденъ, оста«валась на удалаго — и Блюхеръ, и Винценге«роде пошли къ этому доброму Дрездену, не «постигнувъ, что слава подвига цѣнится боль«шимъ или меньшимъ количествомъ средствъ, «употребленныхъ на предпріятіе, и что взятіе «Берлина всею арміею или сильнымъ корпусомъ «войскъ ни мало не обратило бы на нихъ ни «чьего вниманія, тогда какъ взятіе того же «Берлина легкимъ отрядомъ Чернышева справедливо прославило его». Поступивъ въ отрядъ Ланскаго, Давыдовъ, послѣ Дрезденскаго налета своего, былъ въ дѣлахъ: Апрѣля 21-го подъ Пределемъ, 22-го подъ Гартою, 23-го подъ Эндорфомъ, 24-го подъ Носсеномъ, 25-го подъ Юбигау, 27-го подъ Дрезденомъ, Мая 8-го и 9-го подъ Бауценомъ, 10-го подъ Рейхенбахомъ, и во многихъ арріергардныхъ дѣлахъ до заключенія перемирія. Августа 15-го, когда возобновились военныя дѣйствія, онъ былъ подъ Ріотау, и потомъ въ дѣлахъ подъ Люценомъ 8-го Сентября, 10-го подъ Цейцомъ, 16-го подъ Альтенбургомъ, 18-го подъ Пенигомъ, 23-го подъ Хемницомъ, 28-го подъ Наумбургомъ, 4-го и 6-го Октября въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, 9-го подъ Кезеномъ, и потомъ почти во всѣхъ авангардныхъ дѣлахъ, до береговъ Рейна. За походъ 1813-го года онъ былъ награжденъ Высочайшимъ благоволеніемъ.

Во Франціи, при открытіи похода 1814 года, Давыдовъ командовалъ Ахтырскимъ Гусарскимъ полкомъ и находился въ арміи Фельдмаршала Блюхера, на коего въ началѣ военныхъ дѣйствій, обратилъ Наполеонъ свои первые удары. Января 17-го Давыдовъ былъ въ дѣлѣ подъ Бріенномъ, и особенно отличился въ битвѣ при Ларотьерѣ, 20-го Января, за что былъ награжденъ, уже гораздо позже (21-го Декабря 1815 года), чиномъ Генералъ-Маіора. Послѣ Ларотьера, Давыдовъ былъ еще въ дѣлахъ и сраженіяхъ, Января 30-го при Монмиралѣ, 31-го подъ Шато-Тьери, Февраля 11-го подъ Мери, 13-го и 15-го подъ Эстерне, 25-го и 26-го подъ Лаономъ и 13-го Марта подъ Фершампенузомъ. Когда въ кровавой битвѣ Краонской были убиты и ранены многіе старшіе кавалерійскіе Генералы, Давыдовъ, въ чинѣ Полковника, командовалъ гусарскою бригадою, состоявшею изъ Ахтырскаго и Бѣлорусскаго полковъ, и съ ними прошелъ черезъ Парижъ.

Возвратившись, послѣ достославнаго похода въ Россію, Давыдовъ получилъ отпускъ въ Москву, и болѣе года посвятилъ исключительно отдыху и словесности. Онъ написалъ тогда нѣсколько элегій, исполненныхъ страстнаго чувства, нѣсколько пѣсенъ гусарскихъ и мелкихъ стихотвореній, обличающихъ зрѣлость дарованія. Кто не знаетъ его *Пѣсни стараго Гусара*, начинающейся стихами:

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

Исчисляя молодецкія свойства старыхъ гусаровъ, поэтъ даетъ слѣдующій оборотъ своему стихотворенію:

Конь кипитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится....
Бой умолкъ — и вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелится

А теперь что вижу?... Страхъ!
И гусары въ модномъ свѣтѣ,
Въ вицъ-мундирахъ, въ башмакахъ,
Вальсируютъ на паркетѣ!

Говорятъ, умнѣй они....
Но что слышимъ отъ любова?
«Жомини, да Жомини!»
А объ водкѣ ни полслова!

Напомнимъ также читателямъ его пѣсню, живо выражающую чувство нашихъ храбрыхъ тогдашняго времени:

Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы Царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой
. . . .
. . . .
За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!
Пусть Французы удалые
Къ намъ пожалуютъ назадъ!
За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!

Боясь увлечься выписками изъ стихотвореній Дениса Васильевича, скажемъ только, что почти всѣ они имѣли большой успѣхъ, выучивались наизусть, и доставили Давыдову славу поэта, къ къ которой въ послѣдствіи должна была присоединиться и слава отличнаго писателя въ прозѣ.

Произведенный въ Генералъ-Маіоры, 21-го Декабря 1815 года, Давыдовъ былъ назначенъ состоять при начальникѣ 1-й Драгунской дивизіи; 14-го Марта 1816 года, при начальникѣ 2-й Конно-Егерской дивизіи; 22 Мая при начальникѣ 2-й Гусарской дивизіи; 7-го Ноября командиромъ 1-й бригады той же дивизіи; 19-го Февраля 1818 года Начальникомъ Штаба 7-го пѣхотнаго корпуса; 22-го Февраля 1819 года Начальникомъ Штаба 3-го пѣхотнаго корпуса; 17-го Марта 1820 года уволенъ въ отпускъ, съ состояніемъ по кавалеріи, а 14-го Ноября 1823-го, за болѣзнію, уволенъ отъ службы, съ мундиромъ. Причинами отставки Давыдова были его неохота заниматься службою въ мирное время и семейныя обстоятельства. Уже въ 1819 году женился онъ на дочери Генералъ-Маіора Чиркова, Софьѣ Николаевнѣ. Счастливый супругъ, уважаемый, любимый въ обществѣ, Денисъ Васильевичъ уѣзжалъ по временамъ въ свои Симбирскія помѣстья, но большею частью жилъ въ Москвѣ,

гдѣ было у него множество искреннихъ пріятелей. Вообще всякой, кто узнавалъ его ближе, не могъ не любить его пламенной, поэтической души, ума остраго, проницательнаго, соединеннаго съ какимъ то воинскимъ простодушіемъ. Въ бесѣдѣ онъ былъ отмѣнно любезенъ, и, прибавимъ, любезенъ совершенно по своему, оригинально. Рѣдко можно встрѣтить человѣка, болѣе увлекательнаго въ разсказѣ, даже въ разговорѣ, и, что также бываетъ рѣдкимъ соединеніемъ, онъ былъ равно плѣнителенъ въ бѣгломъ огнѣ Французскаго разговора съ женщинами и въ дружеской бесѣдѣ съ людьми чисто Русскими. Всегда умѣлъ онъ находить мѣткія выраженія для своихъ мнѣній и мыслей, поражать и увлекать собесѣдниковъ. Изъ острыхъ словъ и замѣчаній Давыдова можно было бы составить любопытную книгу. Съ такими свойствами ума и души, любимый, радостно встрѣчаемый всюду, онъ не скучалъ жизнью, но умъ его требовалъ занятій больше сильныхъ для неукротимой дѣятельности его. Всегда занимаясь словесностью, онъ предался въ Москвѣ особенно военной исторіи, и началъ описывать событія своего воинскаго поприща, излагать свои мысли и замѣчанія о разныхъ вопросахъ военнаго дѣла. Плодомъ такихъ занятій былъ «Опытъ теоріи Партизанскаго дѣйствія», напечатанный въ Москвѣ, первымъ изданіемъ въ 1821, а вторымъ въ 1822 годахъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ еще болѣе развилъ свои мысли о партизанской войнѣ, особенно въ примѣненіи къ Россіи, и доказывалъ, что Россія, имѣющая несравненное легкое войско въ безчисленныхъ казакахъ своихъ, можетъ уничтожать имъ сильнѣйшія арміи, которыя покусились бы сдѣлать на нее нашествіе. Онъ подкрѣплялъ мысль свою географическимъ положеніемъ Россіи, и въ бумагахъ его осталось много любопытнаго о семъ предметѣ, постоянно и страстно занимавшемъ его. Около того же времени онъ печаталъ въ Отечественныхъ Запискахъ (Свиньина) «Дневникъ партизанскихъ дѣйствій своихъ». Слухъ о сихъ занятіяхъ, вмѣстѣ съ извѣстностью о личныхъ воинскихъ подвигахъ его, побудилъ знаменитаго Англійскаго писателя Вальтера-Скотта обратиться къ нему съ нѣкоторыми вопросами о нашей Отечественной войнѣ, занимавшей Вальтера-Скотта особенно потому, что онъ тогда писалъ «Жизнь Наполеона». Слѣдствіемъ была дружественная переписка его съ Давыдовымъ, продолжавшаяся до смерти Вальтера-Скотта. Между прочимъ онъ прислалъ нашему партизану свой портретъ, съ надписью: Walter Scott for Denis Davidoff. Въ 1825 году Денисъ Васильевичъ напечаталъ отдѣльною книжкою «Разборъ трехъ статей въ Запискахъ Наполеона», откуда мы уже заимствовали нѣсколько строкъ. Вообще, при описаніи жизни Давыдова, мы имѣемъ рѣдкую для біографа выгоду изображать многое въ жизни его собственными его же словами, выгоду пріятную и для читателей, тѣмъ болѣе, что они, или повторяютъ уже читанное ими съ наслажденіемъ, или узнаютъ превосходное дарованіе того человѣка, который былъ имъ извѣстенъ только какъ храбрый воинъ. Мы думаемъ, что немного есть на Русскомъ языкѣ такихъ краснорѣчивыхъ, увлекательныхъ отрывковъ, какими красуются всѣ прозаическія статьи Давыдова. Вообще, слогъ ихъ не выглаженъ, даже не чуждъ грамматическихъ промаховъ, но сіи недостатки могли бы исчезнуть отъ нѣсколькихъ почерковъ опытнаго пера, тогда какъ умъ, чувство автора и красота многихъ описаній и выраженій его, не могутъ быть пріобрѣтены ни какими усиліями, ни какою ученостью: это неотъемлемая собственность дарованія необыкновеннаго.

Дѣятельности Давыдова снова открылось военное поприще, когда на прародительскій Престолъ вступилъ нынѣ Царствующій Императоръ Николай Павловичъ. Снисходя на прошеніе Давыдова, Онъ соизволилъ принять его въ службу, 23-го Марта 1826 года, съ назначеніемъ состоять по кавалеріи, и продолжилъ на 12 лѣтъ пожалованную ему Императоромъ Александромъ, въ 1817 году, аренду, приносившую 1500 рублей серебромъ ежегоднаго дохода. Въ началѣ Августа 1826 года, когда въ Москвѣ готовились къ торжествованію священной коронаціи Государя Императора, было получено извѣстіе о начатіи военныхъ дѣйствій въ Персіи. Еще не зная о томъ, Давыдовъ, вмѣстѣ со многими другими

Генералами, имѣлъ счастіе представляться Императору и удостоился услышать отъ Него нѣсколько лестныхъ словъ, при чемъ Его Величество, между прочимъ, спросилъ: «Можетъ ли «онъ служить въ дѣйствительной службѣ?» и на утвердительный отвѣтъ Давыдова, улыбнувшись милостиво, пошелъ далѣе. На другой день Давыдовъ узналъ, что Государь Императоръ изъявилъ желаніе послать его въ Грузію. Узнавъ о томъ отъ Начальника Главнаго Штаба, Дибича, Давыдовъ отвѣчалъ: «Я всегда готовъ, «на всякій путь прямой и опасный». Дибичъ обнялъ его. Августа 12-го Давыдовъ удостоился быть призванъ въ кабинетъ Государя. Онъ говоритъ: «Черезъ нѣсколько времени я вы«шелъ изъ кабинета въ восторгѣ и очарованіи «отъ милостиваго пріема и разговора со мною «Его Величества». Августа 15-го отправился онъ за Кавказъ и, по собственному его признанію, тяжело было ему разставаться съ милымъ семействомъ. Сентября 10-го, по прибытіи въ Тифлисъ, онъ былъ назначенъ временнымъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ по границѣ Эриванскаго Ханства, и 19-го Сентября перешелъ съ отрядомъ своимъ гору Безобдалъ; 20-го, у селенія Амымлы, была первая встрѣча его съ войсками Гассанъ-Хана, брата Эриванскаго Сардаря; 21-го онъ атаковалъ Хана у подошвы заоблачнаго Алагеза, при урочищѣ Мирагъ, разбилъ четырехъ-тысячный отрядъ его, и преслѣдовалъ бѣгущихъ до Судагенда, въ двухъ небольшихъ переходахъ отъ Эривани. Въ числѣ плѣнныхъ находился сынъ бывшаго Елисаветпольскаго Хана, Угурлу-Ханъ. Высочайшее благоволеніе было наградою сихъ дѣйствій Давыдова. Потомъ онъ занимался строеніемъ крѣпостцы Джелалъ-Оглу и окончилъ ее къ Декабрю мѣсяцу. Испросивъ шести-недѣльный отпускъ, онъ съѣздилъ въ Москву, обнялъ свое семейство, и возвратился на службу. Разстроенное здоровье заставило его ѣхать къ Кавказскимъ цѣлительнымъ водамъ, гдѣ онъ тщетно ожидалъ облегченія себѣ, и въ грустномъ расположеніи духа написалъ стихотвореніе: *Полусолдатъ*:

Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полусолдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой?...
. . . .
Таковъ ли былъ я въ вѣкъ златой,
На буйной Вислѣ, на Балканѣ,
На Эльбѣ, на войнѣ родной,
На льдахъ Торнео, на Секванѣ?

Въ Апрѣлѣ 1827 года Давыдовъ возвратился въ Россію и состоялъ по кавалеріи. Для него опять началась мирная, семейная жизнь, и онъ наслаждался ею большею частію въ деревнѣ, до 1831 года. Мятежъ, вспыхнувшій въ Польшѣ, вызвалъ его снова на боевое поприще. И какое сердце Русское, чистое отъ заразы общемірнаго гражданства, не забилось сильнѣе при первомъ извѣстіи о возстаніи Польши? Низкопоклонная, невѣжественная шляхта осмѣлилась требовать у Россіи того, что самъ Наполеонъ, предводительствовавшій всѣми силами Европы, совѣстился явно требовать, силился исторгнуть — и не могъ. Давыдовъ скачетъ въ Польшу. Марта 12-го онъ уже въ главной квартирѣ арміи, въ мѣстечкѣ Шеницѣ, а 22-го является въ Красноставъ, гдѣ кочуетъ порученный ему отрядъ войскъ, состоявшій изъ полковъ: трехъ Казачьихъ и Финляндскаго Драгунскаго. Апрѣля 6-го онъ беретъ приступомъ городъ Владиміръ на Волыни, и низлагаетъ въ немъ шайку мятежниковъ. Апрѣля 29-го, соединенно съ Генералъ-Маіоромъ Графомъ Толстымъ, загоняетъ онъ корпусъ Хржановскаго подъ пушки Замостья. Іюля 7-го, командуя авангардомъ корпуса Генерала Ридигера, Давыдовъ имѣетъ жаркое дѣло съ Поляками. Потомъ онъ командовалъ то различными отрядами, то конницею въ корпусѣ Генерала Ридигера, находился въ разныхъ дѣлахъ, и былъ награжденъ чиномъ Генералъ-Лейтенанта и орденами Св. Анны 1-й степени, и Св. Владиміра 2-й степени. Тѣмъ заключилось боевое поприще Давыдова. Начались опять годы мирные, и — послѣдніе въ дѣятельной жизни его. Къ нимъ принадлежатъ лучшія его статьи въ прозѣ и нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній. Зрѣлость мыслей въ прозаическихъ статьяхъ его: *Воспоминаніе о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау*, *Морозъ ли истребилъ*

Французскую армію въ 1812 году? Воспоминанія о Кульневѣ, Замѣчанія на некрологію Раевскаго, показываютъ опытность въ искуствѣ мыслить и писать: слогъ его сдѣлался свободнѣе; выраженія развязнѣе стекали съ его пера, и съ особеннымъ изяществомъ облекали возвышенныя чувствованія и мысли. Можно было надѣяться, что онъ обогатитъ Русскую литературу образцовыми въ своемъ родѣ сочиненіями, къ чему давали ему столько средствъ жизнь, богатая событіями, дѣятельность и дарованіе, усовершенствованное образованностью и опытомъ; но смерть прекратила дни его, рано для новой славы автора, для наслажденія и пользы его соотечественниковъ. Денисъ Васильевичъ скончался въ имѣніи своемъ, въ Симбирской губерніи, 23 Апрѣля 1839 года. Провидѣнію не угодно было дать ему послѣдняго утѣшенія: проводить прахъ Багратіона — покоившійся, со времени смерти его, въ имѣніи Князей Голицыныхъ, во Владимірской губерніи, селѣ Симахъ — на Бородинское поле, куда онъ былъ перевезенъ въ 1839 году, при открытіи тамъ памятника. Давыдовъ первый подалъ мысль положить тѣло героя на берегахъ Колочи, гдѣ суждено ему было въ послѣдній разъ помѣряться съ врагами. По Высочайшей волѣ Давыдовъ назначался сопровождать гробъ Князя Багратіона изъ Владимірской губерніи на поля Бородина. Восторженно говаривалъ всегда Давыдовъ о Багратіонѣ. Обращаясь къ нему, онъ восклицалъ:

О, ринь меня на бой, ты, опытный въ бояхъ,
Ты, голосомъ своимъ раждающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь Гомерическій, Багратіонъ великій!

Торжество на Бородинскомъ полѣ происходило въ Августѣ, и Давыдовъ не дожилъ до него нѣсколько мѣсяцовъ. Онъ оставилъ послѣ себя сыновей Василья, Николая, Дениса, Ахилла и Вадима, и дочерей Юлію, Екатерину и Софію.

Денисъ Васильевичъ былъ небольшаго роста, но крѣпкаго сложенія. Некрасивое лицо его выражало умъ, доброту и пылкость. Онъ говорилъ громко, но тонкимъ голосомъ, измѣнявшимся согласно чувствамъ, одушевлявшимъ его. Душа обществъ, разгульный товарищъ въ молодости, онъ былъ потомъ примѣрнымъ супругомъ и отцомъ многочисленнаго семейства, сохраняя до конца дней своихъ сильную теплоту сердца и поэтическій взглядъ на дѣла. Война и поэзія составляли стихію жизни его. Соединеніе сихъ двухъ разнородныхъ началъ образовало въ Давыдовѣ явленіе рѣдкое. Вѣрное изображеніе его находимъ въ слѣдующихъ стихахъ Жуковскаго:

Давыдовъ — пламенный боецъ:
Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы!

Генералъ отъ Кавалеріи

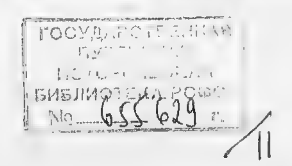
Николай Михайловичъ

БОРОЗДИНЪ.

Н. М. БОРОЗДИНЪ.

Николай Михайловичъ Бороздинъ, Генералъ отъ Кавалеріи, Генералъ-Адъютантъ, кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Анны 1-й степени, съ алмазными украшеніями, Св. Владиміра 2-й степени и Св. Георгія 3-го класса, командоръ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, имѣвшій золотую шпагу, съ алмазами и надписью: «За храбрость», и серебряныя медали въ память 1812 года, взятія Парижа, и Турецкой войны 1828 и 1829 годовъ, родился 2-го Ноября 1777 года. Изъ предковъ его, принадлежавшихъ къ дому Бороздиныхъ, особенно замѣчательны: Св. Савва Вышерскій, основатель обители, названной его именемъ и находящейся близъ Новагорода, и Генералъ-Аншефъ Корнилій Богдановичъ Бороздинъ, начальствовавшій въ Семилѣтнюю войну Русскою Артиллеріею, и по всей справедливости заслуживающій названія основателя Русской Конной Артиллеріи. Отецъ Николая Михайловича, Михаилъ Саввичъ, честно служилъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, Императору Петру III и Императрицѣ Екатеринѣ II, участвовалъ во многихъ походахъ и умеръ Генералъ-Поручикомъ.

Николай Михайловичъ Бороздинъ, младшій изъ трехъ сыновей Михаила Саввича, по обыкновенію того времени, еще малолѣтнимъ, въ 1782 году, былъ записанъ въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ, черезъ два года получилъ чинъ Сержанта, и вскорѣ за тѣмъ переведенъ, Вахмистромъ, въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ. По прошествіи десяти лѣтъ, въ 1794 году, онъ былъ произведенъ въ Корнеты, съ оставленіемъ въ своемъ полку. Въ первый мѣсяцъ царствованія своего, Императоръ Павелъ перевелъ Бороздина, Корнетомъ же, въ Лейбъ-Кирасирскій Его Величества полкъ, но въ Апрѣлѣ 1797 повелѣлъ состоять ему, по прежнему, въ Лейбъ-Гвардіи Конномъ полку. Производство его пошло быстро: въ томъ же 1797 году онъ получилъ чины Подпоручика и Поручика, съ отданіемъ старшинства противъ сверстниковъ; въ 1798 произведенъ въ Штабсъ-Ротмистры, въ 1799 въ Ротмистры, въ 1800 въ Полковники, съ переводомъ во вновь сформированный Кавалергардскій полкъ. Императоръ Александръ, въ 1803 году, назначилъ Бороздина Своимъ Флигель-Адъютантомъ, а въ

1806 Шефомъ предназначеннаго къ учрежденію Финляндскаго Драгунскаго полка. Бороздинъ сформировалъ сей полкъ и поступилъ съ нимъ въ 14-ю дивизію, Князя Горчакова, находившуюся близъ Гродно. Черезъ нѣсколько дней Финляндскій полкъ получилъ повелѣніе идти въ Пруссію, на соединеніе съ находившимися тамъ нашими войсками. Командуя авангардомъ Генералъ-Лейтенанта Седморацкаго, Бороздинъ отличился, 31-го Января 1807 года, при взятіи мѣстечка Мишеницъ, за что получилъ орденъ Св. Анны 2-го класса. Почти четыре мѣсяца не имѣлъ онъ послѣ того случая быть въ дѣлѣ. Мая 24-го, начальствуя авангардомъ Князя Горчакова, онъ сошелся съ непріятелемъ, подъ Гутштатомъ. Въ семъ сраженіи, переправясь черезъ рѣку Алле, онъ быстро тѣснилъ Французовъ до рѣки Пассарги. Награжденный за сіе дѣло чиномъ Генералъ-Маіора и орденомъ Св. Георгія 4-го класса, въ сраженіи 29-го Мая, подъ Гейльсбергомъ, Бороздинъ, продолжая командовать авангардомъ Князя Горчакова, съ шести часовъ утра до полудня удерживалъ непріятеля при селеніяхъ Лаунау и Беверникѣ, и потомъ, въ продолженіе всего боя находился съ своимъ полкомъ на правомъ крылѣ. Послѣ Гейльсбергскаго сраженія, Главнокомандовавшій, Беннигсенъ, поручилъ Бороздину отдѣльный отрядъ, назначенный оборонять переправы черезъ рѣку Алле, близъ Алленбурга, но военныхъ дѣйствій тамъ не происходило. Наградивъ Бороздина за Гейльсбергское сраженіе золотою шпагою, съ алмазными украшеніями и надписью: «За храбрость», Императоръ Александръ пожаловалъ ему за успѣшное сформированіе Финляндскаго Драгунскаго полка, орденъ Св. Владиміра 3-й степени.

Вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира, въ началѣ 1808 года, послѣдовалъ разрывъ Императора Александра съ Швеціею. Бороздинъ поступилъ съ своимъ Финляндскимъ полкомъ, по прежнему состоявшимъ въ 14-й дивизіи, въ армію Графа Буксгевдена, получившую повелѣніе занять Финляндію. При самомъ вступленіи въ сію страну, три эскадрона Финляндскихъ Драгуновъ перешли съ Княземъ Багратіономъ черезъ Кюмень и обратились на Тавастгусъ, а остальные два остались у Князя Горчакова, начальника лѣваго крыла, направленнаго на Ловизу и Гельзингфорсъ. Бороздину ввѣрили авангардъ сего крыла, гдѣ находился Графъ Буксгевденъ. Передъ разсвѣтомъ 9-го Февраля войска подошли къ Аборфорсу. Главнокомандующій послалъ туда переговорщиковъ, съ предложеніемъ свободнаго намъ перехода черезъ границы, и съ объявленіемъ, что Русскія войска вступаютъ въ Финляндію не врагами. Также требовалъ онъ, чтобы войска Шведовъ положили оружіе. Отвѣтомъ былъ отказъ. Графъ Буксгевденъ остановился противъ Аборфорса, и послалъ Бороздина въ обходъ города съ эскадрономъ Финлядскихъ драгуновъ. Они наскакали на 4-хъ пушечную батарею, прикрытую небольшимъ отрядомъ пѣхоты и конницы, и были встрѣчены ядрами. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, Шведы оставили Бороздину свои пушки и отступили по дорогѣ къ Ловизѣ. Тогда вся наша лѣвая колонна перешла черезъ границу, и продолжая трудный путь глубокимъ снѣгомъ, въ 6-мъ часу вечера подступила къ Ловизѣ. Передъ городомъ стояли Шведскіе пикеты. Посланъ былъ переговорщикъ, съ объявленіемъ Магистрату и жителямъ, что Русскіе идутъ къ нимъ друзьями и защитниками, и если городъ не будетъ сданъ добровольно, то занятіе его вооруженною рукою повлечетъ за собою гибельныя слѣдствія. Шведскій отрядъ очистилъ Ловизу. Наши вступили туда безпрепятственно, послѣ чего Бороздинъ посланъ былъ съ авангардомъ въ слѣдъ за Шведскими войсками и нашелъ ихъ стоящими при Форсбю, на гребнѣ безплодныхъ и обнаженныхъ утесовъ, окруженныхъ стремнинами. Неприступное съ фронта положеніе Шведовъ было обойдено, по льду залива Перно, и они отступили черезъ Ильби въ Борго. Арріергардъ ихъ, со стоявшій изъ Нюландскихъ драгуновъ, былъ настигнутъ посланными отъ Бороздина Лейбъ-Казаками и имѣлъ съ ними сшибку. Тутъ, въ первый разъ въ сію войну, покрытая глубокимъ снѣгомъ земля обагрилась кровью Русскихъ и Шведовъ. Февраля 11-го авангардъ Бороздина

занялъ Борго. Черезъ нѣсколько дней, часть авангарда, подъ командою незабвеннаго въ нашихъ военныхъ лѣтописяхъ Графа Орлова-Денисова, ворвалась въ Гельзингфорсъ. Такимъ образомъ, непосредственнымъ участіемъ Бороздина ознаменованы были, въ 1808 году, первые успѣхи оружія Александрова въ Финляндіи. Донося Государю о счастливомъ началѣ Финляндской войны, Графъ Буксгевденъ писалъ: «Войска Вашего Императорскаго Величества столь ревностно встрѣчаютъ повсюду «непріятеля, сколько питаютъ въ себѣ усердія «и толико дознанной вѣрности къ службѣ. Сему «одному долженъ я относить превозможеніе «всѣхъ тѣхъ трудовъ и безпокойствъ, какія «представляются имъ на каждомъ шагу. Ни «жестокій холодъ, ни глубина снѣга, которымъ «должны они проходить и пролагать себѣ до«рогу, ни мало не ослабляютъ ихъ жара, и сами «непріятели остаются изумленными быстротою «ихъ движеній по такимъ мѣстамъ, которыя въ «настоящее время почитали они совершенно «непроходимыми». За успѣшныя дѣйствія авангарда въ семъ трудномъ походѣ, Бороздину былъ пожалованъ орденъ Св. Анны 1-го класса.

Спустя день послѣ покоренія Русскими Гельзингфорса, 20-го Января, Бороздинъ выступилъ, вмѣстѣ съ Главнокомандующимъ, къ Тавастгусу, и 21-го занялъ сей городъ своимъ авангардомъ; 25-го перенесена была туда главная квартира, а 28-го Графъ Буксгевденъ, съ частію арміи, имѣя Бороздина въ авангардѣ, пошелъ обратно въ Гельзингфорсъ. Марта 2-го начались дѣйствія противъ Свеаборга, почитавшагося неприступнымъ. Апрѣля 22-го сѣверный Гибралтаръ палъ предъ оружіемъ Александра. Бороздинъ находился подъ Свеаборгомъ во все время осады, по окончаніи коей, до 5-го Мая, начальствовалъ конницею въ отрядѣ, занимавшемъ береговое пространство отъ Гангуда до Ловизы и ввѣренномъ Графу Николаю Михайловичу Каменскому, юному полководцу, тогда еще не озаренному безсмертіемъ, но быстро оправдавшему надежды, возлагаемыя на него Русскою арміею. Вскорѣ побѣдоносный мечъ его долженъ былъ поразить непріятелей на сѣверѣ Финляндіи и въ нѣдрахъ Швеціи. Въ послѣдняхъ числахъ Мая, когда вскрытіе водъ дозволяло дѣйствовать морскимъ силамъ, война началась въ новомъ видѣ и въ большемъ объемѣ. Переведеному подъ начальство Князя Багратіона, а потомъ Багговута, въ составъ войскъ, расположенныхъ между Або и Біернеборгомъ, Бороздину ввѣрили отрядъ, занимавшій острова Кимито, Стремо и сосѣдніе съ ними. Іюня 7-го и 8-го онъ содѣйствовалъ Багговуту въ отраженіи высадки Шведскаго Генерала Фегезака, у мыса Лемо, за что получилъ Высочайшій благоволительный рескриптъ. Вскорѣ потомъ, Сентября 14-го, отличился онъ въ отраженіи высадки Шведскаго Генерала Боіе, у Гельзинга, въ 80-ти верстахъ отъ Або, въ центрѣ расположенія войскъ Князя Багратіона, занимавшихъ пространство 350-ти верстъ. Два дня непріятель тѣснилъ передовые наши отряды. Сентября 16-го Багратіонъ сосредоточилъ свои войска у Химоиса. Переходя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, онъ раздѣлилъ корпусъ на три колонны: правую велъ Бороздинъ, имѣя приказаніе атаковать лѣвое крыло Шведовъ, откуда только что двинулись четыре батальона, въ намѣреніи обойдти нашихъ. Колонна центра, поставленная на большой дорогѣ, была ввѣрена Багговуту; съ третьею Маіоръ Бекъ былъ посланъ въ тылъ праваго крыла непріятелей, черезъ цѣпь утесовъ. Четыре часа боролись Багговутъ и Бороздинъ со Шведами, не склонивъ успѣха на нашу сторону. Во бою семъ была даже минута, польстившая непріятелей удачею. Воспользовавшись промежуткомъ между нашимъ центромъ и правымъ крыломъ, они пустили туда колонну, смѣло подвинувшуюся впередъ угрожавшую разобщить наши войска. Багратіонъ лично повелъ противъ нея резервъ, и продолжалъ параллельный бой, нетерпѣливо ожидая появленія Бека въ тылу непріятелей. Послѣ труднаго обхода, Бекъ спустился съ утесовъ, и тотчасъ замѣченъ былъ безпорядокъ въ рядахъ Шведовъ. Князь Багратіонъ велѣлъ Бороздину, не заботясь о поддержаніи сообщенія съ другими войсками, идти прямо на Гельзингъ, къ мѣсту высадки

Шведовъ. Движеніе Бороздина рѣшило побѣду. Непріятель началъ отступать поспѣшно, преслѣдуемый нашими. Бывшіе впереди Гродненскіе Гусары сдѣлали блистательную атаку, и Шведы побѣжали, бросая аммуницію, раненныхъ и тяжести. Въ Гельзингѣ пытались они снова дать отпоръ, въ надеждѣ прикрыть посаженіе войскъ на флотилію, но поражаемые Русскою артиллеріею, приведены были въ разстройство, и торопливо бросались на суда свои. При пораженіи ихъ и въ происшедшемъ у нихъ смятеніи, они лишились одного знамени, 15 офицеровъ, 350 рядовыхъ, 5-ти пушекъ, нѣсколькихъ зарядныхъ ящиковъ и всего обоза. Около 1000 непріятелей устлали поле сраженія своими трупами. За участіе въ Гельзингской побѣдѣ, Бороздинъ получилъ вторичный благоволительный рескриптъ. Онъ оставался въ Финляндіи, близъ Або, до послѣднихъ числъ Декабря мѣсяца, и не участвовалъ во второмъ Финляндскомъ походѣ 1809-го года.

Послѣ Фридрихсгамскаго мира, въ 1810 году, Императоръ Александръ ввѣрилъ Бороздину 1-ю бригаду 1-й Кирасирской дивизіи, состоявшую изъ обоихъ Лейбъ-Кирасирскихъ полковъ, Его и Ея Величествъ, а въ Октябрѣ 1811-го поручилъ ему сформировать, въ Усвятѣ, Астраханскій Кирасирскій полкъ, причисленный къ той же бригадѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бороздинъ былъ назначенъ Шефомъ сего полка. Въ началѣ Отечественной Войны Бороздинъ состоялъ со своею бригадою въ 5-мъ, или Гвардейскомъ Корпусѣ, въ 1-й Кирасирской дивизіи, Депрерадовича. Весною выступилъ онъ въ походъ, и былъ въ Свенцянахъ, когда Наполеонъ переправился черезъ Нѣманъ. Участвуя, съ 1-ю Западною арміею, въ отступленіи къ лагерю при Дриссѣ, а оттуда къ Витебску, онъ имѣлъ первое дѣло съ Французами 14-го Іюля, при Островнѣ, подкрѣпляя Графа Остермана-Толстаго, когда будущій герой Кульма мужественно выдерживалъ неравную съ многочисленнымъ непріятелемъ битву. Продолжая отступленіе, Бороздинъ не встрѣчался съ непріятелемъ до Бородина, гдѣ, при размѣщеніи войскъ въ боевой порядокъ, первая Кирасирская дивизія составила третью линію главнаго резерва, расположеннаго позади центра арміи. Августа 26-го, отъ ранняго утра загорѣлась знаменитая битва на поляхъ Бородинскихъ, до того времени, въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, не слыхавшихъ браннаго грома, не видѣвшихъ на себѣ слѣда вражескаго. До 8-ми часовъ утра Бороздинъ не принималъ участія въ дѣлѣ. Въ сіе время, желая подкрѣпить лѣвое крыло арміи, гдѣ сражался Багратіонъ, Кутузовъ послалъ туда, къ деревнѣ Семеновской, Бороздина, съ его бригадою и 8-мью орудіями Гвардейской Конной-Артиллеріи, подъ командою Полковника Козена — нынѣ Генералъ отъ Артиллеріи и Членъ Генералъ-Аудиторіата. По прибытіи къ Семеновской, Кирасиры стали въ лѣво отъ нея, за 2-ою Кирасирскою дивизіею, Дуки, а Артиллерія расположилась передъ фронтомъ сей дивизіи. Часа два оставались полки Бороздина въ бездѣйствіи, праздными зрителями битвы, кипѣвшей въ глазахъ ихъ съ равнымъ съ обѣихъ сторонъ ожесточеніемъ. Генералы, офицеры, солдаты, всѣ рвались на бой, но долгъ приковывалъ ихъ къ одному мѣсту. Наконецъ настала и для нихъ очередь. Уже Багратіонъ, смертельно раненый, былъ вынесенъ съ поля сраженія, и непріятель, взявъ перевѣсъ, овладѣлъ укрѣпленіями нашего лѣваго крыла. Два кавалерійскіе корпуса: Нансути и Латуръ-Мобура, желая нанести сему крылу рѣшительный ударъ, колоннами понеслись за Семеновскій оврагъ и атаковали полки Лейбъ-Гвардіи Измайловскій и Литовскій, построившіеся въ два каре. Бороздинъ поспѣшилъ подкрѣпить гвардію, и многократно атаковывалъ непріятеля. За Бородинское сраженіе, по представленію Кутузова, ему пожалованъ былъ орденъ Св. Георгія 3-го класса.

Послѣ Бородинскаго побоища, бригада Бороздина поступила въ Кирасирскій Корпусъ, по распоряженію Кутузова составленный изъ обѣихъ Кирасирскихъ дивизій, ввѣренныхъ начальству Князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Участникъ въ отступленіи армій отъ Бородина и свидѣтель оставленія Кутузовымъ первопрестольной столицы Отечества, Бороздинъ въ продолженіе

шести недѣль не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, ибо Кирасиры, войско отборное, были въ резервѣ. Въ сіе время Наполеонъ безпечно пребывалъ въ Москвѣ, а Русская армія, огражденная Тарутинскими укрѣпленіями, съ каждымъ днемъ становилась сильнѣе. Въ сраженіяхъ подъ Тарутинымъ, подъ Малымъ-Ярославцомъ и подъ Вязьмою, Бороздинъ находился въ резервѣ. Ноября 4-го, подходя къ Красному, Кутузовъ поручилъ ему, на мѣсто заболѣвшаго Графа Орлова-Денисова, начальство надъ летучимъ отрядомъ, составлявшимъ связь между главною арміею, Кутузова, и авангардомъ, Милорадовича. На другой день послѣ сего назначенія, Бороздинъ, отъ утра до вечера, былъ въ схваткахъ съ разными частями непріятельскихъ войскъ; потомъ, 6-го, участвовалъ въ преслѣдованіи Французовъ отъ Краснаго; 7-го, 8-го и 9-го вытѣснилъ ихъ изъ Лядъ, Дубровны и Орши, и до Березины лежалъ, такъ сказать, на плечахъ непріятеля, забирая Французскія пушки и тысячи плѣнныхъ. Ноября 24-го, послѣ переправы Наполеона черезъ Березину, Кутузовъ ввѣрилъ Бороздину другой отрядъ, слѣдовавшій впереди Графа Витгенштейна къ Вильнѣ. Во время занятія сего города, 28-го числа, Бороздинъ дѣйствовалъ съ зарѣчной стороны. Въ Вильнѣ онъ сдалъ свой отрядъ Генералъ-Маіору Дибичу (въ послѣдствіи Фельдмаршалъ), и по болѣзни болѣе полугода не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, перенесенныхъ, между тѣмъ, за границу. Онъ прибылъ въ главную квартиру уже во время Пойшвицкаго перемирія, и назначенный, Іюня 10-го, Начальникомъ 1-й Драгунской дивизіи, черезъ шесть недѣль потомъ поступилъ во вновь-образовавшуюся Силезскую армію, Блюхера, въ 8-й Пѣхотный корпусъ, Графа Сентъ-Пріеста. Дивизію Бороздина составляли полки: Московскій, Каргопольскій, Новороссійскій и Митавскій. Корпусъ Графа Сентъ-Пріеста стоялъ при Ландсгутѣ, сохраняя связь между главною арміею, расположенною въ Богеміи, и арміею Силезскою. Въ началѣ Августа перемиріе кончилось, и войска двинулись съ своихъ мѣстъ. Бороздину ввѣренъ былъ авангардъ лѣваго крыла Силезской арміи. Августа 6-го, когда онъ занималъ мѣстечко Ленъ, Французы показались противъ него въ большихъ силахъ и начали тѣснить его. Бороздинъ упорно держался, но подавляемый превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, долженъ былъ уступить ему и очистить мѣстечко, съ значительною потерею. Черезъ недѣлю Французы отступили изъ Лена. Бороздинъ двинулся опять впередъ, и имѣлъ нѣсколько дѣлъ съ Французами: Августа 17-го, подъ Шмидебергомъ, гдѣ взялъ въ плѣнъ до 400 человѣкъ; въ слѣдующій день, близъ Грейфенберга, а 20-го подъ Лаубаномъ. Пройдя Гервигсдорфъ, 28-го, онъ открылъ непріятельскіе передовые посты за симъ селеніемъ, на высотахъ и въ лѣсу. Бывшіе въ авангардѣ Черноморскіе Казаки оттѣснили ихъ, и въ то же время Генералъ-Маіоръ Бистромъ атаковалъ 1-мъ Егерскимъ полкомъ непріятеля, засѣвшаго въ лѣсу. Для обезопасенія своего праваго крыла, Бороздинъ отрядилъ въ селеніе Вендишъ-Паульсдорфъ одинъ взводъ Митавскихъ Драгунъ и двѣ сотни Черноморскихъ Казаковъ. Цѣпь непріятельскаго корпуса немедленно была прогнана къ деревнѣ Эберсдорфъ, но лѣвое крыло Французовъ еще держалось въ Лебауербергѣ. Бороздинъ ввелъ въ дѣло 33-й Егерскій полкъ. Правымъ крыломъ авангардной пѣхоты его командовалъ Генералъ-Маіоръ Гернгросъ, а лѣвымъ Бистромъ. Оба они три раза мужественно атаковали непріятеля, но безуспѣшно. Бороздинъ ввелъ въ дѣло стоявшій въ резервѣ Бѣлозерскій пѣхотный полкъ, и рѣшилъ упорный бой въ нашу пользу. Въ слѣдующій день Графъ Сентъ-Пріестъ приказалъ Бороздину подвинуться къ Бауцену и тѣснить непріятеля, коего арріергардъ началъ было дѣйствовать наступательно. Завязалось жаркое дѣло, кончившееся отступленіемъ Французовъ. Въ началѣ Сентября мѣсяца Бороздинъ былъ во многихъ авангардныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ. За оказанныя имъ въ семъ походѣ отличія, Императоръ Александръ наградилъ его алмазными знаками ордена Св. Анны 1-й степени. По переходѣ Силезской арміи черезъ рѣку Эльстеръ, Бороздинъ участвовалъ въ преслѣдованіи Французскихъ войскъ черезъ Вартенбургъ и Дюбенъ,

и выступивъ, въ концѣ Сентября, вмѣстѣ съ другими войсками Силезской арміи, къ Лейпцигу, находился въ трехъ-дневной битвѣ при семъ городѣ, Октября 4-го, 6-го и 7-го. Въ первый день сраженія онъ подкрѣплялъ своими полками 9-й Пѣхотный корпусъ, Олсуфьева, находившійся на лѣвомъ крылѣ Силезской арміи, а въ слѣдующіе два дня стоялъ въ резервѣ, за пѣхотою Графа Ланжерона, дѣйствовавшею противъ селенія Шенфельдъ.

Послѣ разгрома Наполеоновыхъ силъ подъ Лейпцигомъ, Бороздинъ, оставаясь въ составѣ резервной кавалеріи, Графа Лажерона, бывшей подъ начальствомъ Барона Корфа, слѣдовалъ къ Рейну и переправясь черезъ сію рѣку у Каубе, Декабря 22-го, вступилъ во Францію. Тамъ онъ получилъ подъ начальство свое отрядъ, состоявшій изъ Митавскаго и Новоросійскаго Драгунскихъ и двухъ Украинскихъ Казачьихъ полковъ, и блокировалъ крѣпость Мецъ, съ 7-го до 15-го Января 1814-го года. Отправясь потомъ въ слѣдъ за Силезскою арміею, онъ присоединился къ ней 9-го Февраля подъ городомъ Мери, гдѣ поступилъ опять подъ начальство Барона Корфа; 12-го 16-го и 17-го былъ въ дѣлахъ близъ Сезана, при Лаферте-Су-Жуаръ и при Лизи; 19-го, на переправѣ черезъ Уркскій каналъ, близъ Нельи и 20-го подъ Суассономъ. Въ послѣдовавшихъ за тѣмъ сраженіяхъ, при Лаонѣ и Краонѣ, Бороздинъ находился съ своимъ отрядомъ въ резервѣ. Марта 13-го, подъ Фершампенуазомъ, онъ нѣсколько разъ атаковалъ своими четырьмя полками непріятельскія колонны. Французы выдерживали нападенія нашей конницы съ непоколебимою твердостью. Императоръ Александръ, прибывъ на поле сраженія и видя безуспѣшность кавалерійскихъ атакъ, велѣлъ пріостановить ихъ, желая сперва разстроить непріятеля огнемъ батарей нашихъ, поставленныхъ въ тылу Французовъ. Вскорѣ картечные выстрѣлы начали вырывать ряды изъ непріятельскихъ колоннъ. Замѣтя колебаніе ихъ, Государь велѣлъ конницѣ атаковать Французовъ. Бороздинъ, съ Каргопольскими и Новороссійскими Драгунами, первый пустился на одну колонну, и въ то самое время, когда хотѣлъ врубиться, она положила оружіе. Потомъ онъ обратился противъ другой колонны, отбилъ у ней 7 орудій и положилъ значительное число людей на мѣстѣ. Свидѣтель дѣйствій Бороздина подъ Фершампенуазомъ, Императоръ Александръ наградилъ его орденомъ Св. Владиміра 2-й степени. Марта 16-го, Бороздинъ переправился черезъ Марну, а 18-го, въ день знаменитой битвы подъ Парижемъ, подкрѣплялъ Генерала Еммануеля, дѣйствовавшаго близъ Нельи, къ сторонѣ Елисейскихъ Полей. На другой день, Марта 19-го — незабвеннѣйшій изъ дней славы Императора Александра — Бороздинъ вступилъ въ Парижъ. Тѣмъ заключилось его участіе въ громадной борьбѣ, сокрушившей могущество Наполеона.

Послѣ Парижскаго мира, при новомъ росписаніи войскъ на арміи и корпуса, Бороздинъ, продолжая командовать 1-ю Драгунскою дивизіею, поступилъ во 2-й Пѣхотный Корпусъ, Принца Евгенія Виртемберскаго, и съ нимъ возвратился въ Россію. Въ 1815 году, когда появленіе Наполеона во Францію вынудило Императора Александра снова обнажить мечъ, Бороздинъ повелъ свою дивизію за границу, но дошелъ только до Барейта, въ Баваріи, когда пришло извѣстіе о Ватерлоской побѣдѣ, и дальнѣйшій походъ былъ отмѣненъ. Черезъ годъ послѣ возвращенія въ отечество изъ сего похода, Ноября 30-го 1816, Бороздину велѣно было состоять по Кавалеріи; въ томъ же году, 28-го Декабря, онъ былъ назначенъ Командующимъ 4-мъ Резервнымъ Кавалерійскимъ Корпусомъ; въ 1820 награжденъ арендою на 12 лѣтъ и назначенъ Генералъ-Адъютантомъ; въ 1823 утвержденъ въ званіи Корпуснаго Командира, и за значительное сокращеніе расходовъ казны, по продовольствію войскъ, расположенныхъ въ Полтавской губерніи, получилъ Высочайшее благоволеніе, а въ 1826, въ день коронаціи Государя Императора Николая Павловича, произведенъ въ Генералы отъ Кавалеріи, съ сохраненіемъ прежней должности.

Послѣ шестнадцатилѣтняго мира съ Оттоманскою Портою, въ началѣ 1828 года послѣ-

довалъ съ нею разрывъ. Въ сіе время многіе изъ прежнихъ соратниковъ Бороздина уже покоились сномъ вѣчнымъ; другіе, или вовсе сошли со служебнаго поприща, или оставили боевые ряды войска. Бороздину опредѣлено было еще разъ, но уже въ послѣдній, явиться на войнѣ, въ краѣ для него новомъ. Ввѣренный Бороздину 4-й Резервный Кавалерійскій Корпусъ состоялъ изъ двухъ дивизій: 1-й Драгунской, Квитницкаго, и 1-й Конно-Егерской, Загряжскаго. По первоначальному плану военныхъ дѣйствій, Бороздину надлежало слѣдовать изъ Курска, гдѣ была его корпусная квартира, къ Измаилу. Іюня 4-го привелъ онъ 4-й Корпусъ къ берегамъ Дуная, и получилъ повелѣніе, оставя Корпусъ, съ 17-ю Пѣхотною дивизіею, Корнилова, одною бригадою 16-й, тремя полками улановъ и однимъ драгуновъ, защищать тылъ переправившейся за Дунай арміи, дѣйствовать противъ Турецкихъ крѣпостей лѣваго Дунайскаго берега и охранять Валахію отъ непріятельскихъ набѣговъ. Крѣпости Видинъ и Журжа были заняты сильными Турецкими гарнизонами и требовали особаго вниманія. Бороздинъ поручилъ наблюденіе первой изъ нихъ Генералъ-Маіору Князю Горчакову (нынѣ Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири), вскорѣ смѣненному Генераломъ Гейсмаромъ, а наблюденіе второй возложилъ на Корнилова. Отряды Генералъ-Маіора Рейтерна и Подполковника Кауфмана поставилъ онъ у Турно и Кале. Корниловъ и преемникъ его, Потемкинъ, успѣшно отбивали вылазки Турковъ изъ Журжи, а Гейсмаръ на голову разбилъ Турковъ при Бойлешти и овладѣлъ Калафатомъ, чѣмъ совершенно обезпечилъ безопасность Малой Валахіи. По болѣзни, Бороздинъ не могъ принимать непосредственнаго участія въ дѣйствіяхъ подчиненныхъ ему отрядовъ и испросилъ себѣ отпускъ, для излеченія. Силы его видимо истощались, и онъ скончался, 14-го Ноября 1830 года, въ С. Петербургѣ. Государь Императоръ Николай Павловичъ почтилъ память его личнымъ присутствіемъ при отпѣваніи и выносѣ его тѣла, которое было отвезено въ Порховской уѣздъ Псковской губерніи, и тамъ предано землѣ въ принадлежавшемъ Бороздину селѣ Костыжецѣ.

Николай Михаиловичъ Бороздинъ былъ женатъ на дочери Дѣйствительнаго Камергера Жеребцова, Елисаветѣ Александровнѣ, и оставилъ послѣ себя сына Александра, и дочерей: Ольгу, Настасью и Наталью. Изъ двухъ его братьевъ, одинъ, Михаилъ Михайловичъ, былъ Генералъ-Лейтенантомъ и въ 1812 году командовалъ 8-мъ Пѣхотнымъ Корпусомъ во 2-й Западной арміи; другой, Андрей Михайловичъ, былъ Таврическимъ Гражданскимъ Губернаторомъ и потомъ Сенаторомъ. Красавецъ въ молодости, Николай Михайловичъ сохранилъ и подъ старость видную наружность, одѣваясь всегда щегольски. Бѣлокурый, онъ имѣлъ лице открытое, улыбку и взоръ выразительные. Получивъ отличное образованіе, онъ также былъ искусенъ въ танцахъ, фехтованіи и верховой ѣздѣ. Всѣ пріемы его свидѣтельствовали, что онъ провелъ лучшія годы жизни своей въ высшемъ обществѣ. Питомецъ XVIII столѣтія, онъ не щадилъ денегъ, жилъ роскошно. На смотрахъ и ученьяхъ войскъ, Бороздинъ былъ вспыльчивъ, взыскателенъ за малѣйшую ошибку, но внѣ службы добръ и снисходителенъ. Бесѣда его украшалась разсказами о приключеніяхъ его молодости, о любопытныхъ случаяхъ временъ Императоровъ Павла и Александра. Въ 1824 году, во время продолжительныхъ маневровъ подъ Лубнами, состоя подъ начальствомъ Николая Михайловича Бороздина, проводилъ я съ нимъ все свободное отъ службы время: нерѣдко просиживали мы съ нимъ далеко за полночь, и я возвращался домой, очарованный его бесѣдою, исполненный искренняго уваженія къ его душѣ благородной, возвышенной.

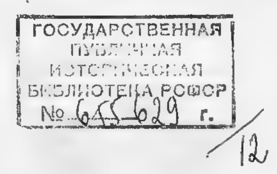
Генералъ отъ Инфантеріи

Александръ Яковлевичъ

РУДЗЕВИЧЪ.

А. Я. РУДЗЕВИЧЪ.

Александръ Яковлевичъ Рудзевичъ, Генералъ отъ Инфантеріи, кавалеръ орденовъ Св. Александра Невскаго, съ алмазными украшеніями, Св. Георгія 2-го класса, Св. Владиміра 2-й степени, Св. Анны 1-й степени, съ алмазными украшеніями, и Прусскаго Краснаго Орла 1-го класса, командоръ Шведскаго ордена Меча 2-й степени, имѣвшій золотой знакъ за штурмъ Праги и серебряныя медали въ память 1812 и 1814-го годовъ, родился въ 1776-мъ году. Отецъ его, Татаринъ Якубъ Измайловичъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, оказалъ Россіи важныя услуги при покореніи Крыма, и умеръ въ чинѣ Статскаго Совѣтника. По кончинѣ Якуба, жена его, съ двумя малолѣтными сыновьями и двумя дочерьми, была вызвана изъ Крыма въ Петербургъ, помѣщена въ домѣ Графа Брюса, и получала содержаніе отъ Двора. Вскорѣ дѣти ея, приуготовленныя къ принятію Православной вѣры, озарились Святымъ крещеніемъ. Воспріемниками ихъ была Сама Императрица, Великая Княгиня Елисавета Алексѣевна, и Великіе Князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ. Сыновья Якуба Измайловича получили имена Александра и Константина, а дочери имена Екатерины и Елисаветы. Старшій сынъ, Александръ, записанный, 6-го Апрѣля 1786 года, Сержантомъ въ Преображенскій полкъ, поступилъ въ существовавшій тогда въ Петербургѣ Греческій Кадетскій корпусъ, гдѣ обучался шесть лѣтъ. Марта 27-го 1792 года онъ былъ произведенъ въ Капитаны Генеральнаго Штаба, и черезъ три мѣсяца отправленъ въ армію, дѣйствовавшую въ Польшѣ. Въ день возмущенія въ Варшавѣ, 6-го Апрѣля 1794 года, онъ выступилъ оттуда вмѣстѣ съ другими войсками и при безпрерывныхъ схваткахъ съ мятежниками, былъ раненъ въ правую руку. Оставаясь потомъ въ Корпусѣ Генерала Ферзена, онъ былъ въ сраженіяхъ при Песочномъ и Служевѣ, снялъ планъ укрѣпленій Варшавы во время блокады ея Россійско-Прусскими войсками, строилъ батареи при переправѣ Корпуса Ферзена черезъ Вислу, обозрѣлъ непріятельскую позицію подъ Мацеіовицемъ и снялъ планъ ея, а на другой день, Сентября 29-го,

при атакѣ на Поляковъ, велъ колонну Генералъ-Маіора Тормасова. Октября 20-го, онъ участвовалъ въ побѣдѣ при Кобылкѣ, а 24-го, на Прагскомъ приступѣ, велъ колонну Генералъ-Маіора Денисова, встрѣтившую на пути своемъ величайшія затрудненія. Вмѣстѣ съ другими участниками сего штурма, онъ получилъ установленный за него золотой знакъ, на Георгіевской лентѣ.

Упоминаемыя нами событія показываютъ, что съ самаго начала своего военнаго поприща Рудзевичъ не былъ рядовымъ офицеромъ: вездѣ употребляли его какъ отличнаго и храбраго офицера Генеральнаго Штаба. Оправдывая заслуженную извѣстность свою, онъ, въ 1796-мъ году, былъ вызванъ въ Петербургъ и посланъ въ Выборгъ для снятія топографическихъ картъ Финляндіи. Вскорѣ по воцареніи Своемъ Императоръ Павелъ отправилъ его въ Казань, съ повелѣніемъ снять планъ съ окрестностей ея и составить маршруты войскамъ, назначеннымъ для маневровъ подъ Казанью. Потомъ Рудзевичъ состоялъ при Корпусѣ Князя Дашкова; въ Январѣ 1799-го года былъ командированъ въ армію Генерала отъ Инфантеріи Ласси, расположенную между Ковно и Брестомъ-Литовскимъ, и 9-го Ноября произведенъ въ Подполковники. Въ Мартѣ 1800-го года, Рудзевичъ вызванъ былъ по Высочайшему повелѣнію въ Петербургъ, и въ началѣ 1801-го года, когда послѣдовалъ разрывъ Россіи съ Англіею, Императоръ Павелъ послалъ его обозрѣть берега Финскаго залива, отъ Петербурга до устья Наровы, и составить описаніе береговой мѣстности, для предполагавшейся тогда обороны отъ нападенія Англичанъ. Здѣсь видимъ лучшее доказательство довѣренности Монархра къ военнымъ способностямъ Рудзевича.

Въ первый годъ царствованія Императора Александра происходили у насъ жаркія схватки съ Горцами, на Кавказской линіи. Туда устремлялись молодые офицеры, искавшіе воинской опытности и чести. Рудзевичъ, по собственому его желанію, былъ переведенъ, 19-го Апрѣля 1801-го года, въ Троицкій Мушкетерскій полкъ, расположенный въ Крыму, но предназначенный для дѣйствій за Кубанью. Въ Декабрѣ 1804-го Рудзевичъ, произведенный въ Полковники, выступилъ съ своимъ полкомъ за Кубань. Находясь въ отрядѣ Генералъ-Маіора Лихачева, (славно, хотя и несчастно бившійся при Бородинѣ), онъ три недѣли участвовалъ въ успѣхахъ надъ хищниками, въ ущеліяхъ горъ, а 30-го Декабря, въ отрядѣ Генералъ-Маіора Баркова, съ двумя ротами ворвался на штыкахъ въ Арбское укрѣпленіе и истребилъ большую часть защищавшихъ его. Орденъ Св. Анны 3-го класса, на шпагу, былъ наградою сего подвига. Въ Мартѣ 1805-го года Рудзевичъ командовалъ авангардомъ въ поискѣ Начальника Кавказской линіи, Генералъ-Лейтенанта Глазенапа. Съ тысячью Линейныхъ казаковъ, онъ болѣе другихъ участниковъ поиска содѣйствовалъ усмиренію Большой Кабарды, и особенно отличился въ дѣлахъ, Марта 11-го, при урочищѣ Ергуіоки, и 15-го при Кизбурунѣ. Поискъ кончился въ двѣ недѣли и доставилъ Рудзевичу орденъ Св. Владиміра 4-й степени, съ бантомъ. Вскорѣ потомъ Глазенапъ узналъ о непріязненныхъ дѣйствіяхъ За-Сунженскихъ Чеченцевъ. Къ пресѣченію набѣговъ ихъ на Грузинскую дорогу, отъ Моздока до Владикавказа, Рудзевичу поручено было избрать мѣсто для построенія редута. Онъ исполнилъ порученіе удачно, и командуя притомъ отрядомъ войскъ, навелъ такой страхъ на Горцевъ, въ безпрерывныхъ и жаркихъ дѣлахъ съ ними, что вскорѣ явились отъ нихъ къ Глазенапу старшины, съ изъявленіемъ покорности. Главнокомандовавшій въ Грузіи, Князь Циціановъ, въ награду блестящаго подвига Рудзевича, испросилъ ему орденъ Св. Анны 2-й степени, съ алмазными украшеніями. Въ Январѣ 1806 года Рудзевичъ былъ назначенъ шефомъ Тифлисскаго Мушкетерскаго полка, одна часть коего находилась въ Елисаветполѣ, а другая въ Шекинскомъ Ханствѣ, но въ продолженіе всего года не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ 1807-мъ году, онъ стоялъ съ полкомъ своимъ въ Куракчаѣ, при отрядѣ, наблюдавшемъ границы Персіи, когда преемникъ Князя Циціанова, Графъ Гудовичъ, дѣйствовалъ противъ Турковъ.

После шестилетней, отличной службы на Кавказе, домашнія обстоятельства заставили Рудзевича выдти въ отставку. Онъ уехалъ въ Крымъ, на родину, и приведя дела свои въ порядокъ, просилъ объ определеніи его въ службу, и, 3-го Декабря 1809-го года, былъ назначенъ шефомъ 22-го Егерскаго полка, находившагося за Кубанью, въ походе противъ Горцевъ. Февраля 1-го 1810 года Рудзевичъ находился уже при своемъ полку, и 4-го числа отразилъ и преследовалъ въ самыхъ ущеліяхъ напавшаго на него непріятеля. Февраля 22-го и Марта 14-го, способствуя успехамъ Черноморскаго Казачьяго Атамана Бурсака, онъ разсеялъ скопища Закубанцевъ, а 11-го Іюля разбилъ ихъ близъ Куматырь-Аула, где предводительствовалъ ими Анапскій Паша Гуссейнъ, и за действія сіи удостоился Высочайшаго благоволенія. Въ половине Декабря, получивъ отъ своего дивизіоннаго начальника, Герцога Ришелье, предписаніе взять на берегу Чернаго моря крепость Суджукъ-Кале, Рудзевичъ выступилъ въ походъ 20-го числа, и въ Суджукъ-Калеской тесните былъ сильно атакованъ Горцами, но отразилъ ихъ, а 24-го разбилъ на голову скопища Натухайцевъ и запялъ Суджукъ-Кале. Оставаясь тамъ около двухъ недель и разрушивъ крепость, онъ, въ день Богоявленія, 6-го Января 1811-го года, по торжественномъ совершеніи водосвятія на берегу Чернаго моря, пошелъ изъ Суджукъ-Кале къ Анапе, и по прибытіи туда продолжалъ военныя действія съ 11-го Января по 24-е Февраля, противъ Шапсуговъ и Натухайцевъ. Находясь, такимъ образомъ, отдельнымъ начальникомъ, онъ совершилъ блистательный походъ. Непріятели, всюду разбитые и разстроенные имъ, изъявили покорность и дали заложниковъ. За взятіе Суджукъ-Кале Рудзевичъ былъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры, а за другіе подвиги свои награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-го класса. Въ Октябре того же года, новыя хищничества Шапсуговъ побудили Герцога Ришелье составить отрядъ изъ четырехъ батальоновъ 12-го и 22-го Егерскихъ полковъ, батальона Великолуцкаго Мушкетерскаго и шести пешихъ и двухъ конныхъ полковъ Черноморскихъ казаковъ, съ 22-мя орудіями артиллеріи, большею частію казачей. Герцогъ самъ находился при семъ отряде, а главнымъ помощникомъ его былъ Рудзевичъ. Войска переправились черезъ Кубань и 1-го Ноября вошли въ селенія Шапсуговъ; 5-го и 6-го, подъ огнемъ непріятелей, имевшихъ даже пушки, они выжгли многіе аулы, и 16-го возвратились въ Екатеринодаръ.

Вскоре должно было начаться для Рудзевича новое, обширнейшее поприще. Въ Декабре 1811-го года онъ перешелъ съ полкомъ своимъ въ Крымъ, и осенью 1812-го года получилъ приказаніе идти на усиленіе Дунайской арміи, Чичагова, уже бывшей на марше къ соединенію съ арміею Тормасова. Въ начале Ноября онъ присоединился къ корпусу Графа Ланжерона, съ которымъ суждено было ему разделять труды и славу походовъ 1813 и 1814-го годовъ. Во время переправы Французовъ черезъ Березину, Рудзевичъ былъ посланъ со своимъ полкомъ на усиленіе Генерала Чаплица, и въ первый разъ сражался съ Французами, 16-го Ноября, при селеніяхъ Стахове и Бриляхъ. Целый месяцъ, по 17-е Декабря, оставался онъ въ авангарде Чаплица и принималъ безпрерывное участіе въ пораженіи несчастныхъ остатковъ Наполеоновой арміи, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й степени. Декабря 17-го онъ возвратился съ полкомъ своимъ въ корпусъ Графа Ланжерона, и по переходе за Неманъ, участвовалъ въ преследованіи непріятеля до Торна. Во время осады сей крепости, Рудзевичъ, съ 25-го Января, командовалъ на правомъ крыле бригадою изъ 10 и 22-го Егерскихъ полковъ, и 4-го Февраля успешно отразилъ вылазку изъ крепости. До покоренія Торна, разделялъ онъ труды осаждавшихъ, и получилъ за то алмазные знаки ордена Св. Анны 1-й степени. При сближеніи войскъ къ Бауцену, бригада его поступила въ авангардъ Чаплица и заняла место на правомъ крыле, въ Кликсе. Мая 6-го онъ участвовалъ въ деле при Кенигсварте, а 8-го и 9-го Мая находился въ Бауценскихъ сраженіяхъ. При отступленіи союзниковъ отъ Бауцена, онъ состоялъ въ арріергарде, подъ начальствомъ

Чаплица, а 17-го Мая, по болѣзни его, принялъ начальство надъ арріергардомъ, и занималъ сію важную и затруднительную въ тогдашнихъ обстоятельствахъ должность до прибытія арміи въ Швейдницъ, гдѣ было заключено перемиріе съ Наполеономъ. Во время перемирія, всѣ Русскія войска, составлявшія корпусъ Графа Ланжерона (42,531 человѣкъ со 176-ю орудіями), поступили въ составъ Силезской арміи, Блюхера. Рудзевичу порученъ былъ авангардъ Графа Ланжерона. Важность сего назначенія объясняется цѣлью предписанныхъ Силезской арміи дѣйствій. Она должна была наблюдать за каждымъ шагомъ Наполеона, не упускать его изъ вида, и пользоваться каждою оплошностью его, каждымъ случаемъ къ развлеченію его силъ, дабы тѣмъ дать возможность Главной и другимъ союзнымъ арміямъ привести въ исполненіе общій операціонный планъ. При такомъ дѣятельномъ участіи Силезской арміи въ войнѣ, авангардъ ея могъ быть ввѣренъ самому опытному въ бояхъ начальнику, и конечно, Рудзевичъ заслуживалъ такую честь, когда посѣдѣлый въ браняхъ Графъ Ланжеронъ избралъ его къ тому, и когда, получивъ, 6-го Августа, Высочайшій приказъ, которымъ Рудзевичъ былъ назначенъ Начальникомъ его Штаба, онъ еще оставилъ ему начальствованіе авангарда, а должность начальника Штаба временно поручилъ, исправлявшему ее до тѣхъ поръ, Квартирмейстерской части Полковнику Нейдгардту (нынѣ Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ).

Августа 7-го Силезская армія открыла военныя дѣйствія движеніемъ впередъ, при чемъ Рудзевичъ, прибывъ съ авангардомъ къ Цобтену, долженъ былъ сдѣлать обозрѣніе и занять Зибенэйхенскія высоты, для устройства тамъ переправы черезъ Боберъ, ибо мосты на сей рѣкѣ были сожжены непріятелемъ. Генералъ-Маіоръ Грековъ 8-й, съ казачьими полками, перешелъ рѣку въ бродъ и завязалъ дѣло съ непріятелемъ, отвлекая его вниманіе отъ мѣста настоящей переправы: тамъ 12-й и 22-й Егерскіе полки перешли рѣку по поясъ въ водѣ и быстро овладѣли лѣсомъ на лѣвомъ берегу; послѣ сего Рудзевичъ успѣлъ переправиться со всѣмъ авангардомъ и атаковалъ селеніе Зибенэйхенъ. Непріятель сопротивлялся упорно: селеніе три раза переходило изъ рукъ въ руки, и наконецъ, послѣ трехъ-часоваго, жестокаго боя, Русскіе егеря утвердились въ немъ. Конница Рудзевича, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Эммануеля, также перешедшая черезъ рѣку, выстроилась за лѣсомъ, опрокинула двѣ подходившія на помощь къ непріятелю колонны и преслѣдовала ихъ версты двѣ, при чемъ взято 300 человѣкъ въ плѣнъ. Всѣ усилія непріятеля сбить Рудзевича съ занятыхъ имъ высотъ были тщетны; егеря даже подвинулись впередъ, и дали средство конницѣ врубиться во Французскую колонну, прикрывавшую корпусный обозъ. Блистательная атака сія была исполнена 2-мъ Украинскимъ Казачьимъ полкомъ, подъ командою Полковника Князя Щербатова: 267 человѣкъ плѣнныхъ, весь обозъ и даже собственный экипажъ Маршала Макдональда достались побѣдителямъ. Такъ исполнилъ Рудзевичъ данное ему предписаніе, занявъ твердую позицію для прикрытія переправы и увѣнчавъ подвигъ свой пріобрѣтеніемъ трофеевъ. Успѣхъ сей былъ только началомъ другаго подвига, болѣе труднаго. Рудзевичъ получилъ извѣстіе, что сильныя непріятельскія колонны приближаются съ лѣваго крыла его, и хотя Генералъ Грековъ довольно долго удерживалъ ихъ, но въ три часа по полудни число непріятелей увеличилось, и Рудзевичъ былъ атакованъ съ обоихъ фланговъ. Рѣка отдѣляла его отъ главныхъ силъ корпуса Ланжерона; непріятели напирали съ удвоенною дерзостью, и уже заняли селеніе Зибенэйхенъ. Генералъ-Маіоръ Графъ Виттъ (въ послѣдствіи Генералъ отъ Кавалеріи), съ 1-мъ и 3-мъ Украинскими полками, не допускалъ ихъ нѣсколько времени выступить изъ селенія, и далъ время Рудзевичу отойдти съ позиціи въ совершенномъ порядкѣ и безъ потери на Шпербергскія высоты. Между тѣмъ Графъ Ланжеронъ, уже приславшій къ нему шедшіе впереди главной колонны полки Московскій и Либавскій, лично атаковалъ Зибенэйхенъ 22-ю дивизіею, Турчанинова. Непріятель, опасаясь приближенія всего Корпуса нашего, пересталъ тѣснить Руд-

зевича, который и удержался на Шпербергѣ до наступленія темноты, а въ 9-ть часовъ вечера перешелъ за рѣку, между Мерцдорфомъ и Диппельсдорфомъ. Пруссаки, бывшіе свидѣтелями боеваго отступленія и переправы Рудзевича, удивлялись распорядительности его и порядку, съ какими Русскіе произвели всѣ движенія и спустили пушки почти съ отвѣснаго берега. Августа 8-го, войска, составлявшія авангардъ Рудзевича, были смѣнены другими, а 9-го онъ снова перешелъ къ Цобтену. Блюхеръ намѣревался сдѣлать общее нападеніе на Французовъ, но въ то самое время Наполеонъ прибылъ къ своей арміи и направилъ большія силы противъ Блюхера, съ цѣлью овладѣть Гольдбергскою дорогою и разорвать центръ Силезской арміи. Блюхеръ уклонился отъ боя, приказавъ Рудзевичу прикрывать отступленіе арміи. Атакованный самимъ Наполеономъ, Рудзевичъ исполнилъ повелѣніе Блюхера, маневрируя противъ великаго полководца, какъ на учебномъ мѣстѣ. Наполеонъ, видя невозможность настигнуть Блюхера, когда между тѣмъ ему надобно было спѣшить къ Дрездену, угрожаемому главною арміею Союзниковъ, возложилъ на Маршала Макдональда, нѣкогда соперника Суворова, главное начальство надъ корпусами: его собственнымъ, Лористона и Нея, вмѣсто коего командовалъ Сугамъ. Въ Силезской арміи еще не знали объ отбытіи Наполеона къ Дрездену, съ гвардіею и другими войсками, и оставались въ томъ убѣжденіи, что онъ лично предводительствуетъ тутъ тремя стами тысячь войска. Желая усилить заблужденіе Союзниковъ, непріятель, съ 7-ми часовъ утра 11-го Августа, повелъ сильное нападеніе на Гольдбергъ, защищаемый Рудзевичемъ. Графъ Ланжеронъ отправилъ на подкрѣпленіе его 15-ю дивизію. Усиленный ею, Рудзевичъ, дѣйствовавшій до тѣхъ поръ оборонительно, атаковалъ Французовъ: три раза бралъ Вольфсбергскую высоту, и каждый разъ былъ вытѣсняемъ превосходными силами непріятеля. Неудача не обезохотила его: онъ атаковалъ высоту въ четвертый разъ, и въ пятомъ часу по полудни овладѣлъ ею. Блюхеръ приказалъ ему не преслѣдовать Французовъ и прекратить бой, послѣ чего началъ общее отступленіе, продолжавшееся 12 и 13-го Августа. Въ слѣдующій день, 14-го, узнавъ объ отъѣздѣ Наполеона изъ Силезіи въ Дрезденъ, Блюхеръ пошелъ съ главными силами впередъ, къ Кацбаху, оставивъ Графа Ланжерона дѣйствовать отдѣльно. Въ тотъ же день произошло Кацбахское сраженіе, въ коемъ Рудзевичъ бился отъ утра до вечера. Августа 15-го, на другой день Кацбахскаго сраженія, Рудзевичъ преслѣдовалъ непріятеля и занялъ Гольдбергъ, идучи дорогами, едва проходимыми отъ безпрерывныхъ дождей; 16-го дошелъ до Пильграмсдорфа, забравъ много плѣнныхъ и пушекъ, а 17-го встрѣтилъ дивизію Генерала Пюто, отрѣзанную отъ Макдональдовой арміи разлившимися рѣками. Видя себя стѣсненнымъ со всѣхъ сторонъ войсками Ланжерона, Пюто утвердился на высотахъ при Левенбергѣ и рѣшился защищаться до послѣдней крайности. Рудзевичъ занялъ противолежащія высоты Гиршберга и Вейнберга, господствовавшія мостомъ на Боберѣ, послалъ къ Князю Щербатову, прося подкрѣпленія, и открылъ по непріятелю пушечный огонь. Когда приблизились Князь Щербатовъ и слѣдовавшая за нимъ конница Барона Корфа, Рудзевичъ свернулъ пѣхоту свою въ колонны, и ударилъ на непріятеля; въ то же время атаковалъ его Князь Щербатовъ. Французы, смятые, сбитые отвсюду, бросались въ рѣку Боберъ, скрывались по берегамъ ея и на деревьяхъ. Дивизія Пюто, состоявшая первоначально изъ 11,000 человѣкъ, была разстроена до такой степени, что начальникъ ея сдался, со всѣми остальными, еще находившимися во фронтѣ войсками, въ числѣ 3500 человѣкъ, причемъ взято нами 16 пушекъ и 2 знамя.

Преслѣдованіе Макдональда продолжалось до 19-го Августа, когда Наполеонъ, возвратясь изъ Дрездена въ Силезію, устремился противъ Блюхеровой арміи. 22-го числа Рудзевичъ участвовалъ въ дѣлѣ подъ Гохкирхеномъ, и послѣдовалъ за арміею до Лихтенбергскихъ высотъ. Тутъ сильная болѣзнь, слѣдствіе безпрерывныхъ трудовъ въ переходахъ и сраже-

ніяхъ, при ужасной непогодѣ во всѣ предшествовавшіе дни, заставила Рудзевича сдать командованіе арріергардомъ Генералу Корнилову; 31-го числа, когда армія возобновила наступательныя дѣйствія, онъ снова явился къ своему мѣсту. Сентября 11-го, при селеніи Волькау, авангардъ Рудзевича былъ сильно атакованъ. Имѣя приказаніе не вступать въ дѣло до прибытія главнаго корпуса на позицію, Рудзевичъ медленно отступалъ, оспаривая у непріятеля каждый шагъ земли. Прошедши Шпительвицъ, онъ замѣтилъ, что многочисленные непріятельскіе стрѣлки выдвинулись впередъ слишкомъ далеко отъ своихъ резервовъ. Тотчасъ, по его приказанію, Генералы Эммануэль и Графъ Виттъ, съ авангардною конницею, кинулись на стрѣлковъ, обратили ихъ въ бѣгство и взяли въ плѣнъ 7 офицеровъ и 360 нижнихъ чиновъ Вестфальской гвардіи. Раздраженный сею неудачею, непріятельскій Генералъ двинулъ сильныя колонны въ подкрѣпленіе своего разстроеннаго авангарда. Рудзевичъ, имѣю цѣлью только удерживать непріятеля, медленно отступилъ на позицію, когда между тѣмъ уже прибылъ главный корпусъ. Подвиги Рудзевича со времени прекращенія перемирія обратили на себя вниманіе всей арміи. Императоръ Александръ наградилъ его чиномъ Генералъ-Лейтенанта, а Король Прусскій пожаловалъ ему орденъ Краснаго Орла 2-й степени, при лестномъ рескриптѣ.

Съ 13-го Сентября Французы начали общее отступленіе; и арріергардъ Рудзевича, сдѣлавшись опять авангардомъ Ланжеронова корпуса, 21-го Сентября переправился черезъ Эльбу, подъ Вартенбергомъ. 23-го, прибывъ въ Дюбенъ, онъ началъ устроивать переправу черезъ Мульду, когда непріятельская дивизія заняла противоположный берегъ и открыла по немъ огонь изъ двухъ батарей. Городокъ Дюбенъ загорѣлся. Рудзевичъ приказалъ тушить пожаръ и направилъ столь сильный огонь на непріятельскія батареи, что сбилъ ихъ, спѣша строеніемъ моста, длиною слишкомъ въ 40 саженъ. Вскорѣ мостъ былъ наведенъ. Въ слѣдующіе дни Рудзевичъ продолжалъ движеніе впередъ, соблюдая возможную осторожность, ибо въ Силезской арміи знали о выступленіи Наполеона изъ Дрездена, но не могли вдругъ угадать намѣреній его. Далеко посылая разъѣзды изъ авангарда, Рудзевичъ безпрерывно доставлялъ свѣдѣнія въ главную квартиру Блюхера, и ясности его взгляда обязаны были вѣрностью и точностью движеній Силезской арміи. Октября 3-го онъ первый постигъ замыслъ Наполеона сосредоточить силы свои у Лейпцига и произвести нападеніе на Блюхера. Октября 4-го, при сближеніи союзныхъ войскъ къ Лейпцигу, Рудзевичъ принималъ дѣятельное участіе въ сраженіи при Клейнъ и Гроссъ Видеричѣ. Всѣ войска авангарда его были въ сильномъ огнѣ. Слѣдующій за тѣмъ день прошелъ въ совѣщаніяхъ Императора Александра съ союзными Монархами и первенствующими Генералами. Октября 6-го, въ день громадной Лейпцигской битвы, идучи поутру въ головѣ корпуса Графа Ланжерона къ Таухѣ, Рудзевичъ получилъ лично отъ Блюхера приказаніе овладѣть селеніемъ Мокау, занятымъ Французами, и устроить тамъ переправу черезъ рѣку Парту, на противоположномъ берегу коей стояли непріятели, стрѣляя изъ 16-ти орудій. Рудзевичъ открылъ батареи, и подъ огнемъ ихъ 7-й, 12-й, 22-й и 30-й Егерскіе полки перешли Парту въ бродъ, выбили Французовъ изъ Мокау, ударили въ штыки, и опрокинули непріятеля съ высотъ, куда отступилъ онъ, потерявъ селеніе. Конница авангарда слѣдовала за пѣхотою къ селенію Шенфельду, гдѣ Корпусъ Ланжерона присоединился къ арміи Шведскаго Наслѣднаго Принца. Упорное и жестокое сраженіе при взятіи Шенфельда описано нами въ біографіи Графа Ланжерона. Здѣсь прибавимъ только, что войска, составлявшія авангардъ Рудзевича, были въ самомъ жестокомъ огнѣ девять часовъ сряду, и покрыли себя славою. Въ слѣдующій день Корпусъ Ланжерона, перешедшій на правый берегъ Парты, послѣ самаго блестящаго сраженія, взялъ приступомъ Галльское предмѣстіе и защищавшія его укрѣпленія, и передовыя войска его прежде всѣхъ другихъ достигли моста на Эльстерѣ, что имѣло слѣдствіемъ окончательное разстройство Французскихъ войскъ. Одинъ изъ главныхъ участниковъ сихъ дѣй-

ствій, Рудзевичъ былъ награжденъ за Лейпцигскую битву орденами Св. Александра Невскаго и Шведскаго Меча 2-й степени. Преслѣдуя Французовъ отъ Лейпцига къ Рейну, Рудзевичъ захватилъ множество зарядныхъ ящиковъ, пушекъ и больше 4000 плѣнныхъ.

Послѣ Лейпцигскаго сраженія, Силезская армія была назначена для обложенія крѣпостей Касселя и Майнца. Рудзевичъ, принявшій начальство надъ 10-мъ пѣхотнымъ Корпусомъ, вмѣсто Капцевича, тяжело оконтуженнаго подъ Лейпцигомъ, обложилъ Кассель. До 22-го Января продолжалъ онъ блокаду, и по прибытіи Германскихъ войскъ, подъ начальствомъ Принца Саксенъ-Кобургскаго, сдалъ имъ блокаду, а самъ, съ 22-ю пѣхотною дивизіею, переправился черезъ Рейнъ, при Оппенгеймѣ. Февраля 7-го онъ присоединился къ Силезской арміи, расположенной близъ Шалона, и потомъ успѣшно прикрывалъ ея отступленіе черезъ рѣку Уркъ. 20-го Февраля, когда вся Силезская армія прошла черезъ Суассонъ, Рудзевичу была ввѣрена защита сего города. На разсвѣтѣ 21-го, разъѣзды извѣстили его о приближеніи сильныхъ непріятельскихъ колоннъ: то были корпуса Маршаловъ Мармона и Мортье, имѣвшіе приказаніе овладѣть Суассономъ. Не смотря на превосходство непріятельскихъ силъ, долженствовавшихъ атаковать его, Рудзевичъ съ непоколебимою твердостью приготовился къ оборонѣ: поставилъ главный резервъ позади домовъ, въ ближайшихъ къ городу частяхъ предмѣстія; второй резервъ на валу, окружающемъ Суассонъ; стрѣлковъ на краю предмѣстія; артиллерію размѣстилъ въ приличныхъ мѣстахъ; одну часть конницы оставилъ въ городѣ, для сохраненія порядка, а остальную расположилъ по обѣимъ сторонамъ Суассона, для извѣщенія о непріятелѣ и для наблюденія дорогъ изъ Брена и Компьена. Каждому отряду далъ онъ проводниковъ на случай отступленія; для раненыхъ очистилъ домъ префектуры, и собралъ тамъ всѣ врачебныя пособія. Окончивъ приготовленія, Рудзевичъ объѣхалъ войска и говорилъ имъ объ обязанности къ Государю, о чести и славѣ Русскаго оружія. Войска радостно привѣтствовали доблестнаго вождя. Въ семь часовъ утра Мортье и Мармонъ атаковали предмѣстіе Суассона, но были отбиты; второе покушеніе ихъ также было безуспѣшно. При началѣ сраженія, Рудзевичъ являлся среди войскъ и ободрялъ ихъ къ упорной защитѣ. Въ предмѣстіи Французы разломали кровли на занятыхъ ими домахъ, втащили туда пушки и стрѣляли въ Русскихъ, стоявшихъ на валу, когда внизу, менѣе чѣмъ на пистолетный выстрѣлъ, кипѣлъ батальный огонь. Бой продолжался до поздняго вечера, и хотя Маршалы были вдвое сильнѣе Рудзевича, но не могли оттѣснить его ни на одинъ шагъ. Въ десять часовъ огонь прекратился, и Французы отступили къ концу предмѣстія. Русскіе потеряли 1500 человѣкъ, но удержали Суассонъ. Начальникъ Рудзевича, Графъ Ланжеронъ, прибывшій наканунѣ въ Суассонъ, не только одобрилъ всѣ его распоряженія, но и вызвался быть помощникомъ его, и никогда не переставалъ превозносить прекраснаго его подвига: черта, достойная быть сохраненною въ Исторіи. Императоръ Александръ наградилъ Рудзевича за оборону Суассона и за дѣла 17-го и 19-го Февраля Высочайшимъ благоволеніемъ. Февраля 23-го, по приказанію Блюхера, Рудзевичъ оставилъ Суассонъ и присоединился къ Силезской арміи, а 4-го Марта принялъ начальство надъ прибывшимъ изъ Реймса 8-мъ пѣхотнымъ корпусомъ; командиръ коего, Графъ Сенъ-Пріестъ, былъ незадолго передъ тѣмъ смертельно раненъ. При семъ случаѣ не пропустимъ отзыва, сдѣланнаго о Рудзевичѣ маститымъ полководцемъ Пруссіи, Блюхеромъ. Въ то время, когда онъ шелъ изъ Суассона, Графъ Ланжеронъ почиталъ его погибшимъ, полагая, что Французы отрѣжутъ ему отступленіе. Блюхеръ предложилъ Ланжерону закладъ, говоря что за Рудзевича опасаться нечего. Предчувствіе его сбылось: Рудзевичъ нашелъ возможность, усиленными маршами, ускользнуть отъ непріятеля, и безъ малѣйшей потери прибылъ въ Лаонъ.

Еще одинъ день высокой славы ожидалъ Рудзевича. Въ битвѣ подъ Парижемъ, Марта 18-го, ему было приказано взять Монмартръ, во что бы то ни стало. Преодолѣвъ всѣ препят-

ствія на пути къ Монмартру, въ исходѣ четвертаго часа по полудни, Рудзевичъ построилъ войска въ колонны къ атакѣ, на дорогѣ изъ Сенъ-Дени въ Булонскій лѣсъ. Въ 10-ти полкахъ его корпуса считалось подъ ружьемъ 8000 человѣкъ. Не надѣясь выдти живымъ изъ дѣла, онъ подозвалъ къ себѣ любимца своего Дежурнаго Штабъ-Офицера Подполковника Храповицкаго (нынѣ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Членъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ), передалъ ему свою послѣднюю волю, въ отношеніи къ семейству, простился съ нимъ, сталъ между 1-ю и 2-ю колоннами и далъ сигналъ къ приступу. Барабаны загремѣли походъ и колонны двинулись бѣглымъ шагомъ, оглашая воздухъ ревущимъ, грознымъ ура! Въ то же время гранаты и ядра посыпались на защитниковъ Монмартра. Невыразимо было дѣйствіе, произведенное во Французахъ рѣшительнымъ движеніемъ Рудзевича. Они заколебались и быстро стали подыматься на гору. Русскіе съ удивительнымъ порядкомъ и безпримѣрнымъ мужествомъ взбирались за ними и шли на смерть. Графъ Ланжеронъ увѣрялъ, что въ теченіе многолѣтней боевой своей службы и девятнадцати сдѣланныхъ имъ походовъ, онъ не видалъ ничего подобнаго, за исключеніемъ Измаильскаго приступа. Солдаты рвались на Монмартъ другъ передъ другомъ; при перемѣнѣ раненыхъ стрѣлковъ надобно было властію удерживать порывавшихся на мѣста ихъ. Атака была столь стремительна, что Французы успѣли выстрѣлить только два раза картечью и вырвали у насъ нѣсколько десятковъ храбрыхъ. Нижняя батарея тотчасъ была схвачена. Видя ее во власти Русскихъ, непріятель сдѣлалъ послѣдній выстрѣлъ изъ всѣхъ орудій верхней батареи. Огонь артиллеріи и ружейная пальба изъ домовъ и укрѣпленій не поколебали наступавшихъ: ровно въ десять минутъ всѣ укрѣпленія и батареи были взяты приступомъ. Изъ тридцати пушекъ отбито двадцать девять; сверхъ того взято 60 зарядныхъ ящиковъ и 150 плѣнныхъ. Всѣ прочіе Французы, устрашенные грознымъ наступленіемъ Русскихъ, безъ порядка побѣжали въ Парижъ, преслѣдуемые стрѣлками, которыхъ однакожъ Рудзевичъ остановилъ, потому что Императоръ Александръ строжайше запретилъ корпуснымъ командирамъ дозволять солдатамъ нашимъ входить въ Парижъ. Рудзевичъ потерялъ на приступѣ Монмартра 216 убитыхъ и раненыхъ. Едва былъ совершенъ подвигъ, непріятели дали знать Графу Ланжерону о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Восхищенный, Графъ обнялъ Рудзевича въ виду войскъ. Императоръ Александръ велѣлъ тотчасъ поздравить его кавалеромъ ордена Георгія 2-го класса. Прусскій Король прислалъ ему орденъ Краснаго Орла 1-й степени. Такъ судьба предоставила Рудзевичу нанести въ войнѣ 1814 года послѣдній ударъ Наполеону.

Черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ покоренія Александромъ Парижа, Рудзевичъ выступилъ изъ предѣловъ Франціи, и по прибытіи въ Россію, при новомъ росписаніи войскъ, получилъ въ командованіе 13-ю Пѣхотную дивизію, въ корпусѣ Генерала Ермолова, принадлежавшемъ къ Южной Арміи, Беннигсена. Съ 26-го Октября 1814-го года до 1-го Января 1816-го, Рудзевичъ исправлялъ должность Херсонскаго Военнаго Губернатора, за отсутствіемъ Герцога Ришелье. Въ то же время онъ командовалъ послѣ Ермолова корпусомъ его, названнымъ 6-мъ, а 9-го Мая 1816-го года былъ назначенъ Начальникомъ Главнаго Штаба 2-й Арміи. Въ семъ званіи, за содѣйствіе отличному состоянію арміи, онъ удостоился, въ 1818-мъ году, во время смотра Императоромъ Александромъ войскъ, получить два Высочайшія благоволенія. Въ 1819-мъ году, 22-го Февраля, онъ былъ назначенъ командиромъ 7-го Пѣхотнаго корпуса, и за превосходное, во всѣхъ отношеніяхъ, состояніе сего корпуса, ему было объявляемо, нѣсколько разъ Высочайшее благоволеніе. Кромѣ того Императоръ Александръ пожаловалъ ему, въ 1816 году, аренду на 12 лѣтъ, повелѣвъ потомъ продолжить ее еще на такой же срокъ. Особенно былъ Государь доволенъ маневрами, произведенными въ Его присутствіи 7-мъ корпусомъ, въ 1823-мъ году, 23-го Октября. Изъявивъ въ лестныхъ выраженіяхъ благоволеніе Свое Рудзевичу, Монархъ, вскорѣ за-

тѣмъ, пожаловалъ супругу его Кавалерственною дамою ордена Св. Екатерины меньшаго креста. Монаршія милости къ Рудзевичу продолжались и при Императорѣ Николаѣ, наградившемъ его, въ день Своего Коронованія, 22-го Августа 1826 года, чиномъ Генерала отъ Инфантеріи. Въ томъ же году, Ноября 8-го, Рудзевичъ былъ назначенъ Командиромъ 3-го Пѣхотнаго корпуса, принадлежавшаго къ 1-й Арміи, Фельдмаршала Сакена, и въ 1827-мъ вновь удостоился Монаршаго благоволенія.

Въ началѣ 1828-го года, передъ открытіемъ войны съ Турціею, 3-й Пѣхотный Корпусъ вошелъ въ составъ 2-й Арміи, и Рудзевичу приказано было спѣшить съ нимъ къ Дунаю, переправиться черезъ сію рѣку и обратиться къ крѣпостямъ Тульчѣ, Исакчѣ, Мачину, занявъ въ то же время Бабадагъ, и посылая разъѣзды до Троянова Вала. Въ Маѣ мѣсяцѣ, находившіяся подъ начальствомъ Рудзевича войска сосредоточились близъ Измаила. Они состояли изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, Генераловъ: Засса, Ушакова, Бартоломея и Свѣчина, 3-й гусарской дивизіи Генералъ-Лейтенанта Ридигера, 11-ти пѣшихъ и двухъ конныхъ ротъ артиллеріи, двухъ піонерныхъ батальоновъ и двухъ тысячь казаковъ, всего 35,000 человѣкъ пѣхоты и до 5000 конницы. По приближеніи къ Дунаю, около Сатунова, гдѣ назначено было Рудзевичу произвести переправу, нашли, что противоположный берегъ занятъ Турками. Мая 27-го, въ 4 часа утра, войска Рудзевича, одушевляемыя присутствіемъ Государя Императора Николая Павловича, двинулись къ Дунайскому берегу, по длиннымъ гатямъ, устроеннымъ черезъ протоки и посреди камышей. Подъ прикрытіемъ огня съ флотилии и береговой батареи, предварительно устроенной на лѣвомъ берегу, бригада Егерей начала переправляться на судахъ, и не взирая на сильную пальбу непріятелей, три роты 17-го Егерскаго полка, Полковника Лаппы, первыя ступили на оспариваемый берегъ. Выскочивъ изъ лодокъ, по поясъ въ водѣ, люди шли около версты болотомъ, держа ружья и сумы надъ головою. Достигнувъ луга, они тотчасъ начали строиться, и мужественно удержавъ стремительную атаку Турецкой конницы, дали время выстроиться тремъ шедшимъ за ними батальонамъ. Переправа совершилась еще и въ другомъ, болѣе удобномъ мѣстѣ, подъ распоряженіемъ Генералъ-Адъютанта Киселева. Охотники бросились впередъ. Турки взорвали пороховой погребъ, когда наши ворвались въ первый редутъ сквозь амбразуры, но егеря овладѣли батареею и устремились впередъ, захватывая одно укрѣпленіе за другимъ. Рудзевичъ переправился съ 8-ю дивизіею и окончательно выбилъ Турковъ изъ лагерей на возвышеніяхъ: они бѣжали къ Исакчѣ и Тульчѣ. Такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ, днемъ, совершена была достопамятная переправа, не смотря на упорное сопротивленіе непріятеля. Рудзевичъ, съ 5-ю батальонами пѣхоты, 6-ю орудіями и сотнею казаковъ, немедленно двинулся къ Исакчѣ и обложилъ ее: 30-го Мая крѣпость сія сдалась оружію Николая. Въ ней найдено 18 знаменъ, 75 орудій, множество боевыхъ снарядовъ и зерноваго хлѣба. Въ тотъ же день былъ готовъ мостъ на Дунаѣ, и остальныя войска Рудзевича переправились на правый берегъ. Іюня 1-го авангардъ его, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Ридигера, занялъ Бабадагъ, а 4-го обложилъ Кюстенджи; часть войскъ была послана противъ Мачина, Тульчи и Гирсова, а главныя силы Рудзевича, при коихъ находился Государь Императоръ, выступили, Іюня 3-го, изъ лагеря при Бабадагѣ, къ Карасу. Въ продолженіе Іюня взяты были крѣпости Мачинъ, Гирсово, Кюстенджи и Тульча. Авангардъ Ридигера, взявъ Кюстенджи, двинулся, 24-го числа, къ Базарджику, и соединившись съ отрядами Свѣчина и Кирсанова, занялъ сію крѣпость, откуда Турки отступили къ Праводамъ, послѣ сильнаго сопротивленія. Іюня 28-го прибылъ въ Базарджикъ и Рудзевичъ, съ главною квартирою. Походъ дѣлался чрезвычайно тягостнымъ отъ нестерпимыхъ жаровъ и недостатка въ водѣ, но войска мужественно шли впередъ, и авангардъ Ридигера занялъ Козлуджи. Іюля 5-го пришелъ туда Рудзевичъ; на другой день онъ выступилъ къ Шумлѣ, и лежа на плечахъ непріятеля, занялъ Енибазаръ; 8-го числа вся армія начала сближаться къ Шумлѣ.

Три бригады 9-й пѣхотной дивизіи, съ артиллеріею, составляли авангардъ, подъ начальствомъ Рудзевича; за нимъ шли другія войска. Непріятель занималъ крѣпкую позицію въ четырехъ верстахъ отъ Шумлы, выстроенный въ боевомъ порядкѣ, какого прежде Турки не знали. Рудзевичъ перешелъ черезъ рѣку Буланлыкъ, по двумъ мостамъ, хотя присутствіе непріятеля, крутые берега и тинистая почва мѣшали его движенію. Едва передовыя наши войска остановились на другомъ берегу, для прикрытія переправы прочихъ, Турецкіе наѣздники напали на нихъ. Одинъ отчаянный подскакалъ къ самому Рудзевичу, который, распоряжаясь переходомъ войска, стоялъ подлѣ пѣхотнаго батальона. Наѣздникъ выстрѣлилъ въ него изъ четырехъ пистолетовъ и изъ ружья, но, къ счастію, всѣ пять разъ далъ промахъ. Такъ посреди опасностей войны охраняла судьба жизнь Рудзевича, предопредѣливъ ему кончину въ нѣдрахъ семейства, въ тишинѣ и мирѣ. Черезъ нѣсколько минутъ потомъ, первая линія уже шла на непріятельскую позицію; и Турки, оказавъ сначала сопротивленіе отчаянное, обратились въ бѣгство. Главнокомандующій Гуссейнъ-Паша, стараясь возстановить бой, воткнулъ въ землю нѣсколько знаменъ и свои бунчуги, и тѣмъ заставилъ бѣгущихъ остановиться. Они столпились вокругъ знаменъ и обратили противъ насъ огонь. Рудзевичъ приказалъ бросить нѣсколько гранатъ въ толпу, и тѣмъ окончательно обратилъ ее въ бѣгство. Вечеромъ того же дня заложили редутъ № 1-й, названный редутомъ Рудзевича. До 16-го Іюля построено было еще нѣсколько редутовъ, и 16-го числа войска наши заняли возвышеніе у самой крѣпости. За всѣ сіи дѣйствія Рудзевичу были пожалованы алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго.

Главное назначеніе собранныхъ вокругъ Шумлы Русскихъ войскъ состояло въ удержаніи Турецкой арміи въ бездѣйствіи и въ отнятіи у нея средствъ посылать подкрѣпленія къ Варнѣ и Силистріи. Корпусъ Рудзевича и часть войскъ 7-го Корпуса охраняли редуты; остальныя войска подвинулись къ Чифлику. Августа 14-го, ночью, Турки атаковали оба фланга нашей позиціи, тѣмъ неожиданнѣе для насъ, что они почти никогда не вступаютъ въ дѣло ночью. При шумѣ сильнаго вѣтра, Турки незамѣтно подошли къ редуту № 5-го, находившемуся очень близко отъ крѣпости, напали на него и истребили малочисленныхъ его защитниковъ, прежде, нежели подоспѣла къ нашимъ помощь. Турки выкатили изъ редута шесть орудій и начали стрѣлять изъ нихъ вдоль линіи Русскихъ войскъ. Конница ихъ, съ 8-ю орудіями и регулярною пѣхотою, напала на слѣдующій редутъ; въ то же время другой конный отрядъ обходилъ наше лѣвое крыло. Турковъ отбили повсюду, но редутъ № 5-го удерживали они съ ожесточеніемъ. Нѣсколько разъ Рудзевичъ водилъ въ атаку часть 15 и 16-го Егерскихъ и Тамбовскаго Пѣхотнаго полковъ, и только по прибытіи конно-артиллерійской батареи непріятель былъ вытѣсненъ изъ оспариваемаго редута. Спустя нѣсколько времени, часть нашихъ войскъ отдѣлилась отъ Шумлы, и корпусъ Рудзевича одинъ охранялъ тамъ редуты, успѣшно отражая нападенія на нихъ. По взятіи Варны, когда не было болѣе надобности наблюдать неприступную Шумлу, и наступавшее позднее осеннее время не позволяло предпринимать дальнѣйшихъ дѣйствій, корпусу Рудзевича приказано было идти къ Силистріи и прикрывать ее со стороны Шумлы. Октября 2-го выступилъ онъ къ мѣсту своего назначенія, наблюдаемый небольшимъ Турецкимъ отрядомъ. Проливные дожди развели чрезмѣрную грязь, содѣлывая переходы весьма затруднительными. Однажды Рудзевичу надлежало подниматься изъ долины на крутую гору. Лошади были такъ изнурены, что солдаты на себѣ вывозили орудія и полковые обозы. Турки показались въ значительныхъ силахъ и напали на остававшихся въ долинѣ. Рудзевичъ увидѣлъ опасность промедленія въ долинѣ. Онъ велѣлъ раздать людямъ все, что можно было нести, истребилъ часть обозовъ, не вывезенныхъ изъ долины, и въ порядкѣ продолжалъ движеніе. Отъ Силистріи выслали къ нему нѣсколько лошадей подъ артиллерію, и онъ скоро прибылъ къ сей крѣпости. Переправясь на лѣвый берегъ Дуная, Рудзевичъ расположилъ корпусъ свой на зимнія

квартиры въ Валахіи. Горестное извѣстіе о смерти сына, умершаго отъ раны, полученной при осадѣ Варны, нанесло тяжкій ударъ уже разстроенному здоровью его. Страдая одышкою, онъ просилъ увольненія на шесть мѣсяцовъ, для излеченія болѣзни, но не дожилъ до полученія отпуска. Марта 22-го состоялся Высочайшій приказъ объ отпускѣ его, а 23-го Рудзевича не стало. Онъ скончался скоропостижно, отъ паралича, бывъ еще довольно бодрымъ за полчаса до смерти. Тѣло Рудзевича перевезли въ родовое его имѣніе, близъ Карасубазара. Во время слѣдованія черезъ Одессу, гробъ стоялъ нѣсколько времени въ тамошней соборной церкви, на катафалкѣ. Когда вынесли его изъ церкви, множество военныхъ, чиновниковъ и народа провожали его за заставу. Печально шелъ за гробомъ Графъ Ланжеронъ, ближайшій свидѣтель безчисленныхъ военныхъ подвиговъ Рудзевича, отъ Березинской переправы до покоренія Монмартра. Императоръ Николай Павловичъ удостоилъ вдову Рудзевича слѣдующимъ рескриптомъ: «Марѳа Евстафіевна! Съ душевнымъ соболѣзнованіемъ получилъ Я извѣстіе «о кончинѣ достойнаго супруга вашего. Ревностное и знаменитое служеніе его на полѣ «чести, отличныя дарованія, его украшавшія, «важныя услуги, оказанныя имъ и въ продолженіе настоящей войны, содѣлываютъ потерю «его столь же для Меня чувствительною, сколь «она должна быть горестна его семейству. Принимая живѣйшее участіе въ скорби вашей и «искренно оную раздѣляя, Мнѣ остается изъявить вамъ надежду Мою, что вы съ смиреніемъ Христіанскимъ перенесете постигшее «васъ несчастіе, и въ обѣтованіяхъ святой нашей Вѣры обрѣтете утѣшеніе въ справедливой «горести вашей. Въ полной признательности къ «заслугамъ покойнаго вашего супруга, Я повелѣлъ производить вамъ все то содержаніе, коимъ «онъ пользовался».

Супруга Рудзевича была дочь Статскаго Совѣтника Нотары; они имѣли четырехъ сыновей и шесть дочерей. Старшій сынъ, Яковъ, въ послѣднюю Турецкую войну, былъ при осадѣ Варны съ охотниками Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка, въ коемъ служилъ Прапорщикомъ, и на приступѣ получилъ тяжелую рану, скоро сведшую его въ могилу; второй сынъ, Николай, служитъ въ Корпусѣ Жандармовъ Полковникомъ; остальные двое, Александръ и Михаилъ, въ отставкѣ. Изъ дочерей, старшая, Елисавета Александровна, въ замужствѣ за Генералъ-Маіоромъ Савастьяновымъ, а вторая, Марія Александровна, Фрейлиной Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Братъ Александра Яковлевича, Константинъ, въ молодыхъ лѣтахъ закололъ себя кинжаломъ, получивъ отказъ въ рукѣ одной дѣвицы, страстно имъ любимой. Восточная кровь кипѣла въ его жилахъ! Сестры Рудзевича были Фрейлинами и потомъ вышли за мужъ: Екатерина за Михаила Степановича Ладыгина, а Елисавета за Андрея Ильича Шостака.

Александръ Яковлевичъ Рудзевичъ былъ высокъ ростомъ, прекрасенъ собою, строенъ, тѣлосложенія самаго крѣпкаго. Одаренный отъ природы обширнымъ, проницательнымъ умомъ, и получивъ превосходное воспитаніе, онъ употребилъ всѣ свои высокія способности на изученіе военнаго искуства, страстно имъ любимаго. На войнѣ онъ являлся начальникомъ самымъ распорядительнымъ и неустрашимымъ. Въ сраженіяхъ надобно было удивляться его хладнокровію, смѣтливости, вѣрному взгляду на дѣла. Съ перваго офицерскаго чина обративъ на себя особенное вниманіе своихъ начальниковъ, въ молодости бывъ исполнителемъ важныхъ порученій, въ лѣтахъ мужества совершивъ безчисленный рядъ подвиговъ, Рудзевичъ принадлежалъ къ числу знаменитыхъ Генераловъ. Его воинскія дарованія и пріобрѣтенная имъ въ многочисленныхъ походахъ опытность ставили его въ число избранныхъ, могущихъ предводить арміею.

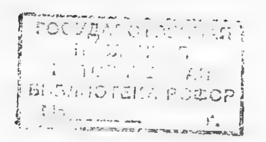

Генералъ-Маіоръ

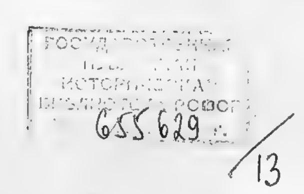
Тимофей Ивановичъ

СВІЕВСКІЙ.

Т. И. ЗБІЕВСКІЙ.

Тимофей Ивановичъ Збіевскій, Генералъ-Маіоръ, орденовъ Св. Георгія 3-го класса, Св. Анны 2-й степени, съ алмазными украшеніями, и Св. Владиміра 4-й степени кавалеръ, имѣвшій золотую шпагу, съ надписью: «За храбрость», золотой знакъ за взятіе Измаила и серебряную медаль въ память 1812 года, сынъ бѣднаго Польскаго шляхтича, родился въ 1767 году. Безъ состоянія и покровителей, онъ не получилъ никакого образованія. По второму раздѣлу Польши сдѣлавшись Русскимъ подданнымъ, онъ рѣшился стать въ ряды Русской арміи. Въ 1783 году его приняли въ Екатеринославскій Егерскій Корпусъ, рядовымъ, и въ томъ же году произвели въ Каптенармусы. Въ Августѣ 1787 года, при разрывѣ съ Оттоманскою Портою, Екатеринославскіе Егеря вошли въ составъ ввѣренной Потемкину Екатеринославской арміи, но не имѣли случаевъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Весною слѣдующаго года, часть Екатеринославскаго Корпуса поступила на гребную флотилію, назначенную дѣйствовать во время осады Очакова, на Днѣпровскомъ Лиманѣ, подъ начальствомъ Принца Нассау-Зигена. Збіевскій поступилъ на сію флотилію, ознаменовавшую себя блистательными дѣйствіями. Въ четырехъ сраженіяхъ, происходившихъ 7-го, 17-го и 18-го Іюня и 1-го Іюля, у Турковъ было сожжено и потоплено семь кораблей, въ томъ числѣ корабль Капитана-Паши, четыре фрегата и четырнадцать мелкихъ судовъ; одинъ корабль, одна галера, двѣ канонирскія лодки и два транспорта взяты Русскими почти безъ поврежденій. Збіевскій участвовалъ во всѣхъ сихъ дѣлахъ, равно и въ послѣдующихъ, происходившихъ въ продолженіе осады Очакова, до Ноября мѣсяца, когда морозы заставили Потемкина отправить флотилію на зимовку въ устья Днѣпра. Въ 1789 году, громкомъ Рымникскою побѣдою, Екатеринославскій Егерскій Корпусъ дѣйствовалъ на сухомъ пути, и Збіевскій находился съ нимъ при занятіи Каушанъ, Акермана и Бендеръ. Въ Іюлѣ 1790-го онъ былъ переведенъ въ Днѣпровскій Приморскій Гренадерскій полкъ; въ томъ же году, Октября 1-го, произведенъ въ Адъютанты и поступилъ

на гребную флотилію де-Рибаса, назначенную содѣйствовать войскамъ, обложившимъ Измаилъ. Збіевскій былъ съ де-Рибасомъ въ дѣлѣ противъ Турецкаго отряда, защищавшаго входъ въ Сулинское гирло Дуная, а потомъ при взятіи крѣпостей Тульчи и Исакчи. Декабря 11-го, на Измаильскомъ приступѣ, онъ былъ въ числѣ первыхъ, взошедшихъ на непріятельскій валъ, и по представленію Суворова, произведенъ въ Поручики. Кромѣ того онъ получилъ золотой знакъ, на Георгіевской лентѣ, установленный для тѣхъ изъ бывшихъ на Измаильскомъ приступѣ офицеровъ, подвиги которыхъ, хотя и отличные, не подходили подъ статутъ ордена Св. Георгія. Въ 1791-мъ году Збіевскій былъ съ Княземъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ подъ Браиловымъ, при взятіи батарей на островѣ Канцефанѣ, и съ Михаиломъ Ларіоновичемъ Кутузовымъ въ успѣшномъ поискѣ подъ Бабадагомъ. Симъ заключилъ онъ участіе свое во второй войнѣ Императрицы Екатерины II съ Турціею. Послѣ Ясскаго мира, въ 1793 году, онъ былъ переведенъ въ новоучрежденный Легко-Гренадерскій батальонъ, по положенію долженствовавшій состоять изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ испытанной храбрости. Въ 1796, по упраздненіи сего батальона, Збіевскаго перевели въ Таврическій Гренадерскій полкъ, а въ Апрѣлѣ 1797, по представленію Инспекторской Экспедиціи Военной Коллегіи, выключили изъ списковъ, за нахожденіе въ командировкѣ, безъ Высочайшаго разрѣшенія. Командировка послѣдовала согласно распоряженію начальства, и потому Збіевскій былъ оправданъ. Его опредѣлили опять въ службу, во Владимірскій Мушкетерскій полкъ, и вскорѣ произвели въ Капитаны, въ 1798 въ Маіоры, а въ 1800 въ Подполковники. Въ 1804 назначенный Командиромъ Владимірскаго полка, Збіевскій поступилъ съ нимъ, въ 1805 году, въ армію Кутузова, и былъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, Ноября 20-го. Въ сей гибельный для насъ день онъ находился въ колоннѣ Дохтурова. На долю ея досталась не только борьба съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, но и борьба съ стихіями. При отступленіи своемъ, Дохтуровъ долженъ былъ проходить по мосту на Сачанскомъ озерѣ. Мостъ обрушился. Войско кинулось къ замерзшему озеру, но ледъ проломился. Осыпаемые Французскими ядрами и картечами, наши опускались въ студеную воду озера, но не помышляли о сдачѣ, стараясь только спасать орудія и знамена. Въ числѣ достойнѣйшихъ помощниковъ своихъ при столь ужасномъ отступленіи, Дохтуровъ наименовалъ Збіевскаго, и Императоръ Александръ пожаловалъ ему орденъ Св. Георгія 4-го класса. По возвращеніи арміи изъ-подъ Аустерлица, въ Мартѣ 1806 года, его произвели въ Полковники. Черезъ девять мѣсяцовъ потомъ, во второй войнѣ Императора Александра съ Наполеономъ, Збіевскій обратилъ на себя вниманіе всей арміи, а Владимірскій полкъ, имъ предводимый, покрылъ себя славою. Въ сраженіяхъ Збіевскій рѣдко занимался перестрѣлкою съ непріятелемъ, но дѣйствовалъ штыками и прикладами. Воодушевляемый имъ Владимірскій полкъ дѣлалъ чудеса храбрости. Тогдашнихъ подвиговъ его есть еще свидѣтели. Походъ 1807 года доставилъ Збіевскому слѣдующія награды: за Голиминъ — орденъ Св. Владиміра 4-й степени, съ бантомъ, за Прейсишъ-Эйлау — Св. Анны 2-го класса, за Гутштатъ — золотую шпагу, съ надписью: «За храбрость». Въ послѣднемъ изъ сихъ сраженій Збіевскій былъ оконтуженъ въ лѣвый бокъ.

Послѣ Тильзитскаго мира, Збіевскій стоялъ съ полкомъ своимъ два года на западной границѣ Россіи. Въ Сентябрѣ 1809 года былъ онъ назначенъ Шефомъ Мингрельскаго Мушкетерскаго полка, находившагося въ Молдавской арміи, Князя Багратіона. Поступивъ въ Корпусъ Петра Кириловича Эссена, онъ участвовалъ въ осадѣ и покореніи Браилова, послѣ чего было возложено на него сопровожденіе Браиловскаго гарнизона до Калараша. Въ 1810 году, Графъ Николай Михайловичъ Каменскій смѣнилъ Князя Багратіона въ предводительствованіи арміею. Збіевскій былъ въ колоннѣ Графа Ланжерона, подъ Силистріею, и по взятіи сей крѣпости, Мая 31-го, награжденъ алмазными украшеніями ордена Св. Анны 2-го класса. На него снова

возложено было конвоированіе Силистрійскаго гарнизона до Шумлы. Исполнивъ порученіе, онъ присоединился къ Графу Ланжерону, уже стоявшему близъ Шумлы, на правомъ крылѣ нашемъ, у Дерекіой, съ двумя полками Мушкетерскими, однимъ Егерскимъ, двумя Драгунскими и двумя Казачьими. Поутру, 8-го Іюля, находившійся въ Шумлѣ Паша, славный въ Турецкой арміи отраженіемъ Фельдмаршала Князя Прозоровскаго отъ Браилова, Ахметъ-Бей, потѣснилъ казачью цѣпь Графа Ланжерона, взошелъ на занимаемую ею высоту и началъ готовиться къ нападенію. Ланжеронъ двинулся на встрѣчу Ахметъ-Бею, съ Мингрельскимъ Мушкетерскимъ, Збіевскаго, и Смоленскимъ Драгунскимъ полками, и 4-мя конными орудіями. Два полка слѣдовали въ резервѣ, а одинъ, 14-й Егерскій, былъ оставленъ на лагерномъ мѣстѣ. При первомъ нападеніи наши сбили Турковъ. Получа подкрѣпленіе, Ахметъ-Бей двинулся влѣво, противъ нашего лагернаго мѣста. Графъ Ланжеронъ отступилъ туда же, и поставилъ пѣхоту кареями, у Дерекіой, а конницу расположилъ во второй линіи и на лѣвомъ крылѣ. Вскорѣ онъ былъ усиленъ еще тремя полками, присланными изъ главнаго корпуса. Совершивъ движеніе влѣво, Турки стремительно, густыми толпами, бросились на карея 14-го Егерскаго и Мингрельскаго полковъ, но были отбиты. Появленіе свѣжихъ войскъ, шедшихъ къ Ланжерону, обезохотило Ахметъ-Бея возобновлять нападеніе, и Турки отступили, преслѣдуемые нашею конницею. Въ семъ жаркомъ дѣлѣ особенно отличились полки Мингрельскій Мушкетерскій и 14-й Егерскій. По ходатайству Каменскаго, Императоръ Александръ произвелъ Збіевскаго въ Генералъ-Маіоры.

Въ первыхъ числахъ Августа Збіевскій пошелъ съ войсками Графа Ланжерона подъ Рущукъ и оставался тамъ до паденія сей крѣпости, Сентября 15-го, день, когда Россія праздновала годовщину Священнаго Коронованія Императора Александра. Вскорѣ потомъ онъ поступилъ въ отрядъ Генерала Засса, назначенный въ Малую Валахію, и тамъ остался зимовать. Въ Апрѣлѣ 1811 года мѣсто заболѣвшаго Графа Каменскаго заступилъ Кутузовъ. Отрядъ Засса составлялъ правое крыло арміи его. Авангардомъ Засса, стоявшимъ противъ Видина, командовалъ Збіевскій. До Іюля не происходило военныхъ дѣйствій, но въ половинѣ сего мѣсяца пришелъ къ Видину Серезскій Паша Измаилъ-Бей, съ 30,000 человѣкъ, имѣя повелѣніе Верховнаго Визиря переправиться на лѣвый берегъ Дуная, смять Засса и ударить въ правое крыло арміи Кутузова. Узнавъ о намѣреніи непріятелей, Зассъ велѣлъ Збіевскому всѣми силами не допускать Турковъ до переправы, а самъ, усиленными маршами, обратился отъ Кладово къ Видину, приказавъ идти туда же: Графу Воронцову (нынѣ Князь и Намѣстникъ Кавказскій), отъ устьевъ рѣки Жіо, и Графу Орурку, изъ Сербіи. Пока происходили сіи движенія, Іюля 20-го, Измаилъ-Бей началъ переходить черезъ Дунай, ниже Видина, гдѣ переправа была ему облегчена островомъ и бродами. По переправѣ на лѣвый берегъ, Туркамъ надлежало проходить обширное болото, поросшее камышемъ и пересѣченное только двумя узкими тропинками. Видя совершенную невозможность двумя слабыми батальонами своими остановить многочисленнаго непріятеля на Дунайскомъ берегу, Збіевскій перешелъ къ селенію Копурчени и занялъ край болота, не допуская Турковъ проходить тропинками. Нѣсколько разъ покушались они выбѣгать изъ болота толпами, желая обозрѣть положеніе твердаго берега и узнать настоящее число войскъ Збіевскаго, но всегда были опрокидываемы, и надолго остались запертыми за болотами и камышами. То была весьма важная заслуга Збіевскаго, имѣвшая великое вліяніе на военныя дѣйствія 1811-го года. Черезъ день, 28-го, пришелъ Зассъ. Не находя выраженій для изъявленія благодарности Збіевскому, онъ поручилъ ему отдѣльный отрядъ на лѣвомъ крылѣ нашемъ. Въ тотъ день Измаилъ-Бей переправилъ весь корпусъ свой на лѣвый берегъ Дуная, и устремилъ противъ Засса толпы по обѣимъ тропинкамъ. Отражаемые картечью и ружейнымъ огнемъ, но получая новыя подкрѣпленія, Турки нѣсколько разъ возобновляли бой. Стойкость Русскихъ кареевъ и дѣйствіе артиллеріи уничто-

жили всѣ покушенія непріятеля. Послѣ упорной и продолжительной битвы, конница Измаила-Бея потянулась обратно за Дунай, въ главный Турецкій станъ, расположенный подъ Виднымъ, а пѣхота осталась за болотомъ, устраивая окопы. Блистательный подвигъ Збіевскаго въ семъ дѣлѣ былъ оцѣненъ вполнѣ; по представленію Кутузова, Императоръ Александръ пожаловалъ ему орденъ Св. Георгія 3-го класса. Въ продолженіе Августа мѣсяца Збіевскій имѣлъ еще нѣсколько дѣлъ съ Турками, и всѣ окончились въ нашу пользу: каждый разъ отражаемый, Измаилъ-Бей не успѣлъ пробиться въ Малую-Валахію и дѣйствовать въ правое крыло Кутузова. Безнадежность оттѣснить Русскія войска съ занятой ими позиціи противъ Видина побудила Измаилъ-Бея перемѣнить мѣсто нападенія. Съ сею цѣлію онъ возвратился за Дунай, потянулся къ Калафату и здѣсь опять перешелъ на лѣвый берегъ Дуная. Сентября 7-го, онъ атаковалъ Засса. Предувѣдомленный о готовившемся противъ него нападеніи, Зассъ еще наканунѣ оставилъ свою прежнюю позицію, занялъ другую, у Калафата, и приготовился къ оборонѣ. Яростно нападали Турки на войска наши, но, постоянно отражаемые, не могли пробиться чрезъ перешейки болота. Въ семъ дѣлѣ полкъ Збіевскаго понесъ болѣе всѣхъ урона, будучи атакованъ на гористомъ мѣстоположеніи, гдѣ артиллерія съ трудомъ могла дѣйствовать. Непріятель возобновлялъ свои нападенія еще два раза, Сентября 17-го и 20-го, но опять безуспѣшно. Въ исходѣ Сентября, Зассъ получилъ отъ Кутузова подкрѣпленіе и предписаніе, не ограничиваясь отпоромъ нападеній Измаила, заставить его отступить, и для сей цѣли послать отрядъ на правый берегъ Дуная, въ тылъ Туркамъ. Зассъ возложилъ сіе порученіе на Графа Воронцова, назначивъ въ отрядъ его и полкъ Збіевскаго. Октября 7-го Графъ Воронцовъ перешелъ Дунай выше Калафата, у Груи, и усиленный отрядомъ Сербовъ, 9-го числа спустился съ горъ на обширную Видинскую равнину. Отбивъ встрѣчаемыхъ имъ на пути Турковъ, онъ сталъ противъ Зассова лагеря, и учредилъ съ нимъ сообщеніе посредствомъ лежащаго на Дунаѣ острова. То было, въ меньшемъ видѣ, повтореніе маневра, сдѣланнаго, незадолго передъ тѣмъ, Марковымъ, въ тылъ арміи Верховнаго Визиря, дѣйствовавшей противъ Кутузова. Слѣдствіемъ перехода Графа Воронцова на правый берегъ Дуная было удаленіе войскъ Измаилъ-Бея съ лѣваго берега, послѣ чего Зассъ отозвалъ оттуда отрядъ Воронцова. Вскорѣ извѣстіе о бѣдствіяхъ главной Турецкой арміи у Рущука и наступленіе поздней осени заставили Измаилъ-Бея распустить войска по домамъ, и самъ онъ отправился въ свой Серезскій пашалыкъ. Войска Засса расположились также на зимнія квартиры.

Дѣйствіями подъ Виднымъ кончилось участіе Збіевскаго въ Турецкой войнѣ Императора Александра, ознаменованное многими подвигами распорядительности и высокаго мужества. Въ Іюлѣ 1812 года, состоя въ Дунайской арміи, Чичагова, онъ поступилъ въ Корпусъ Булатова, переправился съ нимъ, въ первой половинѣ Сентября, черезъ Стырь, у Берестечка, и слѣдуя вдоль Австрійской границы, на Владиміръ-Волынскій и Устилугъ, прибылъ къ Любомлю, гдѣ Чичаговъ и Тормасовъ предполагали атаковать Шварценберга, но не успѣли въ своемъ намѣреніи, ибо непріятель поспѣшно отступилъ. Потомъ, когда Чичаговъ двинулся къ Минску, Збіевскій ходилъ, съ корпусомъ Булатова, къ Кобрину, для надзора за раздачею запасовъ изъ найденныхъ въ семъ городѣ магазиновъ; по возвращеніи оттуда, поступилъ въ главный резервъ арміи Чичагова; въ послѣднихъ числахъ Сентября вошелъ въ составъ боеваго корпуса Сакена; Октября 28-го участвовалъ въ вытѣсненіи непріятеля изъ деревни Плюсокъ, близъ Бѣловѣжа, и въ прогнаніи его на правый берегъ Нарева; Ноября 4-го былъ въ сраженіи подъ Волковискомъ, и Декабря 19-го при разбитіи Булатовымъ авангарднаго непріятельскаго отряда, у мѣстечка Цѣхановца. Въ послѣднихъ числахъ Декабря 1812 года, когда Россія праздновала изгнаніе врага изъ Отечественныхъ предѣловъ, Збіевскій вступилъ въ Великое Герцогство Варшавское. Здѣсь оставался онъ до осени 1813-го года, когда получилъ назначеніе состоять съ Мингрельскимъ полкомъ въ Польской

армін, Беннигсена. Съ арміею сею онъ былъ въ Пруссіи, Саксоніи, Мекленбургѣ, Голштиніи и поступивъ, въ послѣднихъ числахъ Декабря, въ бригаду Генералъ-Маіора Сухарева (нынѣ Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ) принадлежавшую къ отряду Булатова, съ 13-го Января по 19-е Мая 1814-го года находился при осадѣ Гамбурга.

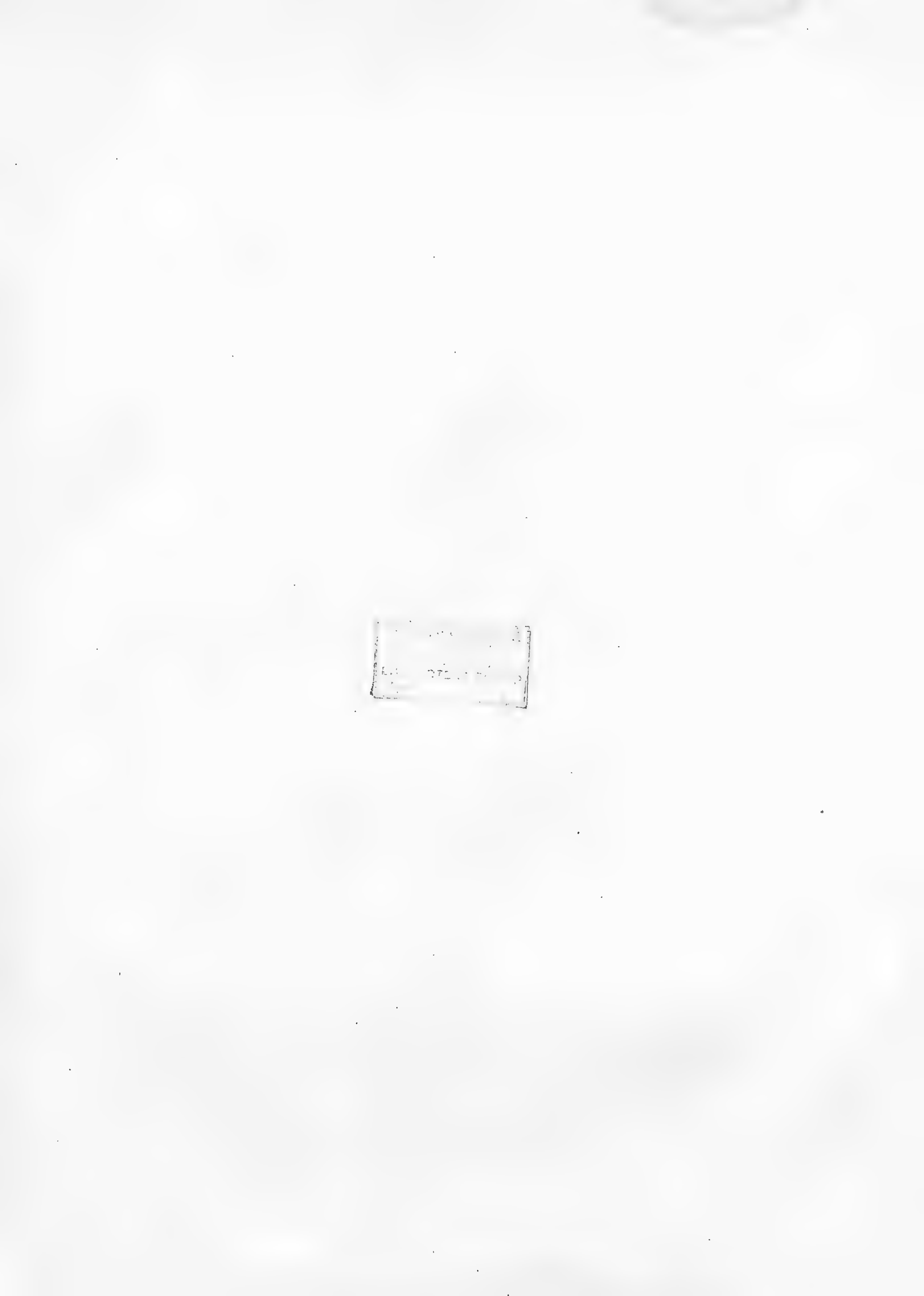
Дѣятельный участникъ въ походахъ 1810 и 1811 годовъ противъ Турковъ, въ послѣдующіе три года, Збіевскій не имѣлъ случаевъ оказать отличій, и потому былъ изъ числа весьма немногихъ нашихъ Генераловъ, не получившихъ за громадную войну 1812, 1813-го и 1814-го годовъ никакой награды. Съ 1-го Сентября 1814 года онъ пересталъ числиться Шефомъ Мингрельскаго полка и вступилъ въ командованіе 2-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи — полки Камчатскій и Мингрельскій — принадлежавшей къ корпусу Генерала Ермолова. Черезъ два съ половиною года, въ Февралѣ 1817, онъ былъ назначенъ Комендантомъ въ Бендеры, и въ сей должности скончался, отъ паралича, 18-го Февраля 1828 года, доблестно прослуживъ Россіи пятьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ женатъ на дочери Генералъ-Лейтенанта Григорія Ивановича Лисаневича, Аннѣ Григорьевнѣ. Потомства послѣ него не осталось.

Генералъ - Маіоръ

Дмитрій Васильевичъ

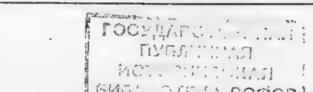
ЛЯЛИНЪ.

Д. В. ЛЯЛИНЪ.

Дмитрій Васильевичъ Лялинъ, Генералъ-Маіоръ и кавалеръ орденовъ: Св. Анны 1-й и 4-й степеней, Св. Георгія 3-го класса, Св. Владиміра 3-й и Прусскаго Краснаго Орла 2-й степеней, имѣющій золотую шпагу съ надписью: «За храбрость», и серебряныя медали въ память 1812-го года и взятіе Парижа, родился въ 1772-мъ году, С. Петербургской губерніи, Лугскаго уѣзда, въ усадьбѣ Мѣревье. Отецъ его былъ Подпоручикомъ и владѣльцемъ семи крестьянскихъ душъ, а прадѣдъ, Семенъ Аггѣевичъ Лялинъ, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, во время уступки Шведамъ Ижерской земли или Ингерманландіи, изъ города Ямъ (нынѣ Ямбургъ), переселился со всѣмъ своимъ семействомъ въ Старую Руссу, въ послѣдствіи изъ Лялиныхъ были извѣстны: при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, Дѣйствительный Каммергеръ и Кавалеръ Пименъ Васильевичъ, и при Императрицѣ Екатеринѣ II, Вице-Адмиралъ Потапъ Петровичъ.

Дмитрій Васильевичъ Лялинъ началъ службу въ 1786-мъ году, Капраломъ въ 1-мъ Морскомъ Батальонѣ, расположенномъ въ Кронштадтѣ; въ томъ же году переведенъ Фурьеромъ въ Морской Кадетскій Корпусъ, а 1-го Января 1788-го года произведенъ въ Подпоручики. Поступивъ на корабль Изяславъ, Лялинъ участвовалъ въ жаркомъ морскомъ сраженіи, происходившемъ 6-го Іюля того же года, близъ острова Гогланда. Адмиралъ Грейгъ начальствовалъ Русскимъ, а Герцогъ Зюйдерманландскій (въ послѣдствіи Король Карлъ XIII) Шведскимъ флотами. Въ слѣдующемъ году, когда мѣсто умершаго знаменитаго Грейга въ предводительствованіе Балтійскимъ флотомъ вступилъ Василій Яковлевичъ Чичаговъ, Лялинъ, уже въ чинѣ Поручика, служилъ на кораблѣ Св. Петръ, въ эскадрѣ Вице-Адмирала Мусина-Пушкина. Іюля 15-го онъ опять сражался съ Шведами, близъ острова Эланда, а въ 1790-мъ году, состоя подъ начальствомъ Вице-Адмирала Круза, на сто-пушечномъ кораблѣ Двѣнадцать Апостоловъ, участвовалъ въ упорномъ сраженіи у Красной Горки, 23-го и 24-го Мая. Еще и теперь старожилы Петербургскіе помнятъ гулъ выстрѣловъ сей битвы, рѣшавшей участь столицы Петра Великаго. Важна была сія побѣда, исторгнутая изъ

рукъ Шведовъ, и виновникъ ея, Крузъ, вполнѣ заслужилъ надпись, начертанную на его надгробномъ памятникѣ:

«Громами отражая громъ,
«Онъ спасъ Петровъ и градъ и Домъ».

Черезъ мѣсяцъ послѣ достопамятнаго морскаго боя у Красной Горки, Лялинъ, находясь на томъ же кораблѣ, въ авангардной эскадрѣ Круза, участвовалъ въ сраженіи съ непріятельскимъ флотомъ, во время прорыва его изъ Выборгскаго залива, гдѣ, съ 26-го Мая, былъ онъ запертъ Чичаговымъ.

Въ Августѣ 1790 года, послѣ заключенія мира съ Швеціею, Лялинъ возвратился въ Кронштадтъ, и поступилъ по прежнему въ береговую службу. Въ Ноябрѣ 1792-го года, его перевели, съ производствомъ въ Капитаны, въ Флотскіе батальоны, расположенные на Каменномъ Островѣ, и состоявшіе въ ближайшемъ завѣдываніи Наслѣдника Великаго Князя Павла Петровича, по званію Генералъ-Адмирала. Черезъ полгода, въ Іюлѣ 1793-го, Лялина произвели въ Маіоры и назначили командиромъ 2-го Морскаго батальона, въ Кронштадтѣ. Императоръ Павелъ, въ самомъ началѣ Своего воцаренія, издалъ новый воинскій уставъ, и лично зная Лялина, по служенію его на Каменномъ Островѣ, возложилъ на него введеніе сего устава въ находившихся въ Кронштадтѣ девяти морскихъ и трехъ гарнизонныхъ батальонахъ. Исполнивъ Высочайшее порученіе, Лялинъ, въ Январѣ 1797-го года, былъ переведенъ въ Астраханскій Гренадерскій полкъ, находившійся въ Москвѣ. Шефомъ полка былъ сподвижникъ Орлова-Чесменскаго, Спиридова и Грейга въ достопамятномъ походѣ нашего флота въ Архипелагъ, Генералъ отъ Инфантеріи Князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ. По прошествіи года, Императоръ Павелъ возложилъ на Лялина новое порученіе: осмотрѣть 18 полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ Московской Инспекціи, и уравнять въ нихъ введенный новымъ уставомъ порядокъ службы. Усердное исполненіе Лялинымъ Монаршей воли было награждено орденомъ Св. Анны 3-го (нынѣ 4-го) класса, на шпагу. Въ томъ же 1798-мъ году, 21-го Августа, онъ былъ переведенъ въ новоучрежденный, въ Москвѣ, Мушкетерскій Генералъ-Маіора Павлуцкаго полкъ и, по случаю долгаго неприбытія и перемѣны шефовъ, формировалъ сей полкъ, доведя его, въ теченіе семимѣсячнаго, временнаго начальствованія, до такой степени знанія службы, что онъ могъ равнятся съ старыми полками Московской Инспекціи. Въ Февралѣ 1799-го года Лялинъ былъ назначенъ командиромъ сформированнаго имъ полка, именовавшагося, послѣдовательно, по фамиліямъ своихъ Шефовъ, полкомъ Павлуцкаго, Графа Ивелича (въ послѣдствіи Генералъ-Лейтенантъ и Сенаторъ) и Рунича. Въ Іюлѣ того же года Лялинъ былъ произведенъ въ Подполковники, а въ Сентябрѣ 1800-го въ Полковники. Въ Мартѣ 1801-го года, вскорѣ по восшествіи на престолъ Императора Александра, полкъ, въ коемъ служилъ Лялинъ, получилъ носимое имъ донынѣ наименованіе «Навагинскаго».

Мирно провелъ Навагинскій полкъ первые семь лѣтъ Благословеннаго царствованія Императора Александра, не участвовавъ въ кровопролитныхъ войнахъ 1805, 1806 и 1807-го годовъ, противъ Наполеона. Въ продолженіе сего времени, когда вмѣсто инспекцій были учреждены дивизіи, полкъ сей поступилъ въ 4-ю дивизію, состоявшую подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Князя Дмитрія Владиміровича и расположенную въ Виленской губерніи. Въ Февралѣ 1808 года, открылись военныя дѣйствія въ Финляндіи противъ Шведовъ. Лѣтомъ отправлена была туда дивизія Голицына, и Лялинъ, съ однимъ батальономъ своего полка, былъ назначенъ на усиленіе Генералъ-Адъютанта Князя Михаила Петровича Долгорукова, стоявшаго съ отдѣльнымъ отрядомъ близъ Сердоболя. Августа 14-го Лялинъ пришелъ въ Сердоболь. На другой день Князь Долгоруковъ выступилъ въ походъ въ Финляндію, черезъ Корелію. Походъ былъ трудный. Надлежало идти съ величайшею осторожностью: все народонаселеніе въ Кореліи возстало противъ Русскихъ. Успѣшно отразивъ нападенія полудикихъ Корельцовъ, Князь Долгоруковъ благополучно пришелъ къ Тайволу,

близъ Куопіо, и вошелъ въ составъ стоявшаго близъ Тайволы корпуса Николая Алексѣевича Тучкова. Октября 15-го произошло кровопролитное и для насъ неудачное сраженіе Тучкова съ Шведскимъ Генераломъ Сандельсомъ, у Иденсальми. Оно стоило намъ 764 человѣкъ убитыхъ, раненыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти. Въ числѣ раненыхъ былъ Лялинъ. Картечь ударила въ правое бедро его, повредивъ кости и жилы. Императоръ Александръ наградилъ Лялина за Иденсальмское сраженіе золотою шпагою, съ надписью: «За храбрость». Леченіе Лялина отъ тяжелой раны длилось близъ четырехъ мѣсяцовъ. Въ началѣ Марта 1809-го года, явясь въ Навагинскій полкъ, онъ получилъ повелѣніе идти съ нимъ изъ Вазы, по льду Ботническаго Залива, на соединеніе съ Барклаемъ де-Толли, только что выступившимъ по замерзшему Кваркенскому проливу на Шведскій берегъ, въ Умео. Имѣя подъ своимъ начальствомъ, при Навагинскомъ полку, четыре орудія гвардейской артиллеріи и везя съ собою экстраординарную сумму Барклая де-Толли, Лялинъ присоединился къ его корпусу на другой день послѣ прибытія его въ Умео, 11-го Марта. 12-го получено было Барклаемъ де-Толли повелѣніе остановить военныя дѣйствія, по причинѣ заключеннаго на Аландѣ перемирія, и возвратиться въ Вазу, куда войска наши двинулись 15-го Марта. «Въ «кратковременное пребываніе Русскихъ войскъ «на Шведскомъ берегу», доносилъ Барклай де-Толли, «соблюдали они совершенный во всемъ «порядокъ; ни одинъ обыватель не имѣлъ и по«вода принести ни малѣйшей жалобы. Поведе«ніе и дисциплина Россійскаго солдата про«извели здѣсь всеобщее удивленіе. Мнѣ восхи«тительно было слышать всѣ неисчислимыя «похвалы сему побѣдоносному войску, со всту«пленіемъ коего жители въ отчаяніи полагали «быть на вѣкъ несчастливыми. Умеоскій Губер«наторъ, съ депутаціею отъ дворянства, купе«чества и поселянъ, изъявилъ мнѣ благодар«ность, со слезами на глазахъ, за великодушное «съ ними обращеніе войскъ; говоря, что они «обязаны прославлять на вѣки священное имя «благотворящаго Императора Александра». Хвала полководцу, неусыпно наблюдавшему за исполненіемъ воли Монарха, любившаго благотворить и врагамъ своимъ! Слава войскамъ, поведеніемъ своимъ заслужившимъ признательность непріятелей! Честь и частнымъ начальникамъ, умѣвшимъ довести ввѣренныя имъ войска до такой степени порядка! Приводимъ подлинныя слова Барклая де-Толли потому, что они относились также къ командиру Навагинскаго полка. Въ Апрѣлѣ 1809-го года Лялинъ, съ Навагинскимъ полкомъ, вошелъ въ составъ корпуса Графа Шувалова, и выступилъ съ нимъ черезъ Торнео и Вестро-Ботнію въ Умео. Тамъ, во второй половинѣ Іюля, начальство надъ корпусомъ заболѣвшаго Шувалова принялъ Графъ Николай Михайловичъ Каменскій (герой Финляндской войны). Онъ назначилъ Лялина комендантомъ своей главной квартиры, и въ семъ званіи Лялинъ участвовалъ, Августа 7-го, въ побѣдѣ Каменскаго при Севарѣ, побудившей Швецію не упорствовать долѣе въ борьбѣ съ Александромъ. По заключеніи, Сентября 5-го 1809 года, Фридрихсгамскаго мира, Лялинъ, 11-го Октября 1809 года, былъ назначенъ шефомъ находившагося въ Молдавской арміи Одесскаго Мушкетерскаго полка, но черезъ четыре мѣсяца, 25-го Февраля 1810, получилъ повелѣніе принять Тенгинскій Мушкетерскій (въ послѣдствіи Тенгинскій Пѣхотный) полкъ, расположенный въ Лифляндіи. Въ томъ же году полкъ сей поступилъ въ 1-й Корпусъ, Графа Витгенштейна, и состоялъ въ 14-й Пѣхотной дивизіи, Сазонова, въ бригадѣ Гельфрейха. За приведеніе ввѣреннаго ему полка въ совершенную исправность, Лялину были объявлены два Высочайшія благоволенія: одно 20-го Августа, другое 20 Ноября 1811-го года.

Насталъ грозный Двѣнадцатый Годъ. Іюня 13-го Императоръ Александръ объявилъ Своей вѣрной арміи о переходѣ Наполеона на правый берегъ Нѣмана; 14-го началось общее отступленіе 1-й Западной арміи, а 17-го Тенгинскій полкъ, Лялина, уже имѣлъ жаркое дѣло съ непріятелемъ, близъ Вилькомира. Вскорѣ потомъ корпусу Графа Витгенштейна велѣно было дѣйствовать отдѣльно отъ 1-й арміи, прикрывая

Псковскую дорогу въ Петербургъ. Трехъдневная Клястицкая битва, начавшаяся 18-го Іюля, была первою, ознаменовавшею блистательное служеніе Графа Витгенштейна въ Двѣнадцатомъ Году. Въ первые два дня сраженія Лялинъ находился съ полкомъ своимъ въ резервѣ, но на третій день былъ введенъ въ бой. Іюля 30-го, въ дѣлѣ подъ Свольной онъ ходилъ въ штыки на Французскую колонну, врѣзался въ нее и взялъ въ плѣнъ 300 человѣкъ; въ томъ числѣ были 7 офицеровъ. За сей подвигъ Лялинъ удостоился получить орденъ Св. Анны 2-й степени. Августа 5-го, въ сраженіи подъ Полоцкомъ, Лялинъ, по личному приказанію Графа Витгенштейна, подкрѣпилъ сражавшагося въ центрѣ Генералъ-Маіора Гамена, куда были устремлены главныя усилія непріятеля. На другой день онъ сражался подъ стѣнами Полоцка. Наградою Лялина за сію двухъ-дневную битву было Высочайшее благоволеніе. Послѣдующіе дни Августа и Сентября мѣсяцовъ прошли спокойно: Французы и союзники ихъ Баварцы занимали Полоцкъ, а Графъ Витгенштейнъ ожидалъ подкрѣпленій. Сентября 28-го полкъ Лялина былъ усиленъ одною дружиною С. Петербургскаго Ополченія, а 6-го, 7-го и 8-го Октября мужественно бился подъ Полоцкомъ и былъ изъ первыхъ, ворвавшихся въ сей городъ. Императоръ Александръ произвелъ Лялина въ Генералъ-Маіоры. Въ сраженіи подъ Чашниками, Октября 19-го, Лялинъ дѣйствовалъ противъ лѣваго непріятельскаго крыла, и много способствовалъ нашей побѣдѣ. Октября 31-го онъ былъ во вторичномъ дѣлѣ подъ Чашниками. Въ слѣдующій день, въ сраженіи подъ Смольянами, Тенгинскій полкъ былъ въ первой линіи и штыками атаковалъ непріятеля. По представленію Графа Витгенштейна Лялину былъ пожалованъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени. Участіе въ сраженіи подъ Борисовымъ, 15-го Ноября, и въ пораженіи непріятеля во время гибельной Наполеону Березинской переправы, доставили Лялину новую Монаршую награду: алмазные знаки ордена Св. Анны 2-го класса. Декабря 10-го онъ поступилъ, съ полкомъ своимъ, въ авангардъ Генералъ-Маіора Шепелева, направленный къ Прусской границѣ, и по занятіи мѣстечекъ Посвенты и Соммерау, прибылъ въ Скайсгиренъ. Здѣсь авангардъ Шепелева получилъ приказаніе преслѣдовать Маршала Макдональда по Лабіауской дорогѣ. На слѣдующій день, Декабря 22-го, Шепелевъ настигъ Французовъ впереди Лабіау, и тотчасъ атаковалъ его. Распорядительность и храбрость съ коими Лялинъ дѣйствовалъ подъ Лабіау, и потомъ въ преслѣдованіи непріятелей до Кенигсберга, доставили ему орденъ Св. Георгія 4-го класса.

Въ первый день 1813-го года Лялинъ уже былъ за Вислою; потомъ онъ находился при блокадѣ Данцига, Кюстрина и Шпандау. Въ Люценскомъ сраженіи, Апрѣля 20-го, былъ онъ раненъ пулею въ средній перстъ лѣвой руки, съ поврежденіемъ жилъ и кости, и за отличіе въ сей битвѣ награжденъ орденомъ Св. Анны 1-го класса. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, вылечась отъ раны, онъ явился въ армію. По истеченіи Пойшвицкаго перемирія, Лялинъ сражался, съ корпусомъ Графа Витгенштейна, Августа 10-го подъ Кенигштейномъ, 14-го при Гельздорфѣ, 16-го вторично подъ Кенигштейномъ и у Петерсвальда, 17-го подъ Кульмомъ, гдѣ былъ раненъ пулею въ лобъ, надъ лѣвымъ глазомъ. Императоръ Александръ объявилъ Лялину Монаршее Свое благоволеніе, а Король Прусскій пожаловалъ ему орденъ Краснаго Орла 2-й степени. Вылечась отъ раны, въ Декабрѣ 1813-го года Лялинъ былъ назначенъ въ отрядъ Генералъ-Маіора Гельфрейха, и находился съ нимъ при блокадѣ крѣпости Келя, а потомъ при блокадѣ Страсбурга. Января 7-го онъ получилъ начальство надъ отрядомъ, составленнымъ изъ Тенгинскаго и 24-го Егерскаго полковъ, двухъ эскадроновъ Баденскаго Драгунскаго и четырехъ батарейныхъ орудій, и съ ними обложилъ, Января 9-го, крѣпость Фальцбургъ. Фальцбургскій гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, но она была отбита Лялинымъ. На другой день явился къ нему непріятельскій переговорщикъ, съ предложеніемъ о сдачѣ крѣпости. Присоединясь послѣ сего къ своему корпусу, Лялинъ имѣлъ участіе въ сраженіяхъ: 20-го Февраля при Троа, 9-го Марта при Арсисѣ сюръ-Объ, гдѣ была по-

слѣдняя встрѣча Александра съ Наполеономъ, и 13-го при Фершампенуазѣ. Марта 18-го, наканунѣ достопамятнаго дня вступленія Императора Александра въ столицу Франціи, Лялинъ, начальствуя Тенгинскимъ и Эстляндскимъ полками, въ авангардѣ Графа Петра Петровича Палена, до разсвѣта занялъ селеніе Роменвиль, и здѣсь четыре часа сражался съ Французами, въ виду Императора Александра. Благословенный Монархъ былъ столь доволенъ дѣйствіями Лялина въ Парижскомъ сраженіи, что пожаловалъ ему орденъ Св. Георгія 3-го класса. Сентября 1-го 1814-го года, Лялинъ перестала числиться шефомъ Тенгинскаго полка, заслужившаго, во время начальства его, гренадерскій бой, до нынѣ симъ полкомъ сохраняемый. Октября 14-го, Лялина назначили командиромъ 1-й бригады 14-й Пѣхотной дивизіи, Гельфрейха, состоявшей изъ Тульскаго и Навагинскаго полковъ, но едва успѣлъ онъ возвратиться въ Россію, какъ бѣгство Наполеона съ острова Эльбы вызвало его опять за предѣлы отечества. Въ Іюлѣ 1815 года онъ выступилъ въ походъ, и доходилъ съ бригадою своею до Силезіи, но въ слѣдствіе Ватерлоской битвы, окончательно сокрушившей могущество бывшаго Императора Французовъ, повелъ ее обратно въ Россію. Послѣ вторичнаго похода за границу, недолго оставался Лялинъ въ рядахъ арміи, съ которою много лѣтъ дѣлилъ труды и славу. Изувѣченный Шведскою картечью и Французскими пулями, онъ пришелъ, къ крайнему своему сожалѣнію, въ совершенную невозможность продолжать службу, и по прошенію былъ уволенъ въ отставку, 28-го Декабря 1816 года, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья.

Дмитрій Васильевичъ Лялинъ, достигнувъ 74-хъ лѣтъ, живетъ Псковской губерніи, Великолуцкаго уѣзда, въ своемъ сельцѣ Дмитріевскомъ. Маститый воинъ страдаетъ отъ ранъ, безпрерывно открывающихся, и съ любовію воспоминаетъ прежнюю свою службу, проведенную, на морѣ и на сушѣ, подъ начальствомъ Грейга, Чичагова, Круза, Каменскаго, Витгенштейна и Барклая де-Толли. Счастливый общимъ къ нему уваженіемъ сосѣдей, онъ посвящаетъ время на улучшеніе сельскаго быта и нравственности крестьянъ своихъ. Въ настоящій, постигшій Псковскую губернію неурожай, Дмитрій Васильевичъ раздѣляетъ съ своими крестьянами дарованое ему отъ щедротъ Монаршихъ за его службу содержаніе.

Генералъ-Маіоръ

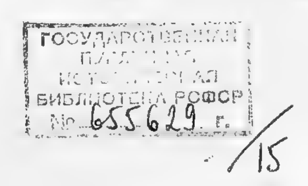
Михаилъ Ѳедоровичъ

НАУМОВЪ.

М. Ѳ. НАУМОВЪ.

Михаилъ Ѳедоровичъ Наумовъ, Генералъ-Маіоръ, кавалеръ орденовъ: Св. Георгія 4-го класса, Св. Владиміра 3-й и Св. Анны 2-й степеней, имѣвшій золотую шпагу съ надписью «За храбрость» и золотой крестъ за штурмъ Очакова, былъ сынъ бѣднаго оберъ-офицера. По недостаточному состоянію родителей, онъ не могъ получить высокаго образованія; однакожъ, кромѣ отечественнаго языка, зналъ довольно хорошо языкъ Французскій. Въ 1772-мъ году, имѣя пятнадцать лѣтъ отъ рожденія, онъ вступилъ рядовымъ въ Козловскій Пѣхотный полкъ, гдѣ получилъ послѣдовавшіе чины: Сержанта, Аудитора Прапорщичьяго ранга и Подпоручика, а въ 1786-мъ году, съ производствомъ въ Поручики, былъ переведенъ въ Херсонскій Пѣхотный полкъ. Съ полкомъ симъ, принадлежавшимъ къ Екатеринославской арміи, Князя Потемкина, Наумовъ находился, въ 1788-мъ году, при осадѣ Очакова; сражался нѣсколько разъ съ вылазками гарнизона, и за особенную храбрость, оказанную на приступѣ къ сей крѣпости, Декабря 6-го, получилъ чинъ Капитана и золотой крестъ, на Георгіевской лентѣ, установленный для награжденія участвовавшихъ въ покореніи Очакова офицеровъ, которые не получили Георгіевскаго ордена. Вскорѣ потомъ онъ поступилъ, вмѣстѣ съ Херсонскимъ полкомъ, въ новоучрежденный Новоингерманландскій Пѣхотный полкъ, въ 1799-мъ году былъ произведенъ въ Маіоры, а въ 1804-мъ въ Подполковники, и въ семъ чинѣ, поступивъ, въ 1805-мъ году, въ армію, ввѣренную Кутузову, участвовалъ въ достопамятной Аустерлицкой битвѣ. Во время сего сраженія онъ находился въ колоннѣ Дохтурова, мужественно бился при селеніи Тельницѣ, получилъ сильную контузію отъ пушечнаго ядра и былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ.

Лѣтомъ 1806-го года, при раздѣленіи войскъ, вмѣсто Инспекцій, на Дивизіи, Новоингерманландской полкъ поступилъ въ 12-ю дивизію, Князя Голицына. Въ Октябрѣ дивизія сія вошла въ составъ Днѣстровской арміи, назначенной дѣйствовать противъ Турковъ, подъ предводительствомъ уже престарѣлаго лѣтами, но еще

юнаго духомъ, Генерала Михельсона. При сближеніи войскъ къ Днѣстру, Наумовъ съ Новоингерманладскимъ полкомъ поступилъ въ отдѣленіе главнаго корпуса, ввѣренное Графу Сергѣю Михайловичу Каменскому 1-му; въ Ноябрѣ переправился за Днѣстръ, у Могилева, и пошелъ черезъ Яссы къ Слободзеѣ, для наблюденія Браилова и пространства къ Дунаю до Силистріи. Тамъ Наумовъ провелъ все остальное время 1806-го и большую половину 1807-го года; имѣлъ нѣсколько, впрочемъ незначительныхъ, дѣлъ съ непріятельскими отрядами, выходившими изъ Браилова, и за оказанныя при сихъ случаяхъ отличія былъ награжденъ золотою шпагою, съ надписью: «За храбрость.» Въ Августѣ 1807-го года съ Турками было заключено перемиріе, прекратившееся только весною 1809-го. Въ продолженіе сего времени, 12-го Декабря 1807-го, Наумовъ былъ произведенъ въ Полковники, а въ 1808, за исправное состояніе Новоингерманландскаго полка, получилъ, по представленію преемника Михельсона, Фельдмаршала Князя Прозоровскаго, Высочайшее благоволеніе.

Военныя дѣйствія противъ Порты возобновились неудачнымъ нападеніемъ Милорадовича на Журжу, 24-го Марта 1809 года. Во время приступа къ сей крѣпости Милорадовичъ увидѣлъ, что ровъ былъ глубже, нежели предполагали, а штурмовыя лѣстницы слишкомъ коротки; изъ Рущука присылали къ атакованнымъ подкрѣпленія на судахъ, и Милорадовичъ нашелся принужденнымъ ударить отбой. Войска отступили въ примѣрномъ порядкѣ. Наумовъ находился на приступѣ съ батальономъ Новоингерманландскаго полка. Послѣ неудачи 14-го Марта оставался близъ Журжи только небольшой наблюдательный отрядъ, Наумовъ былъ въ семъ отрядѣ, и 11-го Мая, командуя охотниками, вызвавшимися выбить Турковъ изъ Журжанскаго предмѣстія, получилъ тяжелую рану въ голову, пулею. Полагая себя навсегда неспособнымъ продолжать полевую службу, онъ просилъ себѣ другаго назначенія, и въ Ноябрѣ того же года былъ переведенъ въ Вятскій Гарнизонный батальонъ. Исцѣленіе раны послѣдовало гораздо скорѣе, нежели думали, и въ Февралѣ 1810-го года, Наумова перевели опять въ Новоингерманландскій полкъ, находившійся тогда въ Малой Валахіи, въ отрядѣ Генералъ-Маіора Исаева, подъ главнымъ начальствомъ Графа Цукато.

Въ ночи съ 4-го на 5-е Іюня 1810 года, Графъ Цукато, исполняя повелѣніе Главнокомандовавшаго, Графа Каменскаго 2-го, переправился на правый берегъ Дуная, при островѣ Ольмарѣ, и на другой день соединился съ Сербами. Наумовъ участвовалъ въ сей переправѣ. Іюля 12-го онъ находился при отраженіи Турковъ, когда они вышли изъ Праово и атаковали авангаръ Графа Цукато. Слѣдствіемъ сего дѣла была безоборонная сдача небольшихъ крѣпостей Дуду и Бьерзо-Паланки. Послѣ того Графъ Цукато расположился съ своимъ отрядомъ впереди крѣпости Праово, занятой сильнымъ Турецкимъ гарнизономъ, и вскорѣ умеръ. Почти въ одно съ нимъ время скончался старшій по немъ, Генералъ-Маіоръ Исаевъ, и вмѣсто ихъ прибылъ Зассъ, Генералъ высокихъ достоинствъ, донынѣ еще недовольно у насъ извѣстный и оцѣненный. Подъ начальствомъ Засса, Наумовъ былъ, въ исходѣ Сентября, при занятіи Праова и Неготина, оставленныхъ непріятелемъ безъ боя, и тѣмъ заключилъ участіе свое въ дѣйствіяхъ противъ Турковъ.

Въ Январѣ 1811-го года Императоръ Александръ, предвидя новую, неминуемую борьбу съ Наполеономъ, велѣлъ усилить армію Свою одиннадцатью новыми пѣхотными полками, въ томъ числѣ Воронежскимъ. Наумовъ былъ назначенъ шефомъ сего полка, формировавшагося въ Финляндіи, и за скорое, успѣшное сформированіе его получилъ Монаршее благоволеніе. При началѣ войны 1812-го года, Наумовъ, съ Воронежскимъ полкомъ, находился въ С. Петербургѣ, и отданный въ распоряженіе Генералъ-Маіора Башуцкаго — въ послѣдствіи С. Петербургскій Комендантъ—занимался, вмѣстѣ съ 2-мъ Морскимъ полкомъ, обученіемъ С. Петербургскаго Ополченія ружейнымъ пріемамъ, стрѣльбѣ и строевой службѣ. Обученіе происходило на Преображенскомъ, Семеновскомъ и Измайловскомъ парадныхъ мѣстахъ, и хотя продолжалось только пять дней, но было чрезвычайно

успѣшно. Послѣ того Воронежскій полкъ поступилъ въ отрядъ Петербургскаго Ополченія, ввѣреннаго Сенатору Бибикову, и вышелъ съ нимъ, 3-го Сентября, изъ столицы на соединеніе съ Графомъ Витгенштейномъ, расположеннымъ близъ Полоцка. На маршѣ туда, во время дневокъ, Наумовъ всячески старался обучать брадатыхъ ратниковъ и вселять въ нихъ воинскій духъ. Послѣдствія доказали, что старанія не были напрасны. Октября 4-го, когда Графъ Витгенштейнъ рѣшился начать наступательныя дѣйствія, имѣвшія цѣлью вытѣснить непріятеля изъ Полоцкихъ укрѣпленій, раздѣлилъ онъ всѣ предводимыя имъ войска на три колонны; полкъ Наумова вошелъ въ составъ боеваго корпуса правой колонны, Князя Яшвиля. Въ первый день сраженія подъ Полоцкомъ, Октября 6-го, Князь Яшвиль началъ дѣло въ четыре часа по полудни наступленіемъ на передовые непріятельскіе редуты. Они только что были начаты, и потому уступлены большею частью безъ боя. Французы отступали отстрѣливаясь, и держались только тамъ, гдѣ мѣстоположеніе дозволяло имъ останавливаться. Сражаясь такимъ образомъ, войска Яшвиля подошли, подъ вечеръ, къ Полоцку и протянули вокругъ него цѣпь. Трудно указать на участіе Воронежскаго полка въ семъ дѣлѣ, ибо, подвигаясь впередъ всею линіею, полки правой колоны имѣли равную долю въ сраженіи. Ночью съ 6-го на 7-е Октября Наумовъ былъ на приступѣ къ Полоцку; Октября 11-го переправился на лѣвый берегъ Двины; 16-го, при новомъ распредѣленіи войскъ, вошелъ въ составъ корпуса праваго крыла, ввѣреннаго Штейнгелю; 19-го сражался подъ Чашниками, а 1-го и 2-го Ноября при Смолянахъ. За отличіе, оказанное во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ, начиная съ Полоцка, Наумовъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. Слѣдуя отъ Смолянъ къ Березинѣ, онъ подошелъ къ сей рѣкѣ въ то самое время, когда авангардъ Графа Витгенштейна, состоявшій подъ начальствомъ Властова, выдерживалъ неравный бой съ войсками Маршала Виктора, прикрывавшаго переправу Наполеона. Центръ Властова уже былъ въ опасности, и непріятельскіе стрѣлки, напирая на него, смѣло подавались впередъ. Оберъ-Квартирмейстеръ корпуса Графа Витгенштейна, Дибичъ, въ послѣдствіи Фельдмаршалъ, послалъ противъ нихъ два Пѣхотные полка: Низовской и Воронежскій. Мужественно бросились они впередъ, прогнали Французовъ за бывшій въ тылу ихъ ручей, перешли черезъ него и овладѣли непріятельскою батареею. Викторъ ввелъ въ дѣло резервъ, и не только возвратилъ батарею, но успѣлъ даже прорвать нашъ центръ. Батарея, искусно поставленная Генераломъ Фокомъ, остановила Французовъ. Отбитые, они рѣшились еще возобновить нападеніе. Нѣсколько Французскихъ эскадроновъ ударили на стрѣлковъ нашихъ, проскакали сквозь цѣпь ихъ, врубились въ колонну, стоявшую въ центрѣ резерва, и захватили часть стоявшихъ подъ ея прикрытіемъ орудій. Въ сію критическую минуту, Полковникъ Наумовъ построилъ колонну изъ Воронежскаго полка и 15-й дружины С. Петербургскаго ополченія, и выступилъ съ нею на встрѣчу непріятелю. Съ крикомъ понеслись на него Французы. Наумовъ запретилъ стрѣлять безъ команды, и допустивъ непріятеля на три сажени разстоянія отъ своего фронта, открылъ батальный огонь и потомъ ударилъ въ штыки. Французская конница дала тылъ. За блистательный сей подвигъ, по представленію Графа Витгенштейна, Наумовъ былъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры.

Послѣ переправы Наполеона черезъ Березину, Наумовъ участвовалъ въ преслѣдованіи непріятельскихъ войскъ изъ Россіи, и по переходѣ за границу поступилъ въ корпусъ, назначенный сперва блокировать, а потомъ осаждать Данцигъ. Въ семъ корпусѣ Наумовъ оставался съ Января по Декабрь 1813 года, былъ во многихъ дѣлахъ при отбитіи вылазокъ гарнизона, и за оказанныя въ нихъ отличія получилъ Высочайшее благоволеніе и орденъ Св. Анны 2-й степени. Со взятіемъ Данцига окончилось участіе Наумова въ войнѣ Александра съ Наполеономъ. Оставаясь въ покоренной крѣпости до заключенія Парижскаго мира, онъ возвратился, осенью 1814 года, въ Россію, переставъ, съ 1-го Сентября, считаться шефомъ Воронежскаго Пѣхотнаго полка. Потомъ онъ былъ назначенъ коман-

диромъ 2-й бригады 25-й пѣхотной дивизіи, въ корпусѣ Принца Евгенія Виртембергскаго. Въ 1815-мъ году, въ слѣдствіе побѣга Наполеона съ острова Эльбы, Наумовъ повелъ свою бригаду за границу, но дошелъ съ нею только до Барейта. Битва при Ватерлоо нанесла послѣдній, рѣшительный ударъ, бывшему Императору Французовъ, прежде, нежели корпусъ Принца Евгенія Виртемберскаго успѣлъ достигнуть предѣловъ Франціи. Въ 1819-мъ году, Марта 10-го, Наумовъ былъ назначенъ Начальникомъ 8-й Пѣхотной дивизіи, въ послѣдствіи переименованной въ 13-ю; съ 25-го Іюля 1820-го состоялъ по Арміи, безъ должности, а 5-го Мая 1822-го назначенъ комендантомъ въ Смоленскъ. Не пробывъ и года въ сей должности, Наумовъ умеръ 17-го Апрѣля 1823 года, 65-ти лѣтъ отъ рожденія, оставивъ послѣ себя вдову и восьмерыхъ дѣтей, въ бѣдномъ положеніи. Императоръ Александръ пожаловалъ вдовѣ, Ангеликѣ Игнатьевнѣ единовременно 5000 и ежегоднаго пенсіона по 1800 рублей ассигнаціями. Она была дочь каммергера послѣдняго Польскаго Короля Станислава Августа, но изъ какой именно фамиліи, намъ неизвѣстно.

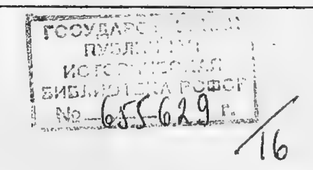
Обозрѣвая пятидесяти-лѣтнее служеніе Наумова, ознаменованное участіемъ въ войнахъ противъ Турковъ и Французовъ, мы видимъ въ немъ воина, всегда добросовѣстно исполнявшаго долгъ свой. Подвигъ его у Березины противъ войскъ Виктора принадлежитъ къ тѣмъ военнымъ дѣламъ, которыя могутъ быть поставлены въ примѣръ присутствія духа и находчивости, нерѣдко дающихъ рѣшительный перевѣсъ побѣдѣ, въ то время, когда вся надежда на успѣхъ кажется потерянною.

КНЯЗЬ

В. С. ТРУБЕЦКОЙ.

Князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой, Генералъ отъ Кавалеріи, Генералъ-Адъютантъ, Членъ Государственнаго Совѣта, Сенаторъ, кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго, съ алмазными украшеніями, Св. Владиміра 1-й степени, Св. Георгія 3-го класса, Св. Анны 1-й степени, съ алмазами, Австрійскаго Маріи-Терезіи, Прусскихъ Краснаго Орла 1-й степени, съ алмазами, и За заслуги, и Сардинскаго Св. Маврикія и Лазаря; Командоръ орденовъ: Австрійскаго Леопольда, Баварскаго Максимиліана Іосифа и Французскаго Св. Лудовика, имѣвшій три золотыя шпаги, изъ коихъ двѣ алмазами украшенныя, съ надписью: «За храбрость», и серебряныя медали въ память 1812 года, взятія Парижа и Турецкой войны 1828 и 1829 годовъ, происходилъ изъ древняго Княжескаго дома, коего многіе члены оставили по себѣ громкія имена въ Русской Исторіи. Князь Димитрій Тимофеевичъ Трубецкой, вмѣстѣ съ Мининымъ и Пожарскимъ, участвовалъ въ освобожденіи Россіи отъ Поляковъ; Князь Алексѣй Никитичъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ бояръ Царя Алексѣя Михайловича; Князь Иванъ Юрьевичъ, *послѣдній бояринъ*, одинъ изъ сподвижниковъ Петра Великаго, достигнулъ жезла Фельдмаршальскаго; родной братъ его, Князь Юрій Юрьевичъ, также вельможа Петрова времени, скончался при Императрицѣ Аннѣ Іоановнѣ, въ чинѣ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Сенатора; Князь Никита Юрьевичъ, племянникъ Фельдмаршала, былъ также Фельдмаршаломъ при Императорѣ Петрѣ III и при Императрицѣ Екатеринѣ II.

Князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой, правнукъ, въ прямой линіи, Князя Юрія Юрьевича, родился 24-го Марта 1776 года. По четвертому году былъ онъ записанъ рядовымъ въ Преображенскій полкъ; черезъ три года произведенъ Вахмистромъ въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ, и по достиженіи восмнадцатилѣтняго возраста, въ 1793 году, Января 5-го, произведенный въ Корнеты, явился на службу. Черезъ три года, 1-го Января 1796, онъ былъ произведенъ въ

Подпоручики; въ Февралѣ того же года поступилъ Камеръ-Юнкеромъ къ Высочайшему Двору; въ Февралѣ 1798, при Императорѣ Павлѣ, пожалованъ въ Каммергеры; 16-го Іюля 1800 года причисленъ къ Герольдіи; 19-го того же мѣсяца и года опредѣленъ въ Камеръ-Коллегію, а черезъ мѣсяцъ произведенъ въ Тайные Совѣтники. Быстрое повышеніе въ чинахъ обѣщало Князю Василію Сергѣевичу блестящую будущность въ гражданской службѣ, но онъ чувствовалъ въ себѣ призваніе къ поприщу военному, и едва, осенью 1805 года, рѣшенъ былъ походъ арміи Императора Александра на соединеніе съ Австрійцами противъ Наполеона, онъ испросилъ Высочайшее соизволеніе служить за Адъютанта при Князѣ Багратіонѣ, тогда имѣвшемъ чинъ Генералъ-Маіора. Авангардное дѣло, 16-го Ноября, при Вишау, первое, гдѣ Императоръ Александръ увидѣлъ поле битвы, было первымъ, гдѣ Князь Трубецкой сталъ лицемъ къ лицу съ непріятелемъ. Въ сей день Князь Багратіонъ, начальствовавшій авангардомъ арміи Кутузова, атаковалъ и оттѣснилъ Мюрата. Въ продолженіе боя, Князь Трубецкой, будучи посланъ отъ Багратіона къ начальнику особаго отряда, Генералъ-Маіору Графу Витгенштейну (въ послѣдствіи Фельдмаршалъ), проскакалъ сквозь цѣпь непріятельскихъ фланкеровъ. Возвратясь къ Багратіону, онъ получилъ отъ него два эскадрона, атаковалъ ими Французовъ, стоявшихъ на сообщеніи Багратіона съ Витгенштейномъ, прогналъ непріятелей и возстановилъ прерванное ими сообщеніе. Черезъ четыре дня, Ноября 20-го, во время битвы Аустерлицкой, Князь Багратіонъ нѣсколько разъ посылалъ Трубецкаго съ приказаніями подъ убійственнымъ огнемъ Французовъ. При одной изъ сихъ посылокъ Трубецкой замѣтилъ, что небольшой отрядъ непріятелей пробирался въ лѣвое крыло войскъ Багратіона. Немедленно собралъ онъ нѣсколько десятковъ разсѣянныхъ всадниковъ, ударилъ на Французовъ, и прогналъ ихъ. Таковы были первые военные подвиги Трубецкаго, оказанные имъ въ чинѣ Тайнаго Совѣтника и въ качествѣ Адъютанта Князя Багратіона. Удачные опыты на новомъ поприщѣ побудили Князя Трубецкаго остаться въ военной службѣ. Снисходя на его желаніе, Императоръ Александръ, 5-го Января 1806 года, переименовалъ его въ Маіоры, съ состояніемъ по арміи, 30-го того же мѣсяца, по ходатайству Багратіона, за отличіе подъ Вишау, произвелъ въ Подполковники, а за Аустерлицъ наградилъ золотою шпагою, съ надписью: «За храбрость». Въ томъ же году, Іюня 1-го, Князь былъ пожалованъ въ Флигель-Адъютанты, а 13-го Сентября произведенъ въ Полковники и назначенъ эскадроннымъ командиромъ въ Кавалергардскій полкъ.

Черезъ годъ послѣ Аустерлицкой битвы, вспыхнула новая война между Императоромъ Александромъ и Наполеономъ. Ноября 16-го 1806 года престарѣлому полководцу Екатеринина вѣка, Фельдмаршалу Графу Каменскому, ввѣрена была армія, назначенная дѣйствовать противъ Французовъ. Трубецкой получилъ повелѣніе состоять при Главнокомандующемъ. Въ Декабрѣ онъ перешелъ подъ начальство преемника Каменскаго, Беннигсена, и находясь при немъ Бригадъ-Маіоромъ, въ Пултускомъ сраженіи, Декабря 14-го, отдавалъ приказанія въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, подъ непріятельскими выстрѣлами, за что получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Января 24-го 1807-го, состоя въ арріергардѣ Князя Багратіона, командовалъ онъ въ дѣлѣ при Вольфсдорфѣ двумя батальонами Псковскаго Мушкетерскаго полка, и мужественно отстоялъ батарею, нѣсколько разъ атакованную Французами, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. На другой день, 25-го, Князь Трубецкой находился въ арріергардномъ дѣлѣ близъ Ландсберга, а 26 и 27-го Января былъ въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау. За успѣшное исполненіе въ сей битвѣ разныхъ важныхъ порученій Князя Багратіона и самого Главнокомандовавшаго Беннигсена, былъ онъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры, съ назначеніемъ Генералъ-Адъютантомъ. Четыре мѣсяца отдыхали обѣ враждующія стороны послѣ Эйлаускаго побоища. Военныя дѣйствія возобновились 24-го Мая, дѣломъ при Гутштатѣ. За отличіе въ семъ дѣлѣ,

гдѣ Князь Трубецкой командовалъ бригадою изъ Псковскаго и Старооскольскаго Мушкетерскихъ полковъ, получилъ онъ Георгіевскій крестъ 4-го класса. Въ слѣдующіе два дня онъ имѣлъ участіе въ авангардныхъ дѣлахъ при Гейлигенталѣ и Анкендорфѣ; 28-го, состоя подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Маркова, съ тѣми же двумя полками прикрывалъ переходъ арріергарда черезъ рѣку Алле, а 29-го особенно отличился при Гейльсбергѣ. Въ началѣ сего сраженія, командуя частію авангарда, онъ овладѣлъ высотою при деревнѣ Беверникѣ, и удерживалъ ее болѣе двухъ часовъ, не смотря на превосходство въ силахъ непріятеля и сильный его картечный огонь. Потомъ, когда ранили Генералъ-Маіора Вердеревскаго, Князь принялъ подъ начальство свое и его отрядъ, состоявшій изъ Кексгольмскаго Мушкетерскаго полка, части Милиціи и двухъ конныхъ орудій. За Гейльсбергское сраженіе Трубецкой былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-го класса. Потомъ исправлялъ онъ временно должность Дежурнаго Генерала и заключилъ походъ участіемъ въ Фридландской битвѣ, 2-го Іюня 1807-го года. По окончаніи войны Король Прусскій пожаловалъ Трубецкому орденъ «За заслуги».

Возвратясь, послѣ Тильзитскаго мира, въ Петербургъ, Князь Трубецкой болѣе полутора года находился при особѣ Императора Александра. Въ Маѣ 1809 года былъ онъ посланъ къ Главнокомандовавшему Молдавскою арміею Фельдмаршалу Князю Прозоровскому, съ повелѣніемъ о непремѣнномъ переходѣ арміи за Дунай. Поступивъ въ распоряженіе Прозоровскаго, Трубецкой былъ отправленъ имъ въ отрядъ Генералъ Маіора Исаева, дѣйствовавшій соединенно съ Сербами, и во время неуспѣшнаго приступа къ крѣпости Кладово, 9-го Іюля, командовалъ тремя коллонами праваго фланга. Вскорѣ потомъ скончался Прозоровскій, и начальство надъ Молдавскою арміею перешло къ Багратіону. Князь Трубецкой отправился съ новымъ Главнокомандующимъ къ Мачину, оттуда, по взятіи сей крѣпости, къ Гирсову, а потомъ къ Силистріи. На второмъ переходѣ отъ Гирсова Багратіонъ раздѣлилъ армію на три колоны: одну повелъ Милорадовичъ на Черноводы, а съ остальными, ввѣренными Платову и Маркову, самъ Главнокомандующій обратился на Кюстенджи, защищаемый 2000 Кирджалей, по ремеслу разбойниковъ. Августа 29-го Платовъ подступилъ къ крѣпости. Турки сдѣлали вылазку, но посланный противъ нихъ Князь Трубецкой прогналъ ее и преслѣдовалъ до самаго вала. Послѣ сего послали къ коменданту переговорщика о сдачѣ, но Турки приняли его ружейными выстрѣлами. Князь Багратіонъ велѣлъ строить батареи, намѣреваясь громить городъ. При самомъ началѣ работъ Турки вошли въ переговоры, и 30-го Августа, въ день тезоименитства Императора Александра, громъ Русскихъ барабановъ огласилъ Кюстенджійскія стѣны. За прогнаніе вылазки, которымъ ознаменовано было появленіе нашихъ войскъ подъ Кюстенджи, Князю Трубецкому былъ пожалованъ орденъ Св. Анны 1-го класса. Такимъ образомъ, менѣе нежели въ четыре года, промѣнявъ чинъ Тайнаго Совѣтника на чинъ Маіора арміи, онъ всѣ слѣдующіе чины, кромѣ Полковничьяго, и всѣ знаки отличія пріобрѣлъ исключительно боевыми трудами.

Покоривъ Кюстенджи, Князь Багратіонъ направилъ Маркова на Карасу, а самъ, съ корпусомъ Платова, пошелъ въ Черноводы, и соединясь тамъ съ Милорадовичемъ, атаковалъ, Сентября 4-го, при Рассеватѣ, 15-ти-тысячный корпусъ Турковъ, подъ начальствомъ Хозрева-Мегметъ-Паши. Въ семъ блистательномъ для Русскаго оружія сраженіи, Князь Трубецкой, командуя среднею колонною, состоявшею изъ двухъ батальоновъ 7-го Егерскаго и одного 14-го Егерскаго полковъ, при четырехъ орудіяхъ, овладѣлъ четырьмя пушками въ непріятельскомъ укрѣпленіи, съ боя занялъ городъ Рассеватъ, и когда Турки обратились въ бѣгство, быстро преслѣдовалъ ихъ. За сіе сраженіе получилъ онъ золотую шпагу, съ надписью «За храбрость», алмазами украшенную.

Послѣ трехъ-дневнаго отдыха въ Рассеватѣ Русскія войска двинулись къ Силистріи и обложили ее. Князь Трубецкой находился въ авангардѣ Платова, наблюдавшемъ Турковъ со стороны Рущука и Туртукая, откуда Верховный

Визирь могъ явиться на помощь крѣпости. Въ самомъ дѣлѣ, 23-го Сентября показались непріятельскія толпы на Туртукайской дорогѣ, опрокинули казачьи посты и живо подвигались впередъ. Платовъ выступилъ противъ нихъ съ конницею, имѣя въ резервѣ по батальону 7 и 14-го Егерскихъ полковъ, подъ командою Князя Трубецкаго. Атакованные сперва Донцами, а потомъ регулярною конницею, Турки были опрокинуты и преслѣдуемы на 15 верстъ. Пѣхота не могла принять въ семъ кавалерійскомъ дѣлѣ участія, но за то блестящій подвигъ ожидалъ ее впереди. Стѣсненная осадою и громимая Русскими ядрами и бомбами, Силистрія уже была близка къ паденію, когда Верховный Визирь рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы спасти ее. Октября 7-го половина его арміи потянулась изъ Рущука къ селенію Татарицѣ, лежащему на берегу Дуная, верстахъ въ семи отъ Силистріи, заняла селеніе и начала строить окопы. Полагая разбитіе непріятеля лучшимъ способомъ ускорить покореніе Силистріи, Главнокомандующій рѣшился дать Туркамъ сраженіе, и для того, взявъ съ собою девять батальоновъ пѣхоты, отправился съ ними въ авангардъ Платова, стоявшій у селенія Калипетри, на дорогѣ изъ Разграда. Турки, расположенные при Татарицѣ, примыкали лѣвымъ крыломъ къ Дунаю, а правое и центръ обнесли редутами и батареями. Октября 10-го, въ 4 часа утра, Князь Багратіонъ двинулся на непріятеля, имѣя въ первой линіи казаковъ, а во второй шесть пѣхотныхъ кареевъ, изъ которыхъ крайній, ввѣренный Трубецкому, состоялъ, какъ и подъ Рассеватомъ, изъ двухъ батальоновъ 7-го и одного батальона 14-го Егерскихъ полковъ. Въ промежуткахъ кареевъ помѣстили регулярную конницу. Дѣло началось въ центрѣ, третьимъ отъ праваго крыла кареемъ Бахметева, и вскорѣ жестокій бой завязался по всей линіи. Какъ отчаянные лезли Турки на штыки и батареи, и стоило большихъ усилій отбивать ихъ. Князь Трубецкой, споспѣшествуемый быстрыми движеніями Генералъ Маіора Графа Палена, начальника конницы лѣваго крыла, занялъ правый непріятельскій редутъ и открылъ жестокій огонь по другимъ ближайшимъ окопамъ Турковъ. Сраженіе длилось уже около двухъ часовъ, когда Турецкая конница, отброшенная къ Дунаю, возвратилась съ новыми силами, и при страшномъ крикѣ и визгѣ, всею силою ударила на Трубецкаго, отдѣленнаго отъ другихъ пяти кареевъ. Тщетно Графъ Паленъ повторенными атаками Стародубовскаго и Дерптскаго Драгунскихъ полковъ пытался удержать натискъ Турковъ, тщетно бывшія у Трубецкаго шесть Донскихъ орудій усилили огонь свой. Толпы Музульманъ, опрокинувъ драгуновъ и казаковъ, овладѣли двумя орудіями, пробились до пѣхоты и окружили ее со всѣхъ сторонъ. Безнадежно казалось положеніе егерей Трубецкаго. Болѣе часа они были окружены несчетными толпами непріятельскихъ всадниковъ, но отражали всѣ нападенія ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, и не только не дали нигдѣ прорвать карея, но, очистивъ одинъ фасъ его отъ нападающихъ, выслали стрѣлковъ, и тѣ возвратились съ отбитыми непріятелемъ двумя пушками. Между тѣмъ Графъ Паленъ не утомлялся повторять атаки, и на выручку Трубецкаго подоспѣлъ Украинскій Мушкетерскій полкъ. При его появленіи Турки отступили. Вскорѣ потомъ, въ пять часовъ по полудни, сраженіе кончилось. Не видя возможности выбить Турковъ изъ окоповъ, Князь Багратіонъ простоялъ сутки въ виду непріятеля, надѣясь выманить его на бой, но Турки не выходили, а черезъ четыре дня и самъ Верховный Визирь пришелъ въ Татарицу. Багратіонъ возвратился къ Силистріи, и началъ готовиться къ переходу на лѣвый берегъ Дуная. Съ извѣстіемъ о снятіи Силистрійской осады и для изустнаго изложенія Императору Александру состоянія дѣлъ, Багратіонъ отправилъ въ Петербургъ Князя Трубецкаго. Посланный былъ награжденъ за Татарицкое сраженіе орденомъ Св. Владиміра 2-й степени, и въ половинѣ Ноября возвратился къ Главнокомандующему, съ рескриптомъ и словеснымъ подтвержденіемъ оставаться въ Булгаріи и не переходить черезъ Дунай. Начатую переправу войскъ немедленно остановили, но по встрѣтившимся обстоятельствамъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ началѣ Января 1810 года,

армія нашлась принужденною возвратиться за Дунай. Князь Трубецкой, поступившій опять подъ начальство Платова, провелъ остальное время зимы въ Рымникѣ, ровно за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ прославленномъ побѣдою Суворова.

Въ Мартѣ 1810 года мѣсто Князя Багратіона въ предводительствованіи Молдавскою арміею заступилъ Графъ Каменскій 2-й. По новому, сдѣланному имъ росписанію войскъ, Князю Трубецкому поручена была бригада изъ Шлиссельбургскаго и Староингерманландскаго Мушкетерскихъ полковъ. Нетерпѣливо готовилась Русская армія открыть военныя дѣйствія подъ начальствомъ юнаго полководца, въ комъ видѣли великую надежду Александръ и Его Россія. Въ послѣднихъ числахъ Апрѣля Графъ Каменскій переправился черезъ Дунай у Гирсова, овладѣлъ Силистріею, и обратился на Шумлу, рѣшаясь взять приступомъ сію твердыню Оттоманской Имперіи. Поутру 11-го Іюня повели атаку. На правомъ крылѣ поручено было дѣйствовать Левизу, на лѣвомъ старшему брату Главнокомандующаго, Графу Каменскому 1-му, а атаку центра принялъ на себя самъ Каменскій 2-й, съ колоннами Раевскаго, Уварова и Эссена. Каменскому 1-му предписано было атаковать Шумлу со стороны Янибазара и дѣйствіями своими отвлечь вниманіе непріятеля отъ нашего праваго крыла, гдѣ Левизъ долженъ былъ занять гору, вправо отъ Силистрійской дороги, представлявшую удобство обозрѣвать Шумлу. Колонны Раевскаго, Уварова и Эссена, шедшія въ промежуткѣ фланговъ и долженствовавшія открыть дѣйствія послѣ Каменскаго 1-го и Левиза, все ближе и ближе подходили къ крѣпости, когда, къ удивленію Главнокомандующаго, ни братъ его, ни Левизъ не начали еще дѣла. Первый изъ нихъ остановилъ свои войска для отдыха, а второй былъ задержанъ сломанными мостами и на горѣ, куда ему надлежало взойдти, для веденія атаки. Медленность движеній Каменскаго 1-го и Левиза разрушила весь планъ приступа. Главнокомандующій, видя свои предположенія ниспровергнутыми, остановилъ армію въ глазахъ непріятеля. Не желая оставить въ рукахъ Турковъ гору на лѣвомъ ихъ крылѣ, онъ послалъ батальонъ 8-го Егерскаго полка занять ее. Егеря были опрокинуты. На помощь имъ Каменскій велѣлъ идти Князю Трубецкому, съ двумя батальонами Шлиссельбургскаго полка, а между тѣмъ приблизился Левизъ. Съ одною половиною своего отряда пошелъ онъ на гору, а другую поручилъ Сабанѣеву — въ послѣдствіи Генералъ отъ Инфантеріи — приказавъ ему оставаться внизу, дабы Турки не могли обойдти войскъ, дѣйствовавшихъ на высотѣ. Соединенныя силы Трубецкаго и Левиза взобрались на гору, но не могли подаваться впередъ, встрѣтивъ яростный отпоръ Турковъ, имѣвшихъ при себѣ пушки и занявшихъ пѣхотою колючій кустарникъ. Пока сіе происходило, войска Графа Каменскаго 1-го приближались съ лѣвой стороны, опрокинули вышедшую на встрѣчу имъ непріятельскую конницу и, примкнувъ къ главной арміи, вмѣстѣ съ нею были простыми зрителями кипѣвшаго на горѣ боя. Постигая, что гора составляетъ ключъ Шумлы, Верховный Визирь обратилъ на защиту ея главныя свои силы. Графъ Каменскій послалъ на подкрѣпленіе Князя Трубецкаго Староингерманландскій полкъ, а къ Левизу четыре батальона. То Янычары, какъ остервенѣлые, кидались на нашихъ стрѣлковъ, то наши отбрасывали Янычаровъ въ кустарники, то съ другихъ сторонъ Турки, съ саблями и кинжалами, доносились до нашихъ кареевъ. Наконецъ Трубецкой успѣлъ утвердиться на одной части горы, но другая часть осталась за Турками, продолжавшими перестрѣливаться съ нашими. Темнота ночи положила конецъ бою, и обѣ стороны остались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ провели день. На разсвѣтѣ слѣдующаго утра, Турки возобновили нападеніе. Загорѣвшись съ новою силою, сраженіе продолжалось опять до ночи, и кончилось такъ же не рѣшительно, какъ наканунѣ. Между тѣмъ Графъ Каменскій измѣнилъ планъ дѣйствій своихъ противъ Шумлы, и приказалъ оставить гору, стоившую много Русской крови. Двухъ-дневный бой 11 и 12-го Іюня, въ которомъ пушечное ядро убило лошадь подъ Княземъ Трубецкимъ, доставилъ ему алмазные знаки ордена Св. Анны 1-й степени. Черезъ

нѣсколько дней онъ заболѣлъ и отправился въ Петербургъ, гдѣ, выздоровѣвъ, поступилъ по прежнему къ особѣ Императора и находился при Его Величествѣ во всю Отечественную войну, исполняя многоразличныя Высочайшія порученія.

По изгнаніи непріятелей изъ Россіи, когда Французско-Саксонскій корпусъ Генерала Ренье, отдѣлясь въ Варшавѣ отъ Австрійцевъ, пошелъ въ Саксонію, черезъ Калишъ, Кутузовъ, давно сторожившій движенія Ренье, послалъ на перерѣзъ его пути десяти-тысячный корпусъ, ввѣренный Винцингероде. Трубецкому поручено было начальство надъ резервомъ сего корпуса, состоявшимъ изъ 35-ти эскадроновъ регулярной конницы, 3-хъ полковъ казачьихъ и роты конной артиллеріи. Февраля 1-го 1813 года Винцингероде настигъ Генерала Ренье подъ Калишемъ, и немедленно атаковалъ его. Во время боя, Князь Трубецкой послалъ два эскадрона Маріупольскаго Гусарскаго полка во флангъ непріятеля, и они отбили двѣ пушки, за что Трубецкой получилъ Высочайшее благоволеніе. Послѣ Калишскаго дѣла, продолжая командовать резервомъ Винцингероде, Князь Трубецкой пошелъ съ нимъ черезъ Дрезденъ въ Лейпцигъ. Наполеонъ не замедлилъ явиться въ средоточіе Германіи, съ новою арміею. Апрѣля 19-го онъ атаковалъ Винцингероде близъ Люцена. Въ семъ дѣлѣ Князь Трубецкой особенно отличился упорною защитою селенія Старзиделя, которое онъ долго удерживалъ, не смотря на превосходство непріятельскихъ силъ. На другой день, 20-го, въ сраженіи подъ Люценомъ, Князь Трубецкой находился со ввѣренною ему конницею на лѣвомъ крылѣ нашемъ и успѣшно атаковалъ нѣсколько разъ непріятельскую пѣхоту. При отступленіи арміи отъ Люцена, онъ получилъ повелѣніе присоединиться къ арріергарду, бывшему подъ командою Графа Милорадовича, и принималъ самое дѣятельное участіе въ блистательныхъ арріергардныхъ дѣлахъ его: Апрѣля 30-го, подъ Бишофсверде, и Мая 3-го, подъ Гедау; 8-го, въ первый день Бауценскаго сраженія, находился при отраженіи атакъ, веденныхъ Маршалами Макдональдомъ и Удино противъ Милорадовича; въ битвѣ 9-го Мая, стоя съ своею конницею въ первой линіи центра и замѣтивъ, что, Французы устроивали противъ него батарею, приказалъ онъ атаковать ее двумъ эскадронамъ 3-го Украинскаго Казачьяго полка и одному Черниговскаго Конно-егерскаго. Наши смѣло понеслись на батарею, овладѣли ею и увезли одну пушку, но остальныя орудія, по неимѣнію при нихъ передковъ, должны были оставить на мѣстѣ. Мая 10-го, Князь Трубецкой бился при Рейхенбахѣ съ Французскою конницею. За всѣ сіи дѣла произведенъ онъ былъ въ Генералъ-Лейтенанты, 15-го Сентября. Послѣ Пойшвицкаго перемирія, кончившагося въ началѣ Августа, Князь Трубецкой находился при Особѣ Императора Александра, былъ съ Нимъ въ сраженіяхъ, Августа 14-го и 15-го, подъ Дрезденомъ, а 18-го, подъ Кульмомъ. Въ первый день Лейпцигской битвы, Октября 4-го, когда самый кровавый бой кипѣлъ въ Госсѣ и Ауэнгеймѣ, донесли Императору Александру, что командиръ Гренадерскаго корпуса Раевскій, оборонявшій противъ Виктора, со 2-ю Гренадерскою дивизіею, Ауэнгеймскую овчарню, тяжело раненъ. Минута была рѣшительная. Надлежало назначить гренадерамъ вождя, испытаннаго въ битвахъ. Выборъ Александра остановился на Князѣ Трубецкомъ. Прибывъ къ гренадерамъ, Трубецкой увидѣлъ, что Французы, занявъ Дезенъ, прервали сообщеніе между нашими войсками. Въ сію минуту подоспѣли къ Ауэнгейму съ лѣваго берега Плейсы Австрійскіе резервы. Пѣхота ихъ, подъ начальствомъ Вейсенвольфа, подкрѣпила нашихъ гренадеровъ, а конница, предводимая Графомъ Ностицомъ, ударила на конницу непріятельскую, заходившую въ лѣвый флангъ Трубецкаго. Взявъ батальонъ Московскаго Гренадерскаго полка и одинъ Венгерскій полкъ, Трубецкой атаковалъ Дезенъ и выбилъ оттуда непріятеля, чѣмъ возстановилъ прерванное сообщеніе. Продолжая начальствовать Гренадерскимъ корпусомъ, Князь, въ послѣдовавшіе два дня сраженія подъ Лейпцигомъ, 6-го и 7-го Октября, находился на лѣвомъ крылѣ, и подкрѣплялъ Австрійскаго Генерала Графа Коллоредо. Трехъ-дневная Лейпцигская битва доста-

вила Князю Трубецкому, во второй разъ, золотую шпагу, съ алмазами и надписью «За храбрость». Доведя Гренадеровъ до Фрейбурга, близъ Рейна, Князь Трубецкой сдалъ начальство надъ ними возвратившемуся къ арміи Раевскому, и поступивъ опять въ свиту Императора Александра, былъ при Немъ въ сраженіяхъ подъ Бріенномъ, Арсисомъ, Фершампенуазомъ и Парижемъ, часто посылаемый Монархомъ съ приказаніями сражавшимся войскамъ. Кромѣ исчисленныхъ наградъ, полученныхъ Княземъ Трубецкимъ въ походахъ 1813-го и 1814-го годовъ, былъ онъ въ то время и послѣ взятія Парижа пожалованъ отъ иностранныхъ Монарховъ орденами, Австрійскими Леопольда и Маріи Терезіи, Прусскимъ Краснаго Орла, Французскимъ Св. Лудовика, Сардинскимъ Св. Маврикія и Лазаря, и Баварскимъ Максимиліана. Въ 1815 году онъ опять сопровождалъ Государя за границу, и вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, 26-го Января 1816 года, былъ назначенъ членомъ Комитета, Высочайше учрежденнаго въ 18 день Августа 1814 года, для призрѣнія увѣчныхъ воиновъ.

Въ 1818 году, Монархъ Пруссіи, вѣрный другъ и союзникъ Императора Александра, изъявилъ желаніе посѣтить Того, съ Кѣмъ рука объ руку шелъ онъ отъ Люцена до Парижа, дѣля вмѣстѣ побѣды, неудачи и опасности. Князь Трубецкой былъ посланъ на границу для встрѣчи Вѣнценоснаго гостя, состоялъ при немъ во все время пребыванія его въ Россіи, и сопровождалъ его, на обратномъ пути, до предѣловъ Пруссіи. Король Фридрихъ Вильгельмъ пожаловалъ ему орденъ Краснаго Орла 1-й степени, съ алмазами, и портретъ свой, написанный во весь ростъ. Черезъ семь лѣтъ, въ Декабрѣ 1825 года, Князь Трубецкой ѣздилъ въ Берлинъ, вѣстникомъ кончины Благословеннаго и восшествія на престолъ Императора Николая Павловича. Милостиво принялъ сподвижникъ Александра бывшаго Его Генералъ-Адъютанта и пожаловалъ ему золотую, бриліянтами украшенную табакерку, съ своимъ портретомъ.

Возвратясь въ Россію, Князь Трубецкой былъ назначенъ, 22-го Мая 1826 года, Президентомъ Общества Попечительнаго о Тюрьмахъ; въ Іюнѣ, по Высочайшему повелѣнію, былъ посыланъ въ Курскъ; 22-го Августа, въ день священнаго коронованія Государя Императора Николая Павловича, произведенъ, за отличіе по службѣ, въ Генералы отъ Кавалеріи и въ томъ же году, 6-го Декабря, назначенъ Сенаторомъ. Осчастливленный милостями и довѣренностію двухъ Монарховъ, Князь Трубецкой, въ 1827 году, ѣздилъ въ Варшаву, Предсѣдательствующимъ Коммисіи, посланной отъ Чрезвычайнаго Собранія 5-го Департамента Правительствующаго Сената, для изслѣдованія дѣла о преданныхъ суду членахъ Польскихъ тайныхъ обществъ. Въ 1828 году, во время войны съ Турціею, онъ находился при Особѣ Государя Императора Николая Павловича, подъ Шумлою и Варною; въ день покоренія послѣдней изъ сихъ крѣпостей, 29-го Сентября, пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго, съ алмазными украшеніями, и потомъ сопутствовалъ Его Императорскому Величеству въ Одессу, на кораблѣ Императрица Марія, въ шести-дневномъ плаваніи, ознаменованномъ жестокою бурею, въ томъ краю незапамятною.

Война 1828 года была послѣдняя, въ которой Князь Трубецкой участвовалъ. Въ исходѣ сего года онъ возвратился къ мирнымъ занятіямъ, по званію Сенатора, Члена Комитета 18-го Августа 1814 года и Президента Общества Попечительнаго о Тюрьмахъ. Марта 30-го 1829, онъ былъ назначенъ Предсѣдательствующимъ Членомъ особаго Комитета для начертанія положенія объ учрежденіи Исправительныхъ Заведеній, и составлялъ положеніе и планы симъ заведеніямъ. Въ Сентябрѣ 1829 года, Князь Трубецкой былъ отправленъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Берлинъ, для извѣщенія Короля Фридриха Вильгельма объ Адріанопольскомъ мирѣ. Въ третій разъ являлся онъ предъ Монархомъ Пруссіи, и при семъ случаѣ опять получилъ отъ него золотую, алмазами украшенную табакерку, съ портретомъ Короля. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ Іюнѣ 1830 года, онъ ѣздилъ, въ качествѣ Чрезвычайнаго Посланника, въ Лондонъ, для поздравленія Короля Вильгель-

ма IV съ восшествіемъ на престолъ Великобриттаніи. Преемникъ Георга IV подарилъ Трубецкому драгоцѣнную табакерку, съ брилліантами и своимъ портретомъ. Въ 1831 году, когда въ Петербургѣ свирѣпствовала холера, Князь Трубецкой былъ Временнымъ Военнымъ Губернаторомъ Литейной, Рождественской и Каретной частей города, и «за отлично усердное, дѣятельное исправленіе сей должности» пожалованъ золотою табакеркою, украшенною брилліантами и портретомъ Государя Императора. Въ 1833 году, Высочайшимъ рескриптомъ, на имя Князя Трубецкаго, въ 30-й день Мая послѣдовавшимъ, объявлено ему совершенное Монаршее удовольствіе за ревностные и успѣшные труды по званію Президента Общества Попечительнаго о Тюрьмахъ. Въ 1834 году, 22-го Апрѣля, Князь Василій Сергѣевичъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 1-й степени; 6-го Декабря 1835 года назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта; Іюля 21-го 1839-го года, Высочайшимъ рескриптомъ изъявлено было ему, какъ Президенту Общества Попечительнаго о Тюрьмахъ, совершенное Его Величества удовольствіе. Около сего же времени, по предложеніямъ Князя Трубецкаго, учрежденъ въ Петербургѣ Комитетъ о разборѣ и презрѣніи нищихъ. Онъ скончался послѣ продолжительной болѣзни, въ Петербургѣ, 10-го Февраля 1841 года, и похороненъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ, въ церкви Сошествія Св. Духа, оставивъ послѣ себя супругу и десятерыхъ дѣтей. Онъ былъ женатъ на Софьѣ Андреевнѣ, урожденной Вейсъ, въ 1816 году пожалованной Кавалерственною Дамою ордена Св. Екатерины.

Блистательный офицеръ Гвардіи и царедворецъ въ молодости, храбрый и распорядительный воинъ въ лѣтахъ силы и крѣпости, Князь Василій Сергѣевичъ, всегда страстный любитель и глубокій знатокъ изящныхъ искуствъ, посвящалъ послѣдніе годы жизни своей благотвореніямъ страждущему человѣчеству.

Генералъ - Лейтенантъ

Евстафій Евстафіевичъ

УДОМЪ 2й.

Е. Е. УДОМЪ.

Евстафій Евстафьевичъ Удомъ 2-й, Генералъ-Лейтенантъ, кавалеръ орденовъ: Св. Анны 1-й и Св. Владиміра 2-й степеней, Св. Георгія 4-го класса, Прусскаго Краснаго Орла 2-й степени, Шведскаго Меча и Баденскаго Церингенскаго Льва, Командоръ Французскаго Почетнаго Легіона, имѣвшій золотую шпагу съ алмазами и надписью: «За храбрость» и медали въ память 1812-го года и взятіе Парижа, родился въ 1761-мъ году. Бѣдный Лифляндскій дворянинъ, онъ былъ, по одиннацатому году отъ рожденія, записанъ сержантомъ въ Нашебургскій Пѣхотный полкъ, стоявшій тогда въ Польшѣ; въ 1776-мъ году произведенъ въ Прапорщики, въ 1778-мъ въ Подпоручики, въ 1779-мъ въ Поручики, съ переводомъ въ Углицкой Пѣхотный полкъ, а въ 1783-мъ въ Капитаны. Въ 1788 году онъ поступилъ въ Корпусъ Графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго (въ послѣдствіи Фельдмаршалъ), принадлежавшій къ Украинской арміи, Румянцова-Задунайскаго, былъ въ дѣлахъ 19-го и 26-го Декабря, при селеніяхъ Гангурѣ и Салкузѣ, потомъ въ Молдавіи, противъ Турковъ и Татаръ, когда они производили набѣги на зимнія квартиры наши. Въ слѣдующемъ году, по увольненіи Графа Румянцова-Задунайскаго, когда ввѣренныя ему войска были присоединены къ арміи Князя Потемкина, Удомъ участвовалъ въ походѣ Князя Рѣпнина подъ Измаилъ, и былъ съ Потемкинымъ при занятіи Бендеръ. Въ 1791-мъ онъ находился при пораженіи Верховнаго Визиря подъ Мачинымъ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ того же года перевели Удома въ Сибирскій Гренадерскій полкъ, стоявшій въ Польшѣ. Въ 1792-мъ году Іюля 7-го, Удомъ сражался съ Поляками при мѣстечкѣ Дубенкѣ, командуя ротою, и столь отлично, что получилъ орденъ Св. Георгія 4-го класса. По окончаніи военныхъ дѣйствій, онъ вступилъ въ Варшаву, и находился въ семъ городѣ во время вспыхнувшаго тамъ бунта, 6-го Апрѣля 1794 года. Окруженный со всѣхъ сторонъ мятежниками, онъ пробился съ своею ротою сквозь вооруженныя толпы черни, соединился съ Генераломъ Ферзеномъ и былъ съ нимъ при осадѣ Варшавы. Награжденный, 29-го Сентября, чиномъ Секундъ-Маіора, онъ былъ въ Ноябрѣ 1796 года, въ самомъ началѣ царствованія Императора

Павла, переименованъ въ Маіоры, въ 1799-мъ произведенъ въ Подполковники, а въ 1803-мъ въ Полковники. Въ семъ чинѣ, продолжая служеніе въ Сибирскомъ полку, Удомъ въ 1804-мъ году отправился, на судахъ Черноморскаго флота, изъ Севастополя въ Корфу, гдѣ тогда находился Русскій гарнизонъ, а осенью 1805-го, въ началѣ первой войны Императора Александра съ Наполеономъ, былъ перевезенъ въ Неаполь. Тамъ собрался тогда Корпусъ нашихъ, Англійскихъ и Неаполитанскихъ войскъ, ввѣренный Генералу Ласси, и назначавшійся для изгнанія Французовъ изъ Верхней Италіи. Свидѣтель восторговъ и надеждъ Неаполитанскаго народа, Удомъ выступилъ съ Сибирскимъ полкомъ въ походъ, и дошелъ съ нимъ и другими войсками Генерала Ласси до Гаэты, гдѣ, въ слѣдствіе Аустерлицкой битвы, дальнѣйшее движеніе было отмѣнено. Вскорѣ за тѣмъ пришло повелѣніе Императора Александра о совершенномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій. Англичане отправились въ Мальту, Неаполитанцы въ Калабрію, а Русскіе пошли въ гавань Баію, и тамъ сѣли на прибывшую изъ Балтики эскадру Вице-Адмирала Сенявина. Сибирскій полкъ отправился въ Россію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи изъ Италіи, 13-го Сентября 1806-го года, Удомъ былъ назначенъ Шефомъ Галицкаго Мушкетерскаго полка и ходилъ съ нимъ, въ 1809-мъ году, въ корпусѣ Князя Сергѣя Ѳеодоровича Голицына, въ Галицію, противъ Австрійцевъ. Походъ сей обошелся почти безъ пролитія крови. Осенью 1810 года, Галицкій полкъ былъ переименованъ въ 38-й Егерскій и поступилъ въ составъ Молдавской арміи, Графа Николая Михайловича Каменскаго, при чемъ Удомъ былъ назначенъ Бригаднымъ командиромъ 10-го и 38-го Егерскихъ полковъ. По прибытіи къ арміи, бригада сія была назначена, въ Январѣ 1811-го, въ отрядъ Генералъ-Маіора Графа Сентъ-Пріеста, посланный изъ Никополя для занятія крѣпости Ловчи. Выступивъ изъ Никополя 28-го Января, войска пришли черезъ день подъ Ловчу, и когда большая часть ихъ, ведомая самимъ Сентъ-Пріестомъ, незамѣченная Турками, обходила крѣпость горами, бригада Удома первая поднялась на крѣпостной валъ и ударила на сбѣгавшихся туда полусонныхъ, въ расплохъ захваченныхъ Турковъ. Московскій Гренадерскій и 45-й Егерскій полки послѣдовали за бригадою Удома и вмѣстѣ съ нею спустились въ городъ, когда въ то же время ворвались туда наши войска и съ другихъ сторонъ. Часть гарнизона обратилась въ бѣгство, а другая заперлась въ мечетяхъ и домахъ, но была выбита изъ нихъ, послѣ упорнаго боя. 1000 плѣнныхъ, 10 пушекъ, 50 знаменъ и множество снарядовъ были трофеями побѣды, въ которой полки Удома имѣли самое дѣятельное участіе. Послѣ покоренія Ловчи, доставившаго Удому Генералъ-Маіорскій чинъ, онъ находился въ отрядѣ, посланномъ для занятія укрѣпленнаго города Сельви, лежащаго у входа въ Балканы. Городъ сдался безъ сопротивленія, послѣ чего Удомъ возвратился черезъ Ловчу въ Никополь, и потомъ перешелъ въ Валахію. Между тѣмъ Каменскій получилъ Высочайшее повелѣніе изъ состоявшихъ у него девяти дивизій пять отправить къ Днѣстру. Въ числѣ ихъ находилась 9-я дивизія, къ которой принадлежала бригада Удома и которою начальствовалъ Князь Италійскій, Графъ Аркадій Александровичъ Суворовъ Рымникскій. На обратномъ семъ походѣ Удомъ подъѣзжалъ къ рѣкѣ Рымнику въ одной коляскѣ съ Суворовымъ. Рѣка была въ разлитіи и бушевала. Суворовъ хотѣлъ непремѣнно переѣхать, и на увѣщаніе жителей не отваживаться на явную смерть, отвѣчалъ шутя: «Рымникъ не «страшенъ Рымникскому». Едва въѣхалъ онъ въ рѣку, коляску опрокинуло и Суворовъ, тогда свѣтлая надежда Русской арміи, пошелъ ко дну. Удомъ былъ чудесно спасенъ. Лѣтомъ 9-я дивизія была снова возвращена назадъ, къ Бырладу, а оттуда пошла на усиленіе Кутузова, преемника Каменскаго въ начальствованіи Молдавскою арміею, и прибыла къ нему въ самый тотъ день, когда заманенный имъ Верховный Визирь Ахметъ-Бей переправился съ своею арміею на лѣвый берегъ Дуная. Четыре недѣли стоялъ Удомъ у Слободзеи, и особеннымъ отличіемъ ознаменовалъ себя при переправѣ съ Марковымъ на правый берегъ Дуная, гдѣ нашими войсками

былъ захваченъ весь богатый и роскошный лагерь Верховнаго Визиря. Въ числѣ награжденныхъ за сей блистательный подвигъ, рѣшившій участь похода 1811 года, или, справедливѣе, участь войны, веденной тогда Императоромъ Александромъ съ Турками, находился и Удомъ. Ему была пожалована Аннинская лента.

По заключеніи Букарестскаго мира, Удомъ пошелъ съ Молдавскою арміею на Волынь, и поступилъ въ составъ корпуса Генералъ-Лейтенанта Евгенія Ивановича Маркова, въ арміи Тормасова. Онъ участвовалъ въ побѣдѣ, одержанной 15-го Іюля, при Кобринѣ, надъ Саксонскимъ Генераломъ Кленгелемъ. Сей первый важный успѣхъ Русскаго оружія надъ непріятельскимъ въ Отечественную войну былъ одержанъ въ тотъ самый великій день, когда Императоръ Александръ явился въ Московскомъ Слободскомъ дворцѣ, среди Дворянства и Купечества. Августа 1-го, на другой день боя при Городечнѣ, Удомъ находился въ арріергардѣ Графа Ламберта, 4-го имѣлъ сшибку съ Австрійцами у мѣстечка Дивино, и отступивъ потомъ, съ прочими войсками Тормасова, къ Луцку, оставался тамъ въ бездѣйствіи до второй половины Сентября, когда прибыла Дунайская, бывшая Молдавская, армія, Адмирала Чичагова. Сентября 28-го, при соединеніи обѣихъ армій и новомъ распредѣленіи войскъ, ихъ составлявшихъ, Удомъ поступилъ въ 1-й Корпусъ, ввѣренный Графу Ламберту. На другой день назначено было атаковать Австрійцовъ, въ укрѣпленной позиціи, у Бреста-Литовскаго, но предводительствовавшій ими Фельдмаршалъ Шварценбергъ, не выждавъ нападенія, отступилъ за рѣку Лѣсну, къ мѣстечку Високо-Литовску. Войска наши успѣли только настичь непріятельскій арріергардъ и завязали съ нимъ жаркій бой, во время котораго пушечнымъ ядромъ разбило Удому пальцы лѣвой ноги, такъ, что ихъ надлежало отнять на мѣстѣ. Принужденный, для излеченія раны, оставить на время свою бригаду, Удомъ явился къ ней уже почти черезъ годъ, во время Пойшвицкаго перемирія, когда 10 и 38-й Егерскіе полки находились въ Силезской арміи, Блюхера, близъ селенія Виттеримъ. Вскорѣ за тѣмъ, по новому распредѣленію войскъ, оба полка составили бригаду Генералъ-Маіора Иванова (въ 1828-мъ году смертельно раненый подъ Шумлою), а Удому была ввѣрена 9-я Пѣхотная дивизія, составлявшая, вмѣстѣ съ 15-ю, Назимова, а потомъ Корнилова, 9-й Пѣхотный корпусъ, Олсуфьева. Въ дивизіи Удома были полки: Нашебургскій, Ряжскій и Якутскій Мушкетерскіе, и 10-го и 38-го Егерскіе. По истеченіи перемирія дивизія Удома участвовала въ дѣлахъ: Августа 7-го, при Левенбергѣ, 11-го, при Гольдбергѣ, и 14-го въ пораженіи Французовъ на берегахъ Кацбаха. Во время Кацбахской битвы, когда корпуса Генераловъ Сакена и Іорка съ блистательнымъ успѣхомъ дѣйствовали на правомъ нашемъ крылѣ, противъ Магдональда, Генералъ Лористонъ старался всѣми силами сбить лѣвое наше крыло, предводимое Графомъ Ланжерономъ, подъ начальствомъ коего состоялъ Удомъ. Поставленная Лористономъ за селеніемъ Геннерсдорфомъ 30-ти орудійная батарея жестокимъ огнемъ своимъ уже заставила замолчать батарею, находившуюся въ центрѣ нашихъ войскъ, и непріятельскія колонны взошли на высоту, гдѣ находилась сія батарея. Видя опасность, Удомъ, стоявшій позади Геннерсдорфа, бросился съ своею дивизіею густыми колоннами въ штыки, опять овладѣлъ высотою, и поддерживаемый конницею, вогналъ непріятеля въ Геннерсдорфъ. Орденъ Св. Владиміра 3-й степени и Прусскій Краснаго Орла 2-й степени былъ наградою подвига.

Послѣ Кацбахской побѣды, участвуя въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Силезской арміи, Удомъ особенно отличился въ первомъ сраженіи подъ Лейпцигомъ, 4-го Октября. Онъ находился на лѣвомъ крылѣ Блюхеровой арміи, и во время дѣйствій 10-го корпуса, Капцевича, противъ Виндерича, былъ посланъ Олсуфьевымъ, съ бригадою Иванова и стрѣлками Нашебургскаго, Якутскаго и Апшеронскаго полковъ, для занятія березовой рощи близъ Зегаузена. Едва вступилъ туда Удомъ, какъ былъ сильно атакованъ и даже вытѣсненъ непріятелемъ, но подкрѣпленный Ряжскимъ и Колыванскимъ полками, вновь овладѣлъ лѣсомъ, при чемъ Ряжскій полкъ отбилъ знамя 125-го Линейнаго полка. Зегаузен-

скій лѣсъ остался за Удомомъ, войска наши заняли дорогу въ Дюбенъ, и Французы должны были спасаться за рѣку Парту, оставивъ большую часть своего обоза въ добычу казакамъ. На другой день корпусъ Графа Ланжерона поступилъ въ распоряженіе Наслѣднаго Принца Шведскаго. Октября 6-го часть сего Корпуса подкрѣпляла войска, атаковавшія селеніе Шенфельдъ, а другая, гдѣ былъ Удомъ, стояла вдоль берега Парты, содержа связь съ корпусомъ Сакена. Награжденный за Лейпцигскую битву золотою, алмазами украшенною, шпагою, съ надписью: «За храбрость», и лентою Шведскаго ордена Меча, Удомъ находился въ преслѣдованіи Наполеоновыхъ войскъ отъ Лейпцига до Рейна; съ 11-го по 19-е Декабря былъ при блокадѣ Касселя, и переправясь за Рейнъ между Коблепцомъ и Майнцомъ, 22-го числа вступилъ въ предѣлы Наполеоновой Имперіи.

Сраженіе при Бріеннъ-Лешато, 17-го Января 1814-го года, было первое, въ коемъ Удомъ участвовалъ послѣ перехода на лѣвый берегъ Рейна. Черезъ три дня послѣ того, 20-го, въ генеральномъ сраженіи подъ Бріенномъ, онъ распоряжался въ виду Императора Александра, и былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени. Января 29-го былъ однимъ изъ прекрасныхъ дней доблестной жизни Удома. Онъ находился съ 9-мъ Пѣхотнымъ корпусомъ Олсуфьева, заключавшемъ въ себѣ только 3500 человѣкъ, въ Шампоберѣ, когда Олсуфьевъ получилъ извѣстіе о наступленіи на него изъ селенія Баіе Французской конницы. Онъ отрядивъ противъ нея Удома, съ четырьмя егерскими полками. Удомъ вытѣснилъ непріятеля изъ Баіе и занялъ селеніе, но вскорѣ увидѣлъ противъ праваго своего крыла большія конныя колонны. По приказанію Олсуфьева онъ оставилъ Баіе и началъ отступать къ корпусу, сильно преслѣдуемый непріятелемъ. Не смотря на натискъ Французовъ, онъ успѣлъ, при помощи высланнаго Олсуфьевымъ подкрѣпленія, занять высоту, находившуюся вправо отъ дороги, ведущей въ Баіе. Вскорѣ Олсуфьевъ, угрожаемый обходомъ со всѣхъ сторонъ, нашелся принужденнымъ стянуть всѣ свои войска въ Шампоберъ, и послѣ упорной обороны въ семъ селеніи, началъ отступать по дорогѣ въ Эперне. Сражаясь на каждомъ шагу, онъ достигъ Лакоре, но нашедъ и это селеніе занятымъ Французскими войсками, бросился вправо, въ лѣсъ, надѣясь пробраться черезъ него на шоссе къ Этожу. Преодолѣвая бездонную грязь, всѣ возможныя затрудненія и изстрѣлявъ всѣ патроны, корпусъ добрался до желаемой дороги, но непріятель уже успѣлъ занять ее, и окружилъ нашихъ въ лѣсу. Олсуфьевъ былъ взятъ въ плѣнъ. Положеніе обойденныхъ со всѣхъ сторонъ войскъ было гибельно, но присутствіе духа не оставило старшихъ по Олсуфьевѣ начальниковъ обѣихъ дивизій 9-го корпуса, Корнилова и Удома. Рѣшившись защищаться до послѣдней капли крови и не сдаваться, они собрали до 2000 человѣкъ, ударили въ штыки, пробились сквозь непріятеля, и достигли Портобинсона, гдѣ примкнули къ корпусамъ Капцевича и Іорка. Пользуясь ночною темнотою, они успѣли спасти всѣ знамена, 15 орудій, 42 зарядныхъ ящика, и, какъ выразился Корниловъ въ своемъ донесеніи: «спасли честь». Изъ всего Корпуса Олсуфьева уцѣлѣло только до 1500 человѣкъ. Въ разгарѣ тогдашнихъ битвъ съ Императоромъ Французовъ, подвигъ Удома и Корнилова оставался на время незамѣченнымъ, но онъ сдѣлался неотъемлемою принадлежностью Исторіи войнъ Александра, и представляетъ собою одно изъ доблестнѣйшихъ военныхъ дѣлъ. Уже по окончаніи войны, 20-го Августа 1814-го года, приказомъ по арміи, объявлено было Удому Монаршее благоволеніе за Шампоберское дѣло. Потомъ, съ слабыми, почти уничтоженными остатками своей дивизіи, Удомъ участвовалъ въ отступленіи къ Шомону, въ преслѣдованіи непріятеля черезъ Сезанъ, за рѣку Объ и Сену, въ отступательномъ движеніи къ Суассону, въ сраженіяхъ при семъ городѣ и подъ Лаономъ, и заключилъ свои дѣйствія 18-го Марта, подъ Парижемъ, участіемъ въ покореніи Сенъ-Дени, за что получилъ Высочайшее благоволеніе и аренду на 12 лѣтъ въ Кіевской губерніи.

Съ 1-го Сентября 1814-го, переставъ числиться шефомъ 38-го Егерскаго полка, Удомъ возвратился, съ 9-ю Пѣхотною дивизіею, въ Россію, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по случаю ухода Наполеона съ острова Эльбы, опять выступилъ въ походъ и переправясь, въ половинѣ Іюня 1815-го года, черезъ Рейнъ, у Мангейма, находился подъ начальствомъ Графа Ланжерона при блокадѣ крѣпости Меца, а потомъ въ поискѣ противъ Французскихъ партизановъ, появившихся въ тылу нашей арміи. Онъ былъ съ 9-ю дивизіею на знаменитомъ смотрѣ при Вертю, откуда отправился обратно въ Россію, получивъ въ семъ кратковременномъ походѣ Командорственный Крестъ ордена Почетнаго Легіона. Послѣ слишкомъ десятилѣтняго командованія дивизіею, Удомъ былъ произведенъ, 12-го Декабря 1824 года, въ Генералъ-Лейтенанты, 7-го Сентября 1826-го получилъ назначеніе состоять по Арміи, 20-го Іюля 1827-го назначенъ Комендантомъ въ Ригу, 29-го Октября 1828-го уволенъ отъ сей должности, а 22-го Октября 1833 и отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья. Вышедъ въ отставку, Удомъ поселился въ пожалованной ему Императоромъ Александромъ арендѣ, и здѣсь скончался 10-го Мая 1836-го года. Прахъ его покоится въ мѣстечкѣ Златопольи, Чигиринскаго уѣзда. Послѣ него осталась вдова, Теофила Антоновна, урожденная Юрковская, родственница Фельдмаршала Князя Сакена. Отъ брака съ нею Удомъ имѣлъ двухъ дочерей, Анну и Юлію.

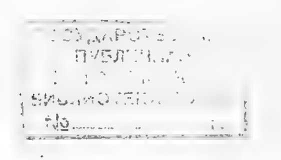
Евстафій Евстафьевичъ Удомъ получилъ хорошее образованіе, и съ самаго поступленія своего на боевое поприще былъ уважаемъ, какъ воинъ храбрый; свидѣтельство тому — Георгіевскій крестъ, полученный имъ въ чинѣ армейскаго Капитана. Потомъ достойно поддерживалъ онъ во всю свою жизнь пріобрѣтенную имъ въ молодости добрую славу, будучи начальникомъ мужественнымъ и распорядительнымъ. Онъ былъ менѣе нежели средняго роста, и послѣ тяжкой раны, полученной имъ на берегахъ Лѣсны, ходилъ опираясь на трость. Взятіе Ловчи, сраженія при Кацбахѣ и Лейпцигѣ и дѣло при Шампоберѣ составляютъ самые блестящіе подвиги боевой службы Удома.

Генералъ-Лейтенантъ

Николай Семеновичъ

СУЛИМА.

Н. С. СУЛИМА.

Николай Семеновичъ Сулима, Генералъ-Лейтенантъ и кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго, съ алмазными украшеніями, Св. Анны 1-й степени, съ такими же украшеніями, Св. Владиміра 2-й степени, Св. Георгія 3-го класса и Прусскаго Краснаго Орла 2-й степени, имѣвшій Польскій знакъ отличія «За военное достоинство», двѣ золотыя шпаги, алмазами украшенныя, съ надписью «За храбрость», и четыре серебряныя медали: въ память 1812-го года, взятія Парижа, за Турецкую войну 1828-го и 1829-го годовъ, и за взятіе Варшавскихъ укрѣпленій въ 1831-мъ году, родился 12-го Декабря 1777-го года. Предки Сулимы происходили изъ Пруссіи, отъ Графовъ Солмсовъ, владѣвшихъ въ Браунсфельдѣ, въ 935, и въ Зоненвальдѣ до 1232-го года. Въ актахъ Государственныхъ упоминается о Иванѣ Сулимѣ, который въ 1644 году былъ при Польскомъ Королѣ Сигизмундѣ, Великимъ Короннымъ Канцлеромъ и владѣлъ многими имѣніями въ Черниговскомъ воеводствѣ и Лубенскомъ ключѣ. Изъ нихъ село Сулиминцы существуетъ еще нынѣ въ Черниговской губерніи. Сынъ Короннаго Канцлера, Ѳедоръ, былъ Полковникомъ Переяславскаго полка, во время Гетманства Богдана Хмѣльницкаго, а внукъ Иванъ, Генеральный Хорунжій, усердно служилъ Россіи, сражался подъ Перекопомъ и Полтавою, былъ съ Петромъ Великимъ на Прутѣ въ 1711-мъ году, и умеръ въ 1721-мъ, въ Вышнемъ-Волочкѣ, откуда тѣло его, по Высочайшему повелѣнію, перевезли и похоронили съ воинскими почестями въ собственномъ его имѣніи, селѣ Сулиминцахъ, гдѣ понынѣ находится его гробница. Сынъ Ивана, Симіонъ, былъ Бунчуковымъ Товарищемъ, служилъ въ царствованіе Анны Іоанновны противъ Турковъ, и въ 1766-мъ году скончался отъ жестокихъ ранъ, полученныхъ въ разныхъ сраженіяхъ. Сынъ его, Семенъ, отецъ Николая Семеновича, былъ Надворнымъ Совѣтникомъ. Такимъ образомъ, родъ Сулимъ почти всегда отличался на военномъ поприщѣ, и Николаю Семеновичу предоставлено было поддержать на немъ честь своего рода.

Николай Семеновичъ, въ 1791-мъ году, былъ отданъ родителями въ Сухопутный (нынѣ 1-й) Кадетскій Корпусъ, но въ 1792-мъ, по ихъ желанію, записанъ въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ; черезъ годъ переведенъ въ

Семеновскій полкъ, сержантомъ, во вновь сформированную при семъ полку Егерскую роту; въ 1797-мъ году произведенъ въ Прапорщики, съ переводомъ въ Нашебурскій Пѣхотный полкъ, и въ томъ же году, по Высочайшему повелѣнію, переведенъ въ Измайловскій полкъ, гдѣ, 26-го Апрѣля, получилъ чинъ Подпоручика. Въ 1799-мъ году онъ былъ Поручикомъ, Шефскимъ и, вмѣстѣ, Полковымъ Адъютантомъ, въ 1800-мъ Штабсъ-Капитаномъ, въ 1803-мъ Капитаномъ и въ томъ же году Полковникомъ. Въ 1804-мъ онъ былъ переведенъ въ Московскій Мушкетерскій полкъ, а въ 1805-мъ, 9-го Января, назначенъ командиромъ сего полка, послѣ Манахтина, въ 1812-мъ году падшаго славною смертію въ Бородинской битвѣ. Шефомъ полка былъ герой Аустерлица, Смоленска и Малоярославца, Дохтуровъ.

Едва успѣлъ Сулима прибыть къ Московскому полку, какъ объявленъ былъ походъ противъ Наполеона. Московскій полкъ поступилъ въ колонну Дохтурова и, прошедъ Галицію, Силезію, Моравію, Богемію и Австрію, до границы Баварской, участвовалъ въ достопамятномъ отступленіи Кутузова отъ Браунау къ Ольмюцу. Особенно отличился Сулима 29-го Октября, подъ Кремсомъ, гдѣ съ полкомъ своимъ, въ дефиле у Дирнштейна, нѣсколько часовъ удерживалъ дивизію Дюпона, спѣшившую на подкрѣпленіе Маршала Мортье, и взялъ Французское знамя. Подвигъ Сулимы былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, съ бантомъ, при лестномъ Высочайшемъ рескриптѣ. Когда, послѣ боя, онъ проходилъ съ полкомъ своимъ мимо Кутузова, вождь сказалъ ему: «Полковникъ, «вы храбры, это обыкновенно въ Русскомъ, но «за вашу находчивость и распорядительность, «при старости лѣтъ моихъ, передъ вами снимаю «шляпу». До конца жизни своей, Сулима съ восторгомъ вспоминалъ о привѣтствіи, сдѣланномъ ему Кутузовымъ. Полкъ выходитъ изъ боя, съ отбитымъ знаменемъ, и маститый Полководецъ, надежда Россіи, обнажаетъ передъ командиромъ его убѣленную лѣтами свою голову — прекрасный предметъ для кисти художника!

Ноября 20-го, въ кровопролитный день Аустерлицкой битвы, Сулима былъ опять въ колоннѣ Дохтурова, дѣйствовавшей на лѣвомъ флангѣ Русской арміи. При началѣ сраженія, когда Дохтуровъ, слѣдуя въ авангардѣ, прошелъ деревню Аугестъ, Сулима съ полкомъ своимъ ударилъ на непріятеля въ штыки, вытѣснилъ его изъ деревни Тельницъ, занялъ ее вмѣстѣ съ другими полками колонны Дохтурова и выстроился на противулежащихъ высотахъ. Вскорѣ лѣвое наше крыло было обойдено и разбито. Отрѣзанный отъ Русской арміи и поражаемый съ Праценскихъ высотъ непріятельскою артиллеріею, Дохтуровъ пробился только съ головными батальонами, имѣя въ арріергардѣ, между другими войсками, Московскій полкъ. Вскорѣ Сулима, съ полкомъ своимъ, былъ окруженъ многочисленнымъ непріятелемъ и, такъ сказать, задавленный корпусомъ Маршала Даву, едва вышелъ изъ развалинъ Тельница. Остатки храбраго Московскаго полка, сомкнувшись въ небольшую кучу и отстрѣливаясь, отступали по слѣдамъ Дохтурова. Еще разъ ударили они въ штыки, когда Французы стали слишкомъ напирать, но что могла сдѣлать горсть храбрецовъ, атакованная многолюднымъ непріятелемъ и громимая слишкомъ ста орудіями? Подъ Сулимою были убиты двѣ лошади. Оставшись пѣшимъ, онъ схватилъ ружье и, какъ простой солдатъ, отбивался имъ отъ Французовъ, пока сильный ударъ палашемъ въ голову не повергъ его за мертво на землю. Пришедъ въ себя, Сулима почувствовалъ, что его поднимаютъ съ земли, дергая за шею. Съ трудомъ открылъ онъ запекшіеся кровью глаза и увидѣлъ Французскаго солдата, силившагося сорвать съ него серебряный знакъ. Опершись на одну руку, Сулима поднялся съ земли, а другою сорвалъ съ себя знакъ и, ударивъ имъ въ лице грабителя, сказалъ по Французски: «Tiens, c'est ainsi qu'un of-«ficier russe te le rend». (Такъ отдаетъ тебѣ Русскій офицеръ знакъ свой). Озлобленный солдатъ хотѣлъ ударить Сулиму штыкомъ; но случившійся тутъ Французскій офицеръ удержалъ его, и чрезъ затихшее поле битвы повлекли окровавленнаго Сулиму въ плѣнъ. Спустя двѣ недѣли онъ былъ размѣненъ Кутузовымъ на плѣннаго Французскаго Полковника Горіоля.

Недолго послѣ Аустерлицкаго похода оставался Сулима на службѣ, и 26-го Октября 1806-го года, по домашнимъ обстоятельствамъ, былъ уволенъ въ отставку. Въ 1811 году, предвидя войну Наполеона съ Россіею, Сулима опять вступилъ въ службу, и былъ назначенъ сперва состоять по арміи, а потомъ командиромъ Таврическаго Гренадерскаго полка, коего шефомъ былъ и есть нынѣ одинъ изъ достойнѣйшихъ генераловъ Русской арміи, Его Королевское Высочество Принцъ Евгеній Виртембергскій. Въ 1812 году полкъ Сулимы поступилъ въ 3-й Пѣхотный корпусъ, Тучкова 1-го, составляя, вмѣстѣ съ С. Петербургскимъ Гренадерскимъ полкомъ, бригаду Фока, въ дивизіи Графа Строганова. При отступленіи отъ Вильны до Смоленска, Сулима, съ полкомъ своимъ, участвовалъ въ сраженіяхъ 13-го и 14-го Іюля подъ Витебскомъ, и 5-го Августа, при Смоленскѣ, когда непріятель покушался переправиться въ бродъ черезъ Днѣпръ. Въ битвѣ подъ Бородинымъ, 26-го Августа, Таврическій полкъ находился на старой Смоленской дорогѣ, въ корпусѣ Тучкова, но послѣ былъ посланъ на лѣвое крыло, на подкрѣпленіе Графа Воронцова. Награжденный за сію битву чиномъ Генералъ-Маіора, Сулима вступилъ въ командованіе бригадою, вмѣсто Фока, получившаго дивизію взятаго въ плѣнъ Генерала Лихачева, и участвовавъ въ движеніи арміи до Тарутина, былъ при разбитіи Мюрата, Октября 6-го, у сего селенія. Оконтуженный въ Тарутинскомъ сраженіи ядромъ въ колѣно правой ноги, Сулима оставался въ арміи, и лечился въ своемъ полку. Ноября 5-го, подъ Краснымъ, Сулима былъ съ полкомъ своимъ въ дивизіи Строганова; 6-го, рано по утру, на большой Смоленской дорогѣ, находился при отраженіи атаки непріятельскихъ колоннъ, и потомъ съ тремя гренадерскими полками былъ посланъ на подкрѣпленіе кирасиръ, Генерала Дуки. Съ ввѣренными ему полками онъ спустился въ оврагъ, для закрытія людей отъ продольныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ, но такъ какъ густой туманъ ложился тогда на землю и покрывалъ всѣ окружающіе предметы, то, слѣдуя по непримѣтному изгибу оврага, вмѣсто того, чтобы придти къ кирасирамъ, Сулима обошелъ флангъ Французовъ. Замѣтивъ свою ошибку, онъ не потерялся: тотчасъ оставилъ въ оврагѣ одинъ батальонъ; разсыпалъ по опушкѣ стрѣлковъ, на случай отступленія, а съ другими войсками вышедъ изъ оврага, велѣлъ всѣмъ тремъ полкамъ взять ружья на перевѣсъ и, добѣжавъ до непріятеля со всевозможною тишиною, внезапно ударить на него. Поздно замѣтивъ движеніе Сулимы, Французы успѣли поворотить противъ него нѣсколько орудій и выстрѣлить только одинъ разъ. Полковникъ Тимротъ, съ Таврическимъ полкомъ, кинулся на орудія и началъ забирать ихъ. Другіе батальоны бросились на крайнія колонны, и опрокинули ихъ на стоявшія съ ними рядомъ. Смятеніе Французовъ было невыразимо. Каждый изъ нихъ искалъ личнаго своего спасенія. Подскакавшіе къ Сулимѣ Графъ Строгановъ и Ермоловъ въ изумленіи спросили: «Откуда ты взялся Николай Семеновичъ?» Въ семъ дѣлѣ Сулима отбилъ шесть орудій и болѣе тысячи человѣкъ плѣнныхъ, и за блистательный подвигъ, по представленію Кутузова, былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-го класса. Съ производствомъ въ Генералы, онъ оставался командиромъ Таврическаго Гренадерскаго полка во все продолженіе войны съ Наполеономъ, начальствуя, въ то же время, попеременно, то бригадою, то отрядами изъ трехъ или четырехъ гренадерскихъ полковъ. Первое дѣло, въ которомъ онъ находился послѣ подвига подъ Краснымъ, было сраженіе подъ Люценомъ, 20-го Апрѣля 1813-го года. Съ Гренадерскими полками, Кіевскимъ, Графа Аракчеева и Таврическимъ, онъ подкрѣплялъ лѣвое крыло Принца Евгенія Виртембергскаго, и способствовалъ взятію селеній Клейнъ и Гроссъ-Гершенъ, а при концѣ сраженія ходилъ на непріятеля въ штыки. Наградою Сулимы за Люценскую битву была алмазами украшенная шпага, съ надписью: «За храбрость». Мая 7-го онъ участовалъ въ дѣлѣ подъ Кенигсварте, а 8-го и 9-го въ Бауценскомъ сраженіи. Свидѣтель дѣйствій его, Король Прусскій пожаловалъ ему орденъ Краснаго орла 2-й степени. По оступленіи отъ Бауцена, Сулима находился въ аррiергардныхъ

дѣлахъ подъ Рейхенбахомъ и Герлицомъ, а послѣ Пойшвицкаго перемирія участвовалъ въ сраженіяхъ: Августа 15-го, подъ Дрезденомъ, и 17-го и 18-го, подъ Кульмомъ. Октября 4-го, въ первый день Лейпцигской битвы, онъ съ Таврическимъ и С. Петербургскимъ Гренадерскими полками, вмѣстѣ съ Прусскою бригадою Пирха, защищалъ селеніе Госсу, въ виду Императора Александра, когда 2-й Пѣхотный корпусъ, Принца Евгенія Виртембергскаго, и Прусская бригада Клюкса были разорваны на двое; одна половина войскъ ихъ отброшена влѣво отъ Госсы, а другая спѣшила къ сему селенію; Русскія батареи одна за другою умолкали и были отвозимы назадъ; 30 нашихъ пушекъ находились уже во власти Французовъ. Только, какъ скала среди разъяреннаго моря, стояли войска Гренадерскаго корпуса; дивизія Чоглокова, въ кареяхъ противъ кавалеріи, у Ауэнгейма, и бригада Сулимы, у Госсы. Сюда ожесточенно стремились Французы. Маршалъ Удино, овладѣвъ передними домами Госсы, уже вступалъ въ средину селенія, когда явился туда Сулима съ обоими своими полками и бригадою Пирха, поддерживаемый полками Лейбъ-Гвардіи: Гренадерскимъ, Павловскимъ, Егерскимъ и Финляндскимъ, приведенными Бистромомъ. Французы были вытѣснены. За сей подвигъ Императоръ Александръ пожаловалъ Сулимѣ орденъ Св. Анны 1-го класса.

По переходѣ черезъ Рейнъ, въ Январѣ 1814-го года, Сулима участвовалъ въ блокадѣ крѣпости Бефора, потомъ былъ въ сраженіяхъ: Января 20, подъ Бріенномъ, Марта 9-го, подъ Арсисомъ сюръ-Объ, и 18-го, подъ Парижемъ, гдѣ находился попеременно у Раевскаго, Паскевича и Чоглокова, на высотахъ между Пантеономъ и Роменвилемъ, и при занятіи Мениль-Монтана и Бельвиля. Марта 21-го онъ былъ отряженъ, съ бригадою изъ Таврическаго и С. Петербургскаго полковъ, для блокады укрѣпленнаго замка Венсенна, и тѣмъ заключилъ походъ свой во Францію. По возвращеніи, въ томъ же году, въ Россію, онъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й Гренадерской дивизіи, а Таврическій полкъ, за подвиги, оказанные имъ подъ начальствомъ Сулимы, въ 1812-мъ, 1813-мъ и 1814-мъ годахъ, получилъ знаки на кивера, съ надписью «За отличіе.» Въ 1816-мъ году, Сулима, страдая отъ контузіи, полученной при Тарутинѣ, и жестокими головными болями, происходившими отъ сильнаго удара палашемъ подъ Аустерлицемъ, просилъ увольненія отъ службы, и 31-го Января былъ уволенъ за ранами. Получивъ нѣкоторое облегченіе, онъ не могъ оставаться въ бездѣйствіи; ему становилось грустно, при видѣ каждаго проходившаго мимо него полка. Каждый изъ нихъ напоминалъ ему прежнія битвы и отличія. Въ 1817-мъ году, 15-го Мая, онъ вступилъ опять въ службу и былъ назначенъ командиромъ 3-й бригады 14-й Пѣхотной дивизіи. Въ 1822-мъ году, 17-го Апрѣля, Сулиму перевели въ 17-ю дивизію, которая послѣ была переименована въ 5-ю. Въ 1824 онъ былъ назначенъ комадиромъ Сводной бригады 14-й Пѣхотной дивизіи, въ корпусѣ Графа Петра Александровича Толстаго; въ 1826-мъ году находился при коронованіи Государя Императора Николая Павловича; за Высочайшій смотръ войскъ, 14-го и 15-го Августа, получилъ Монаршее благоволеніе, а 22-го того же мѣсяца, за отличную службу, награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени. Въ Сентябрѣ того же года, его назначили командующимъ 11-й, а въ 1827-мъ Начальникомъ 16-й пѣхотныхъ дивизій и произвели въ Генералъ-Лейтенанты.

При возгорѣвшейся, въ 1828-мъ году, войнѣ съ Турціею, Сулима выступилъ съ дивизіею своею въ походъ, состоя въ 6-мъ Пѣхотномъ Корпусѣ, Генерала Рота. Въ дивизіи его были полки: Селенгинскій, Якутскій, Камчатскій и Охотскій пѣхотные, и 31-й и 32-й егерскіе. Апрѣля 25-го Сулима переправился черезъ Прутъ, а 28-го Іюня черезъ Дунай, противъ крѣпости Гирсова, и потомъ слѣдовалъ къ Силистріи. Іюля 9-го, въ 3 часа пополудни, авангардъ корпуса Генерала Рота, подъ командою Генералъ-Маіора Габбе, встрѣтилъ Турковъ въ восьми верстахъ отъ Силистріи. Казаки, переходившіе мостъ черезъ небольшую рѣчку, были атакованы Турецкою конницею, но два наши орудія, поставленныя по правую сторону моста,

заставили ее отступить. Донцы перешли мостъ, разсыпались, и завязали перестрѣлку. Охотскій полкъ, изъ дивизіи Сулимы, выслалъ стрѣлковъ, и прикрытый частымъ кустарникомъ, подвигался за казаками. Сильныя непріятельскія колонны, вышедшія изъ крѣпости, атаковали нашъ авангардъ такъ сильно и быстро, что Охотскій полкъ едва могъ удержаться. По приказанію Генерала Рота Сулима вступилъ въ дѣло. Селенгинскій полкъ ударилъ во флангъ Турковъ и отбросилъ ихъ, но вскорѣ самъ былъ атакованъ свѣжими силами Турковъ, безпрестанно прибывавшими изъ крѣпости. Сулима, подкрѣпивъ отрядъ Габбе Камчатскимъ полкомъ, лично повелъ въ штыки 32-й Егерской, и тѣмъ заставилъ Турковъ отступить на довольно дальнее разстояніе. Бой загорѣлся по всей линіи. Непріятель, засѣвъ въ оврагахъ и виноградникахъ, отстрѣливался бѣглымъ ружейнымъ огнемъ, и вывезъ пушки, которыя, совокупно съ крѣпостными орудіями, дѣйствовали ядрами и гранатами. Генералъ Ротъ расположилъ войска слѣдующимъ порядкомъ: на лѣвомъ флангѣ былъ Габбе съ Охотскимъ и Камчатскимъ полками, при четырехъ орудіяхъ пѣшей артиллеріи; Казачій Бегидова полкъ занималъ Дунайскій берегъ, имѣя приказаніе дѣйствовать въ правый флангъ Туркамъ; Сулима былъ въ центрѣ, съ полками Селенгинскимъ, Якутскимъ, 32-мъ Егерскимъ и однимъ батальономъ 31-го Егерскаго, имѣя въ резервѣ С. Петербургскій Уланскій полкъ, одинъ полкъ казаковъ и 6-й Піонерный батальонъ. На правомъ флангѣ, Генералъ-Маіоръ Набель, съ Харьковскимъ Уланскимъ полкомъ, старался загнуть къ крѣпости лѣвое крыло Турковъ, имѣя батальонъ 31-го Егерскаго полка въ резервѣ. Харьковскій полкъ воспользовался выгодною мѣстностью, и успѣшно атаковалъ непріятельскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ виноградникахъ. Сулима ударилъ въ штыки густою цѣпью своихъ стрѣлковъ, подкрѣпленныхъ резервами, и опрокинулъ къ крѣпости непріятельскія колонны центра, а полкъ Бегидова и дивизіонъ С. Петербургскаго Уланскаго полка атаковали непріятеля почти въ тылъ, обойдя правый его флангъ. Симъ дружнымъ натискомъ Турки совершенно были сбиты и бѣжали къ крѣпости, преслѣдуемые уланами и казаками. По захожденіи солнца сраженіе кончилось и позиція для блокаднаго корпуса была занята. Баронъ Крейцъ принялъ начальство надъ лѣвымъ крыломъ корпуса, Набель надъ правымъ, Сулима надъ центромъ.

На другой день, Іюля 10-го, въ третьемъ часу по полудни, Турки сдѣлали сильную вылазку въ лощину, противъ центра блокаднаго корпуса. Въ лощинѣ находились батальонъ Якутскаго полка, эскадронъ С. Петербургскаго Уланскаго и двѣ сотни казаковъ. Отрядомъ симъ командовалъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ Сулимы, Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка Полковникъ Графъ Буксгевденъ. Передовая цѣпь его удержала стремленіе Турковъ. Они возобновили нападеніе. Сулима подкрѣпилъ передовой свой отрядъ другимъ батальономъ Якутскаго полка, и Турковъ опрокинули. Тогда они толпами конницы и регулярною пѣхотою атаковали высоту въ центрѣ блокаднаго корпуса. Сулима поспѣшилъ самъ къ угрожаемому мѣсту, подкрѣпилъ нашу цѣпь резервами и ударилъ въ штыки. Рѣшительный ударъ сей остановилъ непріятеля, но не надолго. Подкрѣпляемые изъ крѣпости, и засѣвши въ садахъ и виноградникахъ, они отстрѣливались частымъ ружейнымъ огнемъ. Крѣпостныя орудія также сильно дѣйствовали по нашимъ войскамъ. Уже начинало смеркаться, но непріятель не отступалъ. Желая скорѣе рѣшить бой, Сулима усилилъ стрѣлковую цѣпь тремя ротами Селенгинскаго полка, и приказалъ одному батальону 32-го Егерскаго полка спуститься по лощинѣ, прилегающей къ лѣвой сторонѣ непріятельской линіи, и внезапно ударить во флангъ Турковъ, немного выдавшійся впередъ. Генералу Набелю также велѣно было дѣйствовать съ своей стороны. Въ нашей цѣпи началась борьба штыками и прикладами, пока батальонъ 32-го полка не дошелъ до назначеннаго ему мѣста. Быстрое появленіе его на флангѣ Турковъ произвело желаемое Сулимою дѣйствіе. Они толпами побѣжали къ крѣпости. Отразивъ непріятеля, Генералъ Ротъ поручилъ старшему сыну Сулимы, служившему въ Харьковскомъ Уланскомъ полку Корнетомъ и бывшему при

немъ на безсмѣнныхъ ординарцахъ, заложить батарею въ лощинѣ. Нѣсколько времени Турки оставались спокойными. Августа 9-го и 10-го они дѣлали незначительныя вылазки, и были отражаемы цѣпью и резервами отряда Сулимы. Въ ночи съ 15-го на 16-е Августа опять происходило довольно жаркое дѣло подъ Силистріею, въ центрѣ блокаднаго корпуса. Сулима, распоряжаясь движеніями и атаками своей дивизіи, 18-ть часовъ сряду находился подъ пулями и ядрами, за что получилъ вторично золотую шпагу, съ надписью: «За храбрость», алмазами украшенную. Во время блокады Силистріи, онъ днемъ и ночью осматривалъ передовую цѣпь свою, ходилъ даже къ тайнымъ пикетамъ, поставленнымъ впереди цѣпи, и разговаривая шопотомъ съ солдатами, ободрялъ ихъ шутками. Въ то время при Сулимѣ были двое изъ его сыновей, служившіе въ Харьковскомъ Уланскомъ полку. Часто бралъ онъ ихъ по ночамъ съ собою, желая показать солдатамъ, что не боится водить дѣтей своихъ такъ близко къ крѣпости. Однажды, въ сумерки, Сулима прохаживался вдоль передовой цѣпи, какъ вдругъ Маіоръ 32-го Егерскаго полка Кармеръ закричалъ ему: «Берегитесь!» и почти насильно втащилъ его въ редутъ. Некрасовецъ, въ Турецкой цѣпи, увидѣвъ Русскаго Генерала, прицѣлился въ него въ весьма близкаго разстоянія. Къ счастію, ружье осѣклось. Сулима хладнокровно поднялъ руку и, погрозивъ выстрѣлившему, закричалъ. «Прикладываешься «по Генералу, а ружья не осмотрѣлъ.»

Сентября 26-го Сулима выступилъ съ своею дивизіею изъ подъ Силистріи къ Шумлѣ, для соединенія съ главною арміею, и на походѣ два раза отразилъ внезапныя на него нападенія Турковъ. Простоявъ недолго подъ Шумлою, Октября 2-го возвратился онъ вмѣстѣ съ арміею на зимнія квартиры. На пути туда получилъ онъ повелѣніе отправиться въ Букарестъ, и принять начальство надъ 5-ю пѣхотною дивизіею. Сулима оставался въ Букарестѣ до 30-го Апрѣля слѣдующаго 1829-го года. Ввѣренная ему 5-я дивизія была во 2-мъ Пѣхотномъ корпусѣ, Графа Палена, и состояла изъ полковъ: Бѣлозерскаго, Олонецкаго, Шлиссельбургскаго и Ладожскаго пѣхотныхъ, и 9-го и 10-го егерскихъ. Бригадами командовали Генералъ-Маіоры Лутковскій, Малиновскій и Фроловъ. Мая 6-го Сулима переправился на правый берегъ Дуная и присоединился къ главной арміи, начавшей осаду Силистріи. Онъ находился при заложеніи первой параллели, и 16-го Мая былъ въ дѣлѣ съ Турками, во время нападенія ихъ на наши шанцы; 24-го выступилъ изъ-подъ Силистріи, вмѣстѣ съ арміею, и черезъ шесть дней былъ участникомъ Кулевчанскаго сраженія, гдѣ разбитъ пятидесятитысячный корпусъ Верховнаго Визиря. При началѣ боя, Сулима стоялъ съ своею дивизіею въ резервѣ, на правомъ крылѣ 6-й дивизіи, Князя Любомірскаго. Часу въ третьемъ, когда Турки вторично атаковали 6-ю дивизію, Сулимѣ приказано было выдвинуть полки свои, для прикрытія конной батарейной батареи и пѣшихъ легкихъ № 4-го и 19-го ротъ. Потомъ Сулима атаковалъ и опрокинулъ Турковъ, при чемъ Ладожскій и Шлиссельбургскій полки взяли 6 пушекъ и болѣе 300 плѣнныхъ, въ томъ числѣ командовавшаго Турецкою батареею, Топчи-Пашу. Въ концѣ сраженія Сулима, вмѣстѣ съ другими войсками, преслѣдовалъ непріятеля и взялъ у него 2 пушки, болѣе 100 повозокъ и 300 плѣнныхъ. За сраженіе сіе онъ былъ награжденъ арендою въ 2500 рублей серебромъ, на 12-ть лѣтъ. Отъ Кулевчи Сулима пошелъ съ арміею къ Шумлѣ, откуда, Іюля 5-го, выступилъ къ рѣкѣ Камчику, составляющей ключъ Балкановъ 10-го переправился черезъ Камчикъ, и потомъ совершилъ достопамятный въ нашихъ лѣтописяхъ переходъ черезъ Балканы. Спустясь съ арміею съ хребта сихъ горъ въ Румелію, Сулима участвовалъ, 31-го Іюля, въ сраженіи при городѣ Сливно, откуда пошелъ усиленнымъ маршемъ къ Адріанополю, и 8-го Августа находился при занятіи сего многолюднаго и обширнаго города. Проведя недѣлю въ Адріанополѣ, Сулима былъ посланъ съ дивизіею въ Кирклиссъ, а оттуда въ городъ Визу. Здѣсь, находясь уже недалеко отъ Цареграда, получилъ онъ извѣстіе о заключеніи мира съ Оттоманскою Портою, 2-го Сентября, и приказаніе идти въ Россію, черезъ Румелію и Бул-

гарію. На семъ маршѣ, по переходѣ Балканскихъ горъ, Сулима, по болѣзни Графа Палена, остался командующимъ 2-мъ Корпусомъ, и привелъ его въ Волынскую губернію. На бывшемъ здѣсь, при Коднѣ, Высочайшемъ смотрѣ 2-го Корпуса, онъ удостоился получить изустное Монаршее благоволеніе, за отличный порядокъ и устройство 5-й Пѣхотной дивизіи.

Въ 1831-мъ году Сулима стоялъ съ своею дивизіею въ Смоленскѣ, когда, по случаю возмущенія Поляковъ, ему приказано было идти къ Вильнѣ. Въ четвертый разъ оставлялъ онъ семейство, чтобы идти сражаться за Престолъ и Отечество. Изъ Вильны Сулима шелъ далѣе, къ Нѣману, и 22-го Марта прибылъ въ Ломзу, гдѣ былъ усиленъ 1-ю бригадою 1-й Уланской дивизіи, Барона Оффенберга 2-го, и гдѣ дано ему было предписаніе принять рѣшительныя мѣры противъ мятежа, возникшаго въ Виленской губерніи. На маршѣ изъ Ломзы черезъ Августовское Воеводство, авангардъ его былъ атакованъ, 10-го Апрѣля, близъ Маріамполя. Шлиссельбургскій полкъ разбилъ атаковавшія его шайки мятежниковъ, на штыкахъ ворвался въ городъ и взялъ въ плѣнъ главнаго ихъ предводителя Шона. Апрѣля 14-го Сулима выступилъ отъ Маріамполя, съ отрядомъ изъ Ладожскаго Пѣхотнаго полка, Уланской бригады Оффенберга и 8-мью орудіями, переправился обратно черезъ Нѣманъ, у Ковно, и 16-го пошелъ къ Кейданамъ, гдѣ находилось скопище 5000 мятежниковъ. Стараясь удержать присоединеніе къ нимъ другаго отряда бунтовщиковъ, слѣдовавшаго отъ мѣстечка Янова, Сулима сдѣлалъ въ одинъ переходъ болѣе сорока верстъ, и 17-го числа атаковалъ непріятеля, расположеннаго частью въ Кейданахъ, а частью впереди сего мѣстечка. Атака увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: мятежники были разсѣяны, мѣстечко занято и болѣе двухъ сотъ человѣкъ взято въ плѣнъ. Простоявъ два дня въ Кейданахъ, Сулима узналъ отъ своихъ разъѣздовъ о маршѣ разбитаго имъ отряда къ Поневѣжу, и немедленно выступилъ въ слѣдъ за нимъ. Не доходя Поневѣжа восьми верстъ, получилъ онъ свѣдѣніе, что около Шадова собрались еще мятежники съ двухъ уѣздовъ, въ числѣ 8000 человѣкъ, при четырехъ орудіяхъ, что къ нимъ сбѣгаются другія шайки, и что въ Поневежѣ находится только шайка въ 500 человѣкъ. Сулима отправилъ къ сему городу Полковника Торнау, съ двумя эскадронами Улановъ. Торнау разогналъ мятежниковъ въ Поневѣжѣ, взялъ 60 плѣнныхъ, деревянную пушку и знамя, и примкнулъ къ Сулимѣ, находившемуся на маршѣ въ Шадово. 22-го числа авангардъ Сулимы, состоявшій изъ улановъ, открылъ непріятеля, атаковалъ его и гналъ до лѣса, но встрѣченный здѣсь ружейнымъ огнемъ, остановился, въ ожиданіи главнаго отряда. Прибывъ съ своимъ войскомъ къ авангарду, и увидѣвъ, что мятежники упорно держатся въ лѣсу, Сулима приказалъ Генералу Оффенбергу, съ однимъ уланскимъ полкомъ, обойдти непріятеля справа, самъ же, усиливъ стрѣлковую цѣпь резервами, двинулся прямо въ лѣсъ. Поляки были вытѣснены изъ лѣса, и потомъ, атакованные уланами, понесли совершенное пораженіе, при чемъ взято у нихъ 4 фальконета, до 600 плѣнныхъ, 150 подводъ съ хлѣбомъ и разными припасами, и болѣе 1000 ружей и пикъ, потопленныхъ по приказанію Сулимы, по не имѣнію средствъ возить ихъ съ собою. Выступивъ изъ Шадова, онъ прогналъ мятежниковъ изъ Шавли и Россіянъ, и отправился обратно въ Ковно, но прибывъ туда, получилъ предписаніе занять Россіены и Вилькоміръ. Приказаніе было исполнено безъ потери времени. Извѣстясь, что мятежники, въ числѣ 3000, стоятъ по дорогѣ къ мѣстечку Коварску, Сулима поспѣшилъ туда, оставя двѣ роты егерей и два эскадрона уланъ въ Вилькомірѣ. Дорогою дано ему было знать, что непріятель отступилъ къ деревнѣ Левонишкамъ, и занялъ позицію въ густомъ и болотистомъ лѣсу, между сею деревнею и мѣстечкомъ Тавапомъ. Сулима немедленно пошелъ туда, атаковалъ и разсѣялъ Поляковъ, взявъ до 200 плѣнныхъ. Послѣ сего поиска онъ возвратился въ Вилькоміръ, гдѣ ожидало его предписаніе собрать отрядъ и сколь возможно поспѣшить въ Вильну. 23-го числа вступилъ онъ въ сей городъ, гдѣ присоединился къ войскамъ Графа Толстаго. Іюня 12-го, Сулима находился въ сраженіи подъ Вильной, а потомъ въ преслѣдованіи

мятежниковъ, и пошелъ опять, чрезъ Ковно и Россіены, къ Кейданамъ. По переходѣ Поляковъ чрезъ Прусскую границу, онъ получилъ приказаніе остановиться и дать отдыхъ войскамъ своимъ, но вскорѣ ему было предписано идти усиленнымъ маршемъ на соединеніе съ главною арміею. Онъ переправился, 8-го Августа, черезъ Вислу, и 18-го прибылъ въ Надаржинъ, гдѣ Великій Князь Михаилъ Павловичъ встрѣтилъ дивизію Сулимы, остался ею совершенно доволенъ и благодарилъ начальника ея, отъ имени Фельдмаршала, за отличное ея состояніе. Здѣсь она присоединилась къ 2-му корпусу, Генерала Крейца, и стала бивваками у селенія Давыдова. Августа 24-го 2-й корпусъ перешелъ на другую позицію, между деревнями Салинцами и Блохами, а 25-го, въ ночи, Сулима выступилъ, съ четырьмя полками своей дивизіи, на приступъ Варшавскихъ укрѣпленій, оставивъ 9-й Егерской полкъ, по распоряженію начальства, на переправѣ черезъ Вислу, въ Раціонжикѣ; 10-й Егерскій до самаго окончанія военныхъ дѣйствій оставался въ Гродненской губерніи.

При началѣ Варшавскаго приступа Сулима овладѣлъ редутомъ № 1-й. Оставивъ въ немъ Олонецкій полкъ, съ Бѣлозерскимъ полкомъ Сулима взялъ редутъ № 2-й, причемъ едва не погибъ. Онъ ѣхалъ верхомъ, но бывъ остановленъ волчьими ямами, хотѣлъ сойдти съ лошади, когда во то самое мгновеніе раздался ужасный взрывъ пороховаго погреба: густая, черная туча поднялась надъ редутомъ, глыбы земли и люди взлетѣли на воздухъ. Храбрый командиръ Бѣлозерскаго полка, Хлуденевъ, вмѣстѣ съ ворвавшимся въ укрѣпленіе солдатами, сдѣлался жертвою взрыва. Редутъ былъ потомъ занятъ, и Сулима повелъ 2-ю бригаду своей дивизіи, съ однимъ изъ баталіоновъ 1-й бригады, на усиленіе войскъ, атаковавшихъ большое укрѣпленіе, при Волѣ. На ночь всѣ четыре полка 5-й дивизіи расположились въ 150-ти саженяхъ позади редута № 2. Поутру, 26-го, Сулима взялъ одинъ люнетъ второй линіи укрѣпленій, послѣ чего, наступая съ арміею, овладѣлъ однимъ укрѣпленіемъ у предмѣстья Чисте, а потомъ, вытѣснивъ непріятеля изъ Чистенскихъ садовъ и домовъ, преслѣдовалъ его посреди пожара. Наконецъ, вмѣстѣ съ Гренадерами, занялъ онъ часть городскаго вала. Было уже совсѣмъ темно, когда Сулима, освѣщенный пламенемъ горѣвшихъ зданій, собиралъ стрѣлковъ, ворвавшихся въ улицы города. То былъ послѣдній подвигъ Сулимы на боевомъ поприщѣ — подвигъ, награжденный орденомъ Св. Александра Невскаго.

Въ 1832-мъ году Сулима былъ назначенъ Предсѣдателемъ Коммисіи, учрежденной въ Варшавѣ, для окончательнаго уничтоженія состава бывшей Польской арміи. Съ честью выполнивъ сіе порученіе, гдѣ имѣлъ много случаевъ явить свою справедливость и человѣколюбіе, онъ былъ назначенъ Членомъ учрежденнаго въ Варшавѣ Верховнаго Уголовнаго Суда, подъ предсѣдательствомъ Графа Витте; потомъ, за отсутствіемъ Графа, исправлялъ его должность, и наконецъ былъ утвержденъ въ Предсѣдательскомъ званіи, оставаясь въ то же время Начальникомъ 5-й дивизіи.

Въ 1833-мъ году, Декабря 6-го, Сулима былъ назначенъ Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири. Сдавъ должность Предсѣдателя Уголовнаго Суда Генералъ-Адъютанту Паньскратьеву, бывшему тогда Военнымъ Губернаторомъ Варшавы, онъ отправился черезъ Петербургъ, къ мѣсту своего новаго назначенія, въ отдаленный Иркутскъ, куда прибылъ въ послѣдній день Февраля 1834 года. Онъ принялъ ввѣренныя ему губерніи въ трудное время, когда почти вся Восточная Сибирь страдала отъ неурожая хлѣба. Сулима употреблялъ всевозможныя средства къ подаванію скорѣйшей помощи нуждавшимся въ продовольствіи жителямъ. На вопросъ одного Провіантскаго Коммисіонера: Приказано ли будетъ посылать имѣвшееся у него небольшое количество хлѣба въ Нерчинскій край, особенно пострадавшій отъ неурожая? Сулима отвѣчалъ: «Еслибы у васъ оставался «одинъ только фунтъ хлѣба, то и его немедленно «отправьте». Устранивъ зло, происходившее отъ неурожая, Сулима вознамѣрился обозрѣть ввѣренный ему край. Въ Іюнѣ онъ отправился въ свое путешествіе изъ Иркутска, въ бурное время переѣхалъ Байкалъ на военномъ бригѣ Ермакѣ,

былъ въ Верхнеудинскѣ, Нерчинскѣ, Селенгинскѣ, Троицкосавскѣ, Кяхтѣ и, наконецъ, въ Китайскомъ городѣ Маймачинѣ, откуда возвратился въ Иркутскъ, проѣхавъ болѣе 5000 верстъ. Въ слѣдующемъ году Сулима желалъ посѣтить другія части Восточной Сибири, но вскорѣ ждало его новое назначеніе.

Въ Мартѣ 1834-го года, войска Отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, расположенныя въ Восточной Сибири, были подчинены Сулимѣ, а въ Сентябрѣ онъ былъ опредѣленъ Командиромъ Отдѣльнаго Сибирскаго корпуса и Генералъ-Губернаторомъ Западной Сибири. Въ Декабрѣ, прибывъ въ Тобольскъ, Сулима, въ первые мѣсяцы своего тамъ пребыванія особенно вникалъ въ производство дѣлъ по Присутственнымъ мѣстамъ, удостовѣрялся лично въ настоящемъ положеніи ихъ, въ состояніи страны во всѣхъ отношеніяхъ, въ истинныхъ нуждахъ жителей, и такимъ образомъ поставилъ себя въ полную извѣстность края. Потомъ онъ предначерталъ себѣ планъ путешествія на пространствѣ 7500 верстъ, имѣя цѣлью обозрѣть всѣ важнѣйшіе предметы, касавшіеся военной и гражданской частей. Проложивъ путь свой въ глубину Киргизской степи, до крайнихъ предѣловъ Голодной степи, онъ совершилъ, въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, свое второе огромное путешествіе. Въ 1835 году предстояли по Западной Сибири большія заготовленія хлѣба, и потому Сулима, во время своего обозрѣнія, собиралъ лично на мѣстахъ свѣдѣнія объ урожаяхъ и справочныхъ цѣнахъ, убѣдившись опытомъ, еще во время управленія своего Восточною Сибирью, въ неточности письменныхъ свѣдѣній по сему предмету. Онъ также приглашалъ крестьянъ не запродавать хлѣбъ перекупщикамъ, но доставлять его въ казну, прямо отъ себя. Мѣры, основанныя такимъ образомъ на двухъ важнѣйшихъ соображеніяхъ: выгодахъ казны и собственной пользѣ крестьянъ, были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ. Онъ ввелъ также новый порядокъ въ продажѣ соли, улучшилъ больницы, учредилъ новый путь для ближайшихъ сообщеній черезъ Киргизскую степь, и распространилъ мѣновую торговлю по Сибирской линіи. При Сулимѣ были открыты въ Тобольскѣ, Томскѣ и Омскѣ Строительныя Коммисіи Губернскаго Вѣдомства и Статистическіе Комитеты, сдѣлано топографическое обозрѣніе Иртышской или Колундинской степи, съ весьма малыми издержками перевезена изъ Горношитскаго завода мраморная пирамида, съ гранитнымъ подножіемъ, для постановленія на немъ памятника покорителю Сибири, Ермаку, и послѣдовали разныя другія улучшенія, перемѣны и учрежденія. Попеченія Сулимы о благѣ ввѣреннаго ему края удостоились Высочайшаго вниманія. Онъ получилъ алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго, при лестномъ рескриптѣ отъ 6-го Декабря 1835-го года; но силы его уже примѣтно истощались. Чувствуя разслабленіе ихъ и видя невозможность возстановить свое здоровье подъ суровымъ небомъ Сибири, онъ, къ собственному и жителей Сибири сожалѣнію, просилъ увольненія отъ занимаемой имъ должности, и 28-го Января 1836 года былъ назначенъ Членомъ Военнаго Совѣта, съ сохраненіемъ содержанія, получаемаго имъ въ Сибири. Въ томъ же мѣсяцѣ былъ онъ награжденъ, за долговременную, отличную службу, Маіоратомъ въ Царствѣ Польскомъ, приносящимъ 20,000 злотыхъ годоваго дохода, а 13-го Января 1837-го года назначенъ Членомъ Совѣта Государственнаго Контроля, съ сохраненіемъ званія Члена Военнаго Совѣта.

Послѣдніе годы своей жизни Николай Семеновичъ Сулима проводилъ въ С. Петербургѣ, занимая двѣ должности, и нѣсколько разъ, въ отсутствіи Государственнаго Контролера, заступалъ его мѣсто. Обѣ обязанности свои онъ исполнялъ съ рѣдкою точностію, почти никогда не пропуская являться въ Совѣты, и то развѣ по болѣзни. Страстно любя военную службу, онъ много занимался фронтовою частію и замѣчалъ все, до самой мелочи. Строгій, но справедливый, и ласковый съ хорошими офицерами, особенно съ молодыми, онъ обращался съ ними, какъ отецъ съ дѣтьми, говоря: «Я берегу своихъ «офицеровъ, пусть и начальники дѣтей моихъ «также охраняютъ ихъ молодость». Въ военное время Сулима жилъ очень просто и отсылалъ

почти всѣ свои деньги многочисленному своему семейству. Въ бытность его дивизіоннымъ начальникомъ весь обозъ его состоялъ въ одной большой крытой бричкѣ. На бивакахъ, въ обѣденное время, разстилали скатерть па травѣ, становили большую оловянную миску, и всѣ приглашенные Сулимою, лежа кругомъ, приступали къ трапезѣ. Сулима любилъ видѣть у себя много гостей, и бывалъ съ ними шутливъ, словоохотливъ, имѣя отличный даръ слова и счастливую память. До 55-ти лѣтъ онъ былъ веселаго нрава; только изрѣдка находили на него минуты грусти; тогда онъ говаривалъ: «Это «отпечатокъ Малороссійскаго характера». Послѣдніе годы своей жизни, особенно въ годъ кончины, онъ почти всегда бывалъ скученъ, много думалъ о смерти, и крайне безпокоился о будущности своего многочисленнаго семейства.

Прослуживъ съ честію почти сорокъ лѣтъ въ офицерскомъ званіи, Сулима скончался, на службѣ Государю и Отечеству, въ кругу своего семейства, въ С. Петербургѣ, 21-го Октября 1840 года, на 62-мъ году своей жизни, послѣ кратковременной болѣзни. Гробъ его былъ орошенъ слезами не одного лишь его семейства, но многихъ почитателей, цѣнившихъ его умъ и добродѣтели. Прахъ его покоится на кладбищѣ Троицко-Сергіевской пустыни, на дорогѣ изъ Петербурга къ Петергофу.

Николай Семеновичъ Сулима былъ женатъ на дочери Генералъ-Лейтенанта Рѣпнинскаго, бывшаго нѣкогда въ дружбѣ съ Суворовымъ, и оставилъ послѣ себя пять сыновей и пять дочерей. Старшій сынъ, Семенъ, нынѣ Полковникъ Новоміргородскаго Уланскаго полка; второй, Николай, Подполковникъ Уланскаго Его Высочества Эрцъ-Герцога Австрійскаго Альберта полка; третій, Михаилъ, Полковникъ Лейбъ-Гвардіи Кирасирскаго Наслѣдника полка; четвертый, Павелъ, Подполковникъ того же полка; младшій, Дмитрій, Корнетъ Вознесенскаго Уланскаго полка.

Дѣятельный участникъ сраженій подъ Кремсомъ, Аустерлицомъ, Смоленскомъ, Бородинымъ, Тарутинымъ, Краснымъ, Люценомъ, Кульмомъ, Лейпцигомъ, Бріенномъ, Арсисомъ, Парижемъ, Шумлою, Кулевчею, свидѣтель сдачи Адріанополя, и одинъ изъ доблестныхъ дѣйствователей на Варшавскомъ приступѣ, Сулима занимаетъ видное, почетное мѣсто въ ряду Генераловъ Александра и Николая. Какъ мудрый градоправитель и сановникъ Государственный, онъ оставилъ по себѣ прекрасное имя въ неизмѣримой Сибири, а какъ частный человѣкъ вполнѣ заслужилъ любовь и глубокое уваженіе, съ коими знавшіе его донынѣ о немъ воспоминаютъ.

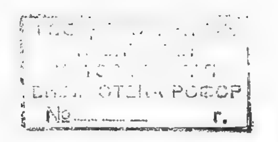

Генералъ-Лейтенантъ

Максимъ Федоровичъ

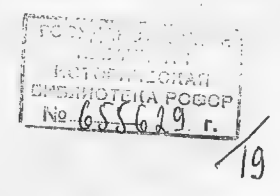
СТАВИЦКІЙ.

13

М. Ѳ. СТАВИЦКІЙ.

Максимъ Ѳедоровичъ Ставицкій, Генералъ-Лейтенантъ, кавалеръ орденовъ: Бѣлаго Орла, Св. Владиміра 2-й степени, Св. Анны 1-й степени, Св. Георгія 4-го класса и Прусскаго Краснаго Орла 2-й степени, имѣвшій золотую шпагу, съ надписью: «За храбрость», и медаль въ память 1812-го года, родился въ 1778 году. Отецъ его, дослужившись до Капитанскаго чина, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ помѣстьѣ, находившемся въ Полтавской губерніи. Шести лѣтъ отъ рожденія, Максимъ Ѳедоровичъ былъ привезенъ въ Петербургъ, и опредѣленъ въ Артиллерійскій и Инженерный (нынѣ 2-й) Кадетскій корпусъ, процвѣтавшій въ то время подъ управленіемъ Генерала Мелиссино, одного изъ дѣятельнѣйшихъ сподвижниковъ Румянцева, по битвамъ при Ларгѣ и Кагулѣ. Получивъ, за примѣрные успѣхи въ наукахъ и отличное поведеніе, званіе Капрала, а потомъ Сержанта, и золотую медаль, онъ былъ, въ 1791-мъ году, выпущенъ Штыкъ-Юнкеромъ въ Артиллерійскій батальонъ Балтійскаго гребнаго флота; въ 1792-мъ переведенъ въ Бомбардирскій полкъ и поступилъ въ составъ войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ. Въ Іюлѣ 1794-го года, послѣ вспыхнувшаго въ Варшавѣ бунта, онъ слѣдовалъ, съ артиллерійскою командою, изъ Полоннаго къ корпусу Графа Ферзена, стоявшему подъ Варшавою, но на пути былъ захваченъ мятежническою партіею Поляковъ, и съ трудомъ спасшись отъ смерти, содержался въ плѣну до самаго того времени, когда Суворовъ вступилъ побѣдителемъ въ столицу Польскаго Королевства. Послѣ сего Ставицкій участвовалъ въ преслѣдованіи и уничтоженіи послѣднихъ шаекъ Конфедератовъ, и по окончаніи военныхъ дѣйствій былъ награжденъ, въ Ноябрѣ того же года, чиномъ Подпоручика. Въ 1796-мъ году онъ былъ произведенъ въ Адъютанты; въ 1797-мъ, при уравненіи артиллерійскихъ чиновъ съ армейскими, переименованъ въ Поручики, съ переводомъ въ одинъ изъ полевыхъ артиллерійскихъ батальоновъ; въ томъ же году получилъ, по старшинству, чинъ Капитана, а въ 1800-мъ чинъ Маіора, и ѣздилъ по повелѣнію Государя Императора Павла Петровича во Францію, съ Генераломъ Графомъ Спренгпортеномъ, посыланнымъ въ Парижъ для предварительныхъ переговоровъ о мирѣ и для размѣна плѣнныхъ. Лѣтомъ 1801-го года, передъ коро-

нованіемъ Императора Александра, Ставицкій возвратился изъ Парижа въ Петербургъ, и былъ, за отличіе, переведенъ въ Свиту Его Величества и удостоенъ чести продолжительнаго разговора съ юнымъ Монархомъ о пребываніи своемъ во Франціи. Съ сего времени Императоръ Александръ обратилъ на Ставицкаго особенное вниманіе, и не переставалъ благоволить къ нему во все Свое царствованіе. Вскорѣ послѣ Своего Коронованія, происходившаго 15-го Сентября 1801-го года, Императоръ Александръ отправилъ Графа Спренгпортена съ важнымъ порученіемъ въ Оренбургскую губернію и въ Сибирь, назначивъ состоять при немъ Флигель-Адъютанта Бенкендорфа (въ послѣдствіи Графъ и Генералъ отъ Кавалеріи) и Ставицкаго. По прибытіи въ Тобольскъ, Графъ Спренгпортенъ послалъ Бенкендорфа обозрѣвать сѣверную часть Сибири, а Ставицкаго въ Нерчинскъ и далѣе, по Амуру, до устья сей рѣки, гдѣ во второй половинѣ XVII столѣтія Русскіе удальцы построили укрѣпленный городъ Албазинъ. На обратномъ оттуда пути Ставицкій ѣздилъ въ глубь Киргизской степи, осмотрѣлъ и описалъ Кавказскую и Кубанскую линіи; потомъ, по Высочайшему повелѣнію, ѣздилъ въ Константинополь, въ Малую Азію и на Іоническіе острова, гдѣ Русскія войска содержали тогда гарнизонъ. Проведя четыре года въ сихъ путешествіяхъ, обогащенный многоразличными свѣдѣніями, Ставицкій возвратился въ отечество въ 1805-мъ году, когда Императоръ Александръ готовился къ первой войнѣ Своей съ Наполеономъ. Лично представивъ Императору отчетъ о своихъ поѣздкахъ отъ устьевъ Амура до Корфу, Ставицкій получилъ изустно Монаршее благоволеніе, и вслѣдъ за тѣмъ назначеніе на видное мѣсто Бригадъ-Маіора, въ армію Беннигсена, выступавшую изъ Гродно въ Силезію. Явясь къ Беннигсену, Ставицкій совершилъ съ нимъ походъ отъ границъ Россіи до Бреславля, гдѣ застало Беннигсена повелѣніе Императора Александра возвратиться въ Россію, ибо военныя дѣйствія прекратились въ слѣдствіе проиграннаго нами Аустерлицкаго сраженія. Беннигсенъ свидѣтельствовалъ самымъ лестнымъ для Ставицкаго образомъ о распоряженіяхъ его въ семъ кратковременномъ походѣ, во время котораго всѣ заботы внутренняго управленія арміи лежали на немъ одномъ. Государь столь высоко оцѣнилъ представленіе Беннигсена, что пожаловалъ Ставицкаго Своимъ Флигель-Адъютантомъ. Спустя нѣсколько мѣсяцовъ, при началѣ второй войны Императора Александра съ Наполеономъ, Ставицкаго назначили снова Бригадъ-Маіоромъ въ корпусъ Беннигсена, состоявшій изъ 70,000 человѣкъ. Исполняя сію многотрудную должность, Ставицкій былъ, Декабря 11-го, по приказанію Беннигсена, въ кровопролитномъ авангардномъ дѣлѣ Графа Остермана при Чарновѣ, а Декабря 14-го, управляя одною батареею въ Пултускомъ сраженіи, былъ, по словамъ Беннигсена, однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ сей битвѣ, за что, не имѣвъ до тѣхъ поръ никакихъ орденовъ, получилъ Георгіевскій крестъ 4-го класса. Января 26 и 27-го 1807-го года онъ съ отличіемъ подвизался въ кровопролитной битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, и былъ посланъ Беннигсеномъ въ Петербургъ, съ донесеніемъ о сраженіи семъ и съ семью знаменами, отбитыми у Наполеона, тогда какъ наши войска вынесли изъ боя всѣ свои знамена. Ставицкій пріѣхалъ въ столицу 3-го Февраля, въ день тезоименитства Великой Княжны Анны Павловны, и въ дорожной своей одеждѣ, съ курьерскою сумкою на груди, предсталъ предъ Императора Александра во время большаго обѣденнаго стола. Неожиданны были трофеи, привезенные Ставицкимъ, ибо, за исключеніемъ двухъ знаменъ, отбитыхъ у Французовъ въ 1805-мъ году Московскимъ Мушкетерскимъ полкомъ подъ Кремсомъ, и Лейбъ-Гвардіи Коннымъ подъ Аустерлицомъ, войска Наполеона не теряли своихъ военныхъ хоругвій. Во время обѣда, выслушавъ донесеніе Ставицкаго объ Эйлауской битвѣ, Императоръ Александръ пожаловалъ ему орденъ Св. Анны 2-го класса и поздравилъ его Полковникомъ, хотя онъ только за недѣлю передъ тѣмъ, Января 25-го, получилъ, по старшинству, чинъ Подполковника. Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ Ставицкій былъ взысканъ четырьмя Мо-

наршими наградами: званіемъ Флигель-Адъютанта, чиномъ Полковника и двумя орденами, но выше всѣхъ наградъ считалъ Ставицкій благосклонный пріемъ и высокое довѣріе къ его способностямъ, коими удостоивалъ его Александръ.

Возвратясь въ армію, Ставицкій участвовалъ въ дѣлахъ: Мая 24-го, при Вольфсдорфѣ, и Мая 25-го при Анкендорфѣ. Награжденный за сіи дѣла золотою шпагою съ надписью: «За храбрость», онъ сражался Мая 29-го, подъ Гейльсбергомъ, и Іюня 2-го подъ Фридландомъ, гдѣ былъ тяжело раненъ пулею въ лѣвую руку. По представленію Беннигсена, онъ получилъ за Фридландъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени. Послѣ Тильзитскаго мира, вылечась отъ раны, Ставицкій явился къ Императору Александру, и въ началѣ 1808 года, получилъ Высочайшее повелѣніе сформировать въ Петербургѣ и обучить строевой службѣ четыре резервные батальона для арміи, дѣйствовавшей въ Финляндіи. За успѣшное исполненіе сего порученія былъ онъ награжденъ Монаршимъ благоволеніемъ. Въ слѣдующемъ году, во время похода нашихъ войскъ противъ Австріи, въ Галицію, онъ состоялъ Бригадъ-Маіоромъ при Главнокомандовавшемъ, Князѣ Сергѣ Ѳеодоровичѣ Голицынѣ, и былъ употребленъ, въ званіи полномочнаго Коммиссара, для переговоровъ съ Австрійцами касательно уступки Россіи Тарнопольской области и очищенія занятыхъ нашими войсками Австрійскихъ областей. Разнообразныя порученія, возлагаемыя на Ставицкаго и успѣшно имъ исполняемыя, служатъ лучшимъ доказательствомъ многосторонности военныхъ дарованій его.

По возвращеніи изъ Галиціи, Ставицкій поступилъ въ Свиту Императора Александра, и въ Октябрѣ 1811-го года, во время приготовленій къ войнѣ съ Наполеономъ, былъ назначенъ Бригаднымъ Командиромъ въ формировавшуюся въ Москвѣ 27-ю Пѣхотною дивизію, Невѣровскаго. Бригаду его составляли полки: Одесскій и Тарнопольскій Пѣхотные. Другими двумя бригадами командовали Полковники Александръ Яковлевичъ Княжнинъ и Алексѣй Васильевичъ Воейковъ. Весною 1812-го года, 27-я дивизія была сформирована и выступила изъ Москвы въ походъ на встрѣчу войскамъ Наполеона, грозною тучею скоплявшимся надъ Нѣманомъ. Іюня 22-го примкнула она, въ Новогрудкѣ, къ 2-й Западной Арміи, Князя Багратіона, шедшей на соединеніе съ 1-ю арміею, Барклая де-Толли, и продолжала отступленіе къ Смоленску, гдѣ, Іюля 22-го, въ день тезоименитства Императрицы Маріи Ѳеодоровны, послѣдовало соединеніе обѣихъ армій. Прибывъ къ Смоленску, Князь Багратіонъ послалъ на правый берегъ Днѣпра, къ Красному, бригады Княжнина и Воейкова, два старые полка изъ корпуса Раевскаго, полкъ Харьковскій Драгунскій и два полка Казаковъ, а бригаду Ставицкаго оставилъ при своей арміи, почему Ставицкій и не имѣлъ участія въ блистательномъ сраженіи съ Французами подъ Краснымъ, увѣковѣчившимъ въ военныхъ лѣтописяхъ имя Невѣровскаго. На другой день послѣ Красненскаго дѣла, Августа 3-го, присоединились полки Ставицкаго къ своимъ товарищамъ, и назначенные вмѣстѣ съ ними оборонять Раченское предмѣстіе Смоленска, мужественно отстаивали его, Августа 4-го и 5-го, противъ превосходныхъ силъ непріятельскихъ. То была первая встрѣча Ставицкаго съ войсками Наполеона въ Отечественную войну. Обращенный противъ Раченскаго предмѣстія, корпусъ Понятовскаго истощилъ всѣ порывы мужества къ одолѣнію Русскихъ, но встрѣтилъ въ полкахъ Невѣровскаго неодолимую преграду своимъ нападеніямъ. Тщетны были всѣ усилія Поляковъ ворваться въ Смоленскъ. Ночью 6-го Августа бригада Ставицкаго получила приказаніе оставить испепеленный городъ. Участвовавъ въ общемъ отступленіи обѣихъ соединенныхъ армій отъ Смоленска до Бородина, при размѣщеніи войскъ на Бородинской позиціи дивизія Невѣровскаго была поставлена впереди арміи, частію въ Шевардинскомъ редутѣ, частію внѣ его. Бригада Ставицкаго, съ шестью легкими орудіями, построенная въ батальонныя колонны, расположилась влѣво отъ редута. Августа 24-го, около 4-хъ часовъ по полудни, Понятовскій повелъ нападеніе отъ села Ельни, на лѣвое крыло Шевардинской позиціи.

Полковникъ Эммануель, съ Кіевскимъ Драгунскимъ полкомъ, и Полковникъ Воейковъ, съ своею бригадою, удерживали непріятеля и оспаривали ему каждый шагъ; бригада Александра Яковлевича Княжнина отбивала его отъ редута. Наполеонъ послалъ противъ укрѣпленія дивизію извѣстнаго во Французской арміи своею храбростью Генерала Компана, называемаго Наполеономъ «le preneur des redoutes». Компанъ открылъ самый убійственный огонь по бригадѣ Ставицкаго и другимъ войскамъ, въ смежности съ нею расположеннымъ, ворвался въ редутъ, но не могъ удержаться въ немъ. Отраженный, Компанъ выстроилъ свои полки противъ лѣваго нашего крыла и завязалъ жестокую перестрѣлку съ полками Ставицкаго. Выстроенные, между тѣмъ, развернутымъ фронтомъ, они производили сильнѣйшій ружейный и картечный огонь, и остановили Французовъ. Обѣ противныя стороны сражались на разстояніи 60-ти шаговъ, но стоя на двухъ противныхъ скатахъ небольшаго возвышенія, были прикрыты по грудь вершиною, или гребнемъ ея. Въ такомъ положеніи убійственный огонь продолжался болѣе трехъ четвертей часа. Начинало смеркаться, но бой еще не былъ рѣшенъ. Компанъ пошелъ вторично на приступъ редута, взялъ его, и опять не надолго. Полковникъ Лошкаревъ (нынѣ Генералъ-Маіоръ въ отставкѣ), съ предводимымъ имъ Симбирскимъ Пѣхотнымъ полкомъ, подкрѣпленный батальономъ Одесскаго полка, изъ бригады Ставицкаго, взялъ редутъ обратно, но самъ былъ тяжело раненъ пулею въ голову, и лишился зрѣнія. Въ то же время Русская пѣхота, стоявшая по сторонамъ редута, ружейнымъ и картечнымъ огнемъ привела въ разстройство ряды Французовъ, а посланный Ставицкимъ батальонъ Одесскаго полка ударилъ въ штыки и опрокинулъ находившуюся противъ него непріятельскую колонну. Успѣхъ нашъ не обезохотилъ Компана. Находясь въ головѣ своего отряда, повелъ онъ его противъ Ставицкаго, и подойдя къ нему на 150 шаговъ, открылъ по немъ картечный огонь и заставилъ его бригаду немного отступить. Подоспѣвшая Русская конница возстановила дѣло въ нашу пользу. Вскорѣ потомъ пришло повелѣніе Кутузова оставить Шевардинскій редутъ. Бригада Ставицкаго отошла на лѣвое крыло занятой арміею позиціи. Въ продолженіе дѣла при Шевардинѣ, Ставицкій получилъ сильную контузію въ правую руку, однакожъ не оставлялъ поля сраженія. Въ слѣдовавшій за Шевардинскимъ боемъ день, Августа 25-го, полки Ставицкаго, вмѣстѣ съ дивизіею Невѣровскаго, поставлены были во второй линіи, за сводною Гренадерскою дивизіею Графа Воронцова, занимавшею укрѣпленія лѣвѣе деревни Семеновской. Сюда, Августа 26-го, въ вѣчнопамятный день Бородинской битвы, были обращены первыя и самыя упорныя нападенія Наполеона. Не прошло много времени послѣ начала сраженія, почти вся дивизія Графа Воронцова была истреблена; 27-я дивизія дружно пошла въ штыки, подкрѣпляемая конницею. Завязалась битва ожесточенная, съ которою едва ли можетъ сравниться побоище Куликовское, когда Русскіе бились съ такимъ же отчаяннымъ мужествомъ и за такое же святое дѣло, какъ при Бородинѣ: за дѣло Престола и Отечества. Какъ на Куликовомъ полѣ, такъ и подъ Бородинымъ Русскіе грудью заслоняли врагу путь къ Москвѣ, къ сердцу Россіи. Ни Русскіе ни Французы не уступали другъ другу въ храбрости. Съ обѣихъ сторонъ ряды ежеминутно рѣдѣли, съ обѣихъ сторонъ подоспѣвали подкрѣпленія, и мгновенно исчезали, поражаемые свинцомъ и желѣзомъ. Наши не уступали врагу ни шага, пока не получили приказанія выйдти изъ боя, и въ какомъ числѣ вышли они? Горсть людей покрытыхъ пылью, потомъ и кровью — таковы были остатки 18-ти батальоновъ Невѣровскаго, за три мѣсяца передъ тѣмъ являвшихъ собою дивизію стройную, восхищавшую Москвитянъ. Сформированные въ Москвѣ, они бились за Москву и почти всѣ легли за нее на поляхъ Бородинскихъ. Въ кровавый день 26-го Августа пуля раздробила Ставицкому кость лѣвой ноги, и онъ почти на годъ долженъ былъ разстаться съ арміею. По представленію Кутузова, Императоръ Александръ произвелъ Ставицкаго въ Генералъ-Маіоры, повелѣвъ ему считаться въ семъ чинѣ со дня Шевардинскаго боя.

Вылечась отъ раны, Ставицкій прибылъ къ своей бригадѣ въ Іюлѣ 1813-го года, во время Пойшвицкаго перемирія, когда 27-я дивизія поступила въ составъ корпуса Сакена (въ послѣдствіи Парижскій Генералъ-Губернаторъ), принадлежавшаго къ Силезской арміи, Блюхера. По возобновленіи военныхъ дѣйствій, Ставицкій участвовалъ, Августа 7-го, въ дѣлѣ при Кейзерсвальде, 11-го при Бунцлау, 14-го, въ сраженіи при Кацбахѣ, 17-го вторично при Бунцлау, и за отличныя свои дѣйствія получилъ ордена Св. Анны 1-го класса и Прусскій Краснаго Орла 2-й степени. Послѣ незначительнаго дѣла съ Французами, Сентября 23-го, при Мейссенѣ, Ставицкій, вмѣстѣ съ другими войсками, прибылъ, вечеромъ 4-го Октября, подъ Лейпцигъ, противъ котораго Сакену и Прусскому корпусу Іорка назначено было дѣйствовать съ сѣверной стороны. Первоначально полки Сакена стояли въ резервѣ, у Радефельда, а потомъ двинулись на подкрѣпленіе Іорка, но въ огнѣ не были. Октября 6-го, въ день главной Лейпцигской битвы, корпусъ Сакена былъ обращенъ противъ сѣвернаго предмѣстія Лейпцига, и въ самомъ разгарѣ сраженія, когда наши, истощая неимовѣрныя усилія, овладѣвали предмѣстіемъ, Невѣровскій былъ смертельно раненъ. Сакенъ приказалъ Ставицкому заступить мѣсто его, и кромѣ составлявшихъ 27-ю дивизію шести, поручилъ ему еще десять полковъ. Оправдывая довѣренность Сакена, строгаго цѣнителя воинскихъ доблестей, Ставицкій ворвался въ предмѣстіе, взявъ въ числѣ трофеевъ, знамя 140-го Французскаго полка. Легко раненый въ правую руку, онъ получилъ на другой день приказаніе Сакена овладѣть селеніемъ Фаффендорфомъ. Егерскіе полки Ставицкаго дошли до сего селенія, но были здѣсь остановлены батареями, стрѣлявшими по нимъ съ фронта и во флангъ. Ставицкій подкрѣпилъ егерей, овладѣлъ Фаффендорфомъ, и потомъ помогъ Графу Ланжерону взять Галльское предмѣстіе Лейпцига, гдѣ каждый шагъ приходилось покупать кровію.

Награжденный за Лейпцигъ пожизненною пенсіею, Ставицкій, по слѣдамъ бѣгущихъ Французовъ, пришелъ съ 27-ю дивизіею къ Майнцу, и находился при блокадѣ сей крѣпости. съ 2-го по 23-е Ноября. Декабря 20-го перешелъ онъ, съ боя, черезъ Рейнъ, у Мангейма, и вступивъ въ предѣлы Франціи, 9-го Января 1814 года, имѣлъ, схватку съ непріятелемъ у Вокулера. Въ сіе время 27-я дивизія, оставаясь подъ главнымъ начальствомъ Блюхера и Сакена, принадлежала къ 12-му Пѣхотному корпусу, Графа Ливена. Послѣ маловажнаго Вокулерскаго дѣла, дивизія Ставицкаго мужественно билась съ Французами подъ Бріенномъ, 17-го Января 1814 года, подкрѣпляя, вмѣстѣ съ другими полками 12-го корпуса, 9-й Пѣхотный корпусъ Олсуфьева, выбившій Французовъ изъ города. Черезъ три дня потомъ, Января 20-го, произошло общее сраженіе подъ Бріенномъ. Здѣсь былъ послѣдній, но славнѣйшій день боевой жизни Ставицкаго. Корпусъ Графа Ливена, въ коемъ находилась его дивизія, былъ посланъ Сакеномъ для овладѣнія Ла-Ротіеромъ, въ трехъ верстахъ впереди Бріенна, обильнаго воспоминаніями для Наполеона, гдѣ великій полководецъ провелъ лучшіе годы своей молодости. Самъ Наполеонъ защищалъ Ла-Ротіеръ, ключъ своей позиціи. Легко вообразить упорство обороны. Нѣсколько разъ селеніе переходило изъ рукъ въ руки. Усиливаясь удержать его за собою, съ одной стороны, Наполеонъ, а съ другой, Сакенъ и Блюхеръ, лично распоряжались въ улицахъ Ла-Ротіера, гдѣ, отчаянно дрался Ставицкій съ своею дивизіею, въ мрачную, бурную Январскую ночь, изрѣдка освѣщаемую мѣсячнымъ сіяніемъ. Послѣ самаго ожесточеннаго боя, Ставицкій выгналъ Наполеона изъ Ла-Ротіера, и преслѣдуя его за селеніе, былъ тяжело раненъ въ лице. Пуля прошла ему на сквозь, отъ одного уха къ другому, раздробивъ обѣ челюсти и зубы. Безъ чувствъ вынесли его съ поля сраженія, и онъ болѣе уже не являлся на поприщѣ битвъ, доблестно имъ пройденномъ. Узнавъ о ранѣ Ставицкаго Императоръ Александръ послалъ къ нему Генералъ-Адъютанта Уварова узнать о состояніи его здоровья и вручить ему тысячу червонцевъ. Черезъ день потомъ Императоръ Самъ удостоилъ Ставицкаго посѣщеніемъ, явясь къ одру его Ангеломъ-утѣшителемъ, какимъ являлся Онъ всегда предъ страждущимъ человѣчествомъ,

равно милостивый къ Своимъ и къ непріятелямъ. Орденъ Св. Владиміра 2-й степени былъ наградою Ставицкаго за сраженіе при Ла-Ротіерѣ.

Тяжелая рана Ставицкаго лишала его возможности вступить когда либо въ ряды войскъ, и потому Императоръ Александръ, 18 Сентября 1815 года, повелѣлъ ему состоять по арміи, и зная недостаточное его состояніе, пожаловалъ ему аренду въ Курляндіи, на двѣнадцать лѣтъ. Въ послѣднее время царствованія Благословеннаго, съ Августа 1823 по Ноябрь 1824 года, Ставицкій былъ Предсѣдателемъ Коммисіи, учрежденной для составленія опредѣлительнаго положенія о числѣ подводъ, потребныхъ войскамъ, при передвиженіи ихъ, для подъема тяжестей. Черезъ нѣсколько дней послѣ Коронаціи Государя Императора Николая Павловича, 6-го Сентября 1826 года, онъ получилъ повелѣніе присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ пожалованіемъ въ Тайные Совѣтники, и въ томъ же мѣсяцѣ, 11-го числа, переименованъ въ Генералъ-Лейтенанты. Въ бытность свою Сенаторомъ онъ получилъ ордена: Св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною и Бѣлаго Орла, и скончался въ С. Петербургѣ, 21 Октября 1841 года. Послѣ него осталась вдова, Серафима Степанова, урожденная Зеленцова, съ которою онъ имѣлъ сыновей Ѳедора и Владиміра, и дочерей Серафиму и Елисавету.

Максимъ Ѳедоровичъ Ставицкій былъ роста средняго, нрава вспыльчиваго, и имѣлъ выраженіе лица суровое. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ образованныхъ людей своего времени, и всѣ досуги свои посвящалъ чтенію. Ни одна отрасль человѣческихъ познаній не была ему чужда. Внимательно слѣдилъ онъ за ходомъ просвѣщенія, и обращалъ вниманіе на каждое выходившее въ свѣтъ сочиненіе, относившееся до наукъ, художествъ, искуствъ и важныхъ современныхъ предметовъ политическихъ. Храбрый воинъ, Ставицкій былъ въ высшей степени честенъ, безкорыстенъ, прямодушенъ, но упрямъ, одаренный волею твердою, непреклонною. Какъ военный, онъ занимаетъ почетное мѣсто въ ряду генераловъ, которыхъ Императоръ Александръ удостоилъ лестнаго названія «Своихъ «Сослуживцевъ».

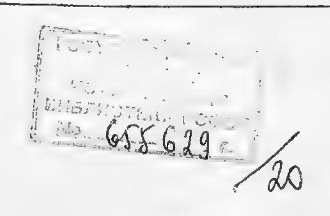
Генералъ-Маіоръ

Иванъ Федоровичъ

УДОМЪ 1-й.

И. Ѳ. УДОМЪ.

Иванъ Ѳедоровичъ Удомъ 1-й, Генералъ-Маіоръ, кавалеръ орденовъ: Св. Анны 1-й степени, Св. Владиміра 3-й степени, Св. Георгія 4-го класса, и Прусскихъ Краснаго Орла 2-й степени и «За заслуги», имѣвшій золотую шпагу, съ надписью: «За храбрость», и серебряную медаль въ память 1812-го года, происходилъ изъ старинной Лифляндской фамиліи. Въ 1782-мъ году, когда Удому было только тринадцать лѣтъ отъ рожденія, его записали въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ, Сержантомъ, а черезъ пять лѣтъ произвели въ Капитаны, съ назначеніемъ въ Углицкій Пѣхотный полкъ, находившійся тогда въ Украинской арміи, которая, подъ предводительствомъ Фельдмаршала Румянцова, дѣйствовала противъ Турковъ. Удомъ еще не успѣлъ отправиться изъ Петербурга къ своему назначенію, когда Король Шведскій Густавъ III-й внезапно объявилъ войну Россіи. Въ Петербургѣ и въ Финляндіи былъ недостатокъ въ войскахъ, особенно въ офицерахъ, почему Удома, не отправляя въ Молдавію, прикомандировали къ Финляндской дивизіи, гдѣ онъ оставался въ продолженіе всего похода 1788-го года, но въ сраженіяхъ не участвовалъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ посланъ въ Углицкій полкъ, съ коимъ, въ Сентябрѣ, находился при пораженіи Сераскира Гассанъ-Паши на рѣкѣ Сальчѣ, и потомъ при блокадѣ Измаила, гдѣ заперся Гассанъ, одинъ изъ знаменитыхъ Турецкихъ военачальниковъ, прозванный своими соотечественниками «Крокодиломъ моря битвъ». Паша сей начальствовалъ флотомъ, истребленнымъ Русскими въ 1770 году, при Чесмѣ. Въ 1790 году, проведенномъ большею частью въ мирныхъ переговорахъ, и ознаменованномъ только взятіемъ Измаила, Удомъ простоялъ въ Молдавіи, не имѣвъ участія ни въ одномъ дѣлѣ. Въ слѣдующемъ году, онъ былъ въ разныхъ поискахъ за Дунаемъ: съ Княземъ Голицынымъ подъ Исакчею и Мачинымъ, съ Кутузовымъ подъ Тульчею и Бабадагомъ, и вторично подъ Мачинымъ, гдѣ Князь Рѣпнинъ одержалъ надъ Турками блестящую побѣду. Послѣ того военныя дѣйствія прекратились, и въ концѣ года заключенъ былъ Яс-

скій миръ. Въ 1792-мъ году, Удомъ находился въ походѣ противъ Польскихъ Конфедератовъ; въ 1793-мъ былъ переведенъ въ Лейбъ-Гренадерскій полкъ, расположенный въ С. Петербургѣ; въ 1796-мъ, въ самомъ началѣ царствованія Императора Павла, произведенъ въ Маіоры; въ 1798-мъ назначенъ Бригадъ-Маіоромъ по Инфантеріи къ Генералу Ласси; въ 1800 получилъ по старшинству чинъ Подполковника, съ оставленіемъ въ прежней должности, а въ 1801-мъ, вскорѣ по воцареніи Императора Александра, назначенъ Флигель-Адъютантомъ къ Его Величеству, и въ семъ званіи, въ 1804-мъ году, получилъ орденъ Св. Анны 3-го (нынѣ 4-го) класса, на шпагу.

Въ Августѣ 1805 года, Удома произвели въ Полковники, съ оставленіемъ въ званіи Флигель-Адъютанта. Въ то же время онъ отправился въ походъ противъ Французовъ, и съ отличіемъ участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, за которое былъ награжденъ золотою шпагою, съ надписью: «За храбрость». Прошелъ годъ, и возгорѣлась вторая война Александра съ Наполеономъ. Удомъ былъ посланъ въ армію Беннигсена, и отличился въ битвахъ при Прейсишъ-Эйлау, Гейльсбергѣ и Фридландѣ, за которыя ему были пожалованы ордена Св. Владиміра 3-й степени, Св. Георгія 4-го класса и Прусскій «За заслуги». Послѣ Тильзитскаго мира, Удомъ оставался три года при Императорѣ Александрѣ, а въ 1810-мъ былъ назначенъ Шефомъ Кексгольмскаго Мушкетерскаго полка, на мѣсто Вельяминова, съ сохраненіемъ званія Флигель-Адъютанта. По прошествіи года, Императоръ Александръ назначилъ его Командиромъ новоучрежденнаго Лейбъ-Гвардіи Литовскаго полка. Удомъ формировалъ сей полкъ подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Цесаревича Константина Павловича, и менѣе нежели черезъ полгода потомъ, въ Мартѣ 1812, повелъ полкъ, въ составѣ ввѣреннаго Цесаревичу 5-го, или, Гвардейскаго корпуса, къ Свенцянамъ. Тамъ корпусъ сей вошелъ въ составъ 1-й Западной арміи, Барклая де-Толли. Лейбъ-Гвардіи Литовскій полкъ съ Лейбъ-Гвардіи Измайловскимъ образовали бригаду Генералъ-Маіора Ермолова (нынѣ Генералъ отъ Артиллеріи). По вторженіи Наполеона въ Россію, Гвардія отступила отъ границъ нашихъ, вмѣстѣ съ Первою арміею. На отступленіи, Удомъ былъ свидѣтелемъ сраженій подъ Витебскомъ и подъ Смоленскомъ. Наканунѣ Бородинской битвы, Гвардія стояла въ резервѣ, за центромъ. Августа 26-го, во время упорныхъ непріятельскихъ нападеній на лѣвое наше крыло, предводимое Княземъ Багратіономъ, Кутузовъ подкрѣпилъ его свѣжими войсками. Въ числѣ ихъ былъ Лейбъ-Гвардіи Литовскій полкъ, Удома, составлявшій тогда, вмѣстѣ съ Измайловскимъ, бригаду Полковника Храповицкаго (нынѣ С. Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ). Бригада стала близъ деревни Семеновской. Бой былъ въ полномъ разгарѣ. Прежде полудня смертельно ранило Князя Багратіона, укрѣпленія нашего лѣваго крыла достались непріятелю, и защищавшія ихъ войска отступили, стараясь пристроиться къ Измайловскому и Литовскому полкамъ. Увидѣвъ успѣхъ на своей сторонѣ, Наполеонъ двинулъ впередъ кавалерійскіе корпуса Нансути и Латуръ-Мобура. Жестокій огонь Русской артиллеріи не остановилъ ихъ. Колоннами пронеслись они черезъ оврагъ, и яростно атаковали бригаду Храповицкаго, построенную въ батальонные карен, но были отражены; потомъ два раза возобновляли они свои атаки, но всегда безуспѣшно. Часть непріятельскихъ всадниковъ промчалась между промежутками кареевъ, къ заднимъ ихъ фасамъ. Почти всѣ доскакавшіе туда храбрецы пали подъ Русскими штыками и прикладами. Въ семъ отраженіи непріятелей, изъ Лейбъ-Гвардіи Литовскаго полка участвовали 1-й и 3-й батальоны; 2-й батальонъ, состоявшій подъ начальствомъ Полковника Тимофеева (нынѣ Генералъ отъ Инфантеріи и Командиръ 6-го Пѣхотнаго корпуса), послѣ перваго отпора непріятельскимъ латникамъ, дѣйствовалъ отдѣльно и блистательно. Коновницынъ, и Дохтуровъ, заступившій мѣсто раненаго Багратіона, во время атакъ непріятельской конницы находились въ кареяхъ гвардейцевъ. Послѣ сраженія Дохтуровъ писалъ Кутузову: «Измайловскій и Литовскій полки ока-

«зали достойную Русскихъ храбрость. Не«обыкновеннымъ своимъ мужествомъ они удер«живали стремленіе непріятелей и поражали ихъ «повсюду штыками». Коновницынъ доносилъ Кутузову: «Не могу съ довольною похвалою «отозваться Вашей Свѣтлости о примѣрной не«устрашимости, оказанной въ сей день полками «Лейбъ-Гвардіи Литовскимъ и Измайловскимъ. «Прибывши на лѣвый флангъ, непоколебимо «выдерживали они насильнѣйшій огонь не«пріятельской артиллеріи. Осыпаемые картечью, «ряды ихъ, не смотря на потерю, пребыли въ «наилучшемъ устройствѣ, и всѣ чины, отъ пер«ваго до послѣдняго, одинъ передъ другимъ, «являли рвеніе свое умереть, прежде нежели «уступить непріятелю. Три большія кавалерій«скія атаки непріятельскихъ кирасировъ и кон«ныхъ гренадеровъ на оба полка сіи отражены «были съ невѣроятнымъ успѣхомъ; не смотря «на то, что карея были совсѣмъ окружены, «напріятель съ крайнимъ урономъ прогнанъ «огнемъ и штыками. Однимъ словомъ, полки «Измайловскій и Литовскій покрыли себя въ «виду всей арміи неоспоримою славою. Ставлю «себѣ за счастіе, что мнѣ предоставлено сви«дѣтельствовать о подвигахъ ихъ передъ Вашею «Свѣтлостью». Въ Бородинской битвѣ Лейбъ-Гвардіи Литовскій полкъ имѣлъ болѣе 800 человѣкъ убитыми и ранеными. Въ числѣ раненыхъ находился Удомъ: пуля прошла ему сквозь правую руку. Только семь офицеровъ предводимаго имъ полка остались въ Бородинской битвѣ невредимы.

Произведенный за Бородино въ Генералъ-Маіоры, и излечась отъ раны, Удомъ былъ съ полкомъ своимъ подъ Тарутинымъ, Малоярославцемъ, Краснымъ и при дальнѣйшемъ преслѣдованіи Наполеоновыхъ войскъ изъ Россіи. Января 1-го 1813-го года, онъ перешелъ, въ Меречѣ, черезъ Нѣманъ, и въ составѣ Главной арміи, Тормасова, слѣдовалъ, черезъ Плоцкъ и Калишъ, къ Дрездену. Здѣсь, 13-го Апрѣля, объявлена Лейбъ-Гвардіи Литовскому полку Высочайшая награда: Георгіевскія знамена, съ надписью: «За отличіе при пораженіи и изгна«ніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи, 1812 «года». Убыль въ людяхъ, понесенная симъ полкомъ въ Отечественную Войну, была такъ велика, что въ первую половину похода 1813-го года, онъ находился въ составѣ одного баталъона.

Съ арміею Тормасова, командуемый Удомомъ полкъ, во время Люценскаго сраженія, 20-го Апрѣля 1813-го года, находился сначала въ резервѣ, а подъ вечеръ былъ введенъ въ бой. Послѣ того, поступивъ въ главный резервъ, порученный Цесаревичу Константину Павловичу, онъ былъ въ Бауценскомъ сраженіи, и стоялъ подъ ядрами. Въ продолженіе Пойшвицкаго перемирія, послѣдовавшаго вскорѣ послѣ Бауценскаго сраженія, Удомъ находился въ Силезіи, близъ Рейхенбаха, гдѣ полкъ его былъ пополненъ людьми, и по прежнему приведенъ въ трехъ-батальонный составъ. Въ то время полки Гвардейской Пѣхоты были раздѣлены на двѣ дивизіи: 1-ю и 2-ю Гвардейскія Пѣхотныя. Удома назначили Командующимъ второю изъ нихъ, при чемъ онъ остался Командиромъ Литовскаго полка. Дивизію его составляли полки Лейбъ-Гвардіи Литовскій, Гренадерскій, Павловскій и Финляндскій. По истеченіи перемирія, 29-го Іюля 1813-го года, сія дивизія, съ другими войсками Гвардіи, выступила отъ Рейхенбаха въ Богемію, а оттуда пошла въ Саксонію; 15-го Августа, въ сраженіи подъ Дрезденомъ, находилась въ резервѣ, между Торною и Пролисомъ, подъ выстрѣлами непріятельскими. Отъ Дрездена она пошла къ Диппольдисвальде, гдѣ, 16-го Августа, была въ арріергардномъ, незначительномъ дѣлѣ. Черезъ два дня потомъ, при размѣщеніи войскъ для нападенія на корпусъ Вандама, была она поставлена въ центрѣ, вмѣстѣ съ 2-мъ Пѣхотнымъ корпусомъ, Принца Евгенія Виртембергскаго, и 1-ю Кирасирскою дивизіею, Депрерадовича, и когда, 18-го Августа, загорѣлось Кульмское сраженіе, поддерживала атаку Милорадовича на центръ Французовъ. Во время трехдневной битвы подъ Лейпцигомъ, командуемая Удомомъ дивизія находилась сперва въ резервѣ, у Магдеборна, а потомъ, три ея полка, Лейбъ-

Гвардіи Гренадерскій, Павловскій и Финляндскій, вмѣстѣ съ Гвардейскими Егерями, были посланы въ селеніе Госсу, на подкрѣпленіе сражавшихся тамъ союзныхъ войскъ. Послѣ разгрома Наполеона подъ Лейпцигомъ, Удомъ пошелъ съ арміею къ Рейну, и переправился черезъ сію рѣку въ Базелѣ, Января 1-го, въ присутствіи Императора Александра. Спустя три недѣли по вступленіи Союзниковъ во Францію, Января 20-го, произошло первое тамъ сраженіе Александра съ Наполеономъ, подъ Бріенномъ, во время коего, а равно какъ въ сраженіи при Арсисъ сюръ-Обѣ, Удомъ былъ въ резервѣ. Въ достопамятный день Парижской битвы, большая часть дивизіи Удома была въ огнѣ, подкрѣпляя войска, сражавшіяся у селенія Пантена. На другой день, 19-го Марта, всѣ четыре полка его находились при торжественномъ вступленіи Императора Александра въ Парижъ, гдѣ Король Прусскій пожаловалъ Удому, за его участіе въ войнѣ 1813 и 1814-го годовъ, орденъ Краснаго Орла 2-й степени.

По заключеніи мира съ Франціею, въ Парижѣ, войска Гвардейскаго корпуса получили повелѣніе возвратиться въ Россію, и Удомъ, въ слѣдствіе новаго расписанія генераловъ въ должности, по старшинству, сдалъ 2-ю Гвардейскую Пѣхотную дивизію Генералъ-Адъютанту Графу Строганову, а самъ былъ назначенъ Командиромъ 1-й бригады сей дивизіи, состоявшей изъ полковъ Лейбъ-Гвардіи Литовскаго и Гренадерскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оставался Командиромъ перваго изъ сихъ полковъ. Возвратный походъ изъ Франціи послѣдовалъ черезъ Мо, Шалонъ, Витри, Наумбургъ и Берлинъ, гдѣ другъ и союзникъ Александра, Король Фридрихъ Вильгельгельмъ III-й великолѣпно угощалъ Русскія войска. Изъ Берлина Удомъ пошелъ съ ними въ Любекъ и Травемюнде, откуда отправился моремъ въ Россію. Изъ Кронштадта Гвардейскія войска были перевезены въ Петергофъ, и по вступленіи въ Петербургъ, проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо Императрицы Маріи Θеодоровны, ибо Императоръ Александръ былъ тогда на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Еще во время слѣдованія къ Любеку, 3-й батальонъ Лейбъ-Гвардіи Литовскаго полка былъ направленъ изъ Берлина въ Варшаву, и поступилъ въ составъ войскъ, бывшихъ тамъ подъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича. Въ 1817 году, батальонъ сей послужилъ основаніемъ новому Лейбъ-Гвардіи Литовскому полку, донынѣ подъ симъ именемъ существующему. Прежній полкъ сего названія былъ переименованъ въ Московскій, и Удомъ остался его командиромъ. По уваженію, что на сформированіе новаго Лейбъ-Гвардіи Литовскаго полка поступилъ батальонъ прежняго полка сего названія, имѣвшій Георгіевское знамя, съ надписью: «За отличіе при пораженіи «и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Рос-«сіи», такія же точно знамена были пожалованы всему полку. Съ тѣхъ поръ, время начальствованія Удома сдѣлалось достопамятнымъ достояніемъ двухъ полковъ Лейбъ-Гвардіи: Московскаго и Литовскаго.

Возвратясь въ С. Петербургъ, Удомъ продолжалъ командовать бригадою и полкомъ, до 13-го Апрѣля 1819 года, когда, по приключившимся съ нимъ болѣзненнымъ припадкамъ, и согласно съ собственнымъ его желаніемъ, онъ былъ уволенъ въ отпускъ, до излеченія. Преемникомъ его, въ командованіи 1-ю бригадою 2-й Гвардейской Пѣхотной дивизіи, былъ прежній его подчиненный, Генералъ-Маіоръ Желтухинъ (въ послѣдствіи Предсѣдатель Дивановъ Молдавіи и Валахіи), а въ командованіи полкомъ Полковникъ Баронъ Фридерихсъ (нынѣ Оберъ-Шталмейстеръ Императорскаго Двора). Увольняя Удома въ отпускъ, Императоръ Александръ повелѣлъ ему состоять въ Свитѣ Своей, «въ знакъ особенной Мо-«наршей признательности къ усердной и рев-«ностной его службѣ». Менѣе нежели черезъ два года потомъ, 24-го Января 1821-го года, Удомъ былъ назначенъ Командиромъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка, но недолго состоялъ въ семъ званіи, и въ томъ же году, 18-го Іюня, скончался въ С. Петербургѣ, вдовымъ, оставя послѣ себя сына и трехъ дочерей. Стар-

шая изъ нихъ, Елисавета Ивановна, была въ замужствѣ за Г. Аничковымъ, а вторая, Вѣра Ивановна, за Г. Шульгинымъ. Онѣ обѣ скончались, равно какъ и братъ ихъ. Младшая дочь, Надежда Ивановна, въ супружествѣ за Генералъ-Лейтенантомъ Карповымъ.

Изъ лицъ, служившихъ подъ начальствомъ Удома въ Лейбъ-Гвардіи Литовскомъ полку, во время незабвенной войны 1812, 1813 и 1814 годовъ, въ послѣдствіи достигли чина Генерала отъ Инфантеріи: Павелъ Александровичъ Угрюмовъ, нынѣ Членъ Военнаго Совѣта; Василій Ивановичъ Тимофѣевъ, Командиръ 6-го Пѣхотнаго корпуса, и Генералъ-Адъютантъ и Главноначальствующій надъ Почтовымъ Департаментомъ, Владиміръ Өедоровичъ Адлербергъ.

Удомъ былъ красивъ собою, хорошо образованъ, ласковъ, любимъ и уважаемъ своими подчиненными, и пользовался особеннымъ къ нему расположеніемъ Императора Александра, въ доказательство чего приведемъ, между прочимъ, слѣдующій случай: Въ Маѣ 1821-го года Удомъ писалъ Императору, что при всемъ своемъ желаніи, онъ не можетъ болѣе продолжать службы и командовать полкомъ, по причинѣ совершенно разстроеннаго здоровья. Онъ просилъ объ отставкѣ и о Монаршемъ воззрѣніи на сдѣланные имъ частные долги. Императоръ Александръ объявилъ Удому, что не уволитъ его отъ службы, велѣлъ выдать ему на уплату долговъ 38,000 рублей, удостоилъ его посѣщеніемъ, и на другой день пожаловалъ ему еще 10,000 рублей.

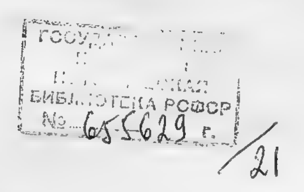
Генералъ - Лейтенантъ

Карлъ Ѳедоровичъ

ОЛЬДЕКОПЪ.

К. Ѳ. ОЛЬДЕКОПЪ.

Карлъ Ѳедоровичъ Ольдекопъ, Генералъ-Лейтенантъ, кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Анны 1-й степени, Св. Владиміра 2-й степени, Св. Георгія 4-го класса, Прусскихъ Краснаго Орла 2-й степени и «За заслуги», и Гессенъ-Дармштадтскаго «За достоинство», пробольшаго креста, имѣвшій золотую шпагу, съ надписью: «За храбрость», и медали въ память 1812 года и взятія Парижа, происходилъ изъ Лифляндской дворянской фамиліи. Въ 1783 году, семи лѣтъ отъ рожденія, онъ былъ записанъ Сержантомъ въ армію, въ 1786 перечисленъ въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ, въ 1794-мъ переведенъ Вахмистромъ въ Лейбъ-Гвардіи Конный, а въ 1795-мъ, съ производствомъ въ Капитаны, опредѣленъ въ Черниговскій Пѣхотный полкъ. Въ Царствованіе Императора Павла, въ 1798 году, онъ получилъ, по старшинству, чинъ Маіора, въ 1799-мъ выключенъ изъ службы, въ 1800 опять принятъ въ службу, и въ сравненіе съ сверстниками, произведенъ въ Подполковники. Въ Августѣ 1805 года, при началѣ первой войны Императора Александра съ Наполеономъ, Ольдекопъ былъ назначенъ Адъютантомъ къ Генералъ-Лейтенанту Ивану Николаевичу Эссену 1-му, начальнику корпуса, долженствовавшаго подкрѣпить армію Кутузова, находившуюся въ предѣлахъ Австріи. Ольдекопъ пришелъ съ Эссеномъ въ Моравію, черезъ нѣсколько дней послѣ проиграннаго нами Аустерлицкаго сраженія, когда уже было заключено перемиріе съ Наполеономъ, и потому не могъ принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Черезъ полгода по возвращеніи изъ Моравіи въ Россію, корпусъ Эссена поступилъ въ Днѣстровскую армію, Михельсона, и пошелъ въ Молдавію. Ольдекопъ, въ Апрѣлѣ 1806 года произведенный въ Полковники, былъ тогда назначенъ Командиромъ находившагося въ сей арміи Крымскаго Мушкетерскаго полка, и участвовалъ съ нимъ въ обложеніи и взятіи крѣпости Хотина, сдавшейся 13-го Ноября 1806-го года. Въ слѣдствіе весьма выгодныхъ отзывовъ Эссена и самого Михельсона объ Ольдекопѣ, былъ онъ награжденъ лестнымъ званіемъ Флигель-Адъютанта Императора Александра. Вскорѣ потомъ, при началѣ второй войны Императора

Александра съ Наполеономъ, корпусу Эссена велѣно было идти отъ Днѣстра къ Бресту, и дѣйствовать отдѣльно отъ главной арміи. Ольдекопъ исправлялъ должность Дежурнаго Штабъ-офицера при семъ корпусѣ во всю войну, до Тильзитскаго мира, и находился въ дѣлахъ съ Французами при Островнѣ и Остроленкѣ. За отличіе подъ Остроленкою, онъ получилъ ордена: Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и Прусскій «За заслуги».

Въ Мартѣ 1808 года, Ольдекопъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя неудовольствіе Императора Александра, былъ лишенъ Флигель-Адъютанскаго званія, и отправленъ въ армію, дѣйствовавшую противъ Турковъ, гдѣ былъ опредѣленъ Дежурнымъ Штабъ-офицеромъ при резервныхъ войскахъ, а потомъ, въ Августѣ 1809 года, Бригадъ-Маіоромъ къ Главнокомандовавшему Молдавскою Арміею, Князю Багратіону. Въ сей должности онъ находился при переправѣ арміи на правый берегъ Дуная, при покореніи крѣпости Кюстенджи и пораженіи Турковъ подъ Рассеватомъ. За отличіе въ сихъ дѣйствіяхъ, по ходатайству Князя Багратіона, Ольдекопу была пожалована награда, составлявшая всю цѣль его помысловъ и пламеннѣйшихъ желаній: ему возвратили званіе Флигель-Адъютанта. Послѣ того онъ былъ съ Княземъ Багратіономъ при осадѣ Силистріи, и 10-го Октября 1809 года, участвовалъ въ упорномъ Татарицкомъ сраженіи, за которое получилъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени.

Въ Январѣ 1810 года, Ольдекопа назначили Шефомъ Алексопольскаго мушкетерскаго полка, состоявшаго въ Молдавской арміи. Черезъ три мѣсяца потомъ, въ Мартѣ, мѣсто Князя Багратіона заступилъ знаменитый соратникъ его на Альпахъ, въ Пруссіи и въ Финляндіи, Графъ Николай Михайловичъ Каменскій. Подъ его предводительствомъ Ольдекопъ вторично перешелъ, въ Маѣ 1810-го года, на правую сторону Дуная; въ томъ же мѣсяцѣ былъ при осадѣ Силистріи; въ Іюнѣ и Іюлѣ нѣсколько разъ сражался съ Турками подъ Шумлою, за что получилъ орденъ Св. Анны 2-й степени, а въ Іюлѣ, по переводѣ его въ Колыванскій полкъ, находился подъ Рущукомъ, и въ день несчастнаго намъ Рущукскаго приступа, начальствуя особымъ отрядомъ, выбилъ непріятеля изъ садовъ, находившихся на восточной сторонѣ крѣпости. Августа 26-го — день всегда славный для Русскаго оружія — Ольдекопъ участвовалъ въ пораженіи Турковъ подъ Батинымъ, и былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-го класса. Послѣ Батинской побѣды, послѣдняго изъ блистательныхъ дѣлъ Каменскаго, Ольдекопъ болѣе года не имѣлъ случая сразиться съ Турками. Въ Сентябрѣ 1811-го, когда Кутузовъ окружилъ Турецкую армію близъ Слободзеи, Ольдекопъ командовалъ отрядомъ изъ Колыванскаго и Козловскаго Пѣхотныхъ полковъ. Во время приготовленій къ войнѣ 1812-го года, Ольдекопъ былъ назначенъ въ должность Дежурнаго Генерала при 3-й Резервной, Обсерваціонной Арміи, Тормасова. Чтобы оцѣнить важность сего назначенія, укажемъ на обязанности Дежурнаго Генерала Арміи. Подъ его начальствомъ состоятъ всѣ чиновники, Дежурство Арміи составляющіе, Полевый Генералъ-Аудиторъ, Генералъ-Гевальдигеръ, Комендантъ Главной квартиры, Генералъ-Вагенмейстеръ, Директоръ военныхъ Сообщеній, Директоръ Госпиталей, Полевой Генералъ Штабъ-Докторъ, Полевой Почтъ-Директоръ, Полевой Оберъ-Священникъ, Конвой Главной квартиры, и всѣ вообще караулы Арміи. Дежурный Генералъ отдаетъ войскамъ пароль, лозунгъ, отзывъ, сигналы, дневные приказы и диспозиціи къ бою; дѣлаетъ распоряженія о всѣхъ подробностяхъ, нужныхъ къ движенію арміи; подаетъ ежедневно Главнокомандующему, черезъ Начальника Главнаго Штаба, донесенія о состояніи и перемѣнѣ числа людей въ арміи; имѣетъ надзоръ за исправностью внѣшнихъ карауловъ, охраняющихъ спокойствіе арміи отъ непріятеля, и внутреннихъ, учреждаемыхъ для порядка и благоустройства въ лагеряхъ; надзираетъ за разводами карауловъ; наблюдаетъ, чтобъ рунды, патрули и разъѣзды исполняли свои обязанности надлежащимъ образомъ; смотритъ полки инспекторскимъ смотромъ, особливо неисправные, или

тѣ, въ которыхъ умножается число больныхъ, умирающихъ и бѣглыхъ; осматриваетъ госпитали, и печется о лучшемъ и выгоднѣйшемъ содержаніи больныхъ; надзираетъ, чтобы солдаты получали продовольствіе сполна и въ надлежащей добротѣ, и чтобы въ артеляхъ приготовлялась ежедневно хорошая пища. Онъ заботится о доставленіи въ лагерь всякаго рода съѣстныхъ припасовъ; управляетъ маркитантами, и распоряжаетъ, чтобы каждый полкъ имѣлъ ихъ; выдаетъ подорожныя, пропуски и виды на выѣздъ изъ арміи, и свидѣтельствуетъ паспорты и виды пріѣзжающихъ; наблюдаетъ, чтобы въ арміи не было бродягъ, подозрительныхъ людей и непріятельскихъ лазутчиковъ; разсылаетъ, куда нужно, залоги, и выдаетъ охранные листы; распоряжается всѣми обозами арміи, и не позволяетъ никому содержать лошадей и повозокъ болѣе положеннаго числа. Во время сраженія Дежурный Генералъ учреждаетъ повсемѣстно надзоръ, чтобы раненые получали скорое пособіе, безъ отлученія на то здоровыхъ людей изъ строя; немедленно послѣ сраженія онъ узнаетъ о числѣ убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ, о плѣнныхъ, трофеяхъ и добычѣ, взятыхъ у непріятеля; распоряжается содержаніемъ, отправленіемъ и освобожденіемъ плѣнныхъ, подсудимыхъ и арестантовъ. Онъ надзираетъ за исправностью почтъ и курьерскихъ посылокъ; отправляетъ и принимаетъ курьеровъ; надзираетъ за точнымъ исполненіемъ приказаній Главнокомандующаго и Начальника Главнаго Штаба, за охраненіемъ благоустройства и истребленіемъ бродяжничества, непозволительныхъ сходбищъ, игръ, распутства и малѣйшаго ропота противъ начальства; ведетъ переписку съ Военнымъ Министерствомъ по Инспекторскому Департаменту, и доноситъ ему о числѣ прибыли и убыли всѣхъ чиновъ въ арміи. Дежурный Генералъ можетъ за упущеніе должности арестовать штабъ и оберъ-офицеровъ, кромѣ полковыхъ командировъ; за малыя преступленія онъ опредѣляетъ наказанія, безъ суда, всѣмъ нижнимъ чинамъ, маркитантамъ и слугамъ, и наконецъ распоряжаетъ приведеніемъ въ исполненіе приговоровъ Военнаго Суда.

Таковы были многоразличныя обязанности, возложенныя въ 1812 году на Ольдекопа. Онъ исполнялъ ихъ усердно и добросовѣстно, и притомъ участвовалъ въ сраженіяхъ. За Кобринское дѣло, Іюля 15-го 1812-го года, получилъ онъ золотую шпагу, съ надписью: «За храбрость», а за сраженіе подъ Городечною, происходившее 13-го Іюля, чинъ Генералъ-Маіора. Продолжая исправлять должность Дежурнаго Генерала при Адмиралѣ Чичаговѣ, по соединеніи 3-й Резервной Обсерваціонной арміи съ Дунайскою, когда обѣ арміи приняли одно названіе: 3-й Западной, Ольдекопъ участвовалъ во всѣхъ движеніяхъ сей арміи, отъ береговъ Стыри до Березины, и отъ Березины до Вислы, гдѣ мѣсто Чичагова заступилъ Барклай де-Толли. Ольдекопъ находился при покореніи Торна, 4-го Апрѣля 1813-го года, въ дѣлѣ подъ Кенигсварте и въ двухъ-дневномъ сраженіи подъ Бауценомъ.

Во время Пойшвицкаго перемирія, Ольдекопъ, по званію Дежурнаго Генерала Главной Арміи, ввѣренной Барклаю де-Толли, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ его помощниковъ въ укомплектованіи и новомъ устройствѣ войскъ, съ Іюня 1812-го года сражавшихся почти безъ отдыха. Неутомимо исполняя важную и заботливую свою обязанность, Ольдекопъ находился въ достопамятныхъ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, Кульмомъ, Лейпцигомъ, Бріенномъ, Арсисъ Сюръ-Обомъ, Фершампенуазомъ и Парижемъ. Наградами его были ордена: за Кульмъ, Св. Анны 1-го класса и Прусскій Краснаго Орла 2-й степени, а за Лейпцигъ, Св. Владиміра 2-й степени. Сентября 1-го 1814-го года, во время возвращенія войскъ нашихъ въ Россію, Ольдекопъ перестaлъ считаться шефомъ Колыванскаго Пѣхотнаго полка. Въ 1815-мъ году онъ былъ опять, съ Барклаемъ де-Толли, въ заграничномъ походѣ, и за отличное состояніе, въ какомъ войска наши предстали на смотрѣ при Вертю, 30-го Августа, получилъ Высочайшее благоволеніе и аренду. При обратномъ слѣдованіи арміи черезъ Германію, Великій Герцогъ Гессенъ-Дармштадтскій пожаловалъ Ольдекопу орденъ «За достоинство», большаго креста.

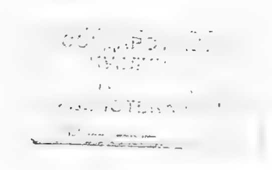
По прибытіи войскъ въ отечественные предѣлы, когда ввѣренная Барклаю де-Толли армія получила названіе «Первой», Ольдекопъ остался въ званіи Дежурнаго Генерала ея, и сохранялъ его долго при преемникѣ Барклая де-Толли, Сакенѣ. Въ 1821-мъ году, Сентября 20-го, онъ былъ произведенъ въ Генералъ-Лейтенанты, 22-го Августа 1826-го, пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго, а 9-го Февраля 1829-го года, съ увольненіемъ въ отпускъ, назначенъ состоять по Арміи. Не болѣе двухъ лѣтъ прожилъ Ольдекопъ внѣ служебныхъ занятій, и скончался 13-го Іюня 1831-го года, въ мѣстечкѣ Дубровнѣ.

Тайный-Совѣтникъ

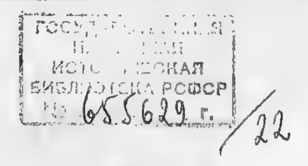
Дмитрій Михайловичъ

МОРДВИНОВЪ.

Д. М. МОРДВИНОВЪ.

Дмитрій Михайловичъ Мордвиновъ, Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ, Дѣйствительный Каммергеръ, орденовъ: Св. Анны 1-й степени, Св. Георгія 4-го класса, Св. Владиміра 4-й степени Кавалеръ; имѣющій медали: золотую, въ память милиціи 1807 года, и серебряную, въ память 1812-го года, родился 8-го Іюня 1772-го въ С. Петербургѣ. Отецъ его, сверстникъ по воспитанію въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ Фельдмаршала Графа Румянцова-Задунайскаго, Генераловъ Штофельна и Мелиссино, Адмирала Голенищева-Кутузова, Генералъ-Прокурора Князя Вяземскаго и многихъ другихъ знаменитыхъ людей временъ Екатерины II, былъ Генералъ-Инженеръ и Директоръ Корпусовъ Артиллерійскаго и Инженернаго (нынѣ 2-й), и имъ же учрежденнаго Греческаго Кадетскаго. Дмитрій Михайловичъ Мордвиновъ получилъ воспитаніе въ родительскомъ домѣ. Въ 1781-мъ, за годъ до кончины своего отца, былъ онъ записанъ Сержантомъ въ Артиллерію, черезъ нѣсколько дней переведенъ въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ Подпрапорщикомъ, Января 1-го 1794-го произведенъ въ Прапорщики, и черезъ два года въ Подпоручики. Продолжая службу въ Семеновскомъ полку, онъ получилъ, въ царствованіе Императора Павла, коего вниманіе удостоился обратить на себя, чины Поручика, Штабсъ-Капитана и Капитана, а въ началѣ царствованія Императора Александра, 1-го Сентября 1802 года, пожалованъ въ Дѣйствительные Каммергеры 4-го класса. Оставя военную службу, Мордвиновъ посвятилъ себя гражданской. Въ 1804 году былъ онъ назначенъ Членомъ Бергъ-Коллегіи, но когда вспыхнула вторая война Императора Александра съ Наполеономъ, и для подкрѣпленія дѣйствующихъ армій собрано было Земское Войско, называвшееся Милиціею, Мордвиновъ спѣшилъ вступить въ ряды ея, надѣясь продолжать съ нею первое свое военное поприще. Тильзитскій миръ разрушилъ его надежды. Милиція была распущена, и Мордвиновъ возвратился къ мирнымъ служебнымъ занятіямъ. Въ Іюнѣ 1807 года назначенъ онъ былъ Членомъ Горнаго Совѣта и Горнаго Департамента; въ Мартѣ 1808-го, за усердіе, оказанное во вре-

мя кратковременной службы своей въ Милиціи, награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, и получилъ установленную для служившихъ въ Милиціи золотую медаль на Владимірской лентѣ. Въ Сентябрѣ 1811-го года, при преобразованіи Горной части, поступилъ онъ Почетнымъ Членомъ въ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ.

Двѣнадцатый Годъ вызвалъ Мордвинова опять на военное поприще. Достопамятный Манифестъ Императора Александра, обнародованный 6-го Іюля въ лагерѣ при Полоцкѣ, призывалъ всѣ сословія къ защитѣ Отечества. «Да встрѣтитъ врагъ въ каждомъ Дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ Гражданинѣ «Минина, въ каждомъ Духовномъ Палицына! Съ «крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, «никакія силы человѣческія насъ не одолѣютъ». Такъ говорилъ Императоръ Александръ Своимъ подданнымъ, и слова Монарха подвигнули къ вооруженію вѣрныхъ Его подданныхъ. Россія радостно возстала за Вѣру и Царя: спѣшили стать подъ знамена Отечества, приносили въ даръ ему жизнь и имущество. Іюля 17-го Дворянство С. Петербургской губерніи положило собрать по десяти душъ со ста и составить Ополченіе. Множество отставныхъ военныхъ и находившихся въ гражданской службѣ чиновниковъ тотчасъ изъявили пламенное желаніе вступить въ ряды Ополченія. Въ томъ числѣ былъ Мордвиновъ. Августа 10-го, его назначили начальникомъ 5-й дружины, доведенной имъ до такой исправности, что ее называли въ Ополченіи «Краснымъ Солнышкомъ». Съ сею дружиною Мордвиновъ выступилъ изъ Петербурга въ походъ, 5-го Сентября, находясь во второй колоннѣ, Генералъ-Маіора Бѣгичева. Она пошла черезъ Порховъ, Великія-Луки и Невель, къ Полоцку, гдѣ стоялъ спаситель Петрова Града, Графъ Витгенштейнъ. Герой не находилъ словъ къ изъявленію своей благодарности за устройство, въ какомъ нашелъ онъ Ополченіе, прибывшее къ нему въ началѣ Октября. Потомъ, 4-го того же мѣсяца, возобновились наступательныя дѣйствія въ корпусѣ Графа Витгенштейна; 6-го и 7-го произошло сраженіе подъ Полоцкомъ, кончившееся счастливымъ для насъ приступомъ къ сему городу. Во время Полоцкаго боя, Мордвиновъ командовалъ своею Дружиною и Пермскимъ Пѣхотнымъ полкомъ, составлявшими отдѣльную колонну. Октября 6-го, атакованный превосходнымъ непріятелемъ, Мордвиновъ встрѣтилъ, отразилъ и преслѣдовалъ его до укрѣпленій Полоцка. Когда подъ вечеръ Французская конница, заскакавъ въ тылъ нашимъ подбитымъ орудіямъ, овладѣла ими, и готовилась увезти ихъ, Мордвиновъ повелъ на нее свою колонну, опрокинулъ непріятеля, и отбилъ орудія. При совершеніи сего подвига, картечь раздробила ему правое колѣно. Онъ упалъ. Его подхватилъ племянникъ его, Мордвиновъ (нынѣ Тайный Совѣтникъ), и вынесъ изъ сраженія къ разоренной избушкѣ, гдѣ перевязывали раненыхъ. Здѣсь провелъ Мордвиновъ всю холодную Октябрскую ночь, подъ открытымъ небомъ. Явились врачи, положили его между двухъ бревенъ, и отпилили ему ногу. Графъ Витгенштейнъ навѣстилъ и поздравилъ его Кавалеромъ ордена Св. Георгія 4-го класса, обѣщая наградить по его представленіямъ всѣхъ отличившихся его подчиненныхъ.

Тѣмъ кончилось военное поприще Мордвинова. Можетъ быть, много славы и подвиговъ ожидало его впереди, но судьбѣ угодно было на первомъ шагу лишить его возможности продолжать службу на полѣ брани. Императоръ Александръ, во уваженіе оказаннаго Мордвиновымъ отличія, повелѣлъ переименовать его въ Генералъ-Маіоры, съ состояніемъ по Арміи, и съ оставленіемъ въ прежней должности въ Департаментѣ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, въ 1816-мъ году пожаловалъ ему на 12-ть лѣтъ денежную аренду въ тысячу рублей серебромъ, и продлилъ ее потомъ еще на таковой же срокъ.

При восшествіи на Престолъ Государя Императора Николая Павловича, Мордвиновъ былъ пожалованъ, 12-го Января 1826-го года, въ Тайные Совѣтники, съ повелѣніемъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, и съ дозволеніемъ носить военный мундиръ, съ

эполетами. Тогда же С. Петербургское Дворянство выбрало его въ Члены Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій. Четыре трехъ-лѣтія былъ онъ выбираемъ въ сіе званіе, и награжденъ за то, 1-го Января 1836 года, орденомъ Св. Анны 1-й степени. Въ 1829 году была ему пожалована кварта аренды въ 388 рублей серебромъ, а въ 1841-мъ, въ день бракосочетанія Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, вся получаемая имъ аренда 1388 рублей серебромъ въ годъ продолжена еще на шесть лѣтъ. По званію своему Сенатора, Мордвиновъ неоднократно получалъ Высочайшія благоволенія. Мордвиновъ женатъ не былъ; онъ имѣлъ трехъ братьевъ, уже скончавшихся. Старшій, Николай Михайловичъ, былъ Артиллеріи Полковникомъ, и при установленіи ордена Св. Владиміра, получилъ сей крестъ изъ собственныхъ рукъ Императрицы Екатерины; другой братъ, Владиміръ Михайловичъ, служилъ въ разныхъ войнахъ, былъ раненъ подъ Гейльсбергомъ, и въ чинѣ Генералъ-Маіора оставилъ службу послѣ похода 1807 года; третій братъ, Алексѣй Михайловичъ, служилъ по гражданской части, и былъ Коллежскимъ Ассесоромъ.

Генералъ - Маіоръ

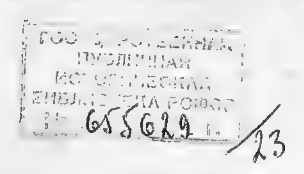
Михаилъ Андреевичъ

АРСЕНЬЕВЪ.

М. А. АРСЕНЬЕВЪ.

Михаилъ Андреевичъ Арсеньевъ, Генералъ-Маіоръ, кавалеръ орденовъ Св. Анны 1-й степени, Св. Владиміра 3-й степени, Св. Георгія 4-го класса, Прусскаго Краснаго Орла 2-й степени и Баварскаго Максимиліана, Командоръ Австрійскаго Леопольда, имѣвшій серебряныя медали въ память 1812 года и взятія Парижа, и Прусскій знакъ Желѣзнаго креста, происходилъ изъ дворянъ Тульской губерніи. Въ 1791-мъ году, по одиннадцати-лѣтнему возрасту, Арсеньевъ былъ записанъ вахмистромъ въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ, состоявшій тогда подъ командою сокрушителя Пугачева, Михельсона. Въ Іюнѣ 1796-го года Арсеньевъ явился на дѣйствительную службу, и былъ переведенъ въ Кавалергардскій Корпусъ, рядовымъ кавалергардомъ. Въ семъ корпусѣ состояло тогда только шестьдесятъ рядовыхъ; они имѣли чины Армейскихъ поручиковъ, подпоручиковъ и прапорщиковъ, и были выбираемы изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи и поручиковъ и прапорщиковъ арміи, дворянскаго происхожденія, высокаго роста и нравственнаго поведенія. Черезъ шесть недѣль по кончинѣ Императрицы Екатерины II, послѣдовавшей въ Ноябрѣ того же 1796-го года, Кавалергардскій Корпусъ былъ распущенъ, и вмѣсто его сформированъ новый корпусъ, въ составѣ одного эскадрона, куда, въ числѣ весьма немногихъ прежнихъ Кавалергардовъ поступилъ и Арсеньевъ, унтеръ-офицеромъ. Вскорѣ число Кавалергардовъ было увеличено до трехъ эскадроновъ; въ Октябрѣ 1797-го года ихъ упразднили, и Арсеньева перевели, по прежнему, унтеръ-офицеромъ, въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ, гдѣ его произвели, въ 1799 году, въ Корнеты, въ 1801-мъ въ Поручики, въ 1802-мъ въ Штабсъ-Ротмистры, въ 1804-мъ въ Ротмистры, а въ 1807 въ Полковники. До самаго Двѣнадцатаго года онъ не участвовалъ въ военныхъ походахъ и не имѣлъ ни одного знака отличія.

Въ Мартѣ 1812-го года, при сосредоточеніи нашихъ войскъ на Западной границѣ, Гвардія выступила изъ С. Петербурга къ Свенцянамъ. и Арсеньевъ, въ званіи командующаго Лейбъ-Гвардіи Коннымъ полкомъ, повелъ его въ походъ. Конногвардейскій полкъ былъ въ одной

бригадѣ съ Кавалергардскимъ, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Шевича. Бригада сія принадлежала къ составу 1-й Кирасирской дивизіи, Депрерадовича, и состояла въ 5-мъ или Гвардейскомъ Корпусѣ, въ 1-й Западной арміи, Барклая де-Толли.

Участвуя въ общемъ отступленіи Первой Арміи отъ Западной границы, Арсеньевъ въ первый разъ находился вблизи непріятельскихъ выстрѣловъ въ сраженіи подъ Витебскомъ, а во второй разъ подъ Смоленскимъ, состоя въ резервѣ, и потомъ продолжалъ отступать съ арміею къ Бородину. При распредѣленіи войскъ на Бородинской позиціи, дивизія Депрерадовича, вмѣстѣ съ 2-го Кирасирскою, Дуки, находилась подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Князя Дмитрія Владиміровича Голицына, въ главномъ резервѣ, за Гвардейскимъ Корпусомъ, противъ средины боевой линіи.

Августа 26-го, въ 6 часовъ утра, Французы первые открыли огонь, и битва закипѣла на всемъ протяженіи, занятомъ передовыми войсками. Уже въ началѣ ея Кутузовъ нашелся въ необходимости послать въ дѣло 2-ю Кирасирскую дивизію и 2-ю бригаду дивизіи Депрерадовича. Только 1-я бригада сей дивизіи, полки Кавалергардскій и Лейбъ-Гвардіи Конный, не трогалась съ мѣста, сберегаемая Кутузовымъ до послѣдней крайности, вмѣстѣ съ полками Преображенскимъ и Семеновскимъ. Когда, послѣ невѣроятныхъ усилій, оказанныхъ Русскою и Французскою арміями подъ Бородинымъ, Наполеонъ собралъ свою конницу, намѣреваясь прорвать нашъ центръ, и когда всѣ Русскіе конные полки были введены въ дѣло, Кутузовъ велѣлъ готовиться къ бою полкамъ Кавалергардскому и Конногвардейскому. Услышавъ приказаніе, отборные латники огласили воздухъ радостными восклицаніями. Барклай де-Толли двинулъ ихъ лично впередъ. Къ нимъ присоединились остатки нашихъ конныхъ полковъ, и вскорѣ начался безчисленный рядъ самыхъ яростныхъ кавалерійскихъ атакъ. Наконецъ, поле битвы осталось за нами. За участіе въ семъ блистательномъ бою Арсеньевъ былъ награжденъ чиномъ Генералъ-Маіора и орденомъ Св. Георгія 4-го класса.

Послѣ Бородинскаго побоища Арсеньевъ находился съ Конною Гвардіею въ сраженіяхъ подъ Тарутинымъ, Малоярославцемъ и Краснымъ, въ составѣ резерва; потомъ участвовалъ въ дальнѣйшемъ преслѣдованіи непріятеля до изгнанія его изъ Россіи; въ первый день Января 1813-го года перешелъ, въ Меречѣ, на лѣвый берегъ Нѣмана, и вмѣстѣ съ другими Кирасирскими полками торжественно вступилъ въ Дрезденъ, гдѣ Конно-гвардейскій полкъ былъ пожалованъ, по представленію Кутузова, новыми Георгіевскими штандартами, съ надписью: «За взятіе при Аустерлицѣ непріятельскаго знамя и за отличіе при «пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ «Россіи 1812-го года.» Первая половина сей надписи находилась на штандартахъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка со времени возвращенія его изъ Аустерлицкаго похода. Незадолго предъ пожалованіемъ новыхъ штандартовъ, 6-го Февраля, Арсеньевъ былъ утвержденъ въ званіи Полковаго командира. Предмѣстникомъ его по командованію Лейбъ-Гвардіи Коннымъ полкомъ былъ Полковникъ Янковичъ.

Состоя съ полкомъ своимъ въ резервѣ, Арсеньевъ былъ подъ Люценомъ и Бауценомъ, а во мя Пойшвицкаго перемирія принялъ командованіе надъ бригадою Шевича, назначеннаго Начальникомъ Легкой Гвардейской Кавалерійской дивизіи. Предводя Кавалергардскимъ и Коннымъ полками, Арсеньевъ находился съ ними, во время сраженія подъ Дрезденомъ, въ резервѣ. Въ достопамятные дни 17-го и 18-го Августа бригада Арсеньева была поставлена въ центрѣ и, то мужественно выдерживая атаки непріятеля, то сама блистательно его атакуя, много способствовали одержанію знаменитой Кульмской побѣды, за которую Арсеньеву былъ пожалованъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени.

Октября 4-го, въ первый день битвы подъ Лейпцигомъ, Кавалергарды и Конногвардейцы стояли въ резервѣ, за гвардейскою пѣхотою. Послѣ покоренія Лейпцига приступомъ, 7-го Октября, бригада Арсеньева, вмѣстѣ съ гвардіею идя по слѣдамъ бѣгущаго непріятеля, перешла черезъ Рейнъ, 1-го Января 1814 года, при Базелѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, и

вступила во Французскіе предѣлы. Тамъ, 20-го Января, во время Бріеннскаго сраженія, она находилась опять въ резервѣ, но особеннымъ отличіемъ покрыла она себя 13-го Марта, подъ Фершампенуазомъ. Лично предводимая Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, она произвела нѣсколько удачныхъ атакъ на Французовъ, и отбила у нихъ 12 орудій, за что Арсеньеву пожалованы были ордена Св. Анны 1-й степени, Австрійскій Леопольда 2-й степени, Прусскій Краснаго Орла 2-й степени и Баварскій Максимиліана. Въ день Парижской битвы Арсеньевъ былъ съ своею бригадою въ резервѣ, а на другой день участвовалъ въ торжественномъ вшествіи союзныхъ войскъ въ бывшую столицу Наполеона.

По заключеніи мира съ Франціею, въ 1814 году, Арсеньевъ повелъ свою бригаду обратно въ Петербургъ, и болѣе не участвовалъ въ походахъ. Спустя четыре года, 16-го Января 1819, онъ былъ назначенъ Начальникомъ 1-й Драгунской дивизіи, на мѣсто Генералъ-Лейтенанта Алексѣева, и сдалъ Конно-Гвардейскій полкъ Генералъ-Маіору Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, нынѣ Графъ, Генералъ отъ Кавалеріи и Шефъ Жандармовъ. Въ томъ же году, 19-го Октября, онъ былъ назначенъ состоять по Кавалеріи, безъ должности, а 30-го Декабря 1833 уволенъ отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья. По прошествіи пяти лѣтъ, 6-го Ноября 1838 года, онъ умеръ въ своемъ Тульскомъ имѣніи, отъ воспаленія въ легкихъ, оставивъ послѣ себя вдову, Екатерину Семеновну.

Боевое поприще Арсеньева, начавшееся въ 1812 году и кончившееся въ 1814-мъ, подъ Парижемъ, не было продолжительно, но имя Арсеньева не умретъ въ нашей военной Исторіи. Онъ предводилъ Лейбъ-Гвардіи Коннымъ полкомъ въ послѣдней трехъ-лѣтней громадной войнѣ Александра противъ Наполеона; съ нимъ знаменитый полкъ сей, отнованный еще Петромъ Великимъ, былъ подъ Бородинымъ, Кульмомъ и Фершампенуазомъ, и съ нимъ заслужилъ нынѣшніе свои Георгіевскіе штандарты.

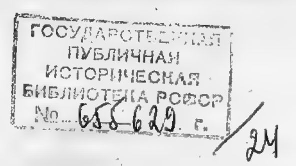
Генералъ-Лейтенантъ

Петръ Федоровичъ

ЖЕЛТУХИНЪ 2й.

П. Ѳ. ЖЕЛТУХИНЪ.

Петръ Ѳедоровичъ Желтухинъ, Генералъ-Лейтенантъ, кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Анны 1-й степени, съ алмазными украшеніями, того же ордена 4-й степени, Св. Владиміра 2-й степени, Св. Георгія 3-го класса, и Прусскихъ Краснаго Орла и За Заслуги, имѣвшій золотую шпагу, съ алмазами и надписью: «За храбрость», и серебряныя медали въ память 1812 года и взятія Парижа, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода. Отецъ его былъ Сенаторомъ. Въ 1780 году, четырехъ лѣтъ отъ рожденія, Петръ Ѳедоровичъ былъ записанъ сержантомъ въ Лейбъ-Гвардіи Измайловскій полкъ. Въ началѣ Царствованія Императора Павла, въ Декабрѣ 1796 года, Желтухинъ явился въ полкъ, и былъ переименованъ въ Портупей-Прапорщики, въ 1797-мъ произведенъ въ Прапорщики, въ 1798 въ Подпоручики, въ 1799 въ Поручики, въ 1801, чрезъ недѣлю по воцареніи Императора Александра, въ Штабсъ-Капитаны, а въ 1803 въ Капитаны. Въ Мартѣ 1805 года, исправное состояніе, въ какомъ представилась на Высочайшій смотръ командуемая Желтухинымъ рота, доставило ему первую Монаршую награду, орденъ Св. Анны 3-го класса (въ послѣдствіи 4-го), на шпагу. Въ томъ же году онъ выступилъ съ Измайловскимъ полкомъ въ походъ противъ Французовъ, и участвовалъ въ Аустерлицкой битвѣ, за которую былъ награжденъ золотою шпагою, съ надписью: «За храбрость». Въ слѣдующемъ году, 5-го Октября, Желтухинъ былъ произведенъ въ Полковники, и въ Февралѣ 1807-го пошелъ вторично противъ Французовъ, когда война съ ними Александра кипѣла въ предѣлахъ Пруссіи. Такъ же, какъ въ 1805-мъ году, Гвардіею предводилъ Царственный питомецъ Суворова, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Гвардія пришла на театръ войны въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда главныя арміи, Русская и Французская, бездѣйствовали. Въ исходѣ Мая вновь загорѣлись битвы. 29-го числа Желтухинъ былъ свидѣтелемъ, но не участникомъ Гейльсбергскаго сраженія, потому что Измайловскаго полка не вводили подъ Гейльсбергомъ въ огонь. Чрезъ четыре дня потомъ, Іюня 2-го полкъ сей былъ

въ самомъ кровопролитномъ бою подъ Фридландомъ, и понесъ сильный уронъ: напримѣръ въ одномъ баталіонѣ его изъ 520 человѣкъ въ четверть часа убито и ранено до 400. Желтухинъ былъ раненъ пулею въ грудь и награжденъ орденами Св. Георгія 4-го класса и Прусскимъ За Заслуги. Въ Сентябрѣ 1808-го года онъ выступилъ съ 2-мъ баталіономъ Измайловскаго полка въ Финляндію, противъ Шведовъ, и въ Мартѣ 1809-го участвовалъ въ достопамятномъ походѣ на Аландскіе острова, совершенномъ Русскими войсками по льду Ботническаго залива. Черезъ четыре мѣсяца потомъ, въ Іюлѣ, Желтухина перевели въ Лейбъ-Гренадерскій полкъ старшимъ Полковникомъ, а въ 1811-мъ году назначили его командующимъ симъ полкомъ. Въ Февралѣ 1812-го года, Желтухинъ выступилъ изъ Петербурга въ Вильну, назначенный командиромъ бригады, состоявшей изъ полковъ: командуемаго имъ, Лейбъ-Гренадерскаго, и Гренадерскаго Графа Аракчеева, начальникомъ коего былъ Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ, нынѣ Генералъ отъ Инфантеріи и Сенаторъ.

Бригада Желтухина поступила въ 3-й Пѣхотный корпусъ, Николая Алексѣевича Тучкова, и была расположена около Вильны, когда Наполеонъ переходилъ черезъ Нѣманъ. Во время общаго отступленія нашихъ войскъ отъ западныхъ границъ Россіи, Желтухинъ слѣдовалъ черезъ Витебскъ къ Смоленску, а оттуда, по оставленіи сего города Русскими войсками, ночью съ 6-го на 7-е Августа, проселками, съ Порѣчской дороги на столбовую Московскую. Впереди колонны Тучкова шелъ, по направленію къ деревнѣ Бредихину, отрядъ роднаго его брата, Генералъ-Маіора Павла Алексѣевича — нынѣ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Членъ Государственнаго Совѣта. По его прозьбѣ, онъ былъ подкрѣпленъ бригадою Желтухина, и она мужественно билась противъ Маршала Нея, въ достопамятномъ дѣлѣ подъ Лубинымъ, заключившимъ собою рядъ кровопролитныхъ битвъ, происходившихъ въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ. Въ послѣдствіи, Императоръ Александръ уподоблялъ Лубинскій бой сраженію при Кульмѣ. Командуемый Желтухинымъ Лейбъ-Гренадерскій полкъ прикрывалъ большую батарею, поставленную на столбовой дорогѣ. Четыре раза бросались Французы на батарею, и каждый разъ были опрокидываемы штыками Лейбъ-Гренадеровъ. «Безъ всякаго пристрастія могу сказать», приводимъ слова П. А. Тучкова, «что Лейбъ-«Гренадерскому полку принадлежитъ честь и сла-«ва защиты батареи, которая своимъ дѣйстві-«емъ наносила Французамъ ужасный вредъ». Доказательствомъ, въ какомъ сильномъ огнѣ была подъ Лубинымъ бригада Желтухина, можетъ служить исчисленіе ея потери: Лейбъ-Гренадерскій полкъ лишился 5-ти офицеровъ и 42-хъ нижнихъ чиновъ убитыми, и 286-ти человѣкъ ранеными и пропавшими безъ вѣсти, а въ полку Графа Аракчеева убиты 4 офицера и 141 нижнихъ чиновъ, и ранены 4 офицера и 357 рядовыхъ.

Вмѣстѣ съ другими полками арміи Барклая де-Толли, Лейбъ-Гренадерскій и Гренадерскій Графа Аракчеева полки прибыли, 24-го Августа, на Бородинскую позицію, и на другой день стали, съ Павловскимъ, Екатеринославскимъ, С. Петербургскимъ и Таврическимъ Гренадерскими полками, на лѣвомъ нашемъ крылѣ, на старой Смоленской дорогѣ, близъ селенія Утицы. Здѣсь бился Желтухинъ въ кровопролитный день 26-го Августа противъ корпуса Князя Понятовскаго, ходилъ въ штыки, и потерялъ до 400 человѣкъ убитыми и ранеными.

Награжденный за Бородино чиномъ Генералъ-Маіора, Желтухинъ привелъ ввѣренную ему бригаду въ Тарутинскій лагерь, и былъ съ нею въ сраженіяхъ: 6-го Октября, при Тарутинѣ, 12-го, при Малоярославцѣ, а 5-го и 6-го Ноября, при Красномъ, гдѣ дѣйствовалъ подъ начальствомъ Князя Дмитрія Владиміровича Голицына. За Красненское сраженіе ему былъ пожалованъ орденъ Св. Георгія 3-го класса. Потомъ оба полка Желтухина преслѣдовали съ главною арміею остатки Наполеоновыхъ полчищъ до границы Россіи, а по переправѣ черезъ Нѣманъ, пошли къ Калишу. Здѣсь участвовали они въ парадѣ, происходившемъ при встрѣчѣ Императоромъ Александромъ друга и союзника Его, Короля Фридриха Вильгельма III. Въ послѣднихъ чи-

слахъ Марта они выступили къ Дрездену, гдѣ, 13-го Апрѣля, удостоились получить Монаршія награды: обоимъ полкамъ были пожалованы Георгіевскія знамена, съ надписью: «За отличіе «при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ пре«дѣловъ Россіи, 1812-го года», а Лейбъ-Гренадерскому, кромѣ того, были присвоены права и преимущества Новой или Молодой Гвардіи, съ наименованіемъ полка Лейбъ-Гвардіи Гренадерскимъ. По сему случаю полкъ сей разстался съ ратнымъ, неразлучнымъ своимъ товарищемъ отъ Вильны до Тарутина и отъ Тарутина до Дрездена, полкомъ Графа Аракчеева, и поступивъ въ Гвардію, составилъ бригаду съ Лейбъ-Гвардіи Литовскимъ полкомъ — нынѣ Лейбъ-Гвардіи Московскій. Желтухинъ былъ назначенъ Командующимъ сею бригадою. Спустя недѣлю, 20-го Апрѣля, произошло Люценское сраженіе. Въ началѣ битвы, бригада сія стояла въ резервѣ, но подъ вечеръ была введена въ огонь. Отъ Люцена союзныя Россійско-Прусскія войска отступили къ Бауцену. Здѣсь, въ первый день сраженія, 8-го Мая, Желтухинъ съ своими полками находился въ резервѣ, а на другой день, Лейбъ-Гвардіи Гренадерскій полкъ подкрѣплялъ Милорадовича, на лѣвомъ крылѣ, и имѣлъ болѣе ста человѣкъ выбывшихъ изъ строя. Желтухинъ находился при семъ полку, и за оказанныя въ тотъ день отличія получилъ орденъ Св. Анны 1-го класса. Послѣдовавшее вскорѣ за Бауценскимъ сраженіемъ Пойшвицкое перемиріе прекратило военныя дѣйствія слишкомъ на два мѣсяца. Въ продолженіе сего времени бригада Желтухина стояла въ окрестностяхъ Рейхенбаха, въ Силезіи. По прекращеніи перемирія, выступила она, 29-го Іюля, въ Зильбербергъ, сборное мѣсто всей Гвардіи, а оттуда въ лагерь подъ Будиномъ. Далѣе оба полка слѣдовали къ Дрездену, и въ сраженіи подъ этимъ городомъ, 14-го и 15-го Августа, стояли въ центрѣ резерва. Августа 16-го, при отступленіи нашемъ отъ Дрездена, бригада Желтухина находилась въ жаркомъ дѣлѣ у Диполдисвальде, а 18-го имѣла дѣятельное участіе въ нападеніи на центръ Французовъ, у Кульма. Послѣ достопамятнаго Кульмскаго сраженія, ознаменованнаго взятіемъ у непріятеля въ плѣнъ 12,000 человѣкъ, въ томъ числѣ предводившаго ими Генерала Вандама, и 84-хъ пушекъ, она слѣдовала съ другими войсками къ Теплицу, а оттуда, въ Сентябрѣ, къ Лейпцигу. Въ первый день битвы подъ симъ городомъ, Октября 4-го, Желтухинъ стоялъ въ резервѣ, а потомъ мужественно сражался, съ Лейбъ-Гренадерскимъ полкомъ, въ селеніи Госсѣ, защищаемомъ противъ Маршала Удино нѣсколькими гвардейскими и гренадерскими полками. Черезъ два дня, Октября 6-го, во время «битвы народовъ», и 7-го, во время приступа къ Лейпцигу, бригада Желтухина находилась въ резервѣ. За сраженіе 4-го Октября Желтухинъ былъ награжденъ золотою шпагою, съ алмазами и надписью «За храбрость.» На другой день послѣ покоренія Лейпцига, онъ выступилъ съ арміею для дальнѣйшаго преслѣдованія непріятеля, черезъ Іену, Веймаръ, Мейнингенъ во Франкфуртъ на Майнъ, и провелъ тамъ ровно мѣсяцъ, съ 29-го Октября по 29-е Ноября. 30-го онъ выступилъ изъ Франкфурта, и 1-го Декабря, въ присутствіи Императора, провелъ свою бригаду церемоніяльнымъ маршемъ, черезъ Дармштадтъ. Изъ сего города безостановочно слѣдовала она правымъ берегомъ Рейна къ Базелю, гдѣ 1-го Января 1814-го переправилась на лѣвый берегъ сей рѣки. Переходъ по Рейнскому мосту совершался въ присутствіи Императора Александра. Милостиво привѣтствовалъ Монархъ каждый батальонъ, и поздравлялъ войско съ новымъ годомъ и съ вступленіемъ въ Францію, страну, гдѣ дотолѣ никогда не развѣвались Русскія знамена.

Слѣдуя черезъ Лангръ и Баръ сюръ-Объ, Желтухинъ привелъ свою бригаду въ Бріеннъ, и во время сраженія подъ симъ городомъ, 20-го Января, былъ въ резервѣ, при Арсонвилѣ и Эльвилѣ. Далѣе бригада сія участвовала въ движеніи къ Мери и Ножану, въ отступленіи къ Труа, въ маршѣ къ Баръ сюръ-Объ, Шомону, Лангру, Арсису и Фершампенуазу. Идучи къ Парижу, на переправѣ черезъ Марну, 16-го Марта, имѣла она съ непріятелемъ небольшое дѣло. Черезъ день послѣ того, 18-го числа, Желтухинъ въ послѣдній разъ встрѣтился съ войсками На-

полеона, подъ стѣнами его столицы. Лейбъ-Гвардіи Гренадерскій полкъ, соединенно съ Павловскимъ, подкрѣплялъ Прусскую и Баденскую Гвардіи, и по овладѣніи мостомъ на Уркскомъ каналѣ, участвовалъ въ занятіи съ боя деревни Пантенъ. За дѣло сіе Желтухину были пожалованы алмазные знаки ордена Св. Анны 1-го класса. На другой день онъ находился при торжественномъ вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ, и по заключеніи мира, сдавъ начальство надъ бригадою Генералу Удому, отправился съ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскимъ полкомъ, чрезъ Мо, Шалонъ, Витри, Наумбургъ, Берлинъ и Любекъ, до Травемюнде, а оттуда, моремъ, до Кронштадта и Петергофа. Здѣсь Гвардейскіе полки были высажены на берегъ, и 5-го Сентября вступили церемоніяльнымъ маршемъ въ Петербургъ. Еще въ бытность Желтухина въ Парижѣ, Король Прусскій пожаловалъ ему, за участіе въ войнѣ 1813 и 1814 годовъ, орденъ Краснаго Орла 2-й степени. Въ день Коронованія Императора Александра, Сентября 15-го, Желтухинъ пригласилъ къ роскошному обѣду офицеровъ Лейбъ-Гренадерскаго полка, и по окончаніи стола прочиталъ имъ Манифестъ о составленіи Комитета 18-го Августа, для вспомоществованія раненымъ. Не сходя съ мѣста, Желтухинъ и офицеры его внесли въ пользу увѣчныхъ 4,000 рублей.

По возвращеніи въ Петербургъ, Желтухинъ продолжалъ начальствовать Лейбъ-Гвардіи Гренадерскимъ полкомъ, въ званіи Командующаго, ибо Командиромъ считался Начальникъ 2-й Гвардейской Пѣхотной дивизіи, Графъ Строгановъ. Іюня 10-го 1817-го года, Строгановъ скончался, и 10-го слѣдующаго мѣсяца Желтухинъ былъ утвержденъ, на его мѣсто, Командиромъ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка, со славою прошедшаго съ нимъ рядъ битвъ отъ Днѣпра до Нары и отъ Нары до Сены. Въ 1819 году, 13-го Апрѣля, по увольненіи Удома въ отпускъ, для излеченія болѣзни, Желтухинъ опять заступилъ его мѣсто, съ званіемъ Командира 1-й бригады 2-й Гвардейской Пѣхотной дивизіи. Въ 1821-мъ году, 10-го Марта, онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени, а 1-го Декабря назначенъ, на мѣсто Генералъ-Маіора Бенкендорфа — въ послѣдствіи Графъ и Генералъ отъ Кавалеріи — Начальникомъ Штаба Гвардейскаго корпуса, командиромъ коего былъ тогда Генералъ отъ Кавалеріи Уваровъ.

Съ 1809-го года до 1821-го Желтухинъ, командуя Лейбъ-Гвардіи Гренадерскимъ полкомъ, много усовершенствовалъ какъ фронтовое образованіе, такъ и внутреннее полковое управленіе хозяйственныхъ его частей, постоянно получая за свой полкъ Высочайшія благоволенія. Нѣсколько разъ поручалось ему формированіе образцовыхъ командъ для войскъ, не состоявшихъ подъ его начальствомъ, и неоднократно посылаемъ онъ былъ осматривать и обучать другіе полки. Въ 1820 году на него возложено было комплектованіе и формированіе Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка. Обращая постоянно вниманіе на здоровье солдатъ, Желтухинъ составилъ проектъ объ улучшеніи солдатской пищи, посредствомъ присоединенія къ отпускаемымъ по Высочайшему повелѣнію порціоннымъ для солдатъ деньгамъ, такъ называемыя нынѣ переносочныя черезъ два года въ третій мундирныхъ денегъ. Онъ также изложилъ въ проектѣ средства и необходимость увеличить въ ротахъ артельныя деньги, доставляющія солдату, по отставкѣ его, возможность на первое время прокормить себя и обзавестись всѣмъ для него нужнымъ. Проектъ Желтухина былъ Высочайше утвержденъ, и служитъ даже въ настоящее время руководствомъ въ Гвардейскомъ Корпусѣ.

Черезъ годъ и четыре мѣсяца послѣ назначенія своего Начальникомъ Гвардейскаго Штаба, 29-го Марта 1823, Желтухинъ получилъ увольненіе отъ сей должности, съ повелѣніемъ состоять въ Свитѣ Его Величества, и съ дозволеніемъ ѣхать въ отпускъ, до излеченія болѣзни. Въ слѣдующемъ году, 24-го Декабря, онъ былъ, по прошенію, вовсе уволенъ отъ службы, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ, но по прошествіи двухъ лѣтъ, 12-го Января 1827 года, опять принятъ, въ Свиту Его Величества. Въ томъ же мѣсяцѣ, 28-го числа, Государь Императоръ Николай Павловичъ произвелъ Желту-

хина въ Генералъ-Лейтенанты, съ назначеніемъ Кіевскимъ Военнымъ Губернаторомъ, а 23-го Января 1829-го облекъ его въ званіе Полномочнаго Предсѣдателя Дивановъ Княжествъ Молдавіи и Валахіи, и въ томъ же году, 1-го Іюля, пожаловалъ ему орденъ Св. Александра Невскаго, «за примѣрное попеченіе объ устройствѣ всѣхъ «частей ввѣреннаго ему управленія и за неу«томимую дѣятельность въ удовлетвореніи дѣй«ствующей арміи разными потребностями, со«провождавшуюся постояннымъ успѣхомъ, не «взирая на затрудненія, представляемыя мѣ«стными обстоятельствами того края.» Не долго находился Желтухинъ Предсѣдателемъ Дивановъ. Въ исходѣ Сентября онъ занемогъ лихорадкою, вскорѣ превратившеюся въ горячку, и скончался въ Букарестѣ, ночью съ 10-го на 11-е Октября 1829 года. Онъ умеръ вдовымъ, переживъ нѣсколькими годами супругу свою, урожденную Княжну Тенищеву, отъ которой имѣлъ дочь Надежду, скончавшуюся во время леченія Желтухина въ Италіи. Мѣсто Желтухина, по званію Кіевскаго Военнаго Губернатора заступилъ нераздѣльный его сподвижникъ въ Отечественной войнѣ, Генералъ-Лейтенантъ Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ.

Петръ Ѳедоровичъ Желтухинъ былъ роста выше средняго, и имѣлъ выраженіе лица суровое. Онъ свято соблюдалъ уставы Вѣры, былъ распорядителенъ, храбръ, самонадѣянъ. Неутомимая дѣятельность и страсть къ порядку составляли отличительныя черты его характера. Строгій блюститель службы, онъ не оставлялъ безъ взысканія упущеній по ней, или отклоненія отъ данныхъ имъ приказаній, требуя безпрекословнаго повиновенія. Мужъ образованный и безкорыстный, онъ охотно помогалъ бѣднымъ, удѣляя имъ пособіе отъ значительнаго своего состоянія. Такъ, при извѣстіи о бѣдствіи Грековъ, во время возстанія Греціи противъ Порты спасшихся въ Россію, Желтухинъ препроводилъ для раздачи имъ 5,000 рублей. Изъ Букареста бренные останки Желтухина были отвезены въ Кіевъ, и похоронены въ Кіевопечерской лаврѣ, гдѣ покоится прахъ Румянцова-Задунайскаго.

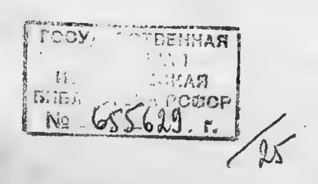
Генералъ-Лейтенантъ

Андрей Семеновичъ

УМАНЕЦЪ.

А. С. УМАНЕЦЪ.

Андрей Семеновичъ Уманецъ, Генералъ-Лейтенантъ, кавалеръ орденовъ Св. Анны 1-й степени, съ алмазами, Св. Владиміра 2-й степени и Прусскаго Краснаго Орла той же степени, имѣвшій золотую, алмазами украшенную шпагу, съ надписью: «За храбрость», и серебряную медаль въ память 1812 года, происходилъ изъ дворянъ нынѣшней Черниговской губерніи и былъ сынъ Глуховскаго Сотника. Двое изъ предковъ его служили Войсковыми Товарищами въ Малороссіи, а одинъ, Филиппъ Уманецъ, Полковникомъ Нѣжинскаго полка. Андрею Семеновичу Уманецу былъ шестой годъ, когда его привезли, въ 1767 году, вмѣстѣ съ роднымъ его братомъ, въ С. Петербургъ, и помѣстили на воспитаніе въ Сухопутный — нынѣ 1-й — Кадетскій Корпусъ, тогда только что переобразованный по проекту знаменитаго Бецкаго. Въ Кадеты сего Корпуса поступали тогда на 6-мъ или 7-мъ году, и по пробытіи въ каждомъ отдѣленіи, или возрастѣ, трехъ лѣтъ, выпускались изъ заведенія по прошествіи 15 лѣтъ. На семъ основаніи, Уманецъ, воспитанникъ перваго пріема по новымъ правиламъ, былъ выпущенъ въ первый выпускъ, въ 1782 году, съ чиномъ армейскаго Поручика, и по распоряженію Военной Коллегіи поступилъ въ Староскольскій Пѣхотный полкъ, существовавшій до 1833 года. По прошествіи пяти лѣтъ, въ самое то время когда послѣдовалъ разрывъ Россіи съ Отоманскою Портою, Уманецъ, по собственному желанію, былъ переведенъ въ Глуховской Карабинерный полкъ — нынѣ Кирасирскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича — состоявшій въ Украинской арміи, Фельдмаршала Графа Румянцова. Съ Глуховскимъ полкомъ Уманецъ находился, въ томъ же 1787 году, въ разныхъ дѣлахъ противъ мятежническихъ Польскихъ партій; въ 1788 дѣйствовалъ противъ нихъ же, и былъ при осадѣ и взятіи Хотина; въ 1789, по производствѣ въ Ротмистры, находясь въ корпусѣ Князя Рѣпнина, участвовалъ въ пораженіи Турецкаго Сераскира Гассана-Паши, на рѣчкѣ Сальчѣ, въ вогнаніи его въ Измаилъ и въ блокированіи сей крѣпости. 1790 годъ онъ провелъ, не бывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ

Молдавіи и Валахіи, а въ 1791 имѣлъ участіе въ успѣшномъ поискѣ Кутузова за Дунай, къ Бабадагу, и въ пораженіи Рѣпнинымъ Верховнаго Визиря, при Мачинѣ. Въ томъ же году послѣдовалъ миръ съ Турціею, и Уманецъ перешелъ въ Польшу. Тамъ, въ продолженіе 1792 года, онъ нѣсколько разъ сражался съ Конфедератами, а въ 1794–мъ былъ опять въ разныхъ дѣлахъ съ Поляками, въ томъ числѣ, подъ начальствомъ Суворова въ Крупчицкомъ сраженіи и на Прагскомъ штурмѣ. Произведенный, за отличіе въ сію войну, въ Секундъ–Маіоры, онъ былъ, въ началѣ Царствованія Императора Павла, переименованъ въ Маіоры, въ 1798 году произведенъ въ Подполковники, а въ 1800 въ Полковники. Въ 1808 году онъ былъ назначенъ Шефомъ Кинбурнскаго Драгунскаго полка, стоявшаго послѣдовательно въ Молдавіи и Валахіи, и переправясь, въ Августѣ 1809 года, въ корпусѣ Милорадовича, за Дунай, находился въ сраженіи при Рассеватѣ, 4-го Сентября, гдѣ командовалъ второю линіею Милорадовича, состоявшею изъ Апшеронскаго и Одесскаго Мушкетерскихъ полковъ, Кинбурнскаго Драгунскаго и 4-хъ орудій Конной Артиллеріи. По совершенномъ пораженіи Турковъ, предводимыхъ Сераскиромъ Хозревъ-Мегметъ-Пашею, полкъ Уманеца находился въ числѣ тѣхъ войскъ, которыя преслѣдовали непріятеля на разстояніи двадцати верстъ. Награжденный за отличіе въ семъ сраженіи Высочайшимъ благоволеніемъ, Уманецъ перешелъ потомъ къ Силистріи, и находился подъ сею крѣпостью во все время осады ея, не имѣвшей успѣха. Зимою онъ возвратился съ своимъ полкомъ на лѣвый берегъ Дуная, но въ Маѣ 1810, по смѣнѣ Князя Багратіона Графомъ Николаемъ Михайловичемъ Каменскимъ, состоя въ корпусѣ Графа Ланжерона, снова перешелъ на правую сторону Дуная и участвовалъ во вторичной осадѣ Силистріи, 31-го Мая открывшей ворота свои Русскимъ войскамъ. Передъ осадою и во все продолженіе ея, Кинбурнскій полкъ имѣлъ удачныя схватки съ Турками, и по представленію Ланжерона, покорителя крѣпости, Уманецъ получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени, съ бантомъ. По условію капитуляціи Силистрійскій гарнизонъ получилъ дозволеніе идти въ Шумлу, въ то время окруженную Графомъ Каменскимъ, и Уманецъ, назначенный конвоировать Турковъ, по вступленіи ихъ въ Шумлу, присоединился къ облегавшимъ ее войскамъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ жаркихъ сраженіяхъ съ непріятельскими вылазками, происходившихъ 11-го, 12-го и 26-го Іюня; въ началѣ Іюля пошелъ подъ Рущукъ; въ день неудачнаго приступа къ сей крѣпости былъ въ колоннѣ Эссена, и оставался потомъ подъ Рущукомъ, до самой его сдачи, 15-го Сентября. Въ первыхъ числахъ Октября онъ пошелъ съ Главнокомандующимъ на Никополь, и по занятіи его безъ боя возвратился за Дунай.

Въ Мартѣ 1811 года мѣсто Каменскаго заступилъ Кутузовъ, въ отрядѣ котораго, ровно за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, Уманецъ ходилъ къ Бабадагу. Въ половинѣ Іюня Кинбурнскій полкъ перешелъ на правый берегъ Дуная, и 22-го находился въ сраженіи подъ Рущукомъ. Онъ стоялъ въ третьей линіи, вмѣстѣ съ С. Петербургскимъ Драгунскимъ, Ольвіопольскимъ и Бѣлорусскимъ Гусарскими, Чугуевскимъ Уланскимъ и четырьмя Казачьими полками. Въ началѣ дѣла Кинбурнцы и Бѣлорусскіе Гусары были опрокинуты, смяты и обращены въ бѣгство страшною лавою Анатольскихъ всадниковъ, когда они прорвались сквозь наше лѣвое крыло и ударили въ тылъ третьей линіи. Начальствовавшіе подъ Кутузовымъ Эссенъ, Воиновъ и Рѣзвой возстановили порядокъ. Турки дорого заплатили за первоначальный свой успѣхъ.

Императоръ Александръ, наградивъ Кутузова за Рущукское сраженіе, утвердилъ всѣ его представленія, но въ тоже время изъявилъ Свое неудовольствіе за пораженіе Кинбурнскихъ Драгуновъ и Бѣлорусскихъ Гусаровъ. Главнокомандующій не оправдывалъ происшедшаго между ними разстройства, но говорилъ, что во всѣ свои походы противъ Турковъ, подъ начальствомъ Румянцова и Потемкина, не видывалъ атаки страшнѣе и отчаяннѣе Рущукской. Неизвѣстны подробно дѣйствія Уманеца въ сей битвѣ, но надобно полагать, что онъ участвовалъ въ ней съ отличіемъ, ибо, не смотря на описанное нами

происшествіе съ его полкомъ, ему была пожалована золотая шпага, съ надписью: «За храбрость».

Черезъ два мѣсяца послѣ сраженія подъ Рущукомъ, Кутузовъ окружилъ армію Верховнаго Визиря на лѣвомъ берегу Дуная, и держалъ его въ строгой осадѣ. Въ сіе время Уманецъ бился нѣсколько разъ съ Турками, за что, по ходатайству Кутузова, въ Декабрѣ 1811 года, получилъ чинъ Генералъ-Маіора.

Въ Маѣ 1812 года Богодарованный Букарестскій миръ положилъ конецъ слишкомъ пятилѣтней борьбѣ Россіи съ Турціею, и Дунайская, бывшая Молдавская, армія, перешедшая подъ начальство Чичагова, получила повелѣніе идти въ отечественные предѣлы, для совокупныхъ дѣйствій съ 3-ю Резервною Обсерваціонною арміею, Тормасова, расположенною на Волыни. Чичаговъ сдѣлалъ въ своей арміи новое распредѣленіе войскъ по корпусамъ: Уманецъ, съ Кинбурнскимъ полкомъ, поступилъ въ корпусъ Воинова, который 2-го Сентября прибылъ на Волынь.

Сентября 10-го, Уманецъ участвовалъ съ своимъ полкомъ въ общемъ переходѣ Дунайской Арміи за Стырь; переправясь черезъ сію рѣку у Хрынниковъ, имѣлъ на другой день сшибку съ отступавшимъ непріятелемъ, у Павловичъ; 17-го перестрѣливался съ Австрійцами подъ Любомлемъ; вскорѣ за тѣмъ поступилъ въ Резервный Корпусъ Арміи Чичагова, ввѣренный Начальнику ея Штаба Сабанееву, и до самой переправы Французовъ черезъ Березину не имѣлъ случая помѣняться съ непріятелемъ ни однимъ выстрѣломъ. Ноября 17-го, прибывъ съ прочими войсками Чичагова къ деревнѣ Брилямъ, Кинбурнскій полкъ поступилъ въ авангардъ Чаплица и имѣлъ дѣятельное участіе въ преслѣдованіи непріятельскаго аррьергарда, забирая у него пушки и плѣнныхъ. Преслѣдованіе продолжалось до Вильны.

Награжденный за походъ 1812 года орденомъ Св. Владиміра 3-й степени, Уманецъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ не участвовалъ въ дѣлахъ противъ непріятеля, будучи занятъ устройствомъ своего полка, который, въ слабомъ составѣ выступивъ изъ Турецкихъ владѣній, потомъ много потерпѣлъ отъ быстрыхъ переходовъ, при преслѣдованіи непріятеля въ суровое зимнее время. Весною 1813-го года Уманецъ оставилъ отечественные предѣлы, и поступивъ въ армію Барклая де-Толли, только что овладѣвшаго Торномъ, бился, Мая 7-го, съ Французами подъ Кенигсвартою, а 8-го и 9-го подъ Бауценомъ. За дѣйствія свои въ сихъ сраженіяхъ онъ получилъ орденъ Св. Анны 2-го класса, съ алмазными украшеніями. 15-го того же мѣсяца онъ былъ въ аррьергардномъ дѣлѣ подъ Лигницемъ. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало перемиріе, въ продолженіе котораго Кинбурнскій полкъ, вмѣстѣ съ Тверскимъ Драгунскимъ составившій бригаду Генералъ-Маіора Бердяева, поступилъ въ Кавалерійскій Корпусъ Барона Корфа, принадлежавшій къ Силезской Арміи, Блюхера. Полкъ Уманеца, въ которомъ наличное число людей состояло только изъ 237 человѣкъ, во второй половинѣ перемирія поступилъ въ авангардъ Графа Ланжерона, ввѣренный Рудзевичу, который, въ началѣ Августа, при возобновленіи военныхъ дѣйствій, послалъ его въ Шенвальде, для связи между авангардомъ Рудзевича и авангардомъ Корпуса Графа Палена 3-го. Августа 7-го, когда Рудзевичъ выступилъ къ Цоптену, а для наблюденія за непріятелемъ, былъ посланъ Кавалерійскій отрядъ Генералъ-Маіора Юзефовича, Уманецъ, для связи между симъ орядомъ и войсками Рудзевича, перешелъ въ селеніе Диппельсдорфъ, но черезъ день, въ слѣдствіе общаго отступнаго движенія Силезской арміи, отошелъ къ Пробстгайну, а потомъ къ Германсвальде. Августа 13-го Блюхеръ вышелъ изъ оборонительнаго своего положенія и на другой день разбилъ Французовъ при Кацбахѣ. Уманецъ участвовалъ какъ въ семъ сраженіи, такъ и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ уничтоженіи дивизіи Французскаго Генерала Пюто, Августа 17-го, за что былъ награжденъ золотою шпагою, алмазами украшенною, съ надписью: «За храбрость.»

Послѣ пораженія Пюто Уманецъ сталъ въ Цоптенѣ, потомъ при Бернштедтелѣ, въ первой половинѣ Сентября поступилъ въ авангардъ Руд-

зевича, а потомъ опять въ составъ Резервной Кавалеріи Барона Корфа, съ которымъ и прибылъ, 4-го Октября, подъ Лейпцигъ. Въ сей день и въ три послѣдующіе дня полки Корфа прикрывали лѣвое крыло корпуса Графа Ланжерона. Послѣ Лейпцигскаго сраженія, Уманецъ, вмѣстѣ съ прочими войсками Корфа, шелъ по свѣжимъ слѣдамъ непріятелей, и поступивъ въ отрядъ Генералъ-Маіора Графа Палена, въ половинѣ Декабря прибылъ подъ Кассель, на усиленіе войскъ, блокировавшихъ сію крѣпость. Тогда въ полку Уманеца состояло всего 192 человѣка, то есть, менѣе, нежели находится людей въ комплектномъ эскадронѣ!

Въ исходѣ Декабря 1813-го года, Русскія войска, блокировавшія Кассель, были смѣнены Германскими, послѣ чего Уманецъ, оставаясь въ отрядѣ Графа Палена, перешелъ съ Кинбурнскимъ полкомъ на лѣвый берегъ Рейна, гдѣ присоединился опять къ арміи Блюхера, и участвовалъ въ сраженіи при Бріеннъ-Лешато, 17-го Января 1814 года. Черезъ два дня, 20-го Января, онъ сражался съ Французами подъ Бріенномъ, успѣшно водилъ малочисленный свой полкъ въ атаку противъ непріятельской конницы, и за отличныя свои дѣйствія получилъ орденъ Св. Анны 1-го класса. Января 30-го и 31-го, онъ былъ въ дѣлахъ при Монмиралѣ и Шатотьери, а 23-го Февраля подъ Краономъ, гдѣ Графъ Воронцовъ — нынѣ Князь и Намѣстникъ Кавказскій — далъ блистательный отпоръ Наполеону. Марта 13-го, подъ Фершампенуазомъ, въ то самое время, когда войска наши, оживляемыя личнымъ присутствіемъ Императора Александра, сдѣлали на непріятеля послѣднее, единодушное нападеніе, Кинбурнскій полкъ, вмѣстѣ съ Смоленскимъ Драгунскимъ и двумя эскадронами Лубенскаго Гусарскаго, мужественно поддержалъ бросившихся въ атаку: Собственный Конвой Государя и полки Лейбъ-Гвардіи Уланскій и Сѣверскій Драгунскій. Симъ нападеніемъ непріятельскія войска были уничтожены. За отличіе подъ Фершампенуазомъ Императоръ Александръ наградилъ Уманеца орденомъ Св. Анны 1-го класса съ алмазными украшеніями; тогда же Король Прусскій пожаловалъ ему ему за весь походъ 1814 года орденъ Краснаго Орла 2-й степени.

Сентября 1-го 1814-го года послѣдовалъ Высочайшій приказъ о неимѣніи въ армейскяхъ полкахъ шефовъ, и Уманецъ, сдавъ Кинбурнскій полкъ старшему по себѣ Штабъ-Офицеру, получилъ повелѣніе состоять при Начальникѣ 3-й Драгунской дивизіи. Въ 1817 году 16-го Марта онъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Полеваго Аудиторіата 1-й Арміи; въ семъ званіи, 12-го Декабря 1824 года, произведенъ въ Генералъ-Лейтенанты, а 13-го Марта, въ годовщину Фершампенуазскаго сраженія, уволенъ, по прошенію, отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья. Поселясь въ Старомъ Быховѣ, тогдашнемъ мѣстѣ расположенія Полеваго Аудиторіата 1-й Арміи, Уманецъ недолго жилъ въ отставкѣ, и въ томъ же году, осенью, скончался.

Храбрый въ бояхъ, честный и прямодушный въ своихъ дѣйствіяхъ, сострадательный къ нуждамъ ближнихъ и любимый подчиненными, Андрей Семеновичъ Уманецъ провелъ всю жизнь свою на боевомъ поприщѣ. Онъ не былъ женатъ, и постоянно благотворилъ своимъ родственникамъ, удѣляя имъ часть своего небольшаго имущества. Онъ умеръ, не оставивъ по себѣ ничего, кромѣ добраго имени, и похороненъ въ Старомъ Быховѣ. Мѣсто его послѣдняго успокоенія означено простымъ деревяннымъ крестомъ, поставленнымъ неизвѣстною намъ, признательною къ его памяти, рукою.

